

1895

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Маминъ Сибирякъ — автор.

Нов. В. 4 а.

ХЛѢБЪ.

РОМАНЪ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнѣревъ и Н^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1896.

мв. 30

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— А ты откедова взялся-то, дѣдко?

— А Божій я...

— Божій, обшить кожей?... Знаемъ мы вашего брата, такихъ-то Божьихъ... Говори ужь пряменько: бродяга?

— Случалось... Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся, миленькій. Изъ-подъ Нерчинска убѣгъ, съ рудниковъ.

— Такъ - то вотъ ладнѣе будетъ... Каторжный, значить?

— Какъ есть каторжный: ни днемъ, ни ночью покоя не знаю.

— Ну, мы тебя упокоимъ... Къ начальству представимъ, а тамъ на выsidку опредѣлять, пока што.

Толпа мужиковъ обступила старика и съ удивленіемъ его разсматривала. Да и было чему подивиться. Сгорбленный, худенькій, онъ постоянно улыбался, моргалъ глазами и отвѣчалъ за-разъ на всѣ вопросы. И одѣтъ былъ тоже какъ-то несообразно: длинная изъ синей пестрядины рубаха спускалась ниже колѣнъ, а подъ ней какъ есть ничего. На ногахъ были надѣты шерстяные бабьи чулки и сибирскіе коты. Поверхъ рубахи понитокъ,

а на головѣ валеная крестьянская бѣлая шляпа. За плечами у старика болталась небольшая котомка. Въ одной рукѣ онъ держалъ берестяной бурачокъ, а въ другой длинную черемуховую палку. Однимъ словомъ, необычный человѣкъ.

— Бурачокъ-то у тебя зачѣмъ, дѣдко?

— Бурачокъ?... А это хитрая штука. Секретъ... Онъ, бурачокъ-то, меня изъ неволи выкупилъ.

— Онъ и то съ бурачкомъ-то ворожилъ въ курьѣ, — вступился молодой парень съ рябымъ лицомъ. — Мы, значить, косили, а съ угору и видно, какъ по осокамъ онъ ходитъ... Этакъ изъ-подъ руки приглядитъ на рѣку, а потомъ присядетъ и въ бурачокъ себѣ опять глядитъ. Ну, мы его и взяли, потому... не простъ человѣкъ. А въ бурачкѣ у него вода...

— Ты чего, дѣдко, на нашу-то рѣку обзарился?

— А больно хороша рѣка, вотъ и глядѣлъ... ахъ, хороша!... Другой такой, пожалуй, и не найти... Сердце радуется.

Старикъ оглянулъ мужиковъ своими мергавшими глазами, улыбнулся и прибавилъ:

— Я старичокъ, у меня бурачокъ, а кто меня слушаетъ—дурачокъ... Хи, хи!... Ну-ка, отгадайте загадку: самъ голъ, а рубашка за пазухой. Всею деревней не угадать... Ахъ, дурачки, дурачки!... Поймали птицу, а какъ зовутъ—и не знаете. Оно и выходитъ, что птица не къ рукамъ...

— Да што съ нимъ разговоры - то разговаривать! — загадѣло нѣсколько голосовъ разомъ. — Садь его въ

темную, а тамъ Флегонтъ Василичъ все разбереть... Не совсѣмъ умемъ-то старичонко...

— Больно занятный! — вмѣшались другіе голоса. — На словахъ-то, какъ гусь на водѣ... А блаженненькимъ онъ прикидывается, старый хрѣнь!

Описываемая сцена происходила на улицѣ, у крыльца суслонскаго волостнаго правленія. Лѣтній вечеръ былъ на исходѣ, и возвращавшійся съ покосовъ народъ не оставливался около волости: наработавшіеся за день рады были мѣсту. Старика окружили только тѣ мужики, которые привели его съ покоса, да нѣсколько другихъ, страдавшихъ неизлѣчимымъ любопытствомъ. Село было громадное, дворовъ въ нятьсотъ, какъ всѣ сибирскія села, но въ страду оно безлюдѣло.

— Отпустить его, чего взять со старика? — замѣтилъ кто-то въ толпѣ. — Много ли онъ и наживетъ? Еле душа держится...

— Не пущайте, дурачки! — засмѣялся старикъ. — Обѣими руками держитесь за меня... А отпустите — больше и не увидите.

— Нѣтъ, надо Флегонта Василича обождать, робя!... Ужъ какъ онъ вырѣшитъ это самое дѣло, а пока мы его Вахрушкѣ сдадимъ.

Волостной сторожъ Вахрушка сидѣлъ все время на крылечкѣ, слушалъ галдѣнье мужиковъ и равнодушно посасывалъ коротенькую солдатскую трубочку-носогрѣйку. Когда состоялось рѣшеніе посадить неизвѣстнаго человека въ темную, онъ молча поднялся, молча взялъ старика за воротъ и молча повелъ его на крыльцо. Это былъ,

вообще, мрачный человѣкъ, дѣлавшій дѣло съ обиженнымъ видомъ. Въ моментъ, когда расщелявшаяся дверь волостнаго правленія готова была проглотить свою жертву, послышался грохотъ колесъ, и къ волости подкатили длинныя дроги. Мужики сняли свои шапки. На дрогахъ, на подстилкѣ изъ свѣжаго сѣна, сидѣли все важныя лица: впереди всѣхъ самъ волостной писарь Флегонтъ Васильевичъ Замараевъ, плечистый и рябой мужчина въ плисовыхъ шароварахъ, шелковой канаусовой рубахѣ и мягкой сѣрой поярковой шляпѣ; рядомъ съ нимъ, какъ сморчокъ, прижался суслонскій попъ Макаръ, худенькій, загорѣлый и длинноносый, а позади всѣхъ мельникъ Ермилычъ, рослый и пухлый мужикъ съ бѣлобрысымъ лѣнивымъ лицомъ. Писарь только взглянулъ на стоявшаго на крыльцѣ старика съ котомкой и сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Бродягу поймали?—коротко спросилъ онъ.

— Былъ такой грѣхъ, Флегонтъ Василичъ... Въ томъ родѣ, какъ утенокъ попался: робята съ покоса привели. Главная причина—не простъ человѣкъ. Мало ли бродяжекъ въ лѣто - то пройдетъ по Ключевой; всѣ они на одинъ покрой, а этотъ какой-то мудреный и насъ всѣхъ дурачками зоветъ...

— Ну-ка, ты, умникъ, подойди сюда! — приказалъ писарь.

Старикъ подошелъ къ дрогамъ и пристально посмотрѣлъ на сидѣвшую знать своими моргавшими глазами.

— Умникъ, а порядка не знаешь! — крикнулъ писарь,

сшибая кнутовищемъ съ головы старика шляпу. — Съ кѣмъ ты разговариваешь-то, варнакъ?

— Пока ни съ кѣмъ...—дерзко отвѣтилъ старикъ. — Да моей пестрядинѣ съ твоимъ плисомъ и разговаривать-то не рука.

— Што за человѣкъ? Какъ звать?—грянулъ писарь.

— Прежде Михѣемъ звали...

— А фамилія какъ?

— Человѣкъ Божій...

— Непомнящій родства?

— Гдѣ же упомнить, миленькій? Давненько, вѣдь, я родился...

— Да што съ нимъ разговаривать-то! — лѣнливо замѣтилъ мельникъ Ермилычъ, позѣвывая. — Вели его въ темную, Флегонтъ Василичъ, а завтра разберешь... Вотъ мы съ отцомъ Макаромъ о чаѣ соскучились. Мало ли бродяжекъ шляющихся по нашимъ мѣстамъ...

— А какой ты вѣры будешь, старичокъ? — спросилъ о. Макаръ.

— Вѣры я христіанской, батюшка.

— Православной?

— Около того.

— И видно, што православный. Не то тавро...

— Ужъ какое есть.

— Изъ вашихъ, — смиренно замѣтилъ о. Макаръ, обращаясь къ мельнику Ермилычу. — Имѣетъ большую дерзость въ отвѣтахъ, а, между прочимъ, человѣкъ неизвѣстный.

— Да ну его къ ляду! — лѣнливо протянулъ мель-

никъ. — Охота вамъ съ нимъ разговаривать... Чаю до смерти охота...

Писарь сдѣлалъ Вахрушкѣ выразительный знакъ, и неизвѣстный человѣкъ исчезъ въ дверяхъ волости. Мужики все время стояли безъ шапокъ, даже когда дроги исчезли, поднявъ облако пыли. Они постояли еще нѣсколько времени, погалдѣли и разбрелись по домамъ, благо ужъ солнце закатилось и съ рѣки потянуло сыростью. Кое-гдѣ въ избахъ мелькали огоньки. Съ ревомъ и блеяньемъ прошло стадо, возвращавшееся съ поля. Трудовой крестьянскій день кончался.

Темная находилась рядомъ со сторожкой, въ которой жилъ Вахрушка. Это была низкая и душная каморка съ соломой на полу. Когда Вахрушка толкнулъ въ нее неизвѣстнаго бродягу, тотъ долго не могъ оглядѣться. Крошечное оконце, обрѣшенное желѣзомъ, почти не давало свѣта. Старикъ сгрудилъ солому въ уголокъ, снялъ свою котомку и расположился, какъ у себя дома.

— Вотъ Богъ и квартиру послалъ... — бормоталъ онъ, побряхтывая. — Что же, квартира отмѣнная.

Вахрушка въ это время заперъ входную дверь, закурилъ свою трубочку и улегся съ ней на лавкѣ у печки. Онъ рассчитывалъ, по обыкновенію, сейчасъ же заснуть.

— Эй, служба, спишь? — послышался голосъ изъ темной.

— Сплю, а тебѣ какая печаль?

— Ты въ солдатахъ служилъ?

— Случалось... А ты у меня поговори!...

Молчаніе. Вахрушка вздыхаетъ. И куда эти бродяги

только идутъ? Въ годъ - то ихъ близко сотни въ темной пересидить. Только настоящіе бродяги приходятъ объявляться позднюю осенью, когда ударятъ заморозки, а этотъ какой - то оглашенный. Лежитъ Вахрушка и думаетъ, а старикъ въ темной затанулъ:

— Се женихъ грядетъ во полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща...

— Эй, будетъ тебѣ, выворотень! — крикнулъ Вахрушка. — Нашелъ время горло драть...

— Да я духовное, служба... А ты послушай: «И блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща», а ты дрыхнешь. Это тебѣ разъ... А второе: «Недостойнъ, его же обрящетъ унывающая»... Понимаешь?

— Вотъ навязался-то! — ворчалъ Вахрушка.

Опять молчаніе. Слышно, какъ по улицѣ грузно прокатилась телѣга. Гдѣ-то далеко, точно подъ землей, лають неугомонныя деревенскія собаки.

— Ты не здѣшній? — спрашиваетъ старикъ, укладываясь на соломѣ.

— А ты какъ знаешь?

— Да видно по обличью-то... Здѣсь все пшеничники живутъ, богатѣи, а у тебя скула не по-богатому: можетъ, и хлѣбъ съ хрустомъ ѣлъ, да съ мякинкой.

— Я чердынскій... Это вѣрно. Убогія у насъ мѣста, земля холодная, неродимая. И дошлый же ты, старичонко, какъ я погляжу на тебя!

— Дошлый, да про себя... А пощъ у васъ богатый?

— Богатимый пощъ... Коней однихъ у него съ тридцать будетъ, больше сотни десятинъ запахиваетъ. Опять

хлѣба у попа не въ проворотъ: по три года хлѣбъ въ кладяхъ лежить.

— А писарь?

— И писарь богатимый... Не разберешь, кто кого богаче. Не житье имъ здѣсь, а масляница... Мужики богатые, а земля—шуба шубой. Этого и званья нѣтъ, штобы навозъ вывозить на пашню: земля матушка сама родить. Вотъ какія мѣста здѣсь... Крестьяны государственные, надѣлы у нихъ большіе,—однимъ словомъ, пшеничники. Рожь сѣютъ только на продажу... Да тебѣ-то какая печаль? Вотъ привязался человѣкъ!

— А мельникъ у васъ плутъ: на руку нечистъ.

— Да ты почему знаешь, што онъ мельникъ?

— А по сапогамъ вижу: бусъ *) на сапогахъ, значитъ, мельникъ.

Вахрушка даже сѣлъ на своемъ коникѣ, пораженный наблюдательностью неизвѣстнаго бродяги. Вотъ такъ старичонко задался: на два аршина подъ землей все видитъ. Вахрушка, въ концѣ-концовъ, разсердился.

— Да ты што допытываешь - то меня, окаянная твоя душа? Вотъ завтра тебѣ Флегонтъ Василичъ покажетъ... Онъ тебя произведетъ. Вишь, какой дошлый выискался!

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, служба. Я тебѣ загадку загадаю: сидитъ баба на грядкѣ, вся въ заплаткахъ, кто на нее взглянетъ, тотъ и заплачетъ. Ну-ка, угадай?

— Капуста.

*) Бусъ—хлѣбная пыль, которая летитъ при размолкѣ зерна.

— Ахъ, дурачокъ, дурачокъ, и этого не знаешь! Лукъ, дурашка... Ну, а теперь спи: утро вечера мудренѣе.

— Да ты што ругаешься-то въ самомъ дѣлѣ? — зарычалъ Вахрушка, вскакивая.

— Полюбилъ я тебя, какъ середѣ пятницу... Какъ увидалъ, такъ и полюбилъ. Сроду не видались, а увидѣлись, и сказать нечего. Понялъ?... Хи, хи!... А картошку любишь? Опять не понялъ, служба.... Хи, хи!... Спи, дурачокъ.

II.

Утромъ писарь Замараевъ еще спалъ, когда пришелъ къ нему волостной сторожъ Вахрушка.

— Гости у насъ вѣчоръ засидѣлись, — объясняла ему стряпка. — Ну, выпили малость съ о. Макаромъ да съ мельникомъ. У нихъ, вѣдь, компанія до бѣлаго свѣту. Люты пить... Пельмени заказали рыбныя, — ну, и компанились. Мельникъ Ермилычъ съ радостей и ночевать у насъ остался.

Вахрушка былъ настроенъ необыкновенно мрачно. Онъ присѣлъ на порогъ и молча наблюдалъ, какъ стряпка возилась у топившейся печи. Время отъ времени онъ тяжело вздыхалъ, какъ загнанный коренникъ.

— Сказываютъ, вѣчоръ наши суслонскіе ребята бродяжку въ курьѣ поймали? — тараторила стряпуха, громыхая ухватами.

— А тебѣ какая забота? — озлился Вахрушка.

Молва говорила, что у Вахрушки съ писарскою стряп-

кой Матреной дѣло не чисто. Главнымъ доказательствомъ служили тѣ пироги, которые изъ писарской кухни попадали невѣдомыми никому путями въ волостную сторожку. Впрочемъ, Матрена была вдова, хотя и въ годкахъ, а про вдову только лѣнивый не наплететъ всякой всячины. Писарскій пятистѣнный домъ, окруженный крѣпкими хозяйственными постройками, былъ тѣмъ, что называется полною чашей. Не даромъ Флегонтъ Васильевичъ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ выслужилъ писаремъ въ Суслонѣ. На всю округу славился суслонскій писарь и вторую жену себѣ взялъ городскую, изъ Заполя, а запольскія невѣсты по всему Уралу славятся—богачки и модницы. Къ своему богатству Замараевъ прибавилъ еще женино приданое и жилъ теперь въ Суслонѣ князь-княземъ.

— Ахъ, песъ! — обругался неожиданно Вахрушка, вскакивая съ порога.— Вотъ онъ къ чему про картошку-то меня спрашивалъ, старый чортъ... Ну, и задался чело-вѣчекъ, нечего сказать!

Когда писарь, наконецъ, проснулся, Вахрушка вошелъ въ горницу и, остановившись на порогѣ, заявилъ:

— Какъ хошь, Флегонтъ Василичъ, а я боюсь.

— Кого испугался-то?—удивился не прочухавшійся хорошенько послѣ вчерашнихъ пельменей писарь.

— А этого самого бродяги. Въ тоску меня вогналъ своими словами. Я всю ночь, почитай, не спалъ. И все загадки загадываетъ. «А картошку, гришь, любишь?» Ужъ я думалъ, думалъ, къ чему это онъ молвилъ, едва догадался. Онъ это про бунтъ словечко закинулъ.

— Про картофельный бунтъ?— вскипѣлъ вдругъ писарь.— Ахъ, мошенникъ! Да я его въ три дуги согну!... Я...

— Колдунъ какой-то, я такъ полагаю.

— Ну, это пустяки! Я ему покажу... Ступай теперь въ волость, а я приду, только вотъ чаю напьюсь.

— А ежели онъ што надо мной сдѣлаеть, Флегонтъ Василичъ? Боюсь я его.

— Ступай, дуракъ!

Вахрушка почесалъ въ затылкѣ и почтительно выпятился въ двери. Черезъ минуту мимо оконъ мелькнула его вытянутая солдатская фигура.

Село Суслонъ, одно изъ богатѣйшихъ зауральскихъ селъ, красиво разлеглось на высокомъ правомъ берегу рѣки Ключевой. Ряды избъ, по сибирскому обычаю, выходили къ рѣкѣ не лицомъ, а огородами, что имѣло хозяйственное значеніе: скотину поить ближе, а бабамъ за водой ходить. На самомъ берегу красовалась одна бѣлая каменная церковь, лучшая во всей округѣ. Отъ церкви открывался видъ и на все село, и на красавицу рѣку, и на неоглядныя поля, занявшія весь горизонтъ, и на сосѣднія деревни, лѣпившіяся по обоимъ берегамъ Ключевой почти сплошь: Ронъжа, Заево, Бакланиха. Вдали, внизъ по теченію Ключевой, грязнымъ пятномъ засѣла на Жулановскомъ плесѣ мельница-раструска Ермилыча, а за ней свѣчой бѣлѣла колокольня села Чуракова. Вверхъ по теченію Ключевой владѣнія суслонскихъ мужиковъ отъ смежныхъ деревень отдѣляла Шеинская курья, въ которой поймали вчера мудренаго бродягу. Повыше этой

курьи рѣка была точно сжата крутыми берегами, — это былъ Прорывъ. Лѣтомъ можно было залюбоваться окрестностями Суслона.

Въ сороковыхъ годахъ Суслонъ сдѣлался центромъ страннаго «картофельнаго бунта». Дѣло вышло изъ-за министерскаго указа объ обязательномъ посѣвѣ картофеля. Запольскій уѣздъ населенъ исключительно государственными крестьянами, объяснившими обязательный посѣвъ картофеля, какъ мѣру обращенія въ крѣпостную зависимость. Темная крестьянская масса всколыхнулась почти на разстояніи всего уѣзда, и волненіе особенно сильно отразилось въ Суслонѣ, гдѣ толпа мужиковъ поймала молодаго еще тогда писаря Замараева и на веревкѣ повела топить къ Ключевой, какъ главнаго виновника всей бѣды, потому что писаря и попы скрыли настоящій царскій указъ. Въ этотъ критическій моментъ, когда смерть была на носу, писарь пустился на отчаянную штуку.

— Ведите меня въ волость, я все покажу! — смѣло заявилъ онъ.

Когда тысячная толпа привела писаря въ волость, онъ юркнулъ за свой столъ, обложился книгами и еще смѣлѣе заявилъ:

— Ну-ка, возьмите меня теперь *черезъ законъ*. Вотъ онъ, законъ-то, весь тутъ.

Мужики совершенно растерялись, что имъ дѣлать съ увертливымъ писаремъ. Погалдѣли, поругались и начали осаживать къ двери.

— Робыта, пойдемъ домой! — слышался первый го-

лось, и вся толпа отхлынула отъ волости, какъ морская волна.

Находчивость неизвѣстнаго писарька составила ему карьеру и своего рода имя. Такъ онъ и остался въ Суслонѣ. Вотъ именно этотъ непріятный эпизодъ и напомнилъ ему Вахрушка своею картошкой.

Напившись на скорую руку чаю и опохмѣлившись съ гостемъ рюмкой настойки на березовой почкѣ, онъ отправился въ волость. Ермилычъ пошелъ за нимъ.

— Надо его проучить, — совѣтывалъ мельникъ, когда они подходили къ волости.

У волости уже ждали писаря нѣсколько мужиковъ и стояла запряженная крестьянская телѣга. Волостныхъ дѣлъ въ Суслонѣ было по горло. Писарь принималъ всегда важный видъ, когда подходилъ къ волости, точно полководецъ на полѣ сраженія. Мужиковъ онъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, и даже Ермилычъ проникался къ нему невольнымъ страхомъ, когда завертывалъ въ волость по какому-нибудь дѣлу. Когда писарь входилъ въ волость, изъ темной донеслось старческое пѣніе:

Тяжело душенькѣ съ тѣломъ разставатися,

Тяжелѣй душенькѣ во грѣхахъ оставатися.

— Вонъ онъ, идолъ, какую обѣдню развелъ, — жаловался Вахрушка.

Писарь Замараевъ занялъ съ приличною важностью свое мѣсто за волостнымъ столомъ, а мельникъ Ермилычъ помѣстился въ качествѣ публики на обсиженной скамеечкѣ у печки. Ермилычъ, какъ бывшій крестьянинъ,

сохранялъ ко всякой власти подобострастное уваженіе и участенно вздыхалъ, любуясь властными приёмами дружка-писаря.

— Ну-ка, приведи сюда эту ворону! — лѣниво сказалъ Замараевъ, для пущей важности перелистывая книгу входящихъ бумагъ.

Вахрушка молодцовато подтянулся и сдѣлалъ налѣво кругомъ. Таинственный бродяга появился во всемъ своемъ великолѣпнѣи, въ длинной рубахѣ, съ котомочкой за плечами, съ бурачкомъ въ одной рукѣ и палкой въ другой. Писарь сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, продолжая перелистывать журналъ, а потомъ быстро поднялъ глаза и довольно сурово спросилъ:

— Бродяга? Непомнящій родства? Такъ... А прозвище?

— Колобокъ, — смѣло отвѣтилъ старикъ, съ улыбочкой поглядывая на мельника. — Божій человекъ, значить.

— Слыхали, — протянулъ писарь. — Много васъ, такихъ-то Божьихъ людей, каждое лѣто по Ключевой идетъ. Достаточно извѣстны. Ну, а дальше што можешь объяснить? Паспортъ есть?

— По сусѣкамъ метѣнь, по закромамъ скребѣнь, — вотъ тебѣ и весь паспортъ.

Писарь ударилъ кулакомъ по столу и закричалъ:

— Ты петли-то не вымѣтывай, ворона желторотая! Говори толкомъ, когда спрашиваютъ!

— Не кричи ты на меня, пужливъ я... Охъ, напужалъ!

Бродяга скорчилъ такую рожу, что Ермилычъ невольно фыркнулъ и сейчасъ же испугался, закрывъ пасть ладонью. Писарь сурово скосилъ на него глаза и какъ-то

вдругъ зарычалъ, такъ что отдѣльныхъ словъ нельзя было разобрать. Это былъ настоящій потокъ привычной стереотипной ругани.

— Да я тебя заморю! сгною! изотру въ порошокъ!...
Да я... я... я...

Ермилычъ даже закрылъ глаза, когда задыхавшійся подъ напоромъ бѣшенства писарь ударилъ кулакомъ по столу. Бродяга тоже съежился и только мигалъ своими красными вѣками. Писарь выскочилъ изъ-за стола, подбѣжалъ къ нему, погрозилъ кулакомъ, но не ударилъ, а израсходовалъ вспыхнувшую энергію на окно, которое распахнулъ съ трескомъ, такъ что жалобно зазвенѣли стекла. Сохранялъ невозмутимое спокойствіе одинъ Вахрушка, привыкшій къ настоящему обращенію всякаго начальства.

— Ну, что ты молчишь, а?—ревѣлъ писарь, усаживаясь на мѣсто и приготовляя бумагу, чтобы записать дерзкаго бродягу.— Откуда ползешь?

— Всѣ мы изъ однихъ мѣстовъ. Я отъ бабки ушелъ, я отъ дѣдки ушелъ и отъ тебя, писарь, уйду,—спокойно отвѣтилъ бродяга, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ахъ, ты... да я... я...

Писарь только хотѣлъ выскочить изъ-за стола, но бродяга его предупредилъ и однимъ прыжкомъ точно нырнулъ въ раскрытое окно, только мелькнули голыя ноги.

— Держи его, подлеца! Лови! — оралъ Замараевъ, подбѣгая къ окну.

Сидѣвшіе на крыльцѣ мужики видѣли, какъ изъ окна волости шлепнулся бродяга на землю, быстро поднялся

на ноги и, размахивая своею палкой, быстро побѣжалъ по самой срединѣ улицѣ дробною мелкою рысцой, точно заяцъ.

— Держи его! Лови! — кричалъ Замараевъ, выставляясь изъ окна. — Эй, вы, челдоны, чего вы смотрите?

Какой - то бѣлобрысый парень «палъ» на телѣгу и быстро погнался за бродягой, который уже былъ далеко. На ходу бродяга оглядывался и, замѣтивъ погоню, прибавилъ ходу.

— Ловко щекотить, — замѣтилъ какой-то голосъ изъ толпы. Ай, да бродяга, настоящій скороходъ!

Бродяга, дѣйствительно, оказалъ удивительную легкость на ногу и своимъ дробнымъ шагомъ летѣлъ впереди догонявшей его телѣги. Крестьянская лошаденка, лохматая и пузатая, съ трудомъ поспѣвала за нимъ, дѣлая отчаянныя усилія догнать. Бѣлобрысый парень неистово лупилъ ее возжами и что-то такое оралъ. Кое-гдѣ изъ оконъ деревенскихъ избъ показывались бабьи головы въ платкахъ, игравшіе на улицѣ ребятишки сторонились, а старичокъ все бѣжалъ, размахивая своею палочкой. Такъ онъ добѣжалъ до послѣднихъ худенькихъ избенокъ и замѣтно сбавилъ шагъ. Телѣга стала его догонять. Попались какіе-то мужики, которые пробовали заградить дорогу бѣглецу, но старичокъ прошелъ мимо нихъ невредимо и еще обругалъ.

— Эхъ, дурачки, куда вамъ ловить Колобка!

За селеніемъ онъ опять прибавилъ шагъ. У поскотины *), гдѣ стояли ворота, показались встрѣчные мужики,

*) Поскотина — изгородь, которой отдѣляется выгонъ.

ѣхавшіе въ Суслонъ. Бѣлобрысый парень неистово закричалъ имъ:

— Держи варнака! Держи!

Бродяга на мгновеніе остановился, смѣрилъ глазами разстояніе и тихою рысцой, какъ травленный волкъ, побѣжалъ въ сторону рѣки. Телѣга осталась на дорогѣ, а за нимъ теперь погнался какой-то рыжій мужикъ на закомутанной рыжей лошади. Онъ былъ безъ шапки и отчаянно болталъ локтями. Бродяга опять остановился, потому что рыжій мужикъ летѣлъ къ нему на перерѣзъ, а потомъ усиленною рысью побѣжалъ къ недалекой поскотинѣ. Здѣсь рыжій мужикъ чуть-чуть его не догналъ, но бродяга однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ изгородь и остановился. Теперь онъ былъ въ полной безопасности, потому что дальше начинался тощій лѣсокъ, спускавшійся къ рѣкѣ.

— Эй, дурачки, кланяйтесь своему писарю! — крикнулъ варнакъ бѣжавшимъ къ нему мужикамъ и, не торопясь, скрылся въ лѣсу.

Погоня сбилась въ одну кучку у поскотины. Мужики ошалѣлыми глазами глядѣли другъ на друга.

— Вотъ такъ старичонко! Въ томъ родѣ, какъ виноходецъ *). Такъ и стелеть, такъ и стелеть.

— Оборотень какой-то, надо полагать.

Подѣхавшій на телѣгѣ бѣлобрысый парень и рыжій мужикъ на рыжей лошади служили теперь общимъ посмѣшищемъ, а поэтому усиленно ругались.

— Ужо вотъ задасть вамъ Флегонтъ-то Василичъ!

*) Виноходецъ — виноходецъ.

III.

Часовъ десять утра. Широкий дворъ, утрамбованный желтымъ пескомъ, походить на гумennyй токъ. На него съ одной стороны глядитъ большими окнами двухъ-этажный нештукатуренный каменный домъ съ террасой, а съ другой расположился плотный рядъ хозяйственныхъ пристроекъ—амбары, конюшни, каретники, сѣновалы. Вся постройка крѣпкая, хозяйственная, какъ умѣютъ строить только купцы. Въ углу у деревянной конуры дремлетъ киргизскій желтый волкодавъ. Въ серединѣ двора стоятъ два кучера и держатъ подъ уздцы горбоносаго и вислозадаго киргиза-иноходца, который шарашится, храпитъ, поводитъ поротыми ушами и выворачиваетъ бѣлки глазъ.

— Эй, вы, челдоны, держите крѣпче!— визгливо кричить съ террасы сѣдой толстый старикъ въ шелковомъ халатѣ.

— Да чортъ его удержитъ, Храпуна, — отвѣчаетъ старшій кучеръ Никита, степенный мужикъ съ окладистой бородой. — Задавить его, вотъ и весь разговоръ.

Другой кучеръ, башкиръ Ахметка, скуластый молодой парень съ лоснящимся жирнымъ лицомъ, молча смотритъ на лошадь, точно впился въ нее своими черными глазами.

— Дайте ей поводокъ! — кричитъ старикъ съ террасы.

Кучера отпускаютъ поводъ и лошадь дѣлаетъ отчаянный курбетъ, поднимая Ахметку на воздухъ. Никита крѣпко держитъ волосяной чумбуръ, откинувъ назадъ свой корпусъ.

— Тирру!... Чортъ кыргызкой!

— Держите крѣпче! — кричитъ старикъ, размахивая руками. — Ахъ, галманы!

Лошадь дѣлаетъ отчаянную попытку освободиться отъ своихъ мучителей, бьетъ задними ногами, дрожить и раздуваетъ ноздри.

— Тирру, анаѣма!

Старикъ въ халатѣ точно скатывается съ террасы по внутренней лѣсенкѣ и кубаремъ вылетаетъ на дворъ. Подбравъ полы халаты, онъ заходитъ сзади лошади и начинаетъ на нее махать руками.

— Спусти чумбуръ, Никита... Дай поводокъ... Сперва на кордѣ прогонимъ. Ахметка, свиное ухо, ты чего глаза-то вытаращилъ?

Калитка отворяется и во дворъ въѣзжаетъ верхомъ на вороной высокой лошади молодой человекъ въ черкескѣ, папахѣ и съ серебрянымъ большимъ кинжаломъ на поясѣ. Великолѣпная вороная лошадь-степнякъ, покачиваясь на тонкихъ сухихъ ногахъ, граціозно подходитъ на середину двора и останавливается. Молодой человекъ съ опухшимъ краснымъ лицомъ и мутными глазами сонно смотритъ на старика въ халатѣ.

— Лѣодорка, откуда чортъ принесъ? — крикливо спрашиваетъ старикъ, прищуривая свои желтые глазки.

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось, — хрипло отвѣчаетъ молодой человекъ и по пути вытягиваетъ нагайкой Ахмета по спинѣ.

— Ай-яй! — взвизгиваетъ башкиръ, хватаясь за спину. — Ай, бачка!...

— Разѣ такъ лошадей выводятъ?—кричитъ молодой человѣкъ, спѣшиваясь и выхватывая у Ахметки поводъ. — Родитель, ты ее сзади пугай... Да не бойся. Ахметка, а ты чего стоишь?

Всѣ четверо начинаютъ гонять пугливаго иноходца на кордѣ, но онъ постоянно срываетъ и затягиваетъ поводъ. Кончается это представленіе тѣмъ, что иноходецъ останавливается, храпитъ и затягиваетъ шею до того, что изъ ноздрей показывается кровь.

— Бей его!... Валяй!—визжитъ старикъ, привскакивая на мѣстѣ.

Никита откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ, удерживая натянувшійся, какъ струна, волосяной чумбуръ, а Ліодоръ и Ахметка жарятъ ошалѣвшую лошадь въ два кнута.

— Ой, батюшки, до смерти забьютъ!—вскрикиваетъ въ кухнѣ толстая стряпка Аграфена, высовываясь изъ окна.

Кухня въ подвалѣ и ей приходится налегать своимъ жирнымъ тѣломъ на тощаго старичка-странника, который уже давно лежитъ на подоконникѣ и наблюдаетъ, что дѣлается на дворѣ.

— Тетка, этакъ и задавить можно живого человѣка!—ворчитъ странникъ, напрасно стараясь высвободить свое тощее старое тѣло изъ - подъ навалившагося на него бабьяго жира.

— Охъ, ты, некошнѣй!—ругается стряпка.—Шель бы, миленькій, своею дорогой... Поѣлъ, отдохнулъ, надо и честь знать.

Стряпка Аграфена ужасно любить лошадей и страшно мучается, когда на дворѣ начинаютъ тиранить какую-нибудь новокупку, какъ сейчасъ. Главное, воротился Ліодоръ на грѣхъ: забьетъ онъ виноходца, когда разстервенится. Не одну лошадь уходилъ, безголовый.

Странникъ слѣзъ съ окна, поправилъ длинную синюю рубаху, надѣлъ котомку, взялъ въ руки берестяной бурочокъ и длинную палку и пѣвуче проговорилъ:

— Спасибо, Аграфенушка, за хлѣбъ, за соль...

Это былъ тотъ самый бродяга, который убѣжалъ изъ суслонскаго волостного правленія. Нахлобучивъ свою валеную шляпу на самые глаза, онъ вышелъ на дворъ. На террасѣ въ это время показались три разодѣтыхъ барышни. Онѣ что-то кричали старику въ халатѣ, взвизгивали и прятались одна за другую, точно взбѣсившаяся лошадь могла прыгнуть къ нимъ на террасу.

— Папенька!... Папенька, не бейте лошадку!

— Ліодоръ, иди сюда, завтракъ готовъ!

Бродяга внимательно посмотрѣлъ на визжавшихъ барышень и подошелъ къ Ліодору.

— Дай-ка мнѣ поводъ-то, хозяинъ, — заговорилъ онъ, протягивая руку.

Ліодоръ оглянулся и, презрительно смѣривъ бродягу съ ногъ до головы, толкнулъ его локтемъ.

— Дай, тебѣ говорить!

У Ліодора мелькнула мысль: пусть Храпунъ утѣшитъ старичонку. Онъ молча передалъ ему поводъ и сдѣлалъ знакъ Никитѣ выпустить чумбуръ. Всѣ разомъ бросились въ стороны. Посреди двора остались лошадь и бро-

дяга. Старикъ отпустилъ поводъ, смѣло подошелъ къ лошади, потрепалъ ее по шеѣ, растянулъ душившій ее чумбуръ, еще разъ потрепалъ и спокойно пошелъ впередъ, а лошадь покорно пошла за нимъ, точно за настоящимъ хозяиномъ. Подведя успокоеннаго Храпуна къ террасѣ, бродяга проговорилъ:

— Вотъ какъ учать лошадей, сударыни-барышни!

Барышни весело разсмѣялись и забили въ ладоши, а бродяга отвелъ лошадь подъ навѣсъ и привязалъ къ столбу.

— Да ты откуда взялся-то, ярыга-мученикъ?—визгливо спрашивалъ старикъ въ халатѣ, подступая къ бродягѣ.—Сейчасъ видно зазнамаго конокрада.

— Стоило бы што воровать, Харитонъ Артемьичъ... Аль не узналъ?

— Гдѣ всѣхъ прощальгъ визнаешь.

— Ну, такъ я ужъ самъ скажусь: про Михея Зотыча Колобова слыхалъ? Видно онъ самый... Въ гости пришелъ, а ты меня прощальгой да конокрадомъ навеличиваешь. Полтораста верстъ пѣшкомъ шелъ.

— Вотъ такъ фунтъ!—ахнулъ Харитонъ Артемьичъ, не вполне довѣряя словамъ страннаго человѣка.—Слыхивалъ я про твои чудеса, Михей Зотычъ, а, все-таки, оно тово...

— Ладно... Мяѣ съ тобой надо о дѣлѣ поговорить.

— Пойдемъ въ горницы... Ну, удивилъ!... Еще какъ Людорка тебѣ шею не накостилялъ: простъ онъ у меня на этакія дѣла.

— Кормильца выростилъ,—ядовито замѣтилъ Коло-

бовъ, поглядывая на снявшего папаху Ліодорку. — Вонъ какой нарядный: у шутовъ хлѣбъ отбивается.

— Охъ, и не говори!... Одинъ онъ у меня, какъ смертный грѣхъ. Одинъ, да дуракъ, хуже этого не придумаешь.

— Одинъ сынъ — не сынъ, два сына — полсына, а три сына — сынъ... Такъ старинные люди сказывали, Харитонъ Артемьичъ. За то вотъ у тебя три дочери.

— Наградилъ Господь... Охъ, наградилъ! — какъ-то застоналъ Харитонъ Артемьичъ, запахивая халатъ. — Какъ ихъ ни считай, все три дѣвки выходятъ... Давай помѣняемся: у тебя три сына, а у меня три дочери, — ухо на ухо смѣняемъ, да Ліодорку прикину въ придачу.

Теперь всѣ съ удивленіемъ оглядывали страннаго гостя: кучера, стряпка, Ліодоръ, дѣвицы съ террасы. Всѣхъ удивляло, куда это тятенька ведетъ этого бродягу.

— Какъ онъ сказался по фамиліи-то? — спрашивалъ Ліодоръ кучера.

— Коробовъ, али Колобовъ, — не разобралъ хорошенько.

— Вотъ такъ фунтъ! — удивился въ свою очередь Ліодоръ. — Это, значитъ, родитель жениховъ-то, которые наѣзжали на той недѣлѣ... Богатѣющій старичонко!

Стряпка Аграфена услышала это открытіе и стрѣлой ринулась наверхъ, чтобы предупредить «самое» и дѣвицъ. Она едва могла перевести духъ, когда ворвалась на террасу, гдѣ собрались дѣвицы.

— Барышни... родные... Вѣдь, этотъ странникъ-то... странникъ-то... — бормотала она, дѣлая отчаянные жесты.

— Да вонъ онъ съ тятенькой у крыльца остановился... Сестрицы, тятинька сюда его ведетъ!

— Барышни... охъ, задохлась!... Да, вѣдь, это жениховъ отецъ... Два брата-то наѣзжали на той недѣлѣ, такъ ихній родитель. Самъ себя обозначилъ.

Всѣ дѣвицы взвизгнули и стайкой унеслись въ горницы, а толстуха Аграфена заковыляла за ними. «Сама» послѣ утренняго чая прилегла отдохнуть въ гостиной и долго не могла ничего понять, когда къ ней влетѣли дочери всѣмъ выводкомъ. Когда-то красивая женщина, сейчасъ Анеуса Гавриловна представляла собой типичную купчиху, совсѣмъ заплывшую жиромъ. Она сидѣла въ ситцевомъ «холодаѣ» и смотрѣла испуганными глазами то на дочерей, то на стряпку Аграфену, перебивавшихъ другъ друга.

— Жениховъ отецъ, мамынька, пріѣхалъ... Колобовъ старикъ.

— Не пріѣхалъ, а пѣшкомъ пришелъ. Съ палочкой идетъ по улицѣ, я сама видѣла, а за плечами котомка.

— Дайте мнѣ словечушко вымолвить, — хрипѣла Аграфена, дѣлая умоляющіе жесты. — Красавицы вы мои, дайте...

— Молчите вы, дѣвицы! — окликнула дочерей «сама». — А ты говори, Аграфена, да поскорѣе.

— Охъ, задохлась!... Стряпаю я это давѣ утромъ у печки, оглянулась, а онъ и сидитъ на лавочкѣ... Ужъ отколь онъ взялся, не могу сказать, точно вотъ изъ земли выросъ. Я его за страннаго человѣка приняла... Ну, лепешки у насъ къ чаю были, — я ему лепешку подала.

Ей-Богу!... Прикушалъ и спасибо сказалъ. Потомъ Никита съ Ахметкой вертѣлись въ куфнѣ и съ нимъ што-то болтали, а ужъ мнѣ не до нихъ было. Ну, потомъ кучера ушли виноходца новаго выводить, а *онъ* въ куфнѣ остался. Подсѣлъ къ окошечку и глядитъ на дворъ, какъ виноходецъ артачится... Я еще чуть не задавила его: онъ въ окошкѣ-то, значить, прилегъ на подоконникъ, а я забыла о немъ, да тоже хотѣла поглядѣть на дворъ-то, да на него и навалилась всѣмъ туловомъ.

— Ахъ, батюшки! — застонала Анеуса Гавриловна, хватаясь за голову. — Да, вѣдь, ты, Аграфенушка, безъ ножа всѣхъ зарѣзала... Навалилась, говоришь?... Ахъ, грѣхъ какой!

— Мамынька, зачѣмъ же онъ въ куфню забрался? — замѣтила старшая дочь Серафима. — Ты только посмотри на него, каковъ онъ изъ себя-то. На улицѣ встрѣтишь — копѣечку подашь.

— Въ томъ родѣ, какъ бродяга али странникъ, — объясняла Аграфена въ свое оправданіе. — Рубаха на немъ изгребная, синяя, на ногахъ коты... Кабы знатѣе, такъ разѣ бы я стала его лепешкой кормить али наваливаться?

— Ну, ну, ладно! — оборвала ее Анеуса Гавриловна. — Дѣвицы, вы пріодѣньтесь къ обѣду-то. Не то, штобъ ужъ совсѣмъ на отличку, а какъ порядокъ требуется. Ты, Харитинушка, барезево платье одѣнь, а ты, Серафимушка, шелковое, канаусовое, которое тебѣ отецъ изъ Ирбитской ярманки привезъ... Охъ, Аграфена, сняла ты съ меня голову!... Ну, надо ли было дурищѣ наваливаться на такого человѣка, а?... Растерзать тебя мало...

Младшія дѣвицы, Агнія и Харитина, особенно не тревожились, потому что все дѣло было въ старшей Серафимѣ: ея чередъ выходить замужъ. Всѣхъ красивѣе и бойчѣе была Харитина, любимица отца; средняя, Агнія, была толстая и бѣлая, вся въ мать, а старшая, Серафима, вступила уже въ годы, да и лицо у нея было попорчено веснушками. Глядя на дочерей, Анеуса Гавриловна ругала про себя хитраго старичонка-гостя: не застань онъ ихъ врасплохъ, не показала бы она Харитины, а бери изъ любимыхъ— Серафиму или Агнію. Ужъ не первому жениху Харитина заперла дорогу, а выдавать младшую раньше старшихъ не приходится.

IV.

— Я тебѣ наперво домишко свой покажу, Михей Зотычъ,—говорилъ старикъ Малыгинъ не безъ самодовольства, когда они по узкой лѣсенкѣ поднимались на террасу.—Въ прошломъ году только отстроился. Раньше-то некогда было. Семью на ноги поднималъ, а меня Господь-таки благословилъ: цѣлый огородъ дѣвокъ. Трехъ съ рукъ сбылъ, а трое сидятъ еще на грядѣ.

— Ваши-то запольскія невѣсты на-слуху, — поддакивалъ гость.—Богатыя да щеголихи. Далеко слава-то прошла. По другимъ мѣстамъ дѣвки сидятъ да завидуютъ запольскимъ невѣстамъ.

— Ужъ это што говорить: извелись на модахъ въ конецъ!... Матери-то въ сарафанахъ еще ходятъ, а дочкамъ фигли-мигли подавай... Одно разоренье съ ними. Тяжеленько съ дочерями, Михей Зотычъ, а съ зятьями-то

вдвое... Меня-таки прямо наказалъ Господь. Неудачливъ я на зятьевъ.

Гость ничего не отвѣчалъ, а только поджалъ свои тонкія губы и прищурился, при чемъ его сморщенное обвѣтрѣлое лицо получило непріятное выраженіе. Ему не понравился разговоръ о зятьяхъ своею безтактностью. Когда они очутились на террасѣ, хозяинъ съ видимымъ удовольствіемъ оглянулъ свой дворъ и всѣ хозяйственные пристройки.

— Хорошъ дворикъ, — вслухъ любовался гость. — А што въ амбарахъ-то держишь?

— А разное, Михей Зотычъ: и сѣмя льняное, и кудельку, и масло.

— Вотъ это ты напрасно, Харитонъ Артемьичъ. Все такой припасъ, што хуже пороху. Грѣшнымъ дѣломъ, огонекъ пыхнетъ, такъ костеръ костромъ, — къ слову говорю, а не бѣду накликаю.

— Покедова Богъ хранилъ. У насъ у всѣхъ такъ заведено. Да и домъ каменный, устоитъ. Да ты, Михей Зотычъ, сними хоть котомку-то. Вотъ сюда ее и положимъ, вмѣстѣ съ бурачкомъ и палочкой.

Гость охотно исполнилъ это желаніе и накрылъ свои пожитки шляпой. Въ своей синей рубахѣ, пониткѣ и котахъ онъ походилъ не то на богомольца, не то на бродягу, и хозяинъ еще разъ пожалъ плечами, оглядывая его съ ногъ до головы. Юродивый какой-то.

— Што, на меня любуешься? — пошутилъ Колобовъ, оправляя понитокъ. — Ужъ каковъ есть: весь тутъ. Привыкъ по домашнему ходить, да и дорожка выпала не

близкая. Всю Ключевую, почитай, пѣшкомъ прошелъ. Версть съ двѣсти будетъ... Такъ оно по-модному-то и неспособно.

— Шутки шутишь, Михей Зотычъ, — усомнился хозяинъ. — Какая тебѣ нужда пѣшкомъ-то было идти столько мѣста?

— А привыкъ я... Все пѣшкомъ больше хожу: которое мѣсто пѣшкомъ пройдешь, такъ оно памятливѣе. Въ Суслонѣ чуть было не загостился у твоего зятя, у писаря... Хорошій мужикъ.

Одно имя суслонскаго писаря заставило хозяина даже подпрыгнуть на мѣстѣ. Хорошій мужикъ суслонскій писарь? Да это прямой разбойникъ, только ему ножъ въ руки дать... Живодеръ и христопродавецъ такой, какихъ бѣлый свѣтъ не видывалъ. Харитонъ Артемьичъ раскраснѣлся, закашлялся и замахалъ своими запухшими красными руками.

— И какъ онъ обманулъ меня тогда дочерью-то, когда, значить, женился на Аннѣ, ума не приложу! — упавшимъ голосомъ прибавилъ онъ, выпустивъ весь запасъ ругательствъ. — Дѣла тогда у меня повихнулись немножко, караванъ съ саломъ затонулъ, ну, онъ и подсыпался, писарь. А дочь Анна была старшая и въ годкахъ, за ней цѣлый мостъ ихъ, дѣвокъ, — ну, онъ и обманулъ. Прямой разбойникъ... Еще и сейчасъ съ меня приданое свое справляетъ и даже судомъ грозилъ. Я бы ему на свои деньги веревку купилъ, только бы повѣсился... Вотъ какіе у меня зятя! Да и низко мнѣ съ писарями родню-то разводить. Што такое писарь? Приѣхалъ ста-

новой: «а ну-ка ты, такой-сякой...» И сейчасъ въ скулу. А я въ первой гильдіи.

— Всякіе и писаря бываютъ.

— Да стыдно мнѣ, Михей Зотычъ, и говорить - то о немъ: всему роду-племени покоръ. Ты вотъ только помянулъ про него, а мнѣ хуже ножа... У насъ Анна-то и за дочь не считается, и хуже чужой.

— Это ужъ напрасно, Харитонъ Артемьичъ. Горденекъ ты, какъ я погляжу. И птица перо въ перо не родится, а гдѣ же зятьевъ набрать подъ одну шерсть?

Взглянувъ на дворъ, по которому ѣхалъ Ліодоръ верхомъ на своей лошади, старикъ подбѣжалъ къ периламъ и, свѣсившись, закричалъ:

— Ты это опять куды наклался-то, непутѣвая голова?... Который это день музыку-то разводишь? Я до тебя доберусь!... Я тебѣ покажу!...

— Къ Булыгинымъ, — коротко отвѣтилъ Ліодоръ, свѣсиваясь въ сѣдлѣ по-татарски, на одинъ бокъ.

— Ахъ, аспидъ! ахъ, погубитель! — застоналъ старикъ. — Видѣлъ, Михей Зотычъ? Гибель моя, а не сынъ... Мы съ Булыгинымъ на ножахъ, а онъ, слышь, къ Булыгинымъ. Ужъ я его, головорѣза, три раза проклиналъ и на смиреніе посылалъ въ степь, и своими руками терзалъ — ничего не беретъ. У другихъ отцовъ сыновья замѣна, а мнѣ ножъ острый. Сколько я денегъ за него переплатилъ!

— Въ годы войдетъ — образумится.

Харитонъ Артемьичъ спохватился, что сгоряча сболтнулъ лишнее, и торопливо повелъ мудренаго гостя въ

горницы. Весь второй этажъ былъ устроенъ на отличку: залъ, гостиная, кабинетъ, столовая, спальня, — все по-богатому, какъ въ первыхъ купеческихъ домахъ. Стѣны вездѣ были оклеены бархатными дорогими обоями, потолки лѣпные, мебель крыта шелкомъ и трипомъ. Одинъ только недостатокъ чувствовался въ этой богатой обстановкѣ: отъ нея вѣяло нежилымъ. Вся семья жалась въ нижнемъ этажѣ, въ маленькихъ, низкихъ комнатахъ, а парадный верхъ служилъ только для пріемовъ. Лѣтомъ еще дѣвицы получали дозволеніе проходить на террасу.

— Одна мебель чего мнѣ стоила, — хвастался старикъ, хлопая рукой по дивану. — Вотъ за эту орѣхову плачено триста рубликовъ... Кругленькую копѣчку стоило обзаведенье, а нельзя супротивъ другихъ ниже себя оказать. У насъ въ Запольѣ по-богатому всѣ дома налажены, такъ оно и совѣстно свиньей быть.

Гость внимательно все осмотрѣлъ, поддакивая хозяйину, а потомъ проговорилъ:

— Наладилъ ты себѣ, Харитонъ Артемьичъ, не домъ, а пряменько сказать — трактиръ.

Это замѣчаніе поставило хозяина втупикъ: обидѣться или поворотить на шутку? Вспомнивъ про дочерей, онъ только замычалъ. Отвѣтилъ бы Харитонъ Артемьичъ, — охъ, какъ тепленько бы отвѣтилъ! — да лиха бѣда, по рукамъ и ногамъ связанъ. Провелъ онъ дорогаго гостя въ столовую, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, уставленный винами и закусками.

— Ну-ка, Михей Зотычъ, огорчимся для первоначалу.

Гость пожевалъ сухими губами, прищурился и быстро отвѣтилъ:

— Не принимаю я огорченія-то, Харитонъ Артемьичъ. И скусу не знаю въ винѣ, какое оно такое есть. Не приводилось отвѣдывать съ молоду, а теперь ужь года ушли учиться.

«Вотъ гостя Господь послалъ: знакомому чорту подарить, такъ назадъ отдасть, — подумалъ хозяинъ, ошеломленный такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ. — Вотъ тебѣ и свать. Ни съ котораго краю къ нему не подойдешь. То ли бы дѣло выпили, разговорились, — оно все само бы и наладилось, а теперь разводи бобы въ сухую. Ну, и свать, какъ кривое полѣно: не уложишь ни въ какую полѣницу».

Пришлось «огорчиться» одному. Налилъ себѣ Харитонъ Артемьичъ самую большую рюмку, «протодьяконскую», хлопнулъ и, не закусывая, повторилъ.

— У насъ между первой и второй не дышутъ, — объяснилъ онъ. — Это по-сибирски выходитъ. У насъ всѣ въ Заполю не дураки выпить. Лишнее въ другой разъ переложимъ, а въ компаніи нельзя. Вотъ я и старъ, а компаніи не порчу... Все бросить собираюсь.

Дальше хозяинъ уже не зналъ, что ему и говорить. Но на выручку появилась Анеуса Гавриловна въ своемъ новомъ тяжеломъ шелковомъ платьѣ, стоявшемъ коромомъ, и въ купеческой косынкѣ головкѣ. Она степенно поклонилась гостю. За ней показались дѣвицы. Онѣ же-манно переглянулись, оглядѣвъ гостя съ ногъ до головы. Всѣ невѣсты на подборъ: любую бери. Старшая имѣла

скучающій видъ, потому что ей уже надоѣла эта церемонія «смотрины», да она плохо и рассчитывала на «судьбу», когда на глазахъ вертится Харитина. Анѳуса Гавриловна съ перваго раза замѣтила, что отецъ успѣлъ «хлопнуть» прежде времени, а гость и не притронулся ни къ чему.

— Ну-ка, какъ *онъ* теперь откажется, ежели хозяйка угощать будетъ? — замѣтилъ хозяинъ, глупо хихикнувъ. — Фуса, ну и гость: ни единой капли...

— Что же, не всѣмъ пить, — замѣтила политично хозяйка, подбирая губы оборочкой. — Честь-честью, а неволить не можемъ.

— Это ты правильно, хозяйюшка, — весело отвѣтилъ гость. — Необыченъ я, да и старъ. Въ черномъ тѣлѣ прожилъ всю жизнь, не до питья было.

Хозяинъ, воспользовавшись случаемъ, что при гостѣ жена постѣснился его оговорить, налилъ себѣ третью «протодьяконскую». Анѳуса Гавриловна даже отвернулась, предчувствуя скандалъ. Старшая дочь Серафима нахмурила брови и вопросительно посмотрѣла на мать. Въ это время Аграфена внесла миску со щами.

— Садитесь, Михей Зотычъ, — приглашала хозяйка. — Не обезсудьте на угощеніи.

— Вотъ што, милая, — обратился гость къ стряпкѣ: — принеси-ка ты мнѣ ломтикъ ржаного хлѣбца черстваго да соли крупной, чтобы съ хрустомъ... У васъ, Анѳуса Гавриловна, соль на дворянскую руку: мелкая, а я привыкъ по-крестьянски солить.

— Вотъ это я люблю! — поддержалъ его хозяинъ. —

Я самъ, братъ, не люблю всѣ эти трень - брень, а все бабы моду придумываютъ. Нѣтъ лучше закуски, какъ ржаная корочка съ сольцей, да еще съ огурчикомъ.

Серафима была посажена напротивъ гостя, чтобы вся была на виду. На ней лежала сейчасъ не легкая обязанность показать себя въ лучшемъ видѣ, какой только предполагается для дѣвицъ. Впрочемъ, она была опытной въ подобныхъ дѣлахъ и нисколько не стѣснялась, тѣмъ болѣе, что и будущій свекоръ ничего страшнаго не представлялъ своею особой. Мать взглянула на нее всего одинъ разъ, и Серафима отлично поняла этотъ взглядъ: «Притворяется старичонко, держи ухо востро, Сима». Когда хозяйка налила гостю тарелку щей, онъ сдѣлалъ смѣшное лицо и сказалъ еще смѣшнѣе:

— Матушка, а, вѣдь, я обожгусь серебряною-то ложкой. Мнѣ бы деревянную.

Бойкая Харитина сразу сорвалась съ мѣста и опрометью бросилась въ кухню за ложкой, — эта догадливость не по разуму дорого обошлась ей потомъ, когда обѣдъ кончился. Должна была подать ложку Серафима.

— Стрѣла, а не дѣвка! — еще больше не кстати похвалилъ ее захмѣлѣвшій домовладыка. — Вотъ посмотри, Михей Зотычъ, она и мнѣ ложку деревянную приволокеть: знаетъ мой карактеръ. Еще не успѣешь подумать, а она ужъ сдѣлала.

Харитина, дѣйствительно, вернулась съ двумя ложками, сіяющая своею раннею молодостью, веселая, улыбающаяся. Взглянувъ на мать, она поняла, какую глупость сдѣлала, и покраснѣлась еще сильнѣе и стала еще

красивѣе. Серафима ѣла выскочку глазами, и только одна Агнія оставалась безучастной ко всему и внимательно разсматривала лысую голову мудреного гостя. Анеуса Гавриловна завела политичный разговоръ о погодѣ, о соборномъ протопопѣ, объ ярмаркѣ и т. д. Она нѣсколь-ко разъ давала случай Серафимѣ вставить словечко, — не прежнее время, когда дѣвки сидѣли, набравши воды въ ротъ, какъ нѣмыя. Однимъ словомъ, Анеуса Гавриловна оказалась настоящимъ полководцемъ, хотя гость уже давно про себя «прикинулъ въ умѣ» всѣхъ трехъ сестеръ: младшая хоть и взяла и красотой, и удалью, а еще невитое сѣно, икона и лопата изъ нея будетъ; средняя въ самый разъ, да только лѣнива, а растолстѣетъ — рожать будетъ трудно; старшая, пожалуй, подходящѣе всѣхъ будетъ, хоть и жидковата изъ себя и модничаетъ лишнее. Ну, въ годы войдетъ и раздобѣетъ, а, главное, у ней въ глазу огонекъ есть, — упрямо таково взгля-нетъ. По матери дѣвицы издались, нечего напрасно хаять.

Хозяйку огорчало, главнымъ образомъ, то, что гость почти ничего не ѣлъ, а только пробовалъ. Все свои ржа-ныя корочки сосетъ да похваливаетъ. Зато хозяинъ не терялъ времени и за жаркимъ переѣхалъ на хересь, — значить, все было кончено, и Анеуса Гавриловна пере-стала обращать на него вниманіе. Все равно — не послу-шаетъ послѣ третьей рюмки и устроить штуку. Онъ и устроилъ, какъ только она успѣла подумать.

— Михей Зотычъ, вотъ мои невѣсты: любую выби-рай, — брякнулъ хозяинъ безъ обвиняковъ. — Нѣтъ, врешь, Харитину не отдамъ! Самому дороже стѣдить!

— Харитонъ Артемьичъ, перестань ты непутёвые рѣчи говорить, только дѣвицъ конфузишь, — попробовала оговорить мужа Анѳуса Гавриловна.

— Я?!.. Ты меня учить?...

Гость остановилъ хозяйскій кулакъ, готовившійся ударить по столу.

— Полюбился ты мнѣ съ перваго раза, Харитонъ Артемьичъ, — проговорилъ онъ ласково. — Душа на-распашку... Лишнее скажешь: слышимъ — не слышимъ. Вы не беспокойтесь, Анѳуса Гавриловна. Дѣло житейское.

Вспыхнувшая пьяная энергія сразу смѣнилась слезливымъ настроеніемъ, и Харитонъ Артемьичъ принялся жаловаться на сына Ліодора, который отъ рукъ отбился и на него, отца, бросился какъ-то съ ножомъ. Потомъ онъ повторилъ начатый еще давеча разговоръ о зятяхъ.

— Перваго зятя ты у меня видѣлъ, — говорилъ Харитонъ Артемьичъ, откладывая одинъ палецъ. — Онъ у насъ изъ счету вонъ, потому какъ намъ низко съ писарями родство разводить. Вторая дочь Татьяна вышла за Пашку Булыгина: съ моимъ-то Ліодоркой два сапога пара. Тоже такой зятекъ, что не обрадуешься... Какъ-то обѣщался своими руками меня задавить, ежели попадусь. Ну, дуракъ, а у дурака дурацкій и разговоръ... А третій зять у меня нѣмецъ Штоффъ, — это какъ по твоему? Мы его полуштофомъ зовемъ, потому какъ ростомъ маленько не дошелъ... Евлампію дочь у меня этотъ самый полуштофъ сманулъ и мнѣ никакого уваженія. Хоть бы богатый былъ, а то шантрапа нѣмецъ. Одно у него: крещеный по нашему православному закону. Вотъ

какіе все патреты вышли!... Трехъ дочерей отдалъ замужъ, а доведись — и пообѣдать ни у одного зятя не пообѣдаешь: у писаря мнѣ низко обѣдать, Пашка Булыгинъ еще побьетъ, а нѣмецъ мой самъ глядитъ, гдѣ бы пообѣдать. А теперь вотъ этихъ трехъ надо замужъ выдавать. Тоже, еще неизвѣстно, какихъ зятьевъ Господь пошлетъ... Только впередъ тебѣ скажу: Харитину не отдамъ. Ни-ни...

— Харитонъ Артемьичъ, будетъ тебѣ, — со слезами въ голосѣ молила Анеуса Гавриловна. — Голову ты съ дочерей снялъ.

— Не отдамъ Харитину! — кричалъ старикъ. — Нѣтъ, братъ, шалишь!... Самому дороже стоитъ!

— Дѣло Божье, Харитонъ Артемьичъ, — политично отвѣтилъ гость, собирая свои корочки въ сторонку. — А дѣвицамъ не пристало слушать наши съ тобой рѣчи. Пожалуй, и лишнее скажемъ.

Дѣвушки посмотрѣли на мать и всѣ разомъ поднялись. Харитонъ Артемьичъ понялъ свою оплошку и только засопѣлъ носомъ, какъ давешній иноходецъ. Къ довершенію скандала, онъ черезъ пять минутъ заснулъ.

— Ужъ вы не обезсудьте на нашемъ невѣжествѣ, — умоляюще проговорила Анеуса Гавриловна, поднимаясь.

— Что же, дѣло житейское, — наставительно отвѣтилъ гость и вздохнулъ. — А кто осудить, тотъ и грѣхъ на себя приметъ, Анеуса Гавриловна.

— Ахъ, замаялась я, Михей Зотычъ!...

— Главная причина: добрый человѣкъ, а отъ добраго человѣка и потерпѣть можно. Слабенежъ Харитонъ Ар-

темничъ къ винцу... ахъ, житейское дѣло! Веселенько у васъ поживаютъ въ Запольѣ, слыхивалъ я. А не осужу, никого не осужу... И ты напрасно огорчаешься, мать.

Это простое привѣтливое слово сразу ободрило Анеусу Гавриловну, и она посмотрѣла на гостя, какъ на своего домашняго человѣка, который сору изъ избы не вынесетъ. И такъ у него все просто, по-хорошему. Старикъ полюбился ей сразу.

На прощаньи Михей Зотычъ потрепалъ хозяйшку по плечу и проговорилъ:

— Хороши твои дѣвушки, хороши красныя... Которую и брать, не знаю, а начинаютъ съ краю. Серафима Харитоновна, видно, богоданною дочкой будетъ... Галактиона - то моего видѣла? Любимый сынъ мнѣ будетъ, хоша мы и не ладимъ съ нимъ... Ну, вотъ и быть за нимъ Серафимѣ. По рукамъ, сватья...

Анеуса Гавриловна расплакалась. Очень ужъ дѣло выходило большое, и какъ - то сразу все обернулось. Да и жаль Серафиму, точно она ее избывала.

У.

Про Заполье далеко шла слава, какъ про городъ бойкій, богатый и оборотистый. Онъ залегъ въ низовьяхъ р. Ключевой, главной артеріи благословеннаго Зауралья, — въ самомъ горлѣ, какъ говорили старожилы. Рѣка была главною кормилицей. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что Заполье занимало границу, отдѣлявшую собственно Зауралье отъ начинавшейся за

нимъ степи или, какъ говорили мужики, «орды». Въ сущности, настоящая степь была далеко, но это названіе сохранялось за тою смѣшанною полосою, гдѣ русская селитьба мѣшалась съ башкирской и козачьими землями. Весь бассейнъ Ключевой представлялъ собой настоящее золотое дно, потому что здѣсь осыло крѣпкое хлѣбопашественное населеніе, и благодатный зауральскій черноземъ давалъ баснословные урожаи, не нуждаясь въ удобреніи. Съ другой стороны, степь давала богатое степное сырье—сало, кожи, конскій волосъ, гурты курдючныхъ барановъ и степныхъ быковъ, косяки степныхъ лошадей и цѣлый рядъ бухарскихъ товаровъ. Бывшій пограничный городокъ захватилъ въ свои руки всю хлѣбную торговлю и всѣ операціи со степнымъ сырьемъ. Условія были самыя благопріятныя. Скупленный въ Зауральѣ хлѣбъ доставлялся запольскими купцами на всѣ уральскіе горные заводы и уходилъ далеко на сѣверъ, на холодную Печору, а въ засушливые годы сбывался въ степь. Заполье пользовалось и степною засухой, и дождливыми годами: когда выдавалось сырое лѣто, хлѣбъ родился хорошо въ степи и этотъ дешевый ордынскій хлѣбъ запольскіе купцы сбывали въ Зауралье и на сѣверъ, въ сухое лѣто хлѣбъ родился хорошо въ полосѣ, прилегавшей къ Уральскимъ горамъ, гдѣ влага задерживалась лѣсами, и запольскіе купцы везли его въ степь, обмѣнивая на степное сырье. Все шло на пользу начетистому запольскому купцу—и засуха, и дождливые годы. Онъ получалъ свою выгоду и отъ дешеваго, и отъ дорогаго хлѣба, а больше всего отъ тѣхъ темныхъ операцій въ без-

грамотной простоватой ордѣ, благодаря которымъ составилось не одно крупное состояніе.

Ко всему этому нужно прибавить еще одно благопріятное условіе, именно, что ни Зауралье, населенное на половину башкирами, на половину государственными крестьянами, ни степь, ни козачьи земли совсѣмъ не знали крѣпостнаго права, и экономическая жизнь громаднаго края шла и развивалась вполнѣ естественнымъ путемъ, минуя всякую опеку и вмѣшательство. Поэтому и объявленная воля не произвела здѣсь никакихъ коренныхъ измѣненій въ общемъ укладѣ, а только получилась нѣкоторая разниа въ названіяхъ. Нашъ рассказъ относится именно къ этому періоду, къ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда Заполье находилось въ зенитѣ своей славы, какъ главный хлѣбный рынокъ и посредникъ между степью и собственно Расеей.

По внѣшнему виду Заполье ничего особеннаго изъ себя не представляло: маленькій уѣздный городокъ съ пятнадцатью тысячами жителей, и больше ничего. Купечество составляло здѣсь все, и въ цѣломъ уѣздѣ не было ни одного дворянскаго имѣнія. Въ Запольѣ изъ дворянъ проживало человѣкъ десять, не больше, да и тѣ всѣ были наперечетъ, начиная съ знаменитаго исправника Полуянова и кончая приبلуднымъ русскимъ нѣмцемъ Штоффомъ, явившимся неизвѣстно откуда и еще болѣе неизвѣстно зачѣмъ. Остальные дворяне были тоже сомнительнаго свойства, больше изъ сибирскихъ выходцевъ — семинаристы, дослужившіеся до Владиміра, отставные козачьи офицеры и потомки какихъ-то миѳическихъ си-

бирскихъ князьцевъ. Сообразно этому купеческому складу устроился и весь городъ. Купецъ сказывался во всемъ. Самымъ живымъ мѣстомъ являлся старый гостинный дворъ, а затѣмъ Хлѣбная улица, усаженная крѣпкими купеческими хороминами, — два порядка этой улицы съ своими каменными бѣлыми домами походили на двѣ гигантскихъ челюсти, жевавшихъ каменными зубами благосостояніе Зауралья и прилегавшей къ нему «орды». Всѣ эти купеческіе дома строились по одному плану: верхъ составлялъ парадную половину, пустовавшую отъ однихъ именинъ до другихъ, а нижній этажъ дѣлился на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной помѣщался мучной лабазъ, а въ другой ютилась вся купеческая семья. Все богатое, именитое въ Запольѣ сбилось именно на Хлѣбной улицѣ и частью на Хлѣбномъ рынкѣ, которымъ она заканчивалась, точно переходила въ громадный желудокъ. Совершенно отдѣльно стояли дома купцовъ-степняковъ, т.-е. торговавшихъ степнымъ сырьемъ, какъ Малыгинъ. Они большею частью проживали по своимъ салотопеннымъ заимкамъ, пріютившимся на р. Ключевой выше и ниже города. Рѣка Ключевая должна была бы составлять главную красоту города, но этого не вышло, — городскую стройку отдѣляло отъ рѣки топкое болото въ цѣлую версту. Церквей было не особенно много, — зеленый соборъ въ честь сибирскаго святаго Прокція, память котораго празднуется всею Сибирью 8 іюля, затѣмъ еще три церкви, и только. Этимъ Заполье рѣзко отличалось отъ коренныхъ расейскихъ городковъ. Сибирь вообще не богомольна, а затѣмъ половина запольскаго

купечества держалась старой вѣры или считалась единовѣрцами. Остальныя улицы были заняты мѣщанскою стройкой и домами разночинцевъ. Все это были деревянные домики, въ одинъ этажъ, съ цѣлымъ рядомъ службъ. И мѣщанину, и разночинцу жилось въ Запольѣ хорошо, благо работы всѣмъ было по горло.

«Правильный городъ, — вслухъ думалъ старикъ Колобовъ, выходя на Хлѣбную улицу. — Нечего сказать, хорошій городъ».

День уже склонялся къ вечеру и гдѣ-то звонили къ вечерни. Лѣтомъ Хлѣбная улица пустовала, и у лавокъ безъ дѣла слонялись только прикащики да подрушныя. Отъ бездѣлья они съ утра до вечера жарили въ шашки или съ хлыстами въ рукахъ гонялись за голубями, смѣло забиравшимися прямо въ лавки, гдѣ въ открытыхъ сусѣкахъ ссыпаны были разныя крупы, овесъ и горохъ. Народъ былъ все рослый, краснорожій, какъ и слѣдуетъ быть запольскимъ прикащикамъ. Старикъ Колобовъ остановился у одной лавки, гдѣ шла ожесточенная игра, сопровождавшаяся веселымъ ржаньемъ, прибаутками и тычками, посмотрѣлъ на молодцовъ и только покачалъ головой.

— Тебѣ что понадобилось, дѣдко?

— А вчерашній день потерялъ, миленькіе...

— Проваливай въ палевомъ, приходи въ голубомъ...

Старикъ шелъ, не торопясь. Онъ читалъ вывѣски, пока не нашелъ то, что ему нужно. На большомъ каменномъ домѣ онъ нашелъ громадную синюю вывѣску, гласившую
5 1 ми золотыми буквами: «Хлѣбная торговля Т. С.

Луковникова». Это и было ему нужно. Въ лавкѣ дремалъ благообразный старый прикащикъ. Поднявъ голову, когда вошелъ странникъ, онъ машинально взялъ изъ деревянной чашки на прилавкѣ копѣечку и, подавая, сказалъ:

— Прими, старичокъ.

— Спасибо, миленькій... — отказался странникъ. — Мнѣ бы Тараса Семеныча повидать.

— Тараса Семеныча? Ступай - ка своею дорогой... Ежели каждый полѣзеть къ Тарасу Семенычу, такъ ему и пообѣдать некогда будетъ.

— Можетъ, онъ почиваетъ?

— Нѣтъ, какой теперь сонъ, когда еще восьмой часъ на дворѣ?

— Ну, такъ я его подожду здѣсь. Доложи, што нѣкоторый человѣкъ очень желаетъ его видѣть по нѣкому дѣлу.

— Да я тебѣ мальчикъ дался?

— Ты-то не мальчикъ, а послать можешь... Очень бы хотѣлъ его повидать.

Прочухавшійся прикащикъ еще разъ смѣрилъ страннаго человѣка съ ногъ до головы, что - то сообразилъ и крикнулъ подрушнаго. Откуда - то изъ - за мѣшковъ съ мукой выскочилъ молодецъ, выслушалъ приказъ и полетѣлъ съ докладомъ къ хозяину. Черезъ минуту онъ вернулся и объявилъ, что самъ придетъ сейчасъ. Дѣйствительно, слышались тяжелые шаги и въ лавку заднею дверью вошелъ высокій сѣдой старикъ въ котиковомъ картузѣ. Онъ посмотрѣлъ на страннаго человѣка

черезъ старинныя серебряныя очки и проговорилъ, не торопясь:

— Это ты меня спрашивалъ?

— Видно я... Аль не узнаешь, Тарасъ Семенычъ?

Старикъ приподнялъ голову, еще разъ внимательно разсмотрѣлъ мудренаго человѣка и съ прежнимъ спокойствіемъ проговорилъ:

— Пойдемъ въ горницы, Михей Зотычъ.

Михей Зотычъ былъ одинъ, и торговому дому Луковникова приходилось имѣть съ нимъ не малыя дѣла, поэтому прикащикъ сразу вытянулся въ струнку, точно по немъ выстрѣлили. Молодецъ тоже былъ удивленъ и во всѣ глаза смотрѣлъ то на хозяина, то на прикащика. А хозяинъ шелъ какъ ни въ чемъ не бывало, обходя бунты мѣшковъ, а потомъ маленькою дверцей провелъ гостя къ себѣ въ низенькія горницы, устроенныя по-старинному.

— Ну, здравствуй, дорогой гостенёкъ, — поздоровался онъ, наконецъ. — Али на богомолѣ куда наклался?

— Нѣтъ, по-дорожному, Тарасъ Семенычъ... Почитай, всю Ключевую пѣшкой прошелъ. Да вотъ и завернулъ тебя провѣдать...

— Такъ, такъ... Заходилъ ко мнѣ Галактіонъ-то, поклончикъ отъ тебя сказывалъ. Да... Невѣсту высматривать пріѣхали у Малыгиныхъ?

— Есть и такой грѣхъ, Тарасъ Семенычъ. Житейское дѣло... Надо обженить Галактіона-то, пока не избаловался.

— Такъ, такъ.

Хозяинъ что-то хотѣлъ сказать, но только посмотрѣлъ

на гостя своими темными близорукими глазами. Гость понял этот нѣмой вопросъ и отвѣтилъ:

— Самъ-то Харитонъ Артемьичъ не совсѣмъ, а кровь хорошая... Хорошая кровь, нечего хаять.

— Которую выбралъ?

— А съ краешку, значить, Серафиму. Малость жидковата, а такія-то живущѣе... Закинулъ я давѣ словечко съ самой-то. Правильная женщина, обстоятельная...

— Еще бы, изъ стариннаго рода Аноуса - то Гавриловна. Въ свойствѣ мы съ ней, хотя и небольшая родня.

Горницы у Тараса Семеныча были устроены по-старинному, низенькія, съ небольшими оконцами, запиравшимися на ночь ставнями, съ самодѣльными ковриками изъ стараго тряпья, съ кисейными занавѣсками, горками съ посудой и самымъ простенькимъ письменнымъ столомъ, приткнутымъ въ гостиной. Были еще двѣ маленькихъ комнаты, въ одной изъ которыхъ стояла кровать хозяина и несгораемый шкафъ, а въ другой жила дочь Устинька съ старухой нянькой. Даже на непривычный взглядъ Михея Зотыча горницы были малы для такого человѣка, какъ Тарасъ Семенычъ.

— Ты, вѣдь, нынче въ большихъ тысячахъ, — заговорилъ гость послѣ длинной паузы. — Надо бы наверхъ перебраться.

— Ладно и здѣсь, Михей Зотычъ. Какъ-то обжился, а тамъ пусто, наверху-то. Вотъ, когда гости наберутся, такъ наверхъ зову.

— Другіе - то вонъ какъ у васъ поживаютъ въ За-

польѣ. Недалеко ходить, взять хоть того же Харитона Артемьича. Однимъ словомъ, свѣтленько живутъ.

— Другіе и пусть живутъ по-другому, а намъ и такъ ладно. Кому надо, такъ и моихъ маленькихъ горницъ не обѣгаютъ. Нѣтъ, ничего, хорошіе люди не брезгаютъ... Много у насъ въ Запольѣ этихъ другихъ-то развелось. Модники... Смотрѣть-то на нихъ тошно, Михей Зотычъ. А все черезъ бабъ... Испотачили бабешекъ, вотъ и мутятъ: подавай имъ все по-модному.

— Денежки у васъ дикія, вотъ онѣ пѣтухами и поютъ.

— Есть и такой грѣхъ. Не пожалуемся на дѣла, нечего Бога гнѣвить. Взысканы черезъ число... Только опять и то сказать, купца къ купцу тоже не примѣнишь. Стариннаго-то, кондоваго купечества немного осталось, а развелся теперь разный мусоръ. Взять вотъ хоть этихъ степняковъ, — всѣ они съ бору да съ сосенки набрались. Одинъ прикащикомъ былъ, хозяина обворовалъ и на воровскія деньги въ люди вышелъ.

— Это ты на счетъ Малыгина?

— Не одинъ онъ такой-то... Другіе въ ордѣ темнымъ дѣломъ капиталъ пріобрѣли, какъ Харитонка Булыгинъ. Извѣстное дѣло, какъ тамъ капиталы наживаютъ. Не даромъ говорится: орда слѣпая. Какими деньгами рассчитываются въ ордѣ? Ордынецъ возьметъ бумажку, посмотритъ и проситъ дать другую, чтобы «тавро поятнѣ».

— Фальшивой работы бумажки?

— И своей фальшивой, и привозныя. Какъ-то наѣз-

жалъ ко мнѣ по зимѣ одинъ такой-то хахаль, предлагалъ купить по триста рублей тысячу. «У васъ, — говорить, — уйдутъ въ степь за настоящія»... Ну, я его, конечно, прогналъ. Ступай, — говорю, — къ степнякамъ, а мы этимъ самымъ товаромъ не торгуемъ... Есть, конечно, и изъ мучниковъ всякіе. А только деньги дѣло наживное: какъ пришли, такъ и ушли. Чего же это мы съ тобой въ сухую-то тары-бары разводимъ? Пьешь чай-то?

— Охъ, пью, миленькій... И грѣшно, а пью. Великій соблазнъ, а пью... По нашей-то вѣрѣ это даже вотъ какъ нехорошо.

— Пустяки это все... Чай — злакъ Божій и созданъ онъ на потребу человѣку. А потомъ, не сквернить человѣка входящее во уста, а исходящее изъ устъ... Эй, Матрена!

Въ дверяхъ показалась старуха-няня, изъ-за которой выглядывала дѣтская русая головка.

— Наставъ-ка намъ самоварчикъ, честная мать. Гость у меня... А ты, Устюша, иди сюда. Да не бойся, глупая.

Старикъ долженъ былъ самъ подойти къ дѣвчкѣ и вывелъ ее за руку. Устюшѣ было всего восемь лѣтъ. Это была прехорошенькая дѣвочка съ русыми волосами, голубыми глазками и пухлымъ розовымъ ротикомъ. Простое ситцевое розовое платице дѣлало ее такою милою куколкой. У Тараса Семеныча сразу измѣнился весь видъ, когда онъ заговорилъ съ дочерью, — и лицо сдѣлалось такое доброе, и голосъ ласковый.

— Да ты не бойся, Устюша, — уговаривалъ онъ дичившуюся маленькую хозяйку. — Михей Зотычъ, вотъ и

моя хозяйка. Прошу любить да жаловать... Вот ты не дождался насъ, а то мы бы какъ разъ твоему Галактіону въ самую пору. Любишь чужого дѣдушку, Устюша?

— Нѣ-ѣтъ, — недовѣрчиво протянула дѣвочка. — Онъ беззубый.

— Ну, это пустяки: мы ему зубы молодые вставимъ.

— А я тебѣ гостинца привезу въ другой разъ, — пробовалъ задобрить гость упрямившуюся маленькую хозяйку. — Любишь пряники?

— Подымай выше, — засмѣялся счастливый отецъ. — Намъ пряники ни по чемъ, а подавай фрукты.

— Набалуешь дочь, Тарасъ Семенычъ.

— Пока мала и пусть побалуется, а когда въ разумъ войдетъ, мы и строгость покажемъ. Одна, вѣдь, она у меня, какъ перстъ... Только и свѣту въ окнѣ.

Колобовъ совсѣмъ отвыкъ отъ маленькихъ дѣтей и не зналъ, какъ ему разговаривать съ Устюшей. Впрочемъ, дѣвочка не долго оставалась у отца и убѣжала въ кухню къ нянѣ.

— Вотъ ращу дочь, а у самого кошки на душѣ скребутъ, — замѣтилъ Тарасъ Семенычъ, провожая глазами убѣгавшую дѣвочку. — Самъ-то старъ становлюсь, а съ кѣмъ она жить-то будетъ?... Вонъ нынче какой народъ пошелъ: козырь на козырѣ. Конечно, капиталъ будетъ, да только деньгами зятя не купишь, и черезъ золото большія слезы льются.

За самоваромъ старики разговорились. Михей Зотычъ снялъ свою сермяжку и остался въ одной синей рубахѣ.

— Ты это что добрыхъ-то людей пугаешь? — еще

разъ удивился хозяинъ, улыбаясь. — Бродяга не бродяга, а около этого.

— Да такъ нужно было, Тарасъ Семенычъ... Вѣдь, я не одну невѣсту для Галактіона смотрѣть пришелъ, а и себя не забылъ. Тоже жениться хочу.

— Хорошъ женихъ!

— А то какъ же... И невѣсту ужъ высмотрѣлъ. Хорошая невѣста, а жениховъ не было. Ну, вотъ я и пришелъ... На вашей Ключевой женюсь.

— Н-но-о?

— Вѣрно тебѣ говорю... Заводы бросаю и всю семью вывожу на Ключевую. Всѣмъ работы хватить... И мѣстечко приглядѣлъ, повыше Суслона, гдѣ малыгинскій зять писарить. Ахъ, хорошо мѣстечко!... Ужо меленку поставлю.

— А свою бросаешь?

— Жаль, а приходится бросать. Тоже, вѣдь, на Ключевой стоитъ. Своя рѣка-то... Ну, пока мы къ заводамъ обязанные были, такъ оно некуда было дѣться, а теперь совсѣмъ другое. О сынахъ надо позаботиться... Дѣла тамъ мало, въ горахъ. Много ли тамъ хлѣба сѣютъ, а здѣсь у васъ приволье. Вотъ я всю Ключевую наскрость и прошелъ... Не рѣка, а угодница. Два города стоитъ, три завода, а сколько фабрикъ, заимокъ, мельницъ—и не пересчитаешь... Иду и дивлюсь. Верстъ съ триста прошелъ, а все въ виду селенья. Другой такой рѣки и въ Расеѣ съ огнемъ не сыщешь. Ахъ, хороша рѣчка!

— Большую мельницу-то думаешь строить?

— А ужъ это какъ Богъ приведетъ... Вотъ еще какъ

мои-то помощники. Емельянъ - то, значить, большакъ, изъ воли не выходить, а на Галактіона какъ будто и не надѣюсь. Мудреный онъ у меня.

— Знаю, знаю, что любимый сынъ... Самъ виновать, что набаловалъ.

— Нѣтъ, не то... Особенный онъ, умственный. Всякое дѣло разсудить... А то упрется на чемъ, такъ точно на пень наѣхалъ.

— Постой, Михей Зотычъ, а, вѣдь, ты неправильно говоришь: наклался ты сына середняка женить, а какъ же большакъ-то неженатый останется? Не порядокъ это.

Гость немного замялся и только потомъ объяснилъ:

— Особенное тутъ дѣло выходить, Тарасъ Семенычъ... да. Не спросился Емельянъ-то, видно, родителя. Грѣхъ тутъ большой вышелъ... Тамъ еще, на заводѣ, познакомился онъ съ одною дѣвицей... Ну, а она не нашей вѣры и жениться ему нельзя, потому какъ или ему въ православные идти, или ей въ дѣвкахъ сидѣть. Такъ это самое дѣло и затянулось: ни взадъ, ни впередъ.

— И хорошая дѣвушка?

— Ему, значить, хороша, а я не видалъ.

Луковниковъ былъ православный, хотя и дружилъ по торговымъ дѣламъ съ старовѣрами. Этотъ случай его возмутилъ, и онъ откровенно высказалъ свое мнѣніе, именно, что ничего Емельяну не остается, какъ только принять православіе.

— Вѣдь, вотъ вы всѣ такіе, — каралъ онъ гостя. — Послушать, такъ все у васъ какъ по писанному, какъ слѣдуетъ быть... Вѣдь, вотъ сидимъ вмѣстѣ, пьемъ чай,

разговариваемъ, а не съѣли другъ друга. И дѣла раньше дѣлали... Чего же Емельяну поперекъ дороги вставать? Православной-то ужъ ходу никуда нѣтъ... Ежели ужъ такое дѣло случилось, такъ надо по-человѣчеству разсудить.

— И то я ихъ жалѣю, про себя жалѣю. И Емельянъ-то ужъ въ годахъ. Самъ не маленькій... Ну, вижу, помутился онъ, тоскуетъ... Ну, я ему разъ и говорю: «Емельянъ, когда я помру, дѣлай, какъ хочешь. Я съ тебя воли не снимаю». Такъ и сказалъ. А при себѣ не могу дозволить.

Хозяинъ только развелъ руками. Вотъ тутъ и толкуй съ упрямымъ старичонкой. Не угодно ли дожидаться, когда онъ умретъ, а Емельяну ужъ подъ сорокъ. Скоро сѣдой волосъ прошибетъ.

— Однако, я у тебя закалялся, — объявилъ гость, поднимаясь. — Мнѣ и спать пора... Я, вѣдь, какъ воробей, поднимаюсь вмѣстѣ съ зарей.

— Да гдѣ ты остановился-то, Михей Зотычъ?

— А самъ еще не знаю, гдѣ, миленькій. Гдѣ Богъ приведетъ... На постоянный дворъ куда-нибудь заверну.

— Оставайся у меня. Мѣсто найдемъ.

— Мѣсто-то найдется, да я не люблю себя стѣснять... А тамъ я самъ большой, самъ маленькій, и никому до меня дѣла нѣтъ.

— Ну, съ тобой каши не сварить. Заходи какъ-нибудь.

Уходя отъ Тараса Семеныча, Колобовъ тяжело вздохнулъ. Говорили по душѣ, а главнаго-то онъ, все-таки,

не сказалъ. Что болтать прежде времени? Онъ шелъ опять по Хлѣбной улицѣ и думалъ о томъ, какъ здѣсь все перемѣнится черезъ нѣсколько лѣтъ и что главною причиною перемѣны будетъ онъ, Михей Зотычъ Колобовъ.

VI.

Старикъ Колобовъ зажилъ въ Запольѣ. Онъ точно обыскивалъ весь городъ. Все-то ему нужно было видѣть, со всѣми поговорить, вездѣ побывать. Сначала всѣ дивились чудному старику, а потомъ привыкли. Городъ нравился Колобову, а еще больше нравилась рѣка Ключевая. По утрамъ онъ почти каждый день уходилъ купаться, а потомъ садился на бережокъ и проводилъ цѣлые часы въ какомъ-то созерцательномъ настроеніи. Ахъ, хороша рѣка, настоящая кормилица!

— А вы неладно съ городомъ-то устроились,—говорилъ Колобовъ мучникамъ, жарившимъ въ шашки у своихъ лавокъ. — Охъ, неладно!

— А чѣмъ мы провинились, дѣдко?

— Да такъ... Грѣшнымъ дѣломъ, огонекъ пыхнетъ, вы за водой, да въ болотѣ и завязнете. Вѣрно говорю... Не бѣду накликаю, а къ примѣру.

Всѣ соглашались съ нимъ, но никто не хотѣлъ ничего дѣлать. Слава Богу, отцы и дѣды жили, чего же имъ иначе? Конечно, подъѣздъ къ рѣкѣ надо бы вымостить, это ужъ вѣрно,—ну, да какъ-нибудь...

Колобовъ поджидалъ сыновей, уѣзжавшихъ по дѣламъ на заводы. Они должны были вернуться давно, да что-то замѣшкались. Старику пришлось проболтаться въ За-

польѣ цѣлыхъ двѣ недѣли, пока они вернулись. Приѣхали двое старшихъ, Емельянъ и Галактіонъ. Они одѣвались уже по-новому, въ пиджаки и сюртуки, какъ слѣдуетъ быть новымъ людямъ. Емельяну уже было подь сорокъ и на макушкѣ у него просвѣчивала порядочная лысина. Это былъ молчаливый человекъ, занятый какими-то своими мыслями. Много-много, если взглянетъ на кого, а то и такъ сойдетъ. Окладистая русая борода и строгіе сѣрые глаза придавали ему вообще довольно суровый видъ. Галактіонъ былъ моложе на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Это былъ высокій и статный молодецъ съ типичнымъ русскимъ лицомъ, только что опущеннымъ небольшою бородкой. Ласковые темные глаза постоянно улыбались. У старика Колобова всѣ надежды заключались въ Галактіонѣ,—очень ужъ умный паренекъ издался. За что ни возьмется, всякая работа горитъ въ рукахъ. Онъ и механикъ, и мельникъ, и бухгалтеръ, и все, что хочешь. Никакое дѣло отъ рукъ не отобьется.

— Висмотрѣлъ я мѣсто себѣ подь мельницу,—объяснялъ старикъ сыновьямъ.—Всю Ключевую прошелъ—лучше не сыскать. Подь Суслономъ, гдѣ Прорывъ.

— Что же, будемъ строиться,—согласился Галактіонъ.—Мы проѣзжали мимо Суслона. Мѣсто подходящее... А только я бы лучше на устьѣ Ключевой поставилъ мельницу.

— Далеконько отбилося устье-то, почитай въ самой ордѣ,—сказалъ старикъ,—а Суслонъ въ самомъ горлѣ... Кругомъ какъ полная чаша.

Пораздумавшись, старикъ рѣшилъ, что нужно съѣз-

дить на устье Ключевой, до котораго отъ Заполя не больше верстъ шестидесяти.

— Посмотримъ, — бормоталъ онъ, поглядывая на Галактіона. — Только, вѣдь, въ устьѣ-то вода будетъ по веснѣ долить. Сила не возьметъ... Одна другую рѣки будутъ подпирать.

Емельянъ, по обыкновенію, молчалъ, точно его кто на ключъ заперъ. Ему было все равно: Суслонъ, такъ Суслонъ, а хорошо и на устьѣ. Вотъ Галактіонъ другое, — у того что-то было на умѣ, хотя старикъ и не пыталъ прежде времени.

Поѣздка на устье Ключевой являлась одной прогулкой, — такъ было все хорошо кругомъ. Сначала старикъ не соглашался ѣхать на лошадяхъ и непременно хотѣлъ идти пѣшкомъ, но Галактіонъ его уломалъ. Дорога шла правымъ степнымъ берегомъ, гдѣ зеленымъ ковромъ разстилались поѣмные луга, а за нимъ разлеглась уже степь, запаханная только на половину. И селитьба здѣсь пошла рѣдкая. Похаять мѣста, конечно, нельзя, а все-таки не то, что подъ Суслономъ. Быстрою сибирскою ѣздой шестьдесятъ верстъ сдѣлали въ пять часовъ: выѣхали пораньше утромъ, а къ десяти часамъ были уже на мѣстѣ.

— Вотъ это такъ мѣсто! — проговорилъ Галактіонъ, когда дорожный корабль остановился на мысу.

Дѣйствительно, картина была замѣчательная. Глубокій Тоболь шелъ по степи «въ трубѣ», точно въ нарочно прорытой канавѣ. Ключевая впадала съ лѣвой стороны, огибая отлогій мысъ, извѣстный подъ названіемъ Городи-

ща, потому что на немъ еще сохранились слѣды старыхъ земляныхъ валовъ и глубокихъ рвовъ. Мѣсто сліянія двухъ рѣкъ образовало громадное плесо, въ которомъ вода сейчасъ стояла, какъ зеркало. Михай Зотычъ долго ходилъ по берегу, присматривая открывавшуюся даль изъ-подъ руки. Онъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, крутилъ головой и, наконецъ, вырѣшилъ все дѣло:

— Какое же это мѣсто? Тутъ надо какую плотину — страшно вымолвить... Да и весной вода вонъ куда поднимается.

Онъ показалъ размывы берега, гдѣ черта водяного весенняго уровня была на-лицо.

— Тутъ надо каменную плотину налаживать, да и ту прорветъ, — ворчалъ старикъ, тыкая своею черемуховою палкой въ водородины.

— А я бы такъ не ушелъ отсюда, — думалъ вслухъ Галактіонъ, любуясь мѣстомъ. — Вѣдь, что только можно здѣсь сдѣлать, родитель!

— Ну-ка, што? — поддразнилъ старикъ.

— Пароходную пристань вотъ тутъ, а повыше бунянь для склада всякихъ товаровъ... Вотъ что!

— А пароходы гдѣ?

— За пароходомъ дѣло не встанетъ... По другимъ-то мѣстамъ вездѣ пароходы, а мы все гужомъ волокемъ. Отсюда во всѣ стороны дорога: подъ Семипалатинскъ, въ степь, на Обь къ рыбнымъ промысламъ... Работы хватить.

Галактіонъ даже закрылъ глаза, рисуя себѣ заманчивую картину будущаго пароходства. Михай Зотычъ понималъ, куда гнулъ любимый сынъ, и нахмурился. Не о

пустякахъ надо было сейчасъ думать, а у него вонъ что на умѣ: пароходы... Тоже придумаетъ.

— Ну, ужъ ты самъ ѣзди на своихъ пароходахъ, — ворчалъ онъ, размахивая палкой, — а мы на берегу посидимъ.

— Одно другому не мѣшаетъ, родитель.

— А вотъ и мѣшаетъ! За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаетъ... Надо выкинуть дурь-то изъ головы. Я вотъ покажу тебѣ такой пароходъ...

Повернувшись къ Галактіону, старикъ неожиданно проговорилъ:

— Я тебѣ невѣсту высваталъ, дураку, а у тебя пароходы на умѣ. Благодарить будешь.

Галактіонъ ничего не отвѣтилъ отцу, а только опустилъ глаза. Онъ даже не спросилъ, кто невѣста. Это послѣднее окончательно возмутило старика, и онъ накинулся на своего любимца съ неожиданною яростью.

— Да ты что молчишь-то, пенъ березовый?... Я для него убиваюсь, хлопочу, а онъ хоть бы словечко.

— Что же мнѣ говорить? — замылся Галактіонъ. — Изъ твоей воли я не выхожу. Не перечу... Ну, высваталъ, значитъ, такъ тому дѣлу и быть.

— А для кого я хлопоталъ-то, дерево ты стоеросовое?... Ты что долженъ сдѣлать, идолъ каменный? Въ ноги мнѣ долженъ кланяться, потому какъ я тебѣ судьбу устраиваю. Ты вотъ считаешь себя умникомъ, а для меня ты въ родѣ дурака... Да. Ты бы хоть спросилъ, какая невѣста-то?... Ахъ, безчувственный ты истуканъ!

— Знаю, какая-такая невѣста, — уже спокойно отвѣ-

тиль Галактіонъ, поднимая глаза на отца. — Что же, дѣвушка хорошая... Немножко въ годкахъ, ну, да это ничего.

— Ну, а еще-то что? Ну, договаривай.

— А еще то, родитель, что ту же бы дѣвушку взять да самому, такъ оно, пожалуй, и лучше бы было. Это я такъ, къ слову... А вообще Серафима Харитоновна дѣвица вполнѣ правильная.

— Вотъ какъ ты со мной разговариваешь, Галактіонъ! Надъ роднымъ отцомъ выкомуриваешь!... Хорошо, я тогда съ тобой иначе буду говорить.

Эта сцена больнѣе всего отозвалась на молчавшемъ Емельянѣ. Большакъ понималъ, что это онъ виноватъ, что отецъ самовольно хочетъ женить Галактіона на немилой, какъ дѣлывалось встарину. Боится старикъ, чтобы Галактіонъ не выкинулъ такую же штуку, какъ онъ, Емельянъ. Вотъ и торопится... Совѣстно стало большаку, что изъ-за него заѣдаютъ чужой вѣкъ. И что это накатилося на старика? А Галактіонъ выдержалъ до конца и ничѣмъ не выдалъ своего настроенія.

Упрямый старикъ сердился всю дорогу и все поглядывалъ на Галактіона, который не проронилъ ни слова. Подъѣзжая къ Заполью, Михей Зотычъ проговорилъ:

— Думалъ я, по осени сыграемъ свадьбу... По-хорошему, думалъ, все дѣльце пойдетъ. А теперь другое... Да. Черезъ двѣ недѣли теперь свадьба будетъ.

— А по мнѣ все равно, — проворчалъ Галактіонъ. — Хоть завтра.

— Ты у меня поговори, Галактіонъ!... Вотъ сына

Богъ послалъ!... Я о немъ же забочусь, а у него пароходы на умѣ. Вотъ тебѣ и пароходъ!... Самъ виноватъ, самъ довелъ меня. Охъ, согрѣшилъ я съ вами: одинъ умнѣе отца захотѣлъ быть и другой туда же... Нѣтъ, шабашъ! Будетъ веревки-то изъ меня вить... Я и тебя, Емельянъ, женю по пути. За одинъ разъ терпѣть-то отъ васъ. Для кого я хлопочу-то, галманы вы этакіе? Вотъ на старости лѣтъ въ новое дѣло впутываюсь, петлю себѣ на шею надѣваю, а вы...

Михей Зотычъ ужасно волновался и нѣсколько разъ ссылался на покойную жену, которая еще не такъ бы поступила съ послушниками отцовской воли.

— Она не посмотрѣла бы, что такіе лбы выросли... да!—выкрикивалъ старикъ, хотя сыновья и не думали спорить.—Вѣдь, мы такъ же поженились, да прожили вѣкъ не хуже другихъ.

Братья нисколько не сомнѣвались, что отецъ не будетъ шутить и сдержитъ свое слово. Не такой человѣкъ, чтобы болтать напрасно. Впрочемъ, Галактіонъ ничѣмъ не обнаружилъ своего волненія и относился къ своей судьбѣ, какъ къ дѣлу самому обыкновенному.

Вообще, вся колобовская семья была какая-то странная, что объясняется отчасти ихъ генеалогіей. Первымъ объявился на Уралѣ дѣдушка Колобокъ; онъ былъ изъ сибирскихъ бѣглыхъ. Пробираясь изъ Сибири въ Расею, онъ застрялъ на одномъ изъ горныхъ уральскихъ заводовъ, женился, да такъ и остался навсегда. Откуда онъ былъ родомъ и кто такой—никто не зналъ, даже единственный сынъ Михей Зотычъ. Дѣдъ не любилъ говорить

о своемъ прошломъ. Извѣстно было только одно, что онъ былъ «по старой вѣрѣ». На заводахъ въ то время очень нуждались въ живой рабочей силѣ и охотно держали бродягъ, скрывая ихъ по рудникамъ, отдаленнымъ куренямъ и прискамъ. Дѣдъ такъ и прожилъ «колобкомъ» до самой смерти, а сынъ, Михей Зотычъ, уже былъ приписанъ къ заводскимъ людямъ, наравнѣ съ другими дѣтьми. Этому «заводскому сыну» пришлось пройти очень тяжелую школу, пока онъ выбился въ люди, т.-е. достигъ извѣстной самостоятельности. Время было крѣпостное, суровое, а на заводахъ царили порядки добраго каторжнаго времени. Михей Зотычъ проходилъ «механическій цехъ», потомъ попалъ къ паровымъ котламъ, потомъ на мѣдный рудникъ къ штанговой машинѣ, откачивавшей изъ шахты воду, потомъ къ лѣснымъ поставкамъ,—однимъ словомъ, прошелъ сложный и тяжелый путь. Его спасли такъ называемыя отрядныя работы, которыя сдавались своимъ же заводскимъ рабочимъ съ торговъ. Тутъ впервые сказала вся сметка и находчивость недавняго простаго рабочаго. Онъ быстро выдвинулся впередъ и началъ копить деньгу. Такъ продолжалось лѣтъ десять. Въ это время Михей Зотычъ успѣлъ жениться и обзавелся своимъ домкомъ. Одно оставалось у него на душѣ — и при деньгахъ онъ оставался подневольнымъ человѣкомъ, неся отцовское иго. Добиться воли, сбросивъ съ себя отцовскій плѣнъ, сдѣлалось завѣтною мечтою настойчиваго и предприимчиваго человѣка. Но выкупиться богатому подрядчику изъ заводской неволи было немислимо: заводы не нуждались въ день-

гахъ, какъ помѣщики, а отпускать отъ себя богатаго человека невыгодно, т.-е. богатаго по своей крѣпостной заводской ариѳметикѣ. Но тутъ спасъ Михея Зотыча счастливый случай. Нужно было соединить каналомъ одну горную рѣчку съ заводскимъ прудомъ. Русскіе инженеры, дѣлавшіе промѣры, рѣшили, что это невозможно. Ихъ смѣнилъ какой-то французскій инженеръ и подтвердилъ то же самое. Тогда Михей Зотычъ «прошелъ линію» съ своимъ бурачкомъ съ водой и заявилъ, что проведетъ каналъ, если ему дадутъ вольную. Работы по приблизительнымъ смѣтамъ равнялись тридцати тысячамъ рублей. Счетъ шелъ на ассигнаціи, но эти крѣпостныя ассигнаціи стоили дороже вольныхъ серебряныхъ рублей. Заводоуправленіе согласилось, — вѣроятно, въ видѣ курьеза, — и черезъ три года работы каналъ былъ готовъ и самымъ блестящимъ образомъ оправдалъ всѣ расчеты самоучки-инженера.

Получивъ вольную (дѣйствіе происходило въ сороковыхъ годахъ), Михей Зотычъ остался на заводахъ. Онъ арендовалъ у заводовладѣльца мельницу въ верховьяхъ Ключевой и зажилъ на ней совсѣмъ вольнымъ человекомъ. Нужно было снова нажить капиталъ, чтобы выступить на другомъ поприщѣ. И этотъ послѣдній шагъ Михей Зотычъ дѣлалъ сейчасъ.

VII.

Дѣло со свадьбой быстро пошло впередъ. Двухнедѣльный срокъ, данный Михеємъ Зотычемъ, поднялъ малыгинскій домъ вверхъ дномъ. Анѳуса Гавриловна просто

сбилась съ ногъ съ своими бабьими хлопотами. Оказалось, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, что и того нѣтъ, и этого недостаетъ, и третьяго не хватаетъ, а о четвертомъ и совсѣмъ позабыли. И, въ то же время, нужно было сдѣлать все по-настоящему, чтобы не осрамиться передъ другими и не запереть ходъ остававшимся невѣстамъ. Чужіе-то люди все замѣтятъ и зубы во рту у невѣсты пересчитаютъ, и Анеуса Гавриловна готова была вылѣзти изъ кожи, чтобы не осрамить своей репутаціи. А тутъ еще наѣхали разныя тетки, свояченицы и дальнія родственницы, и каждая чѣмъ-нибудь разстраивала.

— Женишокъ, нечего хаять, хорошъ, а только капиталъ у нихъ сумлительный, да и дѣлать его придется промежду тремя братьями,—говорила тетка со стороны мужа.—На запольскихъ-то невѣсть всякій позарится, кому и не надо.

— Ну, капиталъ дѣло наживное, — спорила другая тетка,—не съ деньгами жить... А вотъ карахтеромъ-то ежели въ тятеньку родимаго женишокъ издастся, такъ ужъ оно не того... Михей-то Зотычъ, сказываютъ, двухъ женъ въ гробъ заколотилъ. Аспидъ настоящій, а не человѣкъ. Да еще сказываютъ, что у Галактіона-то Михеича ужъ была своя невѣста на примѣтѣ, любовнымъ дѣломъ, ну, вотъ старикъ-то и торопить, чтобы огласки какой не вышло.

Анеуса Гавриловна все это слышала изъ пятаго въ десятое, но только отмахивалась обѣими руками: она хорошо знала цѣну этимъ разстройнымъ свадебнымъ рѣчамъ. Не одно хорошее дѣло разсыпалось вотъ изъ-за

такихъ бабьихъ шепотовъ. Лично ей женихъ очень нравился, хотя она многого и не понимала въ его поведеніи. А, главное, очень ужъ пришелся онъ по душѣ невѣстѣ. Чего же еще надо? Серафимочка точно помолодѣла лѣтъ на пять и была совершенно счастлива.

— Высидѣла жениха, — шептали бѣдныя родственницы, не могшія простить этого счастія и подыскивавшія что-нибудь непріятное. — Ну, да ему, голенькому, какъ разъ по зубамъ невѣста-перестарокъ.

Теперь весь верхъ малыгинскаго дома былъ занятъ женщинами, хлопотавшими около невѣстина приданого. Особенно хорошо было по вечерамъ, когда наѣзжали со всего Заполя подруги невѣсты, и всѣ комнаты наполнялись беззаботнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ, молодыми голосами и старинными свадебными пѣснями. Сколько тутъ было хорошенькихъ дѣвичьихъ лицъ, блестящихъ молодостью глазъ и того безпричиннаго веселья, которое приходитъ и уходитъ вмѣстѣ съ молодостью. Выворочены были изъ кладовыхъ старинные сундуки съ заготовленнымъ уже раньше приданымъ, по столамъ вездѣ разложены всевозможныя новыя матеріи, — однимъ словомъ, работа шла во всю. Дѣлалось все это, между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы всѣ видѣли, какъ Малыгины выдаютъ дочь замужъ. Изъ всѣхъ дѣвушекъ веселилась, главнымъ образомъ, Харитина, на которую теперь мать почему-то особенно ворчала и не давала прохода.

— И что ты хвостомъ-то повертываешь, безсовѣстная? — ворчала Анеуса Гавриловна. — Ты у меня смотри, я до тебя доберусь!

— Мамынька, да что вы въ самомъ-то дѣлѣ привязываетесь ко мнѣ?

— погоди, я тебѣ покажу, вертихвостка!

Особенно доставалось Харитинѣ, когда пріѣзжалъ женихъ. Анѳуса Гавриловна не спускала глазъ съ нея. Дѣло доходило до подзатыльниковъ и слезъ.

— А не лѣзь на глаза, не представляйся! — какъ-то по-змѣиному шипѣла Анѳуса Гавриловна. — Вонъ другія-то дѣвушки прячутся отъ мужчинъ, а ты все на выставку, все на выставку!

— Мамынька, да право же, ей-Богу, я ничего... Я тоже буду прятаться.

Женихъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и зналъ всѣ порядки по свадебному дѣлу. Онъ пріѣзжалъ каждый день и проводилъ съ невестой какъ разъ столько времени, сколько нужно — ни больше, ни меньше. И остальныхъ дѣвушекъ не забывалъ: для каждой у него было свое словечко. Всѣ невестины подружки полюбили Галактіона Михеича, а старухи шептали по угламъ:

— Ну, этотъ изъ молодыхъ да ранній! Пожалуй, другимъ-то зятьямъ и пикнуть не дастъ.

Нравился дѣвушкамъ и другой братъ, Емельянъ. Придетъ на дѣвичникъ, сядетъ въ уголокъ и молчитъ, какъ пришитый. Сначала всѣ дѣвушки какъ-то боялись его, а потомъ привыкли и насмѣлились до того, что сами начали приставать къ нему и свои дѣвичьи шутки шутить.

— Емельянъ Михеичъ, расскажите сказочку! Емельянъ Михеичъ, спойте пѣсенку!

А Емельянъ Михенчъ сидитъ и только молча улыбается. Самыя смѣлыя дѣвушки кончали тѣмъ, что начали примѣривать на него невѣстины наряды, надѣвали на него чепцы и шляпы и хохотали до слезъ. Одно появленіе Емельяна уже вызывало общее веселье и дѣвушки нападали на него всею гурьбой, какъ осиное гнѣздо. А онъ все молчалъ и только улыбался. При немъ не стѣснялись и болтали все, что взбредетъ въ голову, его же тащили во всѣ дѣвичьи игры и шалости, теребили за бороду, цѣловали и продѣлывали всякія дурачества, особенно, когда старухи уходили послѣ обѣда отдохнуть. Съ другими мужчинами не смѣли и сотой доли того сдѣлать, а жениха даже побаивались, хотя на видъ онъ и казался ласковѣе. Всѣ чувствовали, что женихъ только старается быть вѣжливымъ и что его совсѣмъ не интересуютъ дѣвичьи шутки и забавы.

И дѣйствительно, Галактіонъ интересовался, главнымъ образомъ, мужскимъ обществомъ. И тутъ онъ умѣлъ себя поставить и просто, и солидно: старикамъ—уваженіе, а съ другими на равной ногѣ. Всего лучше Галактіонъ держалъ себя съ будущимъ тестемъ, который закрутилъ съ самаго перваго дня и могъ говорить только всего одно слово: «Выпьемъ!» Будущій зять оказывалъ старику вниманіе и дѣлалъ такой видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ его безпросыпнаго пьянства.

— Богоданный тятенька, вы бы на террасѣ посидѣли... Оно на свѣжемъ воздухѣ пріятнѣе.

Такое поведеніе, конечно, больше всего нравилось Анѳусъ Гавриловнѣ, ужасно стѣснявшейся сначала передъ

женихомъ за пьянаго мужа, а теперь женихъ-то въ одну руку съ ней все дѣлалъ и даже самъ укладывалъ спать окончательно захмѣлѣвшаго тестя. Другимъ ужасомъ для Анеусы Гавриловны былъ сынъ Ліодоръ, отъ котораго она прямо откупалась: дать денегъ, и Ліодоръ пропадетъ на день, на два. Когда онъ показывался гдѣ-нибудь на дворѣ, дѣвушки сбивались, какъ овечье стадо, въ одну комнату и запирались на ключъ.

Разъ все-таки Ліодоръ неожиданно для всѣхъ прорвался въ дѣвичью и схватилъ въ охапку первую попавшуюся дѣвушку. Поднялся отчаянный визгъ и всѣ бросились въ разсыпную. Но на выручку явился точно изъ-подъ земли Емельянъ Михеичъ. Онъ молча взялъ за плечо Ліодора и такъ его повернулъ, что у того кости затрещали, — у великаго молчальника была желѣзная сила.

— Да ты, чортъ, не очень того! — бормоталъ потерявшійся Ліодоръ. — Мы и сами съ усами! Мелкими можемъ расчетъ дать!

Емельянъ только показалъ глазами на окошко, а потомъ вытолкалъ Ліодора въ дверь. Дѣвушки не знали, какъ и благодарить великодушнаго силача, который опять молча улыбался.

Появилась въ малыгинскомъ домѣ и Евлампія Харитоновна или, по-домашнему, «полуштофова жена». Прямой ссоры съ зятемъ нѣмцемъ у Малагиныхъ не было, но и родственной близости не выходило. Видались больше по праздникамъ, да на именинахъ. Евлампія была большая модница и щеголяла напропалую. И на свадьбу она явилась въ такомъ платьѣ, что всѣ ахнули. Всѣ

удивлялись только одному, откуда хитрый нѣмецъ беретъ деньги, чтобы такъ наряжать жену: ни торговли, ни службы, ни опредѣленныхъ занятій, ни капитала, а живетъ на широкую ногу. Познакомившись съ женихомъ, Евлампія сдѣлала презрительное движеніе плечами и только замѣтила:

— Не большого бобра убили, мамынька!

— Какого еще тебѣ жениха нужно, Евлампія?— обидѣлась Анѳуса Гавриловна.— Всѣ завидуютъ... Пожалуй, почище твоего-то нѣмца будетъ.

— Ну, моего нѣмца вы оставьте, мамынька. Вы ему теперь цѣны еще не знаете.

— То-то онъ что-то ужъ очень скрываетъ свою цѣну,— ядовито замѣтила Анѳуса Гавриловна.— Какъ будто и другіе тоже ничего не замѣчаютъ.

Вечеркомъ заглянула и Татьяна Харитоновна, бывшая за Булыгинымъ. Она урвалась изъ дому тайкомъ, чтобы хоть однимъ глазомъ взглянуть на Серафимина жениха. Не красно жилось Татьянѣ, похудѣла она, какъ щепка, подъ глазами синіе круги. Болѣло о ней сердце у Анѳусы Гавриловны, постоянно болѣло, а помочь было нечѣмъ. Такая ужъ неудача родилась. Она посмотрѣла на жениха изъ другой комнаты, похвалила и незамѣтно ушла домой, точно боялась своимъ присутствіемъ нарушить веселье въ отцовскомъ домѣ. Анѳуса Гавриловна даже всплакнула потихоньку,— очень ужъ жаль ей было Татьяны. Кажется, всѣхъ бы дочерей собрала подъ свое материнское крыло и никому не дала бы въ обиду. Вотъ и Анны, писаревой жены, тоже нѣтъ на свадьбѣ,

и мать не разъ о ней вспомнила. Такъ, ни за грошъ дѣвку загубили... Отецъ и слышать ничего не хотѣлъ о суслонскомъ писарѣ.

— Ну, что, каковъ женихъ? — спрашивала Анеуса Гавриловна, провожая Татьяну по черной лѣстницѣ.

— Женихи-то всѣ хороши, мамынька, — уклончиво отвѣтила Татьяна. — Ничего, хорошій. Жениховъ-то, какъ гусей, по осени считаютъ. Что-то очень ужъ ласковый. Я это такъ, къ слову.

— Не буянъ бы, да не пьяница, Татьянушка! А наша Серафима прямо ума рѣшилась. Горить вся.

— Дай Богъ, мамынька.

— Охъ, Татьянушка, болитъ у меня сердце за всѣхъ васъ! Вотъ какъ болитъ! Хотѣла выписывать Анну изъ Суслона, да отецъ сразу поднялся на дыбы: слышать не хочетъ.

Въ Запольѣ еще сохранились старинные свадебные обряды, хотя они и перемѣшались съ новыми модными обычаями. Колобовская свадьба, благодаря спѣху, прошла кое-какъ въ этомъ отношеніи, и старухи, собравшіяся на свадьбу, сильно пеняли на старика Колобова. Куда ускорился старичонко, подумаешь, а дѣло не таковское. Блохъ ловить торопятся, а жену берутъ чести-честью. Не было настоящего сватовства, не было рукобитья; а прямо начали съ дѣвчиниковъ, точно на пожаръ погнали. Опытныя старушки ничего хорошаго въ этомъ спѣхѣ не видѣли и сулили молодымъ незадачу. Конечно, все это говорилось по угламъ, а не въ глаза мужниной и жениной роднѣ. Ломался старый вѣковой обы-

чай, а это не къ добру. Самъ-то Михей Зотычъ, не бойсь, и глазъ не казалъ на свадьбу, а отсиживался у себя на постояломъ дворѣ, да на берегу Ключевой. Все обсудили старушки, все признали и по-своему разсудили дѣло: неправильная свадьба и, все равно, проку не будетъ. Вонъ и женихъ ужъ сейчасъ туманный ходить.

Веселилась и радовалась одна невѣста, Серафима Харитоновна. Очень ужъ по сердцу пришелся ей молодой женихъ, и она видѣла только его одного. Скорѣе бы только все кончилось... Съ нею онъ былъ сдержанно-ласковъ, точно боялся проявить свою жениховскую любовь. Только разъ Галактіонъ Михеичъ сказалъ невѣстѣ:

— Вы доброю волей за меня идете, Серафима Харитоновна? Пожалуйста, не обижайтесь на меня: можетъ быть, у васъ былъ кто-нибудь другой на примѣтѣ?

— Что вы, Галактіонъ Михеичъ,—смущенно отвѣтила невѣста.—Никого у меня не было и никого мнѣ не нужно. Я вся тутъ. Сами видите, кого берете. Какъ вы, а я всею душой...

Галактіону Михеичу вдругъ сдѣлалось совѣстно, потому что онъ не могъ отвѣтить невѣстѣ такъ же искренно и просто. Собственно, невѣста ему и нравилась, ему хотѣлось иногда ее приласкать, сказать ласковое словечко, но все какъ-то не выходило, да и свадебные гости мѣшали. Жениху съ невѣстой не приходилось оставаться съ глазу на глазъ.

Однажды вечеромъ на дѣвичникѣ, когда дѣвушки запѣли старинную пѣсню:

«Разступитесь, люди добрые,
Что на всѣ на четыре стороны!
Дайте-ко мнѣ путь-дороженьку,
Мнѣ идти къ родному батюшкѣ!»...

у жениха вдругъ упало сердце, точно онъ дѣлалъ что-то нехорошее и кого-то обманывалъ. У него даже мелькнула мысль, что, вѣдь, можно еще отказаться, время не ушло, а впереди цѣлая жизнь съ нелюбимою женой. Но это было только проявленіе минутной слабости. Ничего не оставалось, какъ идти до конца. Взглянувъ на пригорюнившагося брата Емельяна, Галактіонъ понялъ, что они оба охвачены однимъ сомнѣніемъ, оба думали одну думу и оба приходили къ одному заключенію. Да, суженой-ряженой, видно, на конѣ не объѣдешь.

VIII.

На свадьбѣ Галактіонъ перезнакомился со всѣмъ Запольемъ, потому что теперь въ малыгинскій домъ валили званный и незванный. Это тоже старинный обычай, и чѣмъ больше гостей, тѣмъ больше почету невѣстину дому. Даже старые недруги могли приходиться и старое зло на время забывалось. Изъ приходившихъ въ малыгинскій домъ большинство были купцы средней руки. Знать составляли такіе именитые люди, какъ старикъ Луковниковъ и запольскій богачъ Евграфъ Огибенинъ. Огибенинскій купеческій родъ пользовался громадною популярностью во всемъ округѣ, центръ котораго составляло Заполье. Еще дѣды вели здѣсь торговлю и завязывали первые узлы. Нынѣшній Евграфъ Огибенинъ являлся по-

слѣднимъ словомъ купеческаго прогресса, потому что держалъ себя совсѣмъ на господскую ногу: одѣвался по послѣдней модѣ, волосы стригъ подъ гребенку, бороду брилъ, усы завивалъ и, въ довершеніе всего, остался старымъ холостякомъ, чего не случалось въ купечествѣ, какъ стояло Заполье.

— Пошелъ родъ на переводъ, — говорилъ старикъ Луковниковъ, особенно недолюбливавшій Евграфа.

Другіе называли Огибенина просто «Еграшкой модникомъ». Анеуса Гавриловна была взята изъ огибенинскаго дома, хотя и состояла въ немъ на положеніи племянницы. Поэтому на малыгинскую свадьбу Огибенинъ явился съ большимъ апломбомъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ. Онъ относился ко всѣмъ свысока, какъ къ дикарямъ, и чувствовалъ себя на одной ногѣ только съ Евлампіей Харитоновной.

Изъ всей этой малыгинской родни и сборныхъ гостей Галактіону ближе всѣхъ пришелся по душѣ будущій родственникъ, нѣмецъ Штоффъ. Это былъ небольшого роста господинъ, немного припадавшій на лѣвую ногу. Лицо у нѣмца было совсѣмъ русское и даже обросло по-русски какою-то мочальною бородашкой. Знакомство состоялось какъ-то сразу и будущіе зятья полюбились другъ другу.

— Я здѣсь совсѣмъ чужой, — откровенно объяснялъ Штоффъ. — Да и вы тоже не совсѣмъ свой... Впрочемъ, ничего, привыкнете со временемъ. Первое время мнѣ приходилось довольно-таки тяжеленько, а теперь ничего, обтерпѣлся.

Въ разговорѣ нѣмецъ постоянно улыбался и немного

подмигивалъ правымъ глазомъ, точно этотъ глазъ у него тоже прихрамывалъ, какъ лѣвая нога.

— И знаете, на чемъ я сошелся съ ними?—объяснялъ онъ.—На водкѣ... У меня счастливый желудокъ, а это здѣсь считается величайшимъ достоинствомъ. Мнѣ это много помогло.

Нѣмецъ жилъ въ Запольѣ лѣтъ пять и зналъ всѣхъ наперечетъ, а также зналъ и всѣ торговыя дѣла.

— Зачѣмъ вы здѣсь живете, Карлъ Карлычъ?—спрашивалъ Галактіонъ въ томъ же откровенномъ тонѣ, въ какомъ началъ нѣмецъ.

— Зачѣмъ?—удивился Штоффъ.—О, батенька, здѣсь можно сдѣлать большія дѣла!... Да, очень большія! Важно поймать моментъ... Все дѣло въ этомъ. Край благодатный, и кто пользуется его богатствами? Смѣшно сказать... Вы посмотрите на нихъ: никто дальше насиженнаго мелкаго плутовства не пошелъ или скромно орудуетъ на родительскіе капиталы, тоже нажитые плутовствомъ. О, здѣсь можно развернуться!... Только нужно людей, надежныхъ людей. Моя вся бѣда въ томъ, что я русскій нѣмецъ... да!

Этимъ Штоффъ открывалъ свои карты, и Галактіонъ понималъ, почему нѣмецъ такъ льнетъ къ нему. Лично онъ ему очень нравился, какъ человѣкъ обстоятельный и энергичный. Что же, въ свое время хитрый русскій нѣмецъ могъ пригодиться.

Свадебное дѣло близко шло къ развязкѣ. Гостей набиралось все больше и больше. Появились какіе-то совсѣмъ неизвѣстные люди, которыхъ зналъ по своимъ степнымъ

дѣламъ одинъ Харитонъ Артемьичъ, но сейчасъ отрещивавшійся отъ нихъ обѣими руками. Это были купцы изъ глухихъ пограничныхъ степныхъ городковъ. Народъ все рослый и совсѣмъ дикій. Изъ нихъ запольскіе купцы признали только одного, извѣстнаго степнаго богатыря Сашку Горохова, крестившагося четырехпудовою гирею. Этотъ Сашка Гороховъ быстро сдѣлался настоящимъ героемъ дня, потому что никто не могъ его перепить, даже нѣмецъ Штоффъ. И видъ у него былъ какой-то несообразный, какъ у стариннаго бронзоваго памятника какому-нибудь герою, — бычья шея, маленькая голова, невѣроятной величины руки и ноги. Эту фундаментальную структуру степнаго богатыря портила только сильная сутуловатость. Къ довершенію курьеза Сашка говорилъ какою-то жалобною тоненькою фистулой и шепелявилъ какъ младенецъ. Харитонъ Артемьичъ впилился въ него, какъ клещъ, и не отходилъ. Самъ ужъ онъ допился до того, что не могъ отличить водки отъ воды, чѣмъ и пользовались, а за то любовался подвигами Сашки, получившаго сразу кличку «лужонаго брюха».

— Саша, выпей.

Сашка молча наливалъ чайный стаканъ водки и молча его выпивалъ, точно выливалъ въ какое-то подполье.

— А еще можешь, Саша?

— Могу-съ, — слащаво пищаль Саша и выпивалъ второй стаканъ.

Около этого богатыря собиралась цѣлая толпа поклонниковъ, слѣдившихъ за каждымъ его движеніемъ, какъ слѣдятъ всѣ поклонники за своими любимцами. Развѣ

это не артистъ, который могъ выпивать каждый день по четверти ведра водки? И хоть бы пошатнулся. Такимъ образомъ, Сашка являлся главнымъ развлеченіемъ мужской компаніи.

Появились и другіе неизвѣстные люди. Ихъ привелъ неизвѣстно откуда Штоффъ. Во-первыхъ, вихлястый худой нѣмецъ съ бритою верхнею губой, — онъ говорилъ только вопросами: «что вы думаете? какъ вы сказали?» Штоффъ отрекомендовалъ его своимъ самымъ старымъ другомъ, который попалъ въ Заполье случайно, проѣздомъ въ Сибирь. Фамилія новаго нѣмца была Драке, Федоръ Федорычъ.

— О, это большой человѣкъ! — по секрету сообщалъ Штоффъ жениху. — Настоящій большой человѣкъ!

А большой нѣмецъ какъ-то особенно глупо хлопалъ глазами, вытягивалъ тонкую гусиную шею, сосалъ какія-то лепешки и спрашивалъ съ удивленіемъ:

— Зачѣмъ они женятся? Что? Развѣ это необходимо для каждаго русскаго купца? А, впрочемъ, можетъ быть, я плохо понимаю по-русску?

Не получая отвѣта на такіе вопросы, нѣмецъ принималъ сонный видъ и начиналъ сосать свои лепешки.

Этотъ потѣшный нѣмецъ сдѣлался жертвой знамени таго запольскаго исправника Полуянова, только что вернушагося изъ уѣзда. Имя Полуянова гремѣло далеко и наводило панику своимъ звѣрствомъ, особенно съ купцами. Это былъ плечистый, средняго роста мужчина, съ какимъ-то дубленнымъ загаромъ энергичнаго лица, — онъ выбился въ исправники изъ знаменитыхъ сибирскихъ

фельдъ егерей. Ходилъ Полуяновъ всегда въ военной ту-
журкѣ, заложивъ руки въ карманы. Въ компаніи онъ
былъ милѣйшимъ человѣкомъ, — забавникъ, балагуръ,
питухъ, пѣсенникъ, бабій угодникъ, на всѣ руки. Но сто-
ило ему только оставить веселую компанію, какъ сейчасъ
же онъ превращался въ звѣря. Тяжелая была рука у Ильи
Өирсыча Полуянова и не даромъ его называли данти-
стомъ. Сейчасъ Полуяновъ старался наверстать пропу-
щенное время и успѣвалъ напиваться по три раза въ
день. Въ свѣтлые промежутки онъ занимался травлей
новаго нѣмца, потѣшая почтенную публику разными
выходками. Лучшимъ номеромъ въ этомъ репертуарѣ
былъ тотъ, когда Полуяновъ незамѣтно усаживалъ ря-
домъ съ Драке только что пріѣхавшаго богатаго степного
татарина Шахму.

— Шалтай-балтай, поговори съ нѣмцемъ, — упрashi-
валъ Полуяновъ. — Въ ножки поклонюсь твоей татарской
образинѣ.

— Мало-мало калякаемъ нѣмца... — бормоталъ Шах-
ма, грузно подсаживаясь къ Драке. — Эй, знакомъ, карта
гуляешь?

— Зачѣмъ карта?

— Э-э... Шахма любить карта... Одинъ карта на лѣ-
вый нога, другой карта на правый нога. Купца много
смѣялъ, а Шахма много платилъ... Исправникъ любить
деньга Шахма... Шахма любить исправникъ.

Этотъ Шахма былъ извѣстная степная продувная бе-
стія; онъ любилъ водить компанію съ купцами и разнымъ
начальствомъ. О его богатствѣ ходили невѣроятные слу-

хи, потому что въ одинъ вечеръ Шахма иногда проигрывалъ по нѣскольکو тысячъ, которыя платилъ съ чисто восточнымъ спокойствіемъ. По наружности это былъ типичный жирный татаринъ, совсѣмъ безъ шеи, съ заплывшими узкими глазами. Въ своей степи онъ дѣлалъ большія дѣла, и купцы-степняки не могли обойти его власти. Онъ пріѣхалъ на свадьбу за триста верстъ.

— Да разѣ я тебя звалъ?—удивлялся Харитонъ Артемьичъ, продирая глаза. — Видѣлись-то еще въ прошломъ году.

— Ну, тогда и звалъ,—невозмутимо отвѣчалъ Шахма.—Сама говоришь: дѣвка буду пропивать, пріѣзжай, Шахма. Вотъ я и гулялъ на твой свадьба.

— А водку не выучился пить?

— Законъ Шахмѣ не велить... Карта гулялъ, деньга платилъ, а водка тебѣ оставлялъ.

Полуяновъ значительно оживилъ свадебное торжество. Онъ отлично пѣлъ, еще лучше плясалъ и вообще былъ вездѣ душой компаніи. Скучавшія дѣвушки сразу ожили, и веселье полилось широкою рѣкой, такъ что стономъ стонъ стоялъ. На улицѣ собиралась цѣлая толпа любопытныхъ, желавшая хоть издали послушать, какъ тѣшится Илья Өирсычъ. Съ женихомъ онъ сейчасъ же перешелъ на «ты» и нѣсколько разъ принимался цѣловать его безъ всякой видимой причины.

— Мы, вѣдь, тутъ, каналья ты этакая, живемъ одною семьей, а я у нихъ какъ посаженный отецъ на свадьбѣ... Ты, ангелъ мой, еще не знаешь исправника Полушнянова. За глаза меня такъ навеличиваютъ. Хорошъ маль-

чикъ, да хвалить некому... А, впрочемъ, не попадайся, ежели что, — освѣжѹю... А русскую хорошо пляшешь? Не умѣешь? Ахъ, ты, пентюхъ!... А вотъ постой, мы Харитину въ кругъ выведемъ. Вотъ такъ дѣвка: развей горе веревочкой!

Устраивался кругъ и Полуяновъ пускался въ плясъ. Харитина, дѣйствительно, плясала русскую мастерски, и мать только удивлялась, гдѣ она могла научиться разнымъ вывертамъ. Такая пляска заканчивалась какимъ-нибудь неистовымъ колѣномъ разудалаго исправника: онъ начиналъ ходить колесомъ, кувыркался черезъ голову и т. д.

Послѣдними уже къ большому столу явились два новыхъ гостя. Одинъ былъ извѣстный полякъ изъ ссыльныхъ, Май-Стабровскій, а другой — розовый, улыбавшійся красавецъ, еврей Ечкинъ. Оба они были изъ дальнихъ сибиряковъ и оба попали на свадьбу проездомъ, какъ знакомые Полуянова. Стабровскій, среднихъ лѣтъ господинъ, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Ечкинъ поразилъ всѣхъ своими брилліантами, которые у него горѣли вездѣ, гдѣ только можно было ихъ посадить.

— Вотъ такъ штука: жидъ на свадьбѣ проявился! — дивились добродушные запольскіе купцы и видѣли въ этомъ новую дурную примѣту.

Но Полуяновъ всѣхъ успокоилъ. Онъ зналъ обоихъ еще по своей службѣ въ Томскѣ, гдѣ пировалъ на свадьбѣ Май-Стабровскаго. Эта свадьба едва не закончилась катастрофой. Когда молодыхъ послѣ вѣнца усадили въ коляску, лошади чего-то испугались и понесли. Плохо

пришлось бы молодымъ, если бы не выручилъ Полуяновъ: онъ бросился къ взбѣсившимся лошадямъ и остановилъ ихъ на всемъ скаку, при чемъ у него пострадалъ только казенный мундиръ.

— Мои сибирскіе дружки, — хвалился Полуяновъ, представляя незваныхъ гостей. — Захотятъ — купить и продадутъ все ваше Заполье и еще сдачи дадутъ.

Штоффъ отвелъ таинственно жениха въ сторону, оглядѣлся и сообщилъ:

— Вы ничего не слыхали про Ечкина, Бориса Яковлича Ечкина?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

Штоффъ приподнялъ плечи, повертѣлъ у своего лба пальцемъ и торжественно проговорилъ:

— Это, голубчикъ, геніальнѣйшій человѣкъ и другаго такого нѣтъ, не было и не будетъ. Да... Положимъ, онъ сейчасъ ничего не имѣетъ и брилліанты поддѣльные, но я отдалъ бы ему все, что имѣю. Стабровскій тоже хорошъ, только это ужъ другое: тѣхъ же щей, да пожиже влей. Они тамъ, въ Сибири, большія дѣла обдѣлывали.

Галактіонъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на Ечкина и еще разъ удивился: рѣшительно ничего особеннаго въ немъ не было. Просто какой-то прикащикъ изъ магазина съ золотыми вещами. И улыбается глупо, и глазами шмыгаетъ. А, впрочемъ, кто ихъ знаетъ, — Штоффъ зря не будетъ говорить. Курьезнѣе всего вышло то, какъ напыжился Евграфъ Огибенинъ на новыхъ гостей, затмившихъ его и костюмами, и галантерейностью обращенія. Особенно проклятый жидъ его возмущалъ, —

со всѣми перезнакомился, всѣмъ успѣлъ сказать что-нибудь пріятное и сейчасъ же успѣлся съ Шахмой за карточный столъ. Нечего сказать, увертливый жидъ, а держать себя въ размахку, какъ будто ужь совсѣмъ не по-жидовски. Дамы находили тоже, что сибирскій жидъ скорѣе походить на ярославскаго лихаго коробейника.

Вѣнчаніе молодыхъ происходило, по старому обряду, въ старинной раскольничьей моленной. Провожавшіе молодыхъ всѣ одѣлись по-старинкѣ: мужчины въ длиннополые кафтаны, а женщины въ сарафаны. Невѣста въ этомъ нарядѣ была совсѣмъ хороша, и женихъ ею невольно любовался. Замѣчательный этотъ женскій русскій костюмъ, онъ ко всякой идетъ — къ красивой и некрасивой, къ молодой и старой. Но Галактіонъ просто ахнулъ, когда среди провожавшихъ невѣсту онъ увидѣлъ Харитину: это была такая красавица, что у него на душѣ захолонуло. Въ дѣтствѣ онъ испытывалъ подобное же чувство, когда на качеляхъ подкидывало вверхъ. Да, она стояла передъ нимъ, сама красота, и жгла-палила своими дѣвичьими глазами его сердце... Эта встрѣча произошла уже въ моленной, куда женихъ уѣхалъ впередъ и тамъ ожидалъ невѣсту. У него все завертѣлось передъ глазами, и во время самого обряда вѣнчанія онъ не могъ избавиться отъ преступной теперь мысли о другой дѣвушкѣ. Да и обрядъ вѣнчанія по стариннымъ уставамъ съ крюковыми напѣвами ничего веселаго не имѣлъ, и Галактіону казалось, что онъ уже умеръ и его хоронятъ. Ему сдѣлалось страшно, страшно за себя, за ту дѣвушку, которая сегодня сдѣлается его подругой на

всю жизнь... Не скрылось это настроеніе жениха отъ слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ женскихъ глазъ, и зашущукали сдержанные голоса, точно шуршала шелковая матерія.

Дома оставались купцы изъ православныхъ, какъ старикъ Луковниковъ, привезшій почти насильно упрятившагося Михея Зотыча, да игроки въ карты. Металь банкъ сначала Ечкинъ и проигрался. Понтировавшій ему Евграфъ Огибенинъ съ особеннымъ удовольствіемъ положилъ въ свой бумажникъ нѣсколько сторублевыхъ ассигнацій, — игра шла, въ виду малаго времени, крупными цифрами. Ечкина смѣнилъ Стабровский и тоже проигрался. Выигрывали Огибенинъ и Шахма. Послѣдній задыхался отъ радости и спускалъ выигранныя деньги куда-то за пазуху, точно въ подвалъ. Кончилось тѣмъ, что началъ метать Огибенинъ и въ нѣсколько талій проигралъ не только все, что выигралъ раньше, но и всѣ деньги, какія были при немъ, и деньги Шахмы. Все выигралъ Стабровский и даже не моргнулъ глазомъ.

— Ахъ, ты, шайтанъ! — ругался Шахма, ощупывая опустѣвшую пазуху и дѣлая гримасы. — Ну, шайтанъ!... Лѣвая нога, правая нога, и нѣтъ ничего, а старый Шахма дуракъ.

— Дома еще осталось, — успокоивалъ его Стабровский, подавая на чай подручному, подававшему карты, десятирублевую ассигнацію.

Большой послѣсвадебный столъ представлялъ собой оригинальную по пестротѣ картину. Въ главной залѣ, гдѣ сидѣли молодые, были размѣщены ближайшіе род-

ственники и самые почетные гости. Въ послѣднее число попали исправникъ Полуяновъ, Евграфъ Огибенинъ, Май-Стабровский, Шахма и даже Драке. Старикъ Луковниковъ, какъ самый почетный гость, сидѣлъ рядомъ съ Михеємъ Зотычемъ, казавшимся какимъ-то грязнымъ пятномъ среди окружавшей его роскоши, — онъ ни за что не согласился переменить свою изгребную синюю рубаху и дорожную сермяжку. Изъ дамъ выдѣлялись своимъ нарядомъ красавица жена Полуянова, а потомъ Евлампія Харитоновна, явившаяся въ довольно смѣломъ декольтѣ, что не мало смущало благочестивыхъ древнихъ старушекъ.

— Охъ, стыдобушка головушкѣ глядѣть-то на полуштофову жену!... У, срамница!... Вся заголилась, точно въ баню собралась идти...

Въ другихъ комнатахъ были разсажены остальные гости, при чемъ самые неважные были переведены внизъ.

Свадебное веселье пошло своимъ чередомъ, увеличиваясь съ каждою минутой, какъ катившійся съ горы комъ снѣга. Впрочемъ, все шло благополучно вплоть до того момента, когда начали поздравлять молодыхъ шампанскимъ. Гости сбились въ одной комнатѣ. Сашка Гороховъ стоялъ съ своимъ бокаломъ за спиной Огибенина и довольно терпѣливо ждалъ своей очереди чокнуться съ молодыми, но потомъ ему надоѣло ждать, онъ взглянулъ направо и увидалъ декольтированныя женскія плечи Евлампіи Харитоновны. Она сидѣла къ нему спиной, и онъ видѣлъ только разрѣзъ платья сзади, открывавшій бѣлую налитую спину, уходившую желобомъ подъ корсетъ. У

Сашки моментально мелькнула счастливая мысль, и онъ весь свой бокаль вылилъ за спину полуштофовой женѣ. Поднялся визгъ, гвалтъ, хохоть. Взбѣшенный Штоффъ кинулся съ кулаками на обидчика, всѣ повскочили съ своихъ мѣстъ, — однимъ словомъ, весь столъ рушился. Но этимъ скандалъ еще не кончился. Благодаря происходившей суматохѣ, навѣрхъ незамѣтно пробрались два новыхъ гостя: сынъ Ліодоръ и зять Булыгинъ, оба пьяные и съ какимъ-то опредѣленнымъ намѣреніемъ.

— Тутъ жиды да нѣмцы радуются, а родному сыну да зятю и мѣста нѣтъ! — гаркнулъ Ліодоръ. — Пашка, ва-
лай жидовъ, а я нѣмцевъ молотить начну!

Толпа разступилась, и новые гости предстали во всей красѣ. Ліодоръ былъ, по обыкновенію, въ черкескѣ и папахѣ. Женщины завизжали, а полуштофова жена забралась подъ столъ, гдѣ ее потомъ едва нашли. Выручилъ всѣхъ Сашка Гороховъ, стоявшій къ Ліодору ближе другихъ. Онъ бросился на смутьяновъ, схватилъ ихъ въ охапку и торжественно вынесъ изъ залы, не обращая вниманія, какъ его молотили четыре кулака, четыре ноги, а Ліодоръ въ бѣшенствѣ даже вцѣпился зубами въ плечо. На лѣстницѣ догналъ Полуяновъ и собственно-ручно спустилъ гостей внизъ, такъ что затрещали деревянные ступени.

Однимъ словомъ, большой столъ закончился крупнымъ скандаломъ. Когда всѣ немного успокоились и все пришло въ порядокъ, хватились Михея Зотыча, но его и слѣдъ простылъ.

IX.

Колобовская свадьба отозвалась въ Суслонѣ далекимъ эхомъ. Особенно волновались въ писарскомъ домѣ, куда вѣсти собирались со всѣхъ сторонъ.

— Хорошую роденьку Богъ послалъ, — ворчалъ писарь Флегонтъ Васильичъ. — Оборотни какіе - то... Счастье намъ съ тобой, Анна Харитоновна, на родню. Зятя - то на подборъ, одинъ лучше другого, да и родитель Харитонъ Артемьичъ хорошъ. Брезгуетъ суслонскимъ зятемъ.

— Погордилась сестрица Серафима Харитоновна, — соображала писарская жена Анна Харитоновна, — очень погордилась.

— И мамынька тоже хороша: про родную дочь забыла. Сказываютъ, на свадьбѣ-то какіе-то жида да татары радовались.

— Не будетъ добра, Флегонтъ Васильичъ. Всѣ говорятъ, что неправильная свадьба. Куда торопились - то? Точно на пожаръ погнали. Такъ-то выдаютъ невѣсть съ заминочкой... А все этотъ старичонко виновать. Отъ него все...

— Ужъ этотъ мнѣ старичонко! — рычалъ писарь, вспоминая нанесенный бродягой конфузъ. — Колдунъ какой-то!

Въ писарскомъ домѣ теперь собирались гости почти каждый день. То попъ Макаръ съ попадѣей, то мельникъ Ермилычъ. Было о чемъ поговорить. Попъ Макаръ какъ разъ былъ во время свадьбы въ Запольѣ и привезъ самыя свѣжія вѣсти.

— Сбѣжалъ отъ большого стола старичокъ-то, же-

ниховъ отецъ, — рассказывалъ онъ. — Бой у нихъ вышелъ, промежду гостей, ну, оглянулись, а свекра - то и нѣтъ. Словно въ воду канулъ...

— Охъ, не с проста это, о. Макарь!... Не таковскій онъ человѣкъ.

— Бродяга какой-то, вотъ и бѣгаетъ.

Разъ, когда такъ вечеромъ гости разговаривали разговоры, писарская стряпка Матрена вошла въ горницу, вызвала Анну Харитоновну и заявила:

— Тутъ онъ, сродственникъ-то.

— Какой сродственникъ?

— Ну, а этоть... старичонко съ палочкой... Еще который сына женилъ въ Запольи на твоей сестрѣ.

— Да гдѣ онъ?

— А въ кухнѣ сидитъ у меня... Я пельмени дѣлаю, оглянулась, а онъ сидитъ на лавочкѣ. Точно изъ земли выросъ, какъ грибокъ дождевикъ.

Можно себѣ представить общее удивленіе. Писарь настолько потерялся, что нѣкоторое время не могъ выговорить ни одного слова. Да и всѣ другіе точно онѣмѣли. Вотъ такъ гостя Богъ послалъ!... Не успѣли всѣ опомниться, а мудреный гость уже въ дверяхъ.

— Флегонту Васильичу, родственнику, наше почтеніе и всей честной компаніи.

— Здравствуйте, Михей Зотычъ, — здоровался хозяинъ. — Будетъ вамъ шутки-то шутить надъ нами... И то осрамили тогда на всю округу. Садитесь, гостемъ будете.

— Отъ свадьбы убѣжалъ... да... А у меня дѣльце до тебя, Флегонтъ Васильичъ, и не маленькое дѣльце.

— Утро вечера мудренѣе, Михей Зотычъ... Завтра о дѣлѣ-то поговоримъ. Да, пожалуй, я тебѣ впередъ самъ загадку загадаю.

Отведя гостя въ сторону, писарь сказалъ на ухо:

— Меленку хотите у насъ оборудовать? Я-то ужъ потомъ догадался и впередъ съ мужичками на счетъ земли словечка два закинулъ.

— Вотъ умница! — похвалилъ гость. — Это и мнѣ такъ впору догадаться... Ай-да молодецъ писарь, хоть на свадьбу и не звали!... Не тужи, потомъ позовуть, да самъ не пойдешь: низко будетъ.

Появленіе старика Колобова въ Суслонѣ было цѣлымъ событіемъ. Теперь ужъ все поняли, зачѣмъ птица прилетѣла. Всѣхъ больше волновался мельникъ Ермилычъ, подъ рукой распускавшій нехорошіе слухи про старика Колобова. Онъ боялся сильнаго конкуррента. Но Колобовъ самъ пришелъ къ нему на мельницу въ гости, осмотрѣлъ все и сказалъ:

— А ты не безпокойся, мельникъ. Тѣсно не будетъ... Я, вѣдь, крупчатку буду ставить. Ты мели, да помалывай сѣрячокъ, а мы бѣлую мучку будемъ дѣлать, дастъ Богъ.

Потомъ старикъ побывалъ у попа Макара и тоже осмотрѣлъ все поповское хозяйство. Осмотрѣлъ и похвалилъ.

— Ничего, свѣтленько живете, о. Макарь... Дай Богъ такъ-то всякому. Ничего, свѣтленько... Вотъ и я выросъ на ржаномъ хлѣбцѣ, все зубы съѣлъ на немъ, а подъ старость захотѣлъ пшенички. Много ли нужно мнѣ, старику?

— Что же, намъ не жаль... — уклончиво отвѣчалъ

о. Макарь, отнесшійся къ гостю довольно подозрительно.— Чѣмъ Богъ послалъ, тѣмъ и рады. У Бога всего много.

— Богъ - то Богъ, да и самъ не будь плохъ. Хорошо у васъ, о. Макарь... Приволье кругомъ. Вы-то ужъ привыкли и не замѣчаете, а миѣ въ диковину... Однимъ словомъ, пшеничники.

— Мельницу хочешь строить? — спрашивалъ попъ Макарь, слегка прищуривая одинъ глазъ.

— Не знаю, что выйдетъ, а охота есть.

Отъ новыхъ знакомыхъ получалось одно впечатлѣніе: всѣ жили по-богатому — и писарь, и мельникъ, и попъ — не въ примѣръ прочимъ народамъ. И мужики тоже не бѣдовали. Рожь сѣяли только на продажу, а сами ѣли пшеничку. И хороша была эта ключевская пшеничка, хоть насквозь смотри. Смолотая на раструскѣ пшеничная мука была хотя и сѣрая, но такая душистая и вкусная. Суслонскія бабы отлично пекли свой пшеничный хлѣбъ, а ржаного и въ заводѣ не было. Такъ ужъ велось изстари, какъ было поставлено еще при дѣдахъ. Отъ всего вѣяло тугимъ, хорошимъ достаткомъ. И народъ былъ все рослый и крѣпкій, — не даромъ этихъ «пшеничниковъ» узнавали вездѣ.

Разъ ночью писарской домъ былъ поднять весь на ноги. Около часу къ воротамъ подкатила почтовая тройка.

— Здѣсь живетъ писарь Замараевъ? — спрашивалъ въ темнотѣ сильный мужской голосъ.

Писарь растворилъ окно и довольно грубо отвѣтилъ:

— Онъ самый.

— Запольскіе молодые пріѣхали. Можно остановиться?

— Ахъ, милости просимъ!... Это вы, Галактіонъ Михеичъ?

— Да, да.

Большой сибирскій тарантасъ тяжело вкатился на дворъ, а писарь выскочилъ на крыльцо со свѣчей въ рукахъ.

— Вотъ не ожидали-то, дорогіе гости!

— Просимъ любить и жаловать, Галактіонъ Михеичъ.

Зятья оглядѣли другъ друга и расцѣловались. Молодая не выходила изъ экипажа, сладко потягиваясь. Она ужасно хотѣла спать. Когда вышла хозяйка, она съ лѣнивою улыбкой, наконецъ, вылѣзла изъ тарантаса. Сестры тоже расцѣловались.

— Давно мы съ тобой не видались, Сима, — повторяла Анна Харитоновна, продолжая разсматривать сестру. — Какая-то ты совсѣмъ другая стала.

— Ужъ какая есть, Анюта. Мамаша тебѣ наказала кланяться и не велѣла сердиться.

— Хорошо, хорошо. Еще поговоримъ... А мужъ у тебя молодецъ, Сима. Красивый.

— Развѣ?

Серафима Харитоновна тихо засмѣялась и еще разъ поцѣловала сестру. Когда вошли въ комнату и Серафима рассмотрѣла суслонскую писаршу, то невольно подумала: «Какая деревенщина стала наша Анна! Неужели и я такая буду?» Анна, дѣйствительно, сильно опустилась, обрюзгла и одѣвалась чуть не по-деревенски. Рядомъ съ

ней Серафима казалась барыней. Ловко сшитое дорожное платье сидѣло на ней какъ перчатка.

— Вы насъ извините, — говорилъ Галактіонъ, — не вѣдѣвремя побезпокоили... Ночь, да и остановиться негдѣ.

— Ну, что за счеты между родственниками! — политично отвѣчалъ писарь. — Тятенька - то вашъ здѣсь, въ Суслонѣ... Только у насъ не хочетъ жить. Карахтерный старичокъ.

— Папаша, вѣроятно, опять пѣшкомъ пришли?—освѣдомилась Серафима. — Они все по-своему... на особицу.

Галактіонъ очень понравился и писарю, и женѣ. Настоящій молодецъ, хоть куда поверни. На отца-то и не походить совсѣмъ. И обращеніе самое политичное.

— Ну, этотъ изъ молодыхъ, да ранній, — задумчиво говорилъ писарь, укладываясь на кровать съ женой. — Далеко пойдетъ.

— А Симка - то такъ ему въ глаза и заглядываетъ, какъ собачка.

— Что же, насидѣлась она въ дѣвкахъ. Тоже любопытно... Извѣстная ваша женская слабость. Какого еще принца нужно?...

— Здѣсь, говорить, жить будутъ.

— Отлично. Намъ веселѣе... Только вотъ старичонко-то того... Я его просто боюсь. Того гляди, какую-нибудь штуку отколетъ. Блаженный не блаженный, а около этого. Такіе-то вотъ странники больше по папертямъ стоятъ съ ручкой.

Молодой Колобовъ понравился всѣмъ въ Суслонѣ: и уменъ, и простъ, и ловокъ. Зато молодая не пришлась

по вкусу, начиная съ сестры Анны. Очень ужъ модная и на все фыркаетъ.

— Неужто мы здѣсь будемъ жить?—капризно спрашивала она мужа.

— А то гдѣ же?

— Да здѣсь съ тоски пропадешь.

— Некогда будетъ тосковать.

Серафима даже всплакнула съ горя. Съ сестрой она успѣла поссориться на другой же день и обозвала ее неотесанной деревенщиной, а потомъ сама же обидѣлась и расплакалась.

— Вы на нее не обращайтесь вниманія, Анна Харитоновна,— спокойно замѣтилъ Галактіонъ и строго посмотрѣлъ на жену.

Этого было достаточно, чтобы Серафима сейчасъ же притихла и даже попросила у Анны прощенія.

Вотъ съ отцомъ у Галактіона вышелъ съ перваго раза крупный разговоръ. Старикъ стоялъ за мѣсто для будущей мельницы на Шеинской Курьѣ, гдѣ его взяли тогда суслонскіе мужики, а Галактіонъ хотѣлъ непременно ставить мельницу въ такъ называемомъ Прорывѣ, выше Шеинской Курьи версты на три, гдѣ Ключевая точно была сдавлена каменными утесами.

— Нельзя на Курьѣ строиться, — авторитетно говорилъ Галактіонъ. — По веснѣ вода широко будетъ разливаться, затопитъ пашни и не оберешься хлопотъ съ подтопами.

— А у Ермилыча поставлена мельница на Жулановскомъ плесѣ?—спорилъ Михай Зотычъ.

— Во-первыхъ, родитель, у Ермилыча мельница рас-труска и воды требуетъ вдвое меньше, а потомъ Ерми-лычъ вѣчно судится съ чураковскими мужиками изъ-за подтоповъ. Намъ это не рука. Здѣшній народъ бѣдовый, не вдругъ уломаешь. Въ Прорывѣ вода идетъ трубой, только косою плотиной ее поджать.

— На берегу мѣста мало.

— Ничего, родитель: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

— Тебя развѣ переспоришь?

— А ежели я дѣло говорю?

Теперь роли перемѣнились. Женившись, Галактіонъ сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Свою покор-ность отцу онъ теперь выкупалъ вызывающею само-стоятельностью, и старикъ покорился, хотя и не вдругъ. Это была серьезная борьба. Михей Зотычъ сердился боль-ше всего на то, что Галактіонъ началъ относиться къ нему свысока, какъ къ младенцу, — выслушаетъ изъ вѣжливости, а потомъ все сдѣлаетъ по-своему.

— Ты у меня смотри! — погрозился разъ старикъ. — Я не посмотрю, что ты женатый... да!

Галактіонъ только улыбнулся. Ушло время учить, да свою волю родительскую показывать. Женился изъ-подъ палки, — чего же еще нужно?

Х.

Дѣло съ постройкой мельницы закипѣло, благодаря все той же энергіи Галактіона. Старикъ чуть не испор-тилъ всего, когда пришлось заключать договоръ съ су-слонскими мужиками по арендѣ Прорыва. «Накатился

упрямый стихъ», какъ говорилъ писарь. Мужики стояли на своемъ, Михей Зотычъ на своемъ, а споръ шелъ изъ-за какихъ-то несчастныхъ двадцати пяти рублей.

— Эхъ, родитель, родитель! — корилъ Галактіонъ. — Двадцать пять рублей дѣроги, а время ни почему... Мы еще съ осени выложимъ фундаментъ, а за зиму выстроимся. Время-то дороже денегъ. Дай я переговорю съ мужиками-то.

— А ты, щучій сынъ, умнѣе отца хочешь быть?

— Постой, родитель... Знаешь, какъ большую рыбу изъ воды вытаскиваютъ: дадутъ ей поводокъ, она и ходитъ, а притомилась — ее на берегъ.

Съ мужиками Галактіонъ говорилъ, какъ свой братъ, и живо повернулъ все дѣло. Обѣ стороны остались довольны. Контрактъ былъ подписанъ, и Галактіонъ принялся за работу. Планъ мельницы былъ составленъ имъ еще раньше. Теперь нужно было торопиться съ постройками. Стояла осень и рабочихъ на мѣстѣ нельзя было достать ни за какія деньги, пока не кончится уборка хлѣба. И это предвидѣлъ Галактіонъ и раньше нанялъ артель вятскихъ плотниковъ въ сорокъ человѣкъ, да другую артель каменщиковъ. Деревенскіе мужики по-настоящему не умѣли и топора въ руки взять. Будетъ съ нихъ и того, если привезутъ бревна, да камень наломаютъ.

У Прорыва въ нѣсколько дней выросъ настоящій лагерь. Больше сотни рабочихъ принялись за дѣло опытною рукою. Съ плотничьей артелью вышелъ братъ Емельянъ и сдѣлался правою рукою Галактіона. Братья всегда жили дружно.

Галактіонъ задался цѣлью непремѣнно выстроить жилой домъ къ заморозкамъ, чтобы переселиться съ женой на мѣсто работы. Жизнь у писаря его тяготила, да и ѣздить было тяжело. На счастье ему попался въ Баклановой пустовавшій поповскій домъ, который онъ и купилъ на сносъ. Оставалось только перевезти его, да заложить фундаментъ. Галактіону вездѣ везло, — такой ужъ удачливый зародился. Даже попъ Макаръ одобрялъ за «благопоспѣшность». Больше всего Галактіонъ былъ доволенъ, что отецъ уѣхалъ на заводы заканчивать тамъ свои дѣла и не мѣшался въ дѣло. Старикъ былъ умный, да только очень ужъ упрямъ.

Постройка новой мельницы отозвалась въ Суслонѣ замѣтнымъ оживленіемъ, особенно по праздникамъ, когда гуляли здѣсь обѣ вятскія артели. Чувствовалось, что дѣлалось какое-то большое дѣло, и всѣ ждали чего-то особеннаго. Были и свои скептики, которые сомнѣвались, выдержать ли старый Колобовъ, — очень ужъ большой капиталъ требовался сразу. Въ качествѣ опытнаго человѣка и родственника писарь Замараевъ съ большими предосторожностями завелъ объ этомъ рѣчь съ Галактіономъ.

— Нѣтъ, у отца большихъ денегъ нѣтъ, — откровенно объяснилъ тотъ.

— Такъ-съ... да. А какъ же, напримѣръ, съ закупкой хлѣба, Галактіонъ Михеичъ? Вѣдь, большія тысячи нужны будутъ.

— Добудемъ. Ту же мельницу въ банкъ заложимъ.

— Это какъ же такъ: въ банкъ?

Галактіонъ объяснилъ, и писарь только развелъ руками. Да, хитрая штучка, и безъ денегъ, и съ деньгами. Видно, не старыя времена, когда деньги въ землю закапывали, да по подпольямъ прятали. Вообще, умственно. Писарь начиналъ смотрѣть теперь на Галактіона съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на человѣка, который изъ ничего сдѣлаетъ что захочетъ. Ловкій мужикъ, нечего сказать.

— А мы-то тутъ живемъ дураки дураками,—со вздохомъ говорилъ писарь.— У насъ все по-старинкѣ... На гроши считаемъ.

— Ничего, выучитесь.

Утромъ Галактіонъ вставалъ въ четыре часа, уѣзжалъ на работу и возвращался домой только вечеромъ, когда стемнѣетъ. Эта энергія приводила всѣхъ въ невольное смущеніе. Въ Суслонѣ не привыкли къ такой работѣ.

— А что будетъ, если я буду чай распивать, да выѣду на работу въ восемь часовъ? — объяснялъ Галактіонъ.— Я раньше всѣхъ долженъ быть на мѣстѣ и уйти послѣднимъ. Рабочіе-то по хозяину бываютъ.

— Ужь это чтò говорить... Правильно. Какая это работа, ежели съ чаями проклажаться?

Писарь давно облѣнился, отсталъ отъ всякой работы и теперь казнился, поглядывая на молодого зятя, какъ тотъ поворачивалъ всякое дѣло. Заразившись его энергіей, писарь началъ заводить строгіе порядки у себя въ домѣ, а потомъ въ волости. Эта домашняя революція закончилась ссорой съ женой, а въ волости взбунтовался сторожъ Вахрушка.

— Что я тебѣ каторжный дался? — заявилъ сторожъ. — Нѣтъ, братъ, будетъ мудрить! Шабашъ!

— Што-о?!... Да какъ ты смѣешь, кислая шерсть?

— А вотъ и смѣю... Не тѣ времена. Подавайте жалованье и конецъ тому дѣлу. Будетъ мнѣ терпѣть.

Писарь выгналъ Вахрушку съ позоромъ, а когда вернулся домой, узналъ, что и стряпка Матрена отошла. Вотъ тебѣ и новые порядки! Писарь уѣхалъ на мельницу къ Ермилычу и съ горя кутилъ тамъ цѣлыхъ три дня.

Сестры въ теченіе двухъ мѣсяцевъ совмѣстной жизни успѣли перессориться и помириться нѣсколько разъ, стараясь не доводить своихъ размолвокъ до Галактіона. Обѣ побаивались его, хотя онъ никогда не сказалъ ни одного грубого слова.

— Высидѣла ты себѣ мужа, Сима, — корила Анна сестру. — Пожалуй, и не по чину тебѣ достался. Вонъ какой орелъ!

— А тебѣ завидно? Не чета твоему писарю.

— Смотри, матушка, не прохвались. Боекъ ужъ очень.

Счастіе влюбленной въ мужа Серафимы кололо глаза засидѣвшей въ деревнѣ Аннѣ. Вмѣстѣ росли, а судьба разная. Анна начинала теперь придирается къ мужу и на каждомъ шагу ставила ему въ примѣръ Галактіона.

— Ты посмотри на себя-то, — поговаривала Анна, — тебѣ водку пить съ Ермилычемъ, да съ попомъ Макаромъ, а настоящего-то ничего и нѣтъ. Ну, каковъ ты есть человекъ, ежели тебя разобрать? Вонъ глаза-то заплыли какъ отъ пьянства... Небойсь, Галактіонъ компаніи не ломаетъ, а всегда въ своемъ видѣ.

— Отстань, смола! Галактіонъ, Галактіонъ, — дался вамъ этотъ Галактіонъ! Еще посмотримъ: летать летаетъ, да гдѣ сядетъ.

— У васъ съ Ермилычемъ не спросить.

— Молчать! Ты вотъ лучше училась бы у сестры Се-рафимы, какъ слѣдуетъ уважать мужа... да! И по домашности тоже все запустила... Вонъ стряпка Матрена ушла.

— Все изъ-за тебя же, извергъ. Ты прогналъ Вахрушку, а онъ сманилъ Матрену. У нихъ ужъ давно промежду себя узоры разные идутъ. Все ты же виновать.

Писарь Замараевъ про себя отлично сознавалъ недосыгаемая совершенство новаго родственника, но удивлялся ему про себя, не желая покориться женѣ. Ну, что же, хорошъ и пусть будетъ хорошъ, а мы и въ шубѣ навыворотъ проживемъ.

Слухи о новой мельницѣ въ Прорывѣ разошлись по всей Ключевой и подняли на ноги всѣхъ старыхъ мельниковъ, работавшихъ на своихъ раструсочныхъ мельницахъ. Положимъ, новая мельница будетъ молоть крупчатку, а все-таки страшно. Это была еще первая крупчатка на Ключевой, и всѣ инстинктивно чего-то боялись.

— О девяти поставахъ будетъ мельница-то, — жаловался Ермилычъ. — Ежели она, напимѣрно, ахаетъ въ сутки пятьсотъ мѣшковъ? Съѣстъ она насъ всѣхъ и съ потрохами. Гдѣ хлѣба набраться на такую прорву?

— Были бы деньги, а хлѣба навезутъ.

Чтобъ отвести душу, Ермилычъ и писарь сходились у попа Макара и тутъ судачили вволю, благо никто не могъ

подслушать. Писарь отстаивалъ новую мельницу, какъ хорошее дѣло, а отецъ Макаръ задумчиво качалъ головой и повторялъ:

— Увидимъ, увидимъ, братіе... Все увидимъ.

— Нечего и смотрѣть: дѣло ясное, — сказалъ писарь.

— Первое, не есть удобно то, что Колобовы старовѣры... да. А второе, жили мы безъ нихъ, благодаря Бога и не мудрствуя лукаво. У всѣхъ былъ свой кусокъ хлѣба, а впредь невѣдомо что и какъ.

— И вѣдать нечего, отецъ, — уныло повторялъ Ермилычъ. — Раздавать насъ, какъ лягушекъ. Разговоръ короткій. Однимъ словомъ — силища.

— А вы того не соображаете, что крупчатка хлѣбъ дать народамъ? — спросилъ писарь. — Теперь на одной постройкѣ сколько народу орудуетъ, а дальше — больше. У которыхъ мужичковъ хлѣбъ-то по три года лежитъ, мышъ его ѣсть и прочее, а тутъ нѣ, получай наличныя денежки. Мужичокъ-то и оборотится съ деньгами и опять хлѣбца подвезетъ.

— Деньги весьма сомнительный и даже опасный предметъ, — мягко не уступалъ попъ Макаръ. — Во-первыхъ, деньги тоже къ рукамъ идутъ, а, во-вторыхъ, въ нихъ сокрытъ великій соблазнъ. На что мужику деньги, когда у него все свое есть: и домишко, и земляца, и скотинка, и всякое хозяйственное обзаведеніе? Только и надо деньги, что на подати.

— А ежели у насъ темнота? Будутъ деньги, будетъ и торговля. Надо же и купцу чѣмъ-нибудь жить. Вотъ и

тебѣ, о. Макаръ, за требы прибавка выйдетъ, и мнѣ, писарю. У хлѣба не безъ крохъ.

— Вотъ главное, чтобы хлѣбъ-то былъ, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, будущее неизвѣстно. Съ деньгами-то надобно тоже умѣючи, а зря ничего не подѣлаешь. Нѣтъ, я сомнѣваюсь, поколику дѣло не выяснится.

А Галактіонъ точно не хотѣлъ ничего замѣчать и продолжалъ свою работу. Если бы всѣ тѣ, которые теперь судили и пересуживали его крупчатку, могли видѣть, что онъ думалъ! Начать съ того, что мельницу онъ считалъ дѣломъ такъ себѣ, пока, а настоящее было не здѣсь. Сколько хлопотъ съ мельницей, а дѣло все-таки мертвое. Пришить къ своему мѣсту, какъ пуговица, и никуда не двинешься. Его тянуло дальше, на широкой просторъ. Наблюдая работы, онъ часто вспоминалъ свой разговоръ съ нѣмцемъ Штоффомъ и крѣпко задумывался. Умень и оборотистъ нѣмецъ, вообще — ловкачъ. Выжидаетъ, выжидаетъ, да къ настоящему дѣлу и приспособится. Не мало огорчало Галактіона и то, что не съ кѣмъ ему было въ Суслонѣ даже поговорить по душѣ. Всѣмъ имъ и мельница-крупчатка въ диковинку.

«Эхъ, если бы не отецъ! — съ какою-то злобой иногда думалъ Галактіонъ. — А то сиди въ Суслонѣ».

Къ женѣ Галактіонъ относился, попрежнему, съ сдержанною ласковостью. Онъ даже начиналъ ее любить за ея безотвѣтность и за страстную любовь. Правда, иногда ему дѣлалось совѣстно, что онъ по-настоящему не можетъ отвѣтить на ея рабскія ласки, но въ немъ накипало и крѣпло хорошее чувство къ ней. Молодость брала свое, а

потомъ сознаніе, что сдѣланнаго не передѣлаешь. Не разъ, глядя на нее, онъ вспоминалъ красавицу Харитину, — у той все бы вышло не такъ. Странно, что безотвѣтная Серафима какимъ-то чутьемъ слышала эти его тайныя мысли, стихала и точно дѣлалась меньше. Такая несчастная вся, и ему вдругъ станетъ ее жаль. Чѣмъ же она виновата, что такъ судьба вышла? А вотъ съ Харитиной онъ могъ бы и поговорить по душѣ, и посовѣтоваться, и все пополамъ раздѣлить. Развѣ она стала бы скучать, какъ Серафима? Небойсь, нашла бы дѣло и всѣхъ бы постановила.

Впрочемъ, Галактіонъ упорно отгонялъ отъ себя всѣ эти мысли. Такъ, глупость молодая, и больше ничего. Стерпится — слюбится. Иногда Серафима пробовала съ нимъ заговаривать о серьезныхъ дѣлахъ, и онъ видѣлъ только одно, что она ровно ничего не понимаетъ. Старается подладиться къ нему и не умѣетъ.

— Ты ужь лучше молчи, Сима, — ласково шутилъ онъ.

— Можетъ, привыкну и буду понимать, Глаша. Всѣ дѣвицы сначала ничего не понимаютъ, а потомъ замужемъ и выучатся.

Ему не нравилось, что она зоветъ его Глашей, — какое-то бабье имя.

Но всѣ эти сомнѣнія и недосказанныя мысли разрѣшились сами собой, когда Серафима, краснѣя и заикаясь, призналась, что она беременна. Мужъ посмотрѣлъ на нее непонимающими глазами, а потомъ такъ хорошо и любовно обнялъ и горячо поцѣловалъ... еще въ первый разъ поцѣловалъ.

— Милая... милая!...

— Ты меня любишь, да? Немножечко? — шептала она, сгорая отъ нахлынувшего на нее счастья.

Потомъ она расплакалась, какъ плачутъ дѣти, а онъ взялъ ее на руки и носилъ по комнатѣ какъ ребенка.

— Милая... милая!...

XI.

Пропавшій на время изъ Суслона Михей Зотычъ былъ совсѣмъ близко, о чемъ никто не подозрѣвалъ. Онъ успѣлъ устроить кое-какія дѣла у себя на заводѣ и вернулся на Ключевую, по обыкновенію, въ своемъ бродяжническомъ костюмѣ. Онъ переходилъ изъ деревни въ деревню, изъ села въ село, все высматривалъ, обо всемъ разузнавалъ и вездѣ сохранялъ самое строгое incognito. Это уже была такая крѣпостная привычка дѣлать все изподтишка, украдомъ. Никто не зналъ, что старикъ Колобовъ былъ въ Суслонѣ и видѣлся со старымъ благопріятелемъ Вахрушкой, которого и сманилъ къ себѣ на службу.

— За битаго семь не битыхъ даютъ, — шутилъ онъ, по обыкновенію. — Тебя въ солдатчинѣ били, а меня на заводской работѣ. И вышло — два сапога пара. Поступай ко мнѣ на службу: будешь доволенъ.

— А какое твое жалованье, Михей Зотычъ?

— Вотъ и вышелъ дурачокъ, а еще солдатъ: жалованье по жалованью. Что заслужишь, то и получишь.

— А ежели ты меня омманешь?

— А ты старайся.

Вахрушка почесалъ въ затылкѣ отъ такихъ выгодныхъ условій, но, сообразивъ, согласился. Богатый человѣкъ Михай Зотычъ и не сталъ ему обижать стараго солдата.

— Поглянулся ты мнѣ, вотъ главная причина, — шутилъ Михай Зотычъ. — А есть одна у тебя провинка.

— Ну, говори, какая?

— А такая, дурачокъ. Били тебя на службѣ, били, а ты все-таки не знаешь, въ какой день пятница бываетъ.

— Ну, пошелъ огородъ городить... Такъ не оманешь?

— Сказано: будешь доволенъ. Главное, скула мнѣ у тебя нравится: на ржаной хлѣбъ скула.

Сказано — сдѣлано, и старики ударили по рукамъ. Согласно уговору, Михай Зотычъ долженъ былъ ожидать вѣрнаго слугу въ Баклановой, гдѣ уже впередъ купилъ себѣ лошадь и телѣгу. Вахрушка скоро раздѣлался съ писаремъ и на другой день ѣхалъ уже въ одной телѣгѣ съ Михеемъ Зотычемъ.

— Ахъ, служба, служба: бить не битаго везеть! — смѣялся мудреный хозяинъ, похлопывая Вахрушку по плечу. — Будемъ жить, какъ передняя нога съ задней, какъ грива съ хвостомъ.

— Страсть это я не люблю, какъ ты зачнешь свои загадки загадывать, Михай Зотычъ. Даже мутить... ей-Богу. Ну, и скажи прямо, а то прямо ударь.

— А ты головой, дурашка, головой добивайся, умишкомъ раскинь, обмозгуй... хе-хе!...

Эти хозяйскія шуточки нагоняли на Вахрушку настоя-

щую тоску и онъ начиналъ угрюмо молчать. Въ корень изводилъ его хитрый старичонко, точно песку въ башку насыплеть.

— Ты вотъ что, хозяинъ, — заявилъ Вахрушка на другой день своей службы, — ты не мудри, а то...

— Ну, ну, испугай!

— Уйду!... Вотъ тебѣ и весь сказъ!

— Это ты загадку загадываешь, милъ человѣкъ? Ахъ, дурашка, дурашка! Никуда ты не уйдешь, потому какъ я на тебя зарокъ положилъ великій и при этомъ задатокъ четыре недѣли на мѣсяцъ ты ужъ получилъ впередъ сполна...

Цѣль старика Колобова была объѣхать тотъ хлѣбный районъ, который долженъ былъ поставлять пшеницу на будущую мельницу. Ему хотѣлось на мѣстѣ познакомиться съ будущими производителями и поставщиками сырья. Пусть мельницу строить Галактіонъ — ему и книги въ руки, а Михей Зотычъ объѣзжалъ теперь свое будущее царство. Нужно было создать цѣлый рынокъ и впередъ сообразить всѣ условія. Это было поважнѣе постройки мельницы, и онъ не могъ довѣрить такого отвѣтственного труда даже Галактіону. Молодъ еще и ничего не понимаетъ, да и яйца курицу не учать.

Въ лицѣ Вахрушки хитрый старикъ пріобрѣлъ очень хорошаго сотрудника. Вахрушка былъ человѣкъ бывалый, посмотрѣлся всячины, да и свою округу зналъ какъ пять пальцевъ. Потомъ онъ былъ съ бѣдной приуральской стороны и зналъ цѣну окружавшему хлѣбному богатству, какъ никто другой.

— Вахрушка, ты у меня въ томъ родѣ, какъ главнокомандующій!

— Похоже, Михей Зотычъ, ежели считать по заплаткамъ.

— Ну, вотъ-вотъ... Выговорилъ-таки хоть одно умное слово.

Пріѣзжая куда-нибудь въ село, Михей Зотычъ сказывался работникомъ, а Вахрушку навеличивалъ хозяиномъ. Эта комедія была только продолженіемъ предъидущаго шутовства, и Вахрушка скоро привыкъ. «Что-жь, хозяинъ, такъ хозяинъ!» По пути они скупали у бабъ коноплю, ленъ и дешевые деревенскіе харчи, а эта купля служила только предлогомъ для подробныхъ разспросовъ—что и какъ. Чѣмъ дальше они такимъ образомъ ѣхали, тѣмъ ярче выступала картина зауральскаго крестьянскаго богатства. Хорошо здѣсь жилъ народъ, запасливо и не боялся чернаго дня.

Всего больше приводилъ въ восторгъ Михея Зотыча аршинный зауральскій черноземъ.

— Вотъ такъ земля! — восхищался старикъ. — Овчина-овчиной!

— Ужь я тебѣ говорилъ, што удобрять здѣсь землю и не слыхивали, — объяснялъ Вахрушка. — Сама земля родить.

А какія попадались деревни и села — одно заглядѣнье. Хоть картину лиши. Справно жилъ народъ, съ тугимъ крестьянскимъ достаткомъ. Всего было вволю — и земли, и хлѣба, и скотины. Правда, мужикъ-пшеничникъ сильно полѣнивался, но отъ достатка и воръ не воруетъ. У

большинства крестьянъ были запасы на годъ, на два впередъ. Сбывали только столько, сколько было нужно на подати, а остальное все шло въ прокъ. Такъ хозяйство ставилось еще отцами и дѣдами, отнимавшими благодатный край у неумытой орды. Башкирскія волости раздвинулись какъ-то по краямъ и не имѣли никакого экономического значенія въ общемъ хозяйствѣ богатѣйшаго края.

Въ Вахрушкѣ, по мѣрѣ того, какъ они удалялись въ глубь бассейна Ключевой, все сильнѣе сказывался похороненный солдатчиной коренной русскій пахарь. Онъ то и дѣло соскакивалъ съ телѣги, тыкалъ кнутовищемъ въ распаханную землю и начиналъ ругаться.

— Разъ это работа, Михей Зотычъ? На два вершка въ глубину пашутъ... Тьфу! Помажутъ кое-какъ сверху—вотъ и вся работа. У насъ въ Чердынскомъ уѣздѣ земелька-то по четыре рублика ренды за десятину ходитъ,—ну, ее и холятъ. Да и какая земля—глина да песокъ. А здѣсь одна Божецкая благодать... Охъ, бить ихъ некому, пшеничниковъ!

Путешественники нѣсколько разъ ночевали въ полѣ, чтобы не тратиться на постой. Михей Зотычъ былъ скупъ, какъ Кощей, и держалъ солдата въ проголодь. Зачѣмъ напрасно деньги травить? Все равно—такого стараго чорта не откормишь. Сначала солдатъ ропталъ и даже ругался.

— Ахъ, ты, дурашка, брюхо-то не зеркало, да и мы съ тобой на ржаной мукѣ замѣшаны. Есть корочка черного хлѣбца, и слава Богу... Какъ тебя будетъ разжигать аппетитъ, ты Богу молись, чревоугодникъ!

Солдаты никакъ не могъ примириться съ этой теоріей спасенія души, но покорялся по солдатской привычкѣ, — все равно, нужно же кому-нибудь служить. Онъ очень скоро подпалъ подъ вліяніе своего новаго хозяина, который расшевелилъ его крестьянскія мысли. И какъ ловко старичонко умѣлъ наговаривать, такъ одно слово къ другому и лѣпитъ, да такъ складно.

Хорошо было со старикомъ ночевать у огонька. Осеннія ночи такія темныя, огонекъ горитъ такъ весело.

— Земля—все,—понимаешь?—говорилъ Михей Зотычъ.—А остальное пустяки... И заводы, и фабрики, и машины.

— Это ты правильно.

— А почему земля все? Потому, что она даетъ хлѣбъ насущный... Поднялся хлѣбецъ въ цѣнѣ на пятачокъ — красный товаръ у купцовъ всталъ, еще на пятачокъ — бакалея разная остановилась, а еще на пятачокъ — и все остальное сѣло. Никому не нужно ни твоей фабрики, ни твоего завода, ни твоей машины... Все отъ! хлѣбца-батюшки. Урожай — дѣвки, какъ блохи, замужъ поскакали, неурожай — посиживай у окошечка, да поглядывай на голодныхъ жениховъ. Такъ я говорю, дурашка?

— Тоже вотъ и нащеть водки, Михей Зотычъ... Солдату плепорція казенная, а отставному гдѣ взять въ голодный-то годъ?

Иногда на Михея Зотыча находило какое-то дѣтское умиленіе, и онъ готовъ былъ цѣловать благодатную землю, точно еврей послѣ переселенія въ обѣтованную землю. Ужъ очень хорошо было кругомъ. Народъ жилъ пол-

ною чашей, —любо посмотре́ть. Этакого-то угоднаго мѣста по всей Расеѣ не сыщешь съ огнемъ. Народъ еще не «испотачился» и жилъ по-Божески. Все свое, домашнее—вотъ и достатокъ, потому что какъ всѣ отъ матушки земли жили и не гнались на городскую руку моды заводить. Прикидывая въ умѣ хлѣбный районъ по одной Ключевой, Михай Зотычъ видѣлъ, что сырья здѣсь хватитъ на двадцать такихъ крупчатоковъ, какую онъ строилъ въ Прорывѣ.

— Всѣмъ хватитъ, Вахрушка, и еще отъ насъ останется, да.

— Какъ не хватить, Михай Зотычъ!

Другой вопросъ, который интересовалъ стараго мельника, былъ тотъ, гдѣ устроить рынокъ. Не покупать же хлѣбъ въ Запольѣ, гдѣ сейчасъ сосредоточивались всѣ хлѣбныя операціи. Одинъ провозъ съѣсть. Мелкіе торжки, положимъ, кое-гдѣ были, но нужно было выбрать изъ нихъ новый пунктъ. Вотъ въ Баклановой по воскресеньямъ бывалъ подвозъ хлѣба и въ другихъ деревняхъ.

— Эхъ, повернуть бы торжокъ въ Суслонь! — мечталъ старикъ.

Онъ прикинулъ еще раньше центральное положеніе, какое занималъ Суслонъ въ бассейнѣ Ключевой, — со всѣхъ сторонъ близко, и хлѣбъ самъ придетъ. Было бы кому покупать. Этакъ, пожалуй, и Заполью плохо придется. Мысль о поворотѣ торжка сильно волновала Михея Зотыча, потому что въ этомъ заключалась смерть запольскимъ толстосумамъ: копѣечка съ пуда подешевле

отъ провоза—и конецъ. Вотъ этого-то онъ и не сказалъ тогда старику Луковникову.

Это путешествіе чуть не закончилось катастрофой. Старики уже возвращались домой. Дѣло происходило ночью, недалеко отъ мельницы Ермилыча. Лошадь шла шагомъ, нога за ногу. Старики дремали, прикурнувъ въ телѣгѣ. Вдругъ Вахрушка вздрогнулъ, какъ строевая лошадь, заслышавшая трубу.

— Михей Зотычъ, родимый, не ладно!

— А? Что?—бормоталъ спросонья хозяинъ.

— Слышишь?

Гдѣ-то вдали тонко прозвонили дорожные колокольчики и замерли, точно порвалась струна.

— Исправникъ на встрѣчу гонить!—въ ужасѣ прошепталъ Вахрушка, проникнутый смертнымъ страхомъ ко всякому начальству.

— Ну, и пусть гонить. Мы ему не мѣшаемъ.

— Ахъ, ты какой, право!... Лучше бы своротить съ дороги. Не ровенъ часъ... Ежели пьяный, такъ оно лучше не попадаться ему на глаза.

— Давай сюда возжи, дурашка.

Вахрушка такъ и замеръ отъ страха. А колокольчики такъ и заливаются. Ближе, ближе,—вотъ ужъ совсѣмъ ближе.

— Михей Зотычъ, своротимъ отъ грѣха!—молилъ Вахрушка.

— Молчи, дурашка.

Ночь была темная, и съѣхались носомъ къ носу.

— Ей, кто тамъ дорогу загородилъ? — рывкнулъ голосъ изъ исправничьяго экипажа.

— Чортъ съ рѣпой! — спокойно отвѣтилъ Михей Зотычъ.

— Сворачивай съ дороги, каналья!

— Ты сворачивай, порожнемъ на тройкѣ ѣдешь, а я съ возомъ на одной!

Кто-то соскочилъ съ козелъ исправничьяго экипажа и накинудся съ неистовымъ ревомъ на непокорную телѣгу. Въ воздухѣ свистнула нагайка.

— Бей каналью! — кричалъ самъ Полуяновъ, сидя въ экипажѣ.

— Илья Оирсычъ, да ты никакъ съ ума спятилъ! — крикнулъ Колобовъ, ловко защищаясь кнутикомъ отъ козачьей нагайки. — Креста на тебѣ нѣтъ... Аль не узналъ?

— Да кто тамъ? — сердился исправникъ.

— Сказано: чортъ съ рѣпой! Бить не битаго везеть.

— Тьфу! Дуракъ какой-то... Ну, подойди сюда!

— Охъ, не подходи! — въ ужасѣ шепталъ Вахрушка, ухватывая хозяина за рукавъ.

Но Колобовъ смѣло подошелъ къ экипажу. Полуяновъ чиркнулъ спичку и съ удивленіемъ смотрѣлъ на бродягу.

— Не признаешь? Хе, хе. А еще на свадьбѣ вмѣстѣ пировали въ Запольѣ.

— Да это ты, Михей Зотычъ? Тьфу, окаанный человекъ! — засмѣялся грозный исправникъ. — Экъ тебя носить нелегкая! Хочешь коньяку? Нѣтъ? Ну, я скоро въ гости къ тебѣ на мельницу пріѣду.

— Милости просимъ.

Когда исправничій экипажъ покатишь дальше, Вахрушка снялъ шапку и перекрестился. Онъ еще долго потомъ оглядывался и встряхивалъ головой. Съ этого момента онъ проникся безграничнымъ удивленіемъ къ смѣлости Михея Зотыча: ужь если исправника Полупьянова не испугался, такъ чего же ему бояться больше?

ХІІ.

Какъ Галактіонъ сказалъ, такъ и вышло: жилой домъ на Прорывѣ былъ конченъ къ первопутку, т. - е. конченъ на столько, что можно было переѣхать въ него молодымъ. Серафима торжествовала. Ей такъ надоѣло жить въ чужихъ людяхъ, у всѣхъ на виду, а тутъ былъ свой уголъ, свое гнѣздо. Она больше не робѣла передъ мужемъ и съ затаенною радостью чувствовала, что онъ начинаетъ ее любить. Это высказывалось въ тысячѣ тѣхъ обыденныхъ мелочей, которыя въ отдѣльности даже назвать трудно. Мужъ теперь предупреждалъ ея малѣйшія желанія и слѣдилъ за каждымъ шагомъ. Но ей рѣшительно ничего было не нужно. Боже мой, какъ она была счастлива, а новый домъ на Прорывѣ казался ей раемъ.

— У насъ теперь свое гнѣздо, — повторяла она, ласкаясь къ мужу. — И никто, никто не смѣетъ его тронуть. Да, Глаша?

— Кому же это нужно, Сима?

— Нѣтъ, я такъ, къ примѣру. Миѣ иногда дѣлается страшно. Сама не знаю отчего, а только страшно, страшно, точно вотъ я падаю куда-то въ пропасть. И плакать

хочется, и точно обидно за что-то. Вѣдь, ты сначала меня не любишь. Ну, признайся.

— Перестань болтать глупости!

— Какъ же ты могъ любить, когда совсѣмъ не зналъ меня? Да я тебѣ и не нравилась. Тебѣ больше нравилась Харитинка. Не отпирайся, пожалуйста, я все видѣла, а только мнѣ было тогда почти все равно. Очень ужъ надоѣло въ дѣвицахъ сидѣть. Тоска какая-то, все не мило. Я даже злая сдѣлалась, и мамаша плакала отъ меня. А теперь я всѣхъ люблю.

Это счастливое настроеніе заражало и Галактіона, и онъ находилъ жену такою хорошей и даже красивой. Отъ дѣвичьей угловатости не осталось и слѣда, а ее смѣнила чарующая женская мягкость. Галактіону доставляло удовольствіе ухаживать за женой.

Серафимѣ нравилось и самое мѣсто, выбранное Галактіономъ подь мельницу. Ключевая была здѣсь такая быстрая да глубокая, а напротивъ каменнымъ гребнемъ поднималась большая гора. Изъ-за горы, внизъ по Ключевой, виднѣлась Шейнская Курья, а за ней бѣлою свѣчей поднималась церковь въ Суслонѣ. Мѣсто подь мельницу было выбрано на лѣвомъ берегу, на каменномъ мысу, вдававшемся въ Ключевую. Правда, уже теперь чувствовалась нѣкоторая тѣснота, но когда будутъ кончены постройки, сдѣлается совсѣмъ свободно. Серафима по-своему мечтала о будущемъ этого клочка земли: у нихъ будетъ свой маленькій садикъ, гдѣ она будетъ гулять съ ребенкомъ, потомъ она заведетъ полное хозяйство, чтобы дома все было свое, на мельничномъ пруду

будетъ плавать пара лебедей и т. д. Эти лебеди снились Серафимѣ даже во снѣ, какъ символъ семейнаго счастья. Да, она была счастлива и чувствовала, что всѣ ее любятъ, даже старикъ Михей Зотычъ. Она понимала, что онъ любить собственно не ее, а тѣхъ будущихъ внучатъ, которыхъ она подарить ему.

— Такъ, невѣстушка, такъ, милая... — повторялъ старикъ, глядя на нее любящими глазами. — Внучка мнѣ нужно.

— Будетъ внучекъ, папаша.

— То-то, смотри, Серафима Харитоновна, не осрамись, да и меня не подведи.

Такіе откровенные разговоры заставляли Серафиму вспыхивать яркимъ румянцемъ, хотя она и сама была увѣрена, что родится именно мальчикъ. Даже молчаливый Емельянъ теперь какъ-то особенно подолгу заглядывался на невѣстку и начиналъ ухмыляться. Ему тоже нравилась ласковая и старавшаяся всѣмъ угодить сноха. Приѣхалъ и третій братъ, Симонъ, совсѣмъ еще молодой человекъ, состоявшій въ семьѣ на положеніи мальчика. Онъ былъ самый красивый и походилъ на мать, но отецъ какъ-то не долюбливалъ его за недостатки характера. Мальчикъ былъ такой ласковый, и Серафима полюбила его съ перваго раза, какъ родного брата.

— У насъ вся семья сердитая, — потихоньку рассказывалъ мальчикъ. — И я всѣхъ боюсь.

Это была первая молодая женщина, которую Симонъ видѣлъ совсѣмъ близко, и эта близость поднимала въ немъ всю кровь, такъ что ему дѣлалось даже совѣстно, осо-

бенно когда Серафима цѣловала его по-родственному. Онъ потихоньку обожалъ ее и боялся выдать свое чувство. Эта тайная любовь тоже волновала Серафиму и она напрасно старалась держаться съ мальчикомъ строго, — у ней строгость какъ-то не выходила, а потомъ ей дѣлалось жаль славнаго мальчугана.

— Симонъ, не смотри на меня такъ! — строго говорила она.

— Я... я ничего.

— Если Галактіонъ увидитъ, онъ тебѣ задастъ.

Вообще, въ новомъ домѣ всѣмъ жилось хорошо, хотя и было тѣсно. Двѣ комнаты занимали молодые, въ одной жили Емельянъ и Симонъ, въ четвертой — Михей Зотычъ, а пятая носила громкое названіе конторы, и пока въ ней поселился Вахрушка. Стряпка Матрена поступила къ молодымъ, что послужило предметомъ серьезной ссоры между сестрами.

— Жили-жили, да въ благодарность и стряпку сманили, — корила жена писаря.

— Никто и не думалъ сманивать, — оправдывалась Серафима. — Сама пришла и живетъ. Мы тутъ не при чемъ. Скажешь, что и солдата тоже мы сманили?

— И солдата... Умны ужь очень.

Между зятьями временно пробѣжала черная кошка и недоразумѣнія возникали изъ-за всякихъ пустяковъ. Впрочемъ, они скоро помирились, благодаря политикѣ Галактіона. По первопутку пріѣхалъ въ гости дорогой тестюшка Харитонъ Артемьевичъ, вмѣстѣ съ любимой дочерью Харитиной, — вѣрнѣе сказать, не пріѣхалъ, а его

привезла Харитина. Старикъ съ самой свадьбы не переставалъ кутить и началъ заговариваться. Анфуса Гавриловна рѣшительно ничего не могла съ нимъ подѣлать и отправила на поправку къ новому зятю, на котораго надѣялась теперь, какъ на каменную стѣну. Очень ужъ умный и почтительный зять и все устроить. Изъ писемъ Серафимы Анфуса Гавриловна знала ихъ жизнь и заочно восторгалась новымъ зятемъ. Галактіонъ воспользовался появленіемъ гостей, чтобъ устроить новоселье, какъ того требовали деревенскіе порядки. Былъ приглашенъ въ первую голову писарь Замараевъ.

— Да ты съ ума сошелъ, Галактіонъ? — удивилась даже смѣлая на все Харитина.

— Нисколько. Онъ такой же зять, какъ и я. Роднѣ не приходится считаться. Нечего намъ дѣлать.

— А тятенька?

— Ничего и тятенька. Въ гостяхъ воля хозяйская.

Поведеніе Галактіона навсегда примирило Анну съ добрымъ и умнымъ новымъ зятемъ. Писарь тоже не могъ не согласиться, что Галактіонъ все по-умному дѣлаетъ.

Были приглашены также мельникъ Ермилычъ и попъ Макарь. Послѣдній долго не соглашался ѣхать къ старовѣрамъ, пока писарь не уговорилъ его. Къ самому новоселю подоспѣлъ и исправникъ Полуяновъ, который обладалъ какимъ-то чутьемъ попадать на такіе праздники. Однимъ словомъ, собралась большая и веселая компанія. Какъ-то все выходило весело, начиная съ того, что Харитонъ Артемьичъ никакъ не могъ узнать зятя писаря и все спрашивалъ:

— Да ты кто таковъ человѣкъ будешь?

— Не чужой человѣкъ, тятенька. Прежде зятемъ считали.

— Зятемъ? Тьфу!... Тоже и скажетъ человѣкъ. Разѣ у меня такіе зятя? Ахъ, ты, капустный звѣрь!

Молодая хозяйка была счастлива, какъ никогда, и сіяла своимъ молодымъ счастіемъ. Она подходя обнимала Харитину и цѣловала ее отъ избытка радости. Бойкая и взбалмошная Харитина противъ обыкновенія держала себя какъ-то особенно солидно и казалась даже грустной. Ее только забавляли преслѣдовавшіе ее глаза Симона. Мальчикъ совсѣмъ увлекся, увлекся сразу и ничего больше не видѣлъ, кромѣ запольской красавицы съ ея поджигающимъ смѣхомъ, вызывающе улыбкой и бойкою рѣчью. Онъ такъ ѣлъ ее глазами, что даже замѣтилъ Галактіонъ и сказалъ женѣ:

— Ты скажи Симону, что такъ нельзя... Мнѣ самому неловко сказать. Совсѣмъ дуракъ мальчишка.

— Что же тутъ мудренаго? Харитину какъ увидятъ, такъ и влюбятся. Ужъ такая уродилась... Она у меня сколько жениховъ отбила. И ты тоже женился бы на ней, если бы не отецъ.

— Перестань болтать глупости! Какъ тебѣ не стыдно?

— Я, вѣдь, не ревную, а такъ, къ слову сказала.

Веселье продолжалось цѣлыхъ три дня, такъ что Полуяновъ тоже переставалъ узнавать гостей и всѣхъ спрашивалъ, по какому дѣлу вызваны. Онъ оцувствовался только тогда, когда его свозили въ Суслонъ и выпарили

въ банѣ. Михей Зотычъ, по обыкновенію, незамѣтно исчезъ изъ дому и скрывался неизвѣстно гдѣ.

Больше всего доставлялъ хлопотъ дорогой тестюшка, съ которымъ никто не могъ управиться, кромѣ Галактіона. Старшихъ дочерей онъ совсѣмъ не признавалъ, да и любимицу Харитину тоже. Разъ ночью съ нимъ сдѣлалось совсѣмъ дурно. Стерегшій гостя Вахрушка только махалъ руками.

— Я боюсь,—заявила Серафима разбуженному мужу.—Иди ты... Ахъ, Господи, вотъ согрѣшеніе-то!... Мамаша тоже послала гостя.

Галактіонъ накинулъ халатъ и отправился въ контору, гдѣ временно помѣщенъ былъ Харитонъ Артемьичъ. Онъ сидѣлъ на кровати съ посинѣвшимъ лицомъ и страшно выкаченными глазами. Около него была одна Харитина. Она тоже только что успѣла соскочить съ постели и была въ одной юбкѣ. Плечи были прикрыты шалью, изъ-подъ которой выбивалась шелковая волна чудныхъ волосъ. Она была блѣдна и въ упоръ посмотрѣла на Галактіона.

— Пошли скорѣе Вахрушку за нашатырнымъ спиртомъ,—тихо и повелительно приказала она.—Да чтобы живо. Потомъ принеси снѣгу и воды.

Дѣвушка знала, какъ нужно отваживаться съ пьяницей отцомъ, и распоряжалась, какъ у себя дома. Старикъ сидѣлъ, попрежнему, на кровати и тяжело хрипѣлъ. Временами изъ его груди вырывалось неопредѣленное мычаніе, которое понимала только одна Харитина.

— Ммм... моч... рю... ку... ррюмочку.

— Подожди, будетъ и рюмочка, — сурово говорила Харитина, щупая голову ошалѣвшаго родителя. — Вотъ до чего себя довелъ.

— Мм... не ббуду... не ббуду.

Лицо его искривилось, глаза страшно выкатились и онъ повалился на постель. Въ этотъ моментъ вбѣжалъ Галактіонъ со снѣгомъ и водой. Холодные компрессы сдѣлали свое дѣло, а поданная рюмка водки на время успокоила пьяницу. Онъ теперь лежалъ на постели съ закрытыми глазами, опухшій, налитый пьянымъ жиромъ, а надъ нимъ наклонилась Харитина, такая цвѣтушая, молодая, строгая. Днемъ у нея глаза были сѣрые, а ночью темнѣли, какъ у кошки; золотистые волосы обрамляли блѣдное лицо точно сіяніемъ. Галактіонъ стоялъ въ изголовьи кровати и невольно любовался ею, любовался не такъ, какъ прежде, а какъ мужчина, полный силъ, который видитъ красивую женщину. Всѣ эти дни онъ почти совсѣмъ не обращалъ на нее вниманія и даже не замѣчалъ, хотя они и были по-родственному на ты и даже цѣловались, тоже по-родственному. Въ комнатѣ горѣла одна сальная свѣчка, и при ея красноватомъ свѣтѣ Харитина походила на русалку. Она не смотрѣла на Галактіона, но чувствовала на себѣ его пристальный взглядъ, и машинально поправила подъ шалью спустившійся рукавъ рубашки. Потомъ она смѣло посмотрѣла прямо въ лицо Галактіону, посмотрѣла почти съ ненавистью, плотно сжавъ губы. Потомъ онъ видѣлъ, какъ она медленно и спокойно подошла къ нему, обняла его своими голыми руками и безмолвно прильнула къ его лицу горѣвшими губами.

— Харитина, опомнись!... Харитина, что ты дѣлаешь? — шепталъ онъ, напрасно стараясь освободиться изъ ея объятій. — Харитина!...

Бѣлыя руки распались сами собой, и она засмѣялась нехорошимъ смѣхомъ.

— Не любишь? забылъ? — шептала она, отступая. — Другую полюбилъ? А эта другая рохля и плакса. Развѣ тебѣ такую было нужно жену? Ахъ, Галактіонъ Михеичъ! А вотъ я такъ не забыла, какъ ты на своей свадьбѣ смотрѣлъ на меня... ничего не забыла. Соколъ посмотрѣлъ, и нѣтъ дѣвушки... и не стыдно мнѣ нисколько.

Она опять обняла его и цѣловала, вѣришь—душила своими поцѣлуями, лицо, шею, даже руки цѣловала. Галактіонъ чувствовалъ только, какъ у него вся комната завертѣлась передъ глазами, а эти золотые волосы щеко-тали ему лицо и шею.

— Милый, милый, — шептала она въ изступленіи, закрывая глаза. — Только одинъ разъ. Развѣ та, другая, умѣетъ любить? А я-то тосковала по немъ, я-то убивалась!

— Харитина!...

— Нѣтъ здѣсь никакой Харитины. Харитина тамъ, гдѣ ее любятъ.

Эта дикая сцена была прекращена появленіемъ Вахрушки, который успѣлъ вернуться изъ Суслона со спиртомъ.

— Ты меня будешь помнить, — повторила нѣсколько разъ Харитина, давая отцу нюхать спиртъ. — Я не шутики съ тобой шутила. О, какъ я тебя люблю, несчастный!

Когда Галактіонъ проснулся на другой день, все случившееся ночью ему показалось тяжелымъ кошмаромъ. Онъ даже посомнѣвался, было ли все это на самомъ дѣлѣ. Харитина вышла къ чаю, какъ всегда. На ней была та же шаль, что и ночью, и это кольнуло Галактіона. Она ему хотѣла показать, что ставить его ни во что. Припоминая подробности вчерашней сцены, Галактіонъ отчетливо зналъ только одно, именно, что онъ растерялся, какъ мальчишка, и все время держалъ себя дуракомъ. Нужно было сдѣлать рѣшительный шагъ въ ту или другую сторону, а теперь оставалось дѣлать такой видъ, что онъ все принялъ за глупую выходку и не придаетъ ничему серьезнаго значенія.

— Мы съ папашей сегодня ѣдемъ домой, — заявила Харитина усталымъ голосомъ. — Видно, чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись. Кстати, насъ проводить Илья Өирсычъ. Ему тоже пора домой.

Полуяновъ даже всталъ на колѣни и принялся цѣловать руки капризной красавицы.

— О, богиня, я могу только повиноваться, какъ слабый смертный!

Симонъ, бывшій свидѣтелемъ этой глупой сцены, блѣднѣлъ и краснѣлъ, до крови кусая губы. Бѣдный мальчуганъ страстно ревновалъ запольскую красавицу даже, кажется, къ ея шали, а когда на прощаньи Харитина породственному поцѣловала его, онъ не вытерпѣлъ и убѣжалъ.

— Что ты дѣлаешь съ мальчикомъ? — упрекнула ее

Серафима, находившаяся въ лѣнливо-спокойномъ настроеніи беременной женщины.

— Я? Ничего, — рѣзко отвѣтила Харитина. — Кто меня полюбитъ, тотъ несчастный человѣкъ на вѣкъ.

Галактіонъ все время молчалъ и старался не смотрѣть на нее. Она поцѣловалась и съ нимъ, опустивъ глаза.

— Желаю тебѣ быть пайнкой, — пошутила надъ нимъ Харитина, усаживаясь въ экипажъ. — Пряничка дадутъ.

Въ этотъ моментъ Галактіонъ ненавидѣлъ ее и былъ счастливъ, что ночью былъ дуракомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло пять лѣтъ.

Все Заполье переживало тревожное время. Кажется, въ самомъ воздухѣ висѣла мысль, что жить по-старинному, какъ жили отцы и дѣды, нельзя. Доказательствъ этому было достаточно, и самыхъ убѣдительныхъ, потому что всѣ они били запольскихъ купцовъ прямо по карману. Достаточно было уже одного того, что, благодаря новой мельницѣ старика Колобова, въ Суслонѣ открылся новый хлѣбный рынокъ, обѣщавшій въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться серьезнымъ конкурентомъ Заполью. Это была первая повѣстка.

— Нѣтъ, братъ, шабашъ, — повторяли запольскіе купцы. — По-старому, братъ, не проживешь. Сегодня у тебя пшеницу отнимутъ, завтра куделю и льняное сѣмя, а тамъ

и до степного сала доберутся. Что же у насъ-то останется? Да, конечно. Надо все по-полированному дѣлать, чтобы какъ въ другихъ прочихъ мѣстахъ.

Запасъ свѣдѣній объ этихъ другихъ прочихъ мѣстахъ оказался самымъ ограниченнымъ, вѣрнѣе сказать — запольскіе купцы ничего не знали, кромѣ своего роднаго Заполя. Молодые купцы были бы и рады устраиваться по-новому, да не умѣли, а старики артачились и не хотѣли ничего знать. Вообще, разговоровъ и пересудовъ было достаточно, а какая-то невидимая бѣда надвигалась все ближе и ближе.

Въ собственномъ смыслѣ событій за эти пять лѣтъ не случилось. Было три пожара, потомъ открыли новую городскую думу, при чемъ старикъ Луковниковъ былъ избранъ первымъ городскимъ головой, потомъ Малыгины выдали младшую дочь Харитину раньше старшей и т. д. Харитина вышла замужъ чуть не убѣгомъ, противъ воли родителей, и теперь была исправницей Полуяновой. Жена у Полуянова умерла черезъ годъ послѣ свадьбы Серафимы, а черезъ годъ онъ съ пьяныхъ глазъ женился на красавицѣ Харитинѣ, вѣрнѣе сказать — она сама высватала его. Свадьба была сыграна еще скорѣе, чѣмъ у Серафимы, потому что женихъ вдовецъ. Анфуса Гавриловна на колѣняхъ умоляла дочь не дѣлать этого, но Харитина твердила одно:

— Мамаша, я хочу быть благородной. Очень мнѣ интересно выходить замужъ за какого-нибудь сиволапаго купца! Насмотрѣлась я на своихъ сестрицъ, какъ онѣ въ темнотѣ живутъ.

— Поглядимъ мы на твое пьяное да старое благородство!

— Исправницей буду, мамаша. Чаемъ губернатора буду угощать, а онъ у меня руку будетъ цѣловать. Въ благородныхъ домахъ вездѣ такой порядокъ. Въ каретѣ буду ѣздить.

— Дура ты, Харитинка, и больше ничего.

— Не виновата, что такая родилась, мамаша.

Въ сущности, Харитина вышла очертя голову за Полуянова, только потому, что желала хотя этимъ путемъ досадить Галактіону. На, полюбуйся, какъ мнѣ ничего не жаль! Изъ-за тебя гибну. Но Галактіонъ, кажется, не почувствовалъ этой мести и даже не пріѣхалъ на свадьбу, а послалъ вмѣсто себя жену съ братомъ Симономъ. Харитина удовольствовалась тѣмъ, что заставила мужа написать карету и разѣзжала въ ней по магазинамъ цѣлые дни. Пусть всѣ смотрятъ и завидуютъ, какъ молодая исправница катается.

Если запольскіе купцы не знали, чтò имъ нужно, то отлично это знали люди посторонніе, которые все набивались въ городъ. Кто они такіе, откуда, чего домогаются—никто не зналъ. У Штоффа уже давно жилъ безымянный нѣмецъ Драке, потомъ пріѣхалъ и поселился Май-Стабровскій. Онъ занялъ лучшую квартиру въ городѣ, завелъ выѣздныхъ лошадей, цѣлый штатъ прислуги и зажилъ на широкую ногу. Въ Запольѣ и во снѣ не видали такой роскоши, и молодая исправница сгорала отъ зависти. Впрочемъ, она была принята у Стабровскихъ, и самъ старикъ ухаживалъ за ней съ чисто - польскимъ

джентльменствомъ. Потомъ поселился подозрительный еврей Ечкинъ. Впрочемъ, онъ самъ мало жилъ въ Запольѣ, а все гдѣ-то разъѣзжалъ. Около этихъ новыхъ людей жалась цѣлая кучка безыменныхъ и прожорливыхъ пановъ, нѣмцевъ и евреевъ. Они всѣ чего-то искали, куда-то ѣздили по какимъ-то никому неизвѣстнымъ дѣламъ и вообще ужасно торопились. Не было, кажется, такого угла, котораго они не обнюхали бы и не обыскали. Однимъ словомъ, что-то готовилось, и запольскіе купцы впередъ чувствовали, какъ ихъ забираетъ страхъ.

— А все это проклятый Полуштофъ, — ругались они за спиной. — Все отъ него пошло. Дай лисъ хвостъ просунуть, она и вся залѣзетъ. А у нѣмцевъ такъ ужъ заведено: у одного крючокъ, у другаго петля — другъ за дружкой и волокуются.

Доставалось на орѣхи и «полуштофову тестю», т.-е. Харитону Артемичу. Онъ первый призрѣлъ голаго нѣмца, да еще дочь за него замужъ выдалъ. Вотъ теперь всѣ и расхлебывай. Да и другой зять, Галактіонъ, тоже хорошъ: всѣмъ мельникамъ заперъ ходъ, да еще рынокъ увелъ къ себѣ въ Суслонъ.

Сами по себѣ новые люди были всѣ очень милые, вѣжливые и веселые. Вездѣ сами бывали, всѣхъ принимали у себя и умѣли товаръ лицомъ показать. На другой же годъ въ Запольѣ открылся клубъ, учрежденіе невиданное. Старики не пошли, а молодежь была рада. Въ Запольѣ до сихъ поръ не было ни одного веселаго пріюта. По зимамъ проворные нѣмцы начали устраивать въ клубъ семейные вечера съ танцами, благотворительныя «лотереи».

аллегри», а, главное, напропалую дулись въ карты. Это выходило гораздо удобнѣе, чѣмъ у себя дома. И хлопотъ никакихъ, и удовольствіе получай, какое хочешь. Май-Стабровскій и Ечкинъ повели настоящую большую игру, особенно, когда пріѣхалъ Шахма, этотъ степной крезъ, о которомъ составлялись настоящія легенды. Игралъ въ большую Еграшка Огибенинъ, исправникъ Полуяновъ и даже аккуратный нѣмецъ Штоффъ. Однимъ словомъ, зажили по-настоящему, какъ въ другихъ прочихъ мѣстахъ, особенно, когда появились два адвоката, Мышниковъ и Черевинскій, забившіе сразу мѣстныхъ доморощенныхъ ходатаевъ и дѣльцовъ. Впрочемъ, Мышниковъ былъ свой, запольскій. Онъ происходилъ изъ разорившейся купеческой семьи и кончилъ курсъ въ университетѣ.

Этотъ приливъ новыхъ людей закончился нотаріусомъ Меридіановымъ, тоже своимъ человѣкомъ, — онъ былъ сынъ запольскаго соборнаго протопопа, — и двумя слѣдователями. Говорили уже о земствѣ, которое не сегодня-завтра должно было открыться. Всѣ эти новые люди устраивались по-своему и не хотѣли знать старыхъ порядковъ, когда всѣмъ заправлялъ одинъ исправникъ Полуяновъ да два ветхозавѣтныхъ засѣдателя.

Больше всѣхъ суетился и хлопоталъ нѣмецъ Штоффъ, какъ человѣкъ, достаточно освоившійся съ положеніемъ мѣстныхъ дѣлъ. Онъ бралъ какіе-то подряды, хлопоталъ объ открытіи мѣстной женской прогимназіи и реального училища, открылъ какое-то таинственное «депо земледѣльческихъ усовершенствованныхъ машинъ» и такъ далѣе, безъ конца. Время отъ времени онъ тоже исчезалъ изъ

города и шнырялъ по уѣзду, выискивая какія-то новыя дѣла. Впрочемъ, его дѣятельность скоро обнаружилась, когда Май-Стабровскій купилъ въ уѣздѣ упраздненный винокуренный казенный заводъ и назначилъ его своимъ главнымъ управляющимъ. Были и свои винокуры, но это былъ народъ все мелкій, работавшій съ грѣхомъ пополамъ для мѣстнаго потребленія, а Стабровскій затѣвалъ громадное, миллионное дѣло и повелъ его сильною рукой. Все устраивалось по послѣднему слову винокурной науки. Отъ Заполья до новаго завода было верстъ сто, и туда отхлынула вся польская челядь, окружавшая Стабровскаго. Запольскіе купцы только смотрѣли и ожигались. Ихъ «старинка» оставалась позади, а впередъ лѣзли новые люди, удивлявшіе своею пробойкостью и прожорливостью. По «старинкѣ» считали на тысячи и много-много на десятки тысячъ, а тутъ сразу счетъ пошелъ на сотни тысячъ.

— Что же это будетъ?—удивлялись недавніе запольскіе богачи.—Что же намъ-то останется? Все нѣмцы забираютъ.

Винокуренный заводъ Стабровскаго находился всего въ двадцати верстахъ отъ Суслона, и это сразу придало совершенно другое значеніе новому хлѣбному рынку. Для этого завода ежегодно имѣлось въ виду скупать до миллиона пудовъ ржи, а это что-нибудь значило. Старикъ Колобовъ только ахнулъ, когда услышалъ про новую затѣю.

— Съѣстъ насъ всѣхъ Стабровскій,—говорилъ онъ, качая головой.—Мы тутъ мышей ловимъ, а онъ прямо на медвѣдя пошелъ.

Новая крупчатная мельница, дѣйствительно, являлась ничтожествомъ по сравненію съ грандіознымъ заводомъ. Было тутъ о чемъ подумать. Хлопотавшій по постройкѣ завода Штоффъ раза два завертывалъ въ Прорывъ и ночевалъ.

— Ты это что же затѣваешь-то?—ворчалъ Михей Зотычъ. —Мы тутъ вотъ мучку мелемъ, а ты хлѣбъ собираешься изводить на проклятое зелье.

— Ничего, ничего, старичокъ. Всѣмъ хлѣба хватить... Мы, вѣдь, себѣ только рожь беремъ, а вамъ всю пшеницу оставляемъ. Другъ другу не будемъ мѣшать, старичокъ.

— Да я не о томъ, нѣмецкая душа: дѣло-то ваше правильное... да. Божій даръ будете переводить, да чорта тѣшить. Мы-то съ молитвой, а вамъ наплевать... тьфу!...

— Да, вѣдь, народу же деньги-то пойдутъ, старичокъ? Ахъ, какой ты!... Теперь хлѣбъ напрасно пропадаетъ, а тогда нѣ, получай наличными. Всѣ будутъ довольны... Такъ-то!

— Богу вы всѣ отвѣтите за свои выдумки!—грозилъ Михей Зотычъ. —Да и какой у васъ Богъ? Ни Бога, ни чорта... Про совѣсть-то слыхалъ, Карлъ Карлычъ?

— У насъ сколько угодно совѣсти, старичокъ.

— Такъ вы ее, совѣсть-то свою, въ процентъ отдавайте... А я тебѣ скажу пряменько, нѣмецъ: не о чемъ намъ съ тобой разговоры разговаривать... такъ, попусту, языкомъ болтать.

Штоффъ только улыбнулся. Онъ никогда не оскорблялся и славился своимъ хладнокровіемъ. Его еще никто не

могъ вывести изъ себя, хотя случаевъ для этого было достаточно. Михей Зотычъ отъ всей души возненавидѣлъ этого увертливаго нѣмца и считалъ его главною причиною всѣхъ грядущихъ золъ.

— Послушай, старичокъ, поговоримъ откровенно, — приставалъ Штоффъ. — Ты живой человѣкъ и я живой человѣкъ, ты хочешь кусочекъ хлѣба съ масломъ и я тоже хочу... Такъ? И всѣ другіе хотятъ, да не знаютъ, какъ его взять.

— Ну, заговаривай зубы, заговаривай, змѣй!

— А я понимаю одно: я имѣю свою пользу и долженъ дать пользу другимъ... Такъ?

— Ужъ ты дашь, что говорить... Даже вотъ какъ дашь... Не обрадуешься твоей-то пользѣ.

— Все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на вещи.

Хитрый нѣмецъ проникъ даже къ попу Макару. Едва ли онъ самъ зналъ, зачѣмъ есть попъ Макаръ, но и онъ тоже ѣстъ свой кусочекъ хлѣба съ масломъ и можетъ пригодиться. Попъ Макаръ былъ очень недовѣрчивый человѣкъ и отнесся къ нѣмцу почти враждебно.

— Во-первыхъ, я живу здѣсь уже двадцать лѣтъ и никого не касаюсь, — объяснилъ онъ откровенно, — и, во-вторыхъ, я ничего не понимаю.

— Да, вѣдь, мнѣ, батюшка, ничего отъ васъ и не нужно, — объяснилъ Штоффъ, не сморгнувъ глазомъ. — Просто, счелъ долгомъ познакомиться съ вами, такъ какъ будемъ жить въ сосѣдяхъ.

— Оно, конечно, милостивый государь... Коль скоро человѣкъ отметаешь отъ себя всяческую суету, потопику

онъ принадлежитъ самому себѣ, во-первыхъ, а во-вторыхъ...

— Послушайте, батюшка, вы ведете громадное хозяйство, у васъ накапливается одной ржи до пяти тысячъ пудовъ, я говорю примѣрно. Вамъ приходится хлопотать съ ея продажей, а тутъ я пріѣду, и мы покончимъ безъ всякихъ хлопотъ. Это я говорю къ примѣру.

— Позвольте, во-первыхъ, какая ваша будетъ цѣна, милостивый государь?

— На одну восьмую копѣйки съ пуда больше, чѣмъ на рынкѣ... Это... это составитъ за пять тысячъ пудовъ ровно 6 рублей 25 копѣекъ. Кажется, я выражаюсь ясно? Вѣдь, деньги не валяются на дорогѣ.

Штофъфъ попалъ въ самое больное мѣсто скуповатаго деревенскаго батюшки. Онъ жилъ бездѣтнымъ, вдвоемъ съ женой, и всю любовь сосредоточилъ на скромномъ стяжаніи, -- его интересовали не столько сами по себѣ деньги, а, главнымъ образомъ, процессъ ихъ пріобрѣтенія, какъ своего рода спортъ.

II.

Старшему сыну Серафимы было уже четыре года, его звали Сережей. За нимъ слѣдовали еще двѣ дѣвочки-погодки, т. е. родившіяся черезъ годъ одна послѣ другой. Старшую звали Милочкой, младшую Катей. Какъ Серафима ни любила мужа, но трехлѣтняя, почти безъ перерыва, беременность возмутила и ее.

— Я хочу и сама пожить, — заявляла она съ наив-

ностью намучившагося человѣка. — Будетъ съ насъ дѣтей.

— И я то же думаю, — соглашался Галактіонъ.

Тотъ красивый подъемъ всѣхъ силъ, который Серафима переживала сейчасъ послѣ замужства, давно миновалъ, смѣнившись нормальнымъ существованіемъ. Первые радости материнства тоже прошли, и Серафима иногда испытывала приступы безпричинной скуки. Пять лѣтъ выжили въ деревнѣ. Довольно. Особенно сильно повлияла на Серафиму поѣздка въ Заполье на свадьбу Харитины. Въ городѣ всѣ жили и веселились, а въ деревнѣ только со скуки пропадай.

— Переѣдемъ въ городъ, — все чаще и чаще повторяла Серафима мужу, — а то совсѣмъ деревенскіе мужики будемъ.

Эти слова каждый разъ волновали Галактіона. Деревня тоже давно надоѣла ему, да и дѣлать здѣсь было нечего, — и безъ него отецъ съ Емельяномъ управятся. Собственно удерживало Галактіона послѣднее предпріятіе: онъ хотѣлъ открыть дорогу зауральской крупчаткѣ туда, на Волгу, чтобъ обезпечить сбытъ надолго. Нужно было только предупредить другихъ, чтобы снять сливки.

Дѣла по мельницѣ установились окончательно и шли прекрасно. Въ первую зиму свѣжую крупчатку возили въ Ирбитъ на ярмарку на тройкахъ. Ее брали на-расхватъ. Происходила конкуренція съ дорогою казанскою крупчаткой. За эти четыре года мельница не только окупилась, но и дала большой доходъ. Теперь пшеница заготовлялась впередъ за годъ и покупалась на наличныя

деньги. Вообще, дѣла шли отлично. Мысль открыть сбытъ своей крупчаткѣ въ «Расею» очень понравилась Михею Зотычу, и онъ съ большимъ удовольствіемъ отпустилъ Галактіона съѣздить въ Казань, Рыбинскъ, Саратовъ и Нижній, чтобы на мѣстѣ познакомиться съ дѣлами. Галактіонъ проѣздилъ все лѣто и вернулся уже по окончаніи нижегородской ярмарки. Эта поѣздка имѣла для него рѣшающее значеніе.

— Ну, что, какъ тамъ у нихъ?—спрашивалъ Михей Зотычъ.

— Ахъ, папаша, даже рассказывать стыдно, то-есть за себя стыдно. Тамъ настоящія дѣла дѣлаютъ, а мы только мухъ здѣсь ловимъ. Тамъ ужъ вальцевыя мельницы строятъ... Мы на гроши считаемъ, а тамъ счетъ идетъ на милліоны.

— Съ большимъ-то счетомъ и запутаться можно, Галактіонъ.

— Въ лѣсѣ ходить—не бояться волковъ, а дѣлать дѣло, такъ по-настоящему.

— Ну, съ меня будетъ и этого, а когда я помру, какъ знаете.

Бойкая жизнь Поволжья просто ошеломила Галактіона. Вотъ это, называется, живутъ во всю. Какими капиталами ворочаютъ, какія дѣла дѣлаютъ!... А здѣсь и развернуться нельзя: все гужомъ идетъ. Не ускачешь далеко. А тамъ и чугунка, и пароходы. Все во-время, на срокъ. Главное, не ѣстъ перевозка,—нѣтъ мѣсячныхъ распутицъ, весеннихъ и осеннихъ, нѣтъ лѣтняго ненастья и зимнихъ вьюгъ,—вездѣ скатертью дорога.

— А какіе тамъ люди, Сима,—разсказывалъ женѣ Галактіонъ,— смѣлые да умные! Пальца въ ротъ не клади... И все дѣло ведется въ кредитъ. Капиталь— это вздоръ. Только бы умный да надежный человѣкъ былъ, а денегъ сколько хочешь. Все дѣло въ оборотѣ. У насъ здѣсь и капиталъ-то у кого есть, такъ и съ нимъ некуда дѣться. Переваливай его съ боку на бокъ, какъ дохлую лошадь. Все отъ оборота.

Серафима слушала мужа только изъ вѣжливости. Въ дѣлахъ она, попрежнему, ничего не понимала. Да и мужъ какъ-то не умѣлъ съ нею разговаривать. Вотъ, другое дѣло, пріѣдетъ Карлъ Карлычъ, тотъ все умѣетъ понятно разсказать. Онъ вонъ и женѣ всѣ наряды покупаетъ и даже въ шляпахъ знаетъ больше толку, чѣмъ любая настоящая дама. Сестра Евлампія никакой заботы не знаетъ съ мужемъ, даромъ что нѣмецъ, и щеголяетъ напропалую.

Заѣзжая на мельницу въ Прорывъ, хитрый нѣмецъ никогда не забывалъ захватить и ребятишкамъ игрушекъ, и невѣсткѣ какой-нибудь пустяковый подарочекъ. Себя въ убытокъ не введетъ и другимъ удовольствіе доставить.

Въ послѣднюю зиму, когда строился у Стабровскаго заводъ, нѣмецъ началъ бывать у Колобовыхъ совсѣмъ часто. Дѣло было зимой и нужно было закупать хлѣбъ на будущій годъ, а главный рынокъ устраивался въ Суслонѣ.

— Это намъ Михей Зотычъ дорожку проторилъ,— похваливалъ нѣмецъ хмурившагося старика,— мы на готовое-то, какъ на чужую кашу съ своею ложкой приходимъ.

— Только не подавитесь, — ворчалъ Михей Зотычъ. — Ложка-то у васъ больно велика. Пожалуй, и каши не хватить.

— Всѣмъ, дѣдушка, хватить, которые ежель съ умомъ.

Главный подвозъ хлѣба происходилъ въ ноябрѣ, когда устанавливался крѣпкій санный путь. Штоффъ прожилъ цѣлую недѣлю въ Суслонѣ у писаря, изучая складывавшійся новый хлѣбный рынокъ. Галактіонъ тоже пріѣзжалъ дѣлать закупки, и они вмѣстѣ провели всю недѣлю. Приходилось вставать раннимъ утромъ, задолго до свѣту, часа въ четыре. Широкая суслонская улица съ обѣихъ сторонъ была уставлена безконечными возами. Скупщики ходили отъ воза къ возу съ фонарями и рынокъ получалъ какой-то фантастическій характеръ. Народное богатство лежало тутъ, на виду, прикрытое домашней работы пологами. Галактіона уже знали, и онъ ставилъ цѣну. Остальные только прикупали, какъ Ермилычъ и небольшіе мельники.

— По-деревенски живемъ, Карлъ Карлычъ, — иронически говорилъ Галактіонъ про самого себя. — Изъ-за хлѣба на квасъ.

— Ну, вы-то пожаловаться не можете.

— Да и радоваться нечему. Изъ маленькаго дѣла не выскочишь. Мнѣ собственно и дѣлать на мельницѣ больше нечего.

— А вы пріѣзжайте къ намъ въ Заполье. Можетъ быть, и дѣльце найдемъ. Люди нужны, а ихъ нѣтъ.

Нѣмецъ чего-то не договаривалъ, а Галактіонъ не же-

лалъ выпытывать. Нужно, такъ и самъ скажетъ. Впрочемъ, разъ ночью они разговорились случайно совсѣмъ по душамъ. Обоимъ что-то не спалось. Ночевали они въ писарскомъ домѣ и разговоръ происходилъ въ темнотѣ. Собственно, говорилъ больше нѣмецъ, а Галактіонъ только слушалъ.

— Видите ли, въ чемъ дѣло, Галактіонъ Михеичъ... Будемте разсуждать математически, такъ сказать. Въ природѣ ничто не должно пропадать, ни одинъ атомъ. Такъ, да? Каждый человѣкъ представляетъ собой извѣстную силу, а сила—только тогда сила, когда она находитъ свое приложеніе. Да? Съ одной стороны, вотъ мы съ вами, какъ сила, ищущая своего приложенія, а съ другой—благодатный край, переполненный сырьемъ. Наше приложеніе въ томъ, чтобы дать оборотъ этимъ богатствамъ. Не правда ли? Умъ—самая страшная изъ всѣхъ силъ. Вы вотъ умный человѣкъ и понимаете совершенно вѣрно, что съ мельницей у васъ лѣтъ черезъ пять будетъ все кончено. Значить, нужно пристроиться къ другому дѣлу.

— Я и самъ это думаю, Карлъ Карлычъ. Давненько думаю.

Нѣмецъ сдѣлалъ паузу. Гдѣ-то тяжело тикали старинные часы.

— У васъ есть деньги?—спросилъ Штоффъ уже совершенно другимъ тономъ, продолжая какую-то свою мысль.

— То-есть какъ деньги?

— Ну, тысячь тридцать-сорокъ.

— Карлъ Карлычъ, вѣдь, вы знаете, что у меня своихъ и сорока копѣекъ нѣтъ.

— Но у васъ есть обычай выдѣлять сыновей. Наконецъ, вы получили кое-что за женой.

— Женины деньги меня не касаются, а что касается выдѣла, едва ли отецъ согласится. Вы знаете, какой у него характеръ.

— А вы имѣйте свой характеръ. Требуйте свою часть.

— Онъ меня просто выгнать вонъ.

Нѣмецъ подумалъ, что-то прикинулъ въ умѣ и проговорилъ убѣжденно:

— И то для васъ будетъ выгиднѣе, чѣмъ сидѣть здѣсь и ждать у моря погоды. Повѣрьте мнѣ. А я васъ устрою.

— Вы теперь такъ говорите, а когда отецъ прогонитъ, вы можете заговорить другое.

— Повѣрьте, что нѣтъ, Галактіонъ Михеичъ. Это мой прямой интересъ, и я вамъ скажу сейчасъ, въ чемъ дѣло. Да. Вотъ у васъ мельница и вы въ зависимости отъ урожая, отъ рынка, отъ конкуренціи, да? Я теперь управляющій Стабровскаго и завишу отъ него. Дѣло громадное и будетъ зависѣть отъ тысячи случайностей, начиная съ самой жестокой конкуренціи, какая существуетъ только въ нашемъ водочномъ дѣлѣ. Не правда ли? Возьмите всякое другое коммерческое дѣло—вездѣ рискъ, вездѣ опасность, вездѣ сомнѣнія. А есть такое дѣло, которое ничего не боится, скажу больше: ему все на пользу—и урожай, и неурожай, и разореніе, и богатство, и даже конкуренція. Это моя завѣтная мечта.

Галактіонъ сѣлъ на кровати и проговорилъ:

— Банкъ? Вы хотите, чтобы въ числѣ учредителей стояло мое русское имя?

— Да. Прибавьте къ этому, что русскихъ именъ мы найдемъ сколько угодно, а намъ нужны работники, хорошіе, энергичные работники. Признаюсь, я васъ изучалъ въ теченіе пяти лѣтъ и знаю васъ больше, чѣмъ вы сами себя знаете. Извините за нескромное любопытство... У васъ есть размахъ, есть кровь, а это главное. Придется много работать и ставить все на карту. Потомъ у васъ есть умѣнье имѣть дѣло съ людьми. Примѣръ: скажу я—и мнѣ не повѣрятъ, скажете вы то же самое—и вамъ повѣрятъ. Это величайшій секретъ науки, называемой психологія. Мнѣ скажутъ: «у! нѣмецъ хитритъ!» Я это въ глазахъ читаю, и мнѣ дѣлается обидно, хотя я и хладнокровный человѣкъ. А вамъ повѣрятъ, всѣ повѣрятъ,—о, какъ повѣрятъ!... Да, у васъ сейчасъ нѣтъ денегъ, но умереть отецъ,—будемте говорить откровенно,—у васъ сто тысячъ вѣрныхъ. Значитъ, вы сейчасъ стоите эти сто тысячъ и можете имѣть кредитъ.

— Банкъ будетъ въ Запольѣ?

— Да... Коммерческій Зауральскій банкъ. Главные учредители: Стабровскій, Ечкинъ, Шахма, Драке и я. Видите, все иностранцы, то-есть не русскія фамиліи, а это неудобно. Намъ необходимо привлечь Луковникова, Огибенина и еще человѣка три-четыре. У насъ уставъ уже написанъ, и Ечкинъ выхлопочетъ его утвержденіе. О, этотъ человѣкъ можетъ сдѣлать рѣшительно все на свѣтъ!... Знаете, говоря между нами, я считаю его геніальнымъ человѣкомъ. Да. Представьте себѣ, у него рѣши-

тельно ничего нѣтъ, а онъ всегда имѣетъ такой видъ, точно у него въ бумажникѣ чекъ на пятьсотъ тысячъ. Стабровскій уменъ и тоже геніальный человѣкъ, но до Ечкина ему далеко, какъ до звѣзды небесной... И Стабровскій это самъ знаетъ.

— Что же я буду дѣлать въ Запольѣ, пока вашъ банкъ не откроется?

— Э, дѣла найдемъ!... Во-первыхъ, мы можемъ предоставить вамъ нѣкоторые подряды, а потомъ... Вы знаете, что домъ Харитона Артемьича на жену, — ну, она передастъ его вамъ: вотъ цензъ. Вы на соотвѣтствующую сумму выдадите Анеусъ Гавриловичъ векселей и домъ... Кромѣ того, у васъ уже сейчасъ въ коммерческомъ мірѣ есть свое имя, какъ дѣльнаго человѣка, а это большой ходъ. Васъ знаютъ и въ Запольѣ, и въ трехъ уѣздахъ... О, извѣстность — тоже капиталъ!

Галактіонъ такъ и не могъ заснуть всю ночь. У него горѣла голова, и мысли въ головѣ толклись, какъ въ жаркій лѣтній день толкутся комары надъ болотомъ. Хитрый нѣмецъ умѣло и ловко затронулъ его самое больное мѣсто, именно то, о чемъ онъ мечталъ только про себя. Правда, предстояло сдѣлать рѣшительный шагъ; но, все равно, — его нужно было когда-нибудь сдѣлать. Отъ этого зависѣло все. Одно только нагоняло на Галактіона сомнѣніе: онъ не довѣрялъ хитрому нѣмцу. Продастъ и надуетъ при случаѣ за какой-нибудь «кусочекъ хлѣба съ масломъ». Отъ такихъ людей нужно ожидать всего.

Галактіону дѣлалось обидно, что ему не съ кѣмъ даже посоветоваться. Жена ничего не понимаетъ, отецъ будетъ

противъ, Емельянъ согласится со всѣмъ, Симонъ молодъ, — дѣлай, какъ знаешь.

Передъ отъѣздомъ изъ Суслона Штоффъ имѣлъ болѣе подробный разговоръ съ Галактіономъ и откровенно высказался.

— Я знаю, что вы не довѣряете мнѣ... Это отлично. Никому не нужно вѣрить, даже самому себѣ, потому что каждый человѣкъ можетъ ошибаться. Да. А можно вѣрить только одному — дѣлу. Вы только подумайте: вотъ сейчасъ мы всѣ хлопчемъ, бьемся, бѣгаемъ за производителемъ и потребителемъ, угождаемъ какому-нибудь хозяину, вообще, зависимъ направо и налево, а тогда другіе будутъ отъ насъ зависѣть. У насъ всегда будетъ урожай на нашей нивѣ... Расчетъ самый простой: по вкладамъ мы будемъ платить семь процентовъ, а по ссудамъ будемъ получать до двадцати. Капиталъ будетъ... Вы только сообразите, сколько пропадаетъ теперь мертвого капитала у поповъ, писарей, купцовъ, а изъ этихъ мелочей составится страшная сила, какъ изъ мелкихъ рѣчонокъ наливается море.

III.

Рѣшительный разговоръ съ отцомъ Галактіонъ думалъ повести не раньше, какъ предварительно съѣздивъ въ Заполье и устроивъ тамъ все. Но вышло совершенно наоборотъ.

Послѣ отъѣзда Штоффа Галактіонъ цѣлыхъ три недѣли ходилъ точно въ туманѣ. И сонъ плохой, и аппетита

нѣтъ. Даже Серафима замѣтила, что съ мужемъ творится что-то неладное.

— Тебѣ нездоровится, Глаша?

— Мнѣ? Нѣтъ, ничего.

Такой отвѣтъ совершенно удовлетворялъ простоватую Серафиму, и это возмущало Галактіона. Другая жена попыталась бы, въ чемъ дѣло, и не успокоилась бы, пока не признала бы всего. Теперь во время бессонницы Галактіонъ по ночамъ уходилъ на мельницу и бродилъ тамъ изъ одного этажа въ другой какъ тѣнь. Мельница работала зимой полнымъ ходомъ. Рабочихъ было очень немного. Они, засыпанные мучнымъ бусомъ, походили на какихъ-то мертвецовъ, бродившихъ безшумно изъ одного отдѣленія въ другое. Обыкновенно по ночамъ обходилъ мельницу Емельянъ, какъ холостой человѣкъ, или самъ Михей Зотычъ. Рабочіе удивлялись, встрѣчая теперь Галактіона. Разъ ночью у жернова Галактіонъ встрѣтилъ отца. Старикъ какъ-то по-заячьи прислушивался къ грузному движенію верхняго камня, припадавшаго однимъ краемъ.

— А, это ты! — удивился старикъ. — Вотъ и отлично. Жерновъ у насъ что-то того, припадаетъ краемъ.

— Нужно поставить запасный.

— Остановка выйдетъ.

— Ничего не подѣлаешь.

Они вмѣстѣ прошли по всѣмъ отдѣленіямъ. Вездѣ все было въ порядкѣ.

— Если бы еще пять поставовъ прибавить, такъ работы хватило бы, — задумчиво говорилъ Галактіонъ, ко-

гда они очутились въ мельничной конторкѣ, занесенной бусомъ, точно инеемъ.

— Воды не хватить.

— Можно паровую машину поставить, родитель.

— Ни за что! Спалить хочешь все обзаведеніе?

Мельница давно уже не справлялась съ работой, и Галактіонъ нѣсколько разъ поднималъ вопросъ о паровой машинѣ, но старикъ и слышать ничего не хотѣлъ, ссылаясь на страхъ пожара. Конечно, это была только одна отговорка, что Галактіонъ понималъ отлично.

— Вотъ ты про машину толкуешь, а лучше поставить другую мельницу, — заговорилъ Михей Зотычъ, не глядя на сына, точно говорилъ такъ, между прочимъ.

Галактіонъ отлично понималъ его. Значить, отецъ хочетъ запретъ его въ новую работу и посадить опять въ деревню года на три. На готовомъ дѣлѣ онъ рассчитывалъ управиться съ Емельяномъ и Симономъ. Это было слишкомъ очевидно.

— Нѣтъ, я не согласенъ, — спокойно отвѣтилъ Галактіонъ.

— Какъ не согласенъ? что не согласенъ? Да какъ ты смѣешь разговаривать такъ съ отцомъ, щенокъ?

— Вторую мельницу строить не буду, — твердо отвѣтилъ Галактіонъ. — Будетъ съ васъ и одной. Да и дѣло не стоящее. Вонъ запольскіе купцы три мельницы крупчатки строятъ, потомъ Шахма затѣваетъ, — будете не зерно молоть, а другъ друга ѣсть. Вѣрно говорю... Лѣтъ пять еще поработаешь, а потомъ хоть замѣкъ вѣсь на свою крупчатку. Вотъ самъ увидишь.

— Да ты понимаешь, что говоришь-то?

— Даже очень понимаю... Дѣлать мнѣ нечего здѣсь, вотъ и весь разговоръ. Осталось только, что въ Расею крупчатку отправлять... И это я устроилъ.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ вы сами по себѣ, а я самъ по себѣ.

— Какъ же это такъ будетъ, напримѣрно?

— Да ужъ такъ, какъ случится. Дадите мнѣ что въ отдѣлъ—спасибо, не дадите—тоже спасибо.

— Такъ, такъ, миленькій... Своимъ умомъ хочешь жить.

Старикъ пожевалъ губами, посмотрѣлъ на сына прищуренными глазами и совершенно спокойно проговорилъ:

— Ничего ты отъ меня, миленькій, не получишь... Ни одного грошика, какъ есть. Вотъ что на себѣ имѣешь, то и твое.

— Покорно благодарю, родитель.

Больше отецъ и сынъ не проговорили ни одного слова. Для обоихъ было все ясно какъ день. Галактіонъ, впрочемъ, этого ожидалъ и впередъ приготовился ко всему. Онъ на столько владѣлъ собой, что просмотрѣлъ съ отцомъ всѣ книги, отсчитался по разнымъ статьямъ и далъ нѣсколько совѣтовъ относительно мельницы.

— Завтра, т.-е. сегодня, я уѣду, — прибавилъ онъ въ заключеніе. — Если что вамъ понадобится, такъ напишите. Жена пока у васъ поживетъ... ну, съ недѣлю.

— А кто же ее кормить будетъ?

— Я пришлю денегъ изъ Суслона на прокормъ, а за квартиру потомъ рассчитаюсь.

— За пять лѣтъ, миленькій. Не забудь... По три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ—сто восемьдесятъ рубликовъ.

— И это заплачу. Сейчасъ у меня ничего нѣтъ, а вышлю, какъ пришло подводу за семьей.

Когда Галактіонъ вышелъ, Михей Зотычъ вздохнулъ и улыбнулся. Вотъ это такъ сынъ... Правильно пословица говорится: одинъ сынъ—не сынъ, два сына—полсына, а три сына—сынъ. Такъ оно и выходитъ, какъ по писанному. Да, хорошъ Галактіонъ. Другаго такого-то и не сыщешь.

«А денегъ я тебѣ все-таки не дамъ,—думалъ старикъ.—Самъ наживай,—не маленькій!... Помру, вамъ же все достанется. Охъ, миленькіе, съ собой ничего не возьму!»

Вернувшись домой, Галактіонъ почувствовалъ себя чужимъ въ стѣнахъ, которыя самъ строилъ. О себѣ и о женѣ онъ не беспокоился, а вотъ что будетъ съ дѣтишками? У него даже сердце защемило при мысли о дѣтяхъ. Онъ больше другихъ любилъ первую дочь Милочку, а старшій сынъ былъ баловнемъ матери и дѣдушки. Младшая Катя росла какъ-то сама по себѣ, и никто не обращалъ на нее вниманія.

— Ну, Серафима, собирайся въ дорогу, — коротко объяснилъ Галактіонъ женѣ.—Черезъ недѣлю я за тобой пришло. Переѣзжаемъ въ Заполье.

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

Серафима даже заплакала отъ радости и бросилась къ мужу на шею. Ея завѣтною мечтой было переѣхать въ

Заполье, и эта мечта осуществилась. Она даже не спросила, почему они переѣзжаютъ, какъ все здѣсь останется, — только бы уѣхать изъ деревни. Городская жизнь рисовалась ей въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Только на прощаньи съ отцомъ Галактіонъ не выдержалъ. Онъ досталъ бумажникъ и все, что въ немъ было, передалъ отцу, а затѣмъ всю мелочь изъ кошелька. Михай Зотычъ не поморщился и все взялъ, даже пересчиталъ все до копѣечки.

— Денежка счетъ любить, — бормоталъ старикъ.

У жены Галактіонъ тоже не взялъ ни копѣйки, а захалъ въ Суслонъ къ писарю и у него занялъ десять рублей. Съ этими деньгами онъ отправился начинать новую жизнь. На отца Галактіонъ не сердился, потому что этого нужно было ожидать.

Анфуса Гавриловна обрадовалась и испугалась, когда увидала зятя. Она совсѣмъ не ждала гостя.

— На долго ли, Галактіонъ? — спрашивала расхлопотавшаяся старушка.

— А совсѣмъ, мамаша.

— Какъ совсѣмъ?

Галактіонъ любилъ тещу, какъ родную мать, и рассказалъ ей все. Анфуса Гавриловна расплакалась, а потомъ обрадовалась, что зять будетъ жить вмѣстѣ съ ними. Главное — внучата будутъ тутъ же.

— Поживите пока съ нами, а тамъ видно будетъ, — говорила она, успокоившись послѣ первыхъ изліяній. — Слава Богу, свѣтъ не кликомъ сошелся. Не пропадешь и безъ отцовскихъ капиталовъ. Охъ, черезъ золото много

напрасныхъ слезъ льется! Тоже видывали достаточно всячины!

Харитона Артемьича не было дома, — онъ уѣхалъ куда-то по дѣламъ въ степь. Агнія уже третій день гостила у Харитины. Къ вечеру она вернулась, и Галактіонъ удивился, какъ она постарѣла за какихъ-нибудь два года. Послѣ выхода замужъ Харитины у нея не осталось никакой надежды, — въ Запольѣ рѣдко старшія сестры выходили замужъ послѣ младшихъ. Такой ужъ установился обычай. Агнія, кажется, примирилась съ своею участью Христовой невѣсты и мало обращала на себя вниманія. Не для кого было рядиться.

— Ну, а что зелье-то наше? — сурово спросила ее Анфуса Гавриловна, — она все больше и больше не любила Харитину.

— Ничего... Два новыхъ платья заказала, да соболій воротникъ велѣла передѣлать.

— Наказалъ меня Господь дочкой, — жаловалась Анфуса Гавриловна зятю. — Полуштофова жена модница, а эта всѣхъ превзошла. Охъ, плохо дѣло, Галактіонъ!... Не кончитъ она добромъ.

Вечеромъ, когда уже подали самоваръ, неожиданно пріѣхала Харитина. Она вошла, не раздѣваясь, прямо въ столовую, чтобы показать матери новый воротникъ. Галактіонъ давно уже не видалъ ее, и теперь былъ пораженъ. Харитина сдѣлалась еще красивѣе, а въ лицѣ ея появилось такое увѣренное, почти нахальное выраженіе.

— А, деревенская родня пріѣхала! — здоровалась Ха-

ритина съ гостемъ, по своему обыкновенію, глядя прямо ему въ лицо.—Надолго ли?

— Не знаю, какъ проживется.

— Оставайся на святки. Будемъ веселиться на-пропалую.

— Это у тебя веселье только на умѣ, — оговорила мать.—У другихъ на умѣ дѣло, а у тебя пустяки.

— Что же, мамаша, не всѣмъ умнымъ быть.

— Да ты сядь, не таранти. Охъ, не люблю я вотъ такихъ-то верченыхъ! Точно сорока на колу.

— Что же, я и раздѣнусь. Хотѣла только показать вамъ, мамаша, новый воротникъ. Триста рублей всего стоить.

Харитину задѣло за живое то равнодушіе, съ какимъ отнесся къ ней Галактіонъ. Она уже привыкла, чтобы всѣ ухаживали за ней. Снимая шубку, она попросила его помочь.

— Не умѣешь помочь раздѣться, увалень! — пошутила она.—Привыкъ съ деревенскими бабами обращаться!

На Галактіона такъ и пахнуло душистою волной, когда онъ подошелъ къ Харитинѣ. Она была въ шерстяномъ синемъ платьѣ, красиво облегавшемъ ея точеную фигуру. Она нарочно подняла руки, дѣлая видъ, что поправляетъ волосы, и все время не спускала съ Галактіона своихъ дерзкихъ улыбающихся глазъ.

— Что, хороша?—сказала она и засмѣялась.

— Перестань ты, безстыдница!—заворчала Анеуса Гавриловна.—Хоть и зять, а, все-таки, мужчина. Что руки-то задираешь, срамница?

— Я въ корсетѣ, мамаша.

Галактіонъ опустилъ глаза, чувствуя, какъ начинаетъ краснѣть. Ему какъ-то вся кровь бросилась въ голову. Агнія смотрѣла на него добрыми глазами и печально улыбалась. Она достаточно насмотрѣлась на всѣ штуки сестрицы Харитины.

— Ну, а что твоя деревенская баба?—спрашивала Харитина, подсаживаясь къ Галактіону съ чашкой чая. — Толстѣетъ? Каждый годъ рождаетъ ребятъ?... Ха, ха! Дѣлать вамъ тамъ нечего, вотъ и плодите ребятішекъ. Мамаша, какой милый этотъ слѣдователь Куковинъ!... Онъ такъ смѣшно ухаживаетъ за мной.

— Да будетъ тебѣ! — сердито крикнула Анеуса Гавриловна. — Не пристало намъ твои-то гадости слушать... Постыдилась бы хоть Галактіона.

— Что мнѣ его стыдиться, мамаша? Дѣло прошлое: я была въ него сама влюблена. Даже отравиться хотѣла. И онъ...

— Будетъ! Перестань, срамница!

Анеуса Гавриловна была рада, когда Харитина начала собираться. Ей нужно было еще заѣхать къ портнихѣ, въ два магазина, потомъ къ сестрѣ Евлампіи, потомъ еще въ два мѣста. Когда Галактіонъ надѣвалъ ей шубку, Харитина успѣла ему шепнуть:

— А помнишь, дурачокъ, какъ я тебя цѣловала? Я тебя все еще немножко люблю... Пріѣзжай ко мнѣ съ визитомъ. Поговоримъ.

Никогда еще Галактіонъ не былъ такъ несчастливъ, какъ въ эту первую ночь въ Запольѣ. Ему было какъ-то

особенно больно и обидно. Что будетъ? Какъ онъ будетъ жить? А тутъ еще Харитина! Эта встрѣча была послѣднею каплей въ чашѣ испытаній. Развѣ она такая была? Да, она сейчасъ красивѣе, въ полномъ расцвѣтѣ молодости, а ему было больно на нее смотрѣть. Какое у нея сдѣлалось нахальное лицо, какъ она смотритъ, какія движенія, какія слова! И не стыдно... Галактіонъ съ какимъ-то ужасомъ думалъ объ этой погибшей душѣ, припоминая свое минутное увлеченіе. Да, она тогда была другая, — такая чистая, нетронутая, красивая именно этою своею чистотою. А теперь кто ее окружаетъ? Какіе разговоры она слышитъ? Что ее интересуетъ? Если-бъ она знала, что у него сейчасъ на душѣ и какъ ему больно за нее! О ея выходкѣ тогда на мельницѣ, у кровати больного отца, онъ какъ-то даже забылъ и не придавалъ этому особеннаго значенія. Такъ, молодая глупость. Кровь молодая расходилась. А теперь уже совсѣмъ другое...

Галактіонъ лежалъ и думалъ о Харитинѣ, думалъ и сердился, что думаетъ именно о ней, а не о своихъ дѣлахъ.

IV.

Отправляясь въ первый разъ съ визитомъ къ своему другу Штофффу, Галактіонъ испытывалъ тяжелое чувство. Ему еще не случалось фигурировать въ роли просителя, и онъ испытывалъ большое смущеніе. А вдругъ Штофффъ сдѣлаетъ видъ, что не помнитъ своихъ разговоровъ на мельницѣ? Все можетъ быть.

Штофффъ былъ дома и принялъ гостя съ распростер-

тыми объятіями. Онъ по-русски расцѣловался съ Галактіономъ изъ щеки въ щеку.

— Слышалъ, слышалъ, голубчикъ, — повторилъ онъ. — Этимъ и должно было кончиться... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Откуда вы узнали, Карлъ Карлычъ? — удивился Галактіонъ.

— А сорока на хвостѣ принесла... Право, отлично. Одобряю.

Штоффъ занималъ очень скромную квартирку. Теперь небольшой деревенскій домикъ принадлежалъ уже ему, потому что былъ нуженъ для ценза по городскимъ выборамъ. Откуда взялъ нѣмецъ денегъ на покупку дома и вообще откуда добывалъ средства — было покрыто мракомъ неизвѣстности. Галактіонъ сразу почувствовалъ себя легче въ этихъ уютныхъ маленькихъ комнатахъ, — у него гора свалилась съ плечъ.

— Будемъ устраиваться... да... — повторялъ Штоффъ, расхаживая по комнатѣ и потирая руки. — Я уже кое-что подготовилъ на всякій случай. Вѣдь, вы знаете Луковникова? О, это большая сила!... Онъ знаетъ васъ. Да... Ничего, помаленьку устроимся. Знаете, нужно жить, какъ кошка: откуда ее ни бросьте, она всегда на всѣ четыре ноги встанетъ.

Было часовъ одиннадцать, и Евлампія Харитоновна еще спала, чему Галактіонъ былъ радъ. Онъ не любилъ эту модницу больше всѣхъ сестеръ. Такая противная бабенка, и ее могъ выносить только одинъ Штоффъ.

— Одно у насъ нѣтъ, — проговорилъ хозяинъ, за-

мѣтивъ, какъ гость оглядываетъ обстановку. — Недостаетъ дѣточекъ... А я такъ люблю дѣтей. Да... Вотъ у васъ цѣлыхъ трое.

— Заботы много съ дѣтьми.

— А для чего-же тогда жить?

Взглянувъ на часы, Штоффъ прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Скоро двѣнадцать. Поѣдемте въ думу. Тамъ сразу со всѣми перезнакомитесь.

— Да я, кажется, и безъ того всѣхъ знаю.

— Нѣтъ, то другое... Мало ли кого можно встрѣтить на свадьбѣ, — это въ счетъ у насъ нейдетъ.

У Штоффа была уже своя выѣздная лошадь, на которой они и отправились въ думу. Галактіонъ опять началъ испытывать смущеніе. Съ чего онъ-то ѣдетъ въ думу? Тамъ все свои соберутся, а онъ для всѣхъ чужой. Оставалось положиться на опытность Штоффа. Новая дума помѣщалась рядомъ съ полиціей. Это было новое двухъ-этажное каменное зданіе, еще не оштукатуренное. У подъѣзда стояло нѣсколько хозяйскихъ экипажей.

— Здѣсь вы всѣхъ найдете, — объяснялъ Штоффъ, здороваясь съ представительнымъ швейцаромъ. — Тарасъ Семенычъ здѣсь?

— Точно такъ-съ, — вытянувшись по-солдатски, отвѣтилъ швейцаръ.

Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, они прошли куда-то направо, откуда доносился гулъ спорившихъ голосовъ. Большая комната, затянутая табачнымъ дымомъ, съ длиннымъ столомъ посрединѣ, походила на же-

лѣзно-дорожный буфетъ. На столѣ кипѣло два самовара, стояла чайная посуда, а кругомъ стола размѣстились представители мѣстнаго самоуправленія.

— Господа, я привелъ къ вамъ дорогаго гостя! — громко отрекомендовалъ Штоффъ своего спутника. — Прошу любить и жаловать!

Подхвативъ Галактіона подъ руку, Штоффъ повелъ его вокругъ стола, рекомендуя всѣмъ:

— Тараса Семеныча вы знаете? А это два купца Ивановыхъ... три купца Поповыхъ... старшій городской врачъ Кацманъ, а это его помощникъ, докторъ медицины Кочетовъ... членъ управы Голяшкинъ.

— Ба, ба! — крикнулъ знакомый голосъ.

Это былъ Полуяновъ. Онъ обнялъ Галактіона и расцѣловалъ.

— Слышалъ, батенька... какъ же! Вчера жена что-то такое рассказывала про тебя и еще жаловалась, что шубы не умѣешь дамамъ подавать. Ничего, выучимъ... У насъ, батенька, все попросту. Живемъ одною семьей.

Членъ управы Голяшкинъ, рослый и краснощекій дѣтина, все время смотрѣлъ на Галактіона какими-то масляными глазами и сладко улыбался. Онъ ужасно походилъ на вербнаго херувима, хотя и простой работы. Выждавъ, когда всѣ перездоровались, Голяшкинъ подошелъ къ Галактіону, крѣпко пожалъ ему руку и какимъ-то сладкимъ голосомъ проговорилъ:

— Очень, очень рады, Галактіонъ Михеичъ. Мы здѣсь всѣ попросту. Да... Одною семьей.

Херувимъ страдалъ маніей повторять чужія слова,

точно эхо. Продѣлавъ свою партію, онъ подсѣлъ къ столу и широко вздохнулъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ докторъ Кочетовъ, красивый черноволосый мужчина лѣтъ тридцати. Молодое лицо доктора носило явные слѣды усиленнаго пьянства—кожа на лицѣ была красная, потная, глаза опухли и слезились, носъ просвѣчивалъ синими жилками. Галактіонъ почему-то обратилъ особенное вниманіе на эту типичную пару. Впрочемъ, и вся остальная компанія не напоминала праведниковъ, за исключеніемъ Луковникова, рѣзко выдѣлявшагося своею степенностью и благообразною старостью.

— Ну, что родитель, каково прыгаетъ?—спросилъ онъ Галактіона, улыбаясь одними глазами.— Завязали вы намъ узелокъ съ вашей мельницей... да.

— Такъ ужъ вышло, Тарасъ Семенычъ,—оправдывался Галактіонъ, смущаясь.— Обижать никого не хотѣли.

— Что же, дѣло житейское,—проговорилъ старикъ и вздохнулъ.—Къ тестю въ гости пріѣхалъ, Галактіонъ Михеичъ?

— Да... Можетъ быть, вамъ говорилъ что-нибудь Карлъ Карлычъ?

— Ахъ, да, да!... Ндравный старикъ. Ничего, какъ-нибудь устроимся. Заходи ко мнѣ,—потолкуемъ.

Солидный старикъ очень понравился Галактіону. Не то что тятенька Михей Зотычъ. Мысль объ отцѣ у Галактіона является теперь въ какой-то обидной формѣ. Ему казалось, что Тарасъ Семенычъ смотритъ на него съ сожалѣніемъ.

Чай продолжался довольно долго, и Галактіонъ замѣ-

тилъ, что въ его стаканѣ все больше и больше прибавляется рому. Набравшаяся здѣсь публика произвела на него хорошее впечатлѣніе своею простотою и откровенностью. Рядомъ съ Галактіономъ оказался какой-то ласковый сѣденькій старичокъ, съ утинымъ носомъ, прилизанными волосами на височкахъ и жалобно моргавшими выцвѣтшими глазками. Онъ все заглядывалъ ему въ лицо и повторялъ:

— Очень мы рады... Да, рады.

— Господа, что мы тутъ напрасно время теряемъ? — провозгласилъ захмелѣвшій Полуяновъ. — Ъдемъ!

Все разомъ поднялись, какъ по командѣ, и, не прощаясь другъ съ другомъ, повалили къ двери. Галактіонъ догналъ Штоффа уже на лѣстницѣ и началъ прощаться.

— Ну, это дудки! — заявилъ нѣмецъ. — У насъ такъ не играютъ!... Ъдемъ!

— Куда?

— А вотъ увидите.

Отъ думы они поѣхали на Соборную площадь, а потомъ на главную Московскую улицу. Лѣтомъ здѣсь стояла непролазная грязь, какъ и на главныхъ улицахъ, не говоря уже о предмѣстьяхъ, какъ Теребиловка, Дрекольная, Ерзовка и Сибирка. Миновали зеленый кафедральный соборъ, старый гостиный дворъ и остановились у какого-то двухъ-этажнаго каменнаго дома. Хозяиномъ оказался Голяшкинъ. Онъ каждого гостя встрѣчалъ внизу, подхватывалъ подъ руку, поднималъ наверхъ и передавалъ съ рукъ на руки женѣ, испитой болѣзненной женщиной съ испуганнымъ лицомъ.

— Милости просимъ, господа! — повторялъ хозяинъ.—У насъ все попросту!... Пожалуйте!

Галактіона удивило, что вся компанія, пившая чай въ думѣ, была уже здѣсь—и двое Ивановыхъ, и трое Поповыхъ, и Полуяновъ, и старичокъ съ утинымъ носомъ, и докторъ Кочетовъ. Галактіонъ подумалъ, что здѣсь именины, но оказалось, что никакихъ именинъ нѣтъ. Просто такъ, пріѣхали—и дѣлу конецъ. Въ большой столовой во всю стѣну былъ поставленъ громадный столъ, а на немъ десятки бутылокъ и десятки тарелокъ съ закусками,---у хозяина былъ собственный ренсковой погребъ и бакалейная торговля.

— Вотъ теперь мы добрались и до настоящаго фундамента, —повторялъ Полуяновъ, расхаживая по комнатѣ съ видомъ человѣка, вернувшагося домой. —Галактіонъ, выпьемъ.

— Да я не пью, Илья Өирсычъ... Такъ развѣ, одну рюмочку.

— Э-э! у насъ между первою и второю рюмкой не дышутъ... У насъ попросту.

Выпитыя двѣ рюмки водки съ непривычки сильно подействовали на Галактіона. Онъ какъ-то вдругъ почувствовалъ себя и тепло, и легко, точно онъ всегда жилъ въ Запольѣ и попалъ въ родную семью. Всѣ пили и ѣли, какъ въ трактирѣ, не обращая на хозяевъ никакого вниманія. Ласковый старичокъ опять былъ около Галактіона и опять заглядывалъ ему въ лицо своими выцветшими глазами.

— А я, вѣдь, знавалъ Михея-то Зотыча,—говорилъ

онъ, подвигая стулъ ближе къ Галактіону. — Еще тамъ, на заводахъ... Какъ же! У него три сына было, три молодца.

Дальше событія немножко перепутались. Галактіонъ помнилъ только, что поднимался опять куда-то во второй этажъ вмѣстѣ съ Полуяновымъ и что шубы съ нихъ снимала красивая горничная, которую Полуяновъ пре- больно щипнулъ. Потомъ ихъ встрѣтила красивая бѣлокурая дама въ сѣромъ шелковомъ платьѣ. Кругомъ были все тѣ же люди, что и въ думѣ, и Голяшкинъ обнималъ при всѣхъ бѣлокурую даму и говорилъ:

— А вотъ это сестрица Пашенька. У насъ все по- просту. Давайте, Пашенька, поцѣлуетесь.

Братъ и сестра громко расцѣловались. Потомъ Пашенька очутилась около Галактіона и ласково говорила:

— А вы забыли, какъ я на вашей свадьбѣ была? Какъ же, мы тогда еще съ Харитиной русскую отплясывали. Какія мы тогда глупыя были: ничего-то, ничего не понимали. Совсѣмъ дѣвчонки.

Кругомъ всѣ пили, хлопая рюмку за рюмкой. Вмѣстѣ съ другими пилъ и Галактіонъ, т.-е. заставляла его пить Пашенька. Онъ видѣлъ ея бѣлыя, точно налитыя молокомъ руки и эти руки подавали ему одну рюмку за другой. Пашенька смѣялась и садилась такъ близко къ гостю, что своимъ плечомъ касалась его. Что-то такое горячее прилило къ самому сердцу Галактіона, ему вдругъ захотѣлось веселиться и называть хозяйку тоже Пашенькой, какъ Голяшкинъ, но въ самый интересный моментъ опять появился старичокъ съ утинымъ носомъ и помѣшалъ. Га-

лактіонъ разсердился и чуть не наговорилъ дерзостей. Пашенька во-время отвела его въ сторону и прошептала на самое ухо съ милою интимностью:

— Будьте осторожны... Это нашъ миллионеръ Нагибинъ. У него единственная дочь невѣста и онъ выискиваетъ ей жениховъ. Вѣроятно, онъ не знаетъ, что вы женаты. Пойдите, я ему скажу.

Она, дѣйствительно, что-то поговорила старичку, и тотъ моментально исчезъ, точно въ воду канулъ. Потомъ Галактіонъ поймалъ маленькую теплую руку Пашеньки и крѣпко пожалъ ее. У Пашеньки даже слезы выступили на глазахъ отъ боли, но она стерпѣла и продолжала улыбаться.

— У насъ попросту... да...—проговорилъ Голяшкинъ надъ самымъ ухомъ Галактіона и захохоталъ.— Пашенька, поцѣлуемся.

Пашенька вскочила и убѣжала.

Потомъ Галактіонъ что-то говорилъ съ докторомъ, а тотъ его привелъ куда-то въ дальнюю комнату, въ которой лежалъ на диванѣ опухшій человѣкъ, среднихъ лѣтъ. Онъ обрадовался гостямъ и попросилъ рюмочку водки.

— Это мужъ Прасковьи Ивановны,—рекомендовалъ докторъ, считая пульсъ у больного.—Вотъ что дѣлаетъ водочка, а какой былъ богатырь!

— Рюмочку,—мычалъ больной.

Въ этотъ моментъ въ комнату ворвалась Пашенька, и больной закрылъ голову подушкой. Она обругала доктора и увела Галактіона за руку.

Дальше, кажется, былъ обѣдъ. Пашенька опять сидѣ-

ла рядомъ съ Галактіономъ и угощала его виноградомъ, выбирая самыя крупныя ягоды своими розовыми пальчиками.

V.

Странное было пробужденіе Галактіона. Онъ съ трудомъ открылъ глаза. Голова была точно налита свинцомъ. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ. Комната совершенно незнакомая, слабо освѣщенная одною свѣчей подъ зеленымъ абажуромъ. Онъ лежалъ на широкомъ кожаномъ диванѣ. Надъ его головой на стѣнѣ было развѣшено всевозможное оружіе:

— Гдѣ я?—вслухъ подумалъ Галактіонъ, не узнавая собственнаго голоса.

Онъ напрасно старался припомнить послѣдовательный ходъ событій,—они обрывались Пашенькой, а что было дальше, онъ не помнить, какъ не помнить, какъ попалъ въ эту комнату. Э, все равно!... Галактіонъ хотѣлъ опять заснуть, но почувствовалъ, что ему что-то мѣшаетъ. Это была не головная боль, а что-то внѣшнее, что-то такое, что было вотъ въ этой комнатѣ. Онъ приподнялся на локоть и сталъ внимательно осматривать комнату. Вдругъ онъ вздрогнулъ—у дальняго конца письменнаго стола, совсѣмъ въ тѣни, въ глубокомъ креслѣ сидѣла неподвижная женская фигура. Ему сдѣлалось страшно. Лица ея нельзя было рассмотреть, но онъ узналъ ее, потому что чувствовалъ, какъ она пристально смотритъ на него.

— Харитина, это ты?

• Она молчала.

— Харитина!

Фигура поднялась, съ трудомъ перешла комнату и сѣла къ нему на диванъ такъ, чтобы свѣтъ не падалъ на лицо. Онъ замѣтилъ, что лицо было заплакано и глаза опущены. Она взяла его за руку и опять точно застыла.

— Харитина, я былъ пьянъ, какъ скотина... въ первый разъ въ жизни. Я себя презираю... и ты... и всѣ...

— Что же тутъ особеннаго? — съ раздраженіемъ отвѣтила она. — Здѣсь всѣ пьютъ. Сколько разъ меня пьяную привозили домой. И тоже ничего не помнила. И мнѣ это нравится. Понимаешь: вдругъ ничего нѣтъ, и никого, и даже самой себя. Я люблю кутить.

— Перестань говорить глупости! Ты прикидываешься такой, а сама совсѣмъ не такая.

— А какая я?

Она подвинулась совсѣмъ близко къ его лицу и, заглядывая въ глаза, съ нетерпѣніемъ спрашивала:

— Ну, говори... говори, какая я?

— Ты?

Галактіонъ съ трудомъ перекатилъ голову на подушкѣ, закрылъ глаза и отвѣтилъ шепотомъ:

— Хорошая... вся хорошая.

Она закрыла лицо руками и тихо заплакала. Онъ видѣлъ только, какъ вздрагивала эта высокая лебединая грудь, видѣлъ эти удивительныя руки, чудные русыя волосы и чувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то такое большое, грѣшное, безповоротное и чудное. О, только одинъ мигъ счастья, тѣнь счастья! Онъ уже протянулъ къ ней руку, чтобъ схватить это гибкое и упругое

гое молодое тѣло, какъ она испуганно отскочила отъ него.

— Галактіонъ, не нужно!... Галактіонъ, оставь!... Этого не нужно, не нужно, не нужно!

— Ну, иди, глупая, сюда... Не бойся: не трону.

— Я сейчасъ...

Она своею граціозною, легкою походкой вышла и черезъ минуту вернулась съ мокрымъ полотенцемъ, бутылкой зельтерской воды и стклянкой нашатырнаго спирта. Когда онъ съ жадностью выпилъ воду, она велѣла ему опять лечь, положила мокрое полотенце на голову и дала понюхать спирта. Онъ сразу отрезвѣлъ и безмолвно смотрѣлъ на нее. Она такъ хорошо и любовно ухаживала за нимъ, какъ сестра, и все выходило у нея такъ красиво, каждое движеніе.

— Не смотри на меня такъ, Галактіонъ... Нехорошо.

— Не буду.

Онъ закрылъ глаза и слышалъ, какъ она сѣла опять къ нему. Онъ чувствовалъ близость этого молодаго, цвѣтущаго тѣла, точно окруженнаго благоухающимъ облакомъ, слышалъ, какъ она порывисто дышала, и не могъ только разобрать, чье это сердце такъ сильно бьется — его или ея. Это былъ его ангелъ-хранитель.

— Харитина, помнишь мою свадьбу? — заговорилъ онъ, не открывая глазъ, — ему страстно хотѣлось исповѣдаться. — Тогда въ моленной... У меня голова закружилась... и потомъ весь вечеръ я видѣлъ только тебя. Это грѣшно... я мучился... да. А потомъ все прошло...

я привыкъ къ женѣ... дѣти пошли... Помнишь, какъ ты меня цѣловала тогда на мельницѣ?

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Подожди, — проговорилъ онъ. — Я знаю, что это пустяки... Тебѣ просто нужно было кого-нибудь любить, а тутъ я подвернулся...

— Скажи одно: ты думалъ когда-нибудь обо мнѣ?

— О, часто!... Было совѣстно, а все-таки думалъ. Гдѣ-то она? что-то она дѣлаетъ? что думаетъ? Поэтому и на свадьбу къ тебѣ не пріѣхалъ... Зачѣмъ растравлять и тебя, и себя? А вчера... ахъ, какъ мнѣ было вчера тяжело! Развѣ такая была Харитина? Ты нарочно травила меня, — я знаю, что ты не такая. И мнѣ такъ было жаль тебя и себя вмѣстѣ, — я какъ-то всегда вмѣстѣ думаю о насъ обоихъ.

— А жена?

Онъ опять сдѣлалъ движеніе, она опять отскочила.

— Я уйду совсѣмъ, если ты не будешь лежать смирно... Вытяни руки вотъ такъ. Ну, будь теперь наинькой.

Она опять сѣла около него и заговорила, быстро роня слова, точно боялась, что не успѣетъ высказать всего.

— Тогда я была дѣвчонкой и не знала, что такое значить любить... да. А теперь я... я тебя не люблю...

Онъ схватилъ ее и привлекъ къ себѣ. Она не сопротивлялась и только смотрѣла на него своими темными большими глазами. Галактіонъ почувствовалъ, что это молодое тѣло не отвѣчаетъ на его безумный порывъ ни однимъ движеніемъ, и его руки распустились сами собой.

— Не люблю... не люблю, — повторяла она и даже засмѣялась, какъ русалка. — Ты сильнѣе меня, а я все-таки не люблю... Милый, не обижайся: нельзя насильно полюбить. Ахъ, Галактіонъ, Галактіонъ!... Ничего ты не понимаешь!... Вотъ ты меня готовъ былъ задушить, а не спросишь, какъ я живу, хорошо ли мнѣ? Если бы ты, дѣйствительно, любилъ, такъ первымъ бы дѣломъ спросилъ, приласкалъ, утѣшилъ, разговорилъ... Тошно мнѣ, Галактіонъ... вотъ и сейчасъ тошно.

Галактіонъ слушалъ эту странную исповѣдь и признавалъ, что Харитина права. Да, онъ отнесся къ ней по-звѣриному и какъ настоящій звѣрь схватилъ ее давича. Ему сдѣлалось ужасно совѣстно. Женатый человѣкъ, у самого двѣ дочери на рукахъ, и вдругъ кто-нибудь будетъ такъ-то по-звѣриному хватать его Милочку... У Галактіона даже пошла дрожь по спинѣ при одной мысли о такой возможности. А чѣмъ же Харитина хуже другихъ? Дома не у чего было жить, вотъ и выскочила замужъ за перваго встрѣчнаго. Всегда такъ бываетъ.

— Харитина, у тебя есть мужъ... — вдругъ проговорилъ Галактіонъ.

— Мужъ? — повторила она и горько засмѣялась. — Я его по недѣлямъ не вижу... Вотъ и сейчасъ закатился въ клубъ и проиграетъ тамъ до пяти часовъ утра, а завтра въ уѣздъ отправится. Только и видѣла... Сидишь-сидишь одна, и одурь возьметъ. Тоже живой человѣкъ... Если бъ еще дѣти были... Ну, да что объ этомъ говорить! Не стоить!

Потомъ она прибавила совсѣмъ другимъ тономъ:

— Ступай умойся, да приходи въ столовую чай пить.

Отъ этихъ разговоровъ и холодной воды Галактіонъ совсѣмъ отрезвился. Ему теперь было совѣстно вообще, потому что онъ въ первый разъ попалъ къ Харитинѣ въ такомъ видѣ.

Обстановка въ квартирѣ Полуянова была устроена на господскую руку. Не было той трактирной роскоши, какъ у Малыгиныхъ, а все по-своему. Какіе-то мудреные столики, кушетки, картины, альбомы, даже рояль въ залѣ. Столовая тоже отличалась и громаднымъ буфетомъ, походившимъ на органъ въ католической церкви, и неудобными, но дорогими рѣзными стульями, и мудреною сервировкой. Харитина необыкновенно скоро вошла во вкусъ новой обстановки и устраивала все, какъ у другихъ, т.-е., главнымъ образомъ, какъ у Стабровскихъ. Она показала Галактіону свою спальню, поразившую его своею роскошью: двѣ кровати краснаго дерева стояли подъ какимъ-то балдахинѣмъ, занавѣси на окнахъ были изъ розоваго шелка, потомъ великолѣпный мраморный умывальникъ, дорогой персидскій коверъ во весь полъ, а туалетъ походилъ на цѣлый магазинъ.

— Мужъ откупается отъ меня вотъ этими пустяками, — объясняла Харитина. — Ни одной вещи въ домѣ не осталось отъ его первой жены... У насъ все новое. Нравится тебѣ?

— Право, не знаю... Къ чему все это нагорожено?

— Какъ къ чему?... Ахъ, ты, глупый! Посмотрѣлъ бы ты, какъ все устроено у Стабровскихъ... Миѣ и во снѣ не видать такой роскоши. Что стоитъ имъ, милліонерамъ...

Когда они вошли въ столовую, Харитина проговорила уже другимъ тономъ:

— А знаешь, кто тебя привезъ сюда?

— Илья Оирсычъ, конечно.

— А вотъ и нѣтъ... Сама Прасковья Ивановна. Да... Мы съ нею большія пріятельницы. У ней мужъ горькій пьяница и у меня около того, — вотъ и дружимъ... Довезла тебя до подъѣзда, вызвала меня и говорить: «На, получай свое сокровище!» Я ей рассказывала, что любила тебя въ дѣвицахъ. Ухъ! умная баба!... Огонь! Смотри, не запутайся... Тутъ не ты одинъ голову оставилъ.

— То у меня и на умѣ... Тоже и сказала.

— Мало ли у кого что на умѣ, а выходитъ совсѣмъ наоборотъ. На словахъ-то всѣ города берутъ.

Потомъ Харитина вдругъ замолчала, пригорюнилась и начала смотрѣть на Галактіона такими глазами, точно видѣла его въ первый разъ. Гость пилъ чай и думалъ, какая она славная, вотъ эта Харитина. Эхъ, если бъ ей другаго мужа!... И понимаетъ все, и со всякимъ обойтись умѣетъ, и развеселится, такъ любо смотрѣть.

— А мужъ тебя любить?

— Очень... Раза два колотилъ.

— Какъ колотилъ?

— Да такъ, какъ бьютъ женъ. Всѣ это знаютъ... Ревнуетъ онъ меня до смерти, — ну, такіе и побои не въ обиду. Прислуга разболтала по всему городу.

— И ты такъ говоришь объ этомъ?

Она засмѣялась.

— Не безпокойся, въ долгу не останусь... ха, ха! Не зналъ, за что бить-то.

— Что ты говоришь, Харитина?

— А мнѣ что?... Какая есть... Старая буду, грѣхи буду замаливать... Ну, да не стоить о нашихъ бабьихъ грѣхахъ толковать: у всѣхъ у насъ одинъ грѣхъ. У хорошаго мужа и жена хорошая, Галактіонъ. Это ужъ всегда такъ.

Еще вчера Галактіонъ могъ бы сказать ей, какъ все это нехорошо и какъ нужно жить по-настоящему, а сегодня долженъ былъ слушать и молчать.

— Мужъ-то побьетъ, а милъ-сердечный другъ приласкаетъ, да приголубить, да пожалѣетъ... Безъ побоевъ тоже и совѣстно, а тутъ оно и сойдетъ за настоящее. Такъ-то вотъ.

Галактіонъ перевелъ разговоръ на другое. Онъ покупчески оцѣнилъ всю ихъ обстановку и прикинулъ въ умѣ, что имъ стоило жить. Откуда у исправника могутъ такія деньги взяться? Вѣдь, не щепки, на дорогѣ не подымешь.

— Ужъ это не мое дѣло, — равнодушно отвѣтила Харитина. — Когда на молоденькихъ женятся, такъ о деньгахъ не думаютъ.

— Можетъ, раньше скопилъ?

— Не знаю и не хочу знать.

— А ежели онъ попадется и мѣсто потеряетъ, тогда какъ?

— Тоже не знаю... Да и все равно мнѣ. Охъ, какъ все равно!

Этотъ первый визитъ оставилъ въ Галактіонѣ неизгладимое впечатлѣніе. Что-то новое хлынуло на него, совсѣмъ другая жизнь, о какой онъ зналъ только по наслышкѣ. Харитина откачулась отъ своего купечества и жила уже совсѣмъ по-другому. Это новое уже было въ Запольѣ, вотъ тутъ, совсѣмъ близко.

Домой Галактіонъ вернулся поздно. Въ столовой его ждала Анѳуса Гавриловна. Старушка не могла заснуть, поджидая зятя.

— Ты это что же, Галактіонъ Михеичъ? — съ тихимъ упрекомъ проговорила она.

— Мамаша, ничего не говорите: въ первый и въ послѣдній разъ.

— Да я не про то, что ты съ канпаніей канпанился, — безъ этого мужчинѣ нельзя. Вотъ у Харитины-то что ты столько времени дѣлалъ? Мужъ въ клубѣ, а у жены чуть не всю ночь гость сидитъ... Я ужъ разъ съ пять Аграфену посылала узнавать про тебя. Охъ, ужъ эта мнѣ Харитина!...

VI.

Штоффъ не дремалъ. Онъ отлично помнилъ все, что говорилъ Галактіону на мельницѣ, и на первое время пристроилъ его къ «бубновскому конкурсу». Пьянствовавшій запольскій коммерсантъ отчаяннѣйшимъ образомъ запустилъ всю свою коммерцію и въ заключеніе отказался платить кредиторамъ. Пришлось назначить конкурсъ, предсѣдателемъ котораго былъ старикъ Луковниковъ, а членами адвокатъ Мышниковъ и нѣсколько куп-

цовъ. Вотъ на помощь этому конкурсу Луковниковъ и пригласилъ Галактіона, потому что купцы не желали работать, а Мышниковъ не понималъ практики коммерческихъ запольскихъ тонкостей.

— Молодой человѣкъ, постарайся, — наставительно говорилъ Луковниковъ, покровительствовавшій Галактіону, — а тамъ видно будетъ... Ежели въ отца пойдешь, такъ безъ хлѣба не останешься.

Съ своей стороны Штоффъ предупредилъ Галактіона, чтобъ онъ обратилъ особенное вниманіе на Мышникова.

— Этотъ далеко пойдетъ... да. Ухо съ нимъ надо остро держать... А, впрочемъ, мужикъ умный и серьезный.

Видимо, Штоффъ побаивался быстро возраставшей репутациі своего купеческаго адвоката, который быстро шелъ въ гору и забиралъ большую силу. Главное, купечество вѣрило ему. По наружности Мышниковъ остался такимъ же купцомъ, какъ и другіе, съ тою разницей, что носилъ золотыя очки. Говорилъ онъ съ рассчитанною грубоватою простотою и, вообще, старался держать себя непринужденно и съ большимъ гоноромъ. Къ Галактіону онъ отнесся подозрительно и съ перваго раза заявилъ:

— Рѣшительно не понимаю, что вы тутъ будете дѣлать, Галактіонъ Михеичъ. Намъ и безъ васъ дѣлать нечего.

А, между тѣмъ, въ тотъ же день Галактіону былъ присланъ цѣлый ворохъ всевозможныхъ торговыхъ книгъ для провѣрки. Одной этой работы хватило бы на мѣсяць. Затѣмъ предстояла сложная повѣрка наличности съ поѣздками въ разные концы уѣзда. Обрадовавшійся первой

работѣ, Галактіонъ схватился за дѣло съ медвѣжьимъ усердіемъ и просиживалъ надъ нимъ ночи. Это усердіе не по разуму встревожило самого Мышникова. Онъ подъ какимъ-то предлогомъ затащилъ къ себѣ Галактіона и за стаканомъ чая, какъ бы между прочимъ, замѣтилъ:

— Вы что это, батенька, надрываетесь надъ конкурсомъ?

— Да такъ... Надобно привести все въ извѣстность, Павелъ Степанычъ. Что же тянуть?

— Да тутъ и тянуть нечего: дѣло ясно, какъ день. Въ сущности, никакой и несостоятельности нѣтъ, а одно бубновское безпросыпное пьянство.

— Тѣмъ болѣе...

— Ну, торопятся только блохъ ловить, — загадочно отвѣтилъ Мышниковъ и посмотрѣлъ на Галактіона черезъ очки.

Галактіонъ только теперь понялъ, въ чемъ дѣло. Конкурсъ Бубнова составлялъ статью постоянного дохода, и чѣмъ дольше онъ будетъ тянуться, тѣмъ выгоднѣе для членовъ конкурса, получавшихъ опредѣленное жалованье и, кромѣ того, извѣстный процентъ съ «конкурсной массы».

— Да, дѣло совершенно вѣрное, — тянулъ Мышниковъ. — И даже очень глупое... А у Прасковьи Ивановны свой отдѣльный капиталъ. Притомъ, дни самого Бубнова уже сочтены... Мнѣ говорилъ докторъ... ну, этотъ сахаръ, какъ его... Кочетовъ. Онъ тутъ что-то такое вообще... Да, намъ положительно некуда такъ торопиться.

Жиль Мышниковъ очень просто, на чиновничью ногу. Онъ не былъ женатъ, хотя его уютная квартира и говорила о семейныхъ наклонностяхъ хозяина.

Галактіонъ понималъ только одно, что производилось разореніе спившагося купца на самомъ законномъ основаніи, а затѣмъ, что деньги можно получать совершенно даромъ. Онъ могъ уже существовать съ семьей только на жалованье съ конкурса. Въ первый еще разъ Галактіону пришлось столкнуться съ нечистымъ дѣломъ, и онъ колебался, продолжать его или бросить въ самомъ началѣ. Но, вѣдь, не онъ, такъ на его мѣсто найдется десятокъ другихъ охотниковъ, притомъ, во главѣ конкурса стоялъ такой почтенный человѣкъ, какъ старикъ Луковниковъ; наконецъ, ему не изъ чего было выбирать, а жить было нужно. Чтобы оправить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, Галактіонъ рѣшилъ, что будетъ участвовать въ конкурсѣ *пока*, до пріисканія настоящаго дѣла. Онъ именно жаждалъ этого настоящаго дѣла, а не темной наживы.

— А ты, братъ, не сомнѣвайся, — уговаривалъ его Штоффъ, — онъ уже былъ съ Галактіономъ на ты. — Какъ нажиты были бубновскіе капиталы? Тятенька былъ прикащикомъ и ограбилъ хозяина, пустивъ троихъ сиротъ по-міру. Тутъ, братъ, нечего церемониться... Еще темнѣе это винокуренное дѣло. Обрати вниманіе.

Винокуренный заводъ интересовалъ Галактіона и безъ этихъ указаній. Главное затрудненіе при выясненіи дѣла заключалось въ томъ, что заводъ принадлежалъ Бубнову на половину съ Евграфомъ Огибенинымъ, давно уже

пользовавшимся невмѣняемостью своего компаньона и ловко хоронившаго концы. Потомъ оказалось, что и самъ хитроумный Штоффъ тоже былъ тутъ при чемъ-то и потому усиленно юлилъ передъ Галактіономъ. Все-таки свой человѣкъ и, въ случаѣ чего, не продастъ. Заводъ былъ небольшой, но давалъ солидные средства до сихъ поръ.

По конкурснымъ дѣламъ Галактіону теперь пришлось бывать въ бубновскомъ домѣ довольно часто. Самъ Бубновъ по болѣзни не могъ являться въ конкурсъ для дачи необходимыхъ объясненій, да и дома отъ него трудно было чего-нибудь добиться. На выручку мужа являлась обыкновенно сама Прасковья Ивановна, всякое объясненіе начинавшая съ фразы:

— У меня свой капиталъ, и я ничего не понимаю въ дѣлахъ.

Но это была только одна отговорка. Она отлично понимала всякія дѣла, хотя и относилась къ конкурсу совершенно равнодушно.

— Она ждетъ не дождется, когда мужъ умретъ, чтобы выйти замужъ за Мышникова, — объяснила Харитина эту политику. — Понимаешь, влюблена въ Мышникова какъ кошка. У ней есть свои деньги, и ей наплевать на мужнины капиталы. Все равно — рахомъ пойдутъ.

Съ Галактіономъ Прасковья Ивановна держалась на дѣловую ногу, хотя и не прочь была пококетничать слегка. Все-таки нужный человѣкъ и можетъ пригодиться. Галактіонъ отлично понималъ только одно, что она находится подъ какимъ-то страннымъ вліяніемъ своего двою-

роднаго брата Голяшкина и все дѣлаетъ по его совѣту. Въ конкурсной массѣ были явные слѣды хозяйничанія этого сладкаго братца, и Галактіонъ сильно его подозрѣвалъ въ большихъ плутняхъ. Вообще, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Братецъ умильно старался ухаживать за Галактіономъ, хотя и не зналъ, съ какой стороны къ нему подступиться. Онъ что-то не договаривалъ и только воровато шмыгалъ глазами. Галактіонъ почему-то чувствовалъ уже себя неловко, когда появлялся этотъ братецъ. Да и появлялся онъ всегда какъ-то неожиданно, точно вырасталъ изъ земли.

Главное дѣйствующее лицо всѣхъ этихъ происковъ, вождельный и тайныхъ желаній не принимало никакого участія въ общей суматохѣ. Больной обыкновенно лежалъ въ своемъ кабинетѣ, на широкомъ клеенчатомъ диванѣ, и бессмысленно смотрѣлъ куда-нибудь въ одну точку. Когда къ нему входилъ Галактіонъ, онъ сначала смотрѣлъ на него испуганными глазами, напрасно стараясь припоминать, кто это такой. Какъ онъ страдалъ, этотъ несчастный пропойца!... Лицо получало какой-то зеленоватый трупный оттѣнокъ, на лбу выступалъ холодный потъ, кулаки судорожно сжимались, лицо кривилось ужасною улыбкой.

— Мн... мадерцы, — хрипѣлъ онъ.

Бубновъ пилъ только мадеру и безъ нея не могъ ни двигаться, ни говорить. Шелестъ женина платья, попрежнему, его пугалъ, и больной дѣлалъ надъ собой страшное усиліе, чтобы куда-нибудь не спрятаться. Для дѣла онъ былъ совершенно бесполезенъ, и Галактіонъ являлся къ

нему только для проформы. Разъ Бубновъ отвелъ его въ сторону и со слезами на глазахъ проговорилъ:

— Вы сдѣлаете для меня?

— Что такое сдѣлать?

— Нѣтъ, вы скажите: сдѣлаете?

— Ну, хорошо, сдѣлаю.

Больной подвелъ его къ какому-то угловому шкафику и шепотомъ проговорилъ:

— Голубчикъ, поймите *его*... *Онъ* тамъ всегда прячется.

— Кто онъ?

— А чортикъ... такой зелененькій!

Что было тутъ говорить? Больной нѣсколько разъ избавлялся отъ своихъ галлюцинацій, а потомъ начиналась та же исторія.

Въ бубновскомъ домѣ Галактіонъ часто встрѣчалъ доктора Кочетова, который, кажется, чувствовалъ себя здѣсь своимъ человѣкомъ. Онъ проводилъ свои визиты больше съ Прасковьей Ивановной, при чемъ обязательно подавалась бутылка мадеры. Разъ, встрѣтивъ выходившаго изъ кабинета Галактіона, онъ съ улыбкой замѣтилъ:

— Что вы его мучите напрасно, Ефима Назарыча?

— Такое ужъ дѣло, докторъ... Не для собственнаго удовольствія.

— Ха, ха! Мнѣ нравится этотъ вѣжливый способъ грабежа. Да... Не только ограбятъ, но еще спросятъ, съ котораго конца. Все по закону, главное... Ахъ, милые люди!

Галактіонъ вспыхнулъ и готовъ былъ наговорить доктору дерзостей, но выручила Прасковья Ивановна.

— Да, вѣдь, и вы, доктора, тоже хороши, — азартно вступилась она. — Также по закону морите живыхъ людей... Прежде человѣкъ самъ умиралъ, а нынче еще заплати доктору за удовольствіе помереть.

— Что же, вы правы, — равнодушно согласился докторъ, позабывъ о Галактіонѣ. — И мы тоже... да. Ну, что лѣчить, напимѣрь, вашего супруга, который представляетъ собой пустую бочку изъ-подъ мадеры? А вы приглашаете и я ѣду, прописываю разную дрянъ и не имѣю права отказаться. Также комедія на законномъ основаніи.

Провожая Галактіона въ переднюю, Прасковья Ивановна съ милою интимностью проговорила:

— Докторъ очень милый человѣкъ, но онъ сегодня немного того... понимаете? Ну, просто, пьянъ! Вы на него не обижайтесь.

— Да я, кажется, ничего не сказалъ. Вы сами можете подумать то же самое.

— Я-то? Ахъ, мнѣ рѣшительно все равно!

Эта первая неудачная встрѣча не помѣшала слѣдующимъ, и докторъ даже понравился Галактіону, какъ человѣкъ совершенно другаго, неизвѣстнаго ему міра. Докторъ постоянно былъ подъ хмѣлькомъ и любилъ говорить на разныя темы, забывая на другой день, о чемъ говорилось вчера.

— А у васъ все Мышниковъ орудуетъ? — спрашивалъ докторъ почти при каждой встрѣчѣ. — О, у него громаднѣйшій аппетитъ!... Онъ васъ всѣхъ слопасть.

Докторъ почему - то ненавидѣлъ этого адвоката. Прасковья Ивановна пользовалась, чтобы поддразнить его.

— Вы, просто, ревнуете Павла Степаныча, докторъ... Вамъ завидно, что онъ тоже образованный. Да, изъ нашего, изъ купеческаго званія и образованный... Умница.

— Вотъ посмотримъ, что вы заговорите, когда онъ васъ оберетъ, какъ липку.

— Да я сама бы ему съ радостью все отдала: нѣ, милый, ничего не жаль. И деньги, докторъ, къ рукамъ.

Эти разговоры кончались обыкновенно тѣмъ, что докторъ выходилъ изъ себя и начиналъ ругать Мышниковъ, а если былъ трезвъ, то бралъ шапку и уходилъ. Прасковья Ивановна провожала его улыбающимися глазами и только качала своею бѣлокурою головою.

Разъ докторъ пріѣхалъ сильно на-веселѣ. Прасковья Ивановны не была дома.

— Вы все еще жилы тянете изъ моего паціента?— спросилъ онъ Галактіона сильно заплетавшимся языкомъ. — И я тоже... Съ двухъ сторонъ накаливаемъ. Да?

— Вы это такъ говорите, докторъ, безъ толку.

— Нѣтъ, съ толкомъ, ваше степенство. Вы нигдѣ не учились, Галактіонъ Михеичъ?

— Нѣтъ, нигдѣ. Раскольниковъ своя мастерица кое-какъ грамотѣ обучила.

— Это ваше счастье... да. Вотъ вы теперь будете рвать по частямъ, потому что боитесь влопаться, а тогда, то-есть если бы были выучены, начали бы глотать большими кусками, какъ этотъ вашъ Мышниковъ... Я знаю нѣсколько такихъ полированныхъ купчиковъ, и всѣ

на одну колодку... да. Хотя ты его въ семи водахъ мой, а этой вашей купеческой жадности не отмыть.

— Это тоже глядя по человѣку, докторъ. Разные и купцы бываютъ.

— Разные-то разные, а жадность одна. Вотъ васъ взять... Молодой, не глупый человѣкъ... отлично знаетъ, какъ наживаются всѣ купеческіе капиталы... Ну, и вы хотите свою долю урвать? Вѣдь, хотите, признайтесь? Меня вотъ это и удивляетъ, что въ васъ во всѣхъ никакой совѣсти нѣтъ.

— Вы это правильно, а только суди на волка, суди и по волку, — такъ пословица говорится, докторъ. Видали мы и настоящихъ господъ, и господъ иностранцевъ, какіе они узоры-то выводятъ? Еще насъ поучать.

— Да, бываетъ... Все бываетъ. Слѣдуетъ все отечество, а благодарныхъ потомковъ пустите по-міру... И на это есть законъ, и, можетъ быть, самый страшный: борьба за существованіе. ~~Оберете~~ вы все Зауралье, ваше степенство.

Слушая ожесточенныя выходки доктора, Галактіонъ понималъ только одно, что онъ, дѣйствительно, полный неучъ и даже не знаетъ настоящихъ образованныхъ словъ.

VII.

Старикъ Луковниковъ, сдѣлавшись городскимъ головой, ни на волосъ не измѣнилъ образа своей жизни. Онъ, попрежнему, жилъ въ нижнемъ этажѣ, въ своихъ маленькихъ каморкахъ, а наверху принималъ только гостей въ

торжественные дни: именинъ и годовыхъ праздниковъ. Крѣпкій былъ старикъ и крѣпко жилъ, не въ примѣръ другимъ прочимъ. Устинькѣ уже было двѣнадцать лѣтъ, и у отца съ ней вмѣстѣ росла большая забота. Самъ-то вотъ прожилъ вѣкъ по старинкѣ, а дочери ужъ какъ будто и не приходится. Требовалось что-то новое, чтобы потомъ не стыдно было въ люди показать. Вотъ у протопопа обѣ дочери въ гимназіи учатся въ Екатеринбургѣ, потомъ изъ чиновничьихъ дочерей тоже не отстаютъ. Мелькомъ Луковниковъ видалъ этихъ новыхъ птицъ, и онѣ ему нравились. И платица такія скромненькія коричневенькія, и переднички бѣленькія, и волосики гладко-гладко причесаны, и разговоръ по-образованному, и еще на фортепьянахъ наигрываютъ, — куда же купеческимъ дѣвицамъ противъ нихъ? Тѣмъ и отличаются отъ деревенскихъ дѣвокъ, что шляпки носятъ да рядятся, а такъ-то дуры-дурами.

Умный старикъ понималъ, что попрежнему дѣвушку воспитывать нельзя, а отпустить ее въ гимназію не было силъ. Вѣдь, только и свѣту было въ окнѣ, что одна Устинька. Да и она тосковать будетъ въ чужомъ городѣ. Думалъ-думалъ старикъ и ничего не выходило; совѣтовался кое-съ кѣмъ изъ постороннихъ—тоже не лучше. Одинъ совѣтъ—отправить Устиньку въ гимназію. Легко сказать, когда до Екатеринбурга больше четырехсотъ верстъ! Выручилъ старика изъ затрудненія неожиданный и странный случай.

«Вотъ ужъ поистинѣ, что не знаешь, гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь», — удивлялся онъ самъ.

Дѣло вышло какъ-то само собой. Повадился къ Луковникову ѣздить Ечкинъ. Очень онъ не нравился старику, но, нечего дѣлать, принималъ его, скрѣпя сердце. Сначала Ечкинъ бывалъ только наверху, въ парадной половинѣ, а потомъ пробрался и въ жилыя комнаты. Да, вѣдь, какъ пробрался: пріѣзжаетъ Луковниковъ изъ думы обѣдать, а у него въ кабинетѣ сидитъ Ечкинъ и съ Устинькой разговариваетъ.

— Ужь вы меня извините, Тарасъ Семенычъ.

— Пожалуйста, Борисъ Яковличъ... Только мнѣ принимать-то васъ здѣсь какъ будто и совѣстно... Ну я-то привыкъ, а вы, въ хороминахъ живете.

— По необходимости, Тарасъ Семенычъ, по необходимости... А самъ я больше всего простоту люблю. Отдохнулъ у васъ... Вотъ и съ Устинькой вашей познакомился. Какая милая дѣвочка!

— Хороша дочка Аннушка, только хвалятъ мать да бабушка.

— Нѣтъ, я серьезно... Мы съ ней сразу друзьями сдѣлались.

Старика покорило отъ этой дружбы, но ничего не подѣлаешь. Какъ это Ечкинъ могъ только пробраться въ домашнія горницы?—удивленія достойно! Чего старуха-нянька смотрѣла? Какъ бы изумился и вознегодовалъ Тарасъ Семенычъ, если бъ узналъ правду: бывая наверху, Ечкинъ каждый разъ давалъ старухѣ по три рубля на чай и купилъ ее этимъ простымъ путемъ. Полюбился старухѣ ласковый да тороватый баринъ, и она низачто не хотѣла вѣрить, что онъ «изъ жидовъ». Жиды скупи-

щіе, сами съ другихъ деньги берутъ, а этотъ такъ и сыплеть бумажками. Не можетъ этого и быть, чтобъ «изъ жидовъ». Да и собой мужчина красавецъ, такъ со-коломъ и выглядываетъ. Какой же это жидъ? Однимъ словомъ, старуха была куплена и провела гостя въ жилия горницы.

— Сняла ты съ меня голову, — корилъ ее потомъ Луковниковъ. — Изъ настоящихъ онъ жидовъ и даже не-крещеный.

Старуха такъ и не повѣрила, а потомъ разсердилась на хозяина: «Татарина Шахму, кобылятника, принимаетъ, а этотъ чѣмъ хуже? Тотъ десять разъ былъ и какъ-то пятакъ мѣдный отвалилъ, да и тотъ съ дырой оказался».

И самъ Луковниковъ, хотя и испытывалъ предубѣж-деніе относительно «жида», но подъ конецъ сдался. Че-ловѣкъ, какъ человѣкъ, ничѣмъ не хуже другихъ наро-довъ, а только умнѣе. Поговорить съ нимъ даже пріят-но, — все-то онъ знаетъ, вездѣ-то бывалъ и всякое дѣ-ло понимаетъ. Любопытный, вообще, человѣкъ. Пріѣдетъ и всегда вѣжливый такой. Устинькѣ непременно подаро-чекъ привезетъ и даже старуху-няньку не забудетъ, — какъ-то на два платья ситцу привезъ. Нечего сказать, увертливъ и ловокъ. Конечно, не даромъ онъ къ нему ѣздитъ, хочетъ что-нибудь вытянуть, но и то надо ска-зать, что волка ноги кормятъ. Одинъ разъ Ечкинъ чуть не потерялъ своего реноме за-разъ: пріѣхалъ и просить пять тысячъ на три дня. Смutila эта просьба Луковни-кова, но точно на него что нашло — пошелъ и далъ день-

ги. Однако, Ечкинь оправдалъ себя и вернулъ деньги изъ минуты въ минуту.

— Послушайте, Тарасъ Семенычъ, я знаю, что вы мнѣ не довѣряете, — откровенно говорилъ Ечкинь. — И даже есть полное основаніе для этого... Дѣйствительно, мы, евреи, пользуемся не совсѣмъ лестною репутаціей. Что дѣлать? Такая ужъ судьба! Да... Но все-таки это несправедливо. Ну, согласитесь: когда человѣкъ рождается, развѣ онъ виноватъ, что рождается именно евреемъ?

— Это, конечно, Борисъ Яковличъ. Отъ необразованія больше.

— А, между тѣмъ, обидно, Тарасъ Семенычъ. Поставьте себя на мое мѣсто. Вѣдь, еврей такой же человѣкъ. Среди евреевъ есть и дураки, и хорошіе люди. Однимъ словомъ, предразсудокъ. А что вѣрно, такъ это то, что мы люди рабочіе и изъ ничего создаемъ капиталы. Опять-таки: никто не мѣшаетъ работать другимъ. А если вы не хотите брать богатства, которое лежитъ вотъ тутъ, подъ носомъ... Упорно не хотите. И средства есть, и энергія, а только не хотите.

— Послушайте, кто же себѣ врагъ, Борисъ Яковличъ? Отъ денегъ никто еще не отказывался.

— Да вы первый. Вотъ возьмите хотя ваше хлѣбное дѣло: вѣдь, оно, говоря откровенно, ушло отъ васъ. Вы упустили удобный моментъ и какой-нибудь старикъ Колобовъ отбилъ цѣлый хлѣбный рынокъ. Теперь другіе потянутся за нимъ, а Заполье будетъ падать, то есть ваша хлѣбная торговля. А все отчего? Колобовъ высмотрѣлъ центральное мѣсто для рынка и восполь-

зовался этимъ. Постройте вы крупчатныя мельницы раньше него, и ему бы ничего не подѣлать... да. Упущень былъ моментъ.

— Это вы, дѣйствительно, вѣрно изволите разсуждать. Кто же его зналъ?... Еще пріятель мой. И небогатый человѣкъ, главное... Сказываютъ, недавно цѣлую партію своей крупчатки въ Расею отправилъ.

— Изъ этого ничего не выйдетъ, пока не проведутъ уральскую желѣзную дорогу. Всѣ барыши перевозка съѣсть.

— Такъ я, по-вашему, долженъ былъ крупчатку выстроить?

— И даже не одну, а нѣсколько, и рынокъ остался бы въ вашихъ рукахъ. Впрочемъ, и теперь можно поправить дѣло.

— Именно?

— Вальцевую мельницу выстроить. Вѣдь, для одной такой мельницы нужно миллионъ пудовъ пшеницы. Извольте-ка конкурировать съ такимъ звѣремъ.

— Необычное это дѣло, Борисъ Яковличъ, и большихъ тысячъ стоитъ.

— Я говорю къ примѣру... Мало ли есть другихъ дѣлъ, Тарасъ Степанычъ? Только нужны люди и деньги... да.

— Что же деньги—и деньгами отца съ матерью не купишь.

Для Ечкина это было совсѣмъ не убѣдительно. Онъ развилъ широкій планъ новаго хлѣбнаго дѣла, какъ оно ведется въ Америкѣ. Тутъ были и элеваторъ, и подъ-

ѣздные пути, и скорый кредитъ, и за-граничный экспортъ, и интензивная культура,—однимъ словомъ, все, что уже существовало тамъ, на Западѣ. Луковниковъ слушалъ и могъ только удивляться. Ему начинало казаться, что это какой-то сонъ и что Ечкинъ просто его морочить.

— Да вы это такъ все говорите, Борисъ Яковличъ? Конечно, мы люди темные и прожили вѣкъ какъ тараканы за печкой... Темные люди, однимъ словомъ.

— Все видѣлъ своими глазами,—увѣрялъ Ечкинъ. — Да, все это существуетъ. Скажу больше: будетъ и у насъ, то-есть здѣсь. Это только вопросъ времени.

Впрочемъ, у него было нѣсколько другихъ проектовъ, не менѣе блестящихъ, чѣмъ хлѣбное дѣло на новыхъ основаніяхъ.

— Вотъ хоть бы взять ваше сальное дѣло, Тарасъ Семенычъ: его пѣсенка тоже спѣта, то-есть въ настоящемъ его видѣ. Вотъ у васъ горитъ керосиновая лампа — вотъ гдѣ смерть салу. Теперь керосинъ все: изъ него будутъ добывать всѣ смазочныя масла; остатки пойдутъ на топливо. Однимъ словомъ, громаднѣйшее дѣло. И все-таки есть выходъ... Нужно основать стеариновую фабрику съ попутнымъ производствомъ разныхъ химическихъ продуктовъ, маргариновый заводъ. И всего-то будетъ стоить около милліона. Хотите, я сейчасъ подсчитаю?

— Мы этимъ дѣломъ совсѣмъ не занимаемся. Это ужъ вы степенякамъ объясняйте.

— А какъ вы думаете относительно сибирской ры-

бы? У меня уже арендованы пески на Оби въ трехъ мѣстахъ. Тоже дѣло хорошее и вѣрное. Не хотите? Ну, тогда у меня есть пять золотыхъ пріисковъ въ оренбургскихъ козачьихъ земляхъ... Тутъ ужъ дѣло вѣрнѣе смерти. И это не нравится? Тогда, хотите, получимъ концессию на устройство подъѣзднаго пути отъ строящейся уральской желѣзной дороги въ Заполье? Черезъ пять лѣтъ вы не узнали бы своего Заполя: и банки, и гимназіи, и театръ, и фабрики кругомъ. Только нужны люди и деньги.

— Вотъ что, Борисъ Яковличъ, со мной вы напрасно хорошія слова только теряете, а идите-ка вы лучше къ Евграфу Огибенину. Онъ у насъ модникъ и, навѣрное, польстится на новое.

— Я уже былъ у него. Кажется, у насъ устраивается одно дѣльце.

— Ну, въ добрый часъ!

Для Луковникова ясно было одно, что новые умные люди подбираются къ ихъ старозавѣтному сырью и къ залежавшимся купеческимъ капиталамъ, и подбираются настойчиво. Ему дѣлалось даже страшно за то будущее, о которомъ Ечкинъ говорилъ съ такою увѣренностью. Да, приходилъ конецъ всякой старинкѣ и стариннымъ людямъ. Какъ хочешь, приспособляйся по-новому. Да, страшно будетъ жить простому человѣку.

Къ Ечкину старикъ понемногу привыкъ, даже больше — онъ началъ уважать въ немъ его удивительный умъ и еще болѣе удивительную энергію. Такимъ людямъ и на свѣтѣ жить. Только въ глубинѣ души, все-

таки, оставалось какое-то органическое недовѣріе именно къ «жиду», и съ этимъ Тарасъ Семенычъ никакъ не могъ совладѣть. Будь Ечкинъ кровный русакъ, со-всѣмъ бы другое дѣло.

Но и тутъ Ечкинъ купилъ упрямаго старика, да еще какъ ловко купилъ—со всѣмъ потрохомъ. Лучше и не бываетъ.

Завернулъ какъ-то Ечкинъ по пути,—онъ вѣчно былъ занятъ по горло и вѣчно куда-нибудь торопился.

— Вотъ что, Тарасъ Семенычъ, я недавно ѣхалъ изъ Екатеринбурга и все думалъ о васъ... да. Знаете, вы дѣлаете одну величайшую несправедливость. Васъ это удивляетъ? А, между тѣмъ, это такъ... Сами вы можете жить, какъ хотите,—дѣло ваше,—а зачѣмъ же молодымъ запираетъ дорогу? Вотъ у васъ дѣвочка растетъ, мы съ ней большіе друзья, и вы о ней не хотите позаботиться.

— Т.-е. это какъ же не хочу?

— Да нельзя ее оставлять такъ, чумичкой. Вы ужъ меня извините за откровенность... Да, нельзя. Вырос-тетъ большая и васъ же попрекнетъ.

— Да ужъ я и самъ думалъ, Борисъ Яковличъ, и такъ, и этакъ. Все равно—ничего не выходитъ. Думаю, вотъ, когда у протопопа старшая дочь кончитъ въ гим-назіи, такъ чтобъ она поучила Устюшу... Оболванить немного.

— Нѣтъ, это не годится. Время дорого, Тарасъ Се-менычъ... Такъ я ѣхалъ, думалъ о васъ и придумалъ. И не только придумалъ, а даже на половину устроилъ.

Теперь все будетъ отъ васъ зависѣть. Вѣдь, вы хорошо знаете Болеслава Брониславича Стабровскаго? У него тоже есть дочь, однихъ лѣтъ съ вашей Устинькой. Онъ безъ ума ее любить, какъ и вы, и недавно выписалъ для ея воспитанія англичанку прямо изъ Англіи. Одного жалованья платить ей тысячу рублей. Такъ вотъ хотите свою Устиньку учить вмѣстѣ? На всякій случай, я уже переговорилъ съ Стабровскимъ и онъ очень радъ, чтобъ ваша дочь училась вмѣстѣ съ его Дидей.

Это предложеніе совершенно ошеломило Тараса Семеныча, и онъ посмотрѣлъ на гостя какими-то испуганными глазами. Какъ же это такъ, вдругъ, и такъ просто?...

— Послушайте, Борисъ Яковличъ, я вами очень благодаренъ, но это такое особенное дѣло, что нужно подумать и подумать.

— Я и не требую, чтобъ вы рѣшали сейчасъ. Стабровскій какъ-нибудь самъ къ вамъ заѣдетъ.

— Знаете что, не люблю я вашего Стабровскаго! Нехорошее онъ дѣло затѣваетъ, неправильное... Въ конецъ хочетъ спаивать народъ. Богъ съ ними и съ деньгами, если на то пошло!

— Ахъ, какой вы, Тарасъ Семенычъ! Стабровскій—дѣлецъ—одно, а Стабровскій семейный человѣкъ, отецъ—совсѣмъ другое. Да вотъ сами увидите, когда поближе познакомитесь. Вы лучше спросите меня: я то о чемъ хлопочу и беспокоюсь? А ужъ такая натура: вижу, дѣвочка растетъ безъ присмотра, и меня это мучить. Впрочемъ, какъ знаете.

— Да я-то ничего не знаю, Борисъ Яковличъ.

Эта забота объ Устинькѣ посторонняго человѣка рас-
трогала старика до слезъ, и онъ только молча пожалъ
руку человѣку, которому не вѣрилъ и котораго въ чемъ-
то подозрѣвалъ. Да, не знаешь, гдѣ потеряешь, гдѣ най-
дешь.

VIII.

Судьба Устиньки быстро устроилась, — такъ быстро,
что все казалось ей какимъ-то сномъ. И долго впослѣд-
ствіи она не могла отдѣлаться отъ этого чувства. А что,
если-бъ Стабровскій не захотѣлъ пріѣхать къ нимъ пер-
вымъ? если бы отецъ вдругъ заупрямился? если бы собор-
ный протопопъ началъ отговаривать папу? если бы она
сама, Устинька, не понравилась съ перваго раза чопор-
ной англійской гувернанткѣ миссъ Дудль? Да мало ли
что могло быть, а предвидѣть всѣ мелочи и случайности
невозможно.

Стабровскій пріѣхалъ къ Луковникову ровно черезъ
два дня. Это было около двѣнадцати часовъ. Тарасъ Се-
менычъ очень встревожился и провелъ гостей въ парад-
ную половину. Ему понравилось, какъ Дидя хорошо и
просто была одѣта и какъ граціозно сдѣлала ему реве-
рансъ. Дѣвочка была некрасивая, но личико такое ум-
ненькое и все, какъ комнатная собачка, заглядываетъ
на гувернантку, строгую и какую-то всю сѣрую дѣвицу
ноопредѣленныхъ лѣтъ. Самъ Стабровскій, несмотря на
свои за пятьдесятъ и коротко остриженные сѣдые во-
лосы, выглядѣлъ молодцомъ. За нимъ уже установилась

репутація милліонера, и Тарасъ Семенычъ по купеческому уваженію ко всякому капиталу относился къ нему при рѣдкихъ встрѣчахъ съ большимъ вниманіемъ, хотя и не любилъ его.

— Вотъ мы пріѣхали знакомиться, — съ польскою ласковостью заговорилъ Стабровский, наблюдая дочь. — Мы, старики, уже прожили свое, а молодымъ людямъ придется еще жить. Покажите намъ свою славяночку.

Луковникову пришлось по душѣ и это названіе: славяночка. Вѣдь, придумаетъ же человѣкъ словечко! У меня, молъ, дочь хоть и полька, а тоже славяночка. Одна кровь.

— Я вотъ ее, козу, сюда приведу, Брониславъ...

— Болеславъ Брониславичъ, — подправилъ Стабровский съ улыбкой. — Впрочемъ, что же вамъ беспокоить маленькую хозяйку? Лучше мы сами къ ней пойдёмъ. Не правда ли, миссъ Дудль?

— О, yes...

— Да у насъ, знаете, все не прибрано.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь. Намъ необходимо посмотрѣть, какъ живетъ славяночка, какія у нея привычки. Вы простите наше невинное любопытство.

Мягкая настойчивость Стабровскаго побѣдила смущеніе хозяина, и онъ по внутренней узенькой лѣстницѣ провелъ ихъ въ нижнія жилыя горницы. Какъ ни привыкъ Стабровский къ купеческой обстановкѣ, но и онъ только съежилъ плечи, оглядывая ветхозавѣтныя горницы. Англичанка сморщила свой утиный носъ, нюхая воздухъ, пропитанный ароматомъ русскихъ щей, горѣв.

шей въ углу лампадки и еще чего-то такого «русскаго», какъ она опредѣлила про себя. Выведенная на показъ, Устинька страшно переконфузилась и неловко подавала свою руку «дощечкой», какъ назвала это деревянное движеніе Дидя про себя. Она была одѣта въ простенькомъ ситцевомъ платѣ, и миссъ Дудль точно впиалась въ ея недостаточно вымытую шейку. Въ своемъ дѣтскомъ смущеніи Устинька рядомъ съ Дидей выглядѣла почти красавицей. Особенно хорошо было это простое русское лицо, глядѣвшее такими простыми темными глазами. Стабровскій залюбовался «славяночкой», обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Ну, славяночка, будемъ знакомиться. Это вотъ моя славяночка. Ее зовутъ Дидей. Она считаетъ себя очень умной и думаетъ, что міръ сотворенъ специально только для нея, а всѣ остальные дѣвочки существуютъ на свѣтѣ только такъ, между прочимъ.

Миссъ Дудль послѣ шеи Устиньки пришла въ ужасъ отъ ея имени и по-англійски спросила Стабровскаго:

— Это все равно, что Уильки?

— Да, да. Все равно.

— Совершенно неорганизованная дѣвочка.

— И прехорошенькая. Посмотрите, какая у нея умненькая мордашка.

— О, yes...

Въ дверную щель съ ужасомъ смотрѣла старая няня. Она оторопѣла совсѣмъ, когда гости пошли въ дѣтскую. Тарасъ-то Семенычъ рехнулся, видно, на старости лѣтъ.

Хозяинъ растерялся не меньше старухи и только застегивалъ и разстегивалъ полу своего старомоднаго сюртука.

Крошечная дѣтская съ однимъ окномъ и двумя кроватями привела миссъ Дудль еще разъ въ ужасъ, а потомъ она уже перестала удивляться. Гости произвели въ дѣтской что-то въ родѣ обыска. Миссъ Дудль держала себя, какъ опытный сыщикъ: осмотрѣла игрушки, книги, дѣтскую кровать, заглянула подъ кровать, отодвинула всѣ комоды и даже пересчитала бѣлье и платья. Стабровский съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ней и тоже разсматривалъ дѣтскіе лифчики, рубашки и кофточки.

«Вотъ безстыжіе-то! — думала няня, дѣлавшая нѣсколько напрасныхъ попытокъ не пустить любопытныхъ гостей въ комодъ. — Это похуже всякихъ жидовъ!»

— Обстановка и гардеробъ дѣвочки пещернаго періода, — резюмировала миссъ Дудль впечатлѣніе обыска.

— Ужь вы насъ извините, — оправдывался Тарасъ Семенычъ. — Сиротой растетъ дѣвочка, вотъ главная причина, а потомъ, вѣдь, у насъ все попросту.

— Что-жь, каждый живетъ по-своему, — отвѣтилъ Стабровский, что-то соображая про себя.

Тарасу Семенычу было и совѣстно, что англичанка все распотрошила, а съ другой стороны и понравилось, что милліонеръ Стабровский съ такимъ вниманіемъ пересмотрѣлъ даже бѣлье Устиньки. Очень ужъ онъ любитъ дѣтей, хоть и полякъ. Самъ Тарасъ Семенычъ рѣдко заглядывалъ въ дѣтскую, а какое бѣлье у Устиньки, и совсѣмъ не зналъ. Чтò нянька сдѣлаетъ, то и хорошо. Все дѣло чуть не испортила сама Устинька, потому что подъ

конецъ обыска она горько расплакалась. Стабровский усадилъ ее къ себѣ на колѣни и ласково принялся утѣшать.

— О чемъ мы плачемъ, славяночка? Не хорошо плакать. У славяночки будетъ новая подруга. Имъ вмѣстѣ будетъ веселѣе. Онѣ будутъ учиться, играть, гулять.

Отправивъ домой Дидю и гувернантку, Стабровский остался для окончательныхъ переговоровъ съ Тарасомъ Семенычемъ. Они сидѣли теперь въ маленькомъ кабинетѣ. Стабровский закурилъ сигару и заговорилъ:

— Мы себя держали сегодня немного нахально, Тарасъ Семенычъ, и это не входило совсѣмъ въ нашу программу. Такъ ужъ случилось. Нужно сказать, что я безумно люблю дѣтей и вхожу до послѣднихъ мелочей въ воспитаніе своей дочери. И я радъ, что миссъ Дудль—это святая дѣвушка—произвела надлежащую ревизію дѣтской вашей Устиньки. Знаете, дорогой Тарасъ Семенычъ, такъ нельзя. Скажу больше: это дико. Вы человѣкъ состоятельный, умный, серьезный, любящій, а о воспитаніи не имѣете даже приблизительнаго понятія. Это слишкомъ отвѣтственная вещь, и я не взялся бы самъ воспитывать собственную дочь. Знаете, въ насъ есть эта проклятая славянская распущенность, предательская мягкость характера, наконецъ, азіатская апатія, и съ этимъ нужно бороться. Вотъ миссъ Дудль дастъ настоящую европейскую закалку нашимъ дѣвочкамъ. Когда ваша Устинька будетъ жить въ моемъ домѣ, то вы можете точно такъ же придти къ дѣвочкамъ въ ихъ комнату и сдѣлать точно такую же ревизію всему.

— Т.-е. какъ это Устинька будетъ жить въ вашемъ домѣ, Болеславъ Брониславичъ?

— Иначе не можно... Раньше я думалъ, что она будетъ только прїѣзжать учиться вмѣстѣ съ Дидей, но изъ этого ничего не выйдетъ. Конечно, мы сдѣлаемъ не вдругъ: сначала Устинька будетъ приходить на уроки, потомъ будетъ оставаться погостить на нѣсколько дней, а ужъ потомъ переѣдетъ совсѣмъ.

— Надо подумать, Болеславъ Брониславичъ.

— Конечно, конечно... Виновать, у васъ является самъ собой вопросъ, для чего я хлопочу? Очень просто. Мнѣ не хочется, чтобы моя дочь росла въ одиночествѣ. У дѣтей свой маленькій міръ, свои маленькіе интересы, радости и огорченія. По возрасту наши дѣвочки какъ разъ подходятъ, потомъ онѣ будутъ дополнять одна другую, какъ представительницы племенныхъ разновидностей.

Впослѣдствіи самъ Тарасъ Семенычъ удивлялся, какъ онъ могъ рѣшиться на такой важный шагъ и какъ вообще могъ позволить совершенно постороннимъ людямъ вмѣшиваться въ свою интимную жизнь. Очень ужъ онъ любилъ свою дочурку и для нея въ первый разъ поступился старинкой, особенно, когда Стабровскій въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ бесѣдъ выяснилъ ему во всѣхъ подробностяхъ планъ того образованія, который должны были пройти рука объ руку обѣ славянки. Онъ умѣлъ говорить необыкновенно увлекательно, и Тарасъ Семенычъ отлично понималъ, что воспитаніе гораздо сложнѣе и отвѣтственнѣе всякихъ вальцевыхъ мельницъ, стеариновыхъ фабрикъ, винокуренныхъ заводовъ и прочей премудрости.

Устинька навсегда сохранила въ своей памяти этотъ рѣшительный зимній день, когда отецъ отправился съ ней къ Стабровскимъ. Старуха нянька ревѣла еще съ вечера, оплакивая свою воспитанницу, какъ покойницу. Она только и повторяла, что Тарасъ Семенычъ рехнулся и хочетъ обасурманить родную дочь. Эти причитанія навели на дѣвочку тоску, и она ѣхала къ Стабровскимъ съ тяжелымъ чувствомъ, впередъ испытывая предубѣжденіе противъ долговязой англичанки, рывшейся по комодамъ.

Стабровскій занималъ громадную квартиру, которую отдѣлалъ съ настоящею тяжелою роскошью. Это чувствовалось еще въ передней, гдѣ гостей встрѣчалъ настоящій швейцаръ, точно въ думѣ или въ клубѣ. Стабровскій выбѣжалъ самъ на встрѣчу, расцѣловалъ Устиньку и потащилъ ее представлять своей жеиѣ, которая сидѣла обыкновенно въ своей спальнѣ, укутанная пледомъ. Когда-то она была очень красива, а теперь больное лицо казалось старше своихъ лѣтъ. Она тоже приласкала гостью, понравившуюся ей своею дѣтскою свѣжестью.

— Не правда ли, какая она милая? — спрашивалъ Стабровскій, точно боялся, что Устинька не понравится женѣ.

— Какая она здоровая! — съ грустью замѣтила она, любуясь дѣвочкой. — Вся крѣпкая, какъ рыба.

«Неорганизованную дѣвочку» больше всего интересовала невиданная никогда обстановка, особенно картины на стѣнахъ, статуэткі изъ бронзы и терракоты, а самое главное — рояль. Ей казалось, что она перенеслась на крыльяхъ въ совершенно иной міръ. Благодарная дѣт-

ская память сохранила и перенесла это первое впечатлѣніе черезъ много лѣтъ, когда Устинька уже понимала, какъ много и краснорѣчиво говорятъ вотъ эти гравюры картинъ Яна Матейки и Семирадскаго, копіи съ знаменитыхъ статуй, а особенно та этажерка съ нотами, гдѣ лежали рыдающіе вальсы Шопена, старинные польскіе «мазуры» и еще много-много другихъ хорошихъ вещей, о существованіи которыхъ въ Запольѣ даже и не подозревали.

— Вотъ здѣсь я дѣловой человѣкъ, — объяснялъ Стабровскій, показывая Луковникову свой кабинетъ. — Именно такимъ вы меня знали до сихъ поръ. Сюда ко мнѣ приходятъ люди, которые зависятъ отъ меня и которые завидуютъ мнѣ, а вотъ я вамъ покажу другую половину дома, гдѣ я самый маленькій человѣкъ и самъ нахожусь въ зависимости отъ всѣхъ.

Познакомивъ съ женой, Стабровскій провелъ гостя, прежде всего, въ классную, гдѣ рядомъ съ партой Диди стояла уже другая новенькая парта для Устиньки. На стѣнахъ висѣли географическія карты и рисунки, два шкафа заняты были книгами, на отдѣльномъ столикѣ помѣщался громадный глобусъ.

— Вотъ это главная комната въ домѣ, потому что въ ней мы зарабатываемъ свое будущее, — объяснялъ Стабровскій гостю. — Вотъ и вашей славяночкѣ уже приготовлена парта. Здѣсь царство миссъ Дудль, и я спрашиваю ея позволенія прежде, чѣмъ войти.

Затѣмъ осмотрѣна была дѣтская, устроенная миссъ Дудль по всѣмъ правиламъ строгой англійской школы.

Самая простая кровать, мебель, вся обстановка, а роскошь заключалась въ какой-то вызывающей чистотѣ. Дѣтскую показывала сама миссъ Дудль, и Тарасу Семенычу показалось, что англичанка сердится на него. Когда онъ сообщилъ это хозяину, тотъ весело расхохотался.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь... Это добрѣйшее существо, но ужъ такую наружность Богъ далъ. Ничего не подѣлаете... Идемте завтракать.

Первый завтракъ у Стабровскихъ опять послужилъ предметомъ ужаса для миссъ Дудль. «Неорганизованная дѣвочка» рѣшительно не умѣла держать себя за столомъ, клала локти чуть не на тарелку, стучала ложкой, жевала, раскрывая ротъ, болтала ногами и—о, ужасъ!—вытащила въ заключеніе изъ кармана совсѣмъ грязный носовой платокъ. Миссъ Дудль чуть не сдѣлалось дурно.

Вечеромъ Стабровскій работалъ въ своемъ кабинетѣ за полночь и все думалъ о маленькой славянчкѣ, которая войдетъ въ домъ. Кто знаетъ, что изъ этого можетъ произойти? Изъ маленькихъ причинъ очень часто вырастаютъ большія и сложные послѣдствія.

— Ахъ, Дидя, Дидя!—шепталъ онъ, отодвигая бумаги.

Никто не подозрѣвалъ, ни посторонніе, ни свои, какъ мучился этотъ магнатъ, оставаясь вотъ такъ одинъ. Никто не зналъ, какъ онъ боялся за свою любимицу. Одинъ знаменитый психіатръ предсказалъ ему, что въ періодъ формировація съ дѣвочкой можетъ быть плохо. У нея были задатки къ острымъ нервнымъ страданіямъ и даже

къ психической ненормальности. Это было тяжелое наслѣдство отъ пьянствовавшихъ и распутничавшихъ предковъ по женской линіи. И вотъ, онъ долженъ ждать и мучиться впередъ, готовый каплю по каплѣ перелить собственную кровь въ жилы ребенка. Вѣдь, все оставшее пустяки, а все главное въ ней, въ этой умненькой не по лѣтамъ дѣвочкѣ. Можетъ быть, присутствіе и совмѣстная жизнь съ настоящею здоровою дѣвочкой производятъ такое дѣйствіе, какого не въ состояніи сейчасъ предвидѣть никакая наука. Вѣдь, передается же зараза, чахотка и другія болѣзни, — отъ чего же не можетъ точно такъ же передаться и здоровье? Стабровскій давно хотѣлъ взять подругу для дочери, но только не изъ польской семьи, а именно изъ русской. Ему показалось, что Устинька именно та здоровая русская дѣвочка, которая принесетъ въ домъ съ собой цѣлую атмосферу здоровья.

— Ахъ, Дидя, Дидя! — шепталъ удрученный предчувствіями отецъ, хватаясь за голову.

IX.

Серафима пріѣхала въ Заполье съ дѣтьми ночью. Она была въ какомъ-то особенномъ настроеніи. По крайней мѣрѣ, Галактіонъ даже не подозрѣвалъ, что жена можетъ принимать такой воинственный видъ. Она не выдержала и четверти часа и обрушилась на мужа цѣлымъ градомъ упрековъ.

— Я знаю, что тебѣ непріятно, что мы пріѣхали, — говорила Серафима. — Ты обрадовался, что бросилъ насъ въ деревнѣ... да.

— Что ты говоришь?—удивлялся Галактіонъ.— Никого я не думалъ бросать.

— Не отпирайся... Обѣщалъ прислать за нами лошадей черезъ двѣ недѣли, а я прожила цѣлыхъ шесть, пока не догадалась сама выѣхать. Надо же куда-нибудь дѣваться съ ребяташками... Хорошо, что еще отецъ съ матерью живы и не выгонять на улицу.

— Сима, мнѣ не хотѣлось тебя вызывать, пока я не устроюсь. Только и всего.

— Знаю, знаю, что ты тутъ хорошо устроился. Совсѣмъ хорошо... Ну, какъ поживаетъ любезная сестрица Харитина Харитоновна? А потомъ, какъ эту мерзавку зовутъ... Бубниху?... Хорошими дѣлами занялся, нечего сказать!

Свидѣтелями этой сцены были Анѳуса Гавриловна, Харитонъ Артемьичъ и Агнія. Галактіонъ чувствовалъ только, какъ вся кровь бросилась ему въ голову и онъ начинаетъ терять самообладаніе. Очевидно, кто-то постарался и насплетничалъ про него Серафимъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе было не изъ красивыхъ, особенно въ тестевомъ домѣ. Сама Серафима показалась теперь ему такою некрасивой и старой. Ей совсѣмъ было не къ лицу сердиться. Вотъ Харитина, такъ та дѣлалась въ минуту гнѣва еще красивѣе, она даже плакала красиво.

— Сима, ты бы и потомъ могла съ мужемъ переговорить,— политично замѣтила Анѳуса Гавриловна. — Мы хоть и родители тебѣ, а промежду мужемъ и женой одинъ Богъ судья.

— Это ты вѣрно, Оуса,—подтвердилъ Харитонъ Артемьичъ, стараясь не смотрѣть на зятя.—Въ другой разъ и помолчать надо бы, Сима.

Этого было достаточно, и Серафима залилась слезами. Съ ней даже сдѣлалось дурно. Проснувшіяся дѣти тоже принялись кричать. Однимъ словомъ, получилась жестокая семейная сцена, и Галактіонъ не могъ заснуть до утра. Онъ даже не оправдывался, а только затаилъ ненависть къ женѣ, главнымъ образомъ, потому, что она срамила его въ чужомъ домѣ, на людяхъ. А онъ еще такъ соскучился о ребятишкахъ и такъ былъ радъ ихъ видѣть. И дѣти тоже обрадовались и такъ мило льнули къ нему, точно цыплята. Въ первый разъ еще охватила его какая-то смутная жалость по отношенію вотъ къ этимъ дѣтскимъ головкамъ, точно надъ ними собиралась темная туча. Ему, наконецъ, было совѣстно смотрѣть въ эти чистые дѣтскіе глаза, припоминая сцену, когда онъ обнималъ Харитину. Если бы жена не накинулась на него, онъ, вѣроятно, самъ бы рассказалъ все, чтобъ отрѣзать всякую возможность повторенія чего-нибудь подобнаго, а теперь жена точно заперла его на замѣкъ своими обвиненіями. Результатъ этой сцены былъ одинъ: во что бы то ни стало выбраться какъ можно скорѣе изъ тестева дома. Въ своемъ углу все-таки самъ большой, самъ маленькій, а здѣсь чувствовалась тяжелая зависимость. Перебирая въ умѣ, кто бы могъ наплестъ женѣ разныя сплетни, Галактіонъ рѣшилъ, что это была тихоня Агнія, и возненавидѣлъ ее. Какъ бы онъ удивился, еслибъ узналъ, что писала сама Харитина!

Такъ началась семейная жизнь Галактіона въ Запольѣ. Наружно онъ помирился съ женой, но это плохо скрывало глубокій внутренній разладъ. Между ними точно выросла невидимая стѣна. Самымъ сквернымъ было то, что Галактіонъ замѣтно отшатнулся отъ Анѳусы Гавриловны и даже больше — перешелъ на сторону Харитона Артемьича.

— А ты, зятюшка, не очень-то бабъ слушай... — тайно совѣтовалъ этотъ мудрый тесть. — Онѣ, братъ, изведутъ кого угодно. Вотъ смотри на меня: ужъ я, кажется, натерпѣлся отъ нихъ достаточно. Даже отъ родныхъ дочерей приходится терпѣть... Ты не поддавайся бабамъ.

Харитонъ Артемьичъ дошелъ до того, что тайно передавалъ зятю всѣ домашніе разговоры и пересуды по его адресу.

Ссорившіеся мужъ и жена теперь старались сосредоточить не израсходованный запасъ нѣжныхъ чувствъ на дѣтяхъ, при чемъ встрѣтили самую отчаянную конкуренцію со стороны бабушки, уцѣпившейся за внучатъ съ особенною энергіей. Ни у одной дочери не было дѣтей, кромѣ Серафимы. У писарши Анны родились двое, но скоро умерли. Баловнемъ Анѳусы Гавриловны сдѣлалась самая младшая дѣвочка, Катя, напомнившая бабушкѣ умершую дочь Марью. Вотъ такая же была, какъ двѣ капли воды. Открылась старая материнская рана, и Анѳуса Гавриловна горько плакала, вспоминая мертваго ребенка. Это проснувшееся материнское горе точно было заслонено все время заботами о живыхъ дѣтяхъ, а теперь всѣ уже были на своихъ ногахъ, и она могла от-

даться своему чувству. Старушкѣ дѣлалось даже страшно, когда она подолгу и пристально вглядывалась въ Катю: вотъ точь - въ - точь такая же была Маня, такъ же смѣялась и такъ же смотрѣла. Входя въ роль матери, Анеуса Гавриловна искренно удивлялась, что Катя зоветъ мамой не ее, а дочь Серафиму.

Къ дѣтямъ же прильнула рыхлая и по наружному виду апатичная Агнія. Дѣвушка сначала долго присматривалась къ дѣтямъ, точно не вѣрила чему-то, такому теплomu и хорошему, такъ тепло и хорошо накипавшему на ея душѣ. Въ этой дѣвушкѣ проснулось неудовлетворенное и неиспытанное материнство, которое даже пугало ее. И странно, что дѣти льнули инстинктивно къ ней гораздо больше, чѣмъ къ бабушкѣ. Огорченная Анеуса Гавриловна серьезно ссорилась съ Агніей и употребляла разныя дипломатическія хитрости, чтобъ устранить ее. Нѣсколько разъ мать и дочь предъявляли взаимныя претензіи Серафимѣ, какъ матери.

— Да возьмите ихъ хоть совсѣмъ, — равнодушно отвѣчала Серафима. — Вамъ въ охоту съ чужими дѣтьми поводиться.

Галактіонъ былъ другаго мнѣнія и стоялъ за бабушку. Онъ не могъ простить Агніи воображаемой измѣны и держалъ себя такъ, точно ея и на свѣтѣ никогда не существовало. Дѣвушка чувствовала это пренебреженіе, понимала источникъ его происхожденія и огорчалась молча про себя. Она очень любила Галактіона и почему-то думала, что именно она будетъ ему нужна. Разъ она даже

сдѣлала робкую попытку объясниться съ нимъ по этому поводу.

— Ты напрасно думаешь, Галактіонъ, что я про тебя писала Симѣ.

— Хорошо, хорошо. Всѣ вы на одну статью, — грубо отвѣтилъ Галактіонъ. — И цѣна вамъ всѣмъ одна. Только бы вырваться мнѣ отъ васъ.

— Грѣшно тебѣ, Галактіонъ.

— Молчи лучше, сплетница! Говорить-то съ тобой противно!

Агнія молча проглотила эту обиду и все-таки не переставала любить Галактіона. Въ ихъ домѣ онъ одинъ являлся настоящимъ мужчиной и она любила въ немъ именно этого мужчину, который дѣлаетъ домъ. Она тянулась къ нему съ инстинктомъ здоровой, не испорченной натуры, какъ растеніе тянется къ свѣту. Даже грубая несправедливость Галактіона не оттолкнула ее, а точно еще больше привязала. Даже Анѳуса Гавриловна замѣтила это тяготѣніе и сдѣлала ей строгій выговоръ.

— Ты у меня смотри, тихоня... Погляди на себя въ зеркало-то, на рожу свою. Только мать страмишь, безстыдница!

Про себя Агнія рѣшила давно, что она останется незамужницей и уйдетъ отъ грѣшнаго міра куда-нибудь въ скиты замаливать чужіе грѣхи.

Дѣла Галактіона шли попрежнему. Бубновскій конкурсъ могъ тянуться безконечно. Но его интересовалъ больше всѣхъ уставъ новаго банка, который писалъ Штоффъ. По этому дѣлу Галактіонъ нѣсколько разъ былъ

у Стабровскаго, гдѣ велись предварительныя обсужденія этого устава, при чемъ Стабровскій обязательно вызывалъ Ечкина. Этотъ странный человѣкъ дѣлалъ самыя цѣнныя замѣчанія, и Стабровскій приходилъ въ восторгъ.

— Ахъ, Борисъ Яковличъ, вы будете у насъ министромъ финансовъ!—повторялъ хитрый панъ.—Этакая удивительная голова!

Галактіонъ, прежде всего, испытывалъ какое-то ребячье смущеніе въ кабинетѣ Стабровскаго, гдѣ такъ свободно и просто дѣлались милліонныя дѣла. Онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ и ничтожнымъ, потому что въ первый разъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ настоящими большими дѣльцами, разсуждавшими о милліонахъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ другіе говорятъ о двугривенныхъ. Съ уставомъ, когда онъ былъ со всѣмъ готовъ, вышло неожиданное затрудненіе: изъ числа учредителей старикъ Луковниковъ отказался наотрѣзъ его подписать. Какъ старика ни уламывали, изъ этого ничего не вышло.

— Неподходящее дѣло,—повторялъ упрямый старикъ.

Старикъ Стабровскій былъ серьезно возмущенъ, но не выдалъ себя ни однимъ движеніемъ.

— Можетъ быть, Тарасъ Семенычъ, вы сами впослѣдствіи пожалѣете о своемъ отказѣ,—говорилъ онъ.

— Ужъ это какъ Богъ дастъ...—упрямо повторялъ старикъ.

Въ числѣ консультантовъ большую силу имѣлъ Мышниковъ; онъ былъ единственнымъ представителемъ юрис-

пруденціи и держалъ себя съ достоинствомъ. Только Ечкинъ время отъ времени «подковыывалъ» его какимъ-нибудь замѣчаніемъ, а другіе скромно соглашались. Въ послѣднемъ совѣщательномъ засѣданіи принимали участіе татаринъ Шахма и Евграфъ Огибенинъ.

— Гуляй банкъ! — повторялъ Шахма. — Одна рука бралъ, другая рука давалъ... Обѣ барыша получалъ.

Штоффъ измучился съ уставомъ до смерти и когда, наконецъ, все было оформлено и подписано, онъ проговорилъ, обращаясь къ Галактіону:

— Ну, голубчикъ, я усталъ... Надо отдохнуть. Знаешь, что мы сдѣлаемъ? Ну, да обѣ этомъ потомъ поговоримъ.

Отдыхъ Штоффа скоро объяснился. Онъ пригласилъ Галактіона съѣздить вмѣстѣ на бубновскій винокуренный заводъ для какой-то внезапной ревизіи. Когда выѣхали вечеромъ изъ Заполя, Штоффъ неожиданно заявилъ кучеру:

— Поворачивай въ Кунару.

Кунара была подгородная деревушка, куда купцы ѣздили кутить. Тамъ теперь шли деревенскіе посидѣнки и супрятки.

— Надо будетъ произвести неожиданную и самую строгую ревизію, — смѣялся Штоффъ, хлопая Галактіона по плечу.

— Карлъ Карлычъ, оно того... Еще узнаютъ дома.

— Э, вздоръ!... Никто и ничего не узнаетъ. Да ты въ первый разъ, что ли, въ Кунару ѣдешь? Вотъ чудакъ! Ужъ хуже, братъ, того, что про тебя говорятъ, все равно—

не скажутъ. Ты думаешь, что никто не знаетъ, какъ тебя дома-то золотятъ? Весь городъ знаетъ... Ну, да все это пустяки!

Нѣмецъ попалъ въ самое больное мѣсто, и Галактіонъ угрюмо замолчалъ.

Скоро замелькали желтые огоньки потонувшей въ глубокоемъ снѣгу Кунары. Деревня была небольшая, но богатая, какъ всѣ раскольничьи деревни. Она пользовалась плохою репутаціей, какъ притонъ бродягъ. Искони здѣсь утвердился своеобразный кустарный промыселъ приготовленія домашнимъ способомъ ассигнацій. Потомъ эти «кунарскія деньги» уходили въ безграмотную орду.

— Къ Спиридону! — командовалъ Штоффъ.

Кошечья остановилась у большой новой избы. Въ волоковое окно выглянула мужская голова и безъ опроса скрылась. Распахнулись сами собой шатровые ворота, и кошечья очутилась въ темномъ крытомъ дворѣ. Встрѣчать гостей вышелъ самъ хозяинъ, лысый и сѣдой старикъ. Это и былъ Спиридонъ, извѣстный всему Заполюю.

— Карлу Карлычу, сто лѣтъ не видались, — пѣвуче говорилъ Спиридонъ. — А это кто съ тобой будетъ?

— Да такъ... Тоже изъ нѣмцевъ.

Они прошли въ новую заднюю избу, гдѣ за столомъ сидѣлъ какой-то низенькій, черный, какъ жукъ, старикъ. Спиридонъ сдѣлалъ ему головой какой-то знакъ, и старикъ вышелъ. Галактіону показалось, что онъ гдѣ-то его видѣлъ, но гдѣ — не могъ припомнить.

— Милости просимъ, дорогіе гости, — повторялъ Спи-

ридонъ, тяжело шмыгая больными ногами; онъ ужасно напоминалъ загнанную и опоенную лошадь.

На помощь старику явилась его жена, высокая, худая старуха съ злыми глазами.

— Ну, бабушка, сердце повеселить пріѣхали, — говорилъ Штоффъ. — Ну, что у васъ тутъ новаго?

— Есть и новое, Карла Карлычъ... Хороша дѣвушка объявилась у Маркотиныхъ. И ростомъ взяла, и изъ себя ужъ столь бѣла... Матреной звать. Недавно тутъ Илья Оирсычъ наѣзжалъ, тотъ вотъ какъ обихаживалъ съ ней въ присядку. Лебедь бѣлая, а не дѣвка.

«Двоеданы», т.-е. раскольники, отличались вообще красотой, не въ примѣръ православному населенію.

Дальше, вынесли изъ кошевой нѣсколько кульковъ и цѣлую корзину съ винами, — у Штоффа все было обдуманно и приготовлено. Галактіонъ съ какимъ-то ожесточеніемъ принялся за водку, точно хотѣлъ кому досадить. Онъ быстро захмелѣлъ, и дальнѣйшія событія происходили точно въ какомъ-то туманѣ. Какія-то дѣвки пѣли пѣсни, Штоффъ плясалъ русскую, а знаменитая красавица Матрена сидѣла рядомъ съ Галактіономъ и обнимала его точеною бѣлою рукой.

— Откуда ты взялся - то, милъ - хорошій? — шептала она.

Потомъ слышался какой-то стукъ, кто-то кричалъ въ сѣняхъ, а въ заключеніе въ избу ворвался пьяный Люддоръ.

— А, вотъ вы гдѣ, милые зятюшки! — гаркнулъ онъ, кидаясь на Штоффа съ кулаками.

Произошла свалка. Кто-то кого-то билъ, дѣвки бросились изъ избы, а Штоффъ спрятался подъ столъ.

Х.

Встрѣча съ Ліодоромъ въ Кунарѣ окончательно вырѣшила дѣло. Галактіонъ дальше не могъ оставаться у тестя. Онъ нанялъ себѣ небольшую квартирку за хлѣбнымъ рынкомъ и переѣхалъ туда съ семьей. Благодаря бубновскому конкурсу, онъ могъ теперь прожить до открытія банка, когда Штоффъ обѣщалъ ему мѣсто члена правленія съ жалованьемъ въ пять тысячъ.

— А что касается нашей встрѣчи съ Ліодоромъ, то этому никто не повѣритъ, — успокоивалъ нѣмецъ. — Кто не знаетъ, что Ліодоръ разбойникъ и что ему ничего не значитъ оговорить кого угодно? Однимъ словомъ, пустяки.

Прищуривъ одинъ глазъ и прищелкнувъ языкомъ, Штоффъ прибавилъ:

— Бабецъ-то, Матрена эта самая, ничего... хе, хе!...

Галактіонъ ничего не отвѣчалъ на эти заигрыванья. Онъ далъ себѣ слово ничего не пить и не путаться съ веселою компаніей. Да и характеръ у него былъ совсѣмъ не такой, а вышло все какъ-то такъ, само собой. Поѣздка въ Кунару въ малыгинской семьѣ вызвала цѣлую бурю. Анеуса Гавриловна плакала цѣлую недѣлю и даже не пожелала проститься съ зятемъ, когда онъ переѣзжалъ на новую квартиру. Зато Харитонъ Артемьичъ, самъ время отъ времени погучивавшій у двоедановъ, радовался отъ чистаго сердца. Вотъ тебѣ и непьющій зять... Ловко его

нѣмецъ поддѣлъ, да и Лѹдорка охулки на руку не положилъ. Наткнулись зятѣя на ерша.

Заступницами Галактіона явились Евлампія и Харитина. Первая не хотѣла вѣрить, чтобы мужъ былъ въ Кунарѣ, а вторая старалась оправдать Галактіона при помощи системы разныхъ косвенныхъ доказательствъ. Ну, если бъ и съѣздили въ Кунару—велика бѣда! Кто тамъ изъ запольскихъ купцовъ не бывалъ? Тятеньку Харитона Артемьича привозили оттуда прямо за-мертво.

— Вамъ то какая забота припала? — накидывалась Анѹса Гавриловна на непрошенныхъ заступницъ. — Лучше бы за собой-то смотрѣли... Только и знаете, что хвостами вертите. Вотъ я сдеру шляпки-то, да какъ примусь обихаживать.

Евлампія обидѣлась и уѣхала, не простившись съ матерью. А Харитина не унялась. Она прямо отъ матери отправилась къ Галактіону. Ея появленіе до того изумило Серафиму, что она не могла выговорить слова.

— Ну, квартирку-то могли бы и получше найти, — какъ ни въ чемъ не бывало совѣтовала Харитина, оглядывая комнаты. — Ты-то чего смотрѣла, Сима?

— Ахъ, мнѣ все равно!

Харитина раздѣлась, полюбовалась хорошенькими ребятишками и потомъ безъ всякихъ подходовъ проговорила:

— Вотъ что, Сима, ты на меня сердишься?

— И не думала.

— Ну, перестань. Я знаю, что сердишься. А только напрасно... Я тебѣ зла не желаю, и мнѣ ничего твоего не нужно. Своего достаточно.

Отъ этого намека некрасивое лицо Серафимы покрылось красными пятнами, губы задрожали, и она крикнула сдавленнымъ голосомъ:

— Вонъ, мерзавка! И видѣть тебя не желаю... Ты у насъ въ семьѣ какая-то проклятая уродилась. Вонъ... вонъ!... Я знаю, что ты такое!

Спокойно посмотрѣвъ на сестру своими странными глазами, Харитина молча ушла въ переднюю, молча одѣлась и молча вышла на улицу, гдѣ ее ждалъ свой собственный рысакъ. Она ѣхала и горько улыбалась. Вотъ и дождалась награды за свою жалость. «Что же, на свѣтѣ всегда такъ бываетъ», — философствовала она, пряча носъ въ новый соболій воротникъ.

Невесело было новоселье Галактіона. Жена упорно молчала, молчалъ и онъ, потому что нечего было говорить. Она его ни въ чемъ не обвиняла, онъ ни въ чемъ не оправдывался, да и трудно было бы оправдываться. Его охватывало жгучее раскаяніе только при видѣ дѣтей, на которыхъ больше всего сказывался тяжелый семейный разладъ. Опять Галактіонъ думалъ о Харитинѣ, — развѣ она такъ бы сдѣлала? Стала бы плакать, ругаться, убѣждала бы изъ дому, наконецъ, ударила бы чѣмъ попадя и все-таки не стала бы опалы тянуть. Да, онъ былъ два раза неправъ относительно жены, но и другіе мужья не лучше, а еще хуже. У него являлось желаніе помириться съ женой, рассказать ей всю чистую правду, но стоило взглянуть на ея убитое лицо, какъ всякое желаніе пропадало. Страшная тоска охватывала Галактіона, и онъ начиналъ чувствовать себя чужимъ человѣ-

комъ въ собственномъ домѣ. Теперь онъ былъ радъ всякому случаю уйти куда-нибудь изъ дому и съ особенною энергіей принялся за бубновскій процессъ. Галактіонъ начиналъ побаиваться, какъ бы не запутаться съ этимъ дѣломъ въ чужихъ плутняхъ. Кураторы все ловкій народъ, сухими изъ воды выйдутъ, а его какъ разъ утопятъ.

У Бубновыхъ въ домѣ было попрежнему. Та же Прасковья Ивановна, тотъ же докторъ, тотъ же умильный братецъ и тотъ же пившій мертвую хозяйинъ. Въ послѣднее время Прасковья Ивановна какъ-то особенно ласково заглядывала на Галактіона и каждый разъ упрашивала его остаться или какъ-нибудь зайти посидѣть вечеромъ.

— Мнѣ некогда, — отговаривался Галактіонъ.

— Ну, ну, бука!... Развѣ отказываютъ кавалеры, когда дама проситъ?

— Какой я кавалеръ, Прасковья Ивановна? Неподходящее дѣло.

— Хорошо. Тогда я иначе буду поступать: не отпущу домой, и все тутъ. Вѣдь, драться не будете?

Нѣсколько разъ она удерживала такимъ образомъ упрямаго гостя, а онъ догадался только потомъ, что ей нужно было отъ него. О чемъ бы Прасковья Ивановна ни говорила, а въ концѣ-концовъ рѣчь непременно сводилась на Харитину. Галактіону дѣлалось даже неловко, когда Прасковья Ивановна начинала на него смотрѣть съ пытливымъ лукавствомъ и чуть-чуть улыбалась.

— Она красавица, — увѣряла Прасковья Ивановна.

— Говорять.

— А вы будто ужъ и не замѣчали ничего?

— Да, вѣдь, она мнѣ свояченица, Прасковья Ивановна, и замѣчать не приходится. Пусть ужь другіе замѣчаютъ.

— Хорошо, хорошо. Какой вы хорошій, Галактіонъ Михеичъ! А вотъ она такъ мнѣ все рассказывала. Чуть не отравилась изъ-за васъ. Откуда у мужчинъ такая жестокость?

— Извините меня, а только отъ глупости, Прасковья Ивановна. Мало ли что дѣвушки придумываютъ, а за мужъ выйдутъ—все и пройдетъ.

— А помните, какъ на мельницѣ она васъ цѣловала?

— Это ей во снѣ приснилось.

— Вѣдь, она не говоритъ, что вы ее цѣловали. Ахъ, какой вы скрытный! Ну, ужь я вамъ, такъ и быть, сама скажу: очень вамъ нравится Харитина. Конечно, родня, немножко совѣстно.

Разъ Прасковья Ивановна заставила Галактіона проводить ее въ клубъ. Это было уже на святкахъ. Штоффъ устроилъ какой-то семейно-танцевальный вечеръ съ туманными картинами, и Прасковья Ивановна непременно желала быть тамъ. Штоффъ давно приглашалъ Галактіона въ этотъ клубъ, но онъ все отказывался подъ разными предлогами, а тутъ пришлось ѣхать поневолѣ.

Дорогой Прасковья Ивановна ни съ того, ни съ сего расшалилась. Она сама прижалась къ Галактіону и шепнула:

— Ахъ, какой вы!... Держите меня крѣпче!

Лицо у нея разгорѣлось отъ мороза, и она заглядывала ему прямо въ глаза, улыбающаяся, молодая, краси-

вая, свѣжая. Онъ ее крѣпко обхватилъ за талію и тоже почувствовалъ себя такъ легко и весело.

— Вѣдь, я хорошенькая, да?

— Ничего.

— У, медвѣдь! Развѣ такъ отвѣчаютъ дамѣ? А кто красивѣе: я или Харитина? Да держите же меня крѣпче, мямля!

Первымъ въ клубѣ встрѣтился Штоффъ и только развелъ руками, когда увидалъ Галактіона съ дамой подъ руку. Вмѣшавшись въ толпу, Галактіонъ почувствовалъ себя еще свободнѣе. Теперь уже никто не обращалъ на нихъ вниманія. А Прасковья Ивановна крѣпко держала его за руку, раскланиваясь направо и налево. Въ одной залѣ она остановилась, чтобы поговорить съ адвокатомъ Мышниковымъ, посмотрѣвшимъ на Галактіона съ удивленіемъ.

— Мы сегодня кутимъ, — объясняла ему Прасковья Ивановна, играя глазами. — А вамъ весело?

— Ничего... Такъ себѣ, — лѣнливо отвѣтилъ адвокатъ, ежа плечи. — Мы еще увидимся, Прасковья Ивановна.

— Почему вы всегда бѣжите отъ меня? Неужели ужъ я такая старая и страшная?

Адвокатъ ничего не отвѣтилъ, а только еще разъ пожалъ плечами и съ улыбкой посмотрѣлъ на Галактіона. Происходило что-то непонятное для послѣдняго, и онъ начиналъ испытывать смущеніе.

Клубъ былъ маленькій, и комнаты не были еще отдѣланы съ надлежащею клубною роскошью. Игралъ плохонькій еврейскій оркестръ. Но невзыскательная заполь-

ская публика, наскучавшаяся у себя дома, была рада и этому, особенно дамы.

— Подождите меня здѣсь, — сказала Прасковья Ивановна, останавливаясь у дамской уборной. — Я сейчасъ.

Здѣсь Галактіона нашла Харитина. Она шла, обмахиваясь вѣеромъ, съ развязностью и шикомъ настоящей клубной дамы. Великолѣпное шелковое платье тащилося длиннымъ шлейфомъ, декольтированныя плечи, голыя руки, — все было въ порядкѣ. Но красивое лицо было блѣдно и встревожено. Она сначала прошла мимо, не узнавъ Галактіона, а потомъ вернулась и строго спросила:

— Скажи, пожалуйста, ты-то зачѣмъ здѣсь? Впрочемъ, я видѣла, какъ ты разгуливаешь съ Пашенькой. Ахъ, ты, глупенькій, глупенькій!... Ну, давай, дѣлай руку кренделемъ!

— А у меня, вѣдь, своя дама есть. Кажется, не полагается ее оставлять одну.

— Хорошо, не безпокойся. Она обойдется и безъ тебя. А мнѣ нужно съ тобой серьезно поговорить. Да, да...

Она нахмурила брови и потащила Галактіона въ самую дальнюю комнату, гдѣ усадила въ укромный уголокъ и заговорила:

— Вотъ я здѣсь только что сидѣла съ Мышниковымъ... да. И онъ объяснялся мнѣ въ любви... Мнѣ всѣ признаются въ любви. Ну, Мышниковъ-то долго ходилъ около меня, а потомъ и не выдержалъ. Понимаешь, я сама виновата... Грѣшнымъ дѣломъ, сильно кокетничала съ нимъ. Вѣдь, умный человѣкъ, а того не понимаетъ

что я его не люблю, а просто извожу для собственного удовольствія. Схватилъ меня за руку, самъ весь дрожить, глаза горять... И какою дерзкій... Ну, я сейчасъ: «Милостивый государь, за кого вы меня принимаете? Кажется, вы ошиблись адресомъ...» Озлился, поблѣднѣлъ... А потомъ и говорить: «Мнѣ это хорошій урокъ, а вы меня вспомните, Харитина Харитоновна». Вотъ, вѣдь, какой злюка!... А развѣ я обязана всѣхъ любить? Ну, теперь онъ будетъ мнѣ мстить.

— Что же онъ можетъ съ тобой сдѣлать?

— Не знаю, а только боюсь... Мнѣ даже домой хочется уѣхать. Ты знаешь, докторъ у меня нашелъ болѣзнь: нервы.

Харитина, дѣйствительно, волновалась и въ голосѣ у нея слышались слезы. Галактіонъ сидѣлъ съ опущенными глазами, кусая губы.

— Что же ты молчишь? — неожиданно накинулась на него Харитина. — Ты мужчина... Наконецъ, ты не чужой человѣкъ. Ну, говори что-нибудь!

— Что же я тебѣ скажу, когда ты сама кругомъ виновата? Впередъ не кокетничай. Веди себя серьезно.

Этого было достаточно, чтобы Харитина вышла изъ себя и обрушилась на него цѣлымъ градомъ попрековъ.

— И это ты мнѣ говоришь, Галактіонъ?... А кто сейчасъ дурака валялъ съ Бубнихой?... Вѣдь, она тебя нарочно затащила въ клубъ, чтобы показать Мышникову, будто ты ухаживаешь за ней.

Галактіонъ ничего не понималъ.

— Да что я съ тобой буду дѣлать? — взмолилась Ха-

ритина въ отчаяніи. — Да ты совсѣмъ глупъ... ахъ, какъ ты глупъ!... Пашенька влюблена въ Мышникова, какъ кошка, — понимаешь? А онъ ухаживаетъ за мной, — понимаешь? Вотъ она и придумала возбудить въ немъ ревность: дескать, посмотри, какъ другіе кавалеры ухаживаютъ за мной. Нѣтъ, ты глупъ, Галактіонъ, а я считала тебя умнѣе.

— Каковъ ужъ есть. Знаю только одно, что мнѣ здѣсь нечего дѣлать.

— Нѣтъ, постой!... А какъ ты со мной поступилъ, а?

— Никакъ я не поступалъ.

— Не ври... Вѣдь, ты знаешь, что твоя жена меня выгнала вонъ изъ дому и еще намекнула, за кого она меня считаетъ.

— При чемъ же я тутъ? Вы будете ссориться, а я отвѣчай.

— Дуракъ! Изъ-за тебя я пострадала... И словечка не сказала, а повернулась и вышла. Она меня, Симка, ловко отзолотила. Откуда прыть взялась у кислятины... Если бъ ты былъ настоящій мужчина, такъ ты пріѣхалъ бы ко мнѣ въ тотъ же день и прощенія попросилъ. Я цѣлый вечеръ тебя ждала и даже приготовилась обморокъ разыграть... Ну, это все пустяки, а вотъ ты дома себя дуракъ-дуракомъ держишь. Помиришь съ женой... слышишь? А когда помиришься, пріѣзжай мнѣ сказать.

Галактіонъ поднялся и хотѣлъ уйти. Онъ разозлился на болтовню Харитины, да и дѣлать ему было нечего. Она опять удержала его, взяла за руку и проговорила усталымъ голосомъ:

— Проводи меня домой... Все равно — тебѣ за-разъ отвѣчать: въ Кунарѣ кутиль, Бубниху привезъ въ клубъ, а изъ клуба увезъ Харитину.

Одѣваясь въ передней, Харитина нѣсколько разъ повторила:

— А онъ мнѣ будетъ мстить... да.

XI.

Каждому человѣку присвоена своя психологія и такая была также и у исправника Полуянова. Онъ служилъ давно и, что называется, набилъ руку. Особенно развернулся онъ въ Запольскомъ уѣздѣ, гдѣ являлся грозой. Начальство поощряло эту усердную службу, и Полуяновъ благоденствовалъ. Получалъ онъ жалованья что-то около трехъ тысячъ, а проживалъ двѣнадцать. Всѣ это знали и смотрѣли снисходительно, потому что прямыхъ взятокъ Полуяновъ не бралъ, а только принималъ иногда «благодарности». Съ женитьбой на Харитинѣ расходы возросли, а съ открытіемъ клуба въ Запольѣ тѣмъ болѣе. Пришлось прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ. Изобрѣтательность Полуянова достигла своего апогея. Въ одной деревнѣ онъ увидѣлъ лежавшій въ полѣ громадный валунъ, тысячъ въ пять пудовъ, и объявилъ, что такую рѣдкость необходимо отправить въ Петербургъ на обывательскихъ подводахъ. Мужики пришли въ ужасъ и стали откупаться отъ проклятой рѣдкости гривенникомъ съ души. Это была настоящая дань. Въ другой деревнѣ Полуяновъ съ этою же цѣлью опечаталъ цѣлое озеро, т.-е. взялъ веревку, спустилъ одинъ конецъ въ

воду, а другой припечаталъ къ вбитому на берегу колу. Озеро давало мужикамъ до десяти тысячъ рублей дохода ежегодно и за распечатаніе Полуяновъ сталъ получать половину. Обложены были данью всѣ деревенскіе торжки, натуральная повинность по исправленію тракта, винокуренные заводы, мельницы и всякое проявленіе пытливаго промышленнаго и торговаго духа. Но особенно налегъ Полуяновъ на мертвыя тѣла. Убитый или скоропостижно умершій являлся настоящимъ кладомъ. Исправникъ морилъ мужиковъ въ качествѣ понятыхъ и, принявъ мзду, везъ тѣло въ слѣдующій пунктъ, чтобы получить и здѣсь откупъ. Одно такое мертвое тѣло онъ возилъ чуть не по всему уѣзду и по пути завезъ на мельницу къ Ермилычу, а когда Ермилычъ откупился, тѣло очутилось на погребѣ попа Макара.

Въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ всѣ художества сходили Полуянову съ рукъ вполне благополучно, а робкія проявленія протеста заканчивались тѣмъ, что жалобщики и обиженные должны были выкупать свою строптивость новою данью. Однимъ словомъ, всѣ привыкли къ художествамъ Полуянова, считая ихъ неизбежнымъ зломъ, какъ градобитіе, а самъ Полуяновъ привыкъ къ этому оригинальному режиму еще больше. Но съ послѣднимъ казусомъ вышла большая заминка. Нужно же было сибирскому исправнику наскочить на упрямаго сибирскаго попа.

Въ одно прекрасное утро была запряжена заслуженная кобыла, и попъ Макаръ покатилъ въ Заполье. Здѣсь онъ, прежде всего, толкнулся къ соборному протопопу, съ

которымъ вмѣстѣ учился въ семинаріи, и по пунктамъ изложилъ нанесенную Полуяновымъ обиду.

— Да, казусъ, — глубокомысленно согласился протопопъ. — Не благопотребно для твоего сана, а, между прочимъ, того...

— А я, во-первыхъ, буду жаловаться.

— Смотри, отецъ, чтобы хуже не вышло. Иные нѣдцы пробовали прати претиву рожна и должны были заплатить сугубую мзду за свою излишнюю и неблаговременную строптивость.

— Во вторыхъ, я никого не боюсь, — смѣло заявлялъ суслонскій попъ. — Я буду обличать новаго Ахава...

— А, можетъ быть, возможно все кончить по соглашенію?

Въ этихъ видахъ попъ Макарь отправился къ старому Луковникову, какъ къ человѣку почтенному и облеченному властью. Тарасъ Семенычъ выслушалъ деревенскаго попа, покачалъ головой и заявилъ:

— Я тутъ ничего не могу сдѣлать, о. Макарь.

— Да вы поговорите съ Ахавомъ, Тарасъ Семенычъ. Можетъ быть, онъ васъ выслушаетъ.

— Попробую.

Эта проба привела только къ тому, что Полуяновъ страшно вспылилъ.

— Да я этого попишку самаго... Да я его въ порошокъ изотру!

— Вамъ ближе знать, Илья Өирсычъ, — политично замѣтилъ Луковниковъ. — Я для вашей же пользы говорю... Не ровень часъ, все можетъ быть.

— Ученаго учить только портить, — съ гордостью отвѣтилъ Полуяновъ, окончательно озлившійся на дерзкаго суслонскаго попа. — Весь уѣздъ могу однимъ узломъ завязать и отвѣчать не буду.

Какъ это ни странно, но до извѣстной степени Полуяновъ былъ правъ. Да, онъ принималъ благодарности, а что было бы, если бы онъ всѣ правонарушенія и казусы выводилъ на свѣжую воду? Вѣдь, за каждымъ что-нибудь было, а онъ все прикрывалъ и не выносилъ сору изъ избы. Взять хоть ту же скоропостижную дѣвку, которая лежитъ у попа на погребѣ: она изъ Кунары, и есть подозрѣнiе, что это работа Лiодорки Малыгина и Пашки Булыгина. Всѣхъ можно закрутить такъ, что ни папы, ни мамы не скажутъ.

Полный сознанія своей правоты, Полуяновъ и въ усъ себѣ не дулъ. Такія ли дѣла сходили съ рукъ! Онъ приберегалъ теперь Малыгиныхъ и Булыгиныхъ, какъ постоянную доходную статью. Потомъ голова его была занята неотступною мыслью, какъ обработать Шахму: татаринъ богатый и до сихъ поръ отдѣлывался грошами. У Полуянова явилась смѣлая мысль пристегнуть къ дѣлу о скоропостижной дѣвкѣ вотъ этого миллионера-татарина, который кутилъ съ Штоффомъ въ Кунарѣ. Оставалось возстановить только фактъ, что онъ кутилъ именно съ этою дѣвкой. Требовалась тонкая работа. Кстати, эта скоропостижная дѣвка была та самая красавица Матрена, которая обнимала Галактiона. Убитую хитрые двоеданы увезли въ другой конецъ уѣзда и подбросили къ православной деревнѣ.

«Только бы подтянуть къ этому дѣлу Шахму, — мечталъ Полуяновъ, жмуря глаза, — растерзали бы мы его на части».

Съ этою цѣлью Полуяновъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Кунару, жестоко кутилъ и наводилъ справки подъ рукой. Его бѣсило, главнымъ образомъ, то, что въ этой исторіи замѣшался проклятый нѣмецъ Штоффъ, который, въ случаѣ чего, вывернется какъ ужъ. Вся эта сложная комбинація поглащала теперь все вниманіе Полуянова, и онъ плевать хотѣлъ на какого-то несчастнаго попа. А тутъ еще деньги нужны. Проигравшись какъ-то въ клубѣ въ пухъ и прахъ, Полуяновъ на другой день спохмѣля отправился къ Шахмѣ и безъ предисловія заявилъ свои подозрѣнія. Богачъ-татаринъ струсилъ сразу.

— Да, жаль, — повторилъ Полуяновъ. — Можетъ быть, ты и не виноватъ, а затаскаютъ по судамъ, посадятъ въ тюрьму.

Шахма разступился и отвалилъ исправнику сразу пять тысячъ.

— Одна рука давалъ, другая не зналъ, — говорилъ онъ.

— Хорошо, хорошо. Увидимъ.

Разлакомившись легкою добычей, Полуяновъ захотѣлъ продѣлать такую же штуку съ Малыгиными и Булыгиными. Но здѣсь получилась большая ошибка въ расчетѣ. Харитонъ Артемьичъ даже обрадовался, когда Полуяновъ заявилъ подозрѣніе на Ліодора.

— Онъ, непременно онъ, Ліодорка, убилъ... Хоть сейчасъ присягу приму. Въ ножки поклонюсь, ежели ты

его куда-нибудь въ каторгу опредѣлишь. Туда ему и дорога.

— Позвольте, какъ же вы такъ говорите, Харитонъ Артемьичъ? Вѣдь, онъ вамъ все-таки родной сынъ.

— На свои деньги веревку куплю, только пусть повѣсится!...

Тесть и зять совершенно забыли, что они родные. Когда Полуяновъ для ускоренія переговоровъ уже назначилъ сумму благодарности, Харитонъ Артемьичъ опомнился.

— Постой, голова... Да ты куда пришелъ-то? Вѣдь, я тебѣ родной тесть прихожусь?... Есть на тебѣ крестъ-то?

— По поговоркѣ: хлѣбцемъ вмѣстѣ, а табачкомъ врозь.

Увлеченный своими планами, Полуяновъ совершенно забылъ о своихъ родственныхъ отношеніяхъ къ Малыгинымъ и Булыгинымъ, почесалъ въ затылкѣ и только плюнулъ. Какъ это раньше онъ не сообразилъ?... Да, бываютъ удивительные случаи, а все проклятое похмѣлье. Просто какой-то анекдотъ. Для возстановленія силъ тесть и зять напились вмѣстѣ.

— Вотъ тебѣ и зять!—удивлялся Харитонъ Артемьичъ.— У меня всѣ зятя такіе: большая родня—троюродное наплевать. Ты ужь лучше къ Булыгинымъ-то не ходи, только себя осрамишь.

— Что подѣлаешь? Забылъ,—кался Полуяновъ.— Ну, молитесь Бога за Харитину, а то ободралъ бы я васъ всѣхъ какъ липку. Даже вотъ бы какъ ободралъ, что и кожу бы съ себя сняли.

Хотя Харитонъ Артемьичъ и предупредилъ зятя отно-

сительно Булыгиныхъ, а самъ не утерпѣлъ и подъ пьяную руку все разболталъ въ клубѣ. Очень ужъ ловкій анекдотъ выходилъ. Это происшествіе облетѣло цѣлый городъ какъ молнія. Очень ужъ постарался Илья Оирсычъ. Купцы хохотали до упаду. А тутъ еще суслонскій попъ ходитъ по гостиному двору и рассказываетъ, какъ Полуяновъ морозить у него на погребѣ скоропостижное дѣвичье тѣло.

Странно, что всѣ эти переговоры и пересуды не доходили только до самого Полуянова. Онъ, заручившись благодарностью Шахмы, велъ теперь сильную игру въ клубѣ. На бѣду, ему везло счастье, какъ никогда. Игра шла въ клубѣ въ двухъ комнатахъ стариннаго мезонина. Полуяновъ заложилъ самъ банкъ въ три тысячи и металъ. Понтировали Стабровскій, Ечкинъ, Огибенинъ и Шахма. Въ числѣ публики находились Мышниковъ и докторъ Кочетовъ. Игра шла крупная и Полуяновъ загребалъ куши одинъ за другимъ.

— Вамъ сегодня везетъ какъ висѣльнику, — замѣтилъ разозлившійся Стабровскій.

Именно въ этотъ моментъ Полуянова вызвали.

— А, чортъ, умереть спокойно не дадутъ! — ругался онъ. — Скажи, чтобы подождали!

Лакей ушелъ и вернулся.

— Ваше высокоблагородіе, Илья Оирсычъ, приказано...

— Что-о?

— Отъ слѣдователя.

Произошелъ небывалый въ стѣнахъ клуба скандалъ.

Полуяновъ былъ взятъ прямо изъ-за карточного стола и арестованъ. Ему не позволили даже заѣхать домой.

Слѣдователь Буковинъ былъ очень непреставительный мужчина, обремененный многочисленнымъ семействомъ и жившій отшельникомъ. Онъ, кажется, ничего не зналъ, кромѣ своихъ дѣлъ.

— Я считаю необходимымъ подвергнуть васъ аресту, г. Полуяновъ, — сонно заявилъ слѣдователь, потягиваясь въ креслѣ.

— Вы не имѣете права.

— Позвольте мнѣ самому знать мои права... А васъ я вызову, когда это будетъ нужно.

И только всего. Полуяновъ совершенно растерялся и сразу упалъ духомъ. Сколько тысячъ людей онъ заключалъ въ скверный запольскій острогъ, а теперь вотъ приходится самому. Когда онъ остался одинъ въ камерѣ, — ему предоставили льготу занять отдѣльную камеру, — то не выдержалъ и заплакалъ.

— За что? О, Господи, за что?... Ахъ, все это проклятый суслонскій попъ надѣлалъ!... Только бы мнѣ освободиться отсюда, ужъ я бы задалъ перцу проклятому попу!

Когда на другой день пріѣхалъ къ Харитинѣ встревоженный Галактіонъ, она встрѣтила его довольно равнодушно и лѣнливо проговорила:

— Этого нужно было ожидать... Ахъ, мнѣ рѣшительно все равно!

— Скверная штука можетъ быть... Ссылка на поселеніе въ лучшемъ случаѣ.

Харитина что-то соображала про себя, а потомъ оживленно проговорила:

— Вѣдь, я говорила, что Мышниковъ будетъ мстить. Это онъ научилъ суслонскаго попа... Ахъ, какой противный человѣкъ, а еще увѣрялъ, что любить меня!

Легкомысліе Харитины, какъ къ нему Галактіонъ ни привыкъ все-таки изумило его. Она или ребенокъ, или безвозвратно погибшая женщина. Его начинало коробить.

— Послушай, Харитина, поговоримъ серьезно... Вѣдь, надо чѣмъ-нибудь жить. Есть у васъ что-нибудь про черный день?

— Мужъ говорилъ, что когда умреть, я буду получать пенсію.

— И только? Теперь нечего и думать о пенсіи. Ну, значить, тебѣ придется идти къ отцу.

— Благодарю покорно... Никогда! Я лучше на содержаніе къ Мышникову пойду.

— Перестань болтать глупости. Нужно обсудить дѣло серьезно... Да, серьезно.

— Что тутъ обсуждать, когда я все равно ничего не понимаю? Такую дуру вырастили тятенька съ маменькой... А знаешь что? Я проживу не хуже, чѣмъ теперь... да. Будутъ у меня руки цѣловать, только бы я жила попрежнему. Это ужъ не Мышниковъ сдѣлаетъ, нѣтъ... А знаешь, кто?

— Ничего я не знаю.

— Ступай и посмотри въ зеркало.

Харитина засмѣялась и выбѣжала изъ комнаты, а Галактіонъ дѣйствительно подошелъ къ зеркалу и долго

смотрѣлъ въ него. Его лицо тоже искривилось улыбкой, — онъ вспомнилъ про дѣтей.

«Нѣтъ, никогда этому не бывать, Харитина Харитоновна!» — сказалъ онъ самому себѣ, повернулся и вышелъ.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ полицію, явившуюся опечатывать имущество Полуянова.

ХII.

Арестъ Полуянова и слѣдствіе по этому дѣлу заняли все вниманіе Заполья и всего Запольскаго уѣзда. Ничего подобнаго еще не случалось до сихъ поръ. Выплыла цѣлая серія мелкихъ плутней, подлоговъ, вымогательствъ, всяческихъ правонарушеній и побоевъ безъ конца. Появилась даже въ столичныхъ газетахъ длинная корреспонденція о дѣлѣ Полуянова, при чемъ неизвѣстный корреспондентъ намекалъ, что это дѣло служить только къ цѣлому ряду другихъ, которыя Полуяновъ покрывалъ «изъ благодарности». Между прочимъ, былъ намекъ и на бубновскій конкурсъ. Эта корреспонденція была ударомъ грома. Всѣ переполошились окончательно. Главное, кто могъ написать все это? Гдѣ корреспондентъ? А несомнѣнно долженъ быть, и несомнѣнно — свой человѣкъ, знавшій всю подноготную Заполья.

— Это онъ только сначала о Полуяновѣ, а потомъ и до другихъ доберется, — толковали купцы. — Что же это такое будетъ-то? Раньше жили себѣ, и никому дѣла до насъ не было... Ну, тамъ пожаръ, неурожай, холера, а

отъ корреспондента до сихъ поръ Богъ миловалъ. Растерзать его мало, этого самаго корреспондента.

Явилось предположеніе, что писалъ кто-нибудь «изъ поляковъ» или «изъ жидовъ», — народъ извѣстный. Отъ полуяновскаго-то дѣла никому не поздоровится, ежели начнутъ дѣлать переборку.

Бубновскій конкурсъ встревожилъ больше всѣхъ Галактіона.

— Э, вздоръ! — успокоивалъ Штоффъ. — Чортъ дернулъ Илюшку связаться съ попомъ. Вотъ теперь и расхлебывай... Слышалъ, Шахма-то какъ отличился у слѣдователя? Все на-чистоту ляпнулъ. Вѣдь, все равно, не получить своихъ пяти тысячъ, толстый дуракъ... Ну, и молчалъ бы, а то только самого себя осрамилъ.

Галактіонъ понималъ только одно, что не сегодня-завтра всѣ конкурсныя плутни выплывутъ на свѣжую воду и что нужно убираться отсюда по добру, по здорову. Штоффъ онъ начиналъ не довѣрять. Очень ужъ хитеръ нѣмецъ. Вотъ только бы банкъ поскорѣе открыли. Хлопоты по утвержденію банковскаго устава велъ въ Петербургъ Ечкинъ и писалъ, что все идетъ отлично.

Нѣсколько разъ Галактіонъ хотѣлъ отказаться отъ конкурса, но все откладывалъ, — и жить чѣмъ-нибудь нужно, и другіе члены конкурса разсердятся. Вообще, какъ ни кинь — все клинъ. У Бубновыхъ теперь Галактіонъ бывалъ совсѣмъ рѣдко и Прасковья Ивановна сердилась на него.

— Впрочемъ, вамъ теперь много хлопотъ съ Хари-

тиной, —язвила она съ женскою жестокостью. — У нея только и осталось, что дала ей природа.

— Прасковья Ивановна, вы забываете, что Харитина моя близкая родственница и что она сейчас въ такомъ положеніи...

— Да? Скажите, пожалуйста, а я и не подозрѣвала, что она въ *такомъ* положеніи... Значить, вамъ предстоятъ новыя хлопоты.

Ей нравилось сердить Галактіона, и эта игра увлекала ее. Очень красиво, когда настоящій мужчина сердится, — такъ бы, кажется, въ мелкія крошки расшибъ, а только вотъ по закону этого не полагается. Разъ, увлекшись этою игрой, Прасковья Ивановна даже испугалась.

— Да вы меня и въ самомъ дѣлѣ ударите, — говорила она, отодвигая свое кресло. — Слава Богу, что я не ваша жена.

Галактіонъ былъ блѣденъ и смотрѣлъ на нее остановившимися глазами, тяжело переводя духъ. «Ахъ, какой онъ милый! — восхищалась Прасковья Ивановна, сама деспотъ въ душѣ. — Это какой-то тигръ, а не мужчина!»

Поведеніе Прасковьи Ивановны положительно отталкивало Галактіона, тѣмъ болѣе, что ему рѣшительно было не до любовныхъ утѣхъ. Достаточно было одного домашняго ада, а тутъ еще приходится заботиться о сумасбродной Харитинѣ. Она, напримѣръ, ни за что не хотѣла выѣзжать изъ своей квартиры, гдѣ все было описано, бромъ ея приданого.

— Буду здѣсь жить, и конецъ! — повторяла она. — Пусть и меня описываютъ!

Она дошла до того, что принялась тосковать о мужѣ и даже плакала. И добрый-то онъ, и любилъ ее, и напрасно за другихъ страдаетъ. Галактіону приходилось теперь частенько ѣздить съ ней въ острогъ на свиданія съ Полуяновымъ и онъ поневолѣ дѣлался свидѣтелемъ самыхъ нѣжныхъ супружескихъ сценъ, при чемъ Полуяновъ плакалъ, какъ ребенокъ.

— Онъ изъ-за меня страдаетъ, — повторяла Харитина. — Изъ-за меня Мышниковъ подвелъ его.

Полуяновъ въ какой-нибудь мѣсяцъ страшно измѣнился, начиная съ того, что уже по необходимости не могъ ничего пить. Съ лица спалъ пьяный опухъ и онъ казался старше на цѣлыхъ десять лѣтъ. Но всего удивительнѣе было его душевное настроеніе, складывавшееся изъ двухъ неравныхъ половинокъ: съ одной стороны, какое-то дѣтское отчаяніе, сопровождавшееся слезами, а съ другой — моменты сумасшедшей ярости.

— Вѣдь, я младенецъ сравнительно съ другими, — увѣрялъ онъ Галактіона, колотя себя въ грудь. — Ну, бралъ... ну, что же изъ этого? Вѣдь, по грошамъ бралъ и даже стыдно вспоминать, а кругомъ воровали на сотни тысячъ. Ахъ, если бъ я только могъ рассказать все!... И всѣ они правы, а я вотъ сижу. Да это что... Моя пѣсня спѣта. Будеть, поцарствовалъ. Одного бы только желалъ, чтобы меня выпустили на свободу всего на одну недѣлю: первымъ дѣломъ убилъ бы попа Макара, а вторымъ — Мышникова. Рядомъ бы и положилъ обоихъ.

Странно, что первый объ утвержденіи устава новаго

банка сообщилъ Галактіону въ острогѣ Полуяновъ и тутъ же предупредилъ:

— Ну, я скажу тебѣ, голубчикъ, по секрету, ты далеко пойдешь... Очень далеко. Теперь ваше время... да. Только помни стараго сибирскаго волка, исправника Полуянова: такова бываетъ превратность судьбы. Былъ человѣкъ — и нѣтъ человѣка.

Эта новость была отпразднована у Стабровскаго на широкую ногу. Галактіонъ еще въ первый разъ принималъ участіе въ такомъ пирѣ и могъ только удивляться, откуда берутся у Стабровскаго деньги. Обѣдъ стоилъ на плохой конецъ рублей триста, — сумма, по тугой купеческой ариѳметикѣ, очень солидная. Ъли, пили, говорили рѣчи, поздравляли другъ друга и въ заключеніе послали благодарственную телеграмму Ечкину. Галактіонъ какъ ни старался не пить, но это было невозможно. Хозяинъ такъ умѣлъ просить, что приходилось только пить.

— Вѣдь, вы только представьте себѣ, господа, — кричалъ Штоффъ, — мы поднимаемъ цѣлый край. Мертвые капиталы получаютъ движеніе, возрождается несуществовавшая въ краѣ промышленность, торговля оживляется, земледѣліе процвѣтаетъ. Однимъ словомъ, это... это... это — воскресеніе изъ мертвыхъ!

Кто-то даже припомнилъ, что для полноты торжества недостаетъ только Полуянова, и пьяные дѣльцы будущаго банка выпили даже за его здоровье.

Галактіонъ вышелъ отъ Стабровскаго съ какимъ-то сладкимъ туманомъ въ головѣ. Онъ долго стоялъ на подъѣздѣ, слегка пошатываясь и не зная, куда ему идти съ

такимъ настроеніемъ. Куда угодно, но только не домой. Тамъ уныніе, тоска, убитое лицо жены... Онъ припомнилъ, что бросаетъ бубновскій конкурсъ, слѣдовательно, долженъ предупредить Прасковью Ивановну. Давно желанный моментъ наступилъ. Да, теперь ужъ ему не нужно будетъ ѣздить въ бубновскій домъ и принимать за это всяческія непріятности дома, а главное—вѣчно бояться. Слова Полуянова стали передъ нимъ живьемъ.

Прасковья Ивановна, по обыкновенію, была дома и посмотрѣла съ удивленіемъ на Галактіона, который вошелъ къ ней съ необычною развязностью.

— Вы гдѣ-то веселились, Галактіонъ Михеичъ?

— Да, немножко обрадовались, Прасковья Ивановна... да. Вотъ заѣхалъ къ вамъ объявить, что кончено, выхожу изъ вашего конкурса... да. Свое дѣло будетъ,—некогда.

Она смотрѣла на него и не узнавала. Видимо, что человѣкъ много выпилъ, но что значить выпивка такому цвѣтущему молодому мужчине?

— Вы садитесь вотъ сюда, рядомъ со мной, и потолкуемъ, — предложила она. — Меня удивляетъ ваша радость. Вы, вѣдь, рады именно потому, что, наконецъ, избавляетесь отъ меня, да? А только нужно спросить и меня: а, можетъ быть, я несогласна?

— Т.-е. какъ же это такъ: несогласны?

— Да такъ. Возьму и не отпущу.

Онъ засмѣялся и взялъ ее за руку.

— Ужъ это вы кого другаго не отпускайте, Прасковья Ивановна, а я-то въ такихъ дѣлахъ не при чемъ.

— Да, я знаю, что вамъ все равно, — какъ-то печально отвѣтила она, опуская глаза. — Что же дѣлать, силой милому не быть. А я-то думала... Ну, да это все равно — что я думала!

— Нѣтъ, вы скажите, что вы думали?

Онъ крѣпко сжалъ ея руку, такъ что она вскрикнула отъ боли. Потомъ она хотѣла подняться со своего стула, но онъ удержалъ ее и засмѣялся.

— Раньше вы со мной шутки шутили... да, — шепталъ онъ. — Помните? Ну, да это все равно... Видите, какъ у насъ дѣло-то сошлось: вамъ все равно и мнѣ все равно.

Вечеромъ поздно Серафима получила записку мужа, что онъ по неотложному дѣлу долженъ уѣхать изъ Заполья дня на два. Это еще было въ первый разъ, что Галактіонъ не зашелъ проститься даже съ дѣтьми. Женское сердце почувало какую-то неминуемую бѣду, и первая мысль у Серафимы была о сестрѣ Харитинѣ. Тамъ Галактіонъ, и негдѣ ему больше быть... Дѣти спали. Серафима накинула шубку и пѣшкомъ отправилась къ полуяновской квартирѣ. Тамъ еще былъ свѣтъ, и Серафима видѣла въ окно, что сестра сидитъ у лампы съ Агніей. Незачѣмъ было и заходить.

Ужасная была эта первая ночь. Серафима больше не вѣрила мужу и переживала теперь жгучую боль. Да, онъ теперь радуется съ другой, а постылая жена убивается одна-одинешенька. Тихо-тихо въ квартирѣ. Слышно, какъ сердце бьется. Ну, что же, разлюбилъ, бросилъ ее, а какъ же дѣтей не жаль, какъ не стыдно будетъ имъ-то въ глаза смотрѣть?... И за что? Да и горе такое, что и

разсказать про него трудно кому-нибудь, даже родной матери. Видала Серафима такихъ постылыхъ женъ и впередъ рисовала себѣ то неприглядное будущее, которое ее ожидало. А она-то какъ его любила!... Какъ хорошо они жили тамъ, на мельницѣ!... И еще она же сама желала переѣхать въ городъ, чтобы здѣсь веселиться и жить, какъ всѣ другіе живутъ. Хорошо веселье, нечего сказать!... Серафима проплакала всю ночь, стоя у окна и поджидая, не подъѣдетъ ли онъ, тотъ, кому она отдала всю душу.

Галактіонъ вернулся домой только вечеромъ на другой день. Серафима бросилась къ окну и видѣла, какъ отъ воротъ отъѣзжалъ извозчикъ. Для нея теперь было все ясно. Онъ вошелъ сердитый, впередъ приготовившись къ непріятной сценѣ.

— Ну, что, какъ Бубниха поживаетъ? — спросила Серафима, не выдержавъ.

— Тебѣ кланяется.

— У нея ночеваль?

Вмѣсто отвѣта, Галактіонъ размахнулся и ударилъ жену по лицу. Она вскрикнула и присѣла. Его охватило внезапное бѣшенство и онъ схватилъ ее за плечо. Но въ этотъ моментъ въ дверяхъ показался какой-то старикъ, небольшого роста, въ раскольничьемъ полукафтани. Взглянувъ на него, Галактіонъ такъ и обомлѣлъ: это былъ тотъ самый старикъ, черный какъ жукъ, котораго онъ тогда встрѣтилъ въ Кунарѣ у двоедана Спиридона. Теперь онъ его узналъ, — старикъ бывалъ еще у отца на заводахъ, куда приѣзжалъ откуда-то изъ скитовъ.

Онъ пользовался громкою популярностью, какъ человѣкъ святой жизни и прозорливецъ.

— Галактіонъ Михеичъ, иди-ка сюды... — крѣтко произнесъ старецъ.

Галактіону вдругъ захотѣлось обругать и выгнать старца, но, вмѣсто этого, онъ покорно пошелъ за нимъ въ боковую комнату, замѣнявшую ему кабинетъ. За ними ворвалась Серафима и какимъ-то хриплымъ голосомъ крикнула:

— Бей... ну, бей!... Будетъ лучше, если убьешь... и вмѣстѣ съ дѣтьми...

Потомъ она зарыдала, начала причитать, и старикъ вѣжливо вывелъ ее изъ комнаты. Галактіонъ присѣлъ къ письменному столу и схватился за голову. У него все ходило ходенемъ передъ глазами, точно шатался весь домъ. Старикъ вернулся, обошелъ его неслышными шагами и сѣлъ напротивъ.

— Галактіонъ Михеичъ...

— Ну, что тебѣ нужно? — отозвался грубо Галактіонъ.

— А ты не сердитуй, миленькій... Самъ кругомъ виновать. На себя сердишься... Нехорошо, вотъ что я тебѣ скажу, миленькій!... Затемнилъ ты образъ несквернаго брачнаго житія... да. Отъ скверны пришелъ и скверну въ себѣ принесъ. Свое-то гнѣздо постылишь, подружію слезишь и чадъ милыхъ не жалѣешь... Вотъ что я тебѣ скажу, миленькій!... Откуда пришелъ-то?

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось.

— А остуду-то съ собой захватилъ, миленькій? До-

машній-то грѣхъ побольше будетъ сторонняго... Яко червь точить день и ночь.

Старикъ пересѣлъ рядомъ съ Галактіономъ и заговорилъ тихимъ ласковымъ голосомъ:

— Свое-то маленькое бросилъ, Галактіонъ Михеичъ, а за большимъ чужимъ погнался. Съ брптоусыми и табашниками началъ знаться, съ жидами и нѣмцами смѣлся... Они-то, какъ волки, пришли къ намъ, а ты въ пихню стаю забѣжалъ... Охъ, нехорошо, Галактіонъ Михеичъ! Охъ, велики наши грѣхи и конца имъ нѣтъ!... Зачѣмъ подружію милую обидѣлъ? Чадо милое, не лютуй, не злобься, не впадайся въ не нужную ярость, ибо великій отвѣтъ дадимъ на великомъ судилищѣ Христовѣ...

Галактіонъ закрылъ лицо руками и рыдалъ.

— Дѣдушка, самъ не знаю, что со мной дѣлается...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Передъ Ильинымъ днемъ попъ Макарь устраивалъ «помочь». На покось выходило до полуторыхъ сотъ косцовъ. Мужики любили попа Макара и не отказывались поработать денегъ. Да и какъ было не поработать, когда попъ Макарь крестилъ почти всѣхъ косцовъ, вѣнчалъ, а въ будущемъ долженъ былъ похоронить? За глаза говорили про попа то и сѣ, а на дѣлѣ выходило другое. Теперь въ особенности популярность попа Макара выросла, благодаря сверженію ига исправника Полуянова.

— Никто же не смѣлъ ему препятствовать, исправ-

нику, — говорили между собой мужики, — а попъ Макарь устигъ и въ тюрьму посадилъ... Это все одно, что медвѣдю зубы лѣчить.

Недоволенъ былъ только самъ попъ Макарь, которому уже досталось на орѣхи отъ нѣкоторыхъ властодержцевъ. Его корили, зачѣмъ погубилъ такого человѣка, и пугали судомъ, когда потребуютъ свидѣтелемъ. Даже такіе друзья, какъ писарь Замараевъ и мельникъ Ермилычъ, замѣтно косились на попа и прямо высказывали свое неудовольствіе.

— Ты бы то подумалъ, попъ, — пенялъ писарь, — ну, пришлютъ новаго исправника, а онъ будетъ еще хуже. Къ этому-то ужъ мы всѣ привѣсились и признали всякую его повадку, а къ новому - то не будешь знать, съ которой стороны и подойти. Этотъ нащечился, а новый-то пріѣдетъ голенькій да голодный, пока насосется.

— А ежели онъ, во - первыхъ, хотѣлъ взятку съ меня вымогать? — слабо оправдывался попъ. — Гдѣ это показано, штобы съ поповъ взятки-то брали?

— Ахъ, ты, какой!... — удивлялся писарь. — Да, вѣдь, ежели разобрать правильно, такъ всѣ мы у батюшки-то царя воры и взяточники. Правду надо говорить... Пчелка, и та взятку беретъ.

Нашлись dobroхоты и заступники, которые припоминали за Полуяновымъ не мало добра. Конечно, все дѣло по сравненію съ другими. Другіе-то развѣ лучше? Дай-ка имъ такую силу, такъ и не то бы надѣлали. Крутъ былъ Полуяновъ, да зато отходчивъ: разказнить и тутъ же помилуетъ. А главное-то, что былъ орелъ орломъ.

Съ налёту все бралъ. Складывалась о Полуяновѣ живая легенда, и никто не хотѣлъ вѣрить, что его засудятъ. Судьи-то развѣ слѣпые? Судить, такъ всѣхъ суди, а не одного Полуянова. Мало ли грѣха наберется, а за всѣхъ отвѣчай Полуяновъ одинъ.

Когда мельникъ Ермилычъ слышалъ о поповской помочи, то сейчасъ же отправился верхомъ въ Суслонъ. Онъ въ послѣднее время вообще сильно волновался и начиналъ не понимать, что дѣлается кругомъ. Только и радости, что поговорить съ писаремъ. Этотъ ужъ все знаетъ и всякое дѣло можетъ разсудить. Законъ-то вотъ какъ выучилъ... У Ермилыча было страстное желаніе еще разъ обругать попа Макара, заварившаго такую кашу. Всю округу попъ замутилъ, и никто ничего не знаетъ, что дальше будетъ.

Писарь Замараевъ чувствовалъ тоже себя не совсѣмъ хорошо и встрѣтилъ стараго пріятеля довольно сумрачно.

— А я къ тебѣ, Флегонтъ Васильичъ... — замялся Ермилычъ. — Сегодня у попа «помочь».

— Ну?

— Есть у меня словечко ему сказать... Осрамилъ онъ насъ всѣхъ, вотъ что. Ужъ я думалъ, думалъ и порѣшилъ: поѣду и обругаю попа.

— Ты дуракъ, Ермилычъ. Вмѣстѣ съ Полуяновымъ хочешь посидѣть?

— Да нѣтъ... Я отъ Писанія буду попа донимать, чтобы онъ чувствовалъ. Невозможно... Поѣдемъ на покось.

Писарь сумрачно согласился. Онъ вообще былъ не

въ духѣ. Они поѣхали верхами. Поповскій покосъ былъ сейчасъ за Шеинскою Курьей, гдѣ шли заливные луга. Подъ Суслономъ это было одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ, и суслонскіе мужики смотрѣли на поповскіе луга съ завистью. Съ высокаго праваго берега точно бранною зеленою скатертью развѣтывалась широкая картина. Сейчасъ она была оживлена сотнями косцовъ, двигавшихся стройною ратью. Ермилычъ невольно залюбовался и со вздохомъ проговорилъ:

— Этакое житіе этимъ попамъ!

— Отберуть, — сумрачно замѣтилъ писарь. — И у па... У всѣхъ отберуть.

— У папа-то отберуть? Да кто это посмѣетъ чужое добро трогать?

— И трогать не будутъ, а самъ отдашь... да. Такіе нынче мудреные народы проявились.

— А, это ты про запольскихъ нѣмцевъ да жидовъ говоришь!... Гм... Д-да-а, нар-родець!

Прежде Ключевую подъ Курьей нужно было только на лодкѣ переплывать, а теперь переѣхали въ бродъ, вода едва хватала лошади по брюхо. Писарь опять озлился и, посмотрѣвъ вверхъ по Ключевой къ Прорыву, замѣтилъ:

— Это проклятый колдунъ нашу воду копить... Вонъ какъ подперъ всю рѣку! Вотъ навязался тоже чортушка... Настоящій водяной!

Они поѣхали сначала берегомъ вверхъ, а потомъ свернули на тропу къ косцамъ. Издали уже напахнуло ароматомъ свѣже-скошенной травы. Косцы шли пробившею-

ся широкою линіей, взмахивая косами вразъ. Получался замѣчательный эффектъ: косы блестѣли на солнцѣ и по всей линіи точно вспыхивала синеватая молнія, врѣзывавшаяся въ зеленую живую стѣну высокой травы. Работа началась съ ранняго утра и нѣсколько десятинъ уже были покрыты правильными рядами свѣжей кошенины.

— А вотъ и попъ! — указаль Ермилычъ на кусты, изъ-за которыхъ поднималась струйка синяго дыма.

Попъ Макаръ скоро показался и самъ. Онъ вышелъ изъ-за кустовъ въ одной рубашкѣ и жилетѣ. Черная широкополая поповская шляпа придавала ему видъ какого-то гриба или Робинзона изъ дѣтской книжки. Разница заключалась въ тоненькой, какъ крысиный хвостъ, косицѣ, вылѣзавшей изъ-подъ шляпы.

— Поздненько на помочъ-то выѣхали, други милые, — попенялъ старикъ, здороваясь съ пріятелями.

— Иже въ девятомъ часу вышли на работу и тѣ получили ту же мзду, — отвѣтилъ Ермилычъ, понахватавшійся отъ Писанія.

— То-то вотъ очень ужъ много охотниковъ-то до мзды, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, надо ее умѣючи брать, ибо и мзда идетъ къ рукамъ.

Поповскій станъ былъ устроенъ очень уютно. Стояли три телѣги съ поднятыми оглоблями, а на нихъ раскинуть громадный пологъ. Получался импровизированный шатеръ, передъ которымъ курился какой-то сказочный «огонечекъ-малешенекъ». Подъ дымомъ стояла неизмѣнная поповская кобыла, отмахивавшаяся отъ овода ку-

цымъ, точно обгрызеннымъ хвостомъ. Въ телѣгахъ была навезена разная снѣдь и стояла цѣлая бочка домашнего квасу. Три мужика цѣдили квасъ въ деревянные ведерки и разносили по косцамъ. Попъ Макарь тревожно поглядывалъ на солнце и думалъ о томъ, управится ли дома попадья въ-время. Легко ли накормить и напоить такую ораву помочанъ. Онъ былъ совсѣмъ не радъ пріѣхавшимъ гостямъ. Не до нихъ было.

— Не въ пору гость хуже татарина, — замѣтилъ Ермилычъ, слѣзая съ лошади. — Что дѣлать, попъ, потерпи... Мы отъ тебя и не это терпимъ.

— А ты опять про Ахава нечестиваго?

— Ахавъ-то Ахавомъ, а прежде старинные люди такъ говорили: доносчику первый кнутъ... Ты это слыхивалъ?

— Ну, а потомъ? — спрашивалъ попъ, снимая свою шляпу.

— Потомъ-то?... А потомъ будемъ говорить такъ: у апостола Павла что сказано на счетъ мзды?

— Разное сказано.

— Нѣтъ, не разное, а пряменько говорится: *дѣлающему мзда не по благодати, а по долгу*, — значить, бери, а только выручи. Такъ, Флегонтъ Васильичъ?

— Ничего я не знаю отъ Писанія, — признался писарь. — Вотъ на счетъ закона, извини, могу соотвѣтствовать кому угодно.

— Другъ, тебя научили этому, во-первыхъ, ваши старыя бабы-начетчицы, — заговорилъ попъ Макарь, — а, во-вторыхъ, други, мнѣ некогда.

Попъ надѣлъ шляпу и пошелъ къ косцамъ. Это было почетное бѣгство, и Ермилычъ захохоталъ.

— Это называется милости просимъ черезъ заборъ шляпой щей хлебать,—объяснилъ писарь, разваливаясь на травѣ.

— А угощение, которымъ ворота запираютъ, дома осталось... Ха, ха! Ловко я попа донялъ... Ну, нечего дѣлать, будемъ угощаться сами, благо я съ собой захватилъ бутылочку.

Ермилычъ добылъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой, серебряный стаканчикъ, а потомъ отправился искать на возу закуски. И закуска нашлась — кочанъ соленой капусты и пшеничный пирогъ съ зеленымъ лукомъ. Лучшей закуски не могло и быть.

— Выпьемъ за здоровье Макара,—предлагалъ Ермилычъ, подавая писарю первый стаканчикъ.— Ловко онъ стрекача задалъ.

Писарь отмалчивался и все хмурился. Они прилегли къ огоньку и предались кейфу. Ермилычъ время отъ времени дрыгалъ ногами и ругалъ надоѣдавшій оводъ.

— У! Чтобы вамъ пусто было, окаяннымъ!

— Да... вообще...— думалъ писарь вслухъ.— Вотъ мы лежимъ съ тобой на травѣ, Ермилычъ... тамъ, значить, помочане орудуютъ... попъ Макарь ужъ впередъ всѣ свои барыши высчиталъ... да... Такъ еще, значить, отцами и дѣдами заведено, по старинкѣ, и вдругъ—ничего!

— Какъ ничего?

— Да такъ... Вотъ ты теперь ѣшь пирогъ съ лукомъ,

а вдругъ протянется невидимая лапа и цапъ твой пирогъ. Только и видѣлъ... Ты пасть-то раскрылъ, а пирога ужъ нѣтъ. Не понимаешь? А дѣло-то къ тому идетъ и даже весьма деликатно и просто.

Ермилычъ сѣлъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ выпилъ два стаканчика за-разъ. Очень ужъ изводилъ его писарь своимъ разговоромъ.

— Ты это все на счетъ Заполья, Флегонтъ Васильичъ, тѣнь наводишь?

— Да на счетъ всего... Ты вотъ думаешь: «далеко Заполье», а оно ужъ тутъ, у тебя подъ носомъ. Однимъ словомъ—все слопають.

— Какимъ же это манеромъ, Флегонтъ Васильичъ?

— А даже очень просто... Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ. Мы-то тутъ дураками печатными сидимъ, да мухъ ловимъ, а они орудуютъ. Взять хотъ Михея Зотыча... Съ него вся музыка-то началась. Помнишь, какъ онъ объявился въ Суслонѣ въ первый разъ? Бродяга не бродяга, юродивый не юродивый, а около того... Промежду прочимъ, оказалъ себя поумнѣе всѣхъ. Не даромъ онъ тогда всѣхъ насъ дурачками навеличивалъ и прибаутки свои наговаривалъ. Оно и вышло, какъ по писаному: прямые дурачки. Разъ такой Суслонъ-то былъ тогда?

— Тебѣ же лучше, Флегонтъ Васильичъ... И народъ умножился, и ремесло всякое. По зимѣ-то народъ у васъ, какъ вода въ котлѣ кипитъ.

— Глупъ ты, Ермилычъ, свыше всякой мѣры... У тебя вотъ Михей-то Зотычъ сперва-на-перво пшеницу отобралъ, а потомъ Стабровскій рожъ уведеть.

— Всѣмъ хватить, Флегонтъ Васильичъ.

— Опять ты глупъ... Раньше-то ты самъ цѣну ставилъ на хлѣбъ, а теперь будешь покупать по чужой цѣнѣ. Понялъ теперь? Да еще сейчасъ вамъ, мелкотравчатымъ мельникамъ, повадку даютъ, а послѣ-то всѣхъ въ одинъ узелъ завяжутъ... да... А ты сидишь, да моргаешь... «Хорошо», говоришь. Ужъ на что лучше... да... Ну, да это пустяки, ежели сурьезно разобрать. Дураковъ учать и плакать не велятъ... Похожи есть патреты. Вотъ какъ нашего брата выучать!

Для Ермилыча было много непонятнаго въ этихъ странныхъ рѣчахъ, хотя онъ и привыкъ подчиняться авторитету суслонскаго писаря и вѣрилъ ему просто изъ вѣжливости. Развѣ можно не повѣрить такому-то человѣку, который всякій законъ можетъ разсудить?

— И это еще ничего, Ермилычъ, — ну, отобрали у тебя пшеницу, отобрали рожь... Ничего, говорю. А тутъ они вредную самую штуку удумали... Слышалъ про банкъ-то? Это ужъ настоящая музыка. Теперь у меня, напримѣрно, три тыщи капитала. Государственный банкъ даетъ пять процентовъ. Такъ? А они сейчасъ: бери девять. Лестно тебѣ это или нѣтъ? Конечно, лестно... А они этотъ же самый капиталъ въ оборотъ пустятъ по двадцать четыре процента... Это какъ по-твоему? Силища неочерпаемая. Мнѣ это милые зятя объяснили, Галактіонъ да Карла. Вотъ какое дѣло выходить... Всѣхъ заберутъ въ лапы, Ермилычъ, какъ пить дадутъ.

Вмѣсто отвѣта, Ермилычъ упалъ на траву и удушливо захохоталъ.

— Да ты что ржешь-то, свинья?—озлился писарь.

— Удивилъ!... Ха, ха!... Флегонтъ Васильичъ, отецъ родной, удивилъ! А я-то всего беру сто на сто процентовъ... Меньше ни-ни! Дѣло любовное: хочешь—не хочешь. Кто шубу принесетъ въ закладъ, кто телѣгу, кто снасть какую-нибудь... Деньги деньгами, да еще отработай... И еще благодарятъ. Понялъ?

Писарь опѣшилъ. Онъ слыхалъ, что Ермилычъ сеужаетъ подъ заклады, но не зналъ, что это уже цѣлое дѣло. И кому въ башку придетъ: какой-то дуракъ мельникъ... Въ концѣ-концовъ, писарь даже обидѣлся, потому что, очевидно, въ дуракахъ оказался одинъ онъ.

II.

Этотъ разговоръ съ Ермилычемъ засѣлъ у писаря въ головѣ клиномъ. Вотъ тебѣ и банкъ!... Ай да Ермилычъ, ловко! Въ Запольѣ свою линію ведутъ, а Ермилычъ свои узоры рисуетъ. Да, штучка тепленькая, коли на то пошло. Писарю даже сдѣлалось смѣшно, когда онъ припомнилъ родственника Карлу, мечтавшаго о своемъ кусочкѣ хлѣба съ масломъ. Тутъ ужъ дѣло пахло не кусочкомъ и не масломъ.

Выпившій почти всю водку Ермилычъ тутъ же и заснулъ, а писарь дождался попа Макара, который пришелъ съ покоса усталый, потный и казавшійся еще меньше, какъ цыпленокъ, нечаянно попавшій въ воду.

— Ну, слава Богу, покончили, — проговорилъ онъ, припадая запекшимися губами къ ведру съ квасомъ. — И по домамъ пора.

— Что же ты насъ-то съ Ермилычемъ не пригласишь въ гости? — обидѣлся писарь, наблюдая попа Макара.

— Чего васъ звать? Сами прїѣдете.

— Все-таки, въ церковь ходять по звону, а въ гости по зову.

— Ну, коли такъ, такъ милости просимъ.

— Значить, ходите почаще мимо, безъ васъ веселѣе?... Попъ, не гордись... Въ нѣкоторое время и мы съ Ермилычемъ можемъ пригодиться.

— Послушай, да что ты ко мнѣ-то привязался, сѣра горячая? — озлился о. Макарь.

— Ну, ладно, ладно... И такъ прїѣдемъ.

Солнце еще не сѣло, когда помочане веселою гурьбой тронулись съ покоса. Это было цѣлое войско, а закинутая на плечи косы блестѣли какъ штыки. Кто-то затащилъ пѣсню, кто-то подхватилъ, и она полилась какъ рѣка, выступившая въ половодье изъ своихъ береговъ. Суслонцы всегда возвращались съ помочей съ пѣснями, — такъ ужъ велось изстари.

Попъ Макарь уѣхалъ раньше, чтобы встрѣтить помочанъ у себя въ домѣ, а писарь съ Ермилычемъ возвращались прежнею дорогой. Писарь еще разъ любовался поповскими лугами, отъ которыхъ поднимался тяжелый аромать свѣже-скошенной травы.

— Эхъ, хорошо! — вслухъ думалъ писарь, приглядывая поемный лугъ изъ-подъ руки. — Неужто же *они* и это слопають?

Мысль была обидная и разстраивала писаря, хотя, благодаря разговору съ Ермилычемъ, у него явилась сла-

бая надежда на что-то лучшее, на возможность какого-то выхода. Да, еще не все пропало. Писарскій носъ чуялъ какую-то поживу, хотя форма этой поживы еще и не опредѣлилась ясно. Потомъ ему дѣлалось обидно, что другіе малыгинскіе зятя всѣ зажили по-новому, кончая Галактіономъ, и только онъ одинъ остался точно за штатомъ. Конечно, обидно, потому что чѣмъ онъ хуже этихъ другихъ прочихъ? Почище еще будетъ, только дай срокъ развернуться. Тоже родня называется: хоть бы чѣмъ-нибудь поманили для начала. Писарство уже надоѣло Замараеву, да и времена наступали трудныя. Неизвѣстно, кого еще назначать вмѣсто Полуянова, а новая метла всегда чисто начинаетъ мести. Привыкай-ка къ новому начальству, да подлаживайся.

— Эхъ, жисть каторжная! — вздыхалъ Замараевъ, вспоминая Полуянова. — И дернуло тогда попа... Лучше бы, кажется, своими деньгами тогда откупиться.

Вообще, какъ ни поверни — скверно. Придется еще по волости отсчитываться за десять лѣтъ, — грѣха не оберешься. Прежде-то все сходило, какъ по маслу, а нынче еще неизвѣстно, на кого попадешь. Вотъ то ли дѣло Ермилычу: самъ — большой, самъ — маленькій и никого знать не хочетъ.

Первый, кто встрѣтилъ писаря и Ермилыча въ поповскомъ домѣ, былъ Вахрушка.

— Ты, крупа, по какой-такой причинѣ объявился здѣсь? — сердито спросилъ его писарь, все еще имѣвшій на старика «зубъ».

— А ужь такъ, Флегонтъ Васильчъ, — довольно

смѣло отвѣтилъ Вахрушка, вытягиваясь по-солдатски. — Буды добрые люди, туды и мы.

— Видно, въ Прорывѣ на счетъ водки плохо? — подсмѣивался Ермилычъ.

— Какая тамъ водка! И въ заведеніи этого составу нѣтъ. Въ томъ родѣ, какъ монастырское положенье.

— Колдунами живете, — ругался писарь. — Только добрыхъ людей морочите.

— Плохая наша ворожба, Флегонтъ Васильичъ. Михай-то Зотычъ того, разнемогся, въ лежку лежитъ. Того гляди, сканутится. А у меня та причина, что ежели онъ помретъ, такъ жалованье мое все пропадетъ. Денегъ-то я еще и не видывалъ отъ него, а ужъ второй годъ живу.

— Такъ тебѣ и надо, старому чорту! Зачѣмъ службу настоящую бросилъ? Вотъ теперь и поглядывай, какъ лиса въ кувшинъ.

— Ужъ какъ Господь пошлетъ, а я только объ одномъ молюсь, какъ бы я съ него лишняго не взялъ... да. Вотъ теперь попадѣкъ пришелъ помогать столы ставить.

Вахрушка не сказалъ главнаго: Михай Зотычъ самъ отправилъ его въ Суслонъ, потому что ждалъ какого-то раскольниковъ старца, а Вахрушка, пожалуй, еще табачище свой запалить. Старику все это казалось обиднымъ, и онъ съ горя отправился къ попу Макару, благо помочь подвернулась. Въ самый разъ дѣло подошло: и попадѣкъ подсобить, и водочки съ помочанами выпить. Конечно, непріятно было встрѣчаться съ писаремъ, но ничего не подѣлаешь. Все равно — отъ писаря никуда не уйдешь. Ужъ онъ на днѣ морскомъ сыщеть.

А въ поповскомъ домѣ съ ранняго утра шло настоящее столпотвореніе. Сколько было нужно всего заготовить, чтобы накормить и напоить такую ораву помочанъ! Рябая и толстая попадья Луковна (сокращенное отъ Лукинична) сбилась съ ногъ, несмотря на помощь писарихи Анны Харитоновны. Она обливалась потомъ и бѣгала на погребъ, чтобы перевести духъ и хлебнуть холодненькаго домашняго пивца. Попадья была строга и держала мужа въ ежевыхъ рукавицахъ, а тутъ распинайся для всѣхъ какъ каторжная. Кромѣ писарихи, ей помогала еще одна, совсѣмъ новая женщина въ Суслонѣ, не имѣвшая оффиціального положенія: это была Арина Матвѣевна, сожительница Емельяна. Она недавно пріѣхала и проживала въ Суслонѣ, не смѣя показать носу на мельницу. Высокая и красивая, она всѣмъ понравилась, и попадья принимала ее, какъ будущую жену Емельяна.

— Вотъ помретъ старикъ, тогда Емельянъ и приметъ законъ,—говорила попадья съ увѣренностью опытнаго въ такихъ дѣлахъ человѣка.—Что дѣлать, нашей сестрѣ приходится вотъ какъ терпѣть... И въ законѣ терпѣть, и безъ закона.

Арина Матвѣевна каждый разъ такъ хорошо смущалась отъ такихъ разговоровъ, и попадья ее жалѣла. Хорошо ужъ очень застыдится бабочка. Сейчасъ Арина Матвѣевна старалась услужить попадѣ, чтобы хоть этимъ отплатить ей за доброту.

Появленіе Вахрушки обрадовало попадью больше всего.

— Все-таки мужчинка, хоть и старо мѣсто,—откро-

венно объяснила она. — Бабы-то умаялись безъ тебя, Вахрушка... Скудельный сосудъ.

— Ужь постараемся, попадья, — заявилъ Вахрушка. — Старый конь борозды не портить.

— А ты бы по первоначалу хлебнулъ пивца холодненькаго, Вахрушка. Кощей-то заморилъ тебя.

— Охъ, заморилъ!

Помощь Вахрушки дала сейчасъ же самые благодѣтельные результаты. Онъ кричалъ на бабъ, ставившихъ столы во дворѣ, чуть не сшибъ съ ногъ два раза попадью, придавилъ лапу поповскому коту, обругалъ поповскую стряпуху, — однимъ словомъ, старался. Писаря и мельника онъ встрѣчалъ съ внутреннимъ озлобленіемъ, какъ непрошенныхъ гостей.

— Вотъ чортъ принесъ! — жаловался онъ понадѣ. — Не нашли другаго время, а еще мы, да мы... и всякое обращеніе понимаемъ. Лѣзуть не знамо куда.

— Попъ и то жалился на нихъ, — по секрету сообщила попадья. — Наѣхали, говорить, на покось и учили меня ругать за исправника.

Впрочемъ, незваные гости ушли въ огородъ, гдѣ у попа была устроена подъ черемухами бесѣдка, и тамъ расположились сами по себѣ. Ермилычъ выкралъ у зазѣвавшейся стряпухи самоваръ и самъ поставилъ его.

— На вольномъ-то воздухѣ вотъ какъ чайку изопьемъ, — говорилъ онъ, раздувая самоваръ. — Еще спасибо попъ-то скажетъ. Дамовъ нашихъ буду отпаивать чаемъ, а то вонъ попадья высуня языкъ бѣгаетъ.

Писарь улегся на траву и ничего не говорилъ. Онъ

былъ поглощенъ какою-то тайною мыслью и только угнетенно вздыхалъ.

Поповскій домъ теперь походилъ на крѣпость, занятую непріателемъ. Пока ужинали, дѣло еще шло ничего, а потомъ началась уже настоящая попойка. Одной водки было выставлено шесть ведеръ, не считая домашняго пива. Глухой сдержанный говоръ во время ѣды быстро смѣнялся пьянымъ галдѣньемъ, крикомъ и пѣснями. Скоро уже ничего нельзя было различить и каждый орудовалъ въ свою голову. Откуда-то явилась балалайка, и подъ ея треньканье поднялась ожесточенная пляска. Мужики галдѣли, бабы визжали, и стонала, кажется, сама земля отъ этого пьянаго веселья. Писарь прислушивался къ гомонившей помочи и только покачивалъ головой. Ну, пусть порадуются на послѣдкахъ, а тамъ ужъ что Богъ дастъ. Конечно, темный народъ и ничего не понимаетъ. Мысль о томъ, что все отберуть, засѣла клиномъ въ крѣпкую писарскую голову. Ермилычъ легкомысленно занять былъ настоящимъ и постоянно бѣгалъ къ помочанамъ, гдѣ и успѣлъ порядочно выпить. Въ послѣдній разъ онъ вернулся въ сопровожденіи писарихи и Арины Матвѣевны.

— Испейте чайку, мадамы, а то безъ заднихъ ногъ останетесь.

Послѣднимъ пришелъ въ садикъ попъ Макарь, не могшій отъ усталости даже говорить, а попадю Луковну привели подъ руки.

— Охъ, моченьки не стало! — жаловалась старушка. — До смертыньки умаялась. И кто эти только придумалъ помочи!

— А вы наливочки, матушка, — предлагалъ Ерми-
лычъ. — Весь устатокъ какъ рукой сниметь. Эй, Вахруш-
ка, съорудуй на счетъ наливки!

— Слушаю-сь! — отвѣтилъ голосъ Вахрушки неиз-
вѣстно откуда.

Спускалась уже безмолвная лѣтняя ночь. Помочане
разбрелись уже по своимъ домамъ. Только издали доноси-
лись обрывки пьяныхъ пѣсенъ, да на Ключевой гоготали
сторожившіеся гуси. Попъ увелъ Ермилыча въ горницы,
а писарь заснулъ на травѣ подъ шумокъ разговоровъ
въ бесѣдкѣ. Когда онъ проснулся, было уже совершенно
темно и только изъ бесѣдки доносился голосъ попадьи,
разсказывавшей что-то безконечное. Писарь прислушал-
ся. Рѣчь шла о Галактіонѣ и разныхъ запольскихъ дѣ-
лахъ. Изрѣдка вставляли свое словечко Анна и Арина
Матвѣевна. Оказалось, что суслонскія дамы отлично знали
рѣшительно все, что дѣлалось въ Запольѣ, всю подногот-
ную: и про Бубниху, съ которой запутался Галактіонъ,
и про адвоката Мышникова, усадившаго Полуянова въ
острогъ изъ-за Харитины, и про бубновскій конкурсъ, и
про банкъ и т. д.

— Вотъ такъ бабы! — изумлялся писарь, протирая
глаза. — Откуда только онѣ все вызнали?

— Серафима-то Харитоновна всѣ глаза проплакала, —
разсказывала попадьа тягучимъ речитативомъ. — Бьетъ
онъ ее, Галактіонъ-то. Извѣстно, озвѣрѣлъ человѣкъ.
Слышь, Анѳуса-то Гавриловна сколько разовъ наѣзжала къ
Галактіону, уговаривала и тоже плакала. Молчить Галак-
тіонъ, какъ цень, а какъ теща уѣхала — онъ опять за свое.

— Гордилась Серафима мужемъ, — объясняла Анна. — Вотъ и плачется. За гордость Господь наказалъ.

— И это бываетъ, — согласилась Арина Матвѣевна съ тяжелымъ вздохомъ. — А то, можетъ, Бубниха-то чѣмъ ни на есть испортила Галактіона. Сперва своего мужа уходила, а теперь принялась за чужого.

— Убить ее мало, подлячку. Прежде такихъ-то въ воду бросали.

Потомъ женщины начали говорить шепотомъ. Слышался сдержанный смѣхъ. Часто упоминалось имя Харитины.

«Ахъ, проклятыя бабы! — началъ сердиться писарь. — Это имъ попъ Макарь навозить новостей изъ Заполья да пьяный Карла болтаетъ. Этakое зѣлье эти самыя бабы! До всего-то имъ дѣло».

Дальше писарь узналъ, какъ богато живетъ Стабровский и какіе порядки заведены у него въ домѣ. Всѣ женщины отъ души жалѣли Устиньку Луковникову, отецъ которой сошелъ съ ума и отдалъ дочь полякамъ.

— Изведутъ дѣвку въ конецъ, — говорила попадья. — Сама полячкой сдѣлается, а полячки — злыя-презлыя. Такъ и шипятъ, какъ змѣи подколенные.

— У Стабровскихъ агличанка всѣмъ дѣломъ править, — объясняла Анна, — тоже, говорятъ, злющая. Ужъ такія теперь дѣла пошли въ Запольѣ, что и ума не приложить. Всѣ умиѣе да мудренѣе хотятъ быть.

Закончилась эта интимная бесѣда своими домашними дѣлами, при чемъ досталось на орѣхи суслонскимъ мужьямъ.

— Ну, наши-то совсѣмъ еще ничего не понимаютъ, — говорила попадья. — Да оно и лучше.

— Куда имъ! — смѣялась Анна. — Въ трехъ соснахъ заблудятся!

Это ужь окончательно взбѣсило писаря. Бабы, и тѣ понимаютъ, что попрежнему жить нельзя. Было время, да отошло... да... У него опять заходилъ въ головѣ давешній разговоръ съ Ермилычемъ. Вѣдь, вотъ, человѣкъ удумалъ штуку. И какъ еще ловко подвелъ. Самъ же и смѣется надъ городскимъ банкомъ. Вдругъ писаря осѣнила мысль. А что, если самому на манеръ Ермилыча, да не здѣсь, а въ городѣ? Писарь даже сѣлъ, точно его кто ударилъ, а потомъ громко засмѣялся.

— Ай, батюшка, кто тутъ крещеный? — всполошилась попадья. — Никакъ посторонній мужчина... ай!

А писарь все хохоталъ и, погрозивъ кому-то кулакомъ, проговорилъ:

— Вотъ я вамъ пок-кажу, прохвосты!

Когда писарь вошелъ въ поповскую горницу, тамъ сидѣлъ у стола, схватившись за голову, Галактіонъ. Противъ него сидѣли о. Макаръ и Ермилычъ и молча смотрѣли на него. Завидѣвъ писаря, Ермилычъ молча показалъ глазами на гостя: дескать, человѣкъ не въ себѣ.

III.

Галактіонъ попалъ въ Суслонъ совершенно случайно. Онъ съ Штоффомъ отправился на новый винокуренный заводъ Стабровскаго, совсѣмъ уже готовый къ откры-

тію; и здѣсь услыхалъ, что отецъ боленъ. Прямо на мельницу въ Прорывъ онъ не поѣхалъ, а остановился въ Суслонѣ у писаря. Отца онъ не видалъ уже около года и боялся встрѣчи съ нимъ. Къ отцу у Галактіона еще сохранилось какое-то дѣтское чувство страха, хотя сейчасъ онъ совершенно не зависѣлъ отъ него.

Изъ поповскаго дома писарь и Галактіонъ скоро ушли домой. Оба были разстроены, каждый по-своему, и молчали. Первымъ нарушилъ молчаніе писарь, заговорившій съ какимъ-то озлобленіемъ:

— Наладили заводъ Стабровскому? Карла сказывалъ, что годовой выходъ на двѣсти тысячъ ведеръ чистаго спирта. Вотъ ахнеть такое заведеніе, такъ всѣ наскрозь пропьемся. Только кто и вылокаетъ такую прорву винища.

— Простъ ты, Флегонтъ Васильичъ, и ничего не понимаешь въ такихъ дѣлахъ.

— Простъ, да про себя, Галактіонъ Михеичъ. Даже весьма понимаемъ. Ежели Стабровскій только по двугривенному получить съ каждаго ведра чистаго барыша, и то составить сумму... да. Сорокъ тысячъ голенькихъ въ годъ. Заводъ-то стоить всего тысячъ полтора, — ну, дивидендъ настоящій. Мы все, братецъ, тоже по-своему-то разсчитали и дѣло вотъ какъ понимаемъ... да. Конечно, у Стабровскаго капиталъ, и всѣ для него стараются.

Галактіонъ засмѣялся наивности писаря.

— А если, Флегонтъ Васильичъ, Стабровскій и не будетъ курить вино на своемъ заводѣ, а дивидендъ получить такой-же?

Писарь только захлопалъ глазами, пораженный такою неожиданностью, а потомъ обидѣлся.

— Ты меня и впрямь за дурака считаешь, Галактіонъ Михеичъ.

— Нѣтъ, вѣрно! Ты слыхалъ про винокуренные заводы Прохорова и К^о? Тамъ дѣло миллионное, твердое, поставленное. На три губерніи работаетъ и каждый уголокъ у нихъ обнюханъ. Просунься-ка къ нимъ: задавать. Такъ?

— Ужъ это что говорить. Силища, извѣстно.

— Маленькіе заводишки Прохоровъ еще терпитъ: ну, подыши. Да и неловко цѣлую округу сцанать. Для счету и оставляютъ такіе заводишки, какъ у Бубнова. А Стабровский - то серьезный конкурентъ и съ нимъ расчеты другіе.

— Рѣзаться будутъ до зла-горя, пока котораго-нибудь не разорвутъ.

Галактіонъ опять засмѣялся и проговорилъ другимъ тономъ:

— Вотъ что, Флегонтъ Васильичъ, ты мужикъ умный и не проболтаешься. Этого еще никто не знаетъ, кромѣ меня. И самому Стабровскому никогда бы не придумать. А есть тутъ необыкновеннаго ума жидъ Ечкинъ. Его штука. Никто этого не знаетъ, даже Штоффъ, а я сообразилъ, когда по дѣламъ бубновскаго конкурса ѣздилъ на прохоровскіе заводы. Ахъ, уменъ Ечкинъ! Ему министромъ быть. Видишь, какая тутъ штука: Прохоровъ забралъ силу, а Ечкинъ и высчиталъ, что его можно поджать, и даже очень. Расчетъ въ хлѣбномъ

рынкѣ и въ провозной платѣ. Если поставить заводъ ближе къ хлѣбу, такъ у каждаго пуда можно натянуть двѣ-три копѣйки—вотъ тебѣ разъ, а второе, везти сырой хлѣбъ или спиртъ—тоже три-четыре копѣйки барыша... да... Вотъ ужъ тебѣ тысячъ пятнадцать-двадцать Стабровскій имѣетъ за здорово живешь и можетъ выдерживать конкуренцію. Такъ? Теперь какой расчетъ у Прохорова затягивать себѣ петлю на шею? Ечкинъ и придумалъ. Я это только одинъ понимаю, и ты молчи до поры. Онъ устроить такъ, что Стабровскій будетъ получать съ Прохорова отступную побольше сорока-то тысячъ. Обоимъ будетъ выгодно. А чуть Прохоровъ на дыбы, Стабровскій заводъ пустить. Понялъ теперь?

Писарь сѣлъ и смотрѣлъ на Галактіона восторженными глазами. Господи, какіе умные люди бываютъ на бѣломъ свѣтѣ! Потомъ писарю сдѣлалось вдругъ страшно: Господи, какъ же простецамъ-то жить? Онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ, глупымъ, несчастнымъ.

— А мы-то! — проговорилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ и только махнулъ рукой. — Однимъ словомъ, родимая мамынька, зачѣмъ ты только на свѣтъ родила раба Божія Флегонта? Какъ же намъ-то жить, Галактіонъ Михеичъ? Вѣдь, этакъ и впрямь слопаютъ, со всѣмъ потрохомъ.

— Ничего, поживемъ. На всякую загадку есть своя отгадка.

Писаря охватила жажда подѣлиться мучившею его мыслью. Откровенность Галактіона подзадорила его. Онъ началъ разговоръ издалека, съ поповской помочи, когда съ Ермилычемъ пилъ водку на покосѣ.

— Какъ это онъ мнѣ сказалъ про свой-то банкъ, значить, Ермилычъ, меня точно осѣнило. А возьму, напримерно, я, да и открою ссудную кассу въ Запольѣ, какъ ты полагаешь? Деньжонокъ у меня скоплено тысячъ за десять, вотъ рухлядишку по боку,—ну, близко къ двадцати набѣжить. Есть другіе мелкіе народы, которые прячутъ деньжонки по подпольямъ... да. Однимъ словомъ, оборочусь.

— Грязное дѣло, Флегонтъ Васильичъ. Бѣдноту да голь обирать.

— Ахъ, какой ты! Съ богатыхъ-то вы все оберете, а намъ ужъ голенькіе остались. Только бы на ноги встать, вотъ главная причина. У тебя вонъ пароходы въ башкѣ плаваютъ, а мы по сухому берегу съ молитвой будемъ ходить. Только бы мало-мало въ люди выбратъся, чтобы передъ другими не стыдно было. Надоѣло ужъ подъ начальствомъ сидѣть, а при своемъ дѣлѣ самъ—большой, самъ—маленькій. Такъ я говорю?

— Нечистое дѣло, Флегонтъ Васильичъ.

— Э, деньги одинаковы! Только бы нажить. Вѣдь, много ли мнѣ нужно, Галактіонъ Михеичъ? Я да жена—и все тутъ. А безъ дѣла обидно сидѣть, потому какъ чувствую призваніе. А деньги будутъ, можно и на церковь пожертвовать, и слѣпую богадѣльню устроить, мало ли что!

— Что же, начинай.

— Одобряешь, значить?

У Галактіона вдругъ сдѣлалось скучное лицо, и онъ

нахмурился. Писарь понялъ, откуда нанесло тучу, и разсказаль, что давеча болтала попадья съ гостями.

— Откуда только визнають эти бабы! — удивлялся писарь и, хлопнувъ Галактіона по плечу, прибавилъ: — А ты не сумлѣвайся. Безъ стыда лица не износишь, какъ сказывали старинные люди, а перемелется — мука будетъ.

— Нечего сказать, хороша мука. Удивительное это дѣло, Флегонтъ Васильичъ: пока хорошо съ женой жилъ — все въ черномъ тѣлѣ состоялъ, а тутъ какъ ошибочку сдѣлалъ — точно дверь распахнулъ. Даромъ деньги получаю. А жену жалъ, и ребятишекъ. Несчастный я человекъ... себѣ не радъ съ деньгами.

— Силѣмъ женили — съ нихъ и взыскъ.

— Ничего я не знаю, а только сердце горить. Вотъ къ отцу пойду, а самъ волкъ волкомъ. Ужь до него тоже пали разные слухи, начнетъ выговаривать. Эхъ, пропадай все пропадомъ!

Этотъ случайный разговоръ съ писаремъ подѣйствовалъ на Галактіона успокоивающимъ образомъ. Кажется, ничего особеннаго не было сказано, а какъ-то легче на душѣ. Именно въ такомъ настроеніи онъ поѣхалъ на другой день утромъ къ отцу. По дорогѣ встрѣтился Емельянь.

— А, здравствуй, Емельянь! Ну, какъ поживаете?

— Да ничего, — замѣтилъ Емельянь и замялся. — Ты бы того, Галактіонъ, повременилъ, а то у родителя этотъ старецъ сидить.

— Ну, и пусть сидить... Авось, не съѣдимъ другъ друга.

Галактіонъ какъ-то чутьемъ понялъ, что Емельянъ ѣдетъ съ мельницы украдомъ, чтобы повидаться съ женой, и ему сдѣлалось жаль брата. Вся у нихъ семья какая-то такая, точно всѣ спрячутся другъ отъ друга.

— До свиданія,—проговорилъ Емельянъ, видимо вырвавшийся на минутку.—Увидимся на мельницѣ.

— Ладно, пріѣзжай.

Галактіонъ давно собирался къ отцу, но все откладывалъ, а сегодня ѣхалъ совершенно спокойно. Чему быть, того не миновать.

Михей Зотычъ лежалъ у себя въ горницѣ на старой деревянной кровати, покрытой войлокомъ. Онъ сильно похудѣлъ, измѣнился, а главное—точно весь выцвѣлъ. Въ лицѣ не было ни кровинки. Даже носъ заострился, и глаза казались больше.

— А, вспомнилъ отца!—заговорилъ онъ равнодушно, когда Галактіонъ вошелъ.

— Случайно узналъ, папаша, что вы больны. Отчего вы мнѣ ничего не написали? Я сейчасъ же пріѣхалъ бы...

— Что писать - то, милый сынъ? Какой я писатель? Вотъ смерть приходила... да. Собрался было совсѣмъ помирать, да, видно, еще отсрочка вышла. Охъ, грѣхи наши тяжкіе!

— Прежде смерти никто не помретъ,—отвѣтилъ изъ угла старецъ, котораго Галактіонъ сейчасъ только замѣтилъ.—А касаясь грѣховъ, это ты вѣрно, Михей Зотычъ. Пора міръ-то бросать, а о душѣ тягчать.

Это былъ тотъ самый старецъ, который былъ у Галак-

тіона съ увѣщаніемъ. Галактіонъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ его.

— Охъ, пора!—стоналъ Михей Зотычъ, тяжело повертываясь на своемъ жесткомъ ложѣ.—Много грѣховъ, старче... Вотъ какъ мышъ въ муку заберется, такъ и я въ грѣхахъ.

— Не за себя одного дашь отвѣтъ,—отозвался сердито старецъ.—Говорю: пора... Спихватишься, да какъ бы не опоздать. Мірское у тебя на умѣ.

Старецъ разсердился безъ всякой причины и вышелъ, хлопнувъ дверью. Михей Зотычъ закрылъ глаза и улыбнулся.

— Въ скиты меня тащатъ—заговорилъ онъ,—да... Оно и пора бы, ежели бы... Зачѣмъ ты сюда-то пріѣхалъ, Галактіонъ?

— На заводѣ былъ у Стабровскаго, папаша. По пути и сюда завернулъ.

— Нанялся къ Стабровскому въ подрушныя?

— Нѣтъ, я такъ... У меня свое дѣло.

— Хорошее дѣло, сыночекъ.

— Какое ужъ есть... Не помирать же съ голоду.

— Отцу не хотѣлъ служить, а бѣсу служишь. Ну, да это твое дѣло... Самъ не маленькій и правую руку отъ лѣвой отличишь.

Галактіонъ замеръ, ожидая, что отецъ начнетъ выговаривать ему относительно жены, но Михей Зотычъ закрылъ глаза и опять улыбнулся.

— Думалъ: помру,—думалъ онъ вслухъ.—Тяжело душенькѣ съ грѣшнымъ тѣломъ разставаться... Охъ, тя-

жело! Ну, лежу и думаю: только, вѣдь, еще жить началъ... Раньше-то въ египетской работѣ состоялъ, а тутъ на себя... да...

Съ трудомъ облокотившись на подушку, старикъ прибавилъ другимъ голосомъ:

— А я два мѣста подь мельницы арендовалъ, Галактіонъ. Одно-то на Ключевой, пониже Ермилыча, а другое на притока.

— Для чего же тебѣ еще двѣ мельницы?

— Ну, ужь это не твое дѣло.

— Что же, я могу составить тебѣ планы и смѣты, а выстроите и безъ меня. У меня своего дѣла по горло.

Старикъ посмотрѣлъ на сына прищуренными глазами, какъ дѣлалъ, когда сердился, но сдержалъ себя и проговорилъ дѣловитымъ тономъ:

— Сами управимся, Богъ дастъ... а ты только плантъ наведи. Не слѣдовало бы тебѣ по-настоящему такъ съ отцомъ разговаривать, — ну, да ужь Богъ съ тобой... Яйца умнѣ курицы по нынѣшнимъ временамъ.

Галактіонъ провелъ цѣлый день у отца. Все время шелъ дѣловой разговоръ. Михей Зотычъ не выдалъ себя ни однимъ словомъ, что знаетъ что-нибудь про сына. Можетъ быть, тутъ былъ свой расчетъ, можетъ быть, нежеланіе вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла, но Галактіону отецъ показался немного тронутымъ человѣкомъ. Онъ помѣшался на своихъ мельницахъ, и больше ничего знать не хотѣлъ.

Вечеромъ Галактіона поймалъ Симонъ.

— Братецъ, совсѣмъ вы забыли насъ, — жаловался

онъ. -- А мы тутъ померли отъ скуки... Емельянъ-то уѣзжаетъ по ночамъ въ Суслонъ, а я все одинъ. Хотя бы вы меня взяли къ себѣ въ Заполье, братецъ... Ужь я бы какъ старался.

— Погоди, вотъ самъ сначала устроюсь... Тебѣ Харитина кланяется.

— Станетъ она думать обо мнѣ, братецъ! На всякій случай, скажите поклончикъ, что, молъ, есть такой несчастный молодой человѣкъ, который жистъ свою готовъ за васъ отдать. Такъ и скажите, братецъ.

— Сладко ужъ очень, а я не умѣю такъ говорить, — отшучивался Галактіонъ.

Потомъ Галактіонъ съ неожиданною нѣжностью обнялъ брата и проговорилъ:

— Симонъ, бойся проклятыхъ бабъ. Всякое несчастье отъ нихъ... да. Вотъ смотри на меня и казись. У насъ ужъ такая роковая семья... Счастья нѣтъ.

Съ отцомъ Галактіонъ разстался совсѣмъ сухо, какъ чужой.

Емельянъ поѣхалъ провожать Галактіона и всю дорогу имѣлъ видъ человѣка, приготовившагося сообщить какую-то очень важную тайну. Онъ даже откашливался, кряхтѣлъ и поправлялъ воротъ ситцевой рубахи, но такъ ничего и не сказалъ. Галактіонъ все думалъ объ отцѣ и приходилъ къ заключенію, что старикъ серьезно повихнулся.

IV.

Галактіонъ отъѣхалъ уже цѣлыхъ полстанціи отъ Суслона, какъ у него вдругъ явилось страстное жела-

ніе вернуться въ Прорывъ. Да, нужно было все сказать отцу.

— Поворачивай! — крикнулъ онъ ямщику такимъ голосомъ, что тотъ оглянулся. — Да живѣе!

Какое-то странное волненіе охватило Галактіона, точно онъ боялся чего-то не довезти и потерять дорогой. А потомъ эта очищающая жажда высказаться, выложить всю душу... Ему сдѣлалось даже страшно при мысли, что отецъ могъ вдругъ умереть, и онъ остался бы навсегда съ тяжестью на душѣ.

Симонъ испугался, когда увидѣлъ вернувшагося Галактіона, — у него было такое страшное лицо. Онъ еще не видалъ брата такимъ.

— Что случилось, Галактіонъ?

— Ничего... Забылъ переговорить съ отцомъ объ одномъ дѣлѣ.

Михей Зотычъ, наоборотъ, нисколько не удивился возвращенію Галактіона. Скитскій старецъ, попрежнему, сидѣлъ въ углу, и Галактіонъ обрадовался, что онъ здѣсь, какъ живой посредникъ между нимъ и отцомъ.

— Чего позабылъ? — грубо спросилъ Михей Зотычъ, улыбаясь.

— Чего забылъ? — точно рвануль Галактіонъ. — А вотъ это самое... да. Вѣдь, я домой поѣхалъ, а дома то и нѣтъ... жена постылая въ дому... родительское благословеніе, навѣки нерушимое... Вотъ я и вернулся, чтобы сказать... да... сказать. Вѣдь, всѣ знаютъ, — не скроешь. А только никто не знаетъ, что у меня вся душенька выболѣла.

— А ты всѣмъ скажи: отецъ, молъ, родной виновать,—добавилъ Михей Зотычъ съ прежнею улыбкой.— Отецъ насильно женилъ... Ну, и будешь правъ, да еще тебя-то пожалѣють, особливо которыя бабы ежели съ жиру бѣсятся. Чужіе-то люди жалостливѣе.

— Хорошо тебѣ наговаривать, родитель, да высмѣивать,—какъ-то застоналъ Галактіонъ,—да. А я вотъ и своей-то постылой жизни не радъ. Хлопочу, работаю, тороплюсь куда-то, а все это одна видимость... у самого пусто, вотъ тутъ пусто.

— Ишь, какъ ты разлакомился тамъ, въ Запольи!—засмѣялся опять Михей Зотычъ.—У васъ, вѣдь, тамъ всѣ правые и одинъ лучше другого, потому какъ ни Бога, ни чорта не знаютъ... Жида да табашники, да потворщики, да жалостливыя бабешки.

Галактіонъ вскочилъ со стула и посмотрѣлъ на отца совсѣмъ дикими глазами. О, какъ онъ сейчасъ его ненавидѣлъ, органически ненавидѣлъ вотъ за эту безжалостность, за смѣхъ, за самоувѣренность,—вѣдь, это была его собственная несчастная судьба, которая смѣялась надъ нимъ въ глаза. Потомъ у него все помутилось въ головѣ. Ему такъ много было нужно сказать отцу, а выходило совсѣмъ другое и языкъ говорилъ не то. Галактіонъ вдругъ обезсилѣлъ и безпомощно посмотрѣлъ кругомъ, точно искалъ поддержки.

— А въ Кирилловой книгѣ сказано,—отозвался изъ угла скитскій старецъ:—«Да не будемъ къ тому младенцы умомъ, скитающіеся во всякомъ вѣтрѣ ученія, во лжи

человѣческой, въ коварствѣ козней льщенія. Блюдемъ истинствующе въ любви».

— Это ежели у кого совѣсть, — добавилъ Михей Зотычъ смиреннымъ тономъ. — А у насъ злоба и ярость.

— Смѣйся, родитель. Да, смѣйся! — крикнулъ Галактіонъ. — А надъ кѣмъ смѣешься-то?

— Слышишь, старче, какъ нынче дѣтки съ родителями разговоры разговариваютъ? — обратился Михей Зотычъ къ своему гостю. — Ну, сынокъ, скажи еще что-нибудь.

— И скажу! Отъ кого плачется Серафима Харитоновна? Отъ кого домъ у меня пустуетъ? Кто заспиротилъ малыхъ дѣтушекъ при живомъ отцѣ-матери? Отъ кого мыкается по чужимъ дворамъ Емельянова жена, какъ безпастушная скотина? Вся семья врозь пошла.

— А вотъ помру, такъ всѣ поправитесь, — ядовито отвѣтилъ Михей Зотычъ, потряхнувъ головой. — Умиѣ отца будете жить. А сейчасъ-то надо бы тебя, милый сынокъ, отправить въ волость, да всыпать горячихъ штукъ полтора, да прохладить потомъ въ холодной недѣльки съ двѣ. Эй, Вахрушка!

На счастье Галактіона, Вахрушки не случилось дома, и онъ могъ убраться изъ-подъ гостепріимной родительской бровли цѣлъ и невредимъ.

— Ужо въ городъ пріѣду къ тебѣ въ гости! — крикнулъ ему вслѣдъ Михей Зотычъ, напрасно порываясь подняться. — Тамъ-то не уйдешь отъ меня... Найдемъ и на тебя управу!

Когда подъ окнами проѣхала дорожная повозка Галактіона, скитскій старецъ проговорилъ:

— А ты напрасно изводишь сына-то, Михей Зотычъ. На какомъ деревѣ птицы не сиживали, такъ и грѣхи на человѣкѣ. А бабій-то грѣхъ за порогомъ... Подурить, да домой воротится.

— А ежели я его люблю, вотъ этого самаго Галактіона? Отъ того и женилъ за благо-время и денегъ не далъ, когда въ отдѣлъ онъ пошелъ... Вѣдь, умница Галактіонъ-то, а когда въ силу войдетъ, такъ и никого бояться не будетъ. Теперь-то вонъ какъ въ немъ совѣсть ходитъ... А тутъ еще отецъ ему спуску не даетъ. Такъ-то, отче!

Всю дорогу до Заполья Галактіонъ ѣхалъ точно въ какомъ-то туманѣ. Съ отцомъ вышло какое-то дикое объясненіе, и онъ не могъ высказать того, что хотѣлъ. Свою душевную тяжесть онъ везъ обратно съ собой. Теперь у него не выходила изъ головы жена. Какая-то жгучая жа-лость охватывала его сердце, а глаза видѣли заплаканное, прежде времени старившееся лицо. Галактіону дѣлалось совѣстно за свое поведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ онъ зорилъ свой собственный домъ? Кстати, и съ Прасковьей Ивановной все кончилось такъ же быстро, какъ началось. Они не сошлись характерами. Прасковья Ивановна жаждала безусловнаго повиновенія, а Галактіонъ не умѣлъ поддаваться, да и не любилъ ее настолько, чтобы исполнять каждый женскій капризъ. Положимъ, Прасковья Ивановна была и красива, и молода, и пикантна, но это было совсѣмъ не то. Изъ-за нея для Галактіона выдвигалось постоянно другое женское лицо, ласковое и строгое, съ такими властными глазами и ка-

кою - то глубокою внутреннею полнотою. Подъ этимъ взглядомъ онъ чувствовалъ себя какъ-то и хорошо, и жутко, и спокойно, точно въ ясное солнечное лѣтнее утро, когда все кругомъ радуется. Прасковья Ивановна сама догадалась, что изъ этой связи ничего не выйдетъ, и объявила Галактіону безъ слезъ и жалобъ, дѣловымъ тономъ:

— Идите вы, Галактіонъ Михеичъ, къ женѣ... Соскучилась она безъ васъ, а мнѣ съ вами скучно. Будетъ... Какъ-никакъ, а все-таки я мужняя жена. Вотъ мужъ помретъ, такъ, можетъ, и замужъ выйду.

— За Мышникова?

— Ужъ какая судьба выпадетъ. Вотъ вы гонялись за Харитиной, а попали на меня. Значить, была одна судьба, а сейчасъ вамъ выходить другая: отъ воротъ поворотъ.

Такъ и разстались, и ни которому ни тепло, ни холодно не сдѣлалось.

Именно съ такими мыслями возвращался въ Заполье Галактіонъ и послѣднюю станцію особенно торопился. Ему хотѣлось поскорѣе увидѣть жену и дѣтей. Да, онъ соскучился о нихъ. На дѣтей въ послѣднее время онъ обращалъ совсѣмъ мало вниманія, и ему дѣлалось совѣстно. И жены совѣстно. Подъѣзжая къ городу, Галактіонъ рѣшилъ, что все расскажетъ женѣ, все до послѣдней мелочи, вымолить прощеніе и заживетъ по новому.

— Эй, ямщикъ, живѣе!

Но въ Запольѣ его ожидалъ неожиданный сюрпризъ. Дома была одна кухарка, которая и объявила, что дома никого нѣтъ.

— Какъ никого?

— Да такъ. Серафима Харитоновна забрала ребятку и увезла ихъ къ тятенькѣ. Сказала, што сюда не вернется.

Это былъ настоящій ударъ. Въ первый моментъ Галактіонъ не понялъ хорошенько всей важности случившагося. Именно этого онъ никакъ не ожидалъ отъ жены. Но опустѣвшія комнаты говорили краснорѣчивѣе живыхъ людей. Галактіона охватило озлобленное отчаяніе. Да, теперь все порвалось и навсегда. Возврата уже не было.

— Что же, самъ виновать, — вслухъ думалъ Галактіонъ. — Такъ и должно было быть... Серафимъ ничего не оставалось дѣлать, какъ уйти.

Долго Галактіонъ ходилъ по опустѣвшему гнѣзду, переживая щемящую тоску. Особенно жутко ему сдѣлалось, когда онъ вошелъ въ дѣтскую. Вотъ и забытыя игрушки, и пустыя кровати, и дѣтскіе костюмчики на стѣнѣ... Чѣмъ бѣдныя дѣтки виноваты? Галактіонъ присѣлъ къ столу съ игрушками и заплакалъ. Ему сдѣлалось страстно жалъ дѣтей. У другихъ-то все по-другому, а вотъ эти будутъ сиротами расти при отцѣ съ матерью... Нѣтъ, хуже! Ахъ, несчастныя дѣтки, несчастныя!

Много передумалъ Галактіонъ за эти часы, пока не перешелъ къ самому близкому. Да, теперь ужь, вѣроятно, цѣлый городъ знаетъ, что жена ушла отъ него. Худыя вѣсти не лежатъ на мѣстѣ. Какъ онъ теперь въ люди глаза покажетъ? Вѣдь, всѣ будутъ на него пальцами указывать. Чувство жалости къ женѣ смѣнилось теперь затаеннымъ озлобленіемъ. Да, она хотѣла устроить ему скандалъ и устроила въ полной формѣ. Хуже ничего не

могла придумать. И опять отъ этого скандала хуже будетъ все тѣмъ же несчастнымъ дѣтямъ. Если бы Серафима по-настоящему любила дѣтей, такъ никогда бы такъ не сдѣлала.

«Ну, ушла къ отцу, что же изъ этого?—раздумывалъ Галактіонъ.—Ну, будутъ дѣти расти у дѣдушки, что же тутъ хорошаго? Пьянство, безобразіе, постоянные скандалы. Ахъ, Серафима, Серафима!»

Галактіонъ дождался сумерокъ и отправился къ Малыгинымъ. Онъ ужасно боялся, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, и нарочно обошелъ самыя людныя улицы, какъ воръ, который боится собственной тѣни.

Его неожиданное появленіе въ малыгинскомъ домѣ произвело настоящій переполохъ, точно вошелъ разбойникъ. Встрѣтившая его на дворѣ стряпка Аграфена только ахнула, выронила изъ рукъ горшокъ и убѣжала въ кухню. Сама Анѳуса Гавриловна заперлась у себя въ спальнѣ. Принялъ зятя на террасѣ самъ Харитонъ Артемьичъ, бывший, по обыкновенію, на-веселѣ.

— Ну, милый зятекъ, какъ мы будемъ съ тобой разговаривать? — бормоталъ онъ, размахивая рукой. — Оно тово... да... Наградилъ Господь меня зятьками, нечего сказать. Одинъ въ тюрьмѣ сидитъ, отъ другого жена убѣжала, третій... Настоящій альбомъ! Истинно благословилъ Господь за родительскія молитвы.

— Поговоримте серьезно, Харитонъ Артемьичъ.

— Да ты съ кѣмъ разговариваешь-то, путаная голова?—неожиданно закричалъ старикъ.—Вотъ сперва свою

дочь вырасти... да. А у меня съ тобой короткій разговоръ: вонъ!

Старикъ даже затопалъ ногами и выбѣжалъ съ террасы. Галактіонъ чувствовалъ, какъ онъ весь холодѣетъ, а въ глазахъ стоитъ какая-то муть. Харитонъ Артемьичъ сбѣгалъ въ столовую, хлопнулъ рюмку водки сверхъ абонементъ и вернулся уже въ другомъ настроеніи.

— Вотъ что, Галактіонъ, неладно... да.

— Я и самъ знаю, что хорошаго ничего нѣтъ. А только вотъ дѣти.

— Ахъ, нехорошо, братъ!... И мы не безъ грѣха прожили... всячески бывало. Только оно тово... Вотъ ты вырасти свою дочь... Да, вырасти!...

Старикъ опять закричалъ и затопалъ ногами, но въ этотъ критическій моментъ явилась на выручку Анеуса Гавриловна. Она вошла съ опущенными глазами и старалась не смотрѣть на зятя.

— Иди-ка ты, отецъ, къ себѣ лучше,— проговорила старушка съ рѣшительнымъ видомъ, какого Галактіонъ не ожидалъ.—Я ужъ сама.

— Что же, я и уйду,—согласился Харитонъ Артемьичъ.—Тошно мнѣ глядѣть-то на всѣхъ васъ. Разорвалъ бы, кажется, всѣхъ. Наградилъ Господь. Что я тебѣ понастоящему-то должонъ сказать, Галактіонъ? Какія такія слова я должонъ выговаривать? Да я...

— Ну, иди, иди, Харитонъ Артемьичъ.

— И уйду. А ты, Оуса, не вѣрь ему, ни единому слову не вѣрь, потому нынѣшніе-то зятя... тьфу!

Когда Харитонъ Артемьичъ вышелъ съ террасы, на-

ступила самая томительная пауза, показавшаяся Галактіону вѣчностью. Анѳуса Гавриловна присѣла къ столу и тихо заплакала. Это было самое худшее, что только можно было придумать. У Галактіона даже заныло подъ ложечкой и вылетѣли изъ головы всѣ слова, какія онъ хотѣлъ сказать тещѣ.

— Вся надежда у меня только на тебя была, Галактіонъ, — заговорила Анѳуса Гавриловна, не вытирая слезъ, — да. А ты вотъ что придумалъ.

— Межь мужемъ и женой одинъ Богъ судья, мамаша, а вторая причина... Эхъ, да что тутъ говорить! Все равно — не поймете. Съ добромъ я ѣхалъ домой, хотѣлъ женѣ во всемъ покаяться и зажить по-новому, а она меня на весь городъ ославила. Кому хуже-то будетъ?

— Самъ же запустошилъ домъ и самъ же похваляешься. Не хорошо, Галактіонъ, а за чужія-то слезы Богъ найдетъ. Пришелъ ты, а того не понимаешь, что я и разговаривать-то съ тобой по-настоящему не могу. Я-то скажу правду, а ты со зла все на жену переведешь. Мудрено съ зятьями-то разговаривать. Вотъ выдай свою дочь, тогда и узнаешь.

Галактіонъ заходилъ по террасѣ, какъ раненый звѣрь. Потомъ онъ тряхнулъ волосами и проговорилъ:

— Вотъ что, мамаша, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Ничего больше не будетъ. У Симы я самъ выпрошу прощенье, только вы ее не растрavляйте. Не ее, а дѣтей жалѣю. И вы меня простите. Такъ ужъ вышло.

У.

Жена вернулась къ Галактіону, но этимъ дѣло не поправилось. Супруги встрѣтились затаенными врагами, прикованными на одну цѣпь. Серафима понимала одно, именно, что все это хуже того, если бъ мужъ бранилъ ее и даже билъ. Побой и брань проходятъ и забываются, а у нихъ было хуже. Галактіонъ былъ чужимъ человѣкомъ въ своемъ домѣ и говорилъ только при дѣтяхъ. Съ женой онъ не сказалъ двухъ словъ, и это молчаніе убивало ее больше всего. Она даже боялась думать о томъ, что будетъ дальше, и чувствовала себя живымъ покойникомъ. И раньше мужъ не любилъ ее по-настоящему, но жалѣлъ, и она чувствовала себя покойно. Сейчасъ Галактіонъ сидѣлъ почти безвыходно дома и все работалъ въ своей комнатѣ надъ какими-то бумагами, которыя приносилъ ему Штоффъ. Изрѣдка онъ выѣзжалъ только по дѣламъ, чаще всего къ Стабровскому.

Чужіе люди не показывались у нихъ въ домѣ, точно избѣгали зачумленного мѣста. Разъ только зашелъ «сладкій братецъ» Прасковьи Ивановны и долго о чемъ-то бесѣдовалъ съ Галактіономъ. Разговоръ происходилъ при-близительно въ такой формѣ:

— Заѣхалъ я къ вамъ, Галактіонъ Михеичъ, по этой самой опеѣ,—говорилъ Голяшкинъ, сладко жмурия глаза.—Хотя вы и отверглись отъ нея, а, между прочимъ, и мы не желаемъ тонуть одни-съ. Тонуть, такъ вмѣстѣ-съ.

— Ахъ, мнѣ все равно! — соглашался Галактіонъ.— Дѣлайте, какъ знаете!

— На манерь Ильи Оирсыча Полуянова?

— Опять-таки дѣло ваше.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки какъ будто и не-пріятно, ежели, напримѣръ, въ острогъ. Прасковья Ивановна наказали вамъ сказать, что большіе слухи ходять по городу. Конечно, зря народъ болтаетъ, а оно все-таки...

— Послушайте, мнѣ рѣшительно все равно. Понимаете?

У Голяшкина была странная манера во время разговора придвигаться къ собесѣднику все ближе и ближе, что сейчасъ какъ-то особенно волновало Галактіона. Ему просто хотѣлось выгнать этого сладкаго братца, и онъ съ большимъ трудомъ удерживался. Они стояли другъ противъ друга и смотрѣли прямо въ глаза.

— Какъ же я скажу Прасковѣ Ивановнѣ? — неожиданно спросилъ Голяшкинъ.

— А такъ и скажите, что пропадай все.

— Позвольте-съ, какъ же это такъ-съ? Прасковья Ивановна...

Галактіонъ неожиданно вспыхнулъ, затопалъ ногами и крикнулъ:

— Да что ты изъ меня жилы тянешь?... Уходи, ежели хочешь быть цѣлъ! Такъ и своей Прасковѣ Ивановнѣ скажи! Однимъ словомъ, убирайся ко всѣмъ чертямъ!

— Такъ-съ. Такъ вы вотъ какъ-съ, — бормоталъ Голяшкинъ, пятясь къ двери. — Да-съ. Очень вѣжливо...

Галактіонъ остановилъ его и, взявъ за бортъ сюртука, проговорилъ задыхавшимся голосомъ:

— Ну, чего ты боишься, сахаръ? Посмотри на себя въ зеркало: рожа прямо на подсудимую скамью просится. Всѣ тамъ будемъ. Ну, теперь доволенъ?

— Вы-то какъ знаете, Галактіонъ Михеичъ, а я несогласенъ что касаемо подсудимой скамьи. Ужъ вы меня извините, а я несогласенъ. Такъ и Прасковья Ивановна скажу. Конечно, вы во-время изъ дѣла ушли и вамъ все равно... да-съ. Что касаемо опять подсудимой скамьи, такъ отъ суммы да отъ тюрьмы не отказывайся. Это вы правильно. А Прасковья Ивановна говорить...

— Вонъ, дуракъ!

Этотъ визитъ все-таки обезпокоилъ Галактіона. Дыму безъ огня не бываетъ. По городу, благодаря полуяновскому дѣлу, ходили всевозможные слухи о разныхъ другихъ назрѣвавшихъ дѣлахъ, а въ томъ числѣ и о бубновской опекѣ. Какъ на бѣду, и всевѣдущій Штоффъ куда-то провалился. Впрочемъ, онъ скоро вернулся изъ какой-то таинственной поѣздки и пріѣхалъ къ Галактіону ночью, на огонекъ.

— У тебя былъ Голяшкинъ? — спрашивалъ нѣмецъ безъ всякихъ предисловій.

— Былъ.

— Онъ сладкій дуракъ, и больше ничего.

— Знаю. Я ему это самъ сказалъ. Все-таки знаешь...

— Э, вздоръ!... Такъ, зря болтаютъ. Я тебѣ скажу всего одно слово: Мышниковъ. Понялъ? У насъ есть адвокатъ Мышниковъ. У него, братъ, все предусмотрѣно... да. Я нарочно заѣхалъ къ тебѣ, чтобы предупредить, а то, вѣдь, какъ разъ горячку будешь пороть.

Уходя, Штоффъ пришаркнулъ своею хромою ногой, подмигнулъ и проговорилъ:

— А какая есть дѣвчурка въ Кунарѣ... пхе!...

— Ну, братъ, я этими дѣлами не занимаюсь. Отваливай.

— Да ты спятилъ съ ума, братецъ?

— Около того.

— Ты глупъ, несчастный!

— Пусть.

Галактіонъ, дѣйствительно, прервалъ всякія отношенія съ пьяною запольскою компаніей, сидѣлъ дома и бывалъ только по дѣлу у Стабровскаго. Умный полякъ долго приглядывался къ молодому мельнику и кончилъ тѣмъ, что повѣрилъ въ него. Стабровскому больше всего нравились въ Галактіонѣ его раскольникья сдержанность и простой, но здоровый русскій умъ.

— Миѣ почему-то кажется, что мы будемъ большими друзьями,—проговорилъ однажды Стабровскій, пытливо глядя на Галактіона.—Однимъ словомъ, вы будете *нашимъ* вполне.

— Благодарю, Болеславъ Брониславичъ,—только оно какъ будто и не подходитъ: вы—баринъ, а я—мужикъ.

Стабровскій только улыбнулся, взялъ Галактіона подъ руку и проговорилъ:

— Идемте завтракать.

Это простое приглашеніе, какъ Галактіонъ понялъ только впослѣдствіи, являлось своего рода посвященіемъ въ орденъ *нашихъ*. Въ официальные дни у Стабровска-

го бывалъ цѣлый городъ, а запросто бывали только самыя близкіе люди.

Завтракъ былъ простой, но Галактіону показалась жуткой царившая здѣсь чопорность, и онъ какъ то сразу возненавидѣлъ бѣлобрысую англичанку, смотрѣвшую на него, какъ на дикаря. «Этакая выдра!» — думалъ Галактіонъ, испытывая неловкое смущеніе, когда англичанка начинала смотрѣть на него своими рыбьими глазами. Зато Устинька такъ застѣнчиво и ласково улыбалась ему.

— Это тоже ваша дочь? — спросилъ Галактіонъ.

— Нѣтъ, это просто славяночка Устинька, дочь Тараса Семеныча. Она учится вмѣстѣ съ моею Дидей.

Маленькая полечка все время наблюдала гостя и, когда онъ дѣлалъ что-нибудь противъ этикета, сдержанно улыбалась и вопросительно смотрѣла на гувернантку, точно на каланчу, которая могла каждую минуту выкинуть сигналъ тревоги. Англичанка на этотъ нѣмой вопросъ поднимала свои сухія плечи и рыжія брови, а потомъ кивала головой съ граціей фарфоровой куклы, что въ переводѣ значило: мужикъ. Устинька отлично понимала этотъ нѣмой языкъ и волновалась за каждую неловкость Галактіона: онъ гремѣлъ чайною ложечкой, не умѣлъ намазать масла на хлѣбъ, рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ сандвичами. Когда Галактіонъ началъ ѣсть рыбу ножомъ, англичанка величественно поднялась и павой выплыла изъ столовой. Дидя бросилась за ней, захвативъ ротъ рукой. Но отецъ приказалъ ей вернуться и сдѣлалъ строгое лицо. Устинька сидѣла вся красная, опутивъ глаза. Она понимала, что Стабровскій дѣ-

ляется усиленно вѣжливымъ съ гостемъ, чтобы тотъ не замѣтилъ устроенной англичанкой демонстраціи. Онъ дошелъ до того, что даже самъ началъ ѣсть рыбу съ ножа. Это ужъ окончательно переломило терпѣніе Диди, — дѣвочка расхохоталась неудержимымъ дѣтскимъ хохотомъ и убѣжала въ дѣтскую, гдѣ англичанка уже укладывала свои чемоданы.

— Я попала куда-то къ самоѣдамъ... — объяснила миссъ Дудль.

Въ столовой оставались только хозяинъ, гость и Устинька.

— Славяночка, ты будешь угощать насъ кофе, — говорилъ Стабровский съ какою-то особенною польскою ласковостью.

А Галактіонъ сидѣлъ и не понималъ, въ чемъ дѣло, хотя смутно и догадывался, что проклятая англичанка уплыла не спроста. Хохоеть Диди тоже его смущалъ.

Вывелъ всѣхъ изъ неловкаго положенія докторъ Кочетовъ, который явился съ извѣстіемъ, что Бубновъ умеръ сегодня ночью.

— Самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать, — замѣтилъ Стабровский, дѣлая брезгливое движеніе, — да. Для чего такіе люди живутъ на свѣтѣ?

— И все-таки жаль, — думалъ вслухъ докторъ. — Раньше я говорилъ то же, а когда посмотрѣлъ на него мертваго... Въ послѣднее время онъ пересталъ совсѣмъ пить, хотя ужъ было поздно.

— Тутъ была какая-то темная исторія. А, впрочемъ, не наше дѣло. Развѣ можетъ быть иначе, когда все удо-

вольствіе у этихъ дикарей только въ томъ, чтобъ напиться до свинства? Культурный человѣкъ никогда не дойдетъ до такого положенія и не можетъ дойти.

Извѣстіе о смерти несчастнаго Бубнова обрадовало Галактіона: эта смерть развязывала всѣмъ руки и проклятое дѣло по опежѣ разрѣшалось само собой. У него точно гора свалилась съ плечъ.

— Дѣвочка, принесите мнѣ коньячку, — просилъ докторъ Устиньку.

Онъ, по обыкновенію, былъ спохмѣля, что являлось для него нормальнымъ состояніемъ. Устинька достала изъ буфета бутылку финь-шампань и поставила ее на столъ. Докторъ залпомъ выпилъ двѣ большихъ рюмки и сразу осовѣлъ.

— Да, былъ человѣкъ и нѣтъ человѣка, — бормоталъ онъ. — А все-таки жалъ разумное Божье созданье.

Потомъ онъ неожиданно обратился къ Галактіону и съ пьяною улыбкой проговорилъ:

— А вы, ваше степенство, небойсь, рады, да? Что же, это въ порядкѣ вещей: сегодня Бубновъ умеръ отъ купеческаго запоя, а завтра умремъ мы съ вами. *Nommo sum, nihil humanum alienum puto...*

Докторъ въ домѣ Стабровскаго былъ своимъ человѣкомъ и желаннымъ гостемъ, какъ врачъ и образованный человѣкъ. Даже миссъ Дудль благоволила къ нему, и Стабровскій любилъ подшутить надъ нею по этому поводу, когда не было дѣвочекъ. Доктору прощалось многое, чего не могли позволить никому другому. Такъ, выпивши, онъ впадалъ въ обличительное настроеніе и на-

чиналъ громить «плутократовъ». Особенно доставалось Штоффу. Стабровскій хохоталъ до слезъ, когда докторъ бывалъ въ ударѣ. Сейчасъ Штоффа не было, и докторъ сосредоточилъ свое вниманіе на Галактіонѣ.

— Ну, что, начинающій плутократъ, какъ дѣла?

— Ничего, докторъ, понемножку.

— Плutowать понемножку невыгодно. Вотъ учитесь у Болеслава Брониславича, который ловить только крупную рыбу, а мелкіе плуты кончаютъ, какъ Полуяновъ.

— Послушайте, докторъ, придти въ домъ и называть хозяина большимъ плутомъ, — заговорилъ Стабровскій, стараясь сохранить шутливый тонъ. — Это... это...

— Вы хотите сказать, что это свинство? — поправилъ докторъ. — Можетъ быть, вы хотите къ этому прибавить, что я пьяница? И въ томъ, и другомъ случаѣ вы будете правы, хотя... Я еще выпью плутократскаго коньячку.

— А потомъ опять будете насъ обличать?

— И буду, всегда буду. Вѣдь, человѣкъ, который обличаетъ другихъ, уже тѣмъ самымъ какъ бы выгораживаетъ себя и садится на отдѣльную полочку. Я васъ обличаю и самъ же служу вамъ. Это напоминаетъ собаку, которая гоняется за собственнымъ хвостомъ.

Галактіонъ только выжидалъ случая, чтобъ уйти. Завтракъ былъ конченъ, а слушать пьянаго доктора не представляло удовольствія.

— А, испугался! — провожалъ его докторъ. — Не поправилось... Хха! А вы, ваше степенство, заверните къ

Прасковѣ Ивановнѣ. Сія особа очень нуждается въ утѣшеніи... да. У ней такое серьезное горе... хха!...

Въ передней Галактіона догнала Устинька и шепнула:
— Вы никогда, никогда не ѣшьте рыбы ножомъ. Это не принято. И чайною ложкой не стучите... и хлѣбъ отламывайте маленькими кусочками, а не откусывайте прямо отъ ломтя.

— Хорошо, не буду.

Галактіонъ поднялъ дѣвочку и поцѣловаль.

— Тоже нельзя, — строго замѣтила она. — Я ужь большая.

Этотъ первый завтракъ служилъ для Галактіона чѣмъ-то въ родѣ вступительнаго экзамена. Скоро онъ почувствовалъ себя у Стабровскихъ если не своимъ, то и не чужимъ. Самъ старикъ только иногда конфузилъ его своею изысканною внимательностью. Галактіонъ все-таки относился къ магнату съ недоувѣріемъ. Ихъ окончательно сблизилъ случайный разговоръ, когда Галактіонъ высказалъ свою завѣтную мечту о пароходствѣ. Стабровскій посмотрѣлъ на него прищуренными глазами, похлопалъ по плечу и проговорилъ:

— Вотъ это я понимаю... да! Очень хорошо, молодой человѣкъ! Я и самъ объ этомъ подумываль, да одному не разорваться. Мы еще потолкуемъ объ этомъ серьезно. А вы далеко пойдете, Галактіонъ Михеичъ. Именно намъ, русскимъ, недостаетъ разумной предприимчивости.

VI.

Полуяновское дѣло двигалось впередъ, какъ комъ снѣгу, нарастая отъ собственнаго движенія. Въ первую минуту, подавленный неожиданностью всего случившагося, бывшій исправникъ повелъ свое дѣло, какъ и другіе въ его положеніи, исходя изъ принципа, что пропадать, такъ пропадать не одному, а вмѣстѣ съ другими. Результатомъ этой психологіи явился оговоръ десятковъ прикосновенныхъ такъ или иначе къ его дѣлу лицъ. Слѣдователь выбивался изъ силъ, вызывая десятки свидѣтелей. Полуяновъ торжествовалъ, что хотя этимъ путемъ могъ досадить тому обществу, которое выдавало его головой. Но черезъ полгода въ немъ произошелъ какой-то таинственный внутренній переворотъ. Онъ началъ молиться, притихъ и вообще смирился. Даже самая наружность измѣнилась: пьяный опухъ исчезъ, отросшая борода придала старческое благообразіе, даже голосъ сдѣлался другимъ. Въ одно прекрасное утро Полуяновъ признался слѣдователю, что больше половины привлеченныхъ къ дѣлу лицъ оговорилъ по злобѣ. Слѣдователь былъ огорошенъ, потому что хотъ начинай дѣло снова.

— Вы ужъ какъ тамъ знаете, а я не могу, — упрямо повторялъ Полуяновъ на всѣ увѣщанія слѣдователя. — Судите меня одного, а другіе сами про себя знаютъ... да. Моя пѣсенка спѣта, зачѣмъ же лишній грѣхъ на душу брать? Относительно себя ничего не утаю.

Странныя отношенія теперь установились у Полуянова къ женѣ. Онъ ужасно ее жалѣлъ и мучился посто-

янно мыслью о ея судьбѣ. Харитина ежедневно ѣздила въ острогъ и всячески поддерживала новое настроеніе въ мужѣ.

— Молода ты, Харитина, — съ подавленною тоской повторялъ Полуяновъ, съ отеческою нѣжностью глядя на жену. — Какой я тебѣ мужъ былъ? Такъ, одно звѣрство. Если бы тебѣ настоящаго мужа... Ну, да что объ этомъ говорить! Вотъ останешься одна, такъ тогда устраивайся ужъ по-новому.

— Перестань ты, Илья Өирсычъ... Еще неизвѣстно, кто кого переживетъ, а раньше смерти не умираютъ.

Разъ Полуяновъ долго-долго смотрѣлъ на жену и проговорилъ со слезами на глазахъ:

— За одно благодарю Бога, именно, что у насъ нѣтъ дѣтей... да. Ты только подумай, Харитина, что бы ихъ ждало впереди? Страшно подумать. Добрые люди показывали бы пальцами... Благодарю Господа за Его великую милость!

— Ты меня не любишь, Илья Өирсычъ, — говорила Харитина, краснѣя и опуская глаза; она, кажется, никогда еще не была такою красивой, какъ сейчасъ. — Всѣ желаютъ дѣтей, а ты не хочешь.

— Перестань, дурочка.

На Полуянова теперь часто находило слезливое настроеніе, что очень трогало Харитину. Ей дѣлалось жаль и себя, и мужа, и что-то такое, что не было изжито. Иногда на нее находила жажда какого-то истерическаго покаянія—броситься въ ноги мужу и каяться, каяться. Но, перебирая свою жизнь, она не находила ничего под-

ходящаго, за исключеніемъ отношеній къ Галактіону, да и здѣсь ничего серьезнаго не было, кромѣ самой обыкновенной дѣвичьей глупости. Она знала, что мужъ ей измѣнялъ на каждомъ шагу, но сама она ни разу ему не измѣнила. Впрочемъ, послѣднее могло быть каждую минуту, если бы подвернулся подходящій случай. Мысль о Галактіонѣ опять начала посѣщать Харитину, какъ она ни старалась ее отогнать. Это ее мучило и при всей жадѣ покаянія она именно этого никакъ не могла сказать мужу. Затѣмъ ее начинало злить, что онъ вернулся изъ поѣздки и не кажетъ къ ней глазъ. О разрывѣ его съ Прасковьей Ивановной она знала и поэтому не могла понять, почему онъ не хочетъ ее видѣть. Она надѣялась, что Галактіонъ обратится къ ней за помощью, чтобы помириться съ женой, но и тутъ онъ обошелся безъ нея. Онъ, вообще, не хотѣлъ ее знать, и это ее злило.

Харитинѣ доставляла какое-то жгучее наслажденіе именно эта двойственность: она льнула къ мужу и среди самыхъ трогательныхъ сценъ думала о Галактіонѣ. Она не могла бы сказать, любить его или нѣтъ, а ей просто хотѣлось думать о немъ. Если-бъ онъ пришелъ къ ней, она его приняла бы очень сухо и ни однимъ движеніемъ не выдала бы своего настроенія. О, онъ никогда не узнаетъ и не долженъ знать того позора, какой она переживала сейчасъ! И хорошо, и худо — все ея, и никому до этого дѣла нѣтъ.

Даже наканунѣ суда Харитина думала не о мужѣ, котораго завтра будутъ судить, а о Галактіонѣ. Придетъ онъ на судъ или не придетъ? Даже когда ѣхала она на

судъ, ее мучила все та же мысль о Галактіонѣ, и Харитина презирала себя, какъ соучастницу какого-то непростительнаго преступленія. И все-таки войдя въ залу суда, она искала глазами не мужа.

Судить Полуянова выѣхало отдѣленіе недавно открытаго екатеринбургскаго окружнаго суда. Это была новость. И странно, что первымъ дѣломъ для новаго суда попало по списку дѣло стараго сибирскаго исправника Полуянова. Весь городъ сбѣжался смотрѣть на новый судъ и стараго грѣшника, такъ что не хватало мѣста и для десятой доли желающихъ. Всѣхъ больше набралось своей братьи—купцовъ. Полуяновъ занялъ скамью подсудимыхъ съ достоинствомъ, какъ человѣкъ, который уже впередъ пережилъ самое худшее. Это настроеніе измѣнило ему только тогда, когда онъ узналъ въ публикѣ лицо жены. Онъ какъ-то весь съежился и точно сдѣлался меньше. Онъ не чувствовалъ на себѣ теперь жаднаго вниманія толпы, а видѣлъ только ее одну, цвѣтущую, молодую, жизнерадостную, и понялъ то, что они навѣки разлучены, и что все кончено, и что будутъ уже другіе жить. Его охватила жгучая тоска, и онъ съ ненавистью оглядѣлъ толпу, для которой еще недавно былъ своимъ и желаннымъ человѣкомъ.

«А, вы вотъ какъ!— сверлило у Полуянова въ мозгу, такъ что онъ ощущалъ физическую боль.—Подождите!»

Рядомъ съ Харитиной на первой скамьѣ сидѣлъ докторъ Кочетовъ. Она была не рада такому сосѣдству и старалась не дышать, чтобы не слышать перегорѣлаго запаха водки. А докторъ старался быть съ ней особенно

любезнымъ, какъ бываютъ любезными на похоронахъ съ дамами въ траурѣ, вѣдь, она до нѣкоторой степени являлась тоже героиней настоящаго суднаго дня. Послѣ подсудимаго публика удѣляла ей самое большое вниманіе и слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Харитина это чувствовала и инстинктивно приняла безстрастный видъ.

— Не вредно, — повторялъ докторъ, ухмыляясь. — Да-а... *Suum cuique*.

Это скрытое торжество волновало и сердило Харитину, и ей опять дѣлалось жаль мужа. Она даже насильно вызывала въ памяти тѣ нѣжныя сцены, которыя происходили у нея съ мужемъ въ острогѣ. Ей хотѣлось пожалѣть его, по-хорошему пожалѣть, какъ умѣютъ жалѣть любящія женщины, а вмѣсто этого она ни къ селу, ни къ городу спросила доктора:

— Докторъ, вы не видали Галактіона?

— Какого Галактіона, madame?

— Ахъ, какой вы! Ну, мой зять Колобовъ.

— А!... Едва ли онъ будетъ здѣсь. У нихъ открытіе банка.

Въ слѣдующій моментъ Харитинѣ сдѣлалось совѣстно за свой вопросъ. Что ей за дѣло до Галактіона? Если бъ его и совсѣмъ не было на свѣтѣ, такъ для нея рѣшительно все равно. Пусть открываетъ банкъ, пусть строить свои пароходы, — она, все равно, останется одна. Ее еще въ первый разъ охватило это щемящее чувство одиночества. Вѣдь, она такая молодая, вѣдь, она еще совсѣмъ не жила, а тутъ точно затворяется подъ самымъ носомъ какая-то дверь, которая отниметъ и небо, и солн-

це, и свѣтъ. А виновникъ ея одиночества сидѣлъ на скамѣ подсудимыхъ такой несчастный, жалкій, даже не вызывавшій въ ней прежнихъ добрыхъ чувствъ, точно онъ былъ далеко - далеко и точно онъ былъ ея мужемъ давно - давно. Харитину начало охватывать молчаливое бѣшенство и къ этому жалкому арестанту, который смѣлъ называть себя ея мужемъ, и къ этому безсовѣстному любопытству чужой толпы, и къ судьямъ, и къ присяжнымъ. Ей хотѣлось крикнуть что - то такое обидное для всѣхъ, всѣхъ выгнать и остаться одной.

Въ теченіе цѣлаго дня происходилъ допросъ свидѣтелей, которыхъ вызывали безъ конца. Съ Полуяновымъ сдѣлался какой-то новый переворотъ, когда онъ увидѣлъ лицомъ къ лицу своихъ обвинителей. Онъ поблѣднѣлъ, подтянулся и на время сдѣлался прежнимъ Полуяновымъ. Къ нему вернулось недавнее чувство дѣйствительности.

— Все, что я показывалъ у г. слѣдователя, невѣрно, — заявилъ онъ спокойно и твердо. — Да, невѣрно.

Въ Полуяновѣ вспыхнула прежняя энергія, и онъ вступилъ въ ожесточенный бой съ свидѣтелями, подавляя ихъ своею находчивостью, опытомъ и смѣлостью натиска. Потухшіе глаза заблестѣли, на лицѣ выступили красныя пятна, — это былъ человѣкъ, рѣшившійся продать дорого свою жизнь.

Этотъ поворотъ оживилъ всѣхъ. Старый волкъ показалъ свои зубы. Особенно досталось попу Макару. Въ публикѣ слышался смѣхъ, когда онъ съ поповскою витѣватостью давалъ свое показаніе. Предсѣдатель при-

нужденъ былъ остановить проявленія неумѣстнаго веселья.

— Какъ же вы могли позволить, батюшка, чтобы Полуяновъ привезъ покойницу къ вамъ на погребъ? — допрашивалъ защищавшій Полуянова адвокатъ. — Вѣдь, въ своемъ селѣ вы большая сила, первый человѣкъ.

— А что же я подѣлаю съ нимъ? — отвѣчалъ вопросомъ о. Макарь. — По-нашему, по-деревенски, такъ говорятъ: стогомъ мыши не задавишь.

Публика опять смѣялась, такъ что председатель пригрозилъ удалить изъ залы засѣданія всѣхъ. Харитина точно вся приподнялась и вызывающе оглядывала сосѣдей. Чему они радуются?

Въ залѣ дѣлалось душно, особенно, когда зажгли лампы. Свидѣтелямъ не было конца. Всѣ, самые тайные подвиги Полуянова выплывали на свѣтъ Божій. Свидѣтельствовади крестьяне, мѣщане, мелкіе и крупные купцы, какія-то бабы торговли, — все это были данники Полуянова, привыкшіе ему платить изъ года въ годъ. Страница за страницей развертывалась картина безконечнаго сибирскаго хищенія. Многое Полуяновъ самъ забылъ и съ удивленіемъ говорилъ:

— Что же, можетъ быть... Все можетъ быть. А я не помню... Да и гдѣ все одному человѣку упомянуть?

Было два-три случая артистическаго взяточничества, и Полуяновъ самъ поправлялъ свидѣтелей, напоминая подробности. Онъ особенно напиралъ на то, за что бралъ взятки и производилъ вымогательства, но председатель его остановилъ.

— Это къ дѣлу не относится... да-съ.

Потомъ былъ сдѣланъ на два часа перерывъ. Харитина добилась свиданія съ мужемъ.

— Нѣтъ, погоди, я имъ еще покажу! — повторялъ онъ, сжимая кулаки. — Будутъ помнить Полуянова!... А около тебя кто тамъ сидитъ?

— Докторъ Кочетовъ.

— Ты у меня смотри!

Отдохнувъ, Полуяновъ повелъ атаку противъ свидѣтелей съ новымъ ожесточеніемъ. Онъ требовалъ очныхъ ставокъ, дополнительныхъ допросовъ, вызова новыхъ свидѣтелей, — однимъ словомъ, всѣми силами старался затянуть дѣло и въ качествѣ опытнаго человѣка пользовался всякою оплошностью. Больше всего ему хотѣлось притянуть къ дѣлу другихъ, особенно такихъ важныхъ свидѣтелей, какъ о. Макарь и запольскіе купцы.

Докторъ опять сидѣлъ рядомъ съ Харитиной и слегка раскачивался.

— Это конецъ древней исторіи Заполя, — говорилъ онъ Харитинѣ, забывая, что она жена подсудимаго. — Средней не будетъ, а прямо будемъ лупить по новой.

— Вы-то чему радуетесь?

— Я-то? Я — публика.

Потомъ поднялся какой-то глухой шумъ, и докторъ шепнулъ сосѣдкѣ:

— Вотъ и новая исторія привалила.

Въ залъ, несмотря на давку, была впущена услужливымъ сторожемъ цѣлая толпа. Это былъ новый коммерческій зауральскій банкъ въ полномъ составѣ. Харитина

сразу узнала и Май-Стабровскаго, и Драке, и Штоффа, и Шахму, и Галактіона. Ей показалось, что послѣдній точно прятался за другими. Банковская компанія пріѣхала въ судъ прямо съ обѣда по случаю открытія банка, и всѣ имѣли празднично-разсѣянный видъ, точно пріѣхали на именины. Послѣднимъ сквозь толпу пробился Харитонъ Артемьичъ. Онъ былъ пьянъ и глупо улыбался, обводя публику ничего невидѣвшими глазами. Кстати, за обѣдомъ въ качествѣ почетнаго гостя онъ чуть не побилъ Мышникова, который поэтому не явился въ судъ вмѣстѣ съ другими.

— Вотъ у меня какіе зятя! — хрипѣлъ Малыгинъ, указывая на скамью подсудимыхъ. — Семейная радость, однимъ словомъ!

Его съ трудомъ увели. На подѣздѣ неистовый старикъ все-таки успѣлъ подраться съ судейскимъ курьеромъ и сейчасъ же заплатилъ за обиду.

Харитина вся выпрямилась, когда почувствовала присутствіе Галактіона, — она именно чувствовала, а не видѣла его. Ей сдѣлалось и обидно, и больно, и стыдно за него, за то, что онъ ничего не пѣнимаетъ, что онъ могъ обѣдать съ своими банковскими, когда она здѣсь мучилась одна, что и сейчасъ онъ пришелъ въ это страшное мѣсто съ праздничнымъ хмѣлемъ въ головѣ. Другимъ-то все равно, и ему тоже. Даже Полуяновъ не сдѣлалъ бы такъ. Затѣмъ она чувствовала, что онъ смотритъ на нее и жалѣетъ, и ей захотѣлось вдругъ плакать, броситься къ нему на шею, убѣжать. Онъ, дѣйствительно, подошелъ къ ней, когда доктора зачѣмъ-то вызвалъ судей-

скій курьеръ, сѣлъ рядомъ и молча пожалъ ей руку. Потомъ онъ наклонился къ ней и шепнулъ:

— Вотъ насъ съ тобой такъ же будутъ судить, только вмѣстѣ.

Она со страхомъ отодвинулась отъ него, а онъ смотрѣлъ на нее и улыбался такою недоброю улыбкой.

Смоленск?
VII.

См. Цолл. Цеср. Сент. 1885.

Полуяновъ былъ осужденъ. Его приговорили къ ссылкѣ въ нестоль отдаленныя мѣста Сибири, что было равносильно возвращенію на родину. Онъ опять упалъ духомъ и, вмѣсто послѣдняго слова, расплакался самымъ глубокимъ образомъ. Его едва успокоили. Въ моментъ приговора Харитины въ залѣ суда уже не было. Она перестала интересоваться дѣломъ и уѣхала съ докторомъ утѣшать Прасковью Ивановну.

— Мы теперь обѣ овдовѣли, — говорила она, цѣлуя подругу, — ты по настоящему, а я по-соломенному. Ахъ, какъ у тебя хорошо здѣсь, Прасковья Ивановна! Все свое, никто тебя не потревожитъ: сама — большая, сама — маленькая.

— Въ чужомъ ртѣ кусокъ великъ, — уклончиво отвѣтила Прасковья Ивановна.

Окончанія дѣла долженъ былъ ждать въ судѣ докторъ. Когда дамы остались одни, Харитина покачала головой и проговорила:

— Сопьется въ конецъ паренекъ-то.

— Близко того дѣло.

— Знаешь, что, Прасковья Ивановна, безпремѣнно его надо женить.

Эта мысль очень понравилась обѣимъ, и онѣ принялись обсуждать ее на всѣ лады. За невѣстами въ Запольѣ дѣло не станетъ. Вотъ, напримѣръ, хотъ взять Нагибина—куда онъ квасить дочь? Денегъ у него тысячъ триста, а дочь-то одна. Положимъ, что она рябовата и немного косить, — ну, да доктору съ женина лица не воду пить. Умный человѣкъ и самъ пойметъ, что съ голою красавицей наплачешься. Жалованьишко - то куда не велико, а тутъ и одѣнь, и обуѣ, и домъ поставь, и гостей принимай. Трудненько женатому-то съ голою женой жить, а у Нагибиной всего много. Въ самый разъ доктору нагибинская дочь, хотя она и въ годкахъ. Сказываютъ, и съ ноготкомъ дѣвушка, — попридержитъ мужа, когда нужно.

Въ самый разгаръ этихъ матримоніальныхъ соображеній вернулся изъ суда докторъ съ извѣстіемъ объ осужденіи Полуянова. Харитина отнеслась къ этой новости почти равнодушно, что удивило даже Прасковью Ивановну.

— Какая-то ты каменная, Харитина. Вѣдь, не чужой человѣкъ, а мужъ.

— Былъ мужъ, а теперь арестантъ... Что же, потвоему, я пойду за нимъ съ арестантскою партіей въ ссылку... надѣну арестантскій халатъ и пойду? Покорно благодарю!

— Все-таки... Ты бы хотъ съѣздила къ нему въ острогъ.

— А если я не хочу? Не хочу, и все тутъ... И домой не хочу, и къ отцу не пойду... никуда!

— Что же ты будешь дѣлать?

— Не знаю.

Докторъ присутствовалъ при этой сценѣ нѣмымъ свидѣтелемъ и только могъ удивляться. Онъ никакъ не могъ понять поведенія Харитины. Разрѣшилась эта сцена неожиданными слезами. Харитина сѣла прямо на полъ и заплакала. Докторъ инстинктивно бросился ее поднимать, какъ человѣка, который оступился.

— Не надо... не надо...—шептала Харитина, закрывая лицо руками и защищаясь всѣмъ своимъ молодымъ тѣломъ.—Ахъ, какой вы глупый, докторъ! Вѣдь, я еще не жила... совсѣмъ не жила! А я такая молодая, докторъ! Оставьте меня, докторъ! Какая я гадкая!... Понимаете, я ненавижу себя!... Всѣхъ ненавижу... васъ...

Прасковья Ивановна сдѣлала доктору глазами знакъ, чтобъ онъ уходилъ.

— Мужъ арестантъ и жена тоже, значить, арестантка,—повторяла Харитина, ломая въ отчаяніи руки.—Я не хочу... не хочу... не хочу!

Прасковья Ивановна долго отваживалась съ ней и никакъ не могла ее успокоить.

— Что я такое? Ни дѣвка, ни баба, ни мужняя жена,—говорила Харитина въ какомъ-то бреду.—А мужа я ненавижу и ни за что не пойду къ нему! Я выходила замужъ не за арестанта!

— Все-таки нужно съѣздить къ нему въ острогъ,—угovarивала Прасковья Ивановна.—Послѣ какъ знаешь,

а сейчасъ нехорошо. Всѣ будутъ пальцами на тебя показывать. А что касается... Ну, да за утѣшителями дѣло не станетъ!

— Никого мнѣ не нужно!

— А Галактіонъ?... Вѣдь, онъ былъ на судѣ и сидѣлъ рядомъ съ тобой. Что онъ тебѣ говорилъ?

Харитина вспомнила предсказаніе Галактіона и за-смѣялась. Вотъ придумалъ человѣкъ!... А все-таки онъ пришелъ въ судъ и она уже не чувствовала убивавшаго ее одиночества.

Придумывая, чѣмъ бы развлечь гостью, Прасковья Ивановна остановилась на блестящей мысли, которая поразила ее своею неожиданностью.

— Харитина, знаешь что: мы ищемъ богатую невѣсту доктору, а невѣста сама его ждетъ. Знаешь кто? Будемъ сватать за него твою сестру Агнію. Самому-то ему по мужскому дѣлу неудобно, а высватаю я.

— Ты?

— Я. Думаешь, испугалась, что говорятъ про Галактіона?

— Да тебя мамынька на порогъ не пустить.

— А вотъ и пустить. И еще спасибо скажетъ, потому выйдетъ такъ, что я-то кругомъ чиста. Мало ли что про вдову наболтаютъ, только лѣнивый не скажетъ. Ну, а тутъ я сама объявлюсь,—ежели бы была виновата, такъ не пошла бы къ твоей мамынькѣ. Такъ я говорю?... Всѣмъ будетъ хорошо... Да еще что, подошлемъ къ мамынькѣ сперва Серафиму. Еще того лучше будетъ... И

ей будетъ лучше: какъ будто про между насъ ничего и не было... Поняла теперь?

Этотъ смѣлый проектъ совсѣмъ захватилъ Харитину, такъ что она даже о своемъ горѣ позабыла.

— А докторъ-то какъ?—думала она вслухъ.—Вдругъ онъ не согласится?... Агнія въ годкахъ, да и лицомъ не дошла.

— Ну, это ужъ мое дѣло! Я уговорю доктора, а ты къ Серафимѣ съѣзди... да.

Харитина на столько успокоилась, что даже согласилась съѣздить къ мужу въ острогъ. Полуяновъ былъ мраченъ, озлобленъ и встрѣтилъ жену почти враждебно.

— Спасибо, милая, что не забываешь мужа,—говорилъ онъ съ притворнымъ смиреніемъ.—Аще Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ... да.

— Не понимаю я, Илья Өирсычъ, какія ты загадки загадываешь,—равнодушно отвѣтила Харитина.

— Не понимаешь? Для другихъ я лишенный правъ и особенныхъ преимуществъ, а для тебя мужъ... да. Другіе-то теперь радуются, что Полуянова лишили всего, а сами-то еще хуже Полуянова... Если бы не этотъ проклятый попъ, такъ я бы имъ показалъ. Да еще погоди, доберусь!... Конечно, меня сошлютъ, а я ихъ оттуда добывать буду... хха! Они сейчасъ радуются, а потомъ я ихъ всѣхъ подберу.

Харитина слушала Полуянова, и ей казалось, что онъ рехнулся и начинаетъ заговариваться. Свиданіе кончилось тѣмъ, что онъ поссорился съ женой и даже затопалъ на нее ногами.

— И до тебя доберусь! — какъ-то зашипѣлъ онъ. — Ты думаешь, я совсѣмъ дуракъ и ничего не вижу? Своими руками задушу!

— Руки коротки, — дерзко отвѣтила Харитина и ушла, не простившись.

На другой день Харитина получила отъ мужа самое жалкое письмо. Онъ униженно просилъ прощенія и умолялъ навѣстить его. Харитина разорвала письмо и не поѣхала въ острогъ. Ее теперь больше всего интересовала затѣя женить доктора на Агнии. Серафима отнеслась къ этой комбинаціи совершенно равнодушно и только замѣтила:

— Хочется тебѣ, Харитина, вязаться въ такое дѣло... Да и женихъ-то вашъ горькая пьяница.

— Да ты только мамынькѣ скажи, Серафима.

— Говори сама.

Въ сущности, этотъ планъ задѣлъ въ Серафимѣ неистребимую женскую слабость и, поломавшись, она отправилась къ матери для предварительныхъ переговоровъ. Аноуса Гавриловна даже испугалась, когда было упомянуто имя ненавистой Бубнихи.

— Мамынька, вѣдь, намъ съ ней не дѣтей крестить, — совершенно резонно объяснила Серафима. — А если Богъ посылаетъ Агнии судьбу... Не вѣкъ же ей въ дѣвкахъ вѣковать. Пьяница проспится, а дуракъ останется дуракомъ.

— Охъ, боюсь я, Сима... Какъ-то всѣхъ боюсь. Это тебя Харитинка подослала?

— Хоть бы и она, мамынька. Дѣло-то такое, особенное.

Два дня думала Анеуса Гавриловна, плакала, молилась, а потомъ послала сказать Серафимѣ, что согласна.

Въ малыгинскомъ домѣ поднялся небывалый переполохъ въ ожиданіи «смотрины». Тутъ своего горя не расхлебашь: Лѣодоръ въ острогѣ, Полуяновъ пойдетъ на поселеніе, а тутъ новый зять прикачнулся. Главное, что въ это дѣло впуталась Бубниха, за которую хлопотала Серафима. Старушка Анеуса Гавриловна окончательно ничего не понимала и дала согласіе на смотрины въ минуту отчаянія. Что же, посмотреть — не съѣдятъ.

Какъ согласился на эту комедію докторъ Кочетовъ, трудно сказать. Онъ, попрежнему, бывалъ у Прасковьи Ивановны по вечерамъ, какъ и раньше, пилъ бубновскую мадеру и слушалъ разговоры о женитьбѣ. Сначала эти разговоры поразили его своею нелѣпостью, а потомъ начали развлекать. Надо же чѣмъ-нибудь развлекаться. Прасковья Ивановна съ тактомъ опытной женщины не называла долго невѣсты по имени, поджигая любопытство подававшегося жениха. Докторъ шутилъ, пилъ мадеру и чувствовалъ, что его охватываетъ еще неиспытанное волненіе, а матримоніальные разговоры создавали сближающую обстановку.

Разъ, когда докторъ былъ особенно въ ударѣ, Прасковья Ивановна поймала его на словѣ и повезла.

— Интересно, что это будетъ за комедія, — посмѣивался докторъ.

— А вотъ увидите... Будьте смѣлѣе. Вѣдь, дѣвушка еще ничего не понимаетъ, всего стѣсняется, — понимаете?

— Хорошо, хорошо... Знаете русскую поговорку: свату первая палка.

Докторъ былъ непріятно удивленъ, когда Прасковья Ивановна подвезла его къ малыгинскому дому. Онъ хотѣлъ даже улизнуть съ подѣзда, но было уже поздно.

— Глупости! — рѣшительно заявляла Прасковья Ивановна, поддерживая доктора за руку. — Для васъ же хлопоту. Женитесь и человѣкомъ будете. Жена-то не дастъ мадеру пить зря.

Малыгинскій домъ волновался. Харитонъ Артемьичъ даже не былъ пьянъ и принялъ гостей съ озабоченною солидностью. Потомъ вышла сама Анеуса Гавриловна, тоже встревоженная и какая-то несчастная. Докторъ понималъ, какъ старушкѣ тяжело было видѣть въ своемъ домѣ Прасковью Ивановну, и ему сдѣлалось совѣстно. Последнее чувство еще усилилось, когда къ гостямъ вышла Агнія, сдѣлавшаяся еще некрасивѣе отъ волненія. Она такъ неловко поклонилась и все время старалась не смотрѣть на жениха.

— А у меня все поясница къ ненастью тоскуетъ, — завелъ было Харитонъ Артемьичъ политичный разговоръ, стараясь попасть въ тонъ будущему зятю-доктору. — И съ чего бы, кажется, ей болѣть?

Прасковья Ивановна шушукалась съ невѣстой и нѣсколько разъ безъ всякой побудительной причины стремительно начинала ее цѣловать. Агнія еще больше конфузилась, и это дѣлало ее почти миловидной. Докторъ, чтобы выдержать свою жениховскую роль до конца, подошелъ къ ней и заговорилъ о какихъ-то пустякахъ. Но

тутъ его поразили дрожавшія руки несчастной дѣвушки. «Нѣтъ, ужь это слишкомъ», — рѣшилъ докторъ и торопливо началъ прощаться.

— Куда же это вы? — какимъ-то упавшимъ голосомъ заговорилъ хозяинъ. — Выпили бы мадерцы... Я отъ поясницы грѣшнымъ дѣломъ мадерцей лѣчусь.

— Какъ-нибудь въ другой разъ, Харитонъ Артемичъ, — бормоталъ докторъ.

— Что, понравилась вамъ невѣста? — спрашивала дорогая Прасковья Ивановна, еще охваченная свадебнымъ волненіемъ.

— Во-первыхъ, вы не должны мнѣ говорить «вы», будущая посаженная мать, — отвѣтилъ докторъ, крѣпко притягивая къ себѣ сваху за талію, — они ѣхали въ однихъ саняхъ, — а, во-вторыхъ, я хочу мадеры, чтобы вспрыснуть удачное начало.

Въ передней, помогая раздѣваться свахѣ, докторъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ затылокъ, гдѣ золотистыми завитками отдѣлялись короткія прядки волосъ. Прасковья Ивановна кокетливо ударила его по рукѣ и убѣжала въ свою комнату съ легкостью и граціей расшалившейся дѣвочки.

«А, вѣдь, посаженная маменька того...» — думалъ докторъ, расхаживая въ ожиданіи мадеры по гостиной.

Прасковья Ивановна заставила себя подождать и вышла по-домашнему, въ шелковомъ пенъюарѣ. Ставя на столъ бутылку какой-то завѣтной мадеры, она съ кокетливою строгостью проговорила:

— Вотъ что, посаженный сынокъ, отъ тебя-то я не ожидала, что ты такой повѣса... Смотри, я строгая!

— Мамынька, я больше не буду.

По возбужденному лицу Прасковьи Ивановны румянецъ разошелся горячими пятнами, и она старалась не смотрѣть на доктора, пока онъ залпомъ выпилъ двѣ рюмки.

— Ну, такъ что же, какъ невѣста? — спросила она измѣнившимся голосомъ, вскидывая на доктора влажные глаза. — Дѣвушка славная.

— Мнѣ главное — сколько приданаго... Будемте говорить серьезно, мамынька. Уговоръ на берегу.

— Вотъ ты какой, а?... А раньше что говорилъ? Теперь, видно, за умъ хватился. У Малыгиныхъ для всѣхъ зятьевъ одинъ порядокъ: послѣ вѣнца десять тысячъ, а послѣ смерти родителей по раздѣлу съ другими.

— А нельзя до смерти ухватить все, мамынька?

Прасковья Ивановна лукаво посмотрѣла на дурачившагося доктора и тихо засмѣялась.

— Ахъ, повѣса, повѣса! — шептала она, оказывая слабое сопротивленіе, когда докторъ обнялъ ее и началъ цѣловать. — Я сейчасъ закричу... Какъ вы смѣете, нахаль?... Я... я...

VIII.

«Коммерческій зауральскій банкъ» былъ открытъ. Помѣщался онъ на главной Московской улицѣ въ большомъ двухъ-этажномъ домѣ, отдѣланномъ спеціально для этой цѣли. Великолѣпный подъѣздъ, отдѣланная дубомъ передняя, широкая лѣстница, громадный залъ съ дубо-

выми конторками для служащихъ, кассирская съ металлическою сѣткой, комната правленія съ зеленымъ столомъ и солидною мебелью, пріемная, — однимъ словомъ, все въ солидно-дѣловомъ, банковскомъ стилѣ. Когда Галактіонъ вошелъ сюда въ первый разъ, его охватило какое-то особенное чувство почти дѣтскаго страха. Да, здѣсь будутъ вершиться милліонныя дѣла, рѣшаться судьба громаднаго края и сосредоточиваться самые жгучіе интересы всѣхъ прикосновенныхъ къ коммерціи людей.

Правленіе новаго банка организовано было раньше. Въ него вошли членами Стабровскій, Штоффъ, Драке, Галактіонъ, Шахма и Мышниковъ. По настоянію Стабровскаго, управляющимъ банка былъ избранъ Драке. Галактіонъ отлично понималъ политику умнаго поляка, не хотѣвшаго выставлять себя въ первую голову и выдвинувшаго на отвѣтственный постъ безыменнаго и для всѣхъ безразличнаго нѣмца. Это было сдѣлано замѣчательно остроумно, какъ оказалось впоследствии, потому что всѣ члены правленія въ затруднительныхъ случаяхъ ссылались на упрямаго нѣмца, съ которымъ никакъ не сладишь. Мышниковъ, кромѣ своего членства, еще получилъ званіе юрисконсульта. Самый щекотливый вопросъ былъ на первое время относительно членскихъ взносовъ. Изъ всѣхъ членовъ только Стабровскій и Шахма были людьми богатыми и не стѣснялись средствами. Затѣмъ нѣмцы гдѣ-то раздобылись и Мышниковъ тоже. Оставался одинъ Галактіонъ, у котораго ничего не было.

— Это пустяки, — успокоивалъ его Стабровскій. — Мы это дѣло устроимъ.

Стабровскій самъ предложилъ Галактіону тридцать тысячъ, обезпечивъ себя, конечно, росписками и домашними векселями.

— Вѣдь, это мнѣ рѣшительно ничего не стоитъ, — объяснялъ онъ смущавшемуся Галактіону. — Деньги, все равно, будутъ лежать какъ у меня въ карманѣ, а года черезъ три вы ихъ выплатите мнѣ.

Получалось все-таки неловкое положеніе, и Галактіонъ почувствовалъ тѣ невидимыя путы, которыми связывалъ его Стабровскій. Вѣдь, даромъ не оказываютъ такого широкаго довѣрія и не даютъ такихъ денегъ. Но другаго исхода не было, и Галактіонъ вынужденъ былъ принять эту подачку. Кстати, эта комбинація оставила въ его душѣ затаенное и тяжелое чувство по отношенію къ благодѣтелю. А тутъ еще Мышниковъ, который почему-то не влюбилъ Галактіона и позволилъ себѣ дѣлать какіе-то темныя намеки относительно таинственнаго происхожденія членскаго взноса Галактіона. Определеннаго никто и ничего не зналъ, даже Штоффъ, но Галактіонъ чувствовалъ себя первое время очень скверно, какъ человѣкъ, попавшій не въ свою компанію. Мышниковъ только изъ страха передъ Стабровскимъ не смѣлъ высказывать про Галактіона всего, что думалъ о немъ про себя. Новый юрисконсультъ отлично понималъ, что Стабровскій «создаетъ» Галактіона въ какихъ-то своихъ личныхъ интересахъ и цѣляхъ. Это его злило, потому что Мышниковъ завидовалъ всякому успѣху, а тутъ еще являлось глухое соперничество по отношенію къ Харптинѣ. Однимъ словомъ, съ перваго же раза Мышниковъ

и Галактіонъ сдѣлались настоящими врагами и взаимно ненавидѣли другъ друга.

— А знаешь, что я тебѣ скажу, — замѣтилъ однажды Штоффъ, слѣдившій за накипавшею враждой Мышниковъ и Галактіона, — вѣдь, вы будете потомъ закадычными друзьями... да.

— Гусей по осени считаютъ, Карлъ Карлычъ.

— Будемъ посмотрѣть, Галактіонъ Михеичъ.

Кстати, Штоффъ былъ избранъ предсѣдателемъ правленія, хотя это и не входило въ планы Стабровскаго, — онъ предпочелъ бы Галактіона, но тотъ пока еще не «поспѣлъ». Стабровскій вообще считалъ необходимымъ выдерживать приткаго нѣмца и не давать ему излишняго хода. Онъ почему-то ему не довѣрялъ.

Въ жизни новаго банка на первыхъ же порахъ возникло крупное недоразумѣніе съ Ечкинымъ, который оставался въ Петербургѣ, устраивая акціи новаго банка на биржѣ. Это было очень сложное и отвѣтственное дѣло, которое могъ устроить только одинъ Ечкинъ. Но онъ чуть не бросилъ всего въ самомъ началѣ, когда узналъ, что не попалъ въ члены банковскаго правленія, чего, видимо, ожидалъ. Онъ даже прислалъ на имя новаго правленія формальный отказъ, что обезпокоило всѣхъ. Но Стабровскій только улыбнулся. Ечкинъ иногда позволялъ себѣ бунтовать, но все это была одна комедія, — онъ былъ совершенно «въ рукахъ» у Стабровскаго. У нихъ были какіе-то многолѣтніе сибирскіе счета, которые въ такихъ случаяхъ являлись для Ечкина холодною водою, отрезвлявшею его самое законное негодованіе, какъ было

и въ данномъ случаѣ. Стабровскій ни за что не хотѣлъ участія Ечкина въ администраціи банка.

— Онъ и безъ этого получилъ больше всѣхъ насъ, — спокойно объяснялъ Стабровскій въ управленіи банка. — Вы только представьте себѣ, какая благодарная роль у него сейчасъ... О, онъ не будетъ напрасно терять дорогаго времени! Вотъ посмотрите, что онъ устроить.

Политика Стабровскаго по отношенію къ Галактіону скоро разъяснилась. Онъ пригласилъ его къ себѣ вечеромъ и предупредилъ съ обычною своею улыбкой:

— Мы сегодня серьезно займемся, Галактіонъ Михеичъ, однимъ дѣломъ... да.

Можно было предположить, что Стабровскій собирается путешествовать, потому что онъ подвелъ гостя къ отдѣльному столику, на которомъ была разложена большая карта.

— Вы не учились географіи? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, ничего, выучимся... Это карта Урала и прилегающихъ къ нему губерній, съ которыми намъ и придется имѣть дѣло. У насъ своя географія. Какія все чудныя мѣста!... Истинно, страна, текущая млекомъ и медомъ. Здѣсь могло бы благоденствовать населеніе въ пять разъ большее... Такъ, вѣроятно, и будетъ когда-нибудь, когда насъ не будетъ на свѣтѣ.

Послѣ этихъ чувствительныхъ разсужденій Стабровскій перешелъ къ дѣлу. Онъ обозначилъ булавками всѣ пункты, гдѣ были винокуренные заводы, ихъ производительность и районъ дѣйствія.

— Намъ приходится серьезно считаться съ этими господами, Галактіонъ Михеичъ. Они очень ужъ просто привыкли забирать барыши совсѣмъ даромъ. Напримѣръ, Прохоровъ и К°. Вы слыхали о немъ?

— О, да!... Только вамъ нечего бояться конкуренціи съ нимъ, Болеславъ Брониславичъ. Конечно, у нихъ дѣло старинное, установившееся, а у васъ есть свои преимущества въ рынкѣ и въ перевозкѣ.

— Да? Тѣмъ лучше, что мнѣ не нужно вамъ объяснять. Мы отлично понимаемъ другъ друга.

Сообразительность Галактіона очень понравилась Стабровскому. Онъ такъ цѣнилъ людей, умѣющихъ понимать съ полуслова, какъ было въ данномъ случаѣ. Всѣ эти разговоры имѣли только подготовительное значеніе, а къ главному Стабровский приступилъ потомъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, Галактіонъ Михеичъ... Гм... видите ли, намъ приходится бороться, главнымъ образомъ, съ Прохоровымъ... да. И мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы отправились къ нему и повели необходимые переговоры. Понимаете, мнѣ самому это сдѣлать неудобно, а вы посторонній человѣкъ. Необходимыя инструкціи я вамъ дамъ и остается только выдержать характеръ. Все дѣло въ характерѣ.

Это предложеніе немного смутило Галактіона и онъ откровенно проговорилъ:

— Отчего вы не поручите этого Штоффу? Онъ опынѣе меня.

— Хотите, чтобъ я сказалъ вамъ все откровенно? Штоффъ именно для такого дѣла не годится... Онъ слиш-

комъ юрокъ и не умѣеть внушить къ себѣ довѣрія, а затѣмъ тутъ все дѣло въ тактѣ. Наконецъ, мѣшаетъ просто его нѣмецкая фамилія... Вы понимаете меня? Для васъ это будетъ хорошимъ опытомъ.

Не теряя времени, Стабровскийъ сейчасъ же разъяснилъ сущность дѣла, при чемъ Галактіонъ пришелъ въ ужасъ. Этотъ богатый панъ зналъ, кажется, рѣшительно все и впередъ сосчиталъ каждое зерно у мужика и каждую копѣйку выгоды, какую можно было получить. Говоря о конкуренціи съ сильною фирмой Прохоровъ и К^о, онъ впередъ опредѣлилъ сумму возможныхъ убытковъ и всѣ комбинаціи, при которыхъ могли получиться такіе убытки. Это ужъ совсѣмъ не походило на тотъ авось, съ какимъ русскіе купцы вели свои дѣла. Тутъ все было на счету, и Стабровскийъ могъ рассказать чужія дѣла какъ свои.

«Что же это такое? — спрашивалъ Галактіонъ самого себя, когда возвращался отъ Стабровскаго домой. — Какъ же другіе-то будутъ жить?»

Онъ понималъ, что Стабровскийъ готовился къ настоящей и неумолимой войнѣ съ другими винокурами и что, въ концѣ-концовъ, онъ долженъ былъ выиграть, благодаря знанію, предусмотрительности и смѣлости, не останавливающейся ни передъ чѣмъ. Ничего подобнаго раньше не бывало и купеческія дѣла велись ощупью, по старинкѣ. Галактіонъ понималъ также и то, что винное дѣло только ничтожная часть другихъ финансовыхъ операцій, и что новый банкъ является здѣсь страшною силой, какъ хорошая паровая машина.

Онъ шелъ домой пѣшкомъ, чтобъ освѣжиться. Падалъ первый снѣжокъ. Въ окнахъ мелькали желтые огоньки. Гдѣ-то звонили ко всенощной. Дневная суতোлка кончалась и только освѣщены были лавки и магазины. Галактіону вдругъ сдѣлалось жаль этого маленькаго городка, жившаго до сихъ поръ тихо и мирно. Что съ нимъ будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ? Надвигалась какая-то страшная сила, которая ломала на своемъ пути все, какъ прорвавшая плотину вода. И онъ явился покорнымъ слугою этой силы съ перваго раза. Для него оставалось много непонятнаго, начиная съ собственнаго положенія. Какъ это все легко дѣлается: недавно еще у него ничего не было, а сейчасъ уже онъ зарабатывалъ столько, что не могъ даже мечтать раньше о подобномъ благополучіи. И, притомъ, онъ являлся нужнымъ человѣкомъ, у него было уже свое опредѣленное мѣсто. Впереди рисовались радужныя картины и не хорошо было только то, что все это будущее неразрывно было связано съ Стабровскимъ и его компаніей. Галактіону казалось, что онъ чему-то измѣняетъ, измѣняетъ такому хорошему и завѣтному.

Съ другой стороны, съ каждымъ днемъ его все сильнѣе и сильнѣе охватывала жажда широкой дѣятельности и большихъ дѣлъ. Онъ уже понималъ, что личное обогащеніе еще не даетъ ничего, а запольскіе коммерсанты дальше этого никуда не шли, потому что дальше своего носа ничего не видѣли и не желали видѣть. Галактіону стоило только подумать о Стабровскомъ или Ечкинѣ, которые ворочали милліонными дѣлами, какъ онъ сейчасъ же видѣлъ самого себя такимъ маленькимъ и ничтож-

нымъ. Да, это были настоящіе, большіе люди и только они умѣли жить по-настоящему, по-большому.

Подъ этимъ настроеніемъ Галактіонъ вернулся домой. Въ послѣднее время ему такъ тяжело было оставаться подолгу дома, хотя, съ другой стороны, и дѣваться было некуда. Сейчасъ у Галактіона мелькнула было мысль о томъ, чтобы зайти къ Харитинѣ, но онъ удержался. Что ему тамъ дѣлать? Да и нехорошо... Мужъ въ острогѣ, а онъ будетъ за женой ухаживать.

Подходя къ дому, Галактіонъ удивился, что всѣ комнаты освѣщены. Гости у нихъ почти не бывали. Кто бы такой могъ быть? Оказалось, что пріѣхалъ суслонскій писарь Замараевъ.

— Ты ужь меня извини, что по-деревенски ввалился безъ спросу, — оправдывался Замараевъ. — Я было заѣхалъ къ тестю, да онъ меня такъ повернулъ... Ну, Богъ съ нимъ. Я и поѣхалъ къ тебѣ.

— Что-жь, я очень радъ... А что касается Харитона Артемьича, такъ не каждое лыко въ строку. Какъ на него взглянетъ.

— Обидно оно, Галактіонъ Михеичъ. Вѣдь, не чужой человѣкъ пріѣхалъ. Анѳуса-то Гавриловна была рада, а онъ чуть въ шею не вытолкалъ. Конечно, я деревенскій человѣкъ, а все-таки...

— Пустяки... Потомъ помиритесь.

Галактіонъ искренно былъ радъ гостю, потому что не такъ тошно дома. За чаемъ онъ наблюдалъ жену, которая все время молчала, какъ зарѣзанная. Тутъ было все: и ненависть къ нему, и презрѣніе къ деревенской роднѣ.

— А вы тутъ засудили Илью Оирсыча? — болталъ писарь, счастливый, что можетъ поговорить. — Слышали мы еще въ Суслонѣ... да. Жаль, хорошій былъ человѣкъ. Тоже вотъ и про банкъ вашъ наслышались. Что же, въ добрый часъ... По другимъ городамъ вездѣ банки заведены. Нельзя отставать отъ другихъ-то, не тѣ времена.

— Да... — неопредѣленно отвѣчалъ Галактіонъ, не зная, что ему отвѣчать.

— И Бубнова похоронили, — не унимался Замараевъ. — Знавалъ я его въ прежнія времена... Жаль. А слышали новость: Прасковья Ивановна замужъ выходить?

— Какъ выходить? — спросили въ голосъ мужъ и жена.

— Выходить, какъ другія прочія вдовы выходятъ.

— За кого?

— А за доктора... Значить, сама нашла свою судьбу. И то сказать, баба пробойная, — некогда ей горевать. А я тутъ встрѣтилъ ея брата, Голяшкина. Мы съ нимъ дружки прежде бывали. Ну, онъ мнѣ все и обсказалъ. Свадьба послѣ святокъ... Что же, докторъ маху не далъ. У Прасковьи Ивановны свой капиталъ.

Потомъ оказалось, что Замараевъ успѣлъ побывать и въ острогѣ, у Ильи Оирсыча, — однимъ словомъ, обѣжалъ цѣлый городъ.

IX.

Замараевъ поселился у Галактіона, и послѣдній былъ радъ живому человѣку. По вечерамъ они часто и подолгу бесѣдовали между собой, и Галактіонъ могъ только удив-

ляться той особенной деревенской жадности, какою былъ преисполненъ суслонскій писарь, — это не была даже жажда наживы въ собственномъ смыслѣ, а именно слѣпая и какая-то неистовая жадность.

— Нѣтъ, братъ, шабашъ, старинка-то приказала долго жить, — повторялъ Замараевъ, дѣлая вызывающій жестъ. — По нонѣшнимъ временамъ вонъ какіе народы проявились. Они, братъ, выучатъ жить. Темноту-то какъ рукой снимутъ... да. На што бабы, и тѣ вполнѣ это самое чувствуютъ. Вонъ Серафима Харитоновна какъ на меня поглядываетъ, даромъ что хлѣбъ-соль еще недавно водили.

— Не отъ ума она, Флегонтъ Васильичъ.

— А вотъ и нѣтъ! И я даже весьма понимаю, потому что мы, деревенскіе, прямые дураки выходимъ. Серафима-то Харитоновна и выходитъ права, потому какъ темнота-сь... А только по женской своей части она, конечно, не понимаетъ, что и темнота тоже проснулась и начала копошиться. Всѣ ищутся, Галактіонъ Михеичъ... Вы вотъ тутъ банки открываете и разныя прочія громадныя дѣла затѣваете, а отъ васъ и къ намъ щепки летятъ... да-сь. Теперь взять Ключевую, — она вся зашевелилась. Мельники-то, которые жили всю жисть по старинкѣ, и тѣ очухались. Не далеко ходить, взять хоть вашего тятенку, Михея Зотыча, — за-разъ двѣ новыхъ мельницы строить. Вѣдь, старичокъ, а какъ хлопочетъ. Ну, и другіе народы поднялись на дыбы... Кто во что гораздъ. И у всѣхъ ужъ на умѣ: не хватить своего капитала, въ банкъ прихвачу и оборочусь. Вотъ какое дѣло... Ужъ всѣ пронюхали, гдѣ жаренымъ пахнетъ.

На повѣрку оказалось, что Замараевъ, дѣйствительно, зналъ почти все, что дѣлалось въ Запольѣ, и мучился, что «новые народы» оберутъ всѣхъ и вся, — мучился не изъ сожалѣнія къ тѣмъ, которыхъ оберутъ, а только потому, что самъ не могъ принять дѣятельнаго участія въ этомъ обираніи. Онъ зналъ даже подробности готовившагося похода Стабровскаго противъ другихъ винокуровъ и по-своему одобрялъ.

— Такъ и надо... Валяй ихъ! Не тѣ времена, чтобы, напимѣръ, лежа на боку... Шабашъ! У волка въ зубѣ — Егорій далъ. Учить насъ надо, а за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

— Ну, а какъ твоя ссудная касса?

— Большимъ кораблямъ большое плаваніе, а мы около бережку будемъ ползать... Передъ отъѣздомъ мы съ попомъ Макаромъ молебствіе отслужили угодникамъ безсребренникамъ. Какъ же, все по порядку. Тоже и мы понимаемъ, какъ и што слѣдуетъ: воздадите кесарево кесарю... да. Главная причина, Галактіонъ Михеичъ, что жалъ мелкіе народы. Сейчасъ-то они вонъ сто процентовъ платятъ, а у меня будутъ платить всего тридцать шесть... Да тамъ еще кланялись сколько, да еще отрабатывали благодарность, а тутъ нѣ, получай, и только всего.

Эта теорія благодѣянія бѣднымъ разсмѣшила Галактіона своею наивностью, хотя въ основѣ и была извѣстная доля правды.

— Такъ благодѣтелемъ хочешь быть? — смѣялся онъ, хлопая Замараева по плечу. — Съ зубовъ кожу будете драть, изъ блохи голенища кроить?

— А вы? У васъ, Галактіонъ Михеичъ, учимся... Даже вотъ какъ учимся. Вамъ - то вотъ смѣшно, а намъ слезы.

— Перестань ты дурака валять, Флегонтъ Васильичъ. Сами вы кого угодно проведете и надуете.

Замараевъ, живя въ Запольѣ, обнаружилъ необыкновенную пронырливость и, кажется, не было угла, гдѣ бы онъ ни побывалъ, и такой щели, которую бы онъ ни обнюхалъ съ опытностью настоящаго сыщика. Эта энергія удивляла Галактіона и онъ разъ, незадолго до отъѣзда въ резиденцію Прохорова и К^о, спросилъ:

— А ты не былъ у Харитины, Флегонтъ Васильичъ?

— Нѣтъ, не довелось.

— Почему?

— Все собираюсь, да какъ - то не могу дойти. А надо бы повидать. Прежде-то не посмѣлъ бы, когда Илья Опрсычъ царствовали, а теперь-то даже очень просто.

— Вотъ что, Флегонтъ Васильичъ...—замаялся немного Галактіонъ. — А если я тебя попрошу зайти къ ней? Понимаешь, ты какъ будто отъ себя...

— Могу.

— Пожалуйста, не проболтайся.

— Сдѣлай милость. Тоже не лѣвою ногой сморкаемся.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло... да... Она послѣ мужа осталась безъ гроша. Имущество все описано. Чѣмъ она жить будетъ? Самому мнѣ говорить объ этомъ какъ-то неудобно. Гордая она, а тутъ еще... Однимъ словомъ, женская глупость. Моя Серафима вздумала ревновать. Понимаешь?

— Въ лучшемъ видѣ. Извѣстно, бабы.

— Такъ вотъ я съ удовольствіемъ помогъ бы ей... на первое время, конечно. Къ отцу она тоже не пойдетъ.

— Вотъ это даже совсѣмъ напрасно. Одно малодушіе.

— Я знаю ея характеръ: не пойдетъ... А поголодаетъ, посидитъ у хлѣба безъ воды и выкинетъ какую-нибудь глупость. Есть тутъ одинъ адвокатъ, Мышниковъ, такъ онъ давно за ней ухаживаетъ. Однимъ словомъ, долго ли до грѣха? Такъ вотъ я и хотѣлъ предложить съ своей стороны... Но отъ меня - то она не приметъ. Ни ни! А ты можешь такъ сказать, что много былъ обязанъ Ильѣ Опрсычу по службѣ и что можешь по-родственному ссудить. Только требуй съ нея вексель, а то догадается.

— Весьма понимаю. Горденька Харитина Харитоновна.

— Да, да. Такъ сдѣлай это для меня. Какъ -нибудь сочтемся. Рука руку моетъ, Флегонтъ Васильичъ.

— Ужъ будь спокоенъ. Такъ подведемъ, что и сама не услышитъ. Тоже и мы не въ уголъ рожей, хоша и деревенскіе.

— Пожалуйста. Меня она очень беспокоитъ.

Суслонскій писарь отправился къ Харитинѣ «на той же ногѣ» и засталъ ее дома, почти въ совершенно пустой квартирѣ. Она лежала у себя въ спальнѣ, на своей роскошной постели, и курила папиросу. Замараева больше всего смутила именно эта папироса, такъ что онъ не зналъ, съ чего начать.

— Завернулъ къ вамъ, Харитина Харитоновна... Жена Анна наказывала. Непремѣнно, гритъ, провѣдай

любезную сестрицу Харитину и непременно, грить, зови ее къ намъ въ Суслонъ погостить.

— Это въ деревню-то? — удивилась Харитина. — Да вы тамъ съ женой оба съ ума спятили!

— А вы не сердитесь на нашу деревенскую простоту, Харитина Харитоновна, потому какъ у насъ все по душамъ... А я-то такъ кругомъ обязанъ Ильей Өирсычемъ, по гробъ жизни. Да и такъ люди не чужіе... Ежели, напримѣрно, вамъ нащеть денежныхъ средствъ, такъ съ нашимъ удовольствіемъ. Конечно, росписочку тамъ на всякій случай выдадите, — это такъ, для порядку, а только не сумлѣвайтесь. Весь передъ вами, въ томъ родѣ, какъ свѣча горю.

Противъ ожиданія, Харитина отнеслась къ этому предложенію съ дѣловымъ спокойствіемъ и не безъ гордости отвѣтила:

— Сейчасъ мнѣ не хочется занимать денегъ у отца, но я отдамъ въ самомъ скоромъ времени... У меня будутъ деньги.

— Само собою разумѣется, какъ же безъ денегъ жить? Вѣдь, я хоша и говорю вамъ о документѣ, а даю деньги все одно, какъ кладу къ себѣ въ карманъ. По родственному, Харитина Харитоновна. Чужимъ-то все равно, а свое болить... да. Заходилъ я и къ Ильѣ Өирсычу. Въ большое малодушіе впадаетъ.

— Не говорите мнѣ про него!

— Я такъ, къ слову.

— Вотъ вы о родственникахъ заговорили... Хороши

бываютъ родственнички! Ну, да не стоить объ этомъ говорить!

Харитина разошлась до того, что предложила чаю. Она продолжала лежать на постели совсѣмъ одѣтая и курила одну папиросу за другой.

— Извините меня, Харитина Харитоновна, — насмѣлился Замараевъ. — Конечно, я деревенскій мужикъ и настоящаго городского обращенія не могу вполнѣ понимать, а все-таки дамскому полу какъ будто и не того, не подобаетъ цыгарки курить. Ужь вы меня извините, а это самое плохое занятіе для настоящей дамы.

— Пустяки, это отъ скуки, — коротко объяснила Харитина, улыбаясь. — Что мнѣ больше-то дѣлать? А тутъ мысли разгоняетъ.

— Это конечно-съ. А когда прикажете доставить вамъ деньги? Впрочемъ, я и сейчасъ могу-съ, а вы только на бумажкѣ-съ черканите.

— А сколько вы можете мнѣ дать сейчасъ? Тысячу?

— Многонько-съ. Сотенный билетъ могу, а когда издержите — другой. Тысячу-то и потерять можно по женскому дѣлу.

Харитина взяла деньги, небрежно сунула ихъ подъ подушку, а оттуда вынула два мужскихъ портрета.

— Который больше нравится? — спрашивала она, улыбаясь.

— Одного-то я знаю... господинъ Мышниковъ-съ?

— А другой — еврей Ечкинъ.

— Такъ-съ, слышали.

— Вотъ я и гадаю: на котораго счастье выпадетъ.

Замараевъ поднялся съ видомъ оскорбленнаго достоинства и проговорилъ:

— Не пригоже вамъ, Харитина Харитоновна, отецкой дочери, такія слова выговаривать, а мнѣ не пригоже ихъ слушать. И для ради шутки даже не годится.

— Ну, такъ проваливай! — грубо отвѣтила Харитина. — Тоже сахаръ нашелся!... А, впрочемъ, мнѣ все равно. Ты гдѣ остановился-то?

— Я-то? Значить, сперва къ тятенькѣ размахнулся, ну, а какъ они меня обзатылили, такъ я къ Галактіону Михеичу... у нихъ-съ.

— А! Скажи Галактіону поклончикъ.

Вторая половина разговора шла уже на «ты», и Замараевъ только качалъ головой, уходя отъ разжалованной исправницы.

Вернувшись домой, писарь ничего не сказалъ Галактіону о портретахъ, а только встряхивалъ головой и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ.

— Нда-съ, дама-съ... можно сказать... и, притомъ, огненный карахтеръ.

— А что? — спрашивалъ Галактіонъ.

— Да такъ, вообще... Однако, деньги соблаговолили принять и росписку обѣщали прислать. Значить, своя женская гордость особо, а денежки особо. Нда-съ, дама-съ!

Галактіонъ только молча пожалъ руку своему сообщнику и сейчасъ же уплатилъ выданныя Харитинѣ деньги.

— Не въ коня кормъ, — замѣтилъ наставительно писарь. — Конечно, у денегъ глазъ нѣтъ, а все - таки когда есть, напимѣрно, свои дѣти...

— Ну, объ этомъ не безпокойся. Деньги будутъ, сколько угодно. Не въ деньгахъ счастье.

Замараевъ только угнетенно вздохнулъ. Очень ужъ легко нынче въ Запольѣ о деньгахъ разговариваютъ. Взять хотя того же Галактіона. Давно ли по красному билету занималъ, а тутъ и сотенной не жаль. Совсѣмъ малодушный человѣкъ.

По вечерамъ писарь оставался обыкновенно дома, сохраняя деревенскую привычку, а Галактіонъ уходилъ въ свой банкъ или къ Стабровскому. Писарю дѣлалось иногда скучно, особенно, когда дѣти укладывались спать. Онъ безцѣльно шагаль по кабинету, что-то высчитывая и прикидывая въ умѣ, напѣвалъ что-нибудь изъ духовнаго и терпѣливо ждалъ хозяина, безъ котораго не могъ ложиться спать. Это сидѣнье поневолѣ сблизило его съ хозяйкой, относившейся къ нему сначала съ холоднымъ пренебреженіемъ. Притомъ, писарь замѣтилъ, что вечеромъ Серафима дѣлалась какъ-то добрѣе и даже сама вступала въ разговоръ. Разспрашивала его о Суслонѣ, какъ живетъ Емельянъ съ тайною женой, что подѣлываетъ Михей Зотычъ и т. д. Замараевъ каждый разъ думалъ, что Серафима утишилась и признала его за равноправнаго родственника, но каждое утро его разочаровывало въ этомъ, — утромъ къ Серафимѣ не было приступа и она не отвѣчала ему и даже не смотрѣла на него. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что она не хотѣла уронить своего достоинства при мужѣ. Но, въ концѣ-концовъ, онъ понялъ истинную причину.

Разъ за вечернимъ чаемъ Серафима была особенно оживлена и проговорила:

— Скучно вамъ у насъ, Флегонтъ Васильичъ?

— Зачѣмъ скучать? Нѣтъ, ничего.

— Вѣдь, я вижу... И мнѣ тоже скучно. Вотъ что, давайте играть въ дурачки.

— Что же, съ удовольствіемъ, Серафима Харитоновна. Мы иногда съ нашею попадѣей Луковной до златоря играемъ... Даже ссоримся.

Они устроились тутъ же, за чайнымъ столикомъ. Серафима подсѣла совсѣмъ близко и Замараевъ, сдавая карты, долженъ былъ наклоняться. Когда онъ остался въ дуракахъ, и Серафима расхохоталась, на него вдругъ пахнуло виномъ. Игра повторилась въ другой разъ, и Замараевъ замѣтилъ то же самое. Серафима выходила по нѣскольку разъ изъ-за стола и возвращалась изъ своей комнаты еще веселѣе. Больше не оставалось сомнѣнія, что она тайкомъ напивалась каждый вечеръ тою самою мадерой, которую нещадно пило все Заполье. Разъ Серафима «перепаратила» на столько, что даже чуть не упала.

Что было дѣлать Замараеву? Предупредить мужа, поговорить откровенно съ самой, объяснить все Анѳусѣ Гавриловнѣ, — ни то, ни другое, ни третье не входило въ его планы. Съ какой онъ стати будетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла? Да и доказать это трудно, а онъ можетъ остаться въ дуракахъ.

«Э, моя хата съ краю! — рѣшилъ писарь и махнулъ рукой. — Сказанное слово серебряное, а несказанное — золотое».

Въ домѣ Галактіона пахло уже мертвымъ.

Х.

Передъ самымъ отъѣздомъ Галактіона была получена новая корреспонденція, взволновавшая все Заполье. Незвѣстный корреспондентъ раздѣлявалъ новыхъ дѣльцовъ, начавшихъ съ организаціи банка. Досталось тутъ и Галактіону, какъ перебѣжчику отъ своей купеческой партіи. Писалъ, видимо, человекъ свой, знавшій въ тонкости всѣ запольскія дѣла и всѣхъ запольскихъ воротилъ. Къ розысканію таинственнаго писака приняты были всѣ мѣры, которыя ни къ чему рѣшительно не привели. Обозленные банковцы дошли до невѣроятныхъ предположеній. Особенно волновался Штоффъ.

— Это писала протопопская дочь, — увѣрялъ онъ въ отчаяніи. — Она кончила гимназію, — ну, и написала.

Въ розыскѣ принялъ участіе даже Замараевъ, который подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ Галактіону:

— Некому больше, какъ вашему адвокату Мышникову. У тебя съ нимъ контры, вотъ онъ и написалъ. Не бойсь, о себѣ-то ничего не пишетъ. Некому другому, кромѣ него.

Какъ это иногда случается, отъ излишняго усердія даже неглупые люди начинали говорить глупости.

На Галактіона корреспонденція произвела сильное впечатлѣніе, потому что въ ней было много горькой правды. Его поразило больше всего то, что такъ просто раскрывались самыя тайныя дѣла и мысли, о которыхъ, кажется, знали только четыре стѣны. Этакъ, пожалуй, и шевельнуться нельзя, — сейчасъ накроютъ. Газета въ

его глазахъ получила значеніе какой-то карающей судьбы, которая всякаго найдетъ и всякому воздастъ по его заслугамъ. Это была не та мистическая правда, которой жили старинные люди, а правда новая, называвшая все-народно вещи ихъ именами.

Изъ Заполья Галактіонъ уѣхалъ подъ впечатлѣніемъ этой корреспонденціи. Вѣдь, если разобрать, такъ въ газетѣ сущую правду пропечатали. Дорогой какъ-то лучше думается, да и впечатлѣнія другія. Заводы Прохорова и К^о были уже въ степи и ѣхать до нихъ приходилось цѣлыхъ полтора сутокъ. Кругомъ разстилались поля. Теперь они были занесены снѣгомъ. Изрѣдка попадались степныя деревушки. Здѣсь уже была другая стройка, чѣмъ на Ключевой: избенки маленькія, крыши соломенные, надворныя постройки налажены кое-какъ изъ плетня, глины и соломы. Но народъ жилъ справно, благодаря большимъ надѣламъ, степному чернозему и близости орды, съ которой шла мѣна на хлѣбъ. Много было всякаго крестьянскаго добра, а корреспондентъ уже пишетъ о разореніи края и о будущемъ обѣднѣніи. Галактіону вдругъ сдѣлалось совѣстно, когда онъ припомнилъ слова отца. Вотъ и сейчасъ онъ ѣдетъ, въ сущности, по нечистому дѣлу, чтобы Стабровскій за здорово живешь получалъ стѣпное въ сорокъ тысячъ.

Да, нехорошо. А все отъ того, что приходится служить богатымъ людямъ. То ли бы дѣло, если бы завести хоть одинъ пароходикъ, — всѣмъ польза и никто не въ обидѣ.

— Ну, какъ вы тутъ живете? — спрашивалъ Галак-

тіонъ одного рыжебородаго ямщика, бойкаго и смышленнаго.

— А ничего, ваше степенство. Слава Богу, живемъ, нога за ногу не задѣваемъ.

Обернувшись, ямщикъ прибавилъ:

— У насъ вотъ какъ, ваше степенство... Теперь страда, когда хлѣбъ убираютъ, такъ справные мужички въ полѣ не дожинаютъ хлѣбъ начисто, а оставляютъ «Николѣ на бородку». Ежели которые бѣдные, — ну, тѣ и подберутъ остатки-то. Ничего, справно народъ живетъ. Богатѣи есть, у которыхъ по три года хлѣбъ въ скирдахъ стоитъ.

Отѣхавъ станцій пять, Галактіонъ встрѣтилъ, къ своему удивленію, Ечкина, который мчался на четверкѣ въ Заполье. Онъ остановилъ лошадей.

— Вы это къ Прохорову? — спрашивалъ Ечкинъ.

— Да... А вотъ вы были въ Петербургѣ, а ѣдете изъ степи.

— Э, батенька, волка ноги кормятъ! Изъ Петербурга я проѣхалъ черезъ Оренбургъ въ степь, дѣла есть съ проклятымъ Шахмой, а теперь качу въ Заполье. Ну, какъ у васъ тамъ дѣла?

— Да ничего, помаленьку.

— Вотъ все вы такъ: помаленьку да помаленьку, а я этого терпѣть не могу. У меня, батенька, цѣлая куча новыхъ проектовъ. Дѣла будемъ дѣлать. Едва уломалъ дурака Шахму. Стеариновый заводъ будемъ строить. Шахма, Малыгинъ и я. Потомъ вальцевую мельницу...

да. Потомъ стеклянный заводъ, кожевенный, бумагу будемъ дѣлать. По пути я откупилъ два соляныхъ озера.

Ечкинъ не утерпѣлъ и выскочилъ изъ своего щегольского зимняго экипажа. Онъ такъ и сіялъ здоровьемъ.

— Ахъ, сколько дѣла! — повторялъ онъ, не выпуская руки Галактіона изъ своихъ рукъ. — Вы меня, господа, оттерли отъ банка, ну, да я и не сержусь, — гдѣ наше не пропадало? У меня по горло другихъ дѣлъ. Скажите, Луковниковъ дома?

— Да... Онъ, кажется, никуда не ѣздитъ.

— Отлично. Мнѣ его до зарѣзу нужно. Полуянова засудили? Бубновъ умеръ? Слышалъ... Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, Галактіонъ Михеичъ. А я, какъ видите, не унываю. Сто неудачъ — одна удача, и въ этомъ заключается вся высшая математика. Вотъ только времени не хватитъ. А вы синдикатъ устраивать ѣдете?

— Какой синдикатъ?

— Ну, по - вашему, сдѣлочка. Знаю... До свиданія. Лечу.

Неугомонный человѣкъ исчезъ, какъ метеоръ. Ечкинъ поражалъ Галактіона своею необыкновенною энергіей, смѣлостью и умѣньемъ выпутаться изъ какого угодно положенія. Сначала онъ относился къ нему съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, какъ къ жиду, но теперь это дѣтское чувство совершенно заслонялось другими соображеніями. Вотъ какъ нужно жить на бѣломъ свѣтѣ, вотъ какъ работать.

Прохоровскіе винокуренные заводы въ степи пред-

ставляли собой что-то въ родѣ небольшого городка. Издали еще виднѣлись высокія дымившіяся трубы, каменные корпуса, склады зерна, амбары и десятки другихъ заводскихъ построекъ. Отдѣльно стояла контора, домъ самого Прохорова, квартиры для служащихъ и простыя избышки для рабочихъ. Мѣсто было глухое, и Прохоровъ выбралъ его по какому-то дикому капризу. Поговаривали, что главный расчетъ заключался въ отдаленности акцизнаго надзора, хотя это и относилось уже къ доброму старому времени.

Самъ Прохоровъ былъ дома. Впрочемъ, онъ всегда былъ дома, потому что никуда и никогда не ѣздилъ уже лѣтъ двадцать. Его мучило вѣчное недовѣріе ко всему и ко всѣмъ: обкрадутъ, подожгутъ, зарѣжутъ, — вообще изведутъ. Простой народъ называлъ его «пятачкомъ», — у Прохорова была привычка во что бы то ни стало обсчитать на пяточокъ. Вѣдь, никто не пойдетъ судиться изъ-за пяточка и терять время, а такихъ пяточковъ набѣгало при расчетахъ тысячи. Даже жалованье служащимъ онъ платилъ на пяточокъ меньше при каждой выдачѣ. Это былъ налогъ, который несли всѣ, такъ или иначе попадавшіе въ Прохоровку.

Галактіона винокуренный степной король принялъ съ особеннымъ недовѣріемъ.

— Такъ-съ, такъ-съ, — повторялъ онъ. — О Стабровскомъ слышали... да. А только это насъ не касается.

По наружности Прохоровъ напоминалъ ветхозавѣтнаго купца. Онъ ходилъ въ длиннополомъ сюртукѣ, смазныхъ сапогахъ и ситцевой рубахѣ. На видъ ему можно было

дать лѣтъ шестьдесятъ, хотя ни одинъ сѣдой волосъ не говорилъ объ этомъ. Крѣпкій, вообще, человекъ. Когда Галактіонъ принялся излагать подробно свою миссію, Прохоровъ остановилъ его на полдорогѣ.

— Это насъ не касается, милый человекъ. Господинъ Стабровскій сами по себѣ, а мы сами по себѣ... да-съ. И я даже удивляюсь, что вамъ отъ меня нужно.

— Вы сейчасъ не хотите понять, а потомъ будете жалѣть.

— Что дѣлать, что дѣлать. Только вы напрасно себя беспокоите.

— Я такъ и передамъ.

— Пожалуйста.

На прощанье упрямый старикъ еще разъ осмотрѣлъ гостя и проговорилъ:

— Да вы-то кто будете Стабровскому?

— Никто. Просто, онъ мнѣ поручилъ предупредить васъ и войти въ соглашеніе.

— Такъ-съ, такъ-съ... Весьма даже напрасно. Ваша фамилія Колобовъ? Сынокъ, должно быть, Михею Зотычу? Знавалъ старичка... Лѣтъ съ тридцать не видались. Кланяйтесь родителю. Очень жаль, что ничего не могу сдѣлать вамъ пріятнаго.

Эта неудача для Галактіона имѣла спеціальное значеніе. Прохоровъ показалъ ему его полную ничтожность въ этомъ дѣловомъ мірѣ. Что онъ такое, въ самомъ дѣлѣ? Прохоровъ только изъ вѣжливости не наговорилъ ему дерзостей. Уѣзжая изъ этого разбойничьяго гнѣзда, Галактіонъ еще разъ вспомнилъ слова отца.

Стабровскій отнесся къ неудачѣ съ полнымъ равнодушіемъ.

— Что же, мы съ своей стороны сдѣлали все, — объяснилъ онъ. — Прохорову обойдется его упрямство тысячь въ пятьдесятъ — и только. Вотъ всегда такъ... Хочешь человѣку добро сдѣлать, по совѣсти, а онъ на стѣну. Будемъ воевать.

Планъ войны у Стабровскаго уже былъ готовъ, какъ и вся кабацкая географія. Оставалось только пустить всю машину въ ходъ.

— Говоря откровенно, мнѣ жаль этого стараго дурака, — еще разъ замѣтилъ Стабровскій, крутя усы. — И ничего не подѣлаешь. Будемъ бить его же пятачкомъ, а это самая безпощадная изъ всѣхъ войнъ.

За завтракомъ у Стабровскаго Галактіонъ неожиданно встрѣтилъ Харитину, которая пріѣхала вмѣстѣ съ Ечкинымъ. Она была въ черномъ платьѣ, которое еще сильнѣе вытѣняло молочную бѣлизну ея шеи и рукъ. Галактіону было почему-то непріятно, что она пріѣхала именно съ Ечкинымъ, который сегодня сіялъ, какъ вербный херувимъ.

— Давненько мы не видались, — заговорила она первая, удерживая руку Галактіона въ своей. — Ну, какъ поживаешь? Впрочемъ, что я тебя спрашиваю? Мнѣ - то какое до тебя дѣло?

— Зачѣмъ ты пріѣхала съ Ечкинымъ? — тихо спросилъ Галактіонъ, не слушая ея болтовни.

— Да такъ... Онъ такой смѣшной. Все ѣздитъ ко мнѣ

болтаеть разный вздоръ, а сегодня потащилъ сюда. Скучно... Поневолѣ радъ каждому живому человѣку.

— А мужъ?

— Онъ все Богу молится. Да и пора грѣхи замаливать. А что твоя Серафима?

— Въ самый бы разъ отправить ее вмѣстѣ съ Полуяновымъ.

— Смотри, Галактіонъ, теперь вотъ ты ломаешься да мудришь надъ Серафимой, а Богъ-то и найдетъ. Это ужъ всегда такъ бываетъ.

— Э, все равно, — одинъ конецъ! Тошно мнѣ!

Галактіонъ больше не разговаривалъ съ ней и старался даже не смотрѣть въ ея сторону. Но онъ не могъ не видѣть Ечкина, который ухаживалъ за Харитиной съ откровеннымъ нахальствомъ. У Галактіона передъ глазами начали ходить красные круги, и онъ послѣ завтрака рѣшительнымъ тономъ заявилъ Харитинѣ:

— Я тебя провожу домой.

— Меня Борисъ Яковличъ провожаетъ.

Галактіонъ посмотрѣлъ на нее такими безумными глазами, что она сейчасъ же съ дѣтскою торопливостью начала прощаться съ хозяевами. Когда они выходили изъ столовой, Стабровскій поднялъ брови и сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— Они добромъ не кончатъ, эти молодцы.

— Ахъ, какая она красавица! — говорила съ завистью пани Стабровская, любовавшаяся всякимъ здоровымъ человѣкомъ. — Право, такимъ здоровымъ и силь-

нымъ людямъ и умереть не страшно, потому что они живутъ и знаютъ, что значить жить.

— Да, это нужно имѣть въ виду почтенному Борису Яковлевичу, — шутилъ Стабровский. — Иногда кипучая жизнь проявляется въ не совсѣмъ удобныхъ формахъ.

— Я? Что же я, мнѣ все равно, — смѣшно оправдывался Ечкинъ, улыбаясь виноватою улыбкой. — Я, дѣйствительно, немножко ухаживалъ за Харитиной Харитоновной, но я, вѣдь, не виноватъ, что она такая хорошенькая.

— Прежде всего, мой милый, тебя въ этихъ дѣлахъ всегда выручало спасительное чувство страха.

Галактіонъ молча усадилъ Харитину на извозчика и, кажется, готовъ былъ промолчать всю дорогу. Чувство страха, охватившее ее у Стабровскихъ, смѣнилось теперь мучительнымъ желаніемъ освободиться отъ его присутствія и остаться одной, совершенно одной. Потомъ ей захотѣлось сказать ему что-нибудь непріятное.

— На свадьбѣ у Прасковьи Ивановны ты, конечно, будешь? — спросила она Галактіона съ дѣльныхъ спокойствіемъ, когда уже подѣзжали къ дому.

— Ечкинъ будетъ посаженнымъ отцомъ, а я шаферомъ.

— Оставь, пожалуйста, Ечкина въ покоѣ. Какое тебѣ дѣло до него?

— А вотъ какое.

Галактіонъ схватилъ ее за руку и пребольно сжалъ, такъ что у нея слезы выступили на глазахъ.

— Ты, кажется, думаешь, что я твоя жена, которую

ты можешь бить, какъ бьешь Серафиму?—проговорила она дрогнувшимъ голосомъ.

Онъ только засмѣялся, высадилъ ее у подъѣзда и, не простившись, пошелъ домой.

XI.

Харитина взбѣжала къ себѣ въ квартиру по лѣстницѣ, какъ сумасшедшая, и сейчасъ же затворила двери на ключъ, точно Галактіонъ гнался за ней по пятамъ и могъ ворваться каждую минуту.

«Вотъ нахаль!—повторяла она, улыбаясь и размахивая рукой, у которой отъ пожатія Галактіона слились пальцы.—Это какой-то сумасшедшій!»

Она опять лежала у себя въ спальнѣ на кровати и смѣялась неизвѣстно чему. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей, что Галактіонъ придетъ къ ней непременно, придетъ противъ собственной воли, злой, сумасшедшій, жалкій и хорошій, какъ всегда. Какъ онъ давеча посмотрѣлъ на нее у Стабровскихъ—точно огнемъ опалилъ. Харитина захохотала и спрятала голову въ подушку. Интересно было бы свести его съ Ечкинымъ. Потомъ Харитинѣ вдругъ пришла въ голову мысль, которая заставила ее сѣсть на кровати. Да, вѣдь, это онъ, Галактіонъ, подослалъ къ ней этого дурака писаря съ деньгами, и она ихъ взяла. Ахъ, какая дура! И какъ было не догадаться? Харитина озлилась на это непрошенное участіе Галактіона и сразу успокоилась. Теперь она была рада, что онъ придетъ. Да, пусть придетъ.

Галактіонъ, дѣйствительно, пришелъ вечеромъ, когда

было уже темно. Въ первую минуту ей показалось, что онъ пьянъ. И глаза красные, и на ногахъ держится не твердо.

— Ты зачѣмъ это ко мнѣ пьяный приходишь?—проговорила она.

— Я? Пьяный?—повторилъ машинально Галактіонъ, очевидно, не понимая значенія этихъ словъ. — Ахъ, да!... Дѣйствительно, пьянъ... тобой пьянъ. Ну, смотри на меня и любуйся, несчастная. Только я не пьянъ, а схожу съ ума. Смѣйся надо мной, радуйся. Вѣдь, ты знала, что я приду и впередъ радовалась? Да, вотъ я и пришелъ.

Галактіонъ присѣлъ къ столу, закрылъ лицо руками, и Харитина видѣла только, какъ вздрагивали у него плечи отъ подавленныхъ рыданій. Именно этого Харитина не ожидала и растерялась.

— Галактіонъ, Богъ съ тобой,—бормотала она упавшимъ голосомъ. — Какой ты, право. Мнѣ хуже во сто разъ, да, вѣдь, я ничего.

— Ничего ты не понимаешь — вотъ и ничего. Ну, зачѣмъ я сюда пришелъ?

Онъ поднялся и, не вытирая катившихся по лицу слезъ, посмотрѣлъ на нее давешними безумными глазами.

— Ты думаешь, что я тебя люблю? Нѣтъ, я пришелъ сказать тебѣ, что ненавижу тебя... всю ненавижу... и себя ненавижу... Ненавижу и жалѣю... Какъ-то кругомъ все пусто... темно... и страшно-страшно. И Симу жаль, и дѣтишекъ. Малюсенькія, а ужъ начинаютъ понимать по-своему, что въ домѣ неладно. Встрѣтишь зна-

комаго и боишься, что вотъ онъ скажетъ тебѣ то самое, о чемъ боишься думать. Какъ-то я былъ у старика Луковникова, такъ ему на меня было стыдно смотрѣть. Развѣ я не понимаю? А я безсовѣстнымъ прикинулся и все притворялся, что ничего не замѣчаю.

— Тебѣ ужъ это кажется все.

— Ничего не кажется, а только ты не понимаешь. Вѣдь, ты вся пустая, Харитина... да. Тебѣ все равно: вотъ я сейчасъ сижу, завтра будетъ сидѣть здѣсь Ечкинъ, послѣ-завтра Мышниковъ. У тебя и стыда никакого нѣтъ. Развѣ дѣвушка со стыдомъ пошла бы замужъ за пьяницу и грабителя Полуянова? А ты его цѣловала, ты... ты...

У Галактіона перехватило горло отъ запоздавшей ревности къ Полуянову и онъ въ изнеможеніи схватился за грудь.

— Говори... ну, говори все, — настаивала Харитина. — Я жена Полуянова, а ты... ты...

— Молчи, ради Бога, молчи!

— Нѣтъ, ты молчи, а я буду говорить. Ты за кого это меня принимаешь, а? Съ кѣмъ деньги-то подослалъ? Писарь - то своей писарихѣ все расскажетъ, а писариха маменькѣ, и пошла слава, что я у тебя на содержаніи. Не велика радость! Ну, теперь ты говори.

— Оно, дѣйствительно, глупо вышло, а только я, Харитина...

— Только меня срамишь. Теперь про меня все можно говорить, кому что понравится.

— О тебѣ же заботился. Въ самомъ дѣлѣ, Харитина,

будемъ дѣло говорить. Къ отцу ты не пойдешь, мужъ ничего не оставилъ, надо же чѣмъ-нибудь жить? А тутъ еще пѣдвернутся добрые люди въ родѣ Ечкина. Вѣдь, оно всегда такъ начинается: сегодня смѣшное, завтра еще смѣшнѣе, а послѣ-завтра и поправить нельзя.

— По себѣ судишь?

Это былъ намекъ на Прасковью Ивановну, и Галактіонъ немного смутился.

— Оставь глупости. Я серьезно говорю. Пока что, я, дѣйствительно, хотѣлъ тебѣ помочь.

— А потомъ?

— Потомъ видно будетъ, что и какъ.

— Дешево содержанку хочешь купить, Галактіонъ Михеичъ.

— Перестань молоть!

Этотъ дѣловой разговоръ утомилъ Харитину и она нахмурилась. Въ самомъ дѣлѣ, что это къ ней всѣ при-вязываются, точно сговорились въ одинъ голосъ: чѣмъ будешь жить, да какъ будешь жить? Живутъ же другія вдовы и никто ихъ не пытается.

— Ну, ладно, не будемъ теперь объ этомъ говорить, — рѣшилъ Галактіонъ, махнувъ рукой. — Развѣ съ тобой кто-нибудь сговаривалъ?

Онъ опять сѣлъ къ столу и задумался. Харитина ходила по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Его присутствіе начинало ее тяготить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей было бы непріятно, если бъ онъ взялъ да ушелъ. Эта двойственность мыслей и чувствъ все чаще и чаще мучила ее въ послѣднее время.

— Вѣдь, вотъ старики-то прожили вѣкъ, — думалъ Галактіонъ вслухъ, отдаваясь внутреннему теченію своихъ мыслей. — Да, цѣлый вѣкъ прожили. И худо было, и хорошо, а все - таки прожили. Домъ не пустовалъ, безпризорныя жены не оставались. Эхъ, не ладно!... Вотъ я ѣхалъ, Харитина, въ степи, а ямщикъ рассказываетъ, какъ у нихъ Николѣ на бородку оставляютъ, когда страда. И этого не будетъ... Все отберутъ, и никуда не уйдешь. Вотъ посмотри на меня: по видимости какъ будто и человѣкъ, а въ серединѣ ужь труха. Я-то первый своему брату купцу животы буду подводить. И самому мнѣ дѣваться некуда. И другіе прочіе народы тоже соображаютъ, гдѣ плохо лежитъ. Вонъ Замараевъ - то кассу ссудъ хочетъ открывать въ Запольѣ.

— Онъ ужь меня въ кассирши приглашалъ.

— Тебя?... Ха-ха... Это будетъ у васъ театръ, а не ссудная касса. Первымъ дѣломъ—ему жена Анна глаза выцарапаетъ изъ-за тебя, а второе, ты пинешь какъ курица лапой.

— Выучусь.

— Другому чему не научись.

— Тебя не спрошу. Послушай, Галактіонъ, мнѣ надоѣло съ тобой ссориться. Понимаешь, и безъ тебя тошно. А ты тутъ еще пристаешь... И о чемъ говорить: нечѣмъ будетъ жить—въ прорубь головой. Такихъ ненужныхъ бабенокъ и хлѣбомъ не стоить кормить.

Харитина не понимала, что Галактіонъ приходилъ къ ней умирать, въ немъ мучительно умиралъ тотъ простой русскій купецъ, который еще могъ жалѣть и себя, и дру-

гихъ и говорить о совѣсти. Положимъ, что онъ не умѣлъ ей высказать вполне ясно своего настроенія, а она была еще глупа молодою бабьей глупостью. Она даже разсердилась, когда Галактіонъ вдругъ поднялся и началъ прощаться.

— Ты это куда?

— Куда-нибудь надо идти. Не все ли равно, куда ни идти? Ну, прощай, Харитина.

Она молча подала ему руку и не шевельнулась съ мѣста, чтобы проводить до передней. Въ ея душѣ жило смутное ожиданіе чего-то, и вотъ этого именно и не случилось.

Вечеромъ, измучившись отъ тоски, Харитина отправилась къ матери, гдѣ, къ своему удивленію, застала Замираева, который уже называлъ ее сестрицей.

— Вотъ тятеньки нѣтъ дома, значить, я — гость, — объяснилъ онъ откровенно. — Горденекъ Харитонъ Артемьичъ, а напрасно-съ.

Анеуса Гавриловна была рада суслонскому зятю. Положимъ, не изъ важныхъ зять, а все-таки живетъ хорошо и родню уважаетъ. Ей дѣлалось совѣстно за мужа, который срамитъ писаря въ глаза и за глаза. Каковъ ужь есть, — изъ своей кожи не выльзешь. Въ малыгинскомъ домѣ вообще переживалось тяжелое время: Лѣодоръ сидѣлъ въ острогѣ, ожидая суда, Полуянова надняхъ отправляли въ Сибирь, Галактіонъ жилъ не ладно, — все какъ-то шло врозь. А тутъ еще Харитина со своею красотою осталась ни на дворѣ, ни на улицѣ. Послѣднюю дочь Агнію, и ту запорочила Бубниха своимъ

сватовствомъ. Теперь дѣвушкѣ никуда глазъ нельзя показать въ люди. Она даже похудѣла съ горя и ходила какъ въ воду опущенная, и пряталась въ своей комнаткѣ отъ чужихъ.

— Ужъ эта Бубниха! — удивлялась Анѳуса Гавриловна. — И что ей было изводить дѣвушку? Подвела жениха, а потомъ сама за него поклалась.

— Это она съ горя, маменька, — объясняла Харитина. — Ей до зла-горя нравился Мышниковъ, а Мышниковъ все за мной ухаживалъ, — ну, она съ горя и махнула за доктора. На, милъ сердечный другъ, полюбуйся!

— И не пойму я васъ, нонѣшнихъ, — жаловалась старушка. — Никакой страсти въ нонѣшнихъ бабахъ нѣтъ. Не къ добру это, когда курицы по-пѣтушиному запоютъ.

Въ другой разъ Анѳуса Гавриловна отвела бы душеньку и побранила бы и дочерей, и зятьевъ, да опять и нельзя: Полуянова ругать — битаго бить, Галактіона — дочери досадить, Харитину — съ непокрытой головы волосы драть, сына Людора — себя изводить. Болѣло материнское сердце день и ночь, а взять не съ кого. Вотъ и сейчасъ, налетѣла Харитина незнамо зачѣмъ и сидитъ какъ зачумленная. Только и радости, что суслонскій писарь, который все-таки разныя слова разговариваетъ и всѣмъ старается угодить.

— Богоданная маменька, какъ будто вы изъ лица сегодня не совсѣмъ?

— Охъ, тоже и скажетъ! На што мнѣ и лицо это самое? Провалилась бы я, кажется, скрозь землю, а ты: изъ лица не совсѣмъ!

— Не убивайтесь, богоданная маменька: можетъ, всё дѣла помаленьку наладятся. Господь терпѣль и намъ наказаль терпѣть. Испытанія Господь посылаетъ любя и любя наказуетъ за нашу гордость. Кто погордится, а ему сейчасъ усмиреніе.

— Это ты на Харитона Артемьича?

— Зачѣмъ же-съ? Такъ, вообще-съ.

Сегодня Замараевъ имѣль какой-то особенно таинственный и загадочно-грустный видъ. Онъ воспользовался моментомъ, когда Анѳуса Гавриловна зачѣмъ-то вывернулась изъ комнаты, поманиль пальцемъ Харитину и змѣинымъ сипомъ сказалъ:

— Сестрица, и что я вамъ скажу.

Затѣмъ онъ оглянувшись, подошелъ совсѣмъ близко, такъ что Харитина могла убѣдиться, что онъ за обѣдомъ наѣлся по-деревенки луку, и еще таинственнѣе спросилъ:

— Ужъ какъ мнѣ быть—ума не приложу... Ахъ, какое дѣло, сестрица!

— Да ну тебя, говори толкомъ!—вскипѣла Харитина.

— Дѣло слѣдующее-съ, т.-е. собственно два дѣла-съ, сестрица. Первое, что сестрица Серафима подверглась прахтикованному запою.

— Сима?...

— Онѣ-съ... Я, вѣдь, у нихъ проживаю и все вижу, а сказать никому не смѣю, даже богоданной маменькѣ. Не повѣрятъ-съ. И даже меня же могутъ завинить въ на-праслинѣ. Жена передъ мужемъ всегда выправится, и я же останусь въ дуракахъ. Это я на счетъ Галактіона, сестрица. А вотъ ежели бы вы, напримѣрно, вечеромъ

заглянули къ нимъ, такъ собственноручно увидѣли бы всю грусть. Весьма жаль.

Это извѣстіе ужасно поразило Харитину. У нея точно что оборвалось въ груди. Вѣдь, это она, Харитина, кругомъ виновата, что сестра съ горя спилась. Да, она... Ей живо представился весь ужасъ положенія всей семьи Галактіона, иллюстрировавшагося народною поговоркой: мужъ пьетъ—крыша горитъ, жена запила—весь домъ. Дальше она уже плохо понимала, что ей говорилъ За-мараевъ о какомъ-то стеариновомъ заводѣ, объ Ечкинѣ, который затягиваетъ богоданнаго тятеньку въ это дѣло, и т. д.

— А мать ничего не знаетъ? — прервала она потокъ писарскаго краснорѣчія.

— Никакъ нѣтъ-съ, потому какъ сестрица Серафима наѣзжаютъ къ нимъ по утрамъ, когда еще онѣ въ своемъ видѣ. А по вечерамъ онѣ даже не сказываются дома, ежели, напримѣрно, навернутся гости.

— И давно это съ ней? Впрочемъ, что это я спрашиваю глупости? Надо все матери рассказать.

— Ужь это только вы, сестрица, сдѣлайте, а я не смѣю.

Когда Анеуса Гавриловна вернулась, Харитина даже раскрыла ротъ, чтобы сообщить роковую новость, но удержалась и только покраснѣла. У нея не хватило мужества принять на себя первый напоръ материнскаго горя. Замараевъ понялъ, почему сестрица струсилла, сдѣлалъ благочестивое лицо и только угнетенно вздыхалъ.

Харитина посидѣла еще изъ приличія и ушла въ комнату къ сестрѣ Агніи, чего раньше никогда не дѣлала.

— Что это попритчилось нашей исправницѣ?—удивлялась Анѳуса Гавриловна.—Раньше-то Агнію и за сестру не считала.

— Молодо-зелено, маменька.

ХП.

Открытый въ Запольѣ банкъ, дѣйствительно, сразу оживилъ все, точно хлынула какая-то магическая сила. Запольское купечество заволновалось, придумывая новые «способа» и «средствія». Всѣ отлично понимали, что жить попрежнему невозможно и что жить по-новому безъ банка, т.-е. безъ кредита, тоже невозможно. Попрежнему среднее купечество могло вести свои обороты съ личнымъ капиталомъ въ двадцать-тридцать тысячъ, а сейчасъ объ этомъ нечего было и думать. Особенно ясно это сдѣлалось всѣмъ, когда Стабровскій объявилъ открытую войну Прохорову и К°. Чтобы открыть дѣйствіе своего завода, онъ началъ производить закупку хлѣба въ невиданныхъ еще размѣрахъ. Штоффъ забиралъ весь хлѣбъ въ Запольѣ, а Галактіонъ въ Суслонѣ. Въ общемъ, вся эта хлѣбная операція достигала на первый разъ почтенной цифры въ четыреста тысячъ пудовъ. Только теперь запольскіе хлѣбники, скупавшіе десятками тысячъ, поняли ту печальную истину, что рынокъ отъ нихъ ушелъ и что цѣну хлѣба даже теперь уже ставятъ довѣренныя Стабровскаго. Они били своихъ кон-

куррентовъ по всѣмъ боевымъ хлѣбнымъ пунктамъ самымъ простымъ способомъ, набавляя всего четверть копѣйки на пудъ. Что значило Стабровскому выкинуть лишнюю тысячу рублей на эту беспощадную войну, а другимъ тягаться уже становилось не подъ силу. Всѣ понимали также, что всѣ эти убытки Стабровскій наверстаетъ вдвойнѣ—и на скупленномъ хлѣбѣ, и на водкѣ, а потомъ будетъ ставить цѣну, какую захочетъ. А главное—его выручалъ банкъ, дававшій тѣ средства, которыхъ не доставало. И вездѣ почувствовалась гнетущая власть наваливавшейся новой силы.

Результатомъ этого движенія было то, что сразу открылся цѣлый рядъ новыхъ предпріятій. На первомъ планѣ выдвинулась постройка громаднаго стеариноваго завода, устраивавшагося новою компаніей, составленною Ечкинымъ: въ нее входили самъ Ечкинъ, Шахма и старикъ Малыгинъ. Дѣло затѣвалось миллионное, и всѣ только охали. Пошатнулся и старикъ Луковниковъ, задумавшій громадную вальцевую мельницу въ самомъ Запольѣ,—онъ хотѣлъ перехватить у другихъ мелкотравчатыхъ мельниковъ пшеницу. Теперь дѣло сводилось именно на то, кто захватитъ впередъ и предупредить другихъ. Всѣ остальные тоже по мѣрѣ силъ набросились на новыя предпріятія, главнымъ образомъ—на хлѣбъ. По Ключевой строилось до десятка новыхъ мельницъ-крупчатокъ.

Это небывалое оживленіе всей хлѣбной торговли отразилось на всѣхъ сторонахъ коммерческой дѣятельности. Ходко пошелъ красный товаръ, скобяной, желѣзный, га-

лантерея, а главнымъ образомъ — кабакъ. Мужикъ продавалъ хлѣбъ и деньги тратилъ на ситцы, самовары и водку. Все исходило отъ этого хлѣба, въ немъ было основаніе и залогъ всего остального. Торговля въ Запольѣ оживилась до неузнаваемости, и прежнія лавки и лавчонки быстро превратились въ магазины съ зеркальными стеклами, гдѣ торговали безъ запроса. Возникла страшная конкуренція въ погонѣ за покупателемъ, и всѣ старались перещеголять другъ друга. Недостававшія деньги черпались полною рукой изъ банка. Удерживались отъ общаго потока только такіе заматорѣлые старики, какъ милліонеръ Нагибинъ, — онъ ничего не хотѣлъ знать и только покачивалъ своею головою.

— Распыхались наши купцы не къ добру, — пошепывалъ милліонеръ, точно колдунъ. — Охъ, не быть добру!... Очень ужъ круто повернулись всѣ, точно съ печи упали.

Происходили странныя превращенія и, можетъ быть, самымъ удивительнымъ изъ нихъ было то, что Харитонъ Артемьичъ, увлеченный новымъ дѣломъ, совершенно бросилъ пить. Сразу бросилъ, такъ что Анѳуса Гавриловна даже испугалась, потому что видѣла въ этомъ недобрый признакъ. Всю жизнь человѣкъ пилъ, а тутъ точно ножомъ обрѣзалъ.

— Нѣтъ, братъ, теперь не тѣ времена, — повторялъ онъ. — Дикость-то свою надо бросить, а то всѣ мы тутъ мохомъ обросли.

Новый стеариновый заводъ строился на упраздненной салотопенной заимкѣ Малыгина. По плану Ечкина вы-

ходило такъ, что Шахма будетъ поставлять степное сало, Харитонъ Артемьичъ завѣдывать всѣмъ дѣломъ, а онъ, Ечкинъ, продавать. Все, однимъ словомъ, было предусмотрено впередъ, особенно громадныя барыши, какъ законный результатъ этой компанейской дѣятельности.

Старикъ на столько увлекся своею новою постройкой, что больше ничего не желалъ знать. Дѣло дошло до того, что онъ отнесся какъ-то совсѣмъ равнодушно даже къ оправданію родного сына Ліодора.

— Лучше бы ужъ его въ Сибирь сослали, — думалъ онъ вслухъ. — Можетъ, тамъ наладился бы парень... Отецъ да мать не выучать, такъ добрые люди выучать. Вмѣстѣ бы съ Полуяновымъ и отправить.

Эта безчувственность больше всего огорчила Анѳусу Гавриловну, болѣвшую всѣми дѣтьми за-разъ. Рехнулся старикъ, ежели родного дѣтища не жалѣть. Высидѣвшій въ острогѣ цѣлый годъ Ліодоръ заявился домой, прожилъ дня два тихо и мирно, а потомъ стащилъ у матери столовое серебро и безслѣдно исчезъ.

— Охъ, напрасно его въ Сибирь не сослали, — жалѣлъ Харитонъ Артемьичъ, предчувствуя недоброе. — Еще зарѣжетъ съ пьяныхъ глазъ.

Въ своемъ увлеченіи Малыгинъ дошелъ до того, что не могъ равнодушно видѣть чужихъ построекъ, которыя ему казались лучше, чѣмъ у него. Онъ потихоньку ѣздилъ смотрѣть на строившуюся новую мельницу Луковникова и старался находить какіе-нибудь недостатки — трубу для паровой машины выводили слишкомъ высоко, пятиэтажный громадный корпусъ самой мельницы дать

осадку на лѣвый бокъ, выходившій къ Ключевой, и т. д. Стеариновый заводъ строился по одну сторону города, а вальцевая мельница по другую; это были аванпосты грядущихъ преобразованій.

Анеуса Гавриловна теперь относилась къ остепенившемуся мужу съ уваженіемъ и, выбравъ удачный моментъ, сообщила ему печальную новость о болѣзни Серафимы.

— Ну, это ужъ дѣло мужа, а не наше, — отвѣтилъ старикъ.

— Да, вѣдь, дочь-то наша?

— Много ихъ... На всѣхъ и жалости не хватитъ. Сама не маленькая. Что это Галактіона не видать?

— А онъ все ѣздитъ по дѣламъ Стабровскаго. Хлѣбъ скупаютъ съ Карлой въ четыре руки. Дома-то хоть трава не расти. Охъ, согрѣшила я, грѣшная, Харитонъ Артемичъ!

— Кабы хорошій, правильный мужъ у Серафимы, такъ бы онъ сразу вышибъ изъ нея эту дурь.

— Не дурь, а болѣсть. Я ужъ съ докторомъ совѣтовалась, съ Кацманомъ. Онъ хоша и изъ жидовъ, а правильный человѣкъ. Такъ и говорить: болѣсть въ Серафимѣ.

— Ну васъ совсѣмъ! Отстаньте! Не до васъ!... Съ пустяками только пристаешь. У меня въ башкѣ-то столбы ходятъ отъ заботы, а вы разные пустяки придумываете. Симкѣ скажи, промежду прочимъ, что я ее растерзаю.

Спорить и прекословить мужу Анеуса Гавриловна те-

перь не смѣла и даже была рада этому, потому что все-таки въ дому былъ настоящій хозяинъ, а не прежній пьяница. Хоть на старости лѣтъ пожить по-настоящему, какъ добрые люди живутъ. Теперь старушка часто ѣздила навѣщать Симу, благо мужа не было дома. Тамъ къ чему-то околачивалась Харитина. Такъ и юлитъ, такъ и шмыгаетъ глазами, безстыжая.

Въ сущности, ни Харитина, ни мать не могли услѣдить за Серафимой, когда она пила, а только къ вечеру она напивалась. Гдѣ она брала вино и куда его прятала, никто не зналъ. Въ своемъ пороѣкъ она ни за что не хотѣла признаться и клялась всѣми святыми, что про нее наггалъ проклятый писарь.

Галактіонъ, дѣйствительно, цѣлую зиму провелъ въ поѣздкахъ по тремъ уѣздамъ и являлся въ Заполье только для засѣданій въ правленіи своего банка. Онъ начиналъ увлекаться грандіозностью предстоявшей борьбы, и работалъ какъ волъ. Домой онъ пріѣзжалъ рѣдкимъ гостемъ и даже какъ-то не удивился, когда засталъ у себя Харитину, которая только что переѣхала къ нему жить.

— Что же, и отлично, — одобрилъ онъ эту новую выходку. — Симѣ одной скучно, а вдвоемъ вамъ будетъ веселѣе.

— Это ужъ наше дѣло, что тамъ будетъ, — загадочно отвѣтила Харитина, имѣвшая такой серьезный видъ. — А тебя не спросимъ.

Несмотря на нѣкоторую рѣзкость, Харитина замѣтно успокоилась и вся ушла въ домашнія дѣла. Она ухаживала за ребятишками, вела все хозяйство и зорко слѣди-

ла за сестрой. Къ Галактіону она отнеслась спокойно и просто, какъ къ близкому родственнику, и не испытывала предававшего ее волненія въ его присутствіи.

— А я тебя раньше, Галактіонъ, очень боялась, — откровенно признавалась она. — И не то, чтобы боялась по-настоящему, а такъ, разное въ голову лѣзло. Давно бы слѣдовало къ тебѣ переѣхать — и всему конецъ.

Онъ только сумрачно посмотрѣлъ на нее, пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ. Дѣйствительно, безопаснѣе мѣста, какъ его собственный домъ, она не могла выбрать.

Только разъ Галактіонъ поссорился съ своею гостьей изъ-за того, что она не захотѣла даже проститься съ мужемъ, когда его отправляли въ ссылку, и что въ видѣ насмѣшки послала ему на дорогу банку персидскаго порошка.

— Провожать ты его могла и не ходить, а смѣяться надъ человѣкомъ въ такомъ положеніи просто безсовѣстно, — выговаривалъ Галактіонъ.

— Я и не думала смѣяться... По этапамъ поведутъ, такъ порошокъ тамъ первое дѣло. Меня же будетъ благодарить.

Серафима относилась къ сестрѣ какъ-то безразлично и больше не ревновала ее къ мужу. По цѣлымъ днямъ она ходила вялая и апатичная и оживлялась только вечеромъ, когда непременно усаживала Харитину играть въ дурачки. Странно, что Харитина покорно исполняла всѣ ея капризы.

Для Галактіона вся зима вышла боевая, и онъ те-

перь только понялъ, что значить дохнуть некогда. Онъ подъ руководствомъ Стабровскаго выучился работать по-настоящему, изо дня въ день, изъ часа въ часъ, и эта неустанная работа затягивала его все сильнѣе и сильнѣе. Онъ чувствовалъ себя и легко, и хорошо, когда былъ занятъ.

— Бисмаркъ сказалъ, что умереть въ своихъ оглобляхъ, какъ водовозная кляча, — объяснялъ ему Стабровскій. — А намъ и Богъ велѣлъ.

Чѣмъ ближе Галактіонъ знакомился со Стабровскимъ, тѣмъ большимъ и большимъ уваженіемъ проникался къ нему, какъ къ человѣку, необыкновенному, начиная съ того, что совершенно было неизвѣстно, когда Стабровскій спалъ и вообще отдыхалъ. Только Галактіонъ зналъ, какъ работаетъ этотъ милліонеръ и съ какою осторожностью ведетъ свои дѣла. Война съ Прохоровымъ и К^о была задумана давно и теперь только осуществлялась шагъ за шагомъ по ранѣе выработанному плану. Одна закупка хлѣба чего стоила, и, не бывавъ ни на одномъ хлѣбномъ рынкѣ, Стабровскій зналъ дѣло лучше всякаго мучника.

— Самое интересное будетъ впереди, — объяснялъ Стабровскій. — Мы будемъ бить Прохорова шагъ за шагомъ его же пятачкомъ, пока не загонимъ совсѣмъ въ уголъ, и тогда уже въ качествѣ завоевателей пропишемъ ему условія, какія захотимъ. Раньше я согласенъ былъ получить съ него отступного сорокъ тысячъ, а сейчасъ меньше шестидесяти не возьму... да.

Галактіонъ просто ужаснулся, когда Стабровскій еще разъ обстоятельнѣйшимъ образомъ познакомилъ его со

всеми подробностями кабацкой географіи и наступательнаго плана кабацкой стратегіи. Впередъ намѣчены были главные боевые пункты, мѣста для винныхъ складовъ и цѣлая сѣть кабаковъ, имѣвшихъ въ виду парализировать дѣятельность Прохорова и К^о.

— Въ сущности, очень глупое дѣло, а интересно добиться своего,—объяснялъ Стабровскій.—Въ этомъ и заключается жизнь.

— Отчего бы вамъ, Болеславъ Брониславичъ, не заняться другимъ дѣломъ?—рѣшался замѣтить Галактіонъ.—Вѣдь, всякое дѣло у васъ пошло бы колесомъ.

— Что дѣлать, сейчасъ вѣрнѣе водки у насъ нѣтъ дѣла.

Впрочемъ, и самъ Галактіонъ начиналъ уже терять сознаніе разницы между промышленнымъ добромъ и промышленнымъ зломъ. Это дѣлалось постепенно, шагъ за шагомъ. У Галактіона начинала вырабатываться философія крупныхъ капиталистовъ, именно, что міръ созданъ спеціально для нихъ, а также для ихъ же пользы существуютъ и другіе людишки.

Только разъ Галактіонъ видѣлъ Стабровскаго вышибленнымъ изъ своей рабочей колеи. Онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ и, закрывъ лицо руками, глухо рыдалъ.

— Болеславъ Брониславичъ, успокойтесь.

— Ахъ, ничего мнѣ не нужно!... Все вздоръ!... Дидя, Дидя, Дидя!

Галактіонъ понялъ, что съ дѣвочкой припадокъ, именно случилось то, чего такъ боялся отецъ. Въ домѣ проис-

ходила безмолвная суета. Неслышными шагами пробѣжаль Кацманъ, потомъ Кочетовъ, потомъ пронеслась вихремъ горничная.

— Боже мой, за что ты меня наказываешь?— стоналъ Стабровскій, ломая руки.— Вѣдь, живутъ же дѣти бѣдняковъ, нищіе, подкидыши и здоровы, а у меня одна дочь... Ахъ, Дидя, Дидя!

Это громкое горе отозвалось въ душѣ Галактіона горькою ноткой, напоминая смутно о какой-то затаенной несправедливости.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Какъ быстро идетъ время, нѣтъ — летитъ. Давно ли, кажется, докторъ Кочетовъ женился на Прасковѣ Ивановнѣ, а ужъ прошло больше трехъ лѣтъ.

Почти каждый разъ, просыпаясь утромъ, докторъ нѣсколько времени удивлялся и старался сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ. Онъ жилъ въ бывшемъ кабинетѣ Бубнова, гдѣ все оставалось постарому. Тотъ же письменный столъ, на которомъ стояла чернильница безъ чернилъ, тотъ же угловой шкафчикъ, гдѣ хранилась у Бубнова завѣтная мадера, тотъ же коверъ на полу, кресло, этажерка въ углу, какая-то дамская шифоньерка. Женившись, докторъ пересталъ пить и черезъ годъ принялъ видъ нормальнаго человѣка. Это радовало всѣхъ знакомыхъ и всѣ приписывали этотъ переворотъ благотворному вліянію Прасковьи Ивановны. Самъ докторъ ни слова

не говорилъ никому о своей семейной жизни, даже Стабровскому, съ которымъ былъ ближе другихъ. Онъ молча мучился подъ давленіемъ мысли, что женился съ пьяныхъ глазъ, какъ замотавшійся купчикъ, и, притомъ, женился на богатой, что давало поводъ сдѣлать предположеніе о его самомъ корыстномъ благоразуміи. Доктору казалось, что всѣ именно такъ и смотрятъ на него и всѣ его презирають.

Семейная жизнь доктора сложилась какъ-то странно, и онъ удивлялся фантазіи Прасковьи Ивановны выйти за него замужъ. Она совсѣмъ не любила его и, кажется, никого не могла любить. Но у нея была какая-то болѣзненная потребность, чтобы въ домѣ непременно былъ мужчина, и, притомъ, мужчина непременно законный. Въ самый день свадьбы докторъ сдѣлалъ пріятное открытіе, что Прасковья Ивановна совсѣмъ не та женщина, какую онъ зналъ, бывая у покойнаго Бубнова въ теченіе пяти лѣтъ его запоя ежедневно, — больше того, онъ не зналъ, что за человѣкъ его жена и послѣ трехлѣтняго сожителства. Они оставались «на вы» и были болѣе чужими людьми, чѣмъ въ то время, когда докторъ являлся въ этотъ домъ гостемъ. Затѣмъ, докторъ началъ замѣчать за самимъ собой довольно странную вещь: онъ испытывалъ въ присутствіи жены съ глазу на глазъ какое-то гнетуще-неловкое чувство, какъ человѣкъ, котораго все ту же и ту же связываютъ веревками, и это чувство росло, крѣпло и захватывало его все сильнѣе. Между тѣмъ, Прасковья Ивановна рѣшительно ничего не дѣлала такого, что говорило бы о желаніи поработить его и, говоря вуль-

гарно, забрать подь башмакъ. Скорѣе она относилась къ нему равнодушно, какъ къ своимъ прикащикамъ, и чуть-чуть съ оттѣнкомъ холоднаго презрѣнія. Да, она третировала его молча и особенно третировала почему-то ненавистную для нея его «ученость». Докторъ волновался молча и глухо и какъ-то всѣмъ тѣломъ чувствовалъ, что не имѣетъ никакого авторитета въ глазахъ жены, а когда она была не въ духѣ или капризничала, онъ начиналъ обвинять себя въ чемъ-то ужасномъ, впадалъ тоже въ мрачное настроеніе и готовъ былъ на все, чтобы Прасковья Ивановна не дулась. Какая-то невидимая, болѣе сильная воля давила и глушила его.

Цѣлые часы докторъ проводилъ въ томъ, что разбиралъ каждый свой шагъ и ловилъ самого себя въ самомъ постыдномъ малодушіи. Напримѣръ, ему хотѣлось посидѣть вечеръ у Стабровскаго, гдѣ всегда есть кто-нибудь интересный, а онъ оставался дома изъ страха, что это не понравится Прасковѣ Ивановнѣ, хотя онъ сознавалъ, въ то же время, что ей рѣшительно все равно и что онъ ей нуженъ столько же, какъ прошлогодній снѣгъ. Сидя гдѣ-нибудь въ гостяхъ, докторъ вдругъ схватывался и уходилъ домой, несмотря на всѣ уговоры недавнихъ пріятелей посидѣть и не лишать компаніи. Онъ чувствовалъ, что вотъ эти самые пріятели начинаютъ презирать его за это малодушіе и за глаза смѣются надъ нимъ, какъ раньше самъ онъ вышучивалъ забитыхъ женами мужей.

Это самоѣдство все разросталось, и докторъ инстинктивно началъ сторониться даже людей, которые были расположены къ нему вполне искренно, какъ Стабровскій.

Доктора впередъ коробила мысль, что умный полякъ все видитъ, понимаетъ и про себя жалѣеть его. Именно, вотъ это сожалѣніе убивало доктора, поднимая въ немъ остатокъ мужской гордости.

«За кого они меня принимаютъ, чортъ ихъ всѣхъ по-бери?» — съ ожесточеніемъ думалъ про себя докторъ, чувствуя, что всѣхъ ненавидитъ.

Онъ отдыхалъ только у себя на службѣ, гдѣ чувствовалъ себя прежнимъ Кочетовымъ. Но и тутъ происходили удивительныя вещи: усиленное вниманіе, съ какимъ онъ относился къ своимъ больнымъ, казалось ему аффектированнымъ и дѣланнымъ и что, въ сущности, онъ только ломаетъ жалкую комедію, напрасно стараясь убѣжать хоть на нѣсколько часовъ отъ самого себя. Ему казалось, что и его пациенты это чувствуютъ и инстинктивно не довѣряютъ ему, а слушаютъ безграмотнаго фельдшера, который давилъ его тупою и самодовольною непосредственностью своей фельдшерской натуры.

Какъ за послѣдній якорь спасенія, докторъ хватался за святую науку, гдѣ его интересовала больше всего психіатрія, но здѣсь онъ буквально приходилъ въ ужасъ, потому что въ самомъ себѣ находилъ яркую картину всѣхъ ненормальныхъ психическихъ процессовъ. Наука являлась для него чѣмъ-то въ родѣ обвинительнаго акта. Онъ бросилъ книги и спряталъ ихъ какъ можно дальше, какъ преступникъ избыываетъ самыхъ опасныхъ свидѣтелей своего преступленія.

Оставалось еще одно средство, когда Кочетовъ чувствовалъ себя живымъ человѣкомъ: это — тѣ громовыя

обличительныя корреспонденціи, которыя онъ время отъ времени печаталъ въ столичныхъ газетахъ, разоблачая подвиги запольскихъ дѣльцовъ. Продѣлывалось это въ страшной тайнѣ, и даже Прасковья Ивановна не подозрѣвала, какой опасный человѣкъ ея мужъ. Дома писать докторъ не рѣшался, чтобы не попасться съ поличнымъ, онъ не смѣлъ затворить дверей собственнаго кабинета на ключъ, а сочинялъ корреспонденціи въ дежурной своей больницы. Но разъ онъ попался самымъ глупымъ образомъ. Съ истеричною больной сдѣлался припадокъ, докторъ бросился къ ней на помощь, позабывъ объ оставленной на столѣ рукописи,—этого было достаточно, чтобы имя таинственнаго корреспондента, давно интриговавшего все Заполье, было раскрыто. Можетъ быть, заглянулъ въ его рукопись фельдшеръ, можетъ быть, сидѣлка или Кацманъ, но это все равно, а только черезъ два дня Прасковья Ивановна явилась къ нему въ кабинетъ и съ леденящимъ презрѣніемъ проговорила:

— Такъ это вы, Анатолій Петровичъ, въ газетахъ всѣхъ ругаете? Очень превосходно... да. Нечего сказать, хорошая ученость—всѣхъ срамить!

— Прасковья Ивановна, вы...

— Я и разговаривать-то съ вами не желаю, несчастный!

Прасковья Ивановна повернулась и вышла.

Результатомъ этого рокового открытія было то, что когда докторъ уходилъ изъ дома, вслѣдъ неслоь:

— Корреспондентъ!...

Положеніе доктора вообще получалось критическое.

Всѣ смотрѣли на него, какъ на зачумленнаго. На его имя получались анонимныя письма съ предупрежденіемъ, что купцы нанимаютъ Ліодора Малыгина избить его до полусмерти. Только два самыхъ вліятельныхъ лица оставались съ нимъ въ прежнихъ отношеніяхъ—Стабровскій и Луковниковъ. Они были выше всѣхъ этихъ дразгъ и пересудовъ.

Раньше докторъ изрѣдка завертывалъ въ клубъ, а теперь бросилъ и это изъ страха скандала. Что стоило какому-нибудь пьяному купчинъ избить его, —личная неприкосновенность въ Запольѣ цѣнилась еще слишкомъ низко. Впрочемъ, докторъ приобрѣлъ, благодаря этимъ заключеніямъ, новаго друга въ лицѣ учителя греческаго языка только что открытой въ Запольѣ классической гимназіи, по фамиліи Харченко. Кстати, этотъ новый человѣкъ сейчасъ же по пріѣздѣ на мѣсто служенія женился на Агнии Малыгиной, дополнивъ коллекцію малыгинскихъ зятьевъ.

Г. Харченко явился къ Кочетову знакомиться и заявилъ ему свое полное сочувствіе.

— Очень радъ, докторъ... да. Мы поведемъ борьбу вмѣстѣ... да. Нужно держать высоко знамя интеллигенціи. Знаете, если бы открыть здѣсь свою собственную газету, да мы завязали бы въ одинъ узелъ всѣхъ этихъ купчишекъ, кабатчиковъ и вообще сибирскихъ человѣковъ.

— Если вы считаете меня богатымъ человѣкомъ, то это грустная ошибка, —предупредилъ Кочетовъ. —Газета прекрасная вещь, но она требуетъ денегъ во-первыхъ, во-вторыхъ и въ-третьихъ.

— О, за деньгами дѣло не станетъ! — увѣренно говорилъ Харченко. — Важно, чтобъ интеллигенція объединилась и дала отпоръ капиталу.

По наружности учителя греческаго языка трудно было предположить о существованіи такой энергіи. Это былъ золотушный, малорослый субъектъ съ большою головой рахитика и кривыми ногами. Къ удивленію доктора, въ этомъ хохлацкомъ выродкѣ, дѣйствительно, билась общественная жилка. Сначала онъ отнесся къ нему съ недоувѣріемъ, а потомъ былъ радъ, когда учитель завертывалъ потолоковать.

Попрежнему, докторъ бывалъ только у Стабровскаго. Старикъ всегда былъ радъ ему, хотя и мучилъ вѣчными разговорами о своей Дидѣ. Дѣвочкѣ было уже пятнадцать лѣтъ, но она плохо формировалась и рядомъ съ краснощекою и здоровою Устинькой походила на какую-то дальнюю бѣдную родственницу, которую не докармливаютъ и держать въ черномъ тѣлѣ вообще. Но за то умъ Диди работалъ гораздо быстрее, чѣмъ было желательно, и она была развита не по годамъ. Періодъ формированія дѣвочкѣ стоилъ очень дорого, и на ея лицѣ часто появлялось пугавшее отца выраженіе взрослой женщины.

— О, она плохо кончитъ! — увѣрялъ Стабровскій въ отчаяніи и самъ начиналъ смотрѣть на врачей, какъ на чудотворцевъ, отъ которыхъ зависѣло здоровье его Диди. — Теперь припадки на время прекратились, но есть двадцать первый годъ. Что будетъ тогда?

— Самое лучшее, что вы сдѣлаете, это — бросите читать медицинскія книги, — совѣтовалъ Кочетовъ.

Стабровскій, дѣйствительно, перерылъ всю литературу о нервныхъ болѣзняхъ и модной наслѣдственности и чѣмъ больше читалъ, тѣмъ больше приходилъ въ отчаяніе. Онъ въ своемъ отцовскомъ эгоизмѣ дошелъ до того, что точно былъ радъ, когда Устинька серьезно заболѣла тифомъ, будто отъ этого могло быть легче его Дидѣ. Потомъ онъ опомнился, устыдился и старался выкупить свою несправедливость усиленнымъ вниманіемъ къ больной.

Устинька лежала въ классной. Миссъ Дудль ни за что не согласилась отпустить больную домой, въ «пещерную обстановку». Эта привязанность замороженной англичанки тронула Семена Тарасыча до слезъ, и онъ согласился оставить дочь у Стабровскихъ. Та же миссъ Дудль настояла, чтобы лѣчилъ Устиньку докторъ Кочетовъ, а не Кацманъ. Она вообще питала тайныя симпатіи къ Кочетову и каждый разъ испытывала неловкое смущеніе въ его присутствіи. Теперь она была счастлива, что цѣлыхъ двѣ недѣли могла проводить съ докторомъ по нѣскольку часовъ въ день среди самой сближающей обстановки. Больная тоже предпочитала молодого доктора и слабо улыбалась, когда онъ входилъ въ ея комнату. Дидя, конечно, была изолирована, хотя брюшной тифъ и не заразителенъ.

Кочетовъ съ удовольствіемъ ѣхалъ каждый разъ къ своей больной и проводилъ здѣсь больше времени, чѣмъ было нужно. Тарасъ Семенычъ встрѣчалъ его умоляющими глазами, такъ что доктору дѣлалось даже совѣстно.

— Я тутъ не при чемъ, — точно оправдывался онъ. —

Все зависитъ отъ натуры... А Устинька, слава Богу, субъектъ вполне нормальный.

Было дня два, когда увѣренность доктора пошатнулась, но кризисъ миновалъ благополучно и дѣвушка начала быстро поправляться. Отецъ радовался какъ ребенокъ, и со слезами на глазахъ цѣловалъ доктора. Устинька тоже смотрѣла на него благодарными глазами. Однимъ словомъ, Кочетовъ чувствовалъ себя въ классной больше дома, чѣмъ въ собственномъ кабинетѣ, и его охватывала какая-то еще не испытанная теплота. Теперь Устинька казалась почти родной, и онъ смотрѣлъ на нее съ чувствомъ собственности, какъ на отвоеванную у болѣзни жертву.

«Какіе они всѣ хорошіе, простые и добрые! — думалъ часто докторъ. — И Устинька, и Тарасъ Семенычъ, и Стабровскій, и миссъ Дудль...»

Больная привязалась къ доктору и часто задерживала его своими разговорами. Чѣмъ-то такимъ хорошимъ, чистымъ и нетронутымъ вѣяло отъ этого дѣвичьяго лица, которому болѣзнь придала такую милую серьезность. Раньше докторъ не замѣчалъ, какое лицо у Устиньки, а теперь удивлялся ея типичной красотѣ. Да, это было настоящее русское лицо, хорошее своимъ простымъ выраженіемъ и какою-то затаенною ласковою силой.

Разъ докторъ засидѣлся у больной особенно долго и чувствовалъ себя какъ-то особенно легко.

— Мы скоро встанемъ на ноги и будемъ совсѣмъ большими, — шутилъ онъ. — У насъ опять будетъ румянецъ на щекахъ, а потомъ мы...

Докторъ вдругъ замолчалъ, нахмурился и быстро началъ прощаться. Миссъ Дудль, знавшая его семейную обстановку, пожалѣла доктора, котораго, можетъ быть, ждетъ дома неприятная семейная сцена за лишніе полчаса, проведенные у постели больной. Но докторъ не пошелъ домой, а безцѣльно бродилъ по городу часа три, пока не очутился у новой вальцевой мельницы Луковникова.

— Да... да... — вслухъ думалъ онъ и горько улыбался. — Да, я схожу съ ума... Это вѣрно... такъ и должно быть.

Голова доктора горѣла, ему дѣлалось душно, а передъ глазами стояло лицо Устиньки, — это именно то лицо, которое одно могло сдѣлать его счастливымъ, чистымъ, хорошимъ, и, увы, какъ поздно онъ это понялъ!

II.

Противъ гостиного двора на каменномъ домикѣ недавно умершаго соборнаго протопопа красовалась желтая вывѣска, гласившая краснорѣчиво: «Банкирская контора Замараева и К^о». Это учрежденіе существовало уже два года. Съ первыхъ же шаговъ дѣла пошли прекрасно. Явились и вкладчики, и кліенты, и закладчики. Потребность въ мелкомъ кредитѣ чувствовалась давно и контора попала «въ самую точку», какъ говорили обыватели. Самъ Замараевъ переодѣлся на городскую руку и держалъ себя вообще очень солидно. Жена Анна Харитоновна тоже употребляла самыя отчаянныя усилія, чтобъ от-

полировать себя на городскую руку, въ чемъ ей усиленно помогала «полуштофова жена», какъ записная модница.

— Деревеньщину-то пора бросать, — говорила она, давая наставленія, какъ устроить по-городски квартиру, какъ одѣваться и какъ вообще держать себя. — И знакомиться со всѣми тоже не слѣдуетъ... Какъ я буду къ вамъ въ гости ѣздить, ежели вы меня будете сажать за одинъ столъ съ какимъ-нибудь деревенскимъ попомъ Макаромъ или мельникомъ Ермилычемъ?

— Ужъ вы только научите насъ, сестрица, а мы по гробъ жизни будемъ вамъ благодарны.

Замараевы, устраиваясь по-городски, не забывали своей деревенской скупости, которая переходила уже въ жадность, благодаря легкой наживѣ. У себя дома они питались рѣдкой и горошницей, выгадывая каждую копѣйку и мечтая о томъ блаженномъ времени, когда, наконецъ, выдерутся въ настоящіе люди и наверстаютъ претерпѣваемые лишенія. Мужъ и жена шли рука объ руку и были совершенно счастливы.

— Да, безъ копѣчки и рублика не бываетъ, — говорилъ каждый вечеръ Замараевъ, укладываясь спать и подводя въ умѣ дневной балансъ.

Благодаря «полуштофовой женѣ», Замараевы завели приличныя знакомства и даже бывали въ клубѣ. За спиной ихъ бранили закладчиками и выжигами, а въ лицо улыбались и даже заискивали. Мелкое купечество, не пользовавшееся кредитомъ въ коммерческомъ банкѣ, обращалось за ссудами въ замараевскую контору, не говоря

уже о мелкихъ торговцахъ, ремесленникахъ и просто голытьбѣ. Деньги такъ и плыли въ новую контору, и въ какихъ-нибудь два года Замараевъ совсѣмъ оперился. Ему много помогъ Голяшкинъ, знавшій весь городъ, какъ свои пять пальцевъ, и являвшійся однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ конторы. Онъ сдѣлался своимъ человекомъ у Замараевыхъ и первымъ другомъ.

Чурался Замараевыхъ, попрежнему, одинъ Харитонъ Артемьичъ. Зятя онъ не пускалъ къ себѣ на глаза и говорилъ, что онъ только его срамитъ, и что ему низко водить хлѣбъ-соль съ ростовщиками. Можно представить себѣ удивленіе бывшего суслонскаго писаря, когда черезъ два года старикъ Малыгинъ заявился въ контору самолично.

— Пришелъ посмотришь на твою фабрику, — грубо объяснялъ онъ. — Любопытно, какъ вы тутъ публику обманываете... Признаться сказать, я всегда считалъ тебя дуракомъ, а вышло такъ, что ты и насъ поучишь... да. По нынѣшнимъ-то временамъ не вдругъ разберешь, кто дуракъ, кто умный.

— Все это вы, тятенька, такъ говорите для морали, а мы вамъ завсегда рады... Ужъ такъ рады... Чайку бы вечеромъ откушать.

— Ладно, ладно, не заговаривай зубовъ. Въ долгъ повѣрю... У меня изъ вашего брата, зятьевъ, цѣлой иконостасъ.

Харитонъ Артемьичъ давно уже не пилъ ничего и сильно постарѣлъ, — растолстѣлъ, обрюзгъ, посѣдѣлъ и какъ-то еще сильнѣе озлобился. Въ своемъ домѣ онъ являлся настоящею грозой.

Замараевъ, конечно, понималъ, что грозный тятенька не спроста приходилъ къ нему. Дѣйствительно, черезъ недѣлю онъ явился къ нему уже на квартиру, прямо къ вечернему чаю.

— Вотъ и пришелъ, — говорилъ онъ, тяжело дыша. — Да, пришелъ... И не самъ пришелъ, а неволя привела... да.

Замараевы не знали, какъ имъ и принять дорогого гостя, гдѣ его посадить и чѣмъ угостить. Замараевъ даже пожалѣлъ про себя, что тятенька ничего не пьетъ, а то онъ угостилъ бы его такою деревенскою настойкой по рецепту попа Макара, что съ двухъ рюмокъ заходили бы въ башкѣ столбы.

— Да вы не хлопочите: не за угощеньемъ я пришелъ, а по дѣлу. Ты бы, Анна, тово, вышла, а мы тутъ покалякаемъ.

— Пойдемте, тятенька, въ кабинетъ.

— Въ кабинетъ? Ахъ, ты, подкопленная мышъ!... Х-ха!... Тоже и слово знаетъ.

Усѣвшись въ кресло въ кабинетѣ, Харитонъ Артемьичъ вытеръ лицо бумажнымъ платкомъ и проговорилъ:

— Подлецы всѣ — вотъ что я тебѣ скажу, милый зятюшка. Вотъ ты меня и чаемъ угощаешь, и суетишься, наговариваешь: «тятенька! тятенька!» — а чортъ тебя знаетъ, какіе у тебя узоры въ башкѣ... да.

— Помилуйте, тятенька, да я... провалиться на этомъ самомъ мѣстѣ.

— Не перешибай. Не люблю... Говорю тебѣ русскимъ языкомъ: всѣ подлецы. И первые подлецы — мои зятя...

Молчи, молчи! Пашка Булыгинъ десятый годъ грозитъ меня удавить, нѣмецъ Штоффъ продастъ, Полуяновъ арестантъ, Галактіонъ самъ проданъ, этотъ греческій училищико тоже оборотень какой-то... Никому не вѣрю! Понимаешь?

— Въ лучшемъ видѣ все могу понять-съ, тятенька.

— Не перешибай, сказано тебѣ! — крикнулъ старикъ и даже стукнулъ кулакомъ по письменному столу. — Забылъ, съ кѣмъ разговариваешь-то? Всѣ подлецы... Мы были хороши, когда обманывали слѣпую орду кунарскими деньгами, а нашлись почище насъ. Вотъ какъ обуваютъ — одна нога въ сапогъ, а на другой ужь лапоть. Теперь возьми хоть мою стеариновую фабрику... Вѣдь, это прямо петля на шею! Травимъ-травимъ деньжищъ, а конца краю нѣтъ, точно въ яму какую. Прорва... Я больше ста тыщъ законопатилъ въ нее, Шахма близко двухсотъ, Ечкинъ векселей на столько же выдавалъ... Понялъ?

— Агромадное дѣло-съ, тятенька...

— Дуракъ! Кто тебя спрашиваетъ?

Старикъ даже вскочилъ и затрясся отъ злости, а потомъ бессильно опустился на кресло и какъ-то захрипѣлъ.

— Спьяну я тогда всунулся въ это самое дѣло... Некрещеный жидъ обошелъ. Ну, да ужь дѣло сдѣлано, а снявши голову, по волосамъ не тужать... Главное, что подлецы всѣ! Шахма ужь прижалъ уши и больше денегъ не даетъ, кыргызская образина, у Ечкина, окромя векселей, одни перстеньки да жилетки, значить, долженъ я

вывозить... Фабрика - то готова и стеариновые свѣчи мы дѣлаемъ, а тутъ изъ Казани насъ вотъ какъ зачали поджимать своею казанскою свѣчой. Дѣло-то на конкуренцію пошло, а барыши потомъ. Ежели я не дамъ денегъ—конецъ тому дѣлу. Жаль бросать... Понимаешь, затравка-то какая сдѣлана: сто тысячъ не баранъ начиналъ... да. То-есть, какъ я увижу сейчасъ эту самую стеариновую свѣчу, такъ меня даже мутить начинается. Дурака я свалялъ такого, что и не перелѣзешь. Прямо тебѣ говорю: дуракъ, старый дуракъ... По-настоящему какъ бы слѣдовало сдѣлать: повѣсить замочекъ на всю эту музыку—и конецъ тому дѣлу, да лиха бѣда, что я не одинъ—компаньоны не дозволяютъ.

Старикъ показалъ рукой, какъ онъ заперъ бы на замокъ провлятую фабрику и какъ его связали по рукамъ и по ногамъ компаньоны.

— Да, такъ вотъ какое дѣло, зятюшка... Нужно мнѣ одну штуку удумать, а посоветоваться не съ кѣмъ. Думалъ-думалъ, нѣтъ, никому не вѣрю... Продадутъ... А ты тоже продашь?

— Тятенька, да вотъ я сейчасъ образъ со стѣны сниму.

— Ну, ну, ладно... Притвори-ка дверь-то. Ладно... Такъ вотъ какое дѣло. Приходится везти мнѣ эту стеариновую фабрику на своемъ горбу... Понимаешь? Деньжонки у меня есть... ну, наскребу тысячъ съ сотню. Ежели ихъ отдать — у самого ничего не останется. Жаль... Тоже наживалъ... да. Я и хочу такъ сдѣлать: переведу весь капиталъ на жену, а самъ тоже буду век-

селя давать, какъ Ечкинъ. Ты, вѣдь, знаешь законы, такъ, какъ это самое дѣло по-твоему?

— Даже весьма просто: вы переводите весь капиталъ на маменьку, а она вамъ пишетъ духовную — такъ и такъ, отказываю все по своей смерти мужу въ вѣчное и потомственное владѣніе и собственность нерушимо. Домъ-то, вѣдь, на маменьку, — ну, такъ за-одно и капиталъ пойдетъ.

— А ошибки не выйдетъ?

— Какая же тутъ ошибка? Жена ваша и капиталъ, значить, вашъ, т.-е. тотъ, который вы положите на ея имя. Я могу вамъ и духовную составить... Въ лучшемъ видѣ все устроимъ. А тамъ векселей выдавайте, сколько хотите... Это ужъ извѣстная музыка, тятенька.

— Вотъ, вотъ... Люблю умственный разговоръ. Я тоже думалъ, а только законовъ-то не знаю и посовѣтоваться ни съ кѣмъ нельзя, — продадутъ. По нынѣшнимъ временамъ своихъ боишься больше чужихъ... да.

— Ужъ не сумлѣвайтесь, тятенька.

— Хорошо, я подумаю. А ты держи языкъ за зубами и даже женѣ — ни-ни.

— Помилуйте, какъ же можно, тятенька? Совсѣмъ даже не женское это дѣло.

Когда старикъ ушелъ, Замараевъ долго не могъ успокоиться. Онъ даже закрывалъ глаза, высчитывая впередъ разныя возможности. Что же, деньги сами въ руки идутъ... Горденекъ тятенька, — ну, за свою гордость и поплатится. Замараеву даже сдѣлалось страшно, — очень ужъ легко деньги давались.

Черезъ недѣлю старикъ опять явился. Проектъ духовной уже былъ готовъ.

— Главное, чтобы никто не зналъ, — упрасивалъ Харитонъ Артемьичъ.

— Будьте спокойны, комаръ носу не подточить.

Изъ предосторожности Харитонъ Артемьичъ сначала заставилъ жену подписать духовную, а потомъ уже внесъ сто тысячъ на ея имя въ коммерческій запольскій банкъ.

— Такъ-то будетъ вѣрнѣе, — говорилъ онъ, еще разъ прочитывая составленную Замараевымъ духовную. — Вотъ что, Флегонтъ, какъ я теперь буду благодарить тебя?

— Помилуйте, тятенька, да я для васъ изъ собственной кожи завсегда готовъ выскочить, а не то чтобы подобные сущіе пустяки.

— Хорошо, хорошо. Помру, такъ вамъ же все достанется. Не для себя хлопочу.

Устроивъ эту операцію, Харитонъ Артемьичъ совершенно успокоился и сразу повеселѣлъ. Что же, другіе живутъ и мы будемъ жить.

Въ малыгинскомъ домѣ было много перемѣнъ, начиная съ остепенившагося хозяина и кончая принятымъ въ домъ послѣднимъ зятемъ. Харитонъ Артемьичъ больше не ѣздилъ въ степь и всецѣло посвятилъ себя новой фабрикѣ и радостямъ семейной жизни. Послѣднему Анеуса Гавриловна, пожалуй, была даже и не рада, потому что очень ужъ «самъ» строилъ всѣхъ и неистово ругался съ утра до ночи. Отъ него всѣ домашніе теперь сторонились, по возможности избѣгая встрѣчъ. Даже бойкая Харитина, и

та появлялась только, когда отца не было дома. Исключение представлялъ новый зять. Сначала Харитонъ Артемьичъ относился къ нему, какъ къ дурачку, навеличивая «грецкою губой» и выкидывая разные грубые шутки. Харченко самъ за словомъ въ карманъ не лазилъ и въ свою очередь вышучивалъ тестя съ хохлацкимъ юморомъ. Иногда эти словесныя ратоборства принимали опасную форму и вступалась уже Анѳуса Гавриловна.

— Да будетъ вамъ, пѣтухи галанскіе... Еще подеретесь. Поговорили и довольно.

Въ теченіе цѣлаго года старушка присматривалась къ послѣднему зятю, подыскивая какой-нибудь недостатокъ, и рѣшительно ничего не могла найти. Главное, неизвѣстный совсѣмъ человѣкъ и потомъ съ хохлацкой стороны. Иногда старушкѣ приходили совсѣмъ нелѣпыя мысли: а вдругъ онъ двоеженецъ? Былъ одинъ такой случай въ Запольѣ, — простой бондарь и вдругъ оказался двоеженцемъ. Анѳуса Гавриловна точно боялась полюбить послѣдняго зятя, какъ любила раньше другихъ зятьевъ. Очень ужъ горько ей доставались они. Старушка, вообще, замѣтно опускалась и постепенно впадала въ старческое дѣтство. Боевой періодъ, когда она маялась съ мужемъ, дѣтьми и зятьями, миновалъ и она начинала чувствовать, что какъ будто ужъ и не нужна даже въ своемъ дому, а въ томъ родѣ, какъ гостья. Часто, сидя за обѣдомъ, когда «самого» не было, Анѳуса Гавриловна долго и внимательно разсматривала зятя, качала головой и говорила:

— И отколь ты взялся только, Иванъ Ѳеодорычъ?...

Вотъ ужъ воистину, что отъ своей судьбы не уйти. Гляжу я на васъ и думаю, точно я гостя... Право!

Старушка любила пожаловаться новому зятю на его предшественниковъ, а онъ такъ хорошо умѣлъ слушать ея старческую болтовню. Да и вообще аккуратный человекъ, какъ его ни поверни. Анеусъ Гавриловнѣ иногда дѣлалось смѣшно надъ Агніей, какъ она ухаживала за мужемъ, — такъ въ глаза и смотреть. Насидѣлась въ дѣвкахъ-то, такъ оно и любопытно съ своимъ собственнымъ мужемъ пожить.

Впрочемъ, у Харченка была одна привычка, которая не нравилась тещѣ: все-то ему нужно было знать и вездѣ онъ совалъ носъ, особенно по части городскихъ дѣлъ. И то не такъ, и это не такъ, — всѣхъ засудить и научить.

— Больно ты прытокъ до чужихъ дѣлъ, какъ я погляжу, Иванъ Ѳедорычъ, — замѣтила ему старушка. — И все у тебя не ладно.

— Нельзя, мамаша. Я человекъ общественный...

III.

Харитина жила, попрежнему, у Галактіона, нигдѣ не бывала и вела себя очень скромно, какъ настоящая вдова. Она какъ-то вся притихла, сдѣлалась серьезной и много занималась хозяйствомъ. За сестрой она ухаживала, какъ мать, и всячески старалась ее вылѣчить отъ запоя. Серафима продолжала упорствовать и ни за что не хотѣла сознаться въ своей болѣзни. Галактіонъ зналъ все, но не подавалъ виду, а только сталъ вести всѣ хозяй-

ственные дѣла съ Харитиной, — она получала деньги, производила всѣ расчеты и вела весь домъ. Она же наблюдала и дѣтей, которыя быстро росли и требовали ухода.

Многого, что дѣлается въ домѣ, Галактіонъ, конечно, не зналъ. Оставшись безъ денегъ, Серафима начала закладывать и продавать разные золотыя бездѣлушки, потомъ столовое серебро, платье и даже бѣлье. Услѣдить за ней было очень трудно. Харитина нарочно покупала сама проклятую мадеру и ставила ее въ буфетъ, но Серафима не прикасалась къ ней.

— Съ чего это ты взяла, что я буду пить мадеру? — удивлялась она. — Вотъ выдумаютъ!

Уговоры матери тоже не производили никакого дѣйствія, какъ наговоры и нашептыванья разныхъ старушекъ, которыхъ подсылала Анѳуса Гавриловна. Былъ даже выписанъ изъ скитовъ старецъ Анѳимъ, который отчитывалъ Серафиму по какой-то старинной книгѣ, но и это не помогло. Болѣзнь шла своимъ чередомъ. Она растолстѣла, опухла и ходила по дому, какъ тѣнь. На нее было страшно смотрѣть, особенно по утрамъ, когда ломало тяжелое похмѣлье.

По утрамъ Серафима иногда подсаживалась къ окну и плакала.

— Ты это о чемъ плачешь, Сима? — спрашивала Харитина.

— Такъ.

— У тебя что-нибудь болить?

— Нѣтъ... Уйди отъ меня.

— Ты на меня сердишься?

— Нѣтъ, я тебя боюсь... уйди... Скоро я умру, тогда... ахъ, я ничего не знаю!

О мужѣ она никогда не спрашивала, къ дѣтямъ была равнодушна и ни на что не обращала вниманія, до своего костюма включительно. Что ей подадутъ, то она и надѣнетъ.

Харитинѣ иногда казалось, что сестра ее упорно наблюдаетъ, точно хочетъ въ чемъ-то убѣдиться. Ей дѣлалось жутко отъ взгляда этихъ воспаленныхъ глазъ. Виноватой Харитина все-таки себя не чувствовала. Кажется, ужъ она про все забыла, да и не было ничего такого, въ чемъ бы можно было покаяться.

— Сима, ты меня не любишь?—спрашивала Харитина сестру, когда та изводила ее своимъ упорнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, люблю.

— Что ты такъ смотришь на меня?

— Красивая ты, вотъ я и смотрю... Тебя всѣ любятъ, и я тоже люблю. Красивымъ хорошо жить на свѣтѣ...

Разъ ночью Харитина ужасно испугалась. Она только что заснула, какъ почувствовала, что кто-то сидитъ у ней на кровати. Это была Серафима. Она пришла въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами, и, кажется, не понимала, что дѣлаетъ. Харитина взяла ее за руку и какъ лунатика увела въ ея спальню.

Какія отношенія были у Галактіона съ Харитиной, никто не зналъ, но всѣ говорили, что онъ живетъ съ ней, и удивлялись отчаянной смѣлости бывшей исправницы грѣшить на глазахъ у сестры.

Впрочемъ, Галактіонъ почти не жилъ дома, а все разъѣзжалъ по дѣламъ банка и дѣламъ Стабровскаго. Прохоровъ не хотѣлъ сдаваться и велъ отчаянную борьбу. Стороны зашли уже слишкомъ далеко, чтобы помириться на пустякахъ. Стабровскій съ каждымъ годомъ развивалъ свои операціи все шире и начиналъ тѣснить конкуррента уже на его территоріи. Весь вопросъ сводился только на то, которая сторона выдержитъ дольше. О пощадѣ не могло быть и рѣчи.

Все Зауралье и громадный степной край были заинтересованы этою отчаянною борьбой. Въ этихъ мирныхъ краяхъ еще не бывало ничего подобнаго. Всѣ слѣдили съ возрастающимъ интересомъ за исходомъ этого ратоборства, обставленнаго небывалыми средствами. Являлось уже вопросомъ чести, кто выйдетъ побѣдителемъ, и стороны не щадили ничего. Главнымъ дѣятелемъ со стороны Стабровскаго являлся Галактіонъ, который на столько увлекся этимъ дѣломъ, что считалъ его своимъ. Его затянула горячка борьбы, гдѣ уже не было мѣста размысленіямъ, что худо и что хорошо. Стабровскій не ошибся, выбравъ такого помощника, и при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ:

— Въ тотъ день, когда Прохоровъ принесетъ повинную, у васъ будетъ первый пароходъ... да. Даю вамъ мое честное слово.

Зная хорошо, что значить даже простое слово Стабровскаго, Галактіонъ ни на минуту не сомнѣвался въ его исполненіи. Онъ теперь пропадалъ цѣлыми недѣлями по деревнямъ и глухимъ волостямъ, устраивая новые

винные склады, заключая условія съ крестьянскими обществами на открытіе новыхъ кабаковъ, провѣряя сидѣльцевъ и т. д. Работы было по горло, и время летѣло совершенно незамѣтно. Галактіонъ самъ увлекался своею работою и проявлялъ рѣдкую энергію.

Склады и кабаки открывались въ тѣхъ же пунктахъ, гдѣ они существовали у Прохорова и К^о, и открывалось наступательное дѣйствіе пониженіемъ цѣны на водку. Получались уже техническія названія дешевыхъ водокъ: «прохоровка» и «стабровка». Мужики входили во вкусъ этой борьбы и усиленно пропивались на дешевкѣ. Случалось нерѣдко такъ, что конкурренты торговали уже себѣ въ убытокъ, чтобы только вытѣснить противника.

Характерный случай выдался въ Суслонѣ. Это была отчаянная вылазка со стороны Прохорова, именно, напасть на врага въ его собственномъ владѣніи. Трудно сказать, какой тутъ былъ расчетъ, но все произошло на столько неожиданно, что даже Галактіонъ смутился. Одно изъ двухъ: или Прохоровъ получалъ откуда-нибудь неожиданное подкрѣпленіе, или въ отчаяніи хотѣлъ погибнуть въ рукопашной свалкѣ. Важно было уже то, что Прохоровъ и К^о появились въ самомъ «горлѣ», какъ выражались кабатчики.

Галактіонъ полетѣлъ въ Суслонъ.

— Ничего не жалѣйте, чтобы задушить его, — давалъ Стабровский послѣднія инструкціи. — Раненый смертельно медвѣдь всегда бросается прямо на охотника... да.

Для Галактіона этотъ ходъ противника былъ крупною непріятностью, какъ непредусмотрѣнное дѣйствіе. Что

тутъ ни говори, а Прохоровъ живъ, о чемъ кричала каждая кабацкая вывѣска.

Дѣло было въ началѣ декабря, въ самый развалъ хлѣбной торговли, когда въ Суслонѣ являлись тысячи продавцовъ и скупщиковъ. Лучшаго момента Прохоровъ не могъ и выбрать, и Галактіонъ не могъ не похвалить находчивости умнаго противника.

Въ теченіе десяти лѣтъ Суслонъ совершенно измѣнилъ свою фізіономію. Изъ простаго зауральскаго села онъ превратился въ боевой торговый пунктъ, гдѣ начала развиваться уже городская торговля, какъ лавки съ краснымъ товаромъ, и даже появился галантерейный магазинъ. Раньше былъ одинъ кабакъ, а теперь цѣлыхъ десять. Простыя деревенскія избы перестраивались на городскую руку, обшивались тесомъ и раскрашивались. Появились дома съ мезонинами и городскими палисадниками. Суслонскихъ мужиковъ деревенскіе сосѣди называли купцами. Крупчатныя мельницы, выстроенныя на Ключевой, подняли торговлю пшеницей до неслыханныхъ размѣровъ, а винокуренный заводъ Стабровскаго скупалъ ежегодно до милліона пудовъ ржи. Повѣренныя крупныхъ фирмъ жили въ Суслонѣ безвыѣздно, что придавало ему видъ какого-то ярмарочнаго городка. Галактіонъ не былъ здѣсь больше трехъ лѣтъ, не желая встрѣчаться съ отцомъ, и былъ пораженъ происшедшею перемѣной. Ему сдѣлалось какъ-то неловко, точно онъ давно-давно уѣхалъ отсюда и успѣлъ состариться.

Появленіе Галактіона въ Суслонѣ произвело извѣстное волненіе въ средѣ разныхъ довѣренныхъ, повѣренныхъ и

прикащиковъ. Его имя уже пользовалось популярностью. Онъ остановился въ бывшемъ замараевскомъ домѣ, въ которомъ квартировалъ повѣренный по закупкѣ хлѣба Стабровскаго, молодой человѣкъ изъ прикащиковъ.

— Ну, какъ дѣла?—спрашивалъ Галактіонъ.

— Да ничего, помаленьку... Очень ужъ много здѣсь народу набилось, другъ друга начинаемъ давить. Ходятъ слухи, что Прохоровъ тоже хочетъ строить винокуренный заводъ на Ключевой. И мѣсто выбралъ у Бакланихи.

— Немного онъ поздно догадался, —засмѣялся Галактіонъ. —Пороху не хватитъ... Если бы раньше онъ это устроилъ, годика три назадъ, а теперь трудно съ нами тягаться.

Между прочимъ, повѣренный съ нѣкоторыми предосторожностями сообщилъ, что Михей Зотычъ достраиваетъ уже третью мельницу: одна пониже Ермилыча на Ключевой ужъ работаетъ, а другая—въ Шабрахъ, на притокѣ Ключевой, достраивается.

— Знаю, —коротко отвѣтилъ Галактіонъ. —Напрасно старикъ затягивается—тоже пороху не хватитъ. Мельницы-то выстроить, а на товаръ, пожалуй, и не хватитъ.

— И то поговариваютъ, Галактіонъ Михеичъ. Зарвался старичокъ... Да и то сказать, горитъ у насъ работа по Ключевой. Всѣ такъ и рвутъ... Вотъ въ Запольѣ вальцовая мельница Луковникова, а другую ужъ строить въ верховьѣ Ключевой. Задавятъ они другихъ-то крупчатниковъ... Вотъ ужъ здѣсь околачивается довѣренный Луковникова: за нашею пшеницей пріѣхалъ. Своей-то не

хватается... Что только будетъ, Галактіонъ Михеичъ. Всѣ точно съ ума сошли, такъ и рвутъ.

Не теряя времени, Галактіонъ сейчасъ же открылъ наступательное дѣйствіе противъ Прохорова, понизивъ цѣну на водку изъ склада и въ пяти кабакахъ. Время было самое удобное, потому что въ Суслонѣ былъ большой съѣздъ крестьянъ, привезшихъ на базаръ хлѣбъ. Слухъ о дешевкѣ «стабровки» разнесся сейчасъ же и народъ бросился на перебой забирать дешевую водку, благо близился зимній Никола, а тамъ и святки не за горами, — водки всѣмъ нужно. Къ вечеру повѣренный Прохорова и К^о тоже понизилъ цѣну и сталъ продавать свою «прохоровку» дешевле «стабровки». Покупатели отхлынули къ кабакамъ Прохорова.

Настоящій походъ начался на слѣдующій день, когда Галактіонъ сдѣлалъ сразу пониженіе на десять процентовъ. Вѣсть о дешевкѣ разнеслась уже по окрестнымъ деревнямъ и со всѣхъ сторонъ неслись въ Суслонъ крестьянскія сани, точно на пожаръ, — всякому хотѣлось попробовать дешевки. Самъ Галактіонъ не выходилъ и сидѣлъ на квартирѣ. Онъ стѣснялся показываться на улицѣ. Его разыскалъ Вахрушка, который прибѣжалъ изъ Прорыва на дешевку пѣшкомъ.

— Ахъ, Галактіонъ Михеичъ, отецъ родной, и что только дѣлается! — повторялъ задыхавшійся отъ волненія старикъ. — Вотъ скоро на седьмой десятокъ перевалить мнѣ, а чтобы этакого, напимѣрь, подобнаго... Я перво-на-перво бросился въ твой кабакъ, ну, и стаканчикъ дешевки хлебнулъ, а потомъ побѣжалъ къ Прохо-

рову и тоже стаканчикъ зарядилъ. Народъ-то послѣдняго ума рѣшился: такъ и ходить изъ кабака въ кабакъ. Тоже всякому любопытно... Скоро и посудины не хватитъ. Ахъ, Боже мой!... А краснорядцы сидятъ въ пустыхъ лавкахъ и ругательски-ругаются... Пропьются мужики напроць.

— Ты не торопись, Вахрушка. Еще успѣешь, — совѣтовалъ Галактіонъ.

— Н-но-о? Вѣдь, въ кои-то вѣки довелось испытать дешевки. Михей-то Зотычъ, тятенька, значить, въ Шабрахъ строится, Симонъ на новой мельницѣ, а мы, значить, съ Емельяномъ въ Прорывѣ руководствуемъ... Вотъ я и вырвался. Ахъ, братецъ ты мой, Галактіонъ Михеичъ, и что вы только придумали! Ужъ можно сказать, што уважили вполнѣ.

— А ты погоди напиваться-то, еще дешевле будетъ.

— Н-но-о?!.. И что такое только будетъ... Какъ бы только Михей Зотычъ не выворотился... До него успѣвать буду ужъ какъ-нибудь, а то всю музыку испортить. Ахъ, Галактіонъ Михеичъ, отецъ ты нашъ!.. Да мы для тебя ничего не пожалѣемъ!

Вахрушка, не внимая предостереженію Галактіона, прямо изъ писарскаго дома опять ринулся въ кабакъ. Широкая деревенская улица была залита народомъ. Было уже много пьяныхъ. Народъ бѣжалъ со стеклянною посудиною, съ квасными жбанами и просто съ ведерками. Слышалось пьяное галдѣнье, хохотъ, обрывки пѣсенъ. Гдѣ-то надрывалась гармонія.

— Ахъ, братцы мои... родимые вы мои! — кричалъ

Вахрушка, врѣзываясь въ двигавшуюся толпу. — Привелъ Господь на старости лѣтъ... ахъ, братцы!

Прикащики стояли у магазиновъ и смотрѣли на одурѣвшую толпу. Какіе-то пьяные мужики бѣжали по улицѣ безъ шапокъ и орали:

— Стабровка три копѣйки стаканъ!... Братцы!... Три копѣйки!...

Вахрушка отвѣдалъ сначала «прохоровки», потомъ «стабровки», потомъ опять «прохоровки», — сидѣльцы все понижали цѣну. Въ кабацѣ Прохорова одинъ мужикъ подставлялъ свою шапку и требовалъ водки.

— Лей!... Пусть и шапка пьетъ!

Вахрушка пробѣжалъ село изъ конца въ конецъ разъ десять. Ноги уже плохо его слушались, но жажда оставалась. Вѣдь, другого такого раза не будетъ, и Вахрушка пробивался къ кабацкой стойкѣ съ отчаянною энергіей умирающаго отъ жажды. Закончилась эта проба тѣмъ, что старикъ, наконецъ, свалился мертвецки пьянымъ у прохоровскаго кабака.

IV.

Вахрушка проснулся съ страшною головною болью и долго не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ. Башка трещала неистово, точно готова была расколотся на нѣсколько частей. Вахрушка лежалъ на полу, на какой-то соломѣ. Съ лѣваго бока его давило что-то холодное, чего онъ не могъ даже оттолкнуть, потому что самъ лишенъ былъ способности двигаться. Только присмотрѣвшись

кругомъ, Вахрушка съ ужасомъ сообразилъ, въ чемъ дѣло. Во-первыхъ, онъ находился въ «темной» при волости, куда самъ когда-то сажалъ Михея Зотыча; во-вторыхъ, теперь темная биткомъ была набита мертвецки-пьяными, подобранными вчера «на дешевкѣ», а, въ-третьихъ, съ лѣваго бока лежалъ рядомъ съ нимъ окоченѣвшій трупъ запившагося на смерть.

Послѣднее открытіе вышибло изъ стараго солдата весь хмѣль и онъ бросился къ двери.

— Ради Христа, отпусти живую душу на покаянье! — умолялъ онъ сторожа, тоже изъ отставныхъ солдатъ.

Хорошо, что еще сторожъ-то знакомый человѣкъ и сейчасъ выпустилъ.

— Здорово ты вчера лакнулъ, — коротко объяснилъ онъ. — Хорошо, што мельникъ Ермилычъ подобралъ тебя и привезъ сюда, а то такъ бы и замерзъ въ снѣгу.

— Отецъ родной, отпусти!

Сторожъ только покачалъ головой, когда Вахрушка опрометью кинулся изъ волости, даже позабывъ шапку.

— Эй, служба, шапку-то забылъ!

Вахрушка только махнулъ рукой и летѣлъ по улицѣ, точно за нимъ гналась стая волковъ. У него въ мозгу сверлила одна мысль: мертвякъ... мертвякъ... мертвякъ. Вотъ нагонить Полуяновъ и сгноить всѣхъ въ острогѣ за мертвое тѣло. Всѣхъ изведеть.

Старикъ немного опомнился только въ кабацѣ Стабровскаго, гдѣ происходила давка сильнѣе вчерашней. Дешевка продолжалась съ ранняго утра и народъ окончательно сбился съ ногъ. Выпивъ залпомъ два стакана

«стабровки», Вахрушка очухался и даже отплюнулся. Вѣдь, вотъ какъ поблазнить человѣку... Полуянова испугался, а Полуяновъ давнымъ-давно самъ на поселеніи. Тьфу!

— Ахъ, братецъ ты мой... ддаа! — мычалъ Вахрушка. — Ну-ка, лени ищо одинъ стаканчикъ.

Припоминая «мертвяка», рядомъ съ которымъ онъ провель всю ночь, Вахрушка долго плевался и для успокоенія пилъ опять стаканчикъ за стаканчикомъ, пока совсѣмъ не отлегло отъ души. Э, наплевать!... Пусть другіе отвѣчаютъ, а онъ ничего не знаетъ. Ну, ночеваль, дѣйствительно, ну, ушелъ — и только. Вахрушкѣ даже сдѣлалось весело, когда онъ представилъ себѣ картину пріятнаго пробужденія другихъ пьяницъ въ темной.

Вахрушка оставался въ кабакѣ до тѣхъ поръ, пока не разнеслось, что въ темной при волости нашли трехъ опившихся. Да, теперь пора было и домой отправляться. Главное, чтобы достигнуть своего законнаго мѣста до возвращенія Михея Зотыча. Впрочемъ, Вахрушка находился въ самомъ храбрѣмъ настроеніи и его смущало немного только то, что для полной формы недоставало шапки.

— Э, наплевать! — ругался въ пространство Вахрушка. — Съ голаго, что со святого — взятки гладки... Врешь, братъ!... Вахрушка знаетъ свою линію!

Онъ такъ и отправился къ себѣ на мельницу безъ шапки, а подходя къ Прорыву, затянулъ солдатскую пѣсню:

Во злосчастный день, во среду...
Злы... злые турки собиралися!...

Да они во хмѣлюшкѣ похвалялись:
Мы Рассеюшку наскрозь пройдемъ...
Графъ Паскевича во полонъ возьмемъ!...

Расхрабрившійся старикъ уже шелъ по мельничной плотинѣ, когда его остановилъ знакомый голосъ:

— Эй, ты, крупа несчастная, куда прешь?

Вахрушка оглянулся и обомлѣлъ: передъ нимъ стоялъ Михей Зотычъ.

— Да откуда ты взялся-то?—бормоталъ Вахрушка, разводя руками.— Вотъ такъ окказія!

— Нѣтъ, ты скажи, куда ты прешь-то, кислая шерсть? — наступалъ хозяинъ.

— Я? А я домой...

— Обознался, миленькій. Твой домъ остался на дешевкѣ... Вотъ туда и ступай, откуда пришелъ.

Михей Зотычъ взялъ старика за плечо, повернулъ и толкнулъ въ шею.

— Ступай, ступай, кабацкая затычка!... И скобленого своего рыла не смѣй показывать!

Вахрушка по инерціи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, потомъ обернулся и крикнулъ:

— А ты думаешь, я тебя боюсь?... Ахъ, ты, тараканья кость!... Да я тебя такъ расчешу... Давай расчетъ, однимъ словомъ!... За всѣ за четыре года.

— Какой это расчетъ? Это расчетъ за то, что я тебя держалъ-то четыре года изъ милости, да хлѣбомъ кормилъ?

На Вахрушку опять накатилъ храбрый стихъ и онъ пошелъ на хозяина.

— Такъ ты не хочешь мнѣ жалованья платить, собачья жила, а?... Не хочешь?

Михей Зотычъ сначала отступилъ, а потомъ побѣжалъ съ крикомъ:

— Ай, батюшки, солдатъ убилъ!... Убилъ солдатъ проклятый!

На хозяйскій крикъ выскочили съ мельницы рабочіе и кинулись на Вахрушку. Произошла горячая свалка. Старика порядочно помяли, а кто-то изъ усердія такъ ударилъ по носу, что у Вахрушки пошла кровь.

— Что, получилъ расчетъ? — кричалъ издали Михей Зотычъ.

Вахрушку выпроводили съ мельницы въ три шеи. Очувтившись опять на дорогѣ въ Суслонъ, старикъ долго чесалъ затылокъ, ругался въ пространство и, наконецъ, рѣшилъ, что такъ какъ во всемъ виноватъ Галактіонъ, благодаря его проклятой дешевкѣ, то онъ и долженъ выручать. Вахрушка заявился въ писарскій домъ весь окровавленный и заявилъ:

— Ужь ты какъ хочешь, Галактіонъ Михеичъ, а только того... Однимъ словомъ, расчетъ получилъ отъ тятеньки.

— Ты ступай сначала на кухню и вымойся.

Галактіонъ кое-какъ понялъ, въ чемъ дѣло. Конечно, Вахрушка напился свыше мѣры — это такъ, но, съ другой стороны, и отецъ былъ неправъ, не рассчитавъ старика. Во всемъ этомъ было что-то такое дикое.

— Изъ-за тебя вся оказія вышла, Галактіонъ Михеичъ, — съ наивностью большого ребенка повторялъ Вах-

рушка. — Вчера еще былъ я человѣкомъ, а сегодня ни съ чѣмъ пирога... да. Значить, на подножный кормъ.

У Галактіона явилась мысль досадить отцу косвеннымъ образомъ и онъ, подумавъ, проговорилъ:

— Вотъ что, Вахрушка, и ты неправъ, и отецъ тоже... Ну, я тебя, такъ и быть, увезу въ городъ и определю на мѣсто. Только смотри, уговоръ на берегу: водки ни-ни.

— Да я, Галактіонъ Михеичъ... Ни Боже мой!... Да мнѣ наплевать, хоть вовсе ее не будь... Ужь я за службу!...

Огорченный старый солдатъ даже прослезился и, глотая слезы, прошепталъ:

— Да, вѣдь, я, Галактіонъ Михеичъ, блаженные памяти государю ампиатору Николаю I двадцать пять лѣтъ вѣрой и правдой прослужилъ... Вѣдь, нѣтъ косточки неломаной... Агличанку вышибалъ подъ Севастополемъ... Да я... Ахъ, Боже мой!...

— Ты ступай въ кухню, тамъ переночуешь, а завтра вмѣстѣ уѣдемъ.

Вахрушка только ударилъ себя въ грудь и молча вышелъ.

Вечеромъ этого дня дешевка закончилась. Прохоровъ былъ сбить и закрылъ кабаки подъ предлогомъ, что вся водка вышла. Галактіонъ сидѣлъ у себя и подсчитывалъ, во сколько обошлось это удовольствіе. Получалась довольно крупная сумма, при чемъ онъ не могъ не удивляться, что Стабровскій, въ своей смѣтѣ на конкуренцію, предусмотрѣлъ почти изъ копейки въ копейку

ея стоимость специально для Суслона. Именно за этимъ занятіемъ накрылъ Галактіона отецъ. Онъ, по обыкновению, пробрался въ домъ черезъ кухню.

— Что, сынокъ, барыши считаешь? Такъ... Прикинь на счетахъ еще трехъ мужичковъ, опившихся до смерти твоею-то дешевкой.

— Ахъ, это вы, папаша!...

Старикъ мало измѣнился за эти три года, и Галактіонъ въ первую минуту немного смутился какимъ-то дѣтскимъ, привычнымъ къ повиновению, чувствомъ. Михей Зотычъ такъ же жевалъ губами, моргалъ красными вѣками и имѣлъ такой же загадочный видъ.

— Хорошо, сынокъ... Метлой подметаєте три уѣзда. Скоро голодной мыши нечѣмъ будетъ накормить. Поглядѣлъ я сегодня, какъ народъ-то радуется... да.

— Мы-то при чемъ тутъ, родитель? Кажется, никого не неволимъ.

— Такъ, такъ, сынокъ... Это точно, неволи нѣтъ. А я то вотъ по уѣзду шатаюсь, такъ все вижу: которые были запасы, всѣ на базаръ свезены. Все теперь на деньги пошло, а деньги пошли въ кабакъ, да на самовары, да на ситцы, да на тренъ-брень... Какая тутъ неволя? Бога за васъ благодарятъ мужички... Прежде-то все свое домашнее было, а теперь все съ рынка везутъ. Главное, хлѣбушко всѣмъ мѣшаетъ... Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Папаша, а сколько ваши крупчатки-мельницы этого хлѣба перемелютъ? Вашъ починъ...

— Крупчатка пшеничку мелеть, — это особъ статья, —

а вы травите даръ Божій на проклятое винище... Охъ, великій грѣхъ!... Плохо будетъ, — и мужику плохо, и купцу, и жиду. Вѣдь, всѣ хлѣбомъ живемъ. Не потерпите Господь нашего неистовства. Попомни мое слово, Галактіонъ... Можетъ, я и не доживу, а вы-то своими глазами увидите, какую работу затѣяли. По дѣламъ вашимъ и воздастся вамъ... Бѣсу служите, мамону свою тѣшите, а Господь-то и найдетъ, найдетъ и смирить. Ты своимъ-то жидамъ скажи это, — вотъ, молъ, какое слово мнѣ родитель сказалъ. Выжилъ, молъ, старикъ совсѣмъ изъ ума и свои старыя слова болтаетъ.

Галактіонъ ждалъ этого обличенія и принялъ его съ молчаливымъ смиреніемъ, но подъ конецъ отцовской рѣчи онъ почувствовалъ какую-то фальшь, — фальшь не въ содержаніи этого обличенія, а въ самой интонаціи, точно старикъ говорилъ только по привычкѣ, но уже самъ не вѣрилъ собственнымъ словамъ. Это поразило Галактіона, и онъ вопросительно посмотрѣлъ на отца.

— Правда, родитель, — коротко согласился онъ. — Только, вѣдь, мы, молодые, у васъ, старичковъ, учимся.

— Такъ, такъ, сынокъ... Худому учитесь, а добраго не видите. Ну, да это ваше дѣло... да. Не маленькіе и свой разумъ должны имѣть.

Наступила неловкая пауза. Старикъ присѣлъ къ письменному столу и беззвучно жевалъ губами. Его вѣки закрывались точно у засыпающаго человѣка. Галактіонъ понималъ, что все предъидущее было только вступленіемъ къ чему-то.

— Завтра въ городъ ѣдешь? — спросилъ старикъ, глядя въ уголъ.

— Да, пора. Сегодня мы все покончили.

— Такъ, такъ... гмъ...

Опять молчаніе. Михей Зотычъ тяжело повернулся на своемъ стулѣ, похлопалъ рукой по столу и проговорилъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— Ну, а что вашъ банкъ?

— Ничего... Дѣло идетъ.

— Такъ, такъ... Сказываютъ, что запольскіе-то купцы сильно начали закладываться въ банкѣ. Прежде-то этого было не слышать... Нынче у тебя десять тысячъ, а ты затѣваешь дѣло на пятьдесятъ. И самъ прогоришь, да на пути и другихъ утопишь. Почему у васъ берутъ-то на закладъ?

— Смотря по тому, что закладываютъ, папаша. Процентовъ двѣнадцать набѣжитъ, а то и побольше.

— А тутъ еще страховка, да поземельныя?

— Это ужъ банкъ за счетъ заемщика дѣлаетъ.

— Такъ, такъ... Ну, а что бы вы дали, на примѣръ, за мельницу на Прорывѣ? Это я къ примѣру говорю.

Галактіонъ прикинулъ въ умѣ и заявилъ:

— Больше десяти тысячъ не дадутъ.

— Что-о?

Старикъ подскочилъ на мѣстѣ.

— Да она мнѣ восемьдесятъ стѣитъ... Ты самъ знаешь. Это грабежъ.

— Для васъ, папаша, она восемьдесятъ стѣитъ, а

для банка десять. Станьте-ка ее продавать по вольной цѣнѣ — и десяти напроситесь.

— Да, вѣдь, я выкуплю свое добро! Для чего же тогда вашъ банкъ?... Десять тысячъ — не деньги.

— Знаешь что, родитель: это я тебѣ даю десять тысячъ, а такъ банкъ не дастъ.

Старикъ спохватился и какъ-то виновато забормоталъ:

— Ну, мнѣ-то не нужно... Я такъ, къ слову. А про другихъ слыхалъ, что начинаютъ закладываться. Изъ нашихъ же мельниковъ есть такіе, которые зарвутся выше мѣры, а потомъ въ банкъ.

Галактіонъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, сдѣлавъ видъ, что повѣрилъ отцу, проговорилъ:

— А на всякій случай, папаша, запомните мою цѣну. Мало ли что не бываетъ на свѣтѣ. Не прежнія времена, папаша.

— Да, да... Охъ, не прежнія!... И нашъ братъ, купецъ, и мужикъ — всѣ пошатнулись.

Отецъ и сынъ на этотъ разъ разстались мирно. Галактіонъ даже съѣздилъ въ Прорывъ, чтобы повидаться съ Емельяномъ, который не могъ пріѣхать въ Суслонъ, потому что его Арина Матвѣевна была больна, — она въ отсутствіе грознаго тестя перебралась на мельницу. Михей Зотычъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ о ея присутствіи. Этотъ обманъ тяготилъ всѣхъ, и Галактіонъ отъ души пожалѣлъ молчавшаго, по обыкновенію, Емельяна.

V.

Вахрушка, отправляясь въ городъ съ Галактіономъ, торжествовалъ и всю дорогу болталъ.

— Ухъ, надоѣла мнѣ эта самая деревенская темнота!—повторялъ онъ. —Вѣдь, я-то не простой мужикъ, Галактіонъ Михеичъ, а свою полировку имѣю... За битаго двухъ небитыхъ даютъ. Конечно, Михей Зотычъ жалованья мнѣ не заплатили, это точно, а я не сержусь... Что же, ему, можетъ, больше надо. А ужъ въ городъ-то я вотъ какъ буду стараться. У меня короткій разговоръ: разъ, два — и готово. Ха-ха... Дѣла не подгадимъ. Только вотъ съ мертвякомъ ошибочка вышла.

Галактіонъ дорогою думалъ объ отцѣ. Для него было ясно, что старикъ начинаетъ запутываться въ дѣлахъ и, можетъ быть, даже самъ не знаетъ еще многого. Деньги, какъ здоровье, начинаютъ чувствоваться, когда ихъ нѣтъ. Въ хлѣбномъ дѣлѣ съ поразительною быстротой выростала самая отчаянная конкуренція, главнымъ образомъ, по Ключевой, на которой мельницы крупчатки росли какъ грибы. Предсказанія Галактіона отцу, которыя онъ дѣлалъ передъ своимъ уходомъ, начинали сбываться. Въ дѣло выдвигались громадные капиталы и обороты шли на милліоны рублей. У старика Колобова, можетъ быть, весь капиталъ былъ не больше двухсотъ тысячъ, въ чемъ Галактіонъ сейчасъ окончательно убѣдился, а съ такими деньгами трудно бороться на оживившемся хлѣбномъ рынкѣ. Запольскіе капиталы двинулись оптомъ на хлѣбный рынокъ, и среднему купцу стано-

вилось невозможнымъ существовать безъ кредита. Михею Зотычу тяжело было признаться въ послѣднемъ, но, очевидно, онъ сильно зарвался и начиналъ испытывать первые приступы безденежья.

«Вѣдь, вотъ какой упрямый старикъ! — повторялъ про себя Галактіонъ и только качалъ головой. — Вѣдь, за глаза было бы одной мельницы, такъ нѣтъ, давай строить двѣ новыхъ!»

Впрочемъ, это общая черта всѣхъ людей, выбившихся изъ полной неизвѣстности. Успѣхъ лишаетъ извѣстнаго чувства мѣры и вызываетъ ничѣмъ не оправдываемую предприимчивость.

Понимая вполнѣ всю сложную психологію отца, Галактіонъ параллельно думалъ о своихъ пароходахъ. Завѣтная мечта уже близилась къ осуществленію. Своихъ денегъ у него, конечно, было немного, но общается помочъ Стабровскій, когда закончится война съ Прохоровымъ и будетъ получаться отступное, а затѣмъ можно будетъ прихватить часть въ банкѣ, а другую часть кое у кого изъ знакомыхъ. Конечно, дѣло было рискованное и слишкомъ смѣлое, но для чего же тогда и жить? Что значили всѣ эти мельницы, стеариновые заводы, винокуренныя дѣла по сравненію съ пароходнымъ дѣломъ? Это, дѣйствительно, предпріятіе, которое оживило бы не одно Зауралье, а всю Западную Сибирь. Вотъ въ Тюмени уже есть два парохода, но владѣльцы не понимаютъ, какое сокровище у нихъ въ рукахъ. Если бы двинуть въ Сибирь уральское желѣзо, а оттуда дешевый сибирскій хлѣбъ, сало, кожи, разное другое сырье... У Галакті-

она кружилась голова отъ этихъ мыслей и онъ уже слышалъ шумъ своего собственного парохода, его несла впередъ живая дорога и онъ даже закрывалъ глаза отъ душевной истомы. Странно, что именно въ такіе сны на яву онъ видѣлъ себя вмѣстѣ съ Харитиной. Да, она была тутъ, рядомъ съ нимъ, и смотрѣла къ нему прямо въ душу своими улыбающимися, свѣтлыми глазами. И это была совсѣмъ не та Харитина, которую онъ видѣлъ у себя дома, и самъ онъ былъ не тотъ, какимъ его знали всѣ, — о! онъ еще не начиналъ жить, а только готовился къ чему-то и ради этого неизвѣстнаго работалъ за четверыхъ и отказывалъ себѣ во всемъ. Теперь другіе живутъ, а тогда будетъ жить онъ, т.-е. они съ Харитиной.

Подъѣзжая къ Заполью, Вахрушка вдругъ пріунылъ. Онъ опять вспомнилъ про «мертвяка», съ которымъ переночевалъ въ холодной.

— Ахъ, братецъ ты мой! — ахалъ старикъ, встряхивая головой. — Покойникъ-то къ счастью, а все-таки тово... не совсѣмъ правильно. Ахъ, ты, братецъ, и угрозило тебя!

Когда показался вдали городъ, Вахрушка упалъ духомъ. Въ городъ-то все богатые живутъ, а онъ съ деревенскимъ рыломъ лѣзетъ. Охъ, и что только будетъ!...

— Пока поживешь у меня, а тамъ увидимъ, — коротко объяснилъ Галактіонъ. — Безъ мѣста не останешься.

— Да ужъ я, Галактіонъ Михеичъ... Ахъ, Боже мой!...

Впрочемъ, солдатъ скоро успокоился. Ихъ встрѣтила Харитина и какъ-то особенно просто отнеслась къ нему. Она, видимо, поджидала Галактіона и не могла скрыть

своей женской радости, которую и обратила на Вахрушку. Кажется, никто такъ не умѣлъ обойтись съ человѣкомъ, какъ Харитина, когда она была въ духѣ. Она потащила солдата въ кухню и сама принялась угощать его обѣдомъ.

— Ёшь, солдатъ, а утро вечера мудренѣе. Зачѣмъ въ городъ-то притащился?

— Охъ, барыня, и не спрашивай!... Такое случилось, такое, — не слушай теплая хороминка.

Разсказъ о дешевкѣ смѣшилъ Харитину до слезъ и она забывала, что смѣяться надъ опившимися до смерти мужиками нехорошо. Ей было какъ-то безотчетно весело, весело потому, что Вахрушка все время говорилъ о Галактіонѣ.

— Ужъ это такой человѣкъ, Харитина Харитоновна, такой... Такихъ-то и не видывано еще. Ума—палата, вотъ главное... На што тятенька грозѣнь, а и тотъ ничего не можетъ супротивъ. Полная неустойка.

— А ты его любишь, Галактіона?

— Всѣ его любятъ... Ужъ такой человѣкъ уродился. Значить, особенный человѣкъ... да. У него все на отличку супротивъ другихъ. Вонъ какъ онъ Прохорову-то хвостъ куфтой подвязалъ.

Въ тотъ же день вечеромъ пришелъ Замараевъ. Онъ имѣлъ какой-то особенно торжественный видъ и, по обыкновенію, началъ издалека.

— Каково съѣздили, Галактіонъ Михенчъ? Слышали мы, какъ вы воевали съ Прохоровымъ... да-съ. Что же, будетъ, поцарствовали, т. е. Прохоровъ и К°. Пора и

честь знать. Не тѣ времена, Галактіонъ Михеичъ, чтобы, напримѣрно, разиня ротъ.

Послѣ этого вступленія Замараевъ добылъ изъ бокового кармана затасканный номеръ газеты и передалъ его Галактіону.

— Вотъ, почитайте-ка, какъ васъ золотятъ въ газетинѣ, Галактіонъ Михеичъ. Даже какъ будто и свыше мѣры.

Корреспонденція, дѣйствительно, была хлесткая, на тему о водочной войнѣ и дешевкахъ, при чемъ больше всего доставалось Галактіону. Прослѣженъ былъ каждый его шагъ, все подсчитано и разобрано. Галактіонъ прочелъ два раза, пожалъ плечами и равнодушно проговорилъ:

— Докторъ писалъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что совсѣмъ не докторъ... да-съ. А нѣкоторый другой человѣкъ... Мы сперва - то тоже на доктора подумали, что подкупилъ его Прохоровъ, а потомъ и оказалось...

Замараевъ оглядѣлся и сообщилъ шепотомъ:

— Греческій языкъ писалъ... Милый нашъ родственникъ, значить, Харченко. Онъ на почтѣ заказнымъ письмомъ отпиривалъ статью, — ну, и признали, куда и прочее. И что только человѣку нужно? А, главное, проклятый хохолъ всю нашу фамилію острамилъ... Добрые люди будутъ пальцами указывать.

— Ничего, Флегонтъ Васильичъ: собака лаесть — вѣтеръ носить.

— Я ходилъ къ нему, къ хохлу, и говорилъ съ нимъ.

Какъ, говорю, вамъ не совѣстно тому подобными дѣлами заниматься? А онъ смѣется и говорить: «Подождите, вотъ мы свою газету откроемъ и прижимать васъ будемъ, толстосумовъ». Это какъ по-вашему? А потомъ, онъ совсѣмъ обошелъ стариковъ, взялъ довѣренность отъ Анеусы Гавриловны и хочетъ въ гласные баллотироваться, значить, въ думу. Настоящій ядъ...

— Что же, дѣло его. Пусть попробуетъ.

— Нѣтъ, какъ онъ всѣхъ обошелъ... И даже не скрывается, что въ газеты пишетъ. Другой бы посовѣстился, а онъ только смѣется. Настоящій змѣй... А тятенька Харитонъ Артемьичъ за него же и на всю улицу кричить: «Катай ихъ, подлецовъ, въ хвостъ и гриву!» Тятенька весьма озлоблены... Даже какъ будто иногда изъ разума выступаютъ. Всѣхъ ругательски ругаютъ.

Замараевъ былъ встревоженъ и, не встрѣтивъ сочувствія у Галактіона, даже обидѣлся. Помилуйте, что же это такое? Этакъ всякій будетъ писать. Одинъ напишетъ, а прочитаютъ-то всѣ. Вонъ купцы въ гостиномъ дворѣ вслухъ газеты читаютъ. Соберутся кучей и галдятъ, какъ черти надъ кашей.

Корреспонденція Харченка имѣла другое неожиданное послѣдствіе. Кто-то изъ обозленныхъ ею людей послалъ доктору Кочетову длинное анонимное письмо, въ которомъ излагалась довольно подробно біографія Прасковьи Ивановны. Въ первый моментъ докторъ не придалъ письму никакого значенія, какъ безыменной клеветѣ, но потомъ оно его начало беспокоить съ новой точки зрѣнія: лично самъ онъ могъ наплевать на всѣ эти сплетни, но,

вѣдь, о нихъ, вѣроятно, говоритъ цѣлый городъ. По безграмотности можно было предположить только одно, именно, что письмо шло изъ своей купеческой среды. Въ видѣ предисловія разбирались отношенія Прасковьи Ивановны къ ея сладкому братцу, что будто бы послужило причиной мертваго бубновскаго запоя, затѣмъ подробно излагались ея ухаживанья за Мышниковымъ, романъ съ Галактіономъ и дѣлались нѣкоторыя предположенія относительно будущаго. Заканчивалось письмо такъ: «Вотъ, г. корреспондентъ, какъ бываетъ: въ чужомъ глазу сушокъ видимъ, а въ своемъ бревна не замѣчаемъ. Мы это, жалѣючи васъ, говоримъ, потому какъ вы законный мужъ и должны соблюдать свой антересъ. Промежду прочимъ, до свиданія, г. корреспондентъ. Главное, у насъ - то вы совсѣмъ чужой и пожалѣть васъ некому. Мы вамъ добромъ за зло платимъ».

Конечно, все это было глупо, но ужъ таковы свойства всякой глупости, что отъ нея нигуда не уйдешь. Докторъ старался не думать о проклятомъ письмѣ, и не могъ. Оно его мучило, какъ смертный грѣхъ. Притомъ, имѣть дѣло съ открытымъ врагомъ совсѣмъ не то, что съ тайнымъ, да, кромѣ того, здѣсь выступали противъ него цѣлою шайкой. Оставалось выдерживать характеръ и ломать самую дурацкую комедію.

Въ первый моментъ докторъ хотѣлъ показать письмо женѣ и потребовать отъ нея объясненій. Онъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи и даже приходилъ съ письмомъ въ рукѣ въ комнату жены. Но достаточно было Прасковьи Ивановнѣ взглянуть на него,

какъ докторская храбрость разлеталась дымомъ. Письмо начинало казаться ему возмутительною нелѣпостью, которой онъ не имѣлъ права беспокоить жену. Впрочемъ, Прасковья Ивановна сама вывела его изъ недоумѣнія. Вернувшись какъ-то изъ клуба, она вызывающе проговорила:

— Вы получили письмо?

— Какое письмо?

— Ахъ, идіотъ!... Подавайте его сюда!

Докторъ съ виноватымъ видомъ подалъ заношенный листъ почтовой бумаги. Прасковья Ивановна по-писаному разбирала съ грѣхомъ по-поламъ только магазинные счета и заставила мужа читать вслухъ.

— Отлично,—проговорила она, когда чтеніе кончилось.— Какъ вы полагаете, Анатолій Петровичъ, порядочному мужу кто-нибудь посмѣетъ написать подобную гадость?

— Да, вѣдь, письмо не подписано? Наконецъ, моя роль въ этомъ дѣлѣ самая жалкая... Я не могу даже избить этого мерзавца.

— Да? А я вамъ скажу, кто этотъ мерзавецъ.

— Очень интересно.

— Это вы... Да, вы, вы!... Не понимаете? Вамъ все нужно объяснять? Если бы вы не писали своихъ дурацкихъ корреспонденцій, ничего бы подобного не могло быть. Изъ-за васъ теперь мнѣ глазъ никуда нельзя показать.

Получился совершенно неожиданный оборотъ. Прасковья Ивановна проявила отчаянную рѣшимость сей-

часъ же уѣхать отъ мужа куда глаза глядятъ, и докторъ умолялъ ее, стоя на колѣняхъ, остаться, простить его и все забыть. Получилась самая нелѣпая и жалкая сцена, за которую докторъ презиралъ себя цѣлый мѣсяцъ. Какъ это могло случиться? Онъ опять анализировалъ свои поступки, каждое душевное движеніе и чувствовалъ, что начинаетъ сходить съ ума. Мысль о сумасшествіи все чаще и чаще приходила къ нему въ голову и наводила на него ужасъ. Онъ чувствовалъ, какъ стѣны кабинета начинали его давить, что какое-то страшное ощущеніе пустоты душило его, что... Въ отчаяніи онъ хватался за бутылку съ мадерой и все проходило сейчасъ же.

Ясно было одно, что онъ боится и ненавидитъ жену и не можетъ выбиться изъ-подъ ея гнета.

Въ результатъ этого состоянія получилось то, что докторъ принялся выслѣживать жену. Онъ тщательно слѣдилъ, когда она уходитъ и приходитъ, гдѣ бываетъ, съ какимъ лицомъ встрѣчаетъ своихъ гостей. Дошло до того, что онъ началъ подслушивать изъ сосѣдней комнаты. Продѣлывая все это, докторъ все больше и больше презиралъ самого себя. Разъ онъ сдѣлалъ сцену сладкому братцу Голяшкину, а потомъ сейчасъ же попросилъ у него извиненія и, извиняясь, еще сильнѣе ненавидѣлъ эту сладкую тварь. Вѣдь, письмо говорило прямо объ отношеніяхъ къ нему Прасковьи Ивановны.

Получалось въ общемъ что-то ужасное, глупое и нелѣпое. Въ отчаяніи докторъ бѣжалъ къ Стабровскимъ, чтобы хоть издали увидѣть Устиньку, услышать ее голосъ, легкую походку, и опять ненавидѣлъ себя за эти

гимназическія выходки. Она такая чистая, свѣтлая, а онъ изношенный, захватанный, какъ позабытая бутылка съ недопитою мадерой.

VI.

Дѣятельность банка все росла. Съ одной стороны не-
удержимымъ потокомъ приливали вклады, съ другой —
шелъ отливъ въ формѣ кредита. Скоро опредѣлилась во
всѣхъ подробностяхъ экономическая картина, и каждая
торговая фирма была точно взвѣшена. Извѣстны были
всѣ торговые обороты, сумма затраченныхъ капиталовъ,
доходность предпріятія и всѣ финансовыя возможности,
до прогара включительно. Въ первое время банкъ допу-
скалъ кредиты въ болѣе широкой формѣ, а потомъ на-
чались систематическія сокращенія. Это была цѣлая си-
стема, безжалостная и послѣдовательная. Люди являлись
только въ роли какихъ-то живыхъ цифръ. Главныя бан-
ковскія операціи сосредоточивались на хлѣбномъ дѣлѣ,
и оно было извѣстно банковскому правленію лучше, чѣмъ
производителямъ, торговымъ посредникамъ и потребите-
лямъ. Здѣсь шелъ въ счетъ и глубокій снѣгъ, и весенніе
дожди, и сухіе вѣтры, и урожаи, и недороды въ сосѣд-
нихъ округахъ, и весь тотъ кругъ интересовъ и злобъ,
какіе сцѣпились желѣзнымъ кольцомъ около хлѣба. По-
ниженіе на копѣйку въ пудѣ ржи уже отражалось въ бан-
ковскомъ хозяйствѣ, какъ повышеніе или пониженіе де-
нежной температуры. Въ общемъ банкъ походилъ на гро-
мадную паутину, въ которой безвозвратно запутывались
торговья мухи. Конечно, первыми жертвами дѣлались

самыя маленькія мушки, погибавшія безъ сопротивленія. Охватившая весь край хлѣбная горячка сказывалась въ цѣломъ рядѣ такихъ жертвъ, другія стояли уже на очереди, а третьи готовились къ неизбѣжному концу.

По протекціи Галактіона Вахрушка занялъ при банкѣ самый выдающійся постъ, постъ банковскаго швейцара. Онъ теперь стоялъ въ передней, одѣтый въ новенькую синюю ливрею, и съ важностью отворялъ и затворялъ банковскія двери, кланялся, помогалъ раздѣться, ловко принималъ пятіалтынные и двугривенные и еще разъ кланялся. Онъ съ необыкновенною быстротой освоился съ своимъ новымъ положеніемъ, точно былъ созданъ съ спеціальною цѣлью быть банковскимъ швейцаромъ. Служба была совсѣмъ нетрудная, и Вахрушка старался. Онъ поднимался раннимъ утромъ и съ ожесточеніемъ чистилъ всѣ мѣдныя ручки, заслонки, вытиралъ пыль, прибиралъ, приводилъ все въ порядокъ и въ десять часовъ утра говорилъ:

— Ну, теперь наша мельница готова!

У Вахрушки была своя комната рядомъ съ передней, перваго числа онъ получалъ аккуратно десять рублей жалованья, — однимъ словомъ, благополучіе полное. Ни о чемъ подобномъ старикъ не смѣлъ даже мечтать, и ему начинало казаться, что все это какой-то радужный сонъ, фантасмагорія, бредъ на яву. Старикъ всю жизнь прожилъ въ черномъ тѣлѣ, а тутъ, на старости лѣтъ, приключилось какое-то безумное счастье. Конечно, причиной и единственнымъ источникомъ этого счастья былъ Галактіонъ, и Вахрушка относился къ нему, какъ къ су-

ществу высшей породы. Онъ выбѣгалъ встрѣчать его на крыльцо и по первому взгляду зналъ впередъ, въ какомъ настроеніи Галактіонъ Михеичъ. Вахрушка изучалъ это серьезное лицо съ строгими глазами, походку, каждое движеніе и всѣмъ любовался. Развѣ можетъ быть другой такой человѣкъ?

— Бога мнѣ, дураку, не замолить за Галактіона Михеича,—повторялъ Вахрушка, задыхаясь отъ рабьяго усердія.— Что я такое былъ?... Никчемный человѣкъ, червь, а теперь... Вѣдь, уродятся же такіе человѣки, какъ Галактіонъ Михеичъ! Глазомъ глянетъ—человѣкъ ч сдѣлался человѣкомъ... Ежели бы попъ Макаръ поглядѣлъ теперь на меня... Х-ха!... Ахъ, какое дѣло, какое дѣло!

Вахрушка черезъ прислугу, конечно, зналъ, что у Галактіона въ дому «неладно» и что Серафима Харитоновна пьетъ запоемъ, и по-своему жалѣлъ его. Этому-то человѣку жить бы да жить надо, а тутъ дома какъ въ нетопленной печи... Ахъ, нехорошо! Вотъ ежели бы Харитина Харитоновна, такъ та бы повернула все единымъ духомъ. Хороша бабочка, всѣмъ взяла, а тоже живетъ ни къ шубѣ рукавъ. Дальше Вахрушка угнетенно вздыхалъ и отмахивался рукой, точно отгонялъ муху.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ старикъ вызналъ всѣхъ своихъ банковскихъ и всѣхъ кліентовъ и разсортiroвалъ ихъ по-своему: нѣмецъ Полуштоффъ тоже уменъ, только ужъ очень увертливъ; старикъ Стабровскій, конечно, изъ поляковъ и гордо себя содержитъ; Мышниковъ—ловкій баринъ, сурьезный и т. д. Зато киргизъ

Шахма возмущалъ Вахрушку, и онъ навеличивалъ его про себя татарскою образиной. Наконецъ, молчаливый Драке, двигавшійся какъ манекенъ изъ папье-маше, навелъ на Вахрушку какую-то оторопь. Старикъ испытывалъ паническій страхъ, когда молчаливый нѣмецъ деревяннымъ шагомъ проходилъ черезъ его переднюю. Пробовалъ Вахрушка угождать ему всячески — и опять ничего. Нѣмецъ молчитъ, какъ зарѣзанный.

«И что только у него, у идола, на умѣ? — въ отчаяніи думалъ Вахрушка, перебирая репертуаръ собственныхъ мыслей. — Всѣ другіе люди, какъ люди, даже Шахма, а этотъ какой-то омморокъ... Вотъ Полуштофъ такъ мимо не пройдетъ, чтобы словечка не сказать, даромъ что хромымъ».

Кліентовъ банка Вахрушка раздѣлилъ на нѣсколько категорій: одни настоящіе купцы, оборотистые и важные, другіе пожиже, только видъ на себя напускаютъ, а остальные такъ, какъ мякина около зерна. Одна видимость, а начинки-то и нѣтъ.

И такъ, Вахрушка занималъ отвѣтственный постъ. Разъ утромъ, когда банковская «мельница» была въ полномъ ходу, въ переднюю вошелъ неизвѣстный ему чловѣкъ. Одѣтъ онъ былъ по-купечеству, но держалъ себя важно, и Вахрушка сразу понялъ, что это не изъ простыхъ чертей, а важная птица. Незнакомецъ, побряхтывая, поднялся наверхъ и спросилъ, гдѣ можно видѣть Колобова.

— Какъ прикажете доложить?

— Прохоровъ.

Этой одной фамиліи было достаточно, чтобы весь банкъ встрепенулся. Приѣхалъ самъ Прохоровъ, — это что-нибудь значило. Птица не маленькая и не даромъ прилетѣла. Артельщики изъ кассы, писаря, бухгалтеры, — все смотрѣли на знаменитаго виннаго короля и все понимали, зачѣмъ онъ явился. Галактіонъ не вышелъ на встрѣчу, а попросилъ гостя къ себѣ, въ контору правленія.

— Вы, значить, и членъ правленія? — довольно грубо спросилъ Прохоровъ, протягивая руку Галактіону.

— Да... Чѣмъ могу служить вамъ? — дѣловымъ тономъ отвѣтилъ Галактіонъ, прищуривая немного глаза. — Не угодно ли вамъ присѣсть...

— Что же, въ ногахъ правды нѣтъ — присядемъ.

Прохоровъ еще разъ осмотрѣлъ комнату, повелъ плечами и проговорилъ:

— Это вы тогда приѣзжали ко мнѣ?

— Да.

— Такъ съ... гм... Значить, вы же и конкуренцію устраивали мнѣ?

— Я вамъ не обязанъ давать отчета, г. Прохоровъ. Здѣсь я только членъ правленія.

— Такъ-съ... да...

— Насъ нѣсколько членовъ правленія: Штоффъ, Старовскій, Мышниковъ, Шахма, Драке... Можетъ быть, вы съ ними желаете переговорить?

— Такъ-съ... Это все единственно-съ. Разговоры-то короткіе... да.

— Всего лучше, если вы подадите ваше заявленіе

въ банкъ письменно. Правленіе его разсмотритъ и дать отвѣтъ.

— Такъ-съ... А, въ сущности, все единственно.

Прохоровъ сознавалъ собственное униженіе, признавалъ, что вотъ этотъ неизвѣстный въ коммерческомъ мірѣ еще три года назадъ Колобовъ торжествуетъ за его счетъ, и не могъ уйти, не покончивъ дѣла. Да, нужно было испить чашу до дна. Въ свою очередь Галактіонъ смотрѣлъ на Прохорова такими глазами, точно это былъ медвѣдь, поднявшійся изъ далекой родной берлоги и ввалившійся всею тушей въ банкъ. Кстати, онъ припомнилъ, что Стабровский предсказалъ его появленіе въ банкъ еще послѣ окончанія войны въ Суслонѣ, и Галактіонъ тогда могъ только подивиться его смѣлости высказать такое невѣроятное предположеніе. Для него лично «конченный» Прохоровъ имѣлъ специальное значеніе, потому что побѣдой надъ нимъ открывалось осуществленіе его завѣтной мечты.

Собралось банковское правленіе. Предстояло обсудить важный вопросъ о томъ, открыть Прохорову кредитъ подъ его винокуренные заводы или нѣтъ. Онъ желалъ получить сумму въ триста тысячъ. Обсуждали этотъ вопросъ Штоффъ, Мышниковъ, Галактіонъ и Драке. Стабровский отказался пріѣхать въ засѣданіе подъ предлогомъ болѣзни. Совѣщавшіеся члены знали впередъ, какую они комедию ломаютъ, но вели переговоры съ серьезными лицами. Въ результатъ получился отказъ. Это пріятное извѣстіе долженъ былъ сообщить Драке, какъ дѣлалось во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

— Вы хотѣли получить триста тысячъ подъ ваши заводы?—тянулъ Драке, глядя на виннаго короля своими рыбьими глазами.

— Такъ-съ... да.

— Мы этотъ вопросъ обсуждали и нашли, что онъ неудобоисполнимъ. Вы меня понимаете? Однимъ словомъ, мы не можемъ.

Въ сущности, Прохоровъ ожидалъ такого отвѣта, какъ человѣкъ, бывалый въ передѣлкахъ, и только съежилъ плечи. Онъ ничего не отвѣтилъ нѣмцу, даже не поклонился и вышелъ.

— Это какая-то разбойничья шайка,—ругался онъ, когда Вахрушка подавалъ ему шубу и калоши.— Такъ-съ...

Вечеромъ Галактіонъ поѣхалъ къ Стабровскому. Старикъ, дѣйствительно, былъ не совсѣмъ здоровъ и лежалъ у себя въ кабинетѣ на кушеткѣ, закутавъ ноги пледомъ. Около него сидѣла Устинька и читала вслухъ какую-то книгу. Стабровскій, крѣпко пожимая Галактіону руку, проговорилъ всего одно слово:

— Поздравляю... Устинька, вы можете идти къ себѣ. Дѣвушка поднялась и вышла.

— Да, да, поздравляю,—повторялъ Стабровскій.— У меня былъ Прохоровъ, но я его не принялъ. Ничего, подождать... Его нужно выдержать. Теперь мы будемъ предписывать условія. Замѣтьте, что не въ нашихъ интересахъ топить его окончательно, да я и не люблю этого. Зачѣмъ? Тѣмъ болѣе, что я совсѣмъ и не же-

лаю заниматься винокурениемъ дѣломъ... Только статья дохода—не больше того. А для него это хорошій урокъ.

Прохоровъ добился аудіенціи у Стабровскаго только черезъ три дня. Къ удивленію, онъ былъ принятъ самымъ любезнымъ образомъ, такъ что даже немного смутился. Старый сибирскій волкъ не привыкъ къ такому обращенію. Результатомъ этого совѣщанія было состоявшееся, наконецъ, соглашеніе: Стабровскій закрывалъ свой заводъ, а Прохоровъ ежегодно выплачивалъ ему отступного семьдесятъ тысячъ.

— Замѣтите, что раньше мы могли сойтись на болѣе выгодныхъ для васъ условіяхъ,—замѣтилъ Стабровскій на прощанье.—А затѣмъ, я сейчасъ могъ бы предложить вамъ еще болѣе тяжелыя... Но это не въ моихъ правилахъ, и я никому не желаю зла.

— Такъ-съ... Что ужъ тутъ говорить-съ. Конечно, темнота наша.

Вечеромъ Стабровскій самъ пріѣхалъ къ Галактіону.

— Поздравьте: мы все кончили,—весело проговорилъ онъ.—Да, все... Хорошо то, что хорошо кончается. А затѣмъ, я пріѣхалъ напомнить вамъ свое обѣщаніе... Я вамъ открываю кредитъ въ пятьдесятъ тысячъ. Хоть въ воду ихъ бросьте. Самъ я не могу принять участія въ вашемъ пароходномъ дѣлѣ, потому что мой принципъ—не разбрасываться. Надѣюсь, что мы всегда останемся друзьями.

Завѣтная мечта Галактіона исполнялась. У него были деньги для начала дѣла, а тамъ ужъ все пойдетъ само собой. Ему ужасно хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-

нибудь своею радостью, и такого человека не было. По вечерамъ жена была пьяна, и онъ старался уходить изъ дому. Сейчас онъ шагаль по своему кабинету и молча переживалъ охватившее его радостное чувство. Да, цѣлыхъ четыре года работы, чтобы получить простой кредитъ. Но это было все, самый рѣшительный шагъ въ его жизни.

УІІ.

Харитина совсѣмъ собралась уходить отъ Галактіона, когда случилось одно событіе, которое точно пришло къ ней на помощь. Это было незадолго до масляницы. Разъ ночью къ Галактіону прибѣжала толстая малыгинская стряпка Аграфена и съ причитаніями объявила, что Анѳуса Гавриловна умерла.

— Охъ, бѣдовушка головушкѣ! — вопила баба. — Еще съ вечера она была ничего, только на сердце жалилась... Скушно, — говорить. — Давно она сердцемъ скудалась... Ну, а тутъ осередь ночи ее и прикончило. Харитонъ-то Артемьичъ за дохтуромъ бѣгалъ... кровь отворяли... А она, сердешная, какъ убитая. И что только будетъ, Господи!...

Старушка умерла отъ разрыва сердца. Малыгинскій домъ точно весь застоналъ. Пока была жива старушка, ее почти не замѣчали, а теперь для всѣхъ было ясно, какъ день, что съ нею вмѣстѣ рушился весь домъ. И всѣхъ лучше понималъ это самъ Харитонъ Артемьичъ, ходившій изъ комнаты въ комнату, какъ оглушенный.

— Какъ же это такъ? — повторялъ онъ. — Вѣдь, вчера еще жива была... Наказывала еще осетра пудового купить для солки... икрянаго... А тутъ вдругъ...

Еще разъ въ отцовскомъ домѣ сошлись всѣ сестры. Даже пришла Серафима, не показывавшаяся нигдѣ. Всѣ ходили съ опухшими отъ слезъ глазами. Сошлись и зятья. Самымъ дѣятельнымъ оказался Замараевъ. Онъ взялъ на себя всѣ хлопоты, суетился, бѣгалъ и старался изъ всѣхъ силъ.

— Одинъ ты у меня правильный зять, — говорилъ Харитонъ Артемьичъ, забывая старую семейную рознь. — Золото, а не мужикъ... Покойница Оуса постоянно это говорила, а я перечилъ ей. Теперь вотъ и перечить некому будетъ. Охъ, горюшко!... Ты ужъ, писарь, постарайся на послѣдяхъ-то.

— Да ужъ не беспокойтесь, тятенька... Ужъ для богданной маменьки готовъ на-двое расколотся. Что же, предѣлъ... всѣ тамъ будемъ.

Рядомъ съ искреннимъ горемъ выплыли сейчасъ же и другія чувства. Первыя начали слѣдить другъ за другомъ сестры, мысленно дѣлившія между собою маменькино наслѣдство. Запасливая была старушка, всю жизнь копила да берегла, — мало ли наберется въ дому маменькина добра. Сундуки ломаются... Прежде всего сестры заподозрили тихоню Агнію, — вѣдь, она въ домѣ оставалась все время и какъ разъ заграбастаетъ самое лучшее. Много ли нужно, чтобы спрятать столовое серебро? Однѣхъ серегъ сколько было у маменьки, пять соболевыхъ воротниковъ, бархату на два платья, три не шитыхъ

лисьихъ мѣха... Конечно, Агнія знала, гдѣ все лежитъ, и не упустить случая. Та же Аграфена поможетъ... За Аграфеной былъ устроенъ правильный надзоръ, какъ и за Агніей, и сестры дежурили попеременно. Всѣхъ охватила самая отчаянная жадность, и каждая думала, что всѣ другія обмануть именно ее. Мужья, конечно, были посвящены во всѣ тайны этой бабьей политики и, нужно отдать имъ справедливость, всѣ точно сговорились и ни во что не желали вступаться.

— Дѣлайте, какъ знаете... Не наше это дѣло.

Явившійся Ліодоръ усилилъ смуту. Онъ пріѣхалъ совершенно неожиданно ночью. Дежурившая «полуштофова жена» спала. Ліодоръ взломалъ въ столовой буфетъ, забралъ все столовое серебро и скрылся. Утромъ произошелъ настоящій скандалъ. Сестры готовы были, кажется, разорвать «полуштофову жену», такъ что за нее вынужденъ былъ вступить самъ Харитонъ Артемьичъ.

— Да вы никакъ сбѣсились, сороки? — зыкнулъ онъ на дочерей. — Разѣ такое теперь время, оглашенныя? Серебро жалѣете, а мать не жалѣ... Никому и ничего не дамъ! Такъ и знайте... Пусть Ліодоръ пропиваетъ, — мнѣ ничего не нужно.

Благоразумнѣе другихъ оказалась Харитина, удерживавшая сестеръ отъ открытаго скандала. Другія начали ее подозрѣвать, что она за-одно съ Агніей, да и прежде была любимой тятенькиной дочерью. Затѣмъ явилось предположеніе, что именно она переѣдетъ къ отцу и заберетъ въ руки все тятенькино хозяйство, а тогда пиши пропало. Отъ Харитины все сбудется... Да и Ха-

ритонъ Артемьичъ оказывалъ ей явное предпочтеніе. Особенно рвала и метала писариха Анна, соединившаяся на этотъ случай съ «полуштофовой женой».

Изъ зятьевъ неотлучно были въ домѣ Харченко и Замараевъ. Они часто уходили въ кабинетъ учителя, притворяли за собой двери, пили водку и о чемъ-то подолгу шушукались. Вообще держали себя самымъ подозрительнымъ образомъ.

Въ малыгинскомъ домѣ перебивалъ весь городъ и даже заѣхалъ Ечкинъ. Онъ повертѣлся неизвѣстно зачѣмъ, попробовалъ любезничать съ Харитиной и, не встрѣтивъ сочувствія, исчезъ.

— Справки наводитъ пріѣзжалъ, — сообщилъ Замараевъ шепотомъ Харченку. — Знаетъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ. Въ послѣднее-то время тятенька на фабрикѣ векселями отдувался, — ну, а тутъ послѣ богоданной маменьки наслѣдство получить. Это хоть кому любопытно... Всѣмъ извѣстно, какой капиталъ у маменьки въ банкѣ лежитъ. Охъ, грѣхи, грѣхи!... Похоронить не дадутъ честь-честью.

Похороны были устроены самыя пышныя. Харитонъ Артемьичъ ничего не жалѣлъ, и ему все казалось, что бѣдно. Замараевъ терялъ голову, какъ устроить еще пышнѣе. Кажется, ужъ всего достаточно... Поминальный столъ на полтораста персонъ, для нищей братіи отведенъ весь низъ и людская, потомъ милостыня развозилась по всему городу возами.

Наконецъ, все было кончено. Покойница свезена на кладбище, поминки съѣдены, милостыня роздана и въ

малыгинскомъ домѣ водворилась мучительная пустота, какая бываетъ только послѣ покойника. Сестры одна за другой наѣзжали провѣдать тятеньку, а Харитонъ Артемьичъ затворился у себя въ кабинетъ и никого не желалъ видѣть.

— Это наслѣдство вынюхиваютъ,— объяснялъ онъ Замараеву.— Какъ бы не такъ!... Покойница-то все мнѣ оставила по духовной.

— Ужъ это извѣстно, тятенька. А, все-таки, оно того... духовную-то надо по закону предоставить... Законъ требуетъ порядка.

— Ты меня учить? Да ты съ кѣмъ разговариваешь-то, чернильная твоя душа?

— Для васъ же говорю, тятенька, чтобы не вышло чего... Духовную-то нужно представить, куда слѣдуетъ, а потомъ опись имущества и всякое прочее.

— Да ты никакъ съ ума спятилъ?!—закричалъ старикъ.— Вѣдь, Анеуса-то Гавриловна, чай, была моя жена, — ну, значить, все мое... Я же все заводилъ. Кажется, хозяинъ въ дому, а ты пристаешь... Вонъ!

Старикъ разсвирѣпѣлъ и выгналъ писаря. Вотъ Богъ наградилъ зятьями! Другіе-то хоть молчать, а этотъ такъ въ ухо и зудить. И чего присталъ съ духовной? Вѣдь, самъ писалъ.

Приставанья и темные намеки писаря все - таки встревожили Харитона Артемьича, и онъ вечеркомъ отправился къ старичку нотаріусу Меридіанову, съ которымъ водилъ дѣла. Всю дорогу старикъ сердился и ру-

галъ проклятаго писаря. Нотаріусъ былъ дома и принялъ гостя въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

— А я къ тебѣ съ секретомъ, — объяснилъ Харитонъ Артемьичъ, доставая изъ кармана духовную. — Вотъ посмотри эту самую бумагу и научи, какъ съ ней быть.

Нотаріусъ осѣдлалъ носъ очками, придвинулъ бумагу къ самой свѣчѣ и прочелъ ее до конца съ большимъ вниманіемъ. Потомъ онъ черезъ очки посмотрѣлъ на кліента, пожевалъ сухими губами и опять принялся перечитывать съ самаго начала. Эта дѣловая медленность начинала злить Харитона Артемьича. Вѣдь, вотъ какъ эти приказные ломаются надъ живымъ человѣкомъ! Кажется, взялъ бы, да и стукнулъ прямо по башкѣ старую канцелярскую крысу. А нотаріусъ сложилъ попрежнему духовную и, возвращая, проговорилъ какимъ-то деревяннымъ голосомъ:

— Завѣщаніе недѣйствительно, Харитонъ Артемьичъ.

Въ первую минуту Малыгинъ хорошенько даже не понялъ, въ чемъ дѣло, а только почувствовалъ, какъ вся комната завертѣлась у него передъ глазами.

— Какъ недѣйствительно?! — вскипѣлъ онъ уже послѣ драматической паузы.

— Очень просто... Недостаетъ одного свидѣтеля.

— Какъ недостаетъ? Цѣлыхъ двое подписались.

— Въ томъ - то и дѣло, что двое... По закону нужно троихъ.

— Врешь... Я самъ подписывалъ духовную у старика Попова и насъ было двое: протопопъ да я.

— Совершенно вѣрно: когда подписываетъ духовную

въ качествѣ свидѣтеля священникъ, то совершенно достаточно двухъ подписей, а безъ священника нужно три. И ваше завѣщаніе имѣетъ сейчасъ такую же силу, какъ пустой листъ бумаги.

— Не можетъ этого быть, потому какъ у меня деньги на жену положены были.

— Дѣло ваше, а духовная все-таки недѣйствительна.

— Значить, все прахомъ?... Нѣтъ, не можетъ этого быть... Тогда что же мнѣ-то останется?

— По закону вы получите четвертую часть изъ движимаго и восьмую изъ недвижимаго.

— И это только потому, что нѣтъ третьяго свидѣтеля?

— Только поэтому. Въ законѣ сказано прямо.

— Да, вѣдь, жена-то была моя и я свой домъ записывалъ на нее и свои деньги положилъ на ея имя въ банкъ?

— Это все равно. Вы только наслѣдникъ послѣ нея.

Харитонъ Артемьичъ забѣгалъ по кабинету, какъ бѣшеный. Лицо побагровѣло, и нотаріусъ даже испугался.

— Успокойтесь, Харитонъ Артемьичъ... Бываетъ и хуже.

— Да, вѣдь, это мнѣ зарѣзъ... Самъ себя зарѣзалъ... Голубчикъ, нельзя ли поправить какъ-нибудь? Ну, подпишишь третьимъ ты самъ.

— Нельзя.

— На колѣнки встану... не уйду отсюда.

— Ничего не могу.

— Ну, чего тебѣ стоить? Будь отцомъ роднымъ... Вѣдь, никто не узнаетъ.

— Не могу... Я присягу принималъ.

— А ежели я самъ подпишусь третьимъ?

— Нельзя.

Съ Малыгинымъ сдѣлалось дурно, и нотаріусу пришлось отпаивать его холодною водой.

— Это меня проклятый писарь подвелъ!—хрипѣлъ старикъ, страшно ворочая глазами. — Я его разорву на мелкія части, какъ дохлую кошку!

— Успокойтесь, Харитонъ Артемьичъ. Вѣдь, со своими дѣло будете имѣть, а не съ чужими.

— Со своими? Вотъ въ томъ-то и вся моя бѣда... Свой! Ха-ха!

Отъ нотаріуса Малыгинъ направился прямо въ ссудную кассу Замараева. Онъ ворвался, какъ ураганъ, и сгоряча не узналъ даже зятя.

— Гдѣ разбойникъ? гдѣ погубитель?

— Тятенька, кого вамъ нужно?—спрашивалъ Замараевъ.

— Ахъ, это ты!... Тебя нужно!... Тебя!... Задую своими руками!

— Какія вы слова, тятенька, выражаете... Вотъ лучше напьемся чайку и потолкуемъ.

— Чайку? Вотъ гдѣ мнѣ твой чаекъ... Твоя работа, разбойникъ! Ты составлялъ духовную!

— Все по закону, тятенька, и духовная по всей формѣ.

— А гдѣ третій свидѣтель?

— Это ужъ было ваше дѣло, тятенька... Вы подбирали свидѣтелей.

— Не говори, душегубецъ!

Старикъ страшно бунтовалъ, разбилъ графинъ съ водой и кончилъ слезами. Замараевъ увелъ его подъ руку въ свой кабинетъ, усадилъ на диванъ и заговорилъ самымъ убѣдительнымъ тономъ:

— Тятенька, напрасно вы на меня мораль пущаете... И даже лучше, что такъ вышло.

— Что-о?!... Ахъ, разбойникъ!

— Нѣтъ, вы меня выслушайте... Допустимъ, что духовная была бы правильно составлена — третій свидѣтель и прочее... Хорошо... Вы предъявляете духовную, ее утверждаютъ, а деньги получили бы ваши кредиторы. Вѣдь, у васъ векселей, слава Богу, выдано достаточно.

— Всего-то тысячъ на шестьдесятъ. Значить, мнѣ осталось бы чистыхъ сорокъ тысячъ, да домъ.

— Ахъ, какой вы, тятенька! Тогда бы кредиторы получили сполна всѣ свои шестьдесятъ тысячъ, а теперь они получаютъ всего изъ капитала богоданной маменьки вашу четвертую часть, т.-е. двадцать пять тысячъ, да вашу восьмую часть изъ дома. Значить, всѣхъ-на-всѣхъ тридцать тысячъ.

— Ну, ну, говори, разбойникъ!

— Я, тятенька, по закону... Я тутъ не при чемъ. Ужъ лучше, ежели деньги достанутся роднымъ дѣтямъ, чѣмъ чужимъ.

— Значить, по закону?

— Точно такъ-съ.

Замараевъ взялъ счеты и принялся подводить балансъ.

— Вы, тятенька, яко законный супругъ своей жены получите изъ движимаго свою законную четвертую часть,

т.-е. 25 тысячъ, да изъ недвижимаго свою восьмую законную супружескую часть. Теперь... У васъ шесть дочерей и сынъ. По закону, дочерямъ изъ движимаго должна быть выдѣлена законная седьмая часть и Ліодору достанется тоже седьмая, значить, на персону выйдетъ... выйдетъ по десяти тысячъ семисотъ четырнадцати рублей двадцати восьми копѣекъ и четыре седьмыхъ-съ. Изъ недвижимаго, что останется послѣ вычета вашей восьмой части, дочерямъ шесть четырнадцатыхъ, значить, близко половины, а три восьмыхъ Ліодору. Вотъ и все по закону, тятенька... Я ничего отъ васъ не скрываю. Замѣьте, что я ни одной вашей копѣйки не желаю получать... Анна какъ знаетъ, такъ и пусть дѣлаетъ.

— А ты забылъ еще подсчитать, что на всѣхъ на васъ креста нѣтъ... Ахъ, разбойники!... Ахъ, душегубы!... Вѣдь, я - то, значить, хуже нищаго остался?

— А стеариновая фабрика, тятенька? Это капиталъ-съ...

VIII.

Исторія съ малыгинскимъ наслѣдствомъ сдѣлалась злобой дня для всего Заполя. Пересудамъ, слухамъ и комментаріямъ не было конца. Еще ничего подобнаго въ купеческой средѣ не случалось. Положеніе Харитона Артемьича получилось траги-комическимъ въ самой обидной формѣ. Дѣло въ томъ, что всѣмъ было ясно, какъ онъ хотѣлъ скрыть капиталъ отъ своихъ кредиторовъ и

какъ глупо поплатился за это. Сложилась цѣлая легенда о малыгинскихъ дочеряхъ, получившихъ наслѣдство до послѣдней копѣечки при живомъ отцѣ и пустившихъ этого отца буквально нищимъ. Малыгинскіе зятья вошли въ поговорку.

Въ дѣйствительности происходило такъ. Всѣ зятья, за исключеніемъ Пашки Булыгина, не принимали въ этомъ дѣлѣ никакого участія, предоставивъ все своимъ женамъ. Изъ сестеръ ни одна не отказалась отъ своей части ни въ пользу другихъ сестеръ, ни въ пользу отца.

— Все равно—у тятеньки опишутъ кредиторы, — объясняла «полуштофова жена» съ обычною авторитетностью.—Вольно ему было засаживать весь свой капиталъ въ фабрику, да еще выдавать векселя... Онъ только насъ разорилъ.

— Конечно, разорилъ, — поддакивала писариха Анна. — Теперь близко полуторыхъ сотъ тысячъ въ фабрикѣ сидитъ, да изъ мамынькиныхъ денегъ туда же ушло близко тридцати, — по седьмой части каждой досталось бы. Плакали наши денежки... Моихъ двадцать пять тысячъ сожрала проклятая фабрика.

Сестры ужасно волновались и смѣло говорили теперь все прямо въ глаза отцу. Сначала Харитонъ Артемьичъ отчаянно ругался, кричалъ, топалъ ногами, гналъ всѣхъ, а потомъ говорилъ всего одно слово:

— Проклянѣ!...

Первыми получать наслѣдство явились Лѣодоръ съ Пашкой Булыгинымъ. Послѣдній дѣйствовалъ по довѣренности отъ жены. Харитонъ Артемьичъ едва успѣлъ

скрыться отъ нихъ черезъ кухню и въ одномъ халатѣ прибѣжалъ къ Замараеву. Онъ совершенно упалъ духомъ и плакалъ какъ ребенокъ.

— Тятенька, успокойтесь, — уговаривалъ Замараевъ. — Зачѣмъ малодушествовать? Слава Богу, у васъ еще есть цѣлая фабрика... Проживете получше насъ всѣхъ.

— Не поминай ты мнѣ про фабрику, разбойникъ! — стоналъ старикъ. — И тебя проклянута... всѣхъ!... По міру меня пустили, родного отца!

Нападеніе Людора и Булыгина не повторилось. Они удовольствовались полученіемъ своихъ денегъ изъ банка и пропали въ Кунарѣ. Домъ и остальное движимое подлежало публичной продажѣ для удовлетворенія кредиторовъ. Разореніе получалось полное, такъ что у Харитона Артемьича не оставалось даже своего угла. Тутъ ужъ надъ нимъ сжалились дочери и въ складчину уплатили слѣдовавшую кредиторамъ восьмую часть. Отказалась уплатить свою часть только одна писариха Анна.

— Просто не понимаю, что сдѣлалось съ женой, — удивлялся Замараевъ, разводя руками. — Ужъ я какъ ее уговаривалъ: не бери мамынькиныхъ денегъ. Проживемъ безъ нихъ... А развѣ съ бабой сговоришь?

Молва приписывала всю механику малыгинскаго за вѣщанія именно Замараеву, и онъ всячески старался освободить себя отъ этого обвиненія. Вообще, положеніе малыгинскихъ зятьевъ было довольно щекотливое, и они не любили, когда рѣчь заходила о наслѣдствѣ. Все дѣло они сваливали довольно безсовѣстно на женъ, даже Галактіонъ повторялъ вмѣстѣ съ другими это оправданіе.

— Поговорять да перестануть, — успокоивалъ Штофъфъ другихъ.

— Да о чемъ говорить-то? — возмущался Зама-
ревъ. — Да я отъ себя готовъ заплатить эти десять ты-
сячъ... Жили безъ нихъ и проживемъ безъ нихъ, а тутъ
одна мораль. Да и то сказать, много ли мнѣ съ женой
нужно? Охъ, грѣхи, грѣхи!...

Харченко отмалчивался. Десять тысячъ для него были
завѣтною мечтой, потому что на нихъ онъ пріобрѣталъ,
наконецъ, собственный цензъ для городского гласнаго.
Галактіонъ тоже избѣгалъ разговоровъ на эту тему. Сна-
чала онъ былъ противъ этого наслѣдства, а потомъ мыс-
ленно присоединилъ ихъ къ тѣмъ пятидесяти тысячамъ,
какія давалъ ему Стабровскій. Лишнихъ денегъ вообще
не бываетъ, а тутъ онѣ какъ разъ подошли къ случаю.

Лучше всѣхъ держала себя отъ начала до конца Хари-
тина. Она даже рѣшила сгоряча, что всѣ деньги отдастъ
отцу, какъ только получить ихъ изъ банка. Но потомъ
на нее напало раздумье. Въ самомъ дѣлѣ, дай ихъ отцу,
а потомъ и поминай какъ звали. Все равно — десятью ты-
сячами его не спасешь. Думала-думала Харитина и при-
думала. Она пришла въ кабинетъ къ Галактіону и пе-
редала всѣ деньги ему.

— Это что? — удивился Галактіонъ.

— А на пароходы... И я тоже хочу кусочка хлѣба съ
масломъ.

Галактіонъ молча ее обнялъ.

— Только ты мнѣ росписку выдай, — дѣловымъ то-
номъ говорила она, освобождаясь, — да.

— Для чего же тебѣ росписка, глупая?

— Какъ для чего? А не хочу дурой быть... Вотъ Серафима помретъ, ты и женишься на другой. Я все обдумала впередъ и меня не проведешь...

— Ахъ, глупая, глупая!

Эти Харитинины десять тысячъ Галактіону были особенно дороги. Онѣ округляли его капиталъ до семидесяти тысячъ, а тамъ можно со временемъ дополучить тысячъ тридцать изъ банка. Однимъ словомъ, все шло какъ по маслу, и Галактіонъ не испытывалъ никакихъ угрызений совѣсти по отношенію къ обобранному до нитки тестю. Онъ про себя негодовалъ на него: вмѣсто того, чтобы травить такія страшныя деньги на дурацкую фабрику, отдалъ бы ему на пароходы... Дѣло-то повѣрнѣе во сто разъ. Поступокъ Харитины радовалъ Галактіона и потому, что онъ не просилъ у нея денегъ, а она сама ихъ отдала. Онъ даже отложилъ ихъ отдѣльно, какъ счастливыя.

«Умная эта Харитина, — думалъ Галактіонъ, пересчитывая ея капиталы. — И росписку требуетъ».

Харитина, дѣйствительно, была не глупа. Свое отступление изъ дома Галактіона она затушевала тѣмъ, что сначала переѣхала къ отцу. Предлогъ былъ налицо: Агнія находилась въ интересномъ положеніи, отецъ нуждался въ утѣшеніи.

— Куда ты деньги дѣла? — допытывался Харитонъ Артемьичъ.

— Полуянову послала... Вѣдь, онъ мнѣ мужъ, тятенька, а въ Сибири-то гдѣ ему взять?

— Врешь, все врешь... Всѣ вы врете.

Полуяновъ какъ-то совсѣмъ исчезъ съ поля зрѣнія всей родни. О немъ не говорили и не вспоминали, какъ о покойникѣ, отъ котораго рады были избавиться. Харитина время отъ времени получала отъ него письма, сначала отвѣчала на нихъ, а потомъ перестала даже распечатывать. Въ ней росло по отношенію къ нему какое-то особенно злобное чувство. И находясь въ ссылкѣ, онъ все-таки связывалъ ее по рукамъ и по ногамъ.

Жизнь въ родительскомъ домѣ была уже совсѣмъ не красна. Харитонъ Артемьичъ по временамъ впадалъ въ какое-то буйное ожесточеніе и съ нимъ приходилось отваживаться, какъ съ сумасшедшимъ. Онъ проклиналъ дочерей и зятьевъ, а весь остальной міръ обѣщалъ привлечь къ суду. Для послѣдняго у него были свои основанія. Стеариновый заводъ работалъ въ убытокъ и требовалъ все новыхъ расходовъ. Шахма денегъ больше не давалъ, а у Ечкина ихъ никогда не было. Давила, главнымъ образомъ, конкуренція съ «казанскою свѣчей». Харитонъ Артемьичъ, какъ на службу, отправлялся каждый день утромъ на фабрику, чтобы всласть поругаться съ Ечкинымъ и хоть этимъ отвести душу. Ечкинъ выслушивалъ все совершенно хладнокровно и говорилъ постоянно одно и то же:

— Вотъ, вы теперь ругаетесь, а потомъ благодарить будете.

— Отдай мои деньги, ничего знать не хочу!...

Ечкину оставалось только пожимать плечами, точно его просили снять съ неба луну. Собственно онъ уже

давно вышелъ изъ своей роли и сидѣлъ на фабрикѣ, что совсѣмъ было не его дѣломъ. Представлялось два выхода: найти четвертаго компаньона или заложить фабрику въ банкѣ. Послѣднее равнялось собственному признанію своей несостоятельности и Ечкинъ медлилъ. Въ концѣ зимы онъ, наконецъ, подыскалъ компаньона, — это былъ Евграфъ Огибенинъ. Коммерсантъ послѣдней формациі жаждалъ примазаться къ какому-нибудь модному промышленному предпріятію и попался на удочку. Ечкинъ получилъ съ него деньги и сейчасъ же уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ по выданной ему довѣренности заложилъ въ одномъ изъ столичныхъ банковъ и стеариновую фабрику. Въ общемъ эти операціи дали ему около полуторыхъ сотъ тысячъ, и Ечкинъ, какъ добросовѣстный человѣкъ, ровно на эту сумму выслалъ компаньонамъ векселей.

Бѣда не приходитъ одна, и Малыгинъ утѣшался только тѣмъ, какого дурака сваялъ Еграшка модникъ, попавшійся какъ куръ во щи. Благодаря коварству Ечкина, фабрику пришлось совсѣмъ остановить. Кредиторы Ечкина, въ свою очередь, поспѣшили наложить на нее свое запоздавшее veto. Но Харитонъ Артемьичъ не терялъ надежды и рѣшилъ судиться, со всѣми судиться, — и съ Ечкинымъ, и съ Шахмой, и съ Огибенинымъ, и съ дочерьми.

— Всѣхъ въ бараній рогъ согну! — кричалъ онъ, расхаживая по своему кабинету въ халатѣ. — Я имъ покажу!...

Лучшее утѣшеніе въ несчастіи, какъ извѣстно, — чужія несчастія. За этимъ дѣло не стало. Въ великомъ

посту пріѣхалъ въ Заполье старикъ Колобовъ и завернулъ навѣстить Харитона Артемьича.

— А! пришелъ посмотрѣть на голаго свата!—встрѣтилъ его Малыгинъ, впадая въ ожесточенный тонъ.—Вотъ, полюбуйся... Одинъ халатъ доченьки оставили изъ милости.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, Харитонъ Артемьичъ,—уклончиво отвѣтилъ Михей Зотычъ, моргая и шамкая.—Господь даде, Господь отъя... Охъ, не возьмемъ съ собой ничего, миленькій! Все это суета...

— Нечего сказать, хороша суета!... А ты-то зачѣмъ пріѣхалъ къ намъ? Небойсь, въ банкъ хочешь закладываться? Ха-ха... У всѣхъ теперь одна мода, а ваши мучники готовы кожу съ себя заложить.

— Ужъ какъ Богъ дастъ... да...—шамкалъ Колобовъ.— Оно тово, дѣйствительно, поджигаютъ насъ, очень поджигаютъ... У васъ въ городѣ-то лѣсъ рубятъ, а къ намъ щепки летятъ.

— Такъ, такъ, сватушка. У тебя и рука въ банкъ своя... Галактіонъ-то вызволить.

— Ужъ это што говорить — заступа... Позавидовалъ плѣшивый лысому. По-твоему хочу сдѣлать: раздѣлить сыновей. Хорошія нонѣ дѣтки. Охо-хо-хо!... А все суета, Харитонъ Артемьичъ... Дѣтокъ вотъ мы съ тобой судимъ и рядимъ, а о своей душѣ не печалуемся. Только бы мнѣ съ своимъ дѣломъ развязаться... Въ скиты пора уходить. Вотъ вмѣстѣ и пойдемъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! Я сперва еще всѣхъ на подсудимую скамью запячу! Живъ не хочу быть, пока не оборудую этого самаго дѣла!

— Крутенежъ ты, сватушка, какъ я погляжу, а на сердитыхъ воду возять.

— Ничего, авось за собакой камень не пропадетъ! Я теперь на отчаянность пошелъ... Съ голаго, что со святого, — взять нечего.

Старики разговорились. Все-таки, они были свои и думали одинаково, не то что молодежь. Михей Зотычъ все качалъ своею лысою головой и жаловался на худыя дѣла.

— Охъ, плохо будетъ, сватушка, всѣмъ плохо!... Вѣдь, можно было бы жить, и еще какъ можно, если бы всѣ не набросились строить мельницы. По Ключевой-то теперь стономъ стонъ стоитъ... Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ. Что только и будетъ!...

— Зачѣмъ двѣ-то новыхъ мельницы выстроилъ?

— А затѣмъ, сватушка, что три сына у меня. Хотѣлъ каждому по меленкѣ оставить, чтобы родителя поминали... Охъ, не хорошо!... Мучники наши въ банкъ закладываются, а мужикъ весь хлѣбъ на базары свезъ. По деревнямъ вездѣ ситцы да самовары пошли... Ослабѣлъ мужикъ. А тутъ водкой еще его накачиваютъ... Всѣ за легкимъ хлѣбомъ гонятся да за своимъ лакомствомъ. Что только и будетъ!...

— Чему быть-то? Ничего не будетъ.

— А Богъ-то? Не потерпитъ Батюшко нашего звѣрства... Божій даръ травимъ да бѣса тѣшимъ.

Михей Зотычъ прожилъ въ Запольѣ недѣли двѣ и, по обыкновенію, обошелъ весь городъ и вездѣ побывалъ. За десять лѣтъ городъ нельзя было узнать, и старикъ только качалъ головой. Все то по-новому, по-модному, на

отличку. Старинку какъ метлой вымело. Побывалъ Михей Зотычъ и на новой вальцевой мельницѣ Луковникова и уже не зналъ, дивиться ему или нѣтъ. Это была уже не мельница, а цѣлая фабрика. Даже жалъ дѣлалось, какъ гоняють хлѣбъ по всѣмъ пяти этажамъ, съ жернова на жерновъ, между валами, по ситамъ, вѣялкамъ и самотаскамъ. Завернулъ Михей Зотычъ и къ Замараеву. Тутъ дѣло вѣрное, — безъ обрѣзковъ и безъ моды. Закончились эти путешествія новымъ банкомъ, гдѣ встрѣтилъ Михея Зотыча старый пріятель Вахрушка.

— Здравствуй, чиновникъ, — говорилъ Колобовъ, разглядывая Вахрушкину ливрею. — Шутъ не шутъ, а около того.

— Вотъ и вы на нашу мельницу завернули, Михей Зотычъ, — отвѣчалъ въ тонъ Вахрушка. — У насъ чистая работа...

— Пришелъ въ сапогахъ, а ушелъ босикомъ? На что чище... Вонъ и ты какое себѣ рыло наѣлъ на легкомъ-то хлѣбѣ... да. Что же, оно ужъ завсегда такъ: лупи яичко — не сказывай, облупилъ — не показывай. Ну, чиновникъ, а ты какъ думаешь, возьмутъ меня на вашей мельницѣ въ закладъ?

— Какъ же можно, Михей Зотычъ, чтобы вамъ не дали подъ закладъ... Всякіе народы закладываются, а вамъ-то на особицу дадутъ.

— Такъ, такъ, миленькій... Вѣрно. Когда волкъ таскалъ — никто не видалъ, а когда волка потащили — всѣ увидѣли.

IX.

Заручившись кредитомъ, Галактіонъ полетѣлъ въ Тюмень, гдѣ у него уже былъ на примѣтѣ продававшійся пароходъ. Правда, что пароходишко былъ старой конструкціи, вообще дрянной, но пока и онъ могъ служить. Главное, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ. По пути Галактіонъ прихватилъ и двѣ небольшія баржи. Зимы оставалось немного и нужно было поспѣвать. Изъ Тюмени онъ проѣхалъ на Городище, которое уже давно арендовалъ у крестьянъ. Планъ пристани, конторы и амбаровъ былъ заготовленъ раньше и теперь приходилось только его выполнять. Работа на мысу закипѣла, какъ по щучьему велѣнью. Камень и лѣсъ были заготовлены Галактіономъ еще раньше. Однимъ словомъ, все было предусмотрѣно, до послѣднихъ мелочей.

Ровно черезъ двѣ недѣли на Городищѣ уже стояла новая пятистѣнная изба, въ которой Галактіонъ и поселился. Тутъ была и контора, и его квартира, и складъ. Никогда еще Галактіонъ не торопился въ такой степени и никогда еще не чувствовалъ себя такъ хорошо. Каждый ударъ топора, раздававшійся на Городищѣ, осуществлялъ его завѣтную мечту. Утромъ онъ вставалъ въ пять часовъ, а ложился спать позже всѣхъ. Съ одной стороны, было неудобно, что рѣка Ключевая была судходна до Заполья только въ полую воду, а съ другой стороны это неудобство представляло для Галактіона большія выгоды. Онъ вотъ здѣсь, на Городищѣ, только чувствовалъ себя дома и былъ радъ, что городъ далеко. Заполье ему давно

надоѣло, да и не любилъ онъ его никогда. А здѣсь такъ хорошо. Подъ рукой были только тѣ люди, которые были нужны, и больше никого. Галактіонъ блаженствовалъ и смотрѣлъ на Тоболъ съ чувствомъ собственности, какъ на лошадь-новокупку.

Въ Заполье Галактіонъ пріѣзжалъ только на нѣсколько часовъ, когда бывали засѣданія банковскаго правленія. Здѣсь онъ, между прочимъ, встрѣтился и съ отцомъ.

— Здравствуй, сынокъ, — остановилъ его Михей Зотычъ. — Аль не узналъ родителя?

— Виновать, папаша... Какъ это вы сюда попали?

— По дѣлу, сынокъ, по дѣлу... Хочу отвѣдать, какъ деньги изъ банка берутъ.

— Что же вы мнѣ не писали раньше? Я устроилъ бы все впередъ.

— Спасибо, сынокъ... Не привыкъ я чужими руками жаръ загребать. Да и тебѣ-то некогда... Сказываютъ, пароходы заводишь?

— Завожу, родитель.

— Такъ, такъ... А денегъ гдѣ взялъ?

— Добрые люди дали.

— Люди-то добрые, а чужія денежки зубасты, милый сынъ... Не по себѣ дерево гнешь.

— Ужь какъ Богъ дастъ, папаша. Я еще молодъ, въ охотку и поработать. Пріѣзжайте, папаша, посмотрѣть какъ-нибудь.

— И то пріѣду, сынокъ. Мѣсто-то на Городищѣ привольное... Вотъ только какъ ты плавать-то будешь? Мы вонъ по сухому-то берегу еле бродимъ.

Галактіона непріятно поразило то, что отецъ попросилъ его похлопотать за него въ правленіи относительно ссуды.

— Папаша, знаете, неудобно просить за своихъ... Этого у насъ не водится. Въ банкѣ всѣ равны и нѣтъ родственниковъ.

— Спасибо и на этомъ, сынокъ.

— Если хотите, я могу поставить свой бланкъ на вашъ вексель, — это мнѣ удобнѣе.

— Нѣтъ, спасибо, сынокъ... Пока Богъ миловалъ отъ векселей.

Встрѣча съ отцомъ вышла самая неудобная, и Галактіонъ потомъ пожалѣлъ, что ничего не сдѣлалъ для отца. Онъ говорилъ со старикомъ не какъ сынъ, а какъ членъ банковскаго правленія, и старикъ этого не хотѣлъ понять. Да и можно было бы все устроить, если бы не Мышниковъ, — у Галактіона съ послѣднимъ оставались, по-прежнему, натянутыя отношенія. Для очищенія совѣсти Галактіонъ отправился къ Стабровскому, чтобы переговорить съ нимъ на дому. Какъ на грѣхъ, Стабровскій куда-то уѣхалъ. Галактіона приняла Устинька.

— Вы подождите, Галактіонъ Михеичъ, — говорила дѣвушка дѣловымъ тономъ.

Она, вообще, старалась занимать его, какъ хозяйка. Пани Стабровская, по обыкновенію, не выходила изъ своей комнаты, Дидѣ что-то нездоровилось и Устинька замѣняла ихъ. Галактіонъ посидѣлъ въ столовой, выпилъ стаканъ чаю и началъ прощаться.

— Въ другой разъ какъ-нибудь заверну, Устинька... Некогда.

Дѣвушка вышла провожать его въ переднюю и, оглянувшись, проговорила тѣмъ же тономъ, какъ раньше, когда учила его, какъ держать себя за чайнымъ столомъ.

— Галактіонъ Михеичъ, неужели это правда, что рассказываютъ про старика Малыгина?

— Я, право, въ его дѣла не вмѣшиваюсь, Устинька.

— Значить, это неправда, что вы взяли деньги у Харитины?

Галактіонъ почувствовалъ, что вдругъ покраснѣлъ, какъ попавшійся школьникъ.

— А вамъ для чего это знать, Устинька?

— Да я такъ... Ахъ, не дѣлайте этого, Галактіонъ Михеичъ! Она нехорошая...

Эта сцена не выходила изъ головы Галактіона всю дорогу, пока онъ ѣхалъ къ себѣ на Городище. Онъ опять краснѣлъ, припоминая умоляющее выраженіе лица Устиньки. Какая она славная дѣвушка, хотя и говоритъ о вещахъ, которыхъ не понимаетъ. Да, значить, уже цѣлый городъ знаетъ о деньгахъ Харитины... И откуда только такія вѣсти берутся? Онъ самъ никому не говорилъ ни одного слова и былъ увѣренъ, что Харитина тоже никому не проговорила. Она не болтушка. Вѣроятно, добрые люди сообразили, что Харитинѣ некуда было дѣвать своего наслѣдства.

«Э, не все ли равно?» — рѣшилъ Галактіонъ.

Ему было обидно только то, что Устинька назвала Харитину нехорошей. За что? Вѣдь, Харитина никому не сдѣлала зла, кромѣ самой себя.

Именно подъ этимъ впечатлѣніемъ Галактіонъ подѣз-

жалъ къ своему Городищу. Начинало уже темнѣться, а въ его комнатѣ свѣтился огонь. У крыльца стоялъ чей-то дорожный экипажъ. Галактіонъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ на крылечко, прошелъ темныя сѣни, отворилъ дверь и остановился на порогѣ, — въ его комнатѣ сидѣли Михай Зотычъ и Харитина за самоваромъ.

— Ну, принимай дорогихъ гостей, — проговорилъ Михай Зотычъ. — Незванные-то гости подороже будутъ званныхъ.

— Я радъ, папаша...

— Я и Харитину захватилъ, — шамкалъ старикъ. — Одному-то скучно ѣхать, а она, все равно, безъ дѣла уютяньки сидитъ. Вотъ и поѣхали.

Харитина была смущена и смотрѣла на Галактіона виноватыми глазами. Она чувствовала, что онъ недоволенъ ея выходкой, и молчала. Галактіонъ тоже поздоровался съ ней молча.

Старикъ Колобовъ былъ какъ-то необыкновенно веселъ и все время шутилъ съ Харитиной.

— Ну, что же ты молчишь-то, а еще хозяинъ? — спрашивалъ онъ Галактіона. — Развѣ гости плохи? Вмѣстѣ-то намъ какъ разъ сто лѣтъ, Харитинушка. Въ самый разъ пара.

Вечеромъ старикъ улегся, по обыкновенію, спать рано. Галактіонъ и Харитина сидѣли въ конторѣ одни.

— Что ты и въ самомъ-то дѣлѣ надулся, какъ мышь на крупу? — говорила она. — Этакъ я и домой завтра уѣду. Соскучилась безъ тебя, а ты...

— Послушай, я не пойму, какъ это тебя угораздило вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхать сюда?

— А такъ... Онъ пріѣхалъ прямо за мной, а я сѣла и поѣхала. Тошнехонько мнѣ, особенно по вечерамъ. Ты, небойсь, и не вспомнишь обо мнѣ.

— Вотъ немного устроюсь, тогда...

— Что тогда? А знаешь, что я тебѣ скажу? Вотъ ты строишь себѣ домъ въ Городищѣ, а какой же домъ безъ бабы? И Михей Зотычъ то же самое давеча говорить. Вѣдь, у него все загадками да выкомурами, какъ хочешь понимай. Жалѣеть тебя...

-- Онъ?

— Да, онъ... А ты какъ бы думалъ? Старикъ безъ ума тебя любить. Ты его совсѣмъ не знаешь... да. А мнѣ показалось...

Харитина такъ и не досказала, что ей показалось.

На другое утро Михей Зотычъ поднялся чѣмъ свѣтъ и обошелъ всѣ работы. Онъ все осмотрѣлъ, что-то прикидывалъ въ умѣ, шепталъ и качалъ головой, а потомъ, прищурившись, долго смотрѣлъ на рѣку и угнетенно вздыхалъ.

— Ну, что, папаша, какъ вы нашли мою пристань?— спрашивалъ Галактіенъ.

— Купецъ въ лавкѣ хвалить товаръ, сынокъ, а покупатель дома... Ничего, хорошо. Воду я люблю, а у тебя сразу двѣ рѣки... По веснѣ-то вотъ какой розливъ будетъ... да.

— Въ половодье-то я изъ Заполя вашу крупчатку повезу въ Сибирь, папаша, а осенью сибирскую пшеницу сюда буду поставлять. Работы не оберешься.

— Да, да... Охъ, повезешь, сынокъ!... А поговорка такая: не мой возъ—не моя и пѣсенка. Все хлѣбъ батюшко, вездѣ хлѣбъ... Всѣ имъ держатся, а остальное-то такъ. Только хлѣбъ-то отъ Бога родится, сынокъ... Даръ Божій... Какъ бы ошибки не вышло. Ты вотъ на машину надѣнешься, а вдругъ нечего будетъ не только возить, а и ѣсть.

— Вотъ тогда-то и будетъ хорошо: гдѣ много уродится хлѣба, оттуда его и повеземъ. Всѣмъ будетъ хорошо.

— Такъ, такъ... То-то нынче добрый народъ пошелъ: все о другихъ заботятся, а себя забываютъ. Что же, дай Богъ... Посмотрѣлъ я въ Запольѣ на добрыхъ людей... Хорошо. Дома понастроили новые, магазины съ зеркальными окнами и все перезаложили въ банкъ. Одни строить, другіе деньги на постройку даютъ—чего лучше? А тутъ еще: на, испей дешевой водочки... Только вотъ какъ съ закуской будетъ. И ты тоже вотъ добрый у меня уродился: чужого не жалѣешь.

— Это ужъ дѣло мое, папаша, у васъ я, кажется, еще не просилъ ничего.

— Не дамъ, ничего не дамъ, сынокъ... Жалѣючи тебя, не дамъ. Охъ, грѣхи отъ денегъ-то, и отъ своихъ, и отъ чужихъ! Будешь богатый, такъ и себя-то забудешь, Галактіонъ. Видалъ я всякихъ человѣковъ... охъ, много видалъ! Пожалуй, и смотрѣть больше ничего не осталось.

Больше всего старикъ поразилъ Галактіона своимъ отношеніемъ къ Харитинѣ. Она проспала чуть не до десяти часовъ, и Галактіонъ нѣсколько разъ хотѣлъ ее разбудить.

— Оставь... Не надо,—удерживалъ его Михай Зо-

тычъ. — Пусть выпится молодымъ дѣломъ. Побранить-то есть кому бабочку, а пожалѣть некому. Трудненько молодой жить безъ призору... Не сладко ей живется. Охъ, грѣхи!...

Харитина поднялась не въ духѣ; она плохо спала ночь.

— Ну, Харитинушка, испей чайку да складывайся въ обратный путь, — торопилъ ее Михей Зотычъ. — Загостились мы тутъ.

Ухаживанья старика привели Харитину въ капризное настроеніе. Она уже больше не смущалась и смотрѣла на Галактіона вызывающимъ взглядомъ.

— Возьми меня, Галактіонъ, въ кухарки, — говорила она, усаживаясь въ экипажъ. — Я умѣю отличныя щи варить.

— И то возьми, Галактіонъ, — поддакивалъ Михей Зотычъ. — Я буду наѣзжать ваши щи ѣсть. Такъ, Харитинушка? Щи — первое дѣло. Пароходы-то пароходами, а безъ щей тоже не проживешь.

Галактіонъ стоялъ все время на крыльцѣ, пока экипажъ не скрылся изъ глазъ. Харитина не оглянулась ни разу. Ему сдѣлалось какъ-то и жутко, и тяжело, и жаль себя. Вся эта поѣздка съ Харитиной у отца была только злою выходкой, какъ все, что онъ дѣлалъ. Старикъ въ глаза смѣялся надъ нимъ и въ глаза дразнилъ Харитиной. Да, «безъ щей тоже не проживешь». Это была какая-то бессмысленная и обидная правда.

Цѣлый день Галактіонъ ходилъ грустный, а вечеромъ, когда зажгли огонь, ему сдѣлалось ужъ совсѣмъ тошно. Вотъ здѣсь сидѣла Харитина, вотъ на этомъ дива-

нѣ она спала, — все напоминало ее, до позабытой на окнѣ черепаховой шпильки включительно. Галактіонъ долго пилъ чай, шагаль по комнатѣ и не могъ дожидаться, когда можно будетъ лечь спать. Бываютъ такіе проклятые дни.

Когда Галактіонъ, наконецъ, былъ уже въ постели, слышался запоздалый колокольчикъ. Галактіонъ никакъ не могъ сообразить, кто бы могъ пріѣхать въ такую пору. На всякій случай онъ одѣлся и вышелъ на крыльцо. Это была Харитина. Она вошла, пошатываясь, какъ пьяная, молча остановилась и смотрѣла на Галактіона какими-то безумными глазами.

— Что съ тобой? — удивился Галактіонъ. — Идемъ въ комнату.

Харитина долго ничего не могла выговорить и только плакала, закрывъ лицо руками.

— Я его бранила всю дорогу... да, — шептала она, глотая слезы. — Я только дорогой догадалась, какъ онъ смѣялся и надо мной, и надъ тобой. Что-жь, пусть смѣются, — мнѣ все равно. Мнѣ некуда идти, Галактіонъ. У меня вся душа выболѣла. Я буду твоей кухаркой, твоей любовницей, только не гони меня.

— Милая, перестань... Поговоримъ завтра.

Успокоить Харитину было дѣломъ не легкимъ, и Галактіонъ провозился съ ней до самаго утра, пока она не заснула тутъ же на диванѣ, не раздѣваясь, какъ пріѣхала.

X.

Въ домѣ Стабровскихъ переживалось трудное время.

Дидѣ уже было шестнадцать лѣтъ и наступало то, чего такъ боялся отецъ. Врачи просмотрѣли тотъ моментъ, отъ котораго зависѣло все, и только отцовскій взглядъ инстинктивно предчувствовалъ его. Раньше у Диди было два припадка — одинъ въ раннемъ дѣтствѣ, другой, когда ей было тринадцать лѣтъ, но они еще ничего не доказывали. У дѣтей сплошь и рядомъ бывають «родимчики». Дидю изслѣдовали всѣ знаменитости въ Москвѣ, въ Петербургѣ и за-границей и всѣ дали уклончивый отвѣтъ: все можетъ быть и ничего можетъ не быть. Такой приговоръ убивалъ Стабровскаго, и онъ извѣрился въ знаменитостяхъ, прикрывавшихъ своею славой самое скромное незнаніе. Да и наука по части нервныхъ болѣзней дѣлала только свои первые шаги. Въ концѣ-концовъ, Стабровскій обратился къ своимъ провинціальнымъ врачамъ, у которыхъ было и времени больше, и усердія, и свѣжей наблюдательности. Самъ онъ изобрѣлъ только одно средство — поселить въ своемъ домѣ Устиньку, которая могла заразить здоровьемъ Дидю. Въ четыре года, дѣйствительно, Устинька сформировалась въ настоящую здоровую дѣвушку, а Дидя только вытянулась и захирѣла. Для Стабровскаго «славяночка» являлась живою мѣркой, и онъ дѣлалъ ежедневныя параллельныя наблюденія. Сначала Дидя шла въ умственномъ развитіи далеко впереди, а потомъ точно начала уставать, и Устинька ее понемногу догнала. Дидя дѣлалась съ каждымъ годомъ все скрытнѣе, несообщительнѣе и имѣла такой видъ, когда чело-

вѣкъ мучительно хотеть что то припомнить и не можетъ. Она вся точно свертывалась въ клубочекъ, когда чувствовала на себѣ наблюдавшій ее отцовскій взглядъ.

Въ послѣднее время Стабровскій началъ замѣчать какія-то странныя вспышки, неожиданныя и болѣзненные, какія бываютъ только у беременныхъ женщинъ. Онъ посоветовался съ докторами, и тѣ рѣшили, что «дѣвочка формируется». Миссъ Дудль раздѣляла это мнѣніе и съ самоувѣренностью заявила, что она «выдержитъ» дѣвочку и больше ничего. Однако, случилось нѣчто неожиданное. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ тренировки въ духѣ доброй англійской школы Дидя вспылила до того, что назвала миссъ Дудль старою англійскою лошадыю. Это неслыханное оскорбленіе привело къ тому, что миссъ Дудль принялась собирать свои чемоданы. Можетъ быть, этотъ пріемъ употреблялся слишкомъ часто и потерялъ свое психологическое значеніе; можетъ быть, строгая англичанка была сама неправа, но Дидя ни за что не хотѣла извиняться, такъ что вынужденъ былъ вмѣшаться отецъ. Онъ долго и убѣдительно объяснялъ дочери значеніе ея поступка и единственный выходъ изъ него— извиниться передъ миссъ Дудль, но Дидя отрицательно качала головой и только плакала злыми, чисто-женскими слезами. Стабровскій почувалъ что-то неладное во всей этой глупой исторіи и обратился къ Кочетову.

— По-моему, дѣвочка ненормальна, Анатолій Петровичъ.

— Мы всѣ ненормальны. Главное, не нужно къ ней приставать, а дать полный покой.

Стабровскій кое-какъ уговорилъ миссъ Дудль остаться, и это послужило только къ тому, что Дидя окончательно ее возненавидѣла и начала преслѣдовать съ ловкостью обезьяны. Изобрѣтательность маленькаго инквизитора, казалось, не имѣла границъ, и только англійское терпѣніе миссъ Дудль могло переносить эту домашнюю войну. Дидя травила англичанку на каждомъ шагу и, наконецъ, заявила ей въ глаза:

— У васъ не только нѣтъ ума, а даже самаго простаго самолюбія, миссъ Дудль. Я васъ презираю. Вы—ничтожное существо, кукла, манекенъ изъ папье-маше, гороховое чучело. Я васъ ненавижу.

Эта сцена и закончилась припадкомъ, уже настоящимъ припадкомъ настоящей эпилепсіи. Теперь уже не было мѣста ни сомнѣніямъ, ни надеждамъ. Стабровскій не плакалъ, не приходилъ въ отчаяніе, какъ это бывало съ нимъ раньше, а точно весь замеръ. Прежде всего, онъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ Устиньку и объяснилъ ей все.

— Устинька, вы уже большая дѣвушка и поймете все, что я вамъ скажу... да. Вы знаете, какъ я всегда любилъ васъ — я не отдѣлялъ васъ отъ своей дочери, но сейчасъ намъ, кажется, придется разстаться. Дѣло въ томъ, что болѣзнь Диди до извѣстной степени заразительна, т. - е. она можетъ передаться предрасположенному къ подобнымъ страданіямъ субъекту. Я не желаю и не имѣю права рисковать вашимъ здоровьемъ. Скажу откровенно, мнѣ очень тяжело съ вами разставаться, но заставляютъ обстоятельства.

— Вы меня гоните, Болеславъ Брониславичъ, — отвѣтила Устинька. — Т.-е. я не такъ выразилась. Однимъ словомъ, я не желаю сама уходить изъ дома, гдѣ чувствую себя своей. По-моему, я именно сейчасъ могу быть полезной для Диди, какъ никто. Она только со мной одной не раздражается, а это самое главное, какъ говоритъ докторъ. Я хочу хоть чѣмъ-нибудь отплатить вамъ за ваше постоянное вниманіе ко мнѣ. Вѣдь, я всѣмъ обязана вамъ.

Стабровскій обнялъ ее, со слезами поцѣловалъ ее въ лобъ и проговорилъ:

— Вполнѣ цѣню ваше благородство, славяночка... да, цѣню, но не могу согласиться, пока не поговорю съ вашимъ отцомъ.

— Позвольте мнѣ самой это сдѣлать?

— Какъ знаете.

Въ качествѣ большой Устинька могла теперь уходить изъ дому одна и бывала у отца ежедневно. Когда она объяснила ему, въ чемъ дѣло, старикъ задумался.

— Мнѣ кажется, папа, что тутъ и думать нечего. Какъ же я оставлю Дидю въ такомъ положеніи одну? Она такъ привыкла ко мнѣ, любить меня. Я останусь у Стабровскихъ.

— Вотъ что скажетъ докторъ, Устинька. Конечно, Стабровскіе люди хорошіе, но... Однимъ словомъ, ты у меня одна — помни это.

Даже старая нянька Матрена, примирившаяся, въ концѣ-концовъ, съ тѣмъ, чтобы Устинька жила въ ученьи у поляковъ, и та была сейчасъ за нее. Что же, извѣстно,

что барышня Дидя порченная, ну, а только это самые пустяки. Всего-то дѣла свозить въ Кунару, тамъ одинъ старичокъ юродивый всякую болѣзнь заговариваетъ.

Тарасъ Семенычъ, скрѣпя сердце, согласился. Ему въ первый разъ пришло въ голову, что, вѣдь, Устинька уже большая и до извѣстной степени можетъ имѣть свое мнѣніе. Затѣмъ, у него своихъ дѣлъ было по горло: и съ думскою службой, и съ своею мельницей.

— Какъ знаешь, Устинька. Ты ужъ сама не маленькая.

Стабровскій очень былъ обрадованъ, когда «славяночка» явилась обратно, счастливая своимъ молодымъ самопожертвованіемъ. Даже Дидя, и та была рада, что Устинька опять будетъ съ ней. Однимъ словомъ, все устроилось какъ нельзя лучше и «славяночка» еще никогда не чувствовала себя такою счастливой. Да, она уже была нужна, и эта мысль приводила ее въ восторгъ. Затѣмъ, она такъ любила всю семью Стабровскихъ, миссъ Дудль, всѣхъ. Въ этомъ именно домѣ она нашла то, чего ей не могла дать даже отцовская любовь.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ передъ глазами «славяночки» развернулся цѣлый міръ, громадный и яркій, передъ которымъ запольская дѣйствительность казалась такою ничтожной. Устинька могла уже читать по-французски и по-нѣмецки, понимала по-англійски и говорила по-польски. Эти первые шаги ввели ее въ сокровищницу міровой литературы, начиная съ классиковъ. Затѣмъ, она училась музыкѣ, которую страстно любила. Пани Стабровская заставляла ее читать по вечерамъ на трехъ языкахъ и объясняла все непонятное. Дидя не любила чи-

тать, и ее не принуждали, такъ что всею обстановкой дорогого воспитанія пользовалась собственно одна Устинька. Въ ея умѣ все лучшее теперь неразрывно связывалось съ тѣми людьми, съ которыми она жила, — въ этомъ домѣ она родилась вторично. Часто, глядя изъ окна на улицу, Устинька приходила въ ужасъ отъ одной мысли, что не будь Стабровскаго, она такъ и осталась бы глупою купеческою дочерью, всѣ интересы которой сосредоточиваются на нарядахъ и глупыхъ провинціальныхъ удовольствіяхъ. Развѣ можно такъ жить, когда на свѣтѣ такъ много хорошаго? Заполье представлялось ей какою-то ямой. И какіе ужасные люди кругомъ! Черезъ прислугу и разговоры большихъ Устинька уже знала біографію Прасковьи Ивановны, романъ Галактіона съ Харитиной и т. д. Городскія новости врывались въ домъ Стабровскаго, минуя самый строгій контроль миссъ Дудль.

Больше всего смущалъ Устиньку докторъ Кочетовъ, который теперь бывалъ у Стабровскихъ каждый день; онъ долженъ былъ изо дня въ день незамѣтно слѣдить за Дидей и вести самый подробный *curriculum vitae*. Докторъ обыкновенно пріѣзжалъ къ завтраку, а потомъ еще вечеромъ. Его визиты имѣли характеръ простого знакомства, и Дидя не должна была подозрѣвать ихъ настоящей цѣли.

Докторъ ежедневно проводилъ съ дѣвочками по нѣскольку часовъ, при чемъ, конечно, присутствовала миссъ Дудль въ качествѣ аргуса. Докторъ пользовался моментомъ, когда Дидя почему-нибудь не выходила изъ своей комнаты, и говорилъ Устинькѣ ужасныя вещи.

— Вы никогда не думали, славяночка, что все окружающее васъ есть замаскированная ложь? Да... Чтобы вотъ вы съ Дидей сидѣли въ такой комнатѣ, пользовались тюремнымъ надзоромъ миссъ Дудль, наконецъ, моими медицинскими совѣтами, завтраками, пользовались свѣжимъ бѣльемъ, — однимъ словомъ, всѣмъ комфортомъ и удобствомъ такъ называемаго культурнаго существованія, — да, для всего этого нужно было пустить по міру тысячи людей. Чтобы Дидя и вы вели настоящей образъ жизни, нужно было сдѣлать тысячи дѣтей нищими.

— Все это неправда. Мы никому не дѣлали зла.

— А какъ вы полагаете, откуда деньги у Болеслава Брониславича? Сначала онъ былъ подрядчикомъ и морилъ рабочихъ, какъ мухъ, потомъ онъ началъ спаивать мужиковъ, а сейчасъ разоряетъ цѣлый край въ обществѣ всѣхъ этихъ банковскихъ воровъ. Честныхъ денегъ нѣтъ, славяночка. Я не обвиняю Стабровскаго: онъ не лучше и не хуже другихъ. Но не нужно закрывать себѣ глаза на окружающее насъ зло. Хороша и литература, и наука, и музыка, — все это отлично, но мы этимъ никогда не закроемъ печальной дѣйствительности.

— А вы сами что дѣлаете, докторъ?

— И я не лучше другихъ. Это еще не значить, что если я плохъ, то другіе хороши. По крайней мѣрѣ, я сознаю все и мучусь и даже вотъ за васъ мучусь, когда вы поймете все и поймете, какая отвѣтственная и тяжелая вещь — жизнь.

Эти разговоры доктора и пугали Устиньку, и неудержимо тянули къ себѣ, создавая роковую двойственность.

Докторъ былъ такой умный и такъ ясно раскрывалъ передъ ней шагъ за шагомъ изнанку той жизни, которой она жила до сихъ поръ безотчетно. Онъ не щадилъ никого — ни себя, ни другихъ. Устинькѣ было больно все это слышать, и она не могла не слушать.

— Съ одной стороны хозяйничаетъ шайка купцовъ, нажившихъ капиталы всякими неправдами, а съ другой стороны будетъ зорить этихъ толстосумовъ шайка хищныхъ дѣльцовъ. Все это въ порядкѣ вещей и по-ученому называется борьбой за существованіе... Конечно, есть такіе купцы, какъ молодой Колобовъ, — эти создадутъ свое благосостояніе на развалинахъ чужого разоренія. О, онъ далеко пойдетъ!

— Что же тогда дѣлать? — спрашивала Устинька въ отчаяніи.

Докторъ только горько улыбался.

— Знаете что, славяночка, не вамъ это спрашивать у меня и не мнѣ разрѣшать вамъ такой всеобъемлющій вопросъ. Полагаю, что для каждаго должно существовать свое собственное рѣшеніе этого вопроса. Все дѣло въ совѣсти, въ нравственной чистоплотности... Вѣдь, мы всю жизнь заботимся только о томъ, чтобы вотъ именно намъ было хорошо, а отъ этого, по-моему, всѣ несчастія. Да, именно отъ этого... Представьте себѣ простую картину: вамъ хочется ѣсть, передъ вами хорошій завтракъ, — развѣ вы можете его ѣсть съ спокойною совѣстью, когда васъ окружаютъ десятки голодныхъ дѣвушекъ, голодныхъ дѣтей? Вѣдь, кусокъ въ горло не пойдетъ. Если вы и я ѣдимъ спокойно свой вкусный зав-

тракъ, то только потому, что не видимъ этихъ голодныхъ, — они гдѣ-то тамъ, далеко, неизвѣстно гдѣ. И мы все дѣлаемъ, чтобы не видѣть ихъ и чтобы, Боже сохрани, наши дѣти не видѣли ихъ... И каждый нашъ день — неправда и ложь, а отсюда и наше счастье, и наше несчастье — тоже неправда и ложь. Вѣдь, есть еще умственный голодъ, нравственный голодъ, душевная нищета, а отсюда дрянныя, нехорошія несчастья... Чужое горе по психологическому контрасту обыкновенно вызываетъ наши симпатіи, но есть такое горе, которое вызываетъ только отвращеніе. Ахъ, вы не подозрѣваете даже, какъ иногда человѣкъ можетъ ненавидѣть самого себя!

— Вотъ вы говорите о завтракъ, докторъ. Но если я отдамъ свой завтракъ, то, во-первыхъ, сама останусь голодна, а, во-вторыхъ, все равно — всѣхъ не накормлю.

— Это правда, если вы будете одна. А если будутъ и другіе думать о другихъ, тогда получится совсѣмъ иное.

Устинька не могла не согласиться съ большою половиной того, что говорилъ докторъ, и самымъ тяжелымъ для нея было то, что въ ней какъ-то пошатнулась вѣра въ любимыхъ людей. Получился самый мучительный разладъ, заставлявшій думать безъ конца. Зачѣмъ докторъ говорить одно, а самъ дѣлаетъ другое? Зачѣмъ Болеславъ Брониславичъ, такой умный, добрый и любящій, кого-то разоряетъ и помогаетъ другимъ дѣлать то же? А тамъ, впереди, поднимается что-то такое большое, неизвѣстное, страшное и неумолимое.

XI.

Дѣятельность Зауральскаго коммерческаго банка отзывалась не только на экономической сторонѣ жизни Заполя, а давала тонъ всему общественному строю. У насъ вообще принято какъ-то легко смотрѣть на роль банковъ, вѣрнѣе—никакъ не смотрѣть. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, это страшная сила, которая кладетъ свою тяжелую руку на всѣхъ. Наростающій капитализмъ является своего рода громаднымъ маховымъ колесомъ, приводящимъ въ движеніе милліоны валовъ, шестерней и приводовъ. Да, деньги давали власть, въ чемъ Заполье начало убѣждаться все больше и больше, — именно деньги въ организованномъ видѣ, какъ своего рода армія. Прежде были просто толстосумы, вліяніе которыхъ не переходило границъ тѣснаго кружка своихъ однокашниковъ, прикащиковъ и покупателей, а теперь капиталъ, пройдя черезъ банковское горнило, складывался уже въ какую-то стихійную силу, давившую все на своемъ пути.

Живымъ показателемъ этой новой силы для Заполя явился банковскій юрисконсультъ Мышниковъ. Онъ быстро вошелъ въ свою роль и началъ забирать силу. Кліенты безъ словъ почувствовали свою мертвую зависимость отъ этого новаго человѣка, которому стоило сказать одно слово — и банкъ закрывалъ кредитъ. Мышниковъ уже показалъ свою власть надъ протестовавшими элементами и однимъ почеркомъ пера разорилъ двухъ мельниковъ съ Ключевой, не оказавшихъ ему должнаго уваженія. Всѣ понимали, что это только про-

ба, цвѣточки, а ягодки впереди. Остальныхъ кліентовъ Мышниковъ выучилъ терпѣнію. Они по цѣлымъ часамъ ждали его въ банкѣ, теряя дорогое время, выслушивали его грубости и должны были заискивающе улыбаться, когда на душѣ скребли кошки и кипела самая лютая злоба.

Главное, скверно было то, что Мышниковъ, происходя изъ купеческаго рода, зналъ всѣ тонкости купеческой складки, и его невозможно было провести, какъ иногда проводили широкаго барина Стабровскаго или тягучаго и мелочнаго нѣмца Драке. Прежде всего, въ Мышниковѣ сидѣлъ свой братъ мужикъ, у котораго была одна политика — давить все и всѣхъ, давить изъ любви къ искусству.

Но сфера спеціально банковской дѣятельности Мышникова не удовлетворяла. Онъ хотѣлъ бѣльшаго, а, главное, общаго почета и заискивающаго трепета. Червь тщеславія сосалъ его неустанно и ему все было мало. Оперившись, благодаря банку, Мышниковъ попалъ въ думу и принялся хозяйничать здѣсь. Составъ думы былъ купеческій. Доморощенные ораторы говорили плохо, и Мышниковъ сразу сдѣлался свѣтиломъ. Онъ во всѣхъ мелочахъ бралъ перевѣсъ, и гласные проходили мудрую школу подлаживанья и спасительнаго молчанія. Всякая самостоятельность давилась въ зародышѣ. Изъ думскихъ ораторовъ пробовалъ бороться съ Мышниковымъ полированный купчикъ Евграфъ Огибенинъ, но сейчасъ же погибъ самымъ позорнымъ образомъ: ему былъ закрытъ кредитъ въ банкѣ. Это было хорошимъ урокомъ для другихъ смѣльчаковъ.

Старикъ Луковниковъ отлично понималъ разыгрывавшуюся комедію и сознавалъ полное свое безсиліе. Дума быстро превращалась въ переднюю Зауральскаго коммерческаго банка. Гласные купцы тоже сообразили, что нужно только соглашаться съ Павломъ Степанычемъ, и заглядывали ему въ ротъ, ожидая рѣшенія. Мышниковъ скоро завладѣлъ всѣмъ городскимъ самоуправленіемъ и дѣлалъ все, чего желалъ.

— Что же это такое будетъ, господа? — въ отчаяніи говорилъ Луковниковъ гласнымъ, которымъ довѣрялъ. — Мы дѣлаемся какими-то пѣшками... Мышниковъ всѣхъ насъ забираетъ. Вонъ онъ и Драке, и Штоффа, и Галактіона Колобова въ гласные проводить... Дохнуть не дадутъ.

— А что же мы подѣлаемъ, Тарасъ Семенычъ? — угнетенно отвѣчали купцы. — Подневольные мы люди, и больше ничего. Скажи-ко поперечное слово Павлу Степанычу, а онъ въ бараній рогъ согнетъ, какъ Евграфа Огибенина. Живъ человѣкъ смерти боится.

Луковниковъ понималъ, что по-своему купцы правы, и не находилъ выхода. Пока лично его Мышниковъ не трогалъ и оказывалъ ему всякое почтеніе, но старикъ ему не вѣрилъ. «Изъ молодыхъ, да ранній, — думалъ онъ про себя. — А все проклятый банкъ».

Протестомъ противъ мышниковской гегемоніи явились разрозненные голоса запольской интеллигенціи, при чемъ въ головѣ сталъ учитель греческаго языка Харченко, попавшій въ число гласныхъ еще по довѣренности покойной Анеусы Гавриловны. Купцы могли только удивлять-

ся, какъ такой ничтожный училищко осмѣливался перечесть самому Павлу Степанычу и даже вотъ на волосъ его не боялся. Въ составѣ купцовъ-гласныхъ Харченко являлся чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ проклятыхъ исключеній, которыми такъ богатъ греческій языкъ. Свое думское одиночество Харченко выкупалъ тѣмъ, что упорно выводилъ въ цѣломъ рядѣ корреспонденцій дѣятельность банка и несчастной купеческой думы. Какъ Мышниковъ ни презиралъ живое слово прессы, но она лишала его извѣстнаго престижа и время отъ времени наносила довольно чувствительные удары его самолюбію. Онъ затаилъ ненависть противъ плюгаваго училищка и далъ себѣ клятву стереть его съ лица земли, чтобы другимъ впредь было неповадно чинить разныя противности. Это была неравная борьба, и всѣ смотрѣли на «греческій языкъ» съ сожалѣніемъ, какъ на жертву, которую Мышниковъ въ свое время пожретъ. Но Харченко уже имѣлъ своихъ союзниковъ, какъ докторъ Кочетовъ, Огибенинъ и озлобившійся на всѣхъ Харитонъ Артемьичъ.

— Катай ихъ всѣхъ въ хвостъ и гриву! — кричалъ Малыгинъ. — Этакихъ подлецовъ надо задавить... Дураки наши купчишки, всякаго пня боятся, а тебя, вѣдь, грамотъ учили. Валяй, «греческій языкъ»!

Харченко былъ странный человѣкъ и для Заполя совершенно непонятный. Изъ-за чего человѣкъ набивался на непріятности? Этого уже рѣшительно никто не могъ понять, а самъ Харченко никому не говорилъ. Напримѣръ, онъ написалъ громовую обличительную статью противъ Мышникова, когда тотъ, въ качествѣ попечителя надъ

городскими школами, уволил одну учительницу за непочтительность. Последняя заключалась въ томъ, что учительница недостаточно быстро вскочила, когда въ школу пріѣхалъ Мышниковъ, и не проводила его до передней. Скажите, пожалуйста, стоило поднимать пыль изъ-за какой-то учительницы, когда самъ Павелъ Степанычъ такъ просто говоритъ въ думѣ о необходимости народнаго образованія, о пользѣ грамотности и вообще просвѣщеніи. Въ корреспонденціи, между тѣмъ, говорилось прямо, что принципиально высшее образованіе, конечно, вещь хорошая и крайне желательная, но банковскій кулакъ съ высшимъ образованіемъ — самое печальное знаменіе времени. «До сихъ поръ мы имѣли дѣло просто съ кулаками, — сообщалъ корреспондентъ, — а кулакъ интеллигентный — явленіе, съ которымъ придется считаться».

Мышниковъ съ своей стороны не терялъ времени даромъ и повелъ атаку противъ задорнаго учителяшки. Городъ давалъ прогимназіи извѣстную субсидію и на этомъ основаніи Мышниковъ попалъ въ попечители прогимназіи отъ города. Это былъ прямой ходъ уже на непріятельскую территорию. Забравшись въ гимназическое правленіе, Мышниковъ съ опытностью присяжнаго юриста началъ дѣлать цѣлый рядъ прижимокъ Харченку, принимавшему какое-то участіе въ хозяйственной части. Повелась травля по всѣмъ правиламъ искусства. Въ качествѣ забравшаго силу, Мышниковъ обратился къ попечителю учебнаго округа съ систематическимъ рядомъ замаскированныхъ доносовъ и добился своего. Именно этой

политики Харченко и не выдержалъ. Онъ отвѣтилъ на запросъ изъ округа въ «возбужденномъ тонѣ» и получилъ приглашеніе оставить запольскую прогимназію, съ переводомъ въ какое-то отчаянное захолустье.

Мышниковъ торжествовалъ, сбивъ врага съ позиціи. Но это послужило не къ его пользѣ. Харченко быстро оправился отъ понесеннаго пораженія и даже нашелъ, что ему выгоднѣе окончательно бросить зависимую педагогическую дѣятельность.

— Ну, что же ты будешь дѣлать-то, пѣтухъ?—язвилъ его Харитонъ Артемьичъ, хлопая по плечу. — Летать умѣешь, а гдѣ сядешь? Поступай ко мнѣ въ помощники... Я тебя сейчасъ въ чинъ произведу: будешь отставной козы барабанщикомъ.

— Ничего, папаша, за нами и не это пропадало... Свѣтъ не клиномъ сошелся. Все къ лучшему.

— Ужъ на что лучше, зятюшка, когда, напримѣрно, выставку по затылку сдѣлаютъ.

— Пустяки, мы еще только начинаемъ... Вотъ посмотрите, какой мы фортель устроимъ. Подтянемъ всѣхъ.

— А ты не пугай!

— Былъ докторъ Панглось, тестюшка, который сказалъ, что на свѣтъ все устраивается къ лучшему.

— Такъ, такъ... Правильный, значить, докторъ.

Харченко дѣйствительно быстро устроился по новому. Въ немъ сказался очень дѣятельный и практическій человекъ. Во-первыхъ, онъ открылъ внизу малыгинскаго дома типографію; во-вторыхъ, выхлопоталъ себѣ право на изданіе ежедневной газеты *Запольскій Курьеръ* и,

въ-третьихъ, основаль библіотеку. Редакція газеты и библіотека помѣщались во второмъ этажѣ.

— Да развѣ я для этого домъ-то строилъ? — возмущался Харитонъ Артемьичъ. — Всякую пакость натащилъ въ домъ-то... Охъ, горе душамъ нашимъ!... За чьи только грѣхи Господь батюшка наказываетъ... Осрамили меня зятя на старости лѣтъ.

Особенный успѣхъ имѣла библіотека, показавшая, что въ глухомъ провинціальномъ городкѣ уже чувствовалась настоящая потребность въ чтеніи. Книга уже являлась необходимостью, и Харченко мечталъ открыть книжный магазинъ. Около типографіи и библіотеки сразу сплотился маленькій кружокъ интеллигентныхъ разночинцевъ. Тутъ были и учителя, и учительницы, и фельдшера, и мелкіе служащіе изъ управы и банка. Библіотека являлась сборнымъ пунктомъ, куда приходили потолковать и подѣлиться разными новостями. Въ общемъ всѣ эти маленькіе люди являлись протестующимъ элементомъ противъ новыхъ дѣльцовъ.

Особымъ выдающимся торжествомъ явилось открытіе первой газеты въ Запольѣ. Главными представителями этого органа явились Харченко и докторъ Кочетовъ. Последний даже не былъ пьянъ и поэтому чувствовалъ себя въ грустномъ настроеніи. Говорили рѣчи, предлагали тосты и составляли планы похода противъ плутократовъ. Харченко расчувствовался и даже прослезился. На торжествѣ присутствовалъ Харитонъ Артемьичъ и могъ только удивляться, чему люди обрадовались.

— Всѣхъ ругать будете въ газетинѣ? — спрашивалъ онъ.

— Какъ придется... Смотри по заслугамъ.

— Нѣтъ, вы жарьте ихъ, подлецовъ, а, главное, моихъ зятьевъ накаливайте... Ежели бы я былъ грамотный, такъ я бы имъ самъ показалъ, какъ лягушки скачуть. Отъ своей темноты и погибаемъ.

Къ огорченію Харитона Артемьича, первый нумеръ *Запольскаго Курьера* вышелъ безъ всякихъ ругательствъ, а въ программѣ были напечатаны какія-то непонятныя слова: о народномъ хозяйствѣ, объ образованіи, о насущныхъ нуждахъ края, о будущемъ земствѣ и т. д. Первый нумеръ все-таки произвелъ нѣкоторую сенсацию: обругать никого не обругали, но это еще не значило, что не обругаютъ потомъ. Въ банкѣ новая газета имѣла свои послѣдствія. Штоффъ сунулъ нумеръ Мышникову и проговорилъ съ укоризной:

— Это твоя работа, Павелъ Степанычъ... Охота тебѣ была связываться съ проклятымъ училищникомъ. Растравилъ человѣка, а теперь и расхлебывай кашу.

— Ничего, не безпокойся, — увѣрялъ Мышниковъ. — Коли на то пошло, такъ мы свою газету откроемъ... Однимъ словомъ, вздоръ и не стоитъ говорить.

Въ малыгинскомъ домѣ закипѣла самая оживленная дѣятельность. По вечерамъ собиралась молодежь, поднимался шумъ, споры и смѣхъ. Именно въ одинъ изъ такихъ моментовъ попала Устинька въ новую библіотеку. Она выбрала книги и хотѣла уходить, когда изъ сосѣдней комнаты, гдѣ шумѣли и галдѣли молодые голоса, показался докторъ Кочетовъ.

— Ахъ, это вы, Устинька!.. Здравствуйте.

— Здравствуйте, Анатолій Петровичъ.

— Какъ это миссъ Дудль пустила васъ одну?

— Я была у папы.

— Такъ... Хотите, я васъ познакомлю съ нашею компаніей? У насъ очень весело!

Устинька смутилась, когда попала въ накуренную комнату, гдѣ около стола сидѣли неизвѣстные ей дѣвушки и молодые люди. Докторъ отрекомендовалъ ее и перезнакомилъ съ присутствующими.

— Это наше молодое Заполье и вы будете нашей, Устинька, — говорилъ онъ, усаживая ее на диванъ.

Полчаса, проведенные въ накуренной комнатѣ, явились для Устиньки роковою гранью, навсегда отдѣлившею ее отъ той среды, къ которой она принадлежала по рожденію и по воспитанію. Возвращаясь домой, она чувствовала себя какою-то измѣнницей и живо представляла себѣ негодующую и возмущенную миссъ Дудль... Ей хотѣлось и плакать, и смѣяться, и куда-то идти, все впередъ, далеко.

ХІІ.

Наступила весна. Близившееся тепло уже висѣло въ воздухѣ. Зима была снѣжная, и всѣ ждали сильнаго половодья. Рѣка Ключевая, какъ всѣ сибирскія рѣки, вскрывалась сначала верховьемъ. Въ горахъ было особенно много снѣга, и ключевскіе мельники со страхомъ ждали полной воды, которая рвала и разносила по веснамъ ихъ плотины. Но никто такъ не ждалъ навигаціи, какъ Галак-

тіонъ. Онъ съ половины марта уѣхалъ вмѣстѣ съ Хари-тиной въ Тюмень, чтобы принять тамъ пароходъ и уже на пароходѣ вернуться въ свое Городище. Это былъ самый рѣшительный моментъ въ его жизни, и Галактіонъ считалъ минуты.

Въ «коренной» Россіи, благодаря громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, давно уже исчезла мертвая зависимость отъ временъ года, а въ Сибири эта зависимость сохранялась еще въ полной силѣ. Весной это особенно чувствовалось, когда замиралъ сибирскій трактъ, а лѣтнее движеніе сосредоточивалось на водяныхъ путяхъ. Всѣ грузы стягивались за зиму къ рѣчнымъ пристанямъ и здѣсь ждали открытія навигаціи. Но послѣдняя выражалась въ самыхъ примитивныхъ формахъ, какъ дѣло велось еще при Ермакѣ, — на баркахъ, досчаникахъ, плотахъ. По Оби и Иртышу пароходы дѣлали рейсы разъ въ недѣлю. Результаты получались самые жалкіе. Сидя въ Тюмени, гдѣ сосредоточивалась вся навигаціонная дѣятельность, Галактіонъ могъ только удивляться мертвой сибирской косности. Сибирскіе капиталы уходили, главнымъ образомъ, на винокуренные заводы, золотопромышленность и разное сибирское сырье, обмѣнивавшееся на московскіе фабрикаты. Получалась самая жалкая картина, при чемъ главною причиною являлось полное отсутствіе правильныхъ путей сообщенія, о чемъ сибиряки заботились меньше всего.

Въ Тюмени Галактіонъ встрѣтилъ Ечкина, который хлопоталъ здѣсь по какимъ-то своимъ дѣламъ, — не было, кажется, въ Россіи города, гдѣ у Ечкина не было бы

дѣлъ. Онъ разыскалъ Галактіона на пристани, гдѣ ремонтировался пароходъ.

— Отлично, отлично, — повторялъ онъ, опытнымъ глазомъ осматривая пароходъ. — Собственно говоря, ваша посудина ни къ чорту не годится, но важенъ починъ... да. Я самъ когда-то мечталъ открыть пароходство по всѣмъ сибирскимъ рѣкамъ, но развѣ у насъ найдешь капиталы на разумное дѣло? Могу только позавидовать вашему успѣху.

Галактіонъ былъ радъ Ечкину, какъ своему человѣку. Притомъ, Ечкинъ зналъ все на свѣтѣ и далъ сразу нѣсколько полезныхъ совѣтовъ. Онъ осмотрѣлъ пароходъ во всѣхъ подробностяхъ и только качалъ головой.

— Ахъ, ужъ эта мнѣ сибирская работа! — возмущался онъ, разглядывая каждую щель. — Не умѣютъ сдѣлать заклепку, какъ слѣдуетъ... Развѣ это машина? Она у васъ будетъ хрипѣть, какъ удушенникъ, стучать, ломаться... Тьфу! Посадка велика, ходъ тяжелый, на поворотахъ будетъ сваливать на одинъ бокъ, противъ рѣчной струи поползетъ черепахой, — однимъ словомъ, горе луковое.

— Я новый пароходъ строю, Борисъ Яковличъ. Только раньше осени не поспѣетъ. Машину дѣлаютъ въ Перми, а остальные части собираютъ на заводахъ.

— Главное, помните, что здѣсь долженъ быть особый типъ парохода, принимая бѣольшую быстроту, чѣмъ на Волгѣ и Камѣ. Корпусъ долженъ быть длинный и узкій... Понимаете, что онъ долженъ идти щукой... да. Къ

сожалѣнію, наши инженеры ничего не понимаютъ и держатся старинки.

По вечерамъ Ечкинъ приходилъ на квартиру къ Галактіону и безъ конца говорилъ о своихъ предпріятіяхъ. Харитина сначала къ нему не выходила, а потомъ привыкла. Она за два мѣсяца сильно измѣнилась, притихла и сдѣлалась такою серьезной, что Ечкинъ просто ее не узнавалъ. Куда только дѣлась прежняя дерзость.

— Да, теперь все будетъ зависѣть отъ желѣзной уральской дороги, когда ее проведутъ отъ Перми до Тюмени, — ораторствовалъ Ечкинъ. — Вся картина измѣнится сразу... Вотъ случай за-одно провести вѣтвь на Заполье.

— Далеконько будетъ, — соображалъ вслухъ Галактіонъ.

— Э, все пустяки!... Была бы охота. Я говорилъ запольскимъ купцамъ: и слушать не хотятъ. А я, все равно, выхлопочу себѣ концессию на эту вѣтвь. Тогда посмотримъ...

— А гдѣ деньги?

— Деньги найдутся. Главное, идея... Понимаете?

Галактіона заражала эта неутомимая энергія Ечкина и онъ съ удовольствіемъ слушалъ его цѣлые часы. Для него Ечкинъ являлся неразрѣшимой загадкой. Чѣмъ чловѣкъ живетъ, а всегда веселъ, доволенъ и полонъ новыхъ замысловъ. Онъ самъ разсказалъ исторію съ стериновымъ заводомъ въ Запольѣ.

— Представьте себѣ, что мои компаньоны распространяютъ про меня... Я и разорилъ ихъ, и погубилъ дѣ-

ло, а все заключается только въ томъ, что они не выдержали характера и струсили раньше времени.

— Однако, деньги-то за заложенную фабрику вы оставили себѣ?

— Что же, развѣ я ихъ не возвращу? Опять недоразумѣніе... И какія деньги, — какихъ-то несчастныхъ сто тысячъ... Меня это, въ концѣ-концовъ, начинаетъ возмущать серьезно.

Когда Ечкинъ уходилъ, Харитина искренно удивлялась.

— Ахъ, какъ онъ вретъ, какъ вретъ!... До того вретъ, что даже хочется вѣрить. А потомъ... какой онъ безсовѣстный!

— До того безсовѣстный, что даже сердиться нельзя? — смѣялся Галактіонъ. — А вотъ я его люблю... Въ немъ есть что-то такое.

Наступила уже вторая половина апрѣля, а рѣки все еще не прошли. Наступавшая ростепель была задержана холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Галактіону казалось, что ледъ никогда не пройдетъ, и онъ съ нѣмымъ отчаяніемъ глядѣлъ въ окно на скованную рѣку.

Разъ, когда онъ стоялъ такъ у окна, къ нему подошла Харитина, обняла его молча и вся точно замерла. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Ты забылъ про меня, — тихо прошептала она.

Онъ понялъ все и засмѣялся. Она ревновала его къ пароходу. Да, она хотѣла владѣть имъ безраздѣльно, деспотически, безъ мысли о прошедшемъ и будущемъ. Она растворялась въ одномъ днѣ и не хотѣла думать больше ни о чемъ. Иногда на нее находило дикое веселье,

и Харитина дурачилась какъ сумасшедшая. Иногда она молчала по нѣскольку дней, придиралась ко всѣмъ, капризничала и устраивала Галактіону самыя невозможныя сцены.

— Послушай, да ты... кто ты такая?—кричалъ на нее взбѣшенный Галактіонъ.—Даже не жена.

— Хуже, чѣмъ жена... Мнѣ часто хочется просто убить тебя. Мертвый-то будешь всегда мой, а живой еще неизвѣстно.

— Перестань городить глупости.

— А Бубниха?... Ты думаешь, я ничего не знаю?... Нѣтъ, все, все знаю!... Впрочемъ, что же я тебѣ говорю и какое мнѣ дѣло до тебя?

Полосы тихости и покорности смѣнялись у Харитины, какъ всегда, самымъ буйнымъ настроеніемъ, и Галактіонъ въ эти минуты старался уйти куда-нибудь изъ дому или не обращать на нее никакого вниманія. Ревновала Харитина ко всѣмъ и ко всему: къ женѣ, къ Ечкину, къ пароходу, къ Бубнихѣ, къ будущей первой поѣздкѣ на пароходѣ прямо въ Заполье. Этотъ первый рейсъ засѣлъ у нея клиномъ въ головѣ, какъ личное оскорбленіе. Ей тоже хотѣлось ѣхать туда, и вмѣстѣ съ тѣмъ, она не рѣшалась, чтобы не компрометировать своимъ присутствіемъ новаго пароходчика. Теперь, вѣдь, ужъ всѣ знали, что она такое, и въ Заполье глазъ нельзя показать.

Рѣка тронулась ночью, и Харитина проснулась первой. Она въ одной ночной кофточкѣ высунулась въ форточку и долго всматривалась въ весеннюю ночную муть, — слышалось шипѣнье, мягкій трескъ и такой

звукъ, точно по сухой травѣ ползла какая-то громадная змѣя. Харитинѣ сдѣлалось страшно до слезъ, и она не разбудила Галактіона. Ей цѣлую ночь казалось, что что-то ползетъ вотъ тутъ, сейчасъ за стѣной, громадное и холодное. Харитина съ головой закрылась въ подушки и едва заснула только къ утру, когда занялось сырое апрѣльское утро.

Пароходъ могъ отправиться только въ концѣ апрѣля. Кстати, Харитина назвала его *Первинкой* и любовалась этимъ именемъ какъ ребенокъ, придумавшій своей новой игрушкѣ названіе. Отвалъ былъ назначенъ раннимъ утромъ, когда на пристаняхъ собственно публики не было. Такъ хотѣлъ Галактіонъ. Когда пароходъ уже отвалилъ и сдѣлалъ поворотъ, чтобы идти вверхъ по рѣкѣ, къ пристани прискакалъ какой-то господинъ и отчаянно замахалъ руками. Это былъ Ечкинъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Галактіонъ Михеичъ, — пенялъ онъ, когда переѣхалъ на лодкѣ къ пароходу, — уѣхать и не сказаться?

— Я думалъ, что вамъ сейчасъ не по пути ѣхать со мной въ Заполье, — не безъ ядовитости замѣтилъ Галактіонъ.

— А вотъ на зло вамъ поѣду и вы должны мной гордиться, какъ своимъ первымъ пассажиромъ. Кромѣ того, у меня рука легкая... Хотите, я заплачу вамъ за проездъ? — это будетъ началомъ кассы.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?... Говоря откровенно, я очень вамъ радъ.

Надулась, къ удивленію, Харитина и спряталась въ ка-

ютъ. Она живо представила себѣ самую обидную картину торжественнаго появленія *Первинки* въ Запольѣ, при чемъ съ Галактіономъ будетъ не она, а Ечкинъ. Это ее возмущало до слезъ, и она рѣшила про себя, что сама поѣдетъ въ Заполье, а тамъ будь, что будетъ: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. Но до поры до времени она сдержалась и ничего не сказала Галактіону. Онъ-то думаетъ, что она останется въ Городищѣ, а она вдругъ на *Первинку* вмѣстѣ съ нимъ пріѣдетъ въ Заполье. Ничего, пусть по-злится.

Берега были пустынные и голы. По оврагамъ еще лежалъ снѣгъ. Игравшія рѣчки несли мутную воду. Попадались время отъ времени льдины. Галактіонъ почти не сходилъ съ капитанскаго мостика и молча торжествовалъ. Онъ уже любилъ этотъ дрянной пароходишко и подавленный гулъ работавшей машины, и рѣку, и пустынные берега, и не нужную суету не обтерпѣвшей у новаго дѣла пароходной прислуги. Въ Тюмени онъ кстати захватилъ первый грузъ, который застрялъ тамъ изъ-за распутицы и пролежалъ бы долго, пока просохнуть дороги. Это было доказательство его права на существованіе.

Въ Городищѣ, дѣйствительно, разыгралась маленькая семейная сцена. Харитина не захотѣла даже выйти на берегъ и на всѣ уговоры только отрицательно качала головой. Галактіонъ махнулъ рукой.

— Дѣлай, какъ знаешь, Харитина, но только я этого не желалъ.

— А что ты такое мнѣ? Ни мужъ, ни любовникъ... Оставь!

Плаваніе по Ключевой было уже другого характера. Приходилось идти съ большою осторожностью, чтобы не сѣсть на мель. Положимъ, вода была выше межени на цѣ-лыхъ четыре аршина, но, все-таки, могли быть разныя неожиданности. Галактіонъ нарочно отвалилъ раннимъ утромъ, чтобы быть въ Запольѣ засвѣтло. Да, всѣ должны были видѣть его торжество. Его огорчало только поведеніе Харитины, которая продолжала дуться и, чтобы досадить ему, оказывала Ечкину преувеличенныя любезности. Галактіонъ боялся, что она выкинетъ какую-нибудь штуку, когда они приѣдутъ въ Заполье, и слѣдилъ за ней. Ечкинъ понялъ его тревогу и старался успокоить свою даму. Онъ рассказывалъ ей самые смѣшные анекдоты, удивлялся красотамъ пустынныхъ береговъ Ключевой и даже дошелъ до того, что началъ декламировать стихи. Это развеселило Харитину.

— Будетъ вамъ, Борисъ Яковличъ. Вы-то изъ-за чего хлопочете? Вѣдь, я и стиховъ-то не понимаю.

А пароходъ быстро подвигался впередъ, оставляя за собой пѣнившійся широкій слѣдъ. На берегу попадались мужички, которые долго провожали глазами удивительную машину. Въ одномъ мѣстѣ изъ маленькой прибрежной деревушки выскочилъ весь народъ и мальчишки бѣжали по берегу, напрасно стараясь обогнать пароходъ. Чувствовалась уже близость города.

Не доѣзжая верстъ пяти, *Первинка* чуть не сѣла на мель, рѣчная галька уже шуршала по дну, но опасность благополучно миновала. Вдали виднѣлись трубы вальцевой мельницы и стеариноваго завода, зеленая соборная

колокольня и новое зданіе прогимназіи. Галактіонъ самъ командовалъ на капитанскомъ мостикѣ и сильно волновался. Вонъ изъ-за мыса выглянуло и предмѣстье. Городъ отдѣлялся отъ рѣки болотомъ, такъ что приставать приходилось у пустого берега.

— Вѣдь, вотъ выбрали мѣсто подъ городъ, — возмущался Ечкинъ, глядя на городъ въ кулакъ. — Неудобнѣе трудно было придумать.

Несмотря на удаленность города, на берегу уже двигались черныя точки и Галактіонъ разсмотрѣлъ нѣсколько экипажей. Очевидно, Ечкинъ успѣлъ послать изъ Тюмени телеграмму.

У Галактіона сильно билось сердце, когда *Первинка* начала подходить къ пристани и онъ скомандовалъ: «Стопъ, машина!» На пристани уже собралась кучка любопытныхъ. Впереди другихъ стоялъ Стабровскій съ Устинькой. Они первые вошли на пароходъ, и Устинька, заалѣвшись, подала Галактіону букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

— Это должна была сдѣлать Дидя, — объяснилъ Стабровскій, цѣлуя Галактіона, — но дѣвочка больна.

Харитина видѣла эту сцену и, не здороваясь ни съ кѣмъ, вышла на берегъ и уѣхала съ Ечкинымъ. Ее душили слезы ревности. Было ясно, какъ день, что Стабровскій, когда умретъ Серафима, женить Галактіона на этой Устинькѣ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

По пыльному проселку шелъ совершенно легендарный путникъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ описывали съ такою охотой наши русскіе романтики. И рваная шляпенка, и котомка за плечами, и длинная палка въ рукахъ, и длинная сѣдая борода, и завѣтрѣлое лицо, изборожденное глубокими морщинами, и какая-то подозрительная таинственность во всей фигурѣ и даже въ каждой складкѣ странническаго рубища, — всѣ эти признаки настоящаго таинственнаго странника какъ-то не вязались съ веселымъ выраженіемъ его лица. Очевидно, ему было весело, несмотря на странническій посохъ, котомку, морщины и сѣдую бороду. Даже, вѣроятно, нашлись бы завистники, которымъ показалось бы это веселое настроеніе обиднымъ. Вѣдь, нынче всему завидуютъ. Этотъ таинственный странникъ былъ никто иной, какъ возвращавшійся изъ ссылки «по милостивому манифесту» знаменитый въ лѣтописяхъ Зауралья исправникъ Илья Оирсычъ Полуяновъ.

И такъ, странникъ шелъ, испытывая приливъ самой преступной радости. Онъ возвращался на родину... Недавній изгнанникъ снова чувствовалъ себя человѣкомъ и, въ качествѣ таковаго, замышлялъ цѣлый рядъ предпріятій. О, они радовались тогда, когда его судили! Они отреклись отъ него, они смѣялись и торжествовали, а вотъ онъ возьметъ, да и придетъ. Вотъ я, милостивые государи и государины! Вамъ это не нравится, чортъ возъ-

ми? Да? Вы заживо похоронили Илью Ойрсыча Полуянова, а онъ вотъ взялъ, да и воскресъ. Х-ха... И онъ еще вамъ покажетъ и всѣхъ на свѣжую воду выведетъ, — онъ, Илья Ойрсычъ Полуяновъ!

Изъ «мѣстъ не столь отдаленныхъ» Полуяновъ шелъ цѣлый мѣсяцъ, обносился, усталъ, изнемогъ и все-таки былъ счастливъ. Дорогой ему приходилось питаться чуть не подаеніемъ. Хорошо, что Сибирь — золотое дно и «страннаго» человѣка вездѣ накормятъ жалыливья сибирскія бабы. Впрочемъ, Полуяновъ не оставался безъ работы: писалъ по кабакамъ прошенія, солдаткамъ письма и вообще представлялъ своею особой походную канцелярію.

— Будетъ день — будетъ хлѣбъ, — повторялъ Полуяновъ, пряча заработанные гроши. — А на Руси съ голоду не умираютъ.

Сидя гдѣ-нибудь въ кабакѣ, Полуяновъ часто удивлялся: что было бы, если бъ эти мужланы узнали, кто онъ такой... д-да. Разъ подъ пьяную руку онъ даже проболтался, но ему никто не повѣрилъ, — это уже было недалеко отъ Запольскаго уѣзда, гдѣ полуяновская слава еще жила. Кабацкіе мужики хохотали въ лицо Полуянову, настоящему Полуянову, который осмѣлился назвать себя своимъ собственнымъ именемъ. Получалась настоящая траги-комедія, и настоящій Полуяновъ точно раскололся на двое: одинъ Полуяновъ въ прошломъ, другой въ настоящемъ и ничего, ровно ничего, что связывало бы этихъ двухъ людей. Отъ перваго Полуянова ко второму не было никакого перехода, а такъ, взялъ,

да точно оборвался въ какую-то пропасть. Роскошный Полуяновъ превратился въ скитальца и нищаго, въ «подозрительную личность» полицейскихъ протоколовъ.

Но, несмотря на всю глубину паденія, у Полуянова все-таки оставалось имя, извѣстное имя, чортъ возьми. Конечно, въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ его не знали, но когда онъ по пути завернулъ на винокуренный заводъ Прохорова и К^о, получилось совсѣмъ другое. Даже «пятачокъ», какъ называли Прохорова, расчувствовался.

— Илья Опрсычъ, голубчикъ, да ты ли это?... Ахъ, Боже мой! Давай, сейчасъ же переодѣнься, а то муторно на тебя глядѣть.

— Нѣтъ, этого не будетъ,—съ гордостью заявилъ Полуяновъ.— Прежде у меня былъ одинъ мундиръ, а теперь другой... Вотъ въ такомъ видѣ и заявлюсь въ Заполье... да. Пусть всѣ смотрять и любуются. Еще вопросъ, кому стыдно-то будетъ... Былъ роскошенъ, а теперь сиръ, нагъ и страненъ.

Прохоровъ подумалъ и согласился, что въ этомъ «мундирѣ», пожалуй, и лучше явиться въ Заполье. Конечно, Полуяновъ былъ медвѣжья лапа и дралъ съ живого и мертваго, но и другіе то хороши... Тѣ же, нынѣшніе, еще почище будутъ, только ни слѣду, ни дороги послѣ нихъ,—очень ужъ ловкій народъ.

— Вѣдь, отчего погибъ?—удивлялся Полуяновъ, подавленный воспоминаніями своего роскошества.—А? Отъ простого деревенскаго попа... И изъ-за чего?... Ужъ ежели бы на то пошло и я захотѣлъ бы рассказать всю матку-правду, да развѣ тутъ попомъ Макаромъ пахнетъ?

— Да, было дѣло, Илья Өирсычъ... Свѣтленько пожилъ, нечего сказать.

— Ничего, умѣлъ пожить... Пусть-ка другіе-то попробуютъ. И во снѣ не увидятъ... да. Размаху не хватитъ.

— Куда же имъ, нынѣшнимъ-то, Илья Өирсычъ? Телята залижутъ.

— У меня, братъ, было строго. Ёду по уѣзду, какъ грозовая туча идетъ. Трепетъ!... страхъ!... землетрясение!... Пріѣду куда-нибудь, взгляну, да что тутъ говорить! Вотъ ты и миллионеръ, а не поймешь, что такое былъ исправникъ Полуяновъ. А попа Макара я все-таки въ бараній рогъ согну.

Полуяновъ пилъ одну рюмку водки за другой съ жадностью наголодавашагося человѣка и быстро захмѣлѣлъ. Воспоминанія прошлаго величія были такъ живы, что онъ совсѣмъ забылъ о скромномъ настоящемъ и страшно разсердился, когда Прохоровъ замѣтилъ, что попъ Макарь хотя и виноватъ кругомъ, но согнуть его въ бараній рогъ все-таки трудно.

— Мнѣ трудно? — оралъ пьяный Полуяновъ. — Ха-ха... Нѣтъ, я ихъ всѣхъ въ бараній рогъ согну!... Они узнаютъ, что за человѣкъ Илья Өирсычъ Полуяновъ! Я... я... я... А, впрочемъ, ежели серьезно разобрать, такъ и не стоить связываться. Наплевать.

— Вотъ это ты ужъ напрасно, Илья Өирсычъ. Попъ-то Макарь самъ по себѣ, а тогда тебя устигъ адвокат Мышниковъ. Въ немъ вся причина. Вотъ ежели бы и его тоже устигнуть—очень ужъ большую силу забралъ. Можно сказать, весь городъ въ одномъ суставѣ держать.

— Что же, можно и Мышникова подтянуть, — великодушно согласился Полуяновъ. — Даже въ лучшемъ видѣ.

— Ужъ такъ бы это было хорошо, Илья Өирсычъ! Другого такого змѣя и не найти, кажется. Онъ, да еще Галактіонъ Колобовъ — два сапога пара. Нѣмцы тамъ, жи-ды да поляки наплевать — сегодня здѣсь, насосались и отстали, а эти-то свои и никуда не уйдутъ. Всю округу корчатъ, какъ черти мокрою веревкой. Что дальше, то хуже. Вопль отъ нихъ идетъ. Такъ и рѣжутъ по живому мясу. Что у насъ только дѣлается, Илья Өирсычъ! И что обидно: все по закону — комаръ носу не подто-чить.

Полуяновъ говорилъ все время о прошломъ, а Прохоровъ о настоящемъ. Оба слушали только себя, хотя подъ конецъ Прохоровъ и взялъ перевѣсъ. Очень ужъ мудренныя вещи творились въ Запольѣ.

— Ты теперь и не узнаешь города, — съ сокрушеніемъ сообщилъ Прохоровъ. — Отъ старинки-то какъ есть ничего не осталось. Да и люди совсѣмъ другіе пошли. Разъ гдѣ старички еще держатся. А главная причина — всѣ себя богатыми показываютъ. Изъ банка такъ деньги и черпаютъ. Ничего не разберешь: возьметъ деньги въ банкѣ подъ вексель, выстроить на нихъ домъ и заложить его опять въ банкѣ же. И все такъ. Теперь вотъ мельники сильно начали захудать. Сперва, дѣйствительно, дѣло было выгодное, ну, всѣ и накинулись, а теперь другъ дружку поѣдомъ ѣдятъ. Помнишь старика Колобова, — такъ онъ какую штуку укололъ. Выстроилъ три мельницы, а какъ началъ получать со всѣхъ трехъ

убытокъ, — взялъ двѣ новыя заложилъ въ банкѣ да застраховалъ, а потомъ и поджогъ. Вотъ какую моду старичонко придумалъ. А самъ Галактіонъ еще почище родителя будетъ, хотя и по другой части пошелъ.

Рѣчь о Галактіонѣ заходила уже нѣсколько разъ, но Прохоровъ сейчасъ же заминался и сводилъ на другое. Изъ неловкаго положенія его вывелъ самъ Полуяновъ.

— Знаю, знаю все... Харитина-то у него живетъ, у Галактіона.

— Разное болтають, Илья Өирсычъ... Не всякое лыко въ строку.

— Перестань зубы заговаривать... Знаю. Рано немножко обрадовалась Харитина Харитоновна. Я не позволю себя срамить... я... я...

На Полуянова напало бѣшенство. Онъ страшно ругался, стучалъ кулаками по столу, а потомъ неожиданно расплакался.

— Въ сущности, я Харитину и не виню, — плаксиво повторялъ онъ, — да. Дѣло ея молодое, кругомъ соблазнъ. Нѣтъ, не виню, хотя по-настоящему и слѣдовало бы ее зарѣзать. Вотъ до попа Макара я доберусь.

Много новостей узналъ Полуяновъ съ перваго же раза — о разореніи Харитона Артемьича, о ссудной кассѣ писаря Замараева, о плохихъ дѣлахъ старика Луковникова, о новыхъ людяхъ въ Запольѣ, а, главное, о банкѣ. Въ концѣ-концовъ, все сводилось къ банку. Какую силу забралъ Мышниковъ — страшно выговорить. Всѣмъ городомъ такъ и поворачиваетъ. Въ думѣ никто пикнуть противъ него не смѣетъ. Про Стабровскаго и говорить

нечего. Прохоровъ только вздыхалъ и чесалъ въ затыл-
кѣ при одномъ имени Стабровскаго. Кстати, онъ разска-
залъ всю исторію отчаянной кабацкой войны.

— Теперь плачѹ дань ему, — признавался онъ. — Что
ни годъ, то семьдесятъ тысячъ выкладывай. Не пито,
не ѣдено — дерутъ... да. Какъ тебя тогда, Илья Оир-
сычъ, засудили, такъ все точно вверхъ ногами перевер-
нулось.

— Ага, вспомнили Полуянова?

— Еще какъ вспомнили-то. Прежде-то какъ все у
насъ было просто. И начальство было простое. Не въ
укоръ будь тебѣ сказано: бралъ ты, и много бралъ, а
только за дѣло. А теперь не знаешь, какъ и подсту-
питься къ исправнику: водки не пьетъ, взятокъ не бе-
ретъ, въ карты не играетъ. Обморокъ какой-то.

Полуяновъ прожилъ на винокуренномъ заводѣ два дня,
передохнулъ и отправился дальше пѣшкомъ, какъ при-
шелъ.

— Будетъ, поѣздили, — говорилъ онъ, прощаясь съ
Прохоровымъ. — Нахожу, что пѣхтура весьма полезна для
здоровья.

— Конечно, — соглашался Прохоровъ. — Ужь ежели
для здоровья, такъ на что лучше.

Отойдя съ версту, Полуяновъ оглянулся на заводъ,
плюнулъ и проговорилъ всего одно слово:

— Подлецъ!

Онъ даже погрозилъ кулакомъ всему винокуренному
заводу.

Философское настроеніе оставило Полуянова только

въ моментъ, когда онъ перешелъ границу «своего» уѣзда. Даже сердце дрогнуло у отставного исправника при видѣ знакомыхъ мѣстъ, гдѣ онъ царилъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Да, все это были его владѣнія. Онъ не могъ освободиться отъ привычнаго чувства собственности и смотрѣлъ кругомъ глазами хозяина, вернушагося домой изъ далекаго путешествія. Свой уѣздъ онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, и видѣлъ всѣ перемѣны, какія произошли за время его отсутствія. Прежде всего, его поразило полное отсутствіе запасныхъ скирдъ, когда-то окружавшихъ деревни. Куда дѣвалось это мужицкое богатство?

Въ одной деревнѣ Полуяновъ напустился на мужиковъ, собравшихся около кабака.

— Гдѣ у васъ хлѣбъ-то, а?... Прежде-то съ запасомъ жили, а теперь хоть метлой подмети.

— Да ужъ оно, видно, такъ вышло.

— Недородъ, что ли, былъ?

— Нѣтъ, пока Господь миловалъ отъ недорода, а такъ воопче.

— Что «воопче»-то? На винокуренный заводъ свезли хлѣбъ, каналы, а потомъ будете ждать недорода? Деньги на винѣ пропили да на чаяхъ, да на ситцахъ?

— А тебѣ какое дѣло? Чего ты ругаешься-то, оголтѣлый?

— А вотъ такое и дѣло. Чего старики то смотреть?

Полуяновъ принялся такъ неистово ругаться, что разозлившіеся мужики чуть его не поколотили.

Чѣмъ дальше подвигался Полуяновъ, тѣмъ больше

находилъ недостатковъ и прорухъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И земля вспахана кое-какъ, и посѣвы плохи, и земля пустуетъ, и скотина затошала. Особенно печальную картину представляли истощенныя поля, требовавшія удобренія и не получавшія его, — въ этомъ благодатномъ краю и знать ничего не хотѣли о какомъ-нибудь удобреніи. До сихъ поръ спасалъ аршинный сибирскій черноземъ. Но, вѣдь, всему бываетъ конецъ.

— Ахъ, мерзавцы! — ругался Полуяновъ, палкой измѣряя толщину пропаханнаго слоя чернозема. — На двухъ вершкахъ пашутъ. Что же это такое? Это мазать, а не пахать.

Попадались совсѣмъ выродившіяся поля съ чахлыми, золотушными всходами, — хлѣбъ точно былъ подбитъ молю. Полуяновъ, наконецъ, пришелъ въ полное отчаяніе и крикнулъ:

— Голодъ будетъ! Настоящій голодъ!

Онъ стоялъ посреди поля одинъ и походилъ на сумасшедшаго. Ему хотѣлось кого-то обругать, подтянуть, согнуть въ бараній рогъ и вообще «показать».

II.

Появленіе Полуянова произвело въ Запольѣ извѣстную сенсацію. Онъ нарочно пришелъ среди бѣла дня и медленно шагаль по Московской улицѣ, останавливаясь передъ новыми домами. Такая остановка была сдѣлана, между прочимъ, передъ зданіемъ Зауральскаго коммерческаго банка.

— Эй, ваше превосходительство, здравствуй! — крикнулъ Полуяновъ появившемуся въ дверяхъ подъѣзда швейцару Вахрушкѣ. — У васъ здѣсь деньги даютъ?

— Даютъ.

— Богатымъ даютъ, а бѣдные пусть сами добываютъ?

— Около того, господинъ.

— А какъ это по-твоему называется?

— Даже очень просто: ходите почаще мимо.

— Ахъ, вы, прохвосты!... Постой - ка, миѣ какъ будто твое рыло знакомо. Про Илью Өирсыча Полуянова слыхалъ?

Вахрушка посмотрѣлъ на странника и оторопѣлъ. Онъ узналъ бывшую грозу и малодушно бѣжалъ въ свою швейцарскую.

— Ага, не понравилось? — торжествовалъ Полуяновъ. — Погодите, вотъ я деберусь до васъ!... Я вамъ покажу!

Дальше слѣдовалъ цѣлый рядъ открытій. Женская прогимназія, классическая мужская прогимназія, только что выстроенное зданіе запольской уѣздной земской управы, цѣлый рядъ новыхъ магазиновъ съ саженными зеркальными окнами и т. д. Полуяновъ вездѣ останавливался, что-то бормоталъ и размахивалъ своею палкой. Окончательно онъ взбѣсился, когда увидѣлъ вывѣску ссудной кассы Замараева.

— Замараевъ? Фамилія знакомая. Тэ - тэ - тэ!... Это ужъ не суслонскій ли писарь возсіалъ? Да, вѣдь, Прохоровъ рассказывалъ.

Полуяновъ отправился въ кассу и сразу узналъ За-

мараева, который съ важностью читалъ за своею конторкой свѣжій нумеръ мѣстной газеты. Онъ равнодушно посмотрѣлъ черезъ газету на странника и грубо спросилъ:

— Что тебѣ нужно?

— А ты посмотри на меня хорошенько.

— Много тутъ васъ такихъ-то шляющихся!

— А ежели я палку свою пришелъ закладывать? Дорогого стоить палочка. Можетъ, и кожу прикажете съ себя снять?

— Ступай, ступай, откуда пришелъ!

Замараевъ сдѣлалъ величественный жестъ и указалъ глазами на странника «услужаящему». Къ Полуянову подскочилъ какой-то взѣрошенный субъектъ и хотѣлъ ухватить его за локти сзади.

— Какъ ты смѣешь, ррракалія?! — грянулъ Полуяновъ.

Газета у Замараева вывалилась изъ рукъ сама собой, точно дунуло вихремъ. Знакомый голосъ сразу привелъ его въ сознаніе. Онъ выскочилъ изъ-за своей конторки и бросился отнимать странника изъ рукъ услужающаго.

— Илья Оирсычъ, голубчикъ... ахъ, Боже мой!...

— Ага, узналъ?... То-то!

Замараевъ потащилъ дорогого гостя наверхъ, въ свои горницы, и растерянно бормоталъ:

— Не прикажете ли водочки, Илья Оирсычъ? Закусочку соорудимъ. А то чайку можно сообразить. Ахъ, Боже мой! Вотъ можно сказать: сурпризь. Отецъ родной... благодѣтель!

Угощая дорогого гостя, Замараевъ даже прослезился.

— Господи, что прежде-то было, Илья Өирсычъ?— повторялъ онъ, качая головой.—Разъ это самое кто-нибудь можетъ понять?... Такихъ-то и людей больше не осталось. Нынче какой народъ пошелъ: троюродное наплевать — вотъ и вся музыка. Настоящаго-то и нѣтъ. Страху никакого, а каждый норовитъ только себя выше протчихъ народовъ оказать. Даже невѣроятно смотрѣть.

— Что же, всякому овощу свое время. Прежде-то и мы бывали нужны, а теперь на вашей улицѣ праздникъ. Вашъ возъ, ваша и пѣсенка.

— У волка одна пѣсенка, Илья Өирсычъ.

Отъ Замараева Полуяновъ услышалъ только повтореніе того, что уже зналъ отъ Прохорова, съ небольшими дополненіями и поправками.

— Такъ, такъ,—повторялъ онъ, качая въ тактъ разсказа головой. — Все по-новому у васъ... да. Только, вѣдь, палка о двухъ концахъ и по закону бываетъ... дда-а.

— Охъ, забыли и про палку, и про протчее, Илья Өирсычъ!

Выпивъ двѣ рюмки водки, Полуяновъ таинственно спросилъ:

— Ну, а какъ поживаетъ суслонскій попъ Макаръ?

— Ничего, слава Богу.

— Что-о? — грянулъ Полуяновъ, вскакивая.— Слава Богу? Да я... я...

— Охъ, обмолвился! Простите на глупомъ словѣ, Илья Өирсычъ. Еще деревенская-то наша глупость оста-

лась. Не сообразилъ я. Я самъ, признаться сказать, терпѣть ненавижу этого самаго попа Макара. Самый вредный человѣкъ.

— То-то!

— Недавно прїѣзжалъ онъ деньги вкладывать, а я не принялъ. Ей-Богу, не принялъ... Однимъ словомъ, вредный попъ.

Отъ Замараева Полуяновъ отправился прямо въ малыгинскій домъ и здѣсь его удивленіе достигло послѣднихъ границъ. На домъ висѣла вывѣска: «Редакція и контора ежедневной газеты *Запольскій Курьеръ*».

— Что о-о? — зарычалъ Полуяновъ, не вѣря собственнымъ глазамъ. — Газета? въ моемъ участкѣ? Да кто это смѣлъ, а?... Газета? Ха-ха!

На этотъ крикъ въ окнѣ показалась голова Харитона Артемьича: Онъ, очевидно, не узналъ зятя и смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, какъ на сумасшедшаго.

— Газета?... Это ты придумалъ газету? — крикнулъ ему Полуяновъ, размахивая палкой.

— А тебѣ какое дѣло, рвань коричневая?

— Миѣ?... Въ моемъ участкѣ газеты разводить? Да вы тутъ всѣ сбѣсились безъ меня?

— А ты вотъ покричи, такъ я тебѣ и шею накостилю, — спокойно отвѣтилъ Харитонъ Артемьичъ и для большей убѣдительности засучилъ рукава ситцевой рубашки. — Ну-ка, иди сюды. Распатрону въ лучшемъ видѣ.

— Да ты съ кѣмъ говоришь-то, сѣдая борода? — оралъ Полуяновъ.

— Нѣтъ, ты съ кѣмъ говоришь? — оралъ Харитонъ Артемьичъ, входя въ азартъ.

— Газетчикъ проклятый!... Прохвость!

Это было уже слишкомъ. Харитонъ Артемьичъ ринулся на дворъ, а со двора на улицу, на ходу подбирая полы развѣвавшагося халата. Ему ужасно хотѣлось вздуть ругавшагося бродягу. На крикъ въ окнахъ нижняго этажа показались улыбавшіеся лица наборщиковъ, а изъ верхняго смотрѣли докторъ Кочетовъ, Устинька и самъ «греческій языкъ».

— Здравствуй, тестюшка, — проговорилъ Полуяновъ, протягивая руку. — Попа и въ рогожѣ узнають, а ты родного зятя не узналъ...

— Тьфу!... Да ты откуда взялся-то?

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось.

Старики расцѣловались тутъ же на улицѣ, и дальше все пошло уже честь честью. Гость былъ проведенъ въ комнату Харитона Артемьича, стряпка Аграфена бросилась ставить самоваръ, поднялась радостная суета, какъ при покойной Анеусѣ Гавриловнѣ.

— Охъ, горюшко наше объявилось! — причитала Аграфена, раздувая самоваръ. — Вотъ чему не потеряться-то! Кабы голубушка Анеуса то Гавриловна была жива!

Всѣ мысли и чувства Аграфены сосредоточивались теперь въ прошломъ, на томъ блаженномъ времени, когда была жива «сама» и домъ стоялъ полною чашей. Не стало «самой», и все пошло прахомъ. Вонъ какой зять - то выворотился съ поселенья. А все-таки зять, изъ своего роду-племени тоже не выкинешь. Аграфена являлась жи-

вою лѣтописью малыгинской семьи и свято блюла все, что до нея касалось. Появленіе Полуянова съ особенною яркостью подняло всѣ воспоминанія, и Аграфена успѣла, ставя самоваръ, всплакнуть разъ пять.

Весь домъ волновался. Наборщики въ типографіи, служащіе въ конторѣ и въ библіотекѣ, — всѣ только и говорили о Полуяновѣ. Зачѣмъ онъ пришелъ оборванцемъ въ Заполье? Что онъ замышляетъ? Какъ къ нему отнесутся бывшіе закадычные пріатели? Что будетъ дѣлать Харитина Харитоновна? Однимъ словомъ, цѣлый рядъ самыхъ жгучихъ вопросовъ.

А Полуяновъ сидѣлъ въ комнатѣ Харитона Артемьича и, какъ ни въ чемъ не бывало, пилъ чай стаканъ за стаканомъ.

— Ну, братъ, удивилъ! — говорилъ Харитонъ Артемьичъ, хлопая его по плечу. — Придумать, такъ не придумать такого патрета... да-а!... И угораздило тебя, Илья Оирсычъ!

— Чему же ты удивляешься? Самъ не лучше меня.

— Охъ, не лучше! И не говори, зятюшка. Ахъ, что со мной сдѣлали зятя!... Разорвать ихъ всѣхъ мало!

— А вотъ погодите, тятенька, мы ихъ всѣхъ подтянемъ!

— Подтянемъ?

— Еще какъ!

— Ты законы-то не забылъ, Илья Оирсычъ?... Безъ тебя-то много новыхъ законовъ объявилось... земство... библіотека... газета...

— Ну, законъ-то одинъ, а это такъ... Однимъ словомъ, подтянемъ.

— Мнѣ бы, главное, зятьевъ всѣхъ въ бараній рогъ согнуть, а въ первую голову проклятаго писаря. Онъ меня подвелъ съ духовной... И, вѣдь, какъ подвелъ, пёсь! Вотъ такъ же, какъ ты, все наговаривалъ: «тятенька... тятенька»... Вотъ тебѣ и тятенька!... И какъ они меня ловко на обѣ ноги обули!... Чисто обдѣляли — все равно, какъ яичко облупили.

— Ничего, мы доберемся... Скажемъ, что духовная была подложная.

— Н-но-о?

— Только и всего.

— А въ Сибирь нельзя сослать всѣхъ зятьевъ за-разъ?

— Ну, Сибирь это другое. Подтянуть можно, а относительно Сибири совсѣмъ другой разговоръ.

Эта бесѣда съ Полуяновымъ сразу подняла всю энергію Харитона Артемьича. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, размахивалъ руками и дико хохоталъ. Нѣсколько разъ Полуянову приходилось защищаться отъ его объятій.

— Подтянемъ, Илья Ёирсычъ? Ха-ха!... Отцомъ роднымъ будешь. Озолочу... Истинно тебя Господь прислалъ ко мнѣ. Вѣдь, въ конецъ я захудалъ. Зятя-то на мои денежки живутъ да радуются, а я въ забвенномъ видѣ. Они радуются, а мы ихъ по шапкѣ... Ха-ха!... Есть и на зятьевъ законъ?

— Для всего есть свой законъ.

— Отецъ!... Въ ножки поклонюсь!... А жиды Ечкина тоже подтянемъ? и Шахму?

— Этихъ-то ужь совсѣмъ просто, Харитонъ Артемьичъ. Все дѣло какъ на ладони.

— Главное, чтобы все по закону... Катай ихъ закономъ!... И жида, и писаря, и нѣмца Полуштофа, и Галактіона — всѣхъ валяй!... Ты живи у меня, — ну, вмѣстѣ и будемъ орудовать.

— Конечно, вмѣстѣ. Я-то проклятаго попа буду добывать... Въ порошокъ его изотру!

Старики заперлись въ своей комнатѣ и проговорили долго за полночь. Въ типографіи было слышно, какъ хоталъ Харитонъ Артемьичъ, и стряпка Аграфена со страхомъ крестилась.

— Никакъ рехнулся нашъ Харитонъ Артемьичъ отъ радости... Охъ, Владычица Скорбящая, помилуй насъ!

Всѣ жаждали еще разъ посмотрѣть на Полуянова, но онъ такъ и не показался.

На другой день Полуяновъ проснулся очень рано и отправился къ заутрени. Харитонъ Артемьичъ едва дождался его, сидя за самоваромъ.

— Ужъ я думалъ, что ты совсѣмъ ушелъ, Илья Оирсычъ... Даже испугался.

— Не безпокойся, никуда не уйду... Помолиться Богу сходилъ, съ попомъ поговорилъ, потомъ старика Нагибина встрѣтилъ.

— Кощей проклятый!

— Потомъ, иду это по улицѣ, какъ шарахнетъ мимо рысакъ... Чуть-чуть не задавилъ. Смотрю, Мышниковъ катить.

— Вотъ, вотъ... Онъ у насъ раздулся, какъ клещъ въ собачьемъ ухѣ. Всѣхъ зорить.

— Потомъ встрѣтилъ Луковникова съ дочерью. Старикъ-то что-то на одну ногу припадаетъ... А дочь совсѣмъ большая.

— Тоже плохъ и Тарасъ Семенычъ. Того гляди, и совсѣмъ сканутится. Завязъ онъ съ своею вальцовою мельницей.

Харитонъ Артемьичъ страшно боялся, чтобы Полуяновъ не передумалъ за ночь, — мало ли что говорится подъ пьяную руку. Но Полуяновъ понялъ его тайную мысль и успокоилъ однимъ словомъ:

— Подтянемъ!

III.

Устинька Луковникова жила сейчасъ у отца. Она простилась съ гостепріимнымъ домомъ Стабровскихъ еще въ прошломъ году. Ей очень тяжело было разставаться съ этою семьей, но отецъ быстро старился и скучалъ безъ нея. Сцена прощанія вышла самая трогательная, а миссъ Дудль убѣждала къ себѣ въ комнату, заперлась на ключъ и ни за что не хотѣла выйти.

— Мы всѣ такъ сжились съ тобой, — говорилъ Стабровскій, обнимая Устиньку. — Я, по крайней мѣрѣ, смотрю на тебя и думаю о тебѣ, какъ о родной дочери. Даже какъ-то странно представить, что вдругъ тебя не будетъ у насъ.

— Вѣдь, я, попрежнему, буду бывать у васъ каждый

день, Болеславъ Брониславичъ, — точно оправдывалась Устинька. — И потомъ я столько обязана всѣмъ вамъ... Сейчасъ, право, даже не съумѣю всего высказать.

Они просидѣли цѣлый вечеръ въ кабинетѣ Стабровскаго. Старикъ сильно волновался и нѣсколько разъ отвертывался къ окну, чтобы скрыть слезы.

— Вотъ ужъ вы совсѣмъ большія, взрослые дѣвушки, — говорилъ онъ съ грустною нотой въ голосѣ. — Я часто думаю о васъ, и мнѣ дѣлается страшно.

— Чего же бояться, папа? — удивлялась Дидя. — Подъ старость ты дѣлаешься сантиментальнымъ.

— Чего я боюсь? Всего боюсь, дѣтки... Трудно прожить жизнь, особенно русской женщиной. Вотъ я и думаю о васъ... что васъ будетъ интересовать въ жизни, съ какими людьми вы встрѣтитесь... Сейчасъ мы еще не поймемъ другъ друга.

Стабровскій, дѣйствительно, любилъ Устиньку по-отцовски и сейчасъ невольно сравнивалъ ее съ Дидей, сухой, выдержанной и насмѣшливой. У Диди не было сердца, какъ увѣряла миссъ Дудль, и Стабровскій раньше смѣялся надъ этою институтскою фразой, а теперь невольно долженъ былъ съ ней согласиться. Взять хоть настоящій случай. Устинька прожила у нихъ въ домѣ почти восемь лѣтъ, сроднилась со всѣми, и на прощаньи у Диди не нашлось ничего ей сказать, кромѣ насмѣшки.

— Папа, будемъ смотрѣть на вещи прямо, — объясняла она отцу при Устинькѣ. — Я даже завидую Устинькѣ... Будетъ она жить пока у отца, потомъ пріѣдетъ съ ярмарки купецъ и возьметъ ее замужъ. Одна свадьба

чего стоить: всё будутъ веселиться, пить, а молодыхъ заставятъ цѣловаться.

Устинька густо покраснѣла и ничего не отвѣтила, а Стабровскій вспыхнулъ, — это былъ, кажется, еще первый случай, что онъ разсердился на свою Дидю.

— Да, она идетъ *къ своимъ*, — заговорилъ онъ, дѣлая широкой жестъ. — Это законное стремленіе. Птенчикъ оперился, выросъ и прибивается къ своей стаѣ... А вотъ ты этого не понимаешь, Дидя, что есть *свои*, и что есть мертвая тяга къ общему дѣлу. О, какъ я это цѣню!... Мы во многомъ не согласимся съ Устинькой, за многое она отнесется ко мнѣ критически, можетъ быть, даже строго осудить, но я понимаю ея теперешнее настроеніе, хорошее, свѣтлое, доброе... Устинька, я понимаю больше, чѣмъ ты думаешь, хотя многого и не могу сейчасъ высказать. Иди, славяночка, къ своимъ и ничего не бойся... Великая будущность передъ русскою женщиной и великая, счастливая работа. Дай я тебя благословлю.

Дидѣ сдѣлалось стыдно за послѣдовавшую послѣ этого разговора сцену. Она не вышла изъ кабинета только изъ страха, чтобъ окончательно не разсердить расчувствовавашагося старика. Стабровскій положилъ свою руку на голову Устиньки и заговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Славяночка, ты уходишь изъ этого дома навсегда... Впечатлѣнія дѣтства остаются въ памяти на всю жизнь и ты запомни, что отсюда ты вынесла. Здѣсь тебѣ говорили: нѣтъ ни нѣмцевъ, ни жидовъ, ни славянъ, а есть просто люди, люди хорошіе и дурные... Счастье

заключается въ трудѣ на пользу другимъ. Пока мы можемъ быть въ лучшемъ случаѣ справедливыми и хорошими только у себя въ семьѣ, но нельзя любить свою семью, если не любишь другихъ. Мы, старики, прошли тяжелую школу, съ нами были несправедливы и мы были несправедливы, и это насъ мучило, дѣлало несчастными и отравляло даже то маленькое счастье, на какое имѣетъ право каждая козявка. Иди, славяночка, къ своимъ, тамъ уже есть много хорошихъ людей. Добрымъ и честнымъ принадлежитъ міръ. Есть богатые и бѣдные люди, красивые и некрасивые, старые и молодые, образованные и необразованные, но одно великое равняетъ всѣхъ, это—совѣсть. Безъ совѣсти нельзя жить, какъ безъ солнечнаго свѣта... Вѣдь, и любовь тоже совѣсть, высшая совѣсть, когда человѣкъ дѣлается и лучше, и чище, и справедливѣе.

«Господи, отецъ, кажется, сошелъ съ ума!—съ ужасомъ думала Дидя, стараясь смотрѣть въ уголъ.— Говорить, точно ксендзъ... Расчувствовался старикашка».

Да, Устинька много хорошаго вынесла изъ этого дома и навсегда сохранила о Стабровскомъ самую хорошую память, хотя представленіе объ этомъ умномъ и добромъ человѣкѣ постоянно въ ней двоилось.

Вернувшись къ отцу, Устинька въ теченіе цѣлаго полугода никакъ не могла привыкнуть къ мысли, что она дома. Ей даже казалось, что она больше любитъ Стабровскаго, чѣмъ родного отца, потому что съ первымъ у нея больше общихъ интересовъ, мыслей и стремленій. Старая нянька Матрена страшно обрадовалась, когда Ус-

тинька вернулась домой, но сейчас же замѣтила, что дѣвушка въ конецъ обасурманилась и тоскуеть о своихъ полякахъ.

— Испортили они тебя, Устинья Тарасовна, — повторяла старуха при каждомъ удобномъ случаѣ. — Погляжу я на тебя, такъ тебѣ скушно дома-то.

Замѣчалъ это и самъ Тарасъ Семенычъ, хотя и не высказывался прямо. Ничего, помаленьку привыкнетъ... Самое главное, что больше всего тяготило Устиньку, это — сознаніе собственной ненужности у себя дома. Она чувствовала себя какою-то гостьей.

— Это скучно, папа, сидѣть безъ дѣла, — объясняла она отцу.

— Что же я-то могу тутъ придумать? Ежели въ учительницы идти, такъ будешь хлѣбъ отбивать у другихъ бѣдныхъ дѣвушекъ... Это нехорошо. Уроки давать — то же самое... Поживи, отдохни.

— Ахъ, какой ты, папа! Отъ чего отдыхать? Это, наконецъ, смѣшно!

— Читай книжки.

Устинька много читала, но это еще не было настоящимъ дѣломъ. Впрочемъ, ее скоро выручили полученные въ домѣ Стабровскаго знанія. Разъ она пришла въ бібліотеку, и докторъ Кочетовъ сразу предложилъ ей занятія при газетѣ.

— Мы всѣ тутъ очень слабы по части языковъ, а, вѣдь, вы знаете... Однимъ словомъ, вы намъ поможете, Устинька. Кажется, вы даже по-англійски переводите?

— Я училась, но, право, не знаю, справлюсь ли. Вамъ что нужно переводить?

— Ахъ, да!... Главнаго-то я и не сказалъ: намъ нужна переводчица для газеты. Понимаете, это извѣстный даже шикъ — пользоваться матеріалами изъ первоисточника, а не изъ третьихъ рукъ.

Благодаря своему знанію языковъ, Устинька попала прямо въ центръ провинціального оппозиціоннаго изданія. Съ составомъ редакціи, благодаря доктору Кочетову, она была знакома еще раньше, а теперь сдѣлалась невольною участницей уже самаго дѣла. Это и были тѣ *свои*, о которыхъ говорилъ ей на прощаньи Стабровскій. Да, это, дѣйствительно, были свои, — тѣ свои, которымъ она принадлежала по инстинкту. Работа въ редакціи *Запольскаго Курьера* для Устиньки была своего рода воскресеніемъ. Сюда стекались «протестующіе элементы» съ громадной территоріи, и какъ ни была стѣснена дѣятельность маленькаго провинціальнаго изданія, она все-таки сказывалась въ общемъ строѣ. Конечно, ничего систематическаго здѣсь не могло быть, и все дѣло сводилось на то, чтобы съ большею или меньшею ловкостью «воспользоваться моментомъ», какъ говорилъ Харченко. Хитрый хохликъ сосредоточилъ всѣ свои боевыя силы на преслѣдованіи банковскихъ воротилъ, а главнымъ образомъ, конечно, Мышниковъ. Его уже разъ пять судили въ окружномъ судѣ за диффамачію и клевету, и онъ съ торжествомъ выходилъ сухъ изъ воды.

— А мы опять воспользуемся моментомъ, — говорилъ

онъ, возвращаясь изъ суда въ редакцію.— Подождите, господа, смѣется послѣдній, а мы еще посмотримъ.

Въ редакціи по вечерамъ собирались разные «протестанты» и обсуждали нараставшія злобы дня. Собственно редакцію составляли Харченко и Кочетовъ, а остальные только помогали. Здѣсь Устинька прошла цѣлый курсъ знаній, которыхъ нельзя получить было нигдѣ больше. Она отлично познакомилась съ вопросами городского хозяйства, съ задачами земскаго самоуправления, съ экономической картиной цѣлаго края, а главное — съ тѣмъ разрушающимъ вліяніемъ, которое вносили съ собой банковскіе дѣльцы и въ томъ числѣ старикъ Стабровскій. Ей часто дѣлалось больно, когда упоминалось это дорогое для нея имя съ очень злыми комментаріями, — и больно, и досадно, а нельзя было не согласиться. Получалась самая мучительная раздвоенность.

— Ну, что у васъ новаго? — спрашивалъ Тарасъ Семенычъ, когда Устинька возвращалась домой съ кипой газетъ. — Все за мухой съ обухомъ гоняетесь?

Втайнѣ старикъ очень сочувствовалъ этой мѣстной газетѣ, хотя открыто этого и не высказывалъ. Для такой политики было достаточно причинъ. За дочь Тарасъ Семенычъ искренно радовался, потому что она, наконецъ, нашла себѣ занятіе и больше не скучала. Теперь и онъ могъ съ ней поговорить о разныхъ дѣлахъ.

— Ты у меня теперь въ томъ родѣ, какъ секретарь, — шутилъ старикъ, любуясь умною дочерью. — Право... Другія-то бабы, вѣдь, ровнешенько ничего не понимаютъ,

а тебѣ до всего дѣло. Еще вотъ погоди, съ Харченкой на подсудимую скамью попадешь.

— Если бѣ это было нужно, папа, то отчего же и не пойти за правое дѣло?

— Оно, конечно, такъ, а мы вотъ всѣ боимся правды-то.

Приглядываясь къ новымъ людямъ, Устинька долго не могла разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и многого не могла понять. Жизнь давала себя знать, разбивая на каждомъ шагу молодая иллюзіи и счастливыя вѣрованія. По временамъ Устинькѣ дѣлалось просто страшно. Боже мой, кругомъ столько самаго безсмысленнаго и обиднаго зла! Большинство точно сознательно старалось дѣлать зло даже самимъ себѣ. Тутъ даже не спасало образованіе. Живымъ примѣромъ являлся докторъ Кочетовъ, который все чаще и чаще приходилъ въ редакцію въ ненормальномъ видѣ. Первое время онъ стѣснялся Устиньки, а потомъ махнулъ рукой.

— Докторъ, неужели вы не можете удержаться? — спрашивала его Устинька. — Вѣдь, есть же сила воли.

— Вамъ жаль меня?

— Да.

— Не стѣдить!... Я самъ сначала тоже жалѣлъ себя, а потомъ... Однимъ словомъ, не стѣить говорить.

Устинькѣ дѣлалось жутко, когда она чувствовала на себѣ пристальный взглядъ доктора. Въ этихъ воспаленныхъ глазахъ было что-то страшное. Дѣвушка въ такія минуты старалась его избѣгать.

— Барышня, а вы не находите меня сумасшед-

шимъ?— спросилъ ее разъ докторъ съ больною улыбкой.— Будемте откровенны... Я самое худшее уже пережилъ и смотрю на себя, какъ на пациента.

— Не знаю, докторъ... Вы, просто, нездоровы.

— Да, да... Нездоровъ. Ахъ, если бы вы только видѣли, какія ужасныя ночи я провожу! Засыпаю я только часовъ въ шесть утра и все хожу... Вдругъ сдѣлается страшно-страшно, до слезъ страшно... Хочется куда-то убѣжать, спрятаться.

Въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ тайны не могутъ существовать. Устинька, несмотря на свое дѣвичье положеніе, знала многое, чего знать дѣвицѣ и не полагалось. Источникомъ этихъ закулисныхъ свѣдѣній являлась, главнымъ образомъ, старая нянька Матрена. Семейное положеніе доктора Кочетова давно сдѣлось притчей во языцѣхъ. Всѣ знали, какъ онъ женился и какъ Прасковья Ивановна забрала его подъ башмакъ. Последнею новостью въ докторской біографіи было то, что адвокатъ Мышниковъ сильно ухаживалъ за Прасковьей Ивановной и ежедневно бывалъ въ бубновскомъ домѣ.

— Раньше-то сама Прасковья Ивановна припадала къ нему, — объясняла Матрена съ старческою наивностью. — Даже совсѣмъ безъ стыда гонялась... А нынче, ужъ видно, Мышниковъ погнался за ней. Змѣй лютый, однимъ словомъ... Охъ, грѣхи!

— Няня, не смѣйте мнѣ ничего говорить о докторѣ.

— Да, вѣдь, весь городъ говоритъ. Только въ колокола не звонятъ.

Разгадка мрачнаго настроенія доктора была налицо.

IV.

Докторъ Кочетовъ переживалъ ужасное время. Онъ дошелъ до того состоянія, когда люди стараются не думать о себѣ. Въ немъ точно жили нѣсколько человѣкъ: одинъ, который существовалъ для другихъ, когда докторъ выходилъ изъ дому, другой, когда онъ бывалъ въ редакціи *Запольскаго Курьера*, третій, когда онъ возвращался домой, четвертый, когда онъ оставался одинъ, пятый, когда наступала ночь, — этотъ пятый просто мучилъ его. Мысль о сумасшествіи появлялась у доктора уже раньше; онъ начиналъ слѣдить за каждою своею мыслью, за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ, но потомъ все проходило. Эти припадки мнительности начали повторяться все чаще и принимали все болѣе мучительную форму. Успокоеніе давала только мадера. Въ бубновскомъ домѣ царилъ какой-то духъ мадеры. Докторъ пилъ потихоньку, какъ это дѣлалъ покойный Бубновъ и какъ сейчасъ это дѣлала Прасковья Ивановна.

Окончательнымъ поворотнымъ пунктомъ въ психологіи доктора послужило открытіе, что Прасковья Ивановна устроилась по-новому. Сначала докторъ получилъ анонимное письмо, раскрывавшее ему глаза на отношенія жены къ Мышникову, получилъ и не повѣрилъ, приписавъ его проявленію тайной злобы. Потомъ получено было второе письмо, третье, четвертое, — тайный врагъ не дремалъ и заботился о немъ, какъ самый лучшій другъ. Невольно докторъ началъ слѣдить за женой и убѣдился въ томъ, что тайный корреспондентъ былъ правъ. Онъ

зналъ, когда жена уходила на свиданіе, зналъ, когда она ждала Мышникова, зналъ, когда она рассчитывала, что онъ уйдетъ изъ дому,—зналъ и скрывался. Теперь роли перемѣнились: раньше Прасковья Ивановна ухаживала за Мышниковымъ, а сейчасъ наоборотъ. Дѣло дошло до того, что всемогущій Мышниковъ даже ухаживалъ за нимъ. Доктору дѣлалось стыдно за любовниковъ, за себя, за тотъ позоръ, который густымъ облакомъ покрывалъ всѣхъ. Вѣдь, и самъ онъ не лучше другихъ.

Больше всего пугало доктора то, что его ничто не интересовало. Не все ли равно? Сегодня жена обманываетъ его, завтра будетъ онъ ее обманывать,—только небольшая перемѣна ролей. Онъ давно пересталъ бывать у Станиславскихъ, раззнакомился почти со всѣми и никого не желалъ видѣть. Для чего? Оставалась, правда, газета, но и тутъ дѣло сводилось на простую инерцію и на отдѣлъ привычныхъ движеній. Сначала докторъ стѣснялся приходить въ редакцію въ ненормальномъ видѣ, а потомъ и это чувство простого физическаго приличія исчезло. Не все ли равно? Онъ приходилъ теперь въ редакцію съ красными глазами, опухшимъ лицомъ и запойнымъ туманомъ въ головѣ. Что же, пусть всѣ видятъ, удивляются, презираютъ, жалѣютъ. Въ глубинѣ души докторъ все-таки не считалъ себя безнадежнымъ алкоголикомъ, а пилъ такъ, пока, чтобы на время забыться. Иногда у него являлась спасительная мысль бѣжать изъ проклятаго Заполя куда глаза глядятъ, но, вѣдь, это послѣднее средство было всегда въ его распоряженіи. Его все-таки что-то удерживало, какое то смутное чувство собствен-

наго угла, какого-то неисполненного дѣла. Что-то такое еще оставалось впереди, неопредѣленное и смутное.

Одной ночи докторъ не могъ вспомнить безъ ужаса. Онъ выпилъ вечеромъ цѣлыхъ двѣ бутылки мадеры. Долго ходилъ онъ по кабинету, думалъ вслухъ, ложился на диванъ и снова вставалъ, чтобы шагать по кабинету. Онъ зналъ, что не уснетъ до самаго утра. Вдругъ, лежа на диванѣ, онъ почувствовалъ, какъ въ немъ стынетъ вся кровь и сердце перестаетъ биться. Его охватила ужасная мысль, вѣрнѣе—ощущеніе, точно онъ раздваивался и переставалъ уже быть самимъ собой. Да, онъ это чувствовалъ всѣмъ своимъ тѣломъ, опухшими отъ пьяной водянки ногами, раздутою печенью. Онъ больше не былъ онъ, докторъ Кочетовъ, а тотъ, другой, Бубновъ, который вотъ такъ же лежалъ на диванѣ, опухшій отъ пьянства и боявшійся каждаго шороха. Докторъ боялся пошевелиться, открыть глаза, точно его что придавило. Да, онъ превратился въ Бубнова.

Галлюцинаціи продолжались до самаго утра, пока въ кабинетъ не вошла горничная. Цѣлый день потомъ докторъ просидѣлъ у себя и все время трепеталъ: вотъ-вотъ войдетъ Прасковья Ивановна. Теперь ему начинало казаться, что въ немъ уже два Бубнова: одинъ мертвый, а другой умирающій, пьяный, гнилой до корня волосъ. Онъ забылся, только принявъ усиленную дозу хлораль-гидрата. Проснувшись ночью, онъ услышалъ, какъ кто-то хриплымъ шепотомъ спросилъ его:

— Ты здѣсь?

Это былъ бубновскій голосъ, и докторъ въ ужасѣ спря-

талъ голову подъ подушку, которая казалась ему Бубновымъ, мягкимъ, холоднымъ, безформеннымъ. Вся комната была наполнена этимъ Бубновымъ и онъ даже принужденъ былъ имъ дышать.

Цѣлыхъ три дня продолжались эти галлюцинаціи, и докторъ освобождался отъ нихъ, только уходя изъ дому. Но роковая мысль и тутъ не оставляла его. Сидя въ редакціи *Запольскаго Курьера*, докторъ чувствовалъ, что онъ стоитъ сейчасъ за дверью и что маленькія частицы его постепенно насыщаютъ воздухъ. Конечно, другіе этого не замѣчали, потому что были лишены внутренняго зрѣнія и потому что не были Бубновыми. Холодный ужасъ охватывалъ доктора, онъ весь трясся, блѣднѣлъ и дѣлался страшнымъ.

— Вамъ дурно, докторъ?—спрашивала Устинька, сидѣвшая за своимъ столикомъ съ корректурами.—Я принесу воду.

— Ради Бога, не двигайтесь,—умолялъ докторъ шепотомъ.

Ему казалось, что стоило Устинькѣ подняться, какъ всѣ міріады частицъ Бубнова бросятся на него, и онъ растворится въ нихъ, какъ крупинка соли, брошенная въ стаканъ воды. Эта сцена закончилась глубокимъ обморокомъ. Очнувшись, докторъ ничего не помнилъ. И это мучило его еще больше. Онъ теръ себѣ лобъ, умоляюще смотрѣлъ на ухаживавшую за нимъ Устиньку и мучился, какъ приговоренный къ смерти.

Память вернулась только ночью, когда докторъ лежалъ у себя въ кабинетѣ и мучился бессонницей.

Такъ продолжалось изо дня въ день, и докторъ никому не могъ открыть своей тайны, потому что это равнялось смерти. Муки достигали высшей степени, когда онъ слышалъ приближавшіеся шаги Прасковьи Ивановны. О, онъ такъ же притворялся спящимъ, какъ это дѣлалъ Бубновъ, такъ же затаивалъ отъ страха дыханіе и немного успокоивался только тогда, когда шаги удалялись, и онъ подкрадывался къ завѣтному шкафику съ мадерой и глоталъ новую дозу отравы съ жадностью отчаяннаго пьяницы!

Когда пришелъ навѣстить его старикъ Кацманъ, произошла совсѣмъ дикая сцена.

— Ну, что, collega, какъ вы себя чувствуете? — спрашивалъ Кацманъ, нюхая пропитанный мадерой воздухъ.

— Ничего, отлично.

— А дайте-ка вашъ пульсъ.

Эта фраза привела Кочетова въ бѣшенство. Кто смѣетъ трогать его за руку? Онъ страшно кричалъ, топалъ ногами и грозилъ убить проклятаго жида. Старикъ докторъ покачалъ только головой и молча вышелъ изъ комнаты.

Однажды ночью, когда Кочетовъ шагалъ по своему кабинету, прибѣжала какая-то запыхавшаяся женщина и Христомъ Богомъ молила его ѣхать къ больной.

— Охъ, у смерти конецъ, родненькій! — причитала она. — Зашлась наша то барыня... Лежить, глазки закатила... Охъ, смертынька!

— Да какая барыня, говори толкомъ?

— А Серафима Харитоновна.

— Какая Серафима Харитоновна?

— Ахъ, ты, Господи!... Ну, которая за Колобовымъ, за Галактіономъ Михеичемъ. Еще пароходы у него.

Докторъ давно не практиковалъ, но тутъ по какой-то инерціи согласился и поѣхалъ.

Въ маленькомъ домикѣ Колобова, гдѣ жила Серафима съ дѣтьми, шелъ страшный переполохъ. Доктора встрѣтила въ передней Харитина, блѣдная, но спокойная.

— Простите, что мы потревожили васъ, Анатолій Петровичъ. Съ сестрой плохо, а Кацманъ самъ боленъ.

Проходя мимо двери въ столовую, Кочетовъ увидѣлъ Галактіона, который сидѣлъ у стола, схватившись за голову.

Больная лежала въ спальнѣ на своей кровати со стиснутыми зубами и закатившимися глазами. Около нея стояла дѣвочка-подростокъ и съ умоляющимъ отчаяніемъ посмотрѣла на доктора.

— Мама умерла...—прошептала она, точно боялась кого разбудить.

Докторъ приложилъ ухо къ груди больной. Сердце еще билось, но очень слабо, точно его сжимала какая-то рука. Это была полная картина алкоголизма. Жертва запольской мадеры умирала.

Пущены были въ ходъ холодные компрессы, ледъ, нашатырный спиртъ и обтиранья, пока больная не вздохнула и не открыла глазъ.

— Принесите сюда мадеры, — шепнулъ докторъ Харитинѣ.

Черезъ минуту въ спальню вошелъ съ только что от-

купоренною бутылкой вина Галактіонъ, налилъ рюмку и подалъ больной. Она взглянула на него, отрицательно покачала головой и проговорила слабымъ голосомъ:

— Вы, кажется, считаете меня за пьяницу, а я со-
всѣмъ не пью...

Какъ докторъ ни уговаривалъ ее, больная осталась при своемъ. Галактіонъ понялъ, что она стѣсняется его, и вышелъ. Харитина приподняла больную на подушки, но у нея голова свалилась на сторону.

— Посылайте скорѣе за священникомъ, — шепнулъ докторъ.

— Да, вѣдь, мы старовѣры... Никого изъ нашихъ стариковъ сейчасъ нѣтъ въ городѣ, — съ ужасомъ отвѣтила Харитина, глядя на доктора широко раскрытыми глазами. — Ужели она умереть?... Спасите ее, докторъ... ради всего святого... докторъ...

— Отъ паралича сердца спасенія нѣтъ.

— Докторъ... докторъ!...

Но докторъ уже шелъ въ столовую съ бутылкой въ одной рукѣ и съ рюмкой въ другой. Галактіонъ сидѣлъ у стола.

— Идите, проститесь съ женой, — сказалъ докторъ, усаживаясь къ столу и ставя передъ собой бутылку. — Все кончено.

Галактіонъ взглянулъ на него, раскрылъ ротъ, чтобы сказать что-то, и выбѣжалъ изъ столовой. Докторъ проводилъ его глазами, улыбнулся и спокойно налилъ себѣ рюмку мадеры.

Больная полулежала въ подушкахъ и смотрѣла на всѣхъ

осмысленнымъ взглядомъ. Очевидно, она пришла въ себя и успокоилась. Галактіонъ подошелъ къ ней, заглянулъ въ лицо и понялъ, что все кончено. У него задрожали колѣни, а передъ глазами пошли круги.

— Серафима, благослови дѣтей! — проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Больная наморщила лобъ и тревожно посмотрѣла кругомъ, кого - то отыскивая. Галактіонъ понялъ этотъ взглядъ и подвелъ дочь Милочку.

— Сережи нѣтъ... онъ уѣхалъ въ гимназію... Благослови Милочку.

Дѣвушка зарыдала, опустилась на колѣни и припала головой къ слабо искавшей ее материнской рукѣ. Губы больной что-то шептали и она снова закрыла глаза отъ сдѣланнаго усилія. Въ это время Харитина привела только что поднятую съ постели двѣнадцатилѣтнюю Катю. Дѣвочка была въ одной ночной кофточкѣ и ничего не понимала, что дѣлается. Увидѣвъ плакавшую сестру, она тоже зарыдала.

Больная благословила дѣвочку и сдѣлала глазами Харитинѣ знакъ, чтобъ увели дѣтей. Когда Харитина вернулась, она посмотрѣла на нее, потомъ на Галактіона и проговорила съ удивительною твердостью:

— Пожалуйте дѣтей... я... я не буду никому больше мѣшать.

Харитина всхлипывала и, припавъ головой къ изголовью умиравшей, шептала:

— Сима, прости... Сима... Сима...

Галактіонъ стоялъ и не чувствовалъ, какъ у него ка-

тились по лицу слезы. Харитина подвела его къ постели и заставила стать на колѣни.

— Сима... я... меня...—бормоталъ Галактіонъ, точно каждое слово приросло къ горлу и онъ долженъ былъ его отдирать.—Нѣтъ намъ прощенья, Сима... я... меня...

Умирающая уже закрыла глаза. Грудь тяжело поднималась. Послышались мертвые хрипы. Въ горлѣ что-то клокотало и переливалось.

— Матушка ты наша... касатушка,—причитала около кровати точно изъ-подъ земли выросшая Аграфена.—Голубушка барышня...

Въ дверяхъ стоялъ Харитонъ Артемьичъ. Онъ прибѣжалъ изъ дому въ одномъ халатѣ. Сѣдые волосы были всключены и старикъ имѣлъ страшный видъ. Онъ подошелъ къ кровати и молча началъ крестить «отходившую». Хрипы дѣлались меньше, клокотанье остановилось. Въ дверяхъ показались перепуганныя дѣтскія лица. Аграфена продолжала причитать, обхвативъ холодѣвшія ноги покойницы.

— Матушка ты наша барышня... на кого ты насъ, сиротокъ, оставляешь?

Докторъ продолжалъ сидѣть въ столовой, пилъ мадеру рюмку за рюмкой и совсѣмъ забылъ, что ему здѣсь больше нечего дѣлать и что пора уходить домой. Его удивляло, что столовая дѣлалась то меньше, то больше, что буфетъ дѣлалъ напрасныя попытки твердо стоять на мѣстѣ, что потолокъ то уходилъ кверху, то спускался къ самой его головѣ. Онъ очнулся только, когда къ нему на плечо

легла чья-то тяжелая рука, и сердитый женскій голосъ проговорилъ:

— Ты это што за моду придумалъ лакать винище въ этакой-то часъ, безстыжіе твои глаза? Ступай домой, горькій...

Это была Аграфена. Она въ слѣдующій моментъ взяла доктора подъ руку и повела изъ столовой. Онъ попробовалъ сопротивляться, но, посмотрѣвъ на бутылку, увидѣлъ, что она пуста, и только махнулъ рукой.

— *Finita la comedia...* Да, горькій... именно... Галактіонъ обманывалъ свою жену, а она умерла... и Прасковью Ивановну тоже обманывалъ, а она жива... Не правда ли, какъ это странно?

У.

Смерть жены для Галактіона являлась только продолженіемъ разныхъ другихъ неудачъ. Ему, вообще, не везло въ послѣднее время. На Иртышѣ затонула баржа съ незастрахованнымъ чужимъ товаромъ, пароходъ *Первинка* напоролся на подводный камень и цѣлое лѣто простоялъ безъ работы, было нѣсколько запоздавшихъ грузовъ, за которые пришлось платить неустойку, — однимъ словомъ, одна неудача за другой. Въ банкѣ положеніе Галактіона тоже пошатнулось. Забравшій силу Мышниковъ пробовалъ на немъ свое вліяніе. Даже старикъ Стабровскій, покровительствовавшій Галактіону до сихъ поръ, замѣтно охладѣлъ къ нему безъ всякой видимой причины. Послѣднее особенно беспокоило Галактіона, хотя онъ крѣ-

пился и никому ничего не высказывалъ. Все складывалось противъ него какъ разъ съ того момента, когда онъ сошелся съ Харитиной. Въ этомъ было что-то роковое... Впрочемъ, сама Харитина давно это замѣтила и тоже мучилась.

— Это я тебѣ принесла несчастье, — повторяла она, глядя на Галактіона виноватыми глазами.

Послѣднее его бѣсило каждый разъ. Да и прежней Харитины, веселой, сумасбродной, красивой русалочьею красотой, уже не было, — можетъ быть, она измѣнилась, можетъ быть, постарѣла, а, можетъ быть, просто онъ привыкъ къ ней. О ея красотѣ онъ могъ теперь судить только по тому впечатлѣнію, какое она производила на другихъ. Но его злило и это, когда эти другіе любовались Харитиной, точно и въ этомъ былъ какой-то скрытый обманъ. Особенно не шло къ Харитинѣ, когда она дѣлалась печальной, начинала жаловаться и вообще хныкала. Галактіонъ возмущался, говорилъ ей дерзости, доводилъ до слезъ, а потомъ начиналъ жалѣть молча, не имѣя силъ проявить свою жалость активно.

Теперь все служило поводомъ къ домашнимъ сценамъ, недоразумѣніямъ и настоящимъ ссорамъ. Обыкновенно начиналъ Галактіонъ, котораго одинаково возмущало, если Харитина раздражалась или оставалась хладнокровной. Онъ успокоивался только тогда, когда Харитина выходила изъ себя и начинала рвать и метать. Нѣсколько разъ она бросалась на него прямо съ ножомъ. Галактіонъ не сомнѣвался, что она въ такомъ состояніи можетъ зарѣзать кого угодно. Но именно такое бѣшенство его удовле-

творяло, снимая съ души какую-то тяжесть. Какъ ни былъ несправедливъ Галактіонъ къ Харитинѣ, но одного достоинства онъ не могъ не признать за ней: ни одинъ посторонній глазъ не видалъ ея слезъ, никто не слышалъ ея жалобъ. Она для другихъ была только въ хорошемъ или дурномъ настроеніи, что еще не давало повода дѣлать какія - нибудь предположенія объ ея интимной жизни.

Въ сущности, Харитина была глубоко несчастна, потому что продолжала любить Галактіона, и любила его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ охлаждѣвалъ къ ней. Есть такія натуры, чувства которыхъ требуютъ препятствій, особенно такое чувство, какъ любовь. Если бы Галактіонъ любилъ ее попрежнему, Харитина, навѣрное, не отвѣчала бы ему тою же монетой, а теперь она боялась даже проявить свою любовь въ полной мѣрѣ и точно прятала ее, какъ прячутъ отъ солнца нѣжное растеніе. Въ то же время, она отлично понимала, что такое Галактіонъ и что любить его не стоитъ. Вѣдь, онъ всю жизнь думалъ только о себѣ и своихъ планахъ, а женщины для него являлись только печальною необходимостью. Въ сущности, онъ никого и не въ состояніи любить, какъ всѣ эгоисты. И все-таки, зная все это, Харитина радостно вся вздрагивала, когда онъ входилъ въ комнату. О, она такъ ждала его каждый разъ, точно онъ приходилъ къ ней прощаться навсегда! Да, ждала и ненавидѣла себя именно за это, какъ ненавидитъ каторжникъ свои цѣпи.

Послѣднюю каплей въ этой чашѣ испытаній для Хари-

тины было появленіе въ Запольѣ мужа. Галактіонъ пріѣхалъ изъ города въ Городище и заявилъ съ злорадствомъ:

— Твой Илья Өирсычъ пріѣхалъ, т.-е. пришелъ пѣшкомъ... Въ полной формѣ: и котомка, и палочка. Только недостаетъ кошель...

— Какой же онъ мой?—тихо отвѣтила Харитина, боясь обидѣться.

— А чей же? Конечно, твой... Вотъ онъ придетъ къ намъ въ гости и попроситъ хлѣбца, какъ бродяжка.

Харитина молчала. Ее возмущалъ до глубины самый тонъ, какимъ говорилъ съ ней Галактіонъ. Точно это она желала, чтобы Полуяновъ вернулся изъ ссылки.

— Да, твой, твой, твой!—уже кричалъ Галактіонъ, впадая въ бѣшенство.—Вѣдь, ты сама его выбрала въ мужа, никто тебя не неволилъ, и выходитъ, что твой... Ты его цѣловала, ты... ты... ты...

Онъ задыхался отъ ярости, сжималъ кулаки и, кажется, готовъ былъ броситься на Харитину и убить ее однимъ ударомъ. О, какъ онъ ревновалъ ее къ ея прошлому, какъ ненавидѣлъ ее и съ радостью растопталъ бы ее, какъ топчуть змѣю!

— Зачѣмъ же онъ придетъ къ намъ?—замѣтила Харитина.

— Зачѣмъ? Придетъ за своею законною женой. Онъ въ своемъ полномъ правѣ. Ты забыла, чья ты жена.

Харитина молчала, что уже окончательно взбѣсило Галактіона. Онъ схватилъ ее за руку и крикнулъ задыхавшимся голосомъ:

— Вѣдь, ты... ты любила его... да! Ты его цѣловала, и онъ...

Закончилась эта дикая сцена тѣмъ, что Галактіонъ избилъ Харитину, звѣрски избилъ, какъ бьютъ своихъ женъ только пьяные мужики, а потомъ взялъ и заперъ въ комнату, точно боялся, что она убѣжитъ и будетъ жаловаться на него. Это былъ ужасный моментъ. Харитина цѣлый день просидѣла въ темномъ углу, какъ затравленный звѣрь, и вся дрожала, когда слышались чьи-нибудь шаги. Ей казалось, что Галактіонъ вернется и убьетъ ее. О, какъ она была рада умереть, заснуть, найти вѣчный покой, когда ничто не будетъ тревожить, волновать и мучить! Это была смертная жажда покоя. Харитина не плакала, а сидѣла молча, уничтоженная, жалкая, несчастная.

— За что?—повторяла она про себя, закрывая глаза.—Господи, за что?

Изъ всѣхъ чувствъ оставалось только физическое чувство страха, то чувство, которое заставляетъ собаку лизать только что наказавшую ее руку.

Галактіонъ билъ ее уже не въ первый разъ, но тогда было другое. Опомнившись, Харитина пришла къ тому заключенію, что ей даже некуда дѣваться. Ни близкихъ знакомыхъ, ни друзей, ни родныхъ—никого. Съ сестрами она совсѣмъ не видѣлась, да и не любила никого. Значить, оставалось опять жить съ Галактіономъ и терпѣть новые побои,—она сознавала, что нынѣшній день только начало еще худшихъ дней. Что же дѣлать? Броситься въ воду? А онъ будетъ радоваться, что избавился

отъ обузы... да. Потомъ женится... Въ сердцѣ Харитины закипѣла дикая ненависть именно къ этой другой, а въ воображеніи пронеслась страшная картина убитаго Галактіона, любя убитаго, вперёдъ оплаканнаго и еще болѣе дорогого. Одна земля будетъ разлучницей. Харитина старалась не думать объ этомъ, даже принималась со страха молиться, а въ головѣ стояла одна мысль, эта же мысль наполняла всю комнату и, какъ ночная птица, билась съ трепетомъ въ окно.

Теперь изъ-за Полуянова начали повторяться постоянныя исторіи. Галактіонъ не только не чувствовалъ угрызений совѣсти, но выискивалъ всевозможные случаи, чтобы придратъся къ Харитинѣ. Смерть жены на время прекратила это ожесточенное настроеніе, и Галактіонъ точно отмякъ. На первый планъ выступили теперь сироты-дѣти. Нужно было ихъ куда-нибудь пристраивать. Со смертью матери-пьяницы рушился послѣдній призракъ своего дома. Харитина боялась предложить взять ихъ къ себѣ въ Городище. Она потихоньку отъ Галактіона написала Агніи, умоляя ее всѣми святыми не оставлять сиротъ. Агнія очень ловко повела дѣла и уговорила Галактіона. У нея было уже двое своихъ дѣтей.

— Мнѣ, вѣдь, все равно съ ребятами-то сидѣть, — убѣждала она. — За-одно ужъ хлопотать... Да и твои большіе совсѣмъ.

Галактіонъ долго не соглашался, хотя и не зналъ, что ему дѣлать съ дѣтьми. Агнія убѣдила его тѣмъ, что дѣти будутъ жить у дѣдушки, а не въ чужомъ домѣ. Это доказательство хоть на что-нибудь походило, и онъ согла-

силъ. Съ Харченкомъ онъ держалъ себя какъ посторонній человѣкъ и дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ объ его обличительныхъ корреспонденціяхъ.

Все-таки когда Галактіонъ перевезъ дѣтей къ дѣдушкѣ, его охватило мучительное чувство пустоты. Что-то такое порвалось, чего уже нельзя было соединить никакими силами. И обидно, и грустно. Сколько разъ Галактіонъ раньше думалъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы Серафима умерла. И сама не мучилась бы, и ему развязала бы руки. Вотъ теперь ея нѣтъ, и нѣтъ свободы. Мысль о дѣтяхъ стала являться все чаще и чаще, заставляя провѣрять себя. Конечно, Галактіонъ давалъ на ихъ содержаніе много денегъ, но это было еще не все. Именно дѣти вставали теперь передъ его глазами живымъ упрекомъ, напоминая всѣ несправедливости прошлаго. Подъ давленіемъ этой мысли онъ даже къ Харитинѣ сдѣлался добрѣе, т. е. не притѣснялъ ее, и держалъ себя такъ, точно ея совсѣмъ не было и на свѣтѣ.

Въ грустный день помѣщенія дѣтей у дѣда Галактіонъ остался въ Запольѣ и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Ъхать въ Городище тоже не хотѣлось. Именно въ этотъ критическій моментъ онъ вспомнилъ про старика Луковникова. Строгій былъ человѣкъ, правильной жизни. Галактіону мучительно захотѣлось, чтобы кто-нибудь его бранилъ, попрекалъ, говорилъ строгія слова. Онъ вечеромъ отправился къ Луковникову именно подъ этимъ настроеніемъ. Старикъ встрѣтилъ его довольно непривѣтливо и смотрѣлъ такими глазами, что зачѣмъ де пожаловалъ незваный гость.

— Давненько не видались, Галактіонъ Михеичъ.

— Да, давненько, Тарасъ Семенычъ. Все собирался какъ-нибудь завернуть.

— Ужь и собирался? Перестань пустыя-то слова говорить... На что вамъ меня, старика?

— Сами не молодые, Тарасъ Семенычъ.

Сначала старикъ подумалъ, что не пріѣхалъ ли Галактіонъ занимать у него денегъ, вѣдь, слава богатаго человѣка еще оставалась за нимъ, а потомъ догадался по выраженію лица Галактіона и по тону разговора, что дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Въ послѣднее время онъ сильно не долюбивалъ Галактіона и теперь не могъ побороть въ себѣ этого чувства. Такъ бы вотъ, кажется, все и отпечаталъ... На, слушай. Галактіонъ пробовалъ что-то говорить, но разговоръ не вязался. И гость, и хозяинъ молчали. Луковниковъ поднялся, прошелся по комнатѣ, разгладилъ сѣдую бороду и проговорилъ какъ-то въ упоръ:

— Что, Галактіонъ Михеичъ, худо?... То-то вотъ и есть... И сказалъ себѣ человѣкъ: напoлню житницы, накоплю сокровища. Пей, душа, воселись!... Такъ я говорю? Эхъ, Галактіонъ Михеичъ! Вѣдь, вотъ умные люди, до всего, кажется, дошли, а этого не понимаютъ.

— А развѣ виноватъ человѣкъ, если онъ не понимаетъ, Тарасъ Семенычъ?

— Кругомъ виноватъ... На то ему данъ разумъ, — не умъ, а разумъ. Богатство, это—ножъ... Имъ можно много хорошаго сдѣлать, а дѣлаютъ больше зла... да.

— Опять-таки, Тарасъ Семенычъ, и злой человѣкъ себѣ худа не желаетъ... Все лучше думаетъ сдѣлать.

— Да, для себя... По пословицѣ, и воръ Богу молится, только какая это молитва? Будемъ говорить прямо, Галактіонъ Михеичъ: нехорошо. Вѣдь, я знаю, зачѣмъ ты ко мнѣ-то пришелъ... Сначала я, грѣшнымъ дѣломъ, подумалъ, что за деньгами, а потомъ и вижу, что совсѣмъ другое.

— Да, другое, — откликнулся Галактіонъ, точно эхо. — Сегодня вотъ дѣтей къ теткѣ Агніи свезъ.

— И будешь возить по чужимъ дворамъ, когда дома угарно. Небойсь, стыдно передъ дѣтьми свое звѣрство показывать... Вотъ такъ-то, Галактіонъ Михеичъ. А, вѣдь, они, дѣти-то, и совсѣмъ большія выростутъ... Вырости-то выростутъ, а къ отцу путь-дорога заказана. Ахъ, нехорошо!... Жену не жалѣлъ, такъ хотъ дѣтей бы пожалѣлъ. Я тебѣ по-стариковски говорю... И обидно мнѣ на тебя, и жалъ. А какъ жалѣть, когда самъ человѣкъ себя не жалѣетъ?

— А какъ вы думаете, Тарасъ Семенычъ, бываютъ на свѣтѣ проклятые люди? Такъ, отъ рожденія...

Луковниковъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ этотъ моментъ вошла Устинька сказать, что чай готовъ. Она очень удивилась, когда увидала Галактіона, и раскланялась съ нимъ издали.

— Чай готовъ, папа.

— Что же, дѣло хорошее. Пойдемъ, Галактіонъ Михеичъ.

Галактіонъ тоже смутился. Онъ давно не видалъ Устиньки. Теперь это была совсѣмъ взрослая дѣвушка, цвѣ-

тущая и съ такимъ смѣлымъ лицомъ. Въ столовой нѣсколько времени тянулась самая неловкая пауза.

— Галактіонъ Михеичъ, я сегодня видѣла вашихъ дѣтей,—заговорила первой Устинька.—Дѣвочка такая милая и мальчикъ...

— Да?—спросилъ Галактіонъ, не понимая. — Ахъ, да, дѣти!...

Наступила опять пауза. Устинька упорно отмалчивалась и старалась не смотрѣть на гостя, а потомъ торопливо выпила свою чашку и вышла.

— Ты вотъ что, Галактіонъ Михеичъ,—заговорилъ Луковниковъ совсѣмъ другимъ тономъ, точно старался сгладить молодую суровость дочери.—Я знаю, что дѣла у тебя не совсѣмъ... Да и у кого они сейчасъ хороши? Всѣ на волоскѣ висимъ... Знаю, что Мышниковъ тебя давитъ. А ты вотъ какъ сдѣлай... да... Ступай къ нему прямо на домъ, объясни все на чистоту и... однимъ словомъ, онъ же тебѣ все и устроить.

— Мышниковъ?

— Да, Мышниковъ. Ужъ я-то его вотъ какъ хорошо знаю.

VI.

Когда Галактіонъ ушелъ, Устинька напала на отца съ необыкновеннымъ азартомъ.

— Папа, я рѣшительно не понимаю, какъ ты можешь принимать такихъ ужасныхъ людей, какъ этотъ Колобовъ. Онъ заколотилъ въ гробъ жену, бросилъ собственныхъ дѣтей, потомъ эта Харитина, которую онъ бьетъ...

Ужасный, ужасный человекъ!... У Стабровскихъ его теперь не принимаютъ... Это какой-то дикарь..

— И я его тоже не хвалю... да. А мнѣ его жалъ. Вѣдь, умница и характеръ—желѣзо. Только какъ-то вся жизнь у него вверхъ дномъ. Однимъ словомъ, несчастный человекъ.

— Онъ? Несчастный?

— Совсѣмъ несчастный! Чуть-чуть бы по другому судьба сложилась, и онъ бы другой былъ. Такіе люди не умѣютъ гнуться, а прямо ломаются. Тогда много грѣха на душу взялъ старикъ Михай Зотычъ, когда насильно женилъ его на Серафимѣ. Прежде то всегда такъ дѣлали, а по нынѣшнимъ временамъ говорятъ, что свои глаза есть. Михай-то Зотычъ думалъ лучше сдѣлать, чтобы Галактіонъ не сдѣлалъ такъ, какъ братъ Емельянъ, а оно вонъ что вышло.

— И Михай Зотычъ тоже дрянной. Вѣдь, это онъ мельницы свои сжегъ?

— Ну, это еще неизвѣстно, Устинька. Могли и сами сгорѣть. Мало ли что зря болтаютъ.

— Ты, папа, всегда и всѣхъ защищаешь, а такъ нельзя.

— Поживешь съ мое, такъ и сама будешь то же говорить. Мудрено, вѣдь, живого человека судить... Взять хоть твоего Стабровскаго: онъ ли не уменъ, онъ ли не хорошъ у себя дома — такого человека и не сыщешь, — а вышелъ на улицу — разбойникъ... Безъ ножа зарѣжетъ. Вотъ тутъ и суди.

Для такой философіи у Луковникова было достаточно

матеріала. Особенно въ послѣднее время пошатнулся народъ, и совсѣмъ не разберешь, гдѣ кончается хорошій человѣкъ и гдѣ начинается дурной. Да и, вообще, кругомъ дѣлалось Богъ знаетъ что. Не замѣтишь, какъ и самъ попадешь въ негодяи. Раздумывая о самомъ себѣ, Луковниковъ приходилъ именно къ такому заключенію. Его дѣла съ вальцевой мельницей затягивались въ какой-то проклятый узелъ. Всѣ операціи давно вышли изъ всякихъ предварительныхъ смѣтъ и намѣченныхъ бюджетовъ. Сама по себѣ мельница стояла около трехсотъ тысячъ, затѣмъ около семисотъ тысячъ требовалось ежегодно на покушку зерна, а самое скверное было то, что готовый товаръ приходилось реализовать въ разсрочку, что составляло еще около полумилліона рублей. Около дѣла, такимъ образомъ, сосредоточивался въ общей сложности капиталъ въ полтора милліона рублей. Такихъ денегъ налицо у Луковникова не было и добрую половину приходилось добывать въ кредитъ. Обороты этихъ трехъ капиталовъ, которые представляла собой мельница, зерно и готовый товаръ, шли съ неравномѣрною скоростью и трудно было подводить общій торговый балансъ. Иногда какихъ-нибудь двѣ недѣли стоили десятковъ тысячъ, потому что все хлѣбное дѣло постепенно перешло въ какую-то азартную игру. Рвалъ куши тотъ, кто умѣлъ поймать моментъ. Кромѣ того, въ верховьяхъ Ключевой выстроены были двѣ новыхъ вальцевыхъ мельницы, представлявшихъ очень опасную конкуренцію какъ при закупкѣ зерна, такъ и при сбытѣ крупчатки. На рынокъ выдвигались страшные капиталы, которые

безпощадно давили хлѣбную мелюзгу, какъ крупные хищники давятъ хлѣбныхъ мышей. Сплетались тысячи условій, которыя трудно было предугадать, и выдвигались съ каждымъ годомъ все новыя.

Особенно характеренъ былъ для хлѣбнаго дѣла прошлый годъ, когда въ полосѣ Зауралья, прилегавшей къ горамъ, случился недородъ, благодаря дождливому лѣту. Произошла крупная игра на хлѣбъ степной полосы. Скупались милліонныя партіи, и мелкотравчатые мельники, какъ старикъ Колобовъ, остались совсѣмъ безъ зерна. Нечего было молотъ. Шла именно игра, спекуляція, съ милліоннымъ рискомъ, а не обыкновенное промышленное дѣло. Тутъ выяснился въ первый разъ роковой вопросъ, что золотое дно, какимъ до сихъ поръ считалось Зауралье, не можетъ обезпечивать равномерно хлѣбомъ работу всѣхъ мельницъ. До сихъ поръ рынокъ пополнялся изъ старыхъ крестьянскихъ запасовъ, а сейчасъ ихъ уже не было и приходилось жить однимъ годомъ. Производитель зерна жилъ отъ одной осени до другой и весь находился въ полной зависимости отъ одного урожая. Этого раньше не было.

Окончательно достукала зауральскаго мужика только что открытая уральская желѣзная дорога. Это открытіе совпало съ неурожаемъ въ Поволжьѣ, и зауральскій хлѣбъ полился широкою волной въ далекую Россію. Отъ этой операціи нажились, главнымъ образомъ, верховые мельники, стоявшіе въ самомъ горлѣ, т.-е. у желѣзной дороги. Они сбыли милліонныя партіи и нажили цѣлыя состоянія. Мельница Луковникова тоже работала отлично,

хотя и въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, проигрывая на лѣтней перевозкѣ гужомъ, — верховые мельники подвезли зерно по дешевой зимней дорогѣ. Особенно одинъ случай остался въ памяти Луковникова, какъ зловѣщій признакъ. Онъ еще съ осени законтрактовалъ партію въ тридцать тысячъ мѣшковъ дешеваго сибирскаго хлѣба, которую Галактіонъ обязался доставить на своихъ пароходахъ въ Тюмень. Весна вышла неопредѣленная и по оффиціальнымъ бюллетенямъ объ урожаѣ трудно было судить, что еще будетъ. Въ общемъ ожидался средній урожай и цѣны на муку не поднимались. Луковниковъ задержалъ партію на всякій случай, выжидая цѣну. Наступилъ іюнь, а цѣны не поднимались. Тогда Луковниковъ послалъ въ Рыбинскъ своего довѣреннаго и продалъ всю партію чуть не за свою цѣну. Но не прошло двухъ недѣль, какъ цѣна сразу поднялась на два рубля съ мѣшка, — другими словами, подожди онъ двѣ недѣли, и это дало бы шестьдесятъ тысячъ чистаго барыша. Однимъ словомъ, шла самая отчаянная игра, и крупные мельники рѣзались не на животъ, а на смерть. Двѣ-три неудачныхъ операціи разоряли въ лоскъ и милліонныя состоянія лопались, какъ мыльные пузыри. А тутъ еще помогалъ банкъ, закрывая кредитъ пошатнувшимся фирмамъ и увеличивая ссуды тѣмъ, которыя и безъ этой помощи шли въ гору.

Естественнымъ результатомъ такого обострившагося порядка вещей было то, что по Ключевой началось сплошное разореніе средней величины мельниковъ, какъ старикъ Колобовъ. Это были жертвы даже не конкуренціи,

а биржевой игры на хлѣбъ. У нихъ былъ отнять и зерновой рынокъ, и кредитъ, и запертъ семью печатями оптовый сбытъ. Кое-кто еще держался, торгуя по мелочамъ, но въ общемъ дѣло было конченное. Вопросъ теперь заключался въ томъ, что будетъ съ полсотней крупчаточныхъ мельницъ, построенныхъ на Ключевой. Первую мельницу-крупчатку поставилъ старикъ Колобовъ и онъ же показалъ выходъ, когда застраховалъ двѣ новыхъ мельницы и сжегъ ихъ. Это точно послужило сигналомъ. Мельничные пожары начали изъ года въ годъ повторяться съ математическою точностью, такъ что знатоки дѣла впередъ предсказывали, чьи теперь мельницы должны были горѣть. И обреченныя мельницы въ указанный срокъ загорались.

Разъѣзжая по своимъ дѣламъ на Ключевой, Луковниковъ по пути завернулъ въ Прорывъ къ Михею Зотычу. Но старика не было, а на мельницѣ оставались только сыновья, Емельянъ и Симонъ. По первому взгляду на мельницу Луковниковъ опредѣлилъ, что дѣла идутъ плохо, и мельница быстро принимала тотъ захудалый видъ, который говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ о внутреннемъ разрушеніи.

— Ну, какъ вы тутъ поживаете, Емельянъ Михеичъ? — спрашивалъ гость.

— А ничего... Помаленьку.

— Чего тутъ помаленьку! — вступился неутерпѣвшій Симонъ. — Совсѣмъ конецъ приходитъ, Тарась Семеничъ... Тятенька-то забралъ всѣ деньги за сгорѣвшія

мельницы и ушелъ съ ними въ скиты, а мы вотъ тутъ и выворачивайся, какъ знаешь.

— Слышалъ, слышалъ, — уклончиво отвѣтилъ Луковниковъ. — Что же, надо терпѣть, пока молоды. Подъ старость будетъ зато легче.

— А я уйду, какъ сдѣлалъ Галактіонъ... Вотъ и весь разговоръ. Наймусь куда-нибудь въ прикащики, Тарасъ Семенычъ, а то буду арендовать самую простую раструсочную мельницу, какъ у нашего Ермилыча. У него всегда работа... Свое зерно мужички привезутъ, смеютъ, а ты только получаешь денежки. Барыши не велики, а зато и убытковъ нѣтъ. Самое вѣрное дѣло...

— Правильно, Симонъ Михеичъ. Это точно... да. Вотъ и нашимъ вальцевымъ мельницамъ туго приходится... А Ермилыча я знаю. Ничего, оборотистый мужичонко и не любить, гдѣ плохо лежитъ. Только, все равно, онъ добромъ не кончитъ.

— Всѣ мы плохо кончимъ... На людяхъ и смерть красна.

Луковникову нравился этотъ молодой задоръ Симона. Вотъ такъ же Устинька любитъ спорить... Да, малому трудненько было жить на разоренной мельницѣ ни у чего. И жаль, и помочь нечѣмъ.

— И Галактіону не сладко приходится, — сказалъ Луковниковъ, чтобъ утѣшить чѣмъ-нибудь Симона. — Даже и совсѣмъ не сладко.

— Все-таки Галактіонъ у своего дѣла, Тарасъ Семенычъ. Самъ большой, самъ маленькій... А мы съ Емельяномъ, какъ говорится, ни къ шубѣ рукавъ.

— А тятеньку-то забылъ? Онъ теперь за всѣхъ въ скитахъ своихъ вотъ какъ молится... Не ропщи, молодецъ.

Проѣзжая мимо Суслона, Луковниковъ завернулъ къ старому благопріятелю, попу Макару. Уже въ большихъ годахъ былъ попъ Макарь, а все оставался такой же. Такой же худенькій и хоть бы одинъ сѣдой волосъ. Только съ каждымъ годомъ старикъ дѣлался все ниже, точно его гнула рука времени. Попъ Макарь ужасно обрадовался дорогому городскому гостю и подъ руку повелъ его въ горницы.

— Вотъ ужъ угодилъ, можно сказать... — бормоталъ онъ. — Рѣдкій гость, во-первыхъ, а во-вторыхъ...

Поповскій языкъ точно замерзъ. Попъ Макарь придерживалъ гостя и шепотомъ сообщилъ:

— А, вѣдь, тамъ у меня того... значить, въ горницѣ-то, нечестивый Ахавъ сидитъ.

— Какой Ахавъ?

— А Полуяновъ? Вмѣстѣ съ мельникомъ Ермилычемъ пріѣхалъ, потребовалъ сейчасъ водки и хвалится, что засудитъ меня, т.-е. за мое показаніе тогда на судѣ. Миѣ, говоритъ, нечего терять... Попадья со страховъ убѣжала въ сусѣды, а я вотъ сижу съ ними, да слушаю. Конечно, во-первыхъ, я нисколько его не боюсь, нечестиваго Ахава, а, во-вторыхъ, все-таки страшно...

«Нечестивый Ахавъ», дѣйствительно, сидѣлъ въ поповской горницѣ, весь красный отъ выпитой водки. Дорожная котомка и палка лежали рядомъ на стулѣ. Полуяновъ не разставался съ своимъ ссыльнымъ рубищемъ,

щеголая своимъ убожествомъ. Ермилычъ тоже пилъ водку и тоже красѣлъ. Неожиданное появленіе Луковникова немного всполошило гостей, а Ермилычъ сдѣлалъ движеніе спрятать бутылку съ водкой.

— Не тронь...—остановилъ Полуяновъ.—Сіе посохъ странническій.

По Зауралю Луковниковъ слылъ за миллионера, а затѣмъ онъ былъ уже четвертое трехлѣтіе городскимъ головой. Вообще, именитый человѣкъ, и Ермилычъ трепеталъ.

— Здравствуйте, господа,—просто поздоровался Луковниковъ.—Какъ это ты сюда попалъ, Илья Өирсычъ?

— Я-то? А даже очень просто... Пѣшкомъ пришелъ сказать вотъ попу Макару и Ермилычу, что скручу ихъ въ бараній рогъ... да. Я не люблю изподтишка, а прямо дѣйствую.

— Не прежнія времена, Илья Өирсычъ, чтобы рогато показывать,—отвѣтилъ попъ Макаръ, на всякій случай отступая къ стѣнкѣ.—Во-первыхъ...

— Что-о? — зарычалъ Полуяновъ.—Да я... я... я вотъ сейчасъ выпью рюмку водки... а. Всѣхъ предупреждаю... Я среди васъ какъ убогій Лазарь, хуже,—у того хоть свое собственное гноище было, а у меня и этого нѣтъ.

— Богатство тоже къ рукамъ, Илья Өирсычъ,—замѣтилъ Луковниковъ, подсаживаясь къ столу.—И голова къ мѣсту, и деньги къ рукамъ... Да и считать въ чужихъ карманахъ легче, чѣмъ въ своемъ.

— Х-ха! — замялся Полуяновъ.—А вотъ я въ свое

время отлично зналъ, какія у кого и въ какихъ карманахъ деньги были. Зналъ-съ... И всѣ меня трепетали. Страхъ, трепеть и землетрясенье...

— Да будетъ тебѣ... — останавливалъ его Ермилычъ.

— Что-о?

— Въ самомъ дѣлѣ, довольно, — заговорилъ Луковниковъ. — Въ самомъ дѣлѣ, никому не страшно. Да какъ-то оно и нехорошо: вонъ и борода сѣдая, а говоришь разныя пустыя слова. Прошлаго не воротишь.

— Нѣтъ, постойте... Вотъ ты, попъ Макарь, предалъ меня, и ты, Ермилычъ, и ты, Тарасъ Семенычъ, тоже... да. И я свою чашу испилъ до самаго дна и понялъ, что есть такое суета суеть, а вы этого не понимаете. Взгляните на мое рубище и поймете: оно молча вопіетъ... И у васъ будетъ своя чаша... да. Можетъ быть, похуже моей... Я-то ужъ смирился, перегорѣлъ душой, а вы еще преисполнены гордыни... И перваго я попа Макара низведу въ полное ничтожество. Слышишь, попъ?

— Охъ, слышу!... Пилъ бы ужъ ты лучше свою водку, Илья Өирсычъ, да прилежь отдохнуть.

— Не понравилось? Х-ха!... Не любите? Х-ха!... Не согласны? Х-ха!...

Запасъ энергіи Полуянова вдругъ исчезъ, онъ уже машинально выпилъ залпомъ двѣ рюмки и заснулъ тутъ же на диванѣ.

VII.

Изъ своей «поѣздки по уѣзду» Полуяновъ вернулся въ Заполье самымъ эффектнымъ образомъ. Онъ подкатилъ

къ малыгинскому дому въ щегольскомъ дорожномъ экипажѣ Ечкина, на самой лихой почтовой тройкѣ. Ечкинъ отнесся къ бывшему исправнику рѣшительно лучше всѣхъ и держалъ себя такъ, точно везъ прежняго Полуянова.

— Вотъ не ожидалъ... да... — откровенно удивлялся Полуяновъ. — Прежніе-то дружки смотрѣть не хотятъ, два пальца подають, а то и прямо отвертываются... да. Только въ несчастіи узнаешь людей.

— И всѣ по-своему правы, Илья Оирсычъ, — объяснялъ Ечкинъ. — Вѣдь, всѣ люди, если разобрать, одинаковы, потому что всѣ — мерзавцы.

— Именно!

— Поэтому истинный философъ никогда не огорчается... Вотъ посмотрите на меня: чего я ни перенесъ? Какихъ гадостей про меня ни говорили? А я все терплю и переношу.

— Именно!... И я тоже много испыталъ, Борисъ Яковличъ... Царствовалъ, можно сказать, а сейчасъ яко Іовъ многострадальный... Претерпѣлъ, можно сказать, до конца. И не ропщу... Только вотъ проклятаго попа извести и конецъ всему дѣлу.

Харитонъ Артемьичъ, ждавшій возвращенія Полуянова съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, такъ и ахнулъ, когда увидѣлъ, какъ онъ пріѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Ечкинымъ. Что же это такое? Обѣщалъ засудить Ечкина, а самъ съ нимъ по уѣзду катается...

— Ты это что, Илья Оирсычъ, никакъ совсѣмъ сбѣсился? — накинулся старикъ на Полуянова. — Обѣщалъ судиться съ Ечкинымъ, а самъ...

— Погоди, старче, гусей по осени считают.

— Да ты мнѣ не заговаривай зубовъ! Мнѣ, вѣдь, на свои глаза свидѣтелей не надо... Ежели ты въ другихъ зятѣевъ пойдешь, такъ, вѣдь, я и на тебя управу найду. Я, братъ, теперь все равно какъ медвѣдь, котораго изъ берлоги подняли.

— А ты не сказывай никому... Сказанное слово серебряное, а несказанное — золотое. Такъ я говорю? А потомъ, какъ ты полагаешь, ежели, напримѣръ, этотъ самый Ечкинъ мнѣ мѣсто предлагаетъ? Да-съ.

— Мѣсто? О-хо-хо!... На подсудимую скамью вмѣсто себя, али въ острогъ? О немъ давно острогъ-то плачетъ.

— Да ты слушай: настоящее мѣсто. Онъ будетъ въ Запольѣ желѣзную дорогу строить, а я смотрителемъ.

— Другъ на дружку будете смотрѣть да любоваться? Охъ, прокураты!

— Ну, ладно... Смѣется послѣдній, какъ говорятъ французы. Понимаешь, вѣдь, это настоящій постъ: смотритель запольской желѣзной дороги. Чуть-чуть поменьше министра... Ты вотъ поѣдешь по желѣзной дорогѣ, а я тебя за шиворотъ: стой! куда?

— Охъ, уморилъ!... Охъ, смертынька!... Вамъ надо съ Ечкинымъ тѣатръ открывать, да представленіе представлять. Охъ, животики надорвали!

Полуяновъ даже обидѣлся. Ечкинъ, дѣйствительно, предложилъ ему мѣсто на будущей желѣзной дорогѣ, и онъ съ удовольствіемъ согласился послужить. Что же, онъ еще въ силахъ и можетъ быть полезнымъ, особенно, гдѣ требуется порядокъ. Его, братъ, не проведутъ... Х ха!

Полуянова провести, — нѣтъ, еще такой шельмы не родилось на бѣлый свѣтъ. Съ другой стороны, Полуяновъ и не нуждался даже въ этомъ мѣстѣ, а принималъ его просто по дружбѣ. У него и другихъ мѣстъ достаточно. Сдѣлайте милость, дѣла всякаго сколько угодно. Во-первыхъ, Замараевъ предлагаетъ въ своей кассѣ мѣсто бухгалтера, потомъ Харченко предлагаетъ въ газетѣ работать.

Харченко, дѣйствительно, имѣлъ виды на Полуянова, — онъ теперь на всѣхъ людей смотрѣлъ съ точки зрѣнія завязатаго газетчика. Міръ дѣлился на двѣ половины: людей, нужныхъ для газеты, и — людей бесполезныхъ.

— Голубчикъ, вѣдь, вы для насъ настоящій кладъ, — увѣрялъ онъ Полуянова. — Вѣдь, никто не знаетъ такъ края, какъ вы.

— Да, немножко знаю... Съ завязанными глазами пройду пять уѣздовъ.

— И по исторіи у васъ много есть интересныхъ фактовъ.

— Чего лучше: самъ исторія съ географіей.

Выборъ между этими предложеніями было сдѣлать довольно трудно, а тутъ еще тяжба Харитона Артемьича да свои собственные дѣла съ попомъ Макаромъ и женой. Полуяновъ досталъ у Замараева «законы» и теперь усердно зубрилъ разныя статьи. Харитонъ Артемьичъ ходилъ за нимъ по пятамъ и съ напряженіемъ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Старика охватила сутяжническая горячка, и онъ на-яву бредилъ будущими подвигами.

— Мнѣ бы только начать, — мечталъ онъ, — а тамъ ужъ я и самъ какъ нибудь изловчился бы.

— Ну, это, братъ, дудки! — огорошивалъ Полуяновъ. — Какіе тебѣ законы, когда ты фамилію свою съ грѣхомъ подписываешь?

— А я словесно.

— Нѣтъ, твоей словесности не требуется, а надо все по формѣ.

— Охъ, ужъ эта миѣ форма!... Зарѣзъ. Всѣ по формѣ меня надували, а зятя лучше всѣхъ... Гдѣ же правда-то? Вѣдь, есть же она, матушка? Меня грабятъ по формѣ, а я долженъ молчать... Нѣтъ, шалишь!

Полуяновъ могъ только улыбаться, слушая этотъ бредъ, подводимый имъ подъ рубрику «покушеній съ негодными средствами». Онъ, вообще, усвоилъ себѣ постепенно покровительственный тонъ, разговаривая съ Харитономъ Артемьичемъ, какъ говорятъ съ капризничаящими дѣтьми. Чтобъ утѣшить старика, Полуяновъ при самой торжественной обстановкѣ составлялъ проекты будущихъ прошеній, жалобъ и разныхъ докладныхъ записокъ.

— Ты у меня какъ волчій зубъ, — льстилъ Харитонъ Артемьичъ, благоговѣя передъ искусствомъ зятя, — да... Охъ, ежели бы да меня учить, — сколько во миѣ этой самой злости!... Прямо, бери и сади на цѣпь.

— Тутъ злостью ничего не возьмешь. Пусти тебя въ судъ, ты первымъ бы дѣломъ всѣхъ обругалъ.

— Охъ, обругалъ бы!... А тамъ хоть расколи на части... Только бы сердце сорвать.

— Вотъ то-то и есть. Какой же ты адвокатъ? Тебѣ оглоблю надо дать въ руки, а не законъ.

Никогда еще у Полуянова не было столько работы,

какъ теперь. Даже въ самое горячее время исправничества онъ не былъ такъ занятъ. И главное—вездѣ нуженъ. Хоть на части разрывайся. Это сознаніе собственной нужности приводило Полуянова въ горделивое настроеніе и онъ въ откровенную минуту говорилъ Харитону Артемьичу:

— Безъ меня, братъ, какъ безъ поганого ведра, тоже не обойдешься... И тутъ нуженъ, и тамъ нуженъ, и здѣсь нуженъ. Вотъ тебѣ и лишенный особенныхъ правъ и преимуществъ... Х-ха!... Вотъ только не знаю, куда окончательно пристроиться.

— А ты не разбѣгайся, — совѣтовалъ Харитонъ Артемьичъ.—Ломи въ одну точку, и шабашъ. Значить, накаливай по одному мѣсту.

— Не беспокойся, охулки на руку не положимъ.

— То-то... Первое дѣло, будемъ добывать проклятаго писаря, а тамъ закорчимъ и другихъ.

Полуяновъ долго не рѣшался сдѣлать окончательный выборъ дѣятельности, пока дѣло не рѣшилось само собой. Разъ онъ дѣлалъ моціонъ передъ обѣдомъ, — онъ пріобрѣталъ благородныя привычки, — и увидѣлъ новую вывѣску на новомъ домѣ: «Главное управленіе Запольской желѣзной дороги». Полуяновъ остановился, протеръ глаза, еще разъ перечиталъ вывѣску и сказалъ всего одно слово:

— Эге!

На другой день онъ, одѣтый съ иголки во все новое, уже сидѣлъ въ особой комнатѣ новаго управленія за громаднымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъgrossбу-

хами. Ему нравилась и солидность обстановки, и какая-то особенная дѣловая таинственность, а больше всего самъ Ечкинъ, всегда веселый, вѣчно занятый, энергичный и неутомимый. Одна квартира чего стоила, министерская обстановка, служащіе, и все явилось, какъ въ сказкѣ, по щучьему велѣнью. Въ первый моментъ Полуяновъ даже смутился, отозвалъ Ечкина въ сторону и проговорилъ:

— А я думаю, Борисъ Яковличъ, очки себѣ купить... дымчатые, въ золотой оправѣ... да.

— Развѣ у васъ глаза слабы?

— Нѣтъ... Но въ очкахъ какъ-то солиднѣе. Стабровскій носить очки, Мышниковъ, — однимъ словомъ, всѣ серьезные люди.

— Отчего, можно и очки, — милостиво согласился Ечкинъ, думавшій совсѣмъ о другомъ. — Да, конечно, очки...

— Купцы, и тѣ нынче въ очкахъ ходятъ. Вонъ Еврафъ Огибенинъ... да.

На слѣдующій день Полуяновъ явился въ золотыхъ очкахъ и даже подстригъ бороду à la графъ Шамборъ. Нельзя, дѣло было слишкомъ серьезное и каждая мелочь имѣла свое значеніе.

Всѣ, знавшіе Ечкина, смѣялись въ глаза и за глаза надъ его новою затѣей, и для всѣхъ оставалось загадкой, откуда онъ могъ брать денегъ на свою контору. Кромѣ долговъ, у него ничего не было, а изъ векселей можно было составить приличную библіотеку. Вообще, Ечкинъ представлялъ собой какой-то непостижимый фо-

кусъ. Его новая контора служила нѣсколько дней темой для самыхъ веселыхъ разговоровъ въ правленіи запольскаго банка, гдѣ собирались Стабровскій, Мышниковъ, Штоффъ и Драке.

— Это какое-то безуміе, — говорилъ Мышниковъ. — Я на мѣстѣ Ечкина давно бы повѣсился, а онъ желѣзную дорогу строить придумалъ.

— Будетъ стеариновыя свѣчи возить съ закрытаго завода, — вышучивалъ Штоффъ. — Даже можно такъ и назвать: стеариновая дорога...

— Что-нибудь тутъ кроется, господа, — увѣрялъ Стабровскій. — Я давно знаю Бориса Яковлича. Это то, что называютъ геніемъ безъ портфеля. Ему недостаетъ только денегъ, чтобы быть вполнѣ порядочнымъ человекомъ. Я часто завидую его уму... Вѣдь, это удивительная голова, въ которой фейерверкомъ сыплются самыя удивительныя комбинаціи. Вѣдь, нужно было придумать дорогу...

— Да, геній... — соглашался Мышниковъ. — Совсѣмъ новаго типа геній: вексельный. Ему все равно — терять нечего... Недостаетъ только, чтобъ онъ объявилъ какую-нибудь войну.

— Какую войну? — не понималъ, по обыкновенію, Драке.

— Мало ли какую... Была же какая-то война за испанское наслѣдство. Вотъ бы Ечкину примазаться въ самый разъ.

Вообще, банковскіе воротилы имѣли достаточно времени для подобныхъ разговоровъ. Дѣла банка шли от-

лично и банковскія акціи уже поднялись въ цѣнѣ въ два съ половиной раза.

Пока банковскіе заправиы шутили, Ечкинъ неугомонно хлопоталъ. Онъ то пропадалъ изъ Заполя, то снова появлялся, точно метеоръ. И только одинъ Полуяновъ, сохранившій чутье стараго сыщика, понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло. Ечкинъ, потихоньку отъ всѣхъ, «разрабатывалъ» неприступнаго милліонера Нагибина. Какими путями онъ пробрался къ нему, чѣмъ заслужилъ довѣріе этого никому не вѣрившаго скряги, — оставалось неизвѣстно. Но Полуяновъ отлично зналъ, что по вечерамъ, когда стемнѣетъ, Ечкинъ ѣздитъ къ Нагибину, жившему на краю города, и проводилъ тамъ по нѣсколькимъ часамъ. Конечно, даромъ Ечкинъ не сталъ бы терять свое золотое время. Онъ, впрочемъ, не одинъ разъ возвращался въ изнеможенномъ отчаяніи, бралъ Полуянова за пуговицу его сюртука и говорилъ:

— Вѣдь, я—святой человѣкъ, Илья Оирсычъ, святой по терпѣнію... Господи, чего только я ни терплю? Нѣтъ, кажется, такой глупости, которую не приходилось бы продѣлывать. И, ей-Богу, не для себя хлопочу, а для другихъ...

— Глупый народъ, Борисъ Яковличъ... Ничего не понимаютъ. Я тоже натерпѣлся вполне достаточно...

— Да, да... Напримѣръ, деньги — что такое деньги, когда онѣ лежатъ безъ всякой пользы? Это все равно — если хорошенькую женщину завязать въ мѣшокъ... да. Хуже: это — развратъ.

— Совершенный развратъ, Борисъ Яковличъ.

— Нужно быть сумасшедшимъ, чтобы не понимать такой простой вещи. Деньги—то же, что солнечный свѣтъ, воздухъ, вода, первые подѣлуи влюбленныхъ,—въ нихъ скрыта животворящая сила и никто не имѣетъ права скрывать эту силу. Деньги должны работать, какъ всякая сила, и давать жизнь, проливать эту жизнь, испускать ее лучами.

— Я то же самое всегда думалъ, Борисъ Яковличъ.

Таинственные визиты Ечкина къ Нагибину закончились совершенно неожиданно. Даже выдавшій всякіе виды на своемъ вѣку Полуяновъ ахнулъ, когда Ечкинъ однажды утромъ заявилъ ему:

— Илья Өирсычъ, вы мнѣ сегодня нужны. Вѣдь, вы умѣете быть шаферомъ?

— Случалось. Только я-то сейчасъ не гожусь. Шаферемъ бываютъ молодые, неженатые люди, а я... гм...

— Э, пустяки!... Тамъ гдѣ-то нужно что-то такое расписаться,—однимъ словомъ, глупая формальность.

— Свидѣтелемъ могу быть.

— Дѣло въ слѣдующемъ... да. Вѣдь, вы знаете, что у этого милліонера Нагибина есть дѣвица дочь. Ей уже за тридцать... да. А, вѣдь, женщина тоже капиталъ, который необходимо реализовать. Хорошо. Вы помните, что есть молодой человѣкъ Колобовъ, Симонъ? Онъ сидитъ на отцовской мельницѣ совсѣмъ безъ дѣла и ловить мухъ. Я и поѣхалъ къ нему на мельницу и все объяснилъ. Если онъ женится на Нагибиной, у него будетъ все. Понимаете?... Ну, конечно, молодой человѣкъ и сначала ничего не понималъ... Мнѣ же пришлось ему объ-

яснять, что ранняя молодость и женская красота въ семейной жизни еще не составляютъ счастья, а нужно искать душу... Понимаете?... Ломался-ломался, а я все-таки его привезъ и прямо къ Нагибинымъ. Пришлось быть сватомъ. Безъ меня у нихъ ничего бы не вышло. Такъ вотъ будетъ свадьба, такая—безъ шума и вы будете свидѣтелемъ.

Полуяновъ смотрѣлъ на Ечкина съ раскрытымъ ртомъ, потомъ схватилъ его за руку и восторженно проговорилъ:

— Борисъ Яковличъ... Вѣдь, это что же такое, а?... Это... это... Вамъ бы по настоящему сибирскимъ исправникомъ быть!

VIII.

Мы уже сказали выше, что за время отсутствія Полуянова въ Запольѣ было открыто земство. Въ сосѣднихъ губерніяхъ земскія учрежденія дѣйствовали уже давно и успѣли пережить первую горячую пору увлеченій, такъ что запольскіе земцы уже не увлекались ничѣмъ. Да и контингентъ гласныхъ былъ почти тотъ же, что и въ думѣ, съ прибавкой нѣсколькихъ мужиковъ, писарей и деревенскихъ поповъ, какъ о. Макаръ изъ Суслона. Въ Запольскомъ уѣздѣ не было ни одного помѣщика, поэтому земство получило отчасти купеческій характеръ. Изъ новыхъ людей выдались сразу Замараевъ, двоюродный братъ Прасковьи Ивановны Голяшкинъ, повторявшій, какъ эхо, чужія слова, Евграфъ Огибенинъ и уже извѣстные дѣльцы, какъ Мышниковъ, Штоффъ и ком-

панія. Къ числу новыхъ людей можно было отнести Стабровскаго. Его даже выбаллотировали въ предсѣдатели земской управы, но онъ великодушно отказался въ пользу кандидата, которымъ былъ Огибенинъ. И здѣсь, какъ въ думѣ, подавлялъ всѣхъ Мышниковъ, но его вліяніе въ земскихъ дѣлахъ уже не имѣло той силы, какъ въ купеческой думѣ. Въ земствѣ составилъ совершенно самостоятельный кружокъ гласныхъ, не зависѣвшихъ отъ запольскаго банка, и Мышниковъ получалъ отпоръ при каждой попыткѣ проявить свой деспотизмъ. Онъ свои неудачи теперь вымѣщалъ на Огибенинѣ, котораго преслѣдовалъ по пятамъ. Въ земскихъ дѣлахъ особенную силу получила гласность. Харченко попалъ въ число гласныхъ и работалъ по земскимъ вопросамъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Его прочили уже въ члены управы. Недостатокъ людей чувствовался въ земствѣ еще больше, чѣмъ въ думѣ, и работала небольшая кучка. Вообще, дѣятельность земства проявила себя съ очень хорошей стороны, а главное—дѣло шло совершенно независимо отъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Дѣятельность этого новаго земства, главнымъ образомъ, выразилась въ развитіи народнаго образованія. Въ уѣздѣ школы открывались десятками, а въ большихъ селахъ, какъ Суслонѣ, были открыты по двѣ школы. Пропагандировалъ школьное дѣло Харченко и ему даже предлагали быть инспекторомъ этихъ школъ, но онъ отказался. Газета, типографія и библіотека отнимали почти все время, а новыхъ помощниковъ было мало, да и тѣ были преимущественно женщины, какъ Устинька.

— Было бы дѣло, а люди будутъ,—увѣренно повторялъ Харченко.

По земскимъ дѣламъ Харченко особенно близко сошелся со старикомъ Стабровскимъ. Этому сближенію много способствовала Устинька. Она знала, что Стабровскій увлекается земствомъ и въ качествѣ вліятельнаго чело-вѣка можетъ быть очень полезенъ. Вышла довольно комичная сцена перваго знакомства.

— Мы съ вами враги по части банковскихъ и вино-куренныхъ дѣлъ, — откровенно объяснилъ Стабровскій,—но думаю, что будемъ друзьями въ земствѣ.

— Это будетъ видно.

— Я почти увѣренъ... Здѣсь наши интересы вполне совпадаютъ.

Стабровскій никогда и ничего не дѣлалъ даромъ, и Устинька понимала, что, сближаясь съ Харченкой, онъ, съ одной стороны, проявлялъ свою полную независимость по отношенію къ Мышникову, съ другой—удовлетворялъ собственному тяготѣнію къ общественной дѣятельности, и съ третьей — организовалъ для своей Диди общество содержательныхъ людей. Въ логикѣ Стабровскаго все, въ концѣ-концовъ, сводилось къ этой Дидѣ, которая была уже взрослою барышней.

— Сморчокъ какой-то,—резюмировала Дидя свое впечатлѣніе, познакомившись съ Харченкой.—Я удивляюсь пристрастію папы къ разнымъ монстрамъ.

Устинька бывала у Стабровскихъ довольно часто, хотя и съ перерывами. Но стоило ей не быть съ недѣлю, какъ старикъ встрѣчалъ ее ворчаньемъ и выговорами. Онъ во-

обще замѣтно старился, дѣлался требовательнѣе и брюзжалъ, какъ настоящій старикъ. Устиньку забавляло, какъ онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и требовалъ самаго подробнаго отчета въ поведеніи, точно отецъ. Съ другой стороны, это упорное вниманіе трогало и подкупало ее. Она такъ любила Стабровскаго, когда онъ былъ у себя дома. Въ немъ было столько какой-то неудовлетворенной жажды дѣятельности, особенной теплоты и еще болѣе особенной польской культурности. Никто такъ не умѣлъ взвѣснить и оцѣнить во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ всякое новое явленіе, какъ Стабровскій. Въ земской дѣятельности онъ хотѣлъ точно искупить самого себя и отдавался ей съ жаромъ молодого человѣка. ✓

— Ахъ, какъ я завидую вамъ, молодымъ людямъ! — повторялъ онъ съ какою-то тоской. — Вѣдь, передъ вами цѣлая жизнь впереди. Жаль подумать, въ какое время намъ пришлось прожить свою молодость. Я тебѣ какъ-нибудь расскажу, Устинька. Да, тяжелое было время. Когда говорятъ о недостаткахъ и недочетахъ настоящаго, я всегда вспоминаю это далекое прошлое, безправное, несправедливое и темное. Вѣдь, теперь каждая земская школа является уже свѣтлымъ лучомъ, знаменіемъ времени, залогомъ будущаго... Впереди — грамотная Россія, свободный трудъ, нарастающая культура!

Насколько самъ Стабровскій всѣмъ интересовался и всѣмъ увлекался, настолько Дидя оставалась безучастной и равнодушной ко всему. Отецъ утѣшалъ себя тѣмъ, что все это результатъ ея болѣзненнаго состоянія, и не хотѣлъ и не могъ видѣть дѣйствительности. Дидя была

представителемъ вырождавшейся семьи и не понимала отца. Она могла по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не дѣлать и ея интересы не выходили за черту собственнаго дома.

Когда приходила Устинька, Стабровскій непременно заводилъ рѣчь о земствѣ, о школахъ и разныхъ общественныхъ дѣлахъ, и Устинька понимала, что онъ старается втянуть Дидю въ кругъ этихъ интересовъ. Дидя слушала изъ вѣжливости нѣкоторое время, а потомъ старалась улизнуть изъ комнаты подъ первымъ предлогомъ. Старикъ провожалъ ее печальными глазами и грустно качалъ головой.

Разъ среди самаго серьезнаго разговора Устинька неожиданно спросила старика:

— Скажите, Болеславъ Брониславичъ, вы очень не любите Галактіона Михеича?

— Да, не люблю.

— Не будетъ съ моей стороны нескромнымъ вопросомъ, если спрошу: за что?

— Причинъ достаточно, а главная —та, что изъ него вышло совсѣмъ не то, что я предполагалъ. Впрочемъ, это часто случается, что мы въ людяхъ не любимъ именно собственные ошибки. А почему тебя это интересуетъ?

— Да такъ... Онъ нынче бываетъ у отца, и я возмущалась, что отецъ его принимаетъ.

— Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло! Мы, старики, въ силу вещей, относимся къ людямъ снисходительнѣе, хотя и ворчимъ. Молодость нетерпима, а за старостью стоитъ громадный опытъ, который говоритъ, что на землѣ со-

вершенства нѣтъ и что все относительно. У стариковъ, если хочешь, своя логика.

Устинька не безъ ловкости перевела разговоръ на другую тему, потому что Стабровскому, видимо, было непріятно говорить о Галактіонѣ. Ему показалось въ свою очередь, что дѣвушка чего то не договариваетъ. Это еще былъ первый случай недомолвки. Стабровскій продумалъ всю сцену и пришелъ къ заключенію, что Устинька пришла спеціально для этого вопроса. Что же, это ея дѣло. Когда дѣвушка уходила, Стабровскій съ особенною нѣжностью простился съ ней и два раза поцѣловалъ ее въ голову.

— Умница ты моя... — повторялъ онъ взволнованно.

Разъ, когда Устинька была одна, неожиданно заявился Галактіонъ. Она встрѣтила его довольно сурово, но онъ, кажется, совсѣмъ былъ нерасположенъ что-нибудь замѣчать.

— Папы нѣтъ дома.

— Нѣтъ? А я его подожду.

— Какъ хотите.

Онъ говорилъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ прислугой. Устинька обидѣлась и вышла изъ комнаты. Пусть сидитъ одинъ, невѣжа! Галактіонъ, дѣйствительно, сидѣлъ у стола и ничего не хотѣлъ замѣчать. Устинька два раза посмотрѣла на него въ щель двери и совсѣмъ разсердилась. Въ самомъ дѣлѣ, это нахальство — явиться въ домъ, сѣсть и не обращать ни на кого вниманія. Устинька волновалась. Ея раздраженіе достигло высшей степени, когда она услышала, что Галактіонъ сидитъ и

смѣется. Нѣтъ, это ужь слишкомъ... Она вышла къ Галактіону и увидѣла, что онъ сидитъ съ послѣднимъ номеромъ *Запольскаго Курьера* и хохочетъ.

— Можетъ быть, вамъ что-нибудь нужно передать папѣ?

— Ахъ, это вы, барышня! — удивился Галактіонъ, продолжая смѣяться.

— Чему вы смѣетесь?

— Да очень ужь смѣшно въ газетѣ пишутъ.

— Ничего смѣшного нѣтъ.

— Да вы не читали... Вотъ посмотрите, цѣлая статья: *Наши партіи*. Начинается такъ: «Въ нашемъ Запольѣ городское общество дѣлится на двѣ партіи: старонавозная и новонавозная». Вѣдь, это смѣшно? Пишетъ докторъ Кочетовъ, потому что дума не согласилась съ его докладомъ о необходимыхъ санитарныхъ мѣрахъ. Очень смѣшныя слова докторъ придумалъ.

— А по-моему такъ это просто неприличныя слова... Вѣроятно, и докторъ придумалъ ихъ въ ненормальномъ состояніи.

— Ничего вы не понимаете, барышня, — довольно рѣзко отвѣтилъ Галактіонъ уже серьезнымъ тономъ. — Да, не понимаете... Писалъ-то докторъ, дѣйствительно, пьяный, и барышнѣ такія слова, можетъ быть, совсѣмъ не подходятъ, а только все это правда. Ужъ вы меня извините, а дѣйствительно мы такъ и живемъ... по-навозному. Зарылись въ своей грязи и знать ничего не хотимъ... да. И еще намъ же смѣшно, вотъ какъ мнѣ сейчасъ.

— Кто же вамъ велить такъ же жить?

— Кто велить?... Вотъ видите, барышня, какъ я съ вами буду разговаривать... Если вамъ сказать все прямо, такъ вы, пожалуй, и обидитесь.

— Можно все говорить, если серьезно.

— Да? Такъ... Хорошо. Прежде всего, всѣ мы звѣри. Вы скажете: «ахъ, это мужчины звѣри, а женщины бѣдныя» и прочее. Такъ? Хорошо. Отчего же теперь постоянно такая вещь выходитъ: вотъ я вдовецъ, у меня дѣти, я женюсь на хорошей дѣвушкѣ, а эта хорошая дѣвушка и начинаетъ изживать со свѣту моихъ дѣтей?... Однимъ словомъ, мачиха. Вѣдь, такихъ случаевъ сколько угодно-съ... да. Значить, у мужчины одно звѣрство, а у женщины другое, а вмѣстѣ намъ одно названіе: звѣри. Конечно, есть такіе особенные хорошіе люди, да лиха бѣда, что ихъ очень ужъ мало... Вотъ переберите - ка свои поступки и обдумайте... да. Такъ - то вотъ я часто про себя думаю... Думаешь - думаешь и даже страшно сдѣлается. Да развѣ это я? да развѣ я такой?... Если бы про другого рассказали это, такъ не повѣрилъ бы... да.

— И я не вѣрю.

— Кому?

— Вамъ... Да, не вѣрю. Вы—нехорошій человѣкъ... Вамъ этого никто не смѣетъ сказать, а я скажу, чтобы вы и сами знали. Вѣдь, каждый человѣкъ умѣетъ очень хорошо оправдывать только самого себя.

Дѣвушка покраснѣлась и откровенно высказала все, что сама знала про Галактіона, кончая несчастнымъ положеніемъ Харитины. Это былъ цѣлый обвинительный

актъ, и Галактіонъ совсѣмъ смутился. Что другіе говорили про него—это онъ зналъ давно, а тутъ говорить дѣвушка, которую онъ зналъ ребенкомъ и которая не должна была даже понимать многого.

— Да, да, да... — азартно повторяла Устинька, точно Галактіонъ съ ней спорилъ. — И я удивляюсь, какъ вы рѣшаетесь приходить къ намъ въ домъ. Папа такой добрый, такой довѣрчивый... да. Я ему говорила то же самое, что сейчасъ говорю вамъ въ глаза.

Галактіонъ поднялся блѣдный, страшный, что-то хотѣлъ отвѣтить, но только махнулъ рукой и, не простившись, пошелъ къ двери. Устинька стояла посреди комнаты. Она задыхалась отъ волненія и боялась расплакаться. Въ этотъ моментъ въ гостиную вошелъ Тарасъ Семёнычъ. Онъ посмотрѣлъ на сконфуженнаго гостя и на дочь и не зналъ, что подумать.

— Галактіонъ Михеичъ, куда же ты бѣжишь?

Галактіонъ обернулся и, показывая на Устиньку, проговорилъ всего одно слово:

— Она права.

У Луковникова произошло довольно непріятное объясненіе съ дочерью.

— Устинька, такъ нельзя. Наконецъ, какое ты имѣла право оскорблять человѣка въ своемъ домѣ?

— А если я не могу, папа?... Вѣдь, вы всѣ молчите, а я взяла и сказала. Я ему все сказала.

— И онъ тоже все сказалъ... Вѣдь, хорошій бы человѣкъ изъ него могъ быть, если бы такая голова къ мѣсту пришлась.

По своему характеру Луковниковъ не могъ никого обидѣть и поведеніе Устиньки его серьезно огорчило. Въ кого она такая уродилась? Права-то она права, да только все-таки не слѣдовало свою правоту показывать этакимъ манеромъ. И, притомъ, дѣвушка, — она и понимать-то не должна Харитининыхъ дѣлъ. Старикъ почти не спалъ всю ночь и за утреннимъ чаемъ еще разъ замѣтилъ:

— А я все-таки не согласенъ съ тобой, Устинька. И правдѣ бываетъ не мѣсто. Какіе мы съ тобой судьи? Ты думаешь, онъ самъ хуже нашего понимаетъ, гдѣ хорошо и гдѣ нехорошо?

Устинька выслушала все и ничего не отвѣтила. Тарасъ Семенычъ только пожалъ плечами и по пути въ свою думу заѣхалъ къ Стабровскому. Онъ очень волновался, рассказывая всѣ подробности дѣла.

— Ахъ, милая, милая! — восхищался Стабровскій. — Господи, если бъ у меня была такая дочь? Вѣдь, это молодое, чистое золото, Тарасъ Семенычъ... Да я сейчасъ же поѣду къ ней и расцѣлую ее. Бѣдняжка, навѣрное, теперь волнуется.

— Нѣтъ, этого вы, пожалуйста, не дѣлайте, Болеславъ Брониславичъ. Пусть ужъ лучше она одна про себя раздумается.

IX.

Галактіонъ приходилъ къ Луковникову съ спеціальною цѣлью поблагодарить старика за хорошій совѣтъ относительно Мышникова. Все устроилось въ какой-нибудь одинъ часъ наилучшимъ образомъ и многолѣтняя зата-

енная вражда закончилась дружбой. Галактіонъ шелъ къ Мышникову съ тяжелымъ сердцемъ и не ожидалъ отъ этого похода ничего хорошаго, а вышло все наоборотъ. Сначала Мышниковъ отнесся къ нему недовѣрчиво и съ обычною грубоватостью, а потомъ, когда Галактіонъ откровенно объяснилъ свое критическое положеніе, какъ-то сразу отмякъ.

— Что же вы мнѣ раньше ничего не сказали?—замѣтилъ Мышниковъ съ укоромъ дѣловаго человѣка.—Безъ Стабровскаго можно обойтись, и даже очень.

— Да, вѣдь, вы, Павелъ Степанычъ, знали положеніе дѣла. Что тутъ было говорить? Потомъ мнѣ казалось, что вы относились ко мнѣ...

— Вздоръ!... Никакъ я не относился... У меня ужъ такой характеръ, что всѣмъ кажется, что я отношусь какъ-то нехорошо. Ваше дѣло хорошее, вѣрное, и я даже съ удовольствіемъ могу вамъ помочь.

Собственно дѣловой разговоръ занялъ очень немного времени.

— Вы понимаете, что если я даю свои средства, то имѣю въ виду воспользоваться извѣстными правами,—предупреждалъ Мышниковъ. — Просто подъ проценты я денегъ не даю и не желаю быть ростовщикомъ. Другое дѣло, если вы мнѣ выдѣлите извѣстный пай въ предпріятіи. Повторяю: я вѣрю въ это дѣло, хотя оно сейчасъ и даетъ только одни убытки.

Это былъ самый лучшій исходъ, и деньги Мышникова не ложились на пароходство займомъ, а входили живымъ капиталомъ. Главное—не было никакихъ нравственныхъ

обязательствъ и отвѣтственности. Подсчитавъ активъ и пассивъ, Мышниковъ рѣшилъ такъ:

— Скажу вамъ откровенно, Галактіонъ Михеичъ, что всѣхъ своихъ денегъ я не могу вложить въ пароходство, а то, что могу вложить, все-таки мало. Вѣдь, все дѣло въ расширеніи дѣла и только тогда оно сдѣлается выгоднымъ. Такъ? Отчего вы не обратились къ Штоффу, тѣмъ болѣе, что онъ не чужой вамъ человѣкъ?

— Вотъ именно послѣднее и служить препятствіемъ, Павелъ Семенычъ. Съ постороннимъ человѣкомъ всегда какъ-то легче вести дѣло и даже получить отказъ не обидно.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ съ нимъ переговорить. Я думаю, что наша компанія всего лучше устроится на такихъ основаніяхъ: у васъ два пая, а у меня со Штоффомъ по одному.

Галактіону приходилось только соглашаться. Да и какъ было не согласиться, когда все дѣло висѣло на волоскѣ? Конечно, было жаль выпускать изъ своихъ рукъ цѣлую половину предпріятія, но зато можно было расширить дѣло. А главное заключалось въ томъ, что компаніоны-пароходчики составляли большинство въ банковскомъ правленіи и могли, въ случаѣ нужды, черпать изъ банка, сколько желали.

Однимъ словомъ, все дѣло устроилось наилучшимъ образомъ, и Галактіонъ не смѣлъ даже мечтать о такомъ успѣхѣ. Оставалось только оформить договоръ и приступить къ дѣлу уже «сильною рукой», какъ говорилъ Павелъ Степанычъ. Именно подъ этимъ впечатлѣніемъ Га-

лактіонъ и отправился къ Луковникову, чтобы подѣлиться со старикомъ своею радостью, а вмѣсто этого получился такой разгромъ, какого онъ еще не испытывалъ. Кто угодно выскажи ему то же самое, что говорила Устинька, не было бы такъ обидно, а тутъ ударъ былъ нанесенъ такою чистою и хорошею рукой.

Выйдя отъ Луковникова, Галактіонъ рѣшительно не зналъ, куда ему идти. Раньше онъ предполагалъ вернуться къ тестю, чтобы повидать дѣтей, но сейчасъ онъ не могъ этого сдѣлать. Въ немъ все точно повернулось. Наконецъ, ему просто было совѣстно. Идти на квартиру ему тоже не хотѣлось. Онъ безъ цѣли шелъ изъ улицы въ улицу, пока не остановился передъ ссудною кассой Замараева. Начинало уже темнѣть, и кое-гдѣ въ окнахъ мелькали огни. Галактіонъ позвонилъ, но ему отворили не сразу. За дверью слышалось какое-то предупреждающее шушуканье.

— Дома Флегонтъ Васильичъ?—спросилъ Галактіонъ горничную.

Горничная посмотрѣла на него какими-то оторопѣлыми глазами и потомъ убѣжала. Галактіонъ снялъ пальто и вошелъ въ гостиную. Гдѣ-то захлопали двери и послышался сердитый шепотъ.

«Они, кажется, здѣсь съ ума сошли?»—невольно подумалъ Галактіонъ.

Въ этотъ моментъ открылась дверь хозяйскаго кабинета и въ дверяхъ показался Голяшкинъ, одѣтый во фракъ, бѣлый галстукъ и бѣлыя перчатки. Онъ поманилъ гостя пальцемъ къ себѣ.

— Ну, Галактіонъ Михеичъ, ты намъ всю обѣдню испортилъ, — шепотомъ заявилъ Голяшкинъ, запирая за собой дверь. — Ни раньше, ни послѣ тебя принесло. Горничной - то прямо было наказано никого не принимать, а она увидала тебя и сбѣжала. Извѣстно, дура.

— Куда это ты вырядился-то пѣтухомъ галландскимъ?

— Я-то? А мы на свадьбу.

Голяшкинъ зажалъ себѣ ротъ и изобразилъ ужасъ.

— Охъ, продалъ проклятый языкъ! — виновато забормоталъ онъ, озираясь на запертую дверь. — Вѣдь, сегодня твоего брата Симона женимъ... да.

— Симона?

— Его самого... Въ томъ родѣ выходитъ, что не невѣста убѣгомъ выходить замужъ, а женихъ. Совсѣмъ особенное дѣльце.

— Ничего не понимаю.

— И я тоже... Спроси Ечкина: онъ все оборудовалъ.

Теперь Галактіонъ уже рѣшительно ничего не понималъ. Его выручилъ появившійся Замараевъ. Онъ еще въ первый разъ въ жизни надѣлъ фракъ и чувствовалъ себя, какъ молодая лошадь въ хомутѣ.

— Накрылъ ты насъ, Галактіонъ Михеичъ, — заговорилъ онъ, стараясь придать голосу шутливый тонъ. — Именно, какъ снѣгъ на голову. Мы-то таимся, а ты тутъ, какъ тутъ.

Послѣ нѣкотораго ломанья Замараевъ разсказалъ всѣ подробности предстоявшей свадьбы. Галактіонъ выслушалъ и спросилъ только одно:

— А отецъ ничего не знаетъ?

— Никто и ничего не знаетъ. Ечкинъ обернулъ дѣло ужъ очень скоро. Симонъ-то на отчаянность пошелъ. Все-го и свидѣтелей трое: мы съ Голяшкинымъ да Полуяновъ. Въ томъ родѣ, какъ бываютъ свадьбы-самокрутки.

— Отчего же Симонъ мнѣ ничего не сказалъ? Вѣдь, не чужіе.

— А ужъ объ этомъ ты его спроси самъ.

— Хорошо, я спрошу. Вмѣстѣ съ вами поѣду на свадьбу. Впередъ не обманывайте добрыхъ людей.

— Чего же тутъ обманывать? Слава Богу, Симонъ-то Михеичъ не двухъ лѣтъ по третьему. Въ своемъ умѣ паренёкъ.

— Оно и похоже, что въ своемъ.

— Да, вѣдь, и ты, Галактіонъ Михеичъ, женился не по своей волѣ. Не все ли одно, ежели разобрать? А я такъ полагаю, что отъ своей судьбы человѣкъ не уйдетъ. Значить, ужъ Симону Михеичу выпала такая часть, а суженой конемъ не объѣдешь.

На этотъ разговоръ вышла Анна Харитоновна и начала уговаривать Колобова не ѣздить на свадьбу. Но эта политика суслонской писарихи имѣла какъ разъ обратное дѣйствіе. Галактіонъ заявилъ рѣшительно, что поѣдетъ.

— Ну, какъ знаете, Галактіонъ Михеичъ, — обидѣлась Анна. — Я, значить, вамъ же добра желаю. Прежде-то сосѣдями живали, такъ оно тово...

Замараевъ едва успѣлъ придумать предупредительную мѣру, — онъ потихоньку послалъ Голяшкина впередъ, а самъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Галактіономъ.

— Я васъ на своей лошаdkѣ подвезу, Галактіонъ Михеичъ.

— А Голяшкина загонщикомъ послалъ? Не бойся, будутъ рады.

— Мнѣ - то что же? Не къ чужому человѣку ѣдете, а я только такъ... вообще...

Предупрежденный Симонъ встрѣтилъ брата спокойно, хотя и съ затаенною готовностью дать отпоръ. Свадьба устраивалась въ нагибинскомъ домѣ, и всѣ переполошились, когда узнали, что ѣдетъ Галактіонъ, особенно сама невѣста, уже одѣвавшаяся къ вѣнцу. Это была типичная старая дѣвица съ землистымъ цвѣтомъ лица и кислымъ выраженіемъ рта.

— Гдѣ Ечкинъ? — спрашивала она, бросая свои наряды.

Какъ на грѣхъ, Ечкинъ, вертѣвшійся все время на глазахъ, куда-то пропалъ. Старикъ Нагибинъ совершенно растерялся и спрятался со страха.

— Позовите сюда Галактіона Михеича, — рѣшила невѣста. — Я сама съ нимъ поговорю. А главное — чтобъ онъ не оставался съ глазу на глазъ съ Симономъ.

Посредникомъ явился все тотъ же Голяшкинъ, точно онъ готовъ былъ вылѣзть изъ собственной кожи.

— Галактіонъ Михеичъ, васъ невѣста зоветъ. Пожалуйста къ нимъ въ комнату. Онѣ вамъ хотятъ словечко сказать... очень просили.

Такъ братья и не успѣли переговорить. Впрочемъ, взглянувъ на Симона, Галактіонъ понялъ, что тутъ всякіе разговоры излишни. Онъ опоздалъ. По дорогѣ въ ком-

нату невѣсты онъ встрѣтилъ скитскаго старца Анѣима, — время проходило, минуя этого человѣка, и онъ оставался такимъ же чернымъ, какъ въ то время, когда вѣнчалъ Галактіона. За нимъ въ скитъ былъ посланъ нарочный гонецъ, и старецъ только что пріѣхалъ.

Когда Галактіонъ вошелъ въ комнату, его встрѣтила невѣста и подала первая сухую и костлявую руку.

— Милости просимъ, Галактіонъ Михеичъ, — заговорила она, подавляя невольное волненіе. — Вы это очень хорошо сдѣлали, что пріѣхали къ намъ на свадьбу. Я даже не знала, что вы въ городѣ.

— И я тоже случайно узналъ про вашу свадьбу. Извините, я даже не знаю, какъ васъ зовутъ.

— Натальей, а отца Осипомъ — значитъ вышла Наталья Осиповна.

Невѣста говорила уже теперь совсѣмъ смѣло, овладѣвъ собой. Она сдѣлала Голяшкину знакъ глазами, чтобъ онъ убирался.

— Садитесь, — предложила она. — У насъ все такъ скоро случилось, что даже не успѣли оповѣстить родныхъ. Ужъ вы извините. Вѣдь, и ваша свадьба тоже скороспѣлкой вышла. Это прежде тянули по полугоду, да и Симонъ Михеичъ очень ужъ торопиль.

— Что же, я ничего не говорю. Вамъ жить съ Симономъ, вамъ и знать, какъ и что.

— О насъ не беспокойтесь, — съ улыбкой отвѣтила невѣста. — Проживемъ не хуже другихъ. Счастье не отъ людей, а отъ Бога. Можетъ быть, вы противъ меня, такъ скажите впередъ. Время еще не ушло.

— Я? Нѣтъ, я ничего не могу сказать. Конечно, оно какъ-то неловко, что Симонъ женится тайкомъ, а, впрочемъ, все равно.

— Онъ стыдится, что беретъ жену старше себя, — объяснила невѣста безъ заминки.

Невѣста понравилась Галактіону своимъ рѣшительнымъ характеромъ. Именно такую жену и нужно безхарактерному и податливому Симону. Эта будетъ держать его въ рукахъ.

Когда женихъ, а потомъ невѣста уѣхали въ моленную, явился Ечкинъ, весь сіявшій румянцемъ и брилліантами. Увидѣвъ шагавшаго по пустой гостиной Галактіона, онъ радостно крикнулъ:

— Кого я вижу! Вотъ удружилъ, что самъ догадался пріѣхать! А я нарочно разыскивалъ тебя по всему городу.

— Не ври ты, пожалуйста, — оборвалъ его Галактіонъ. — Ты это все устроилъ потихоньку. Не безпокойся, понимаю, что тебѣ нужно. Обработываешь этого старого дурня?

— Тсс... Ради Бога, тише!... Просто, не могу видѣть мертвый капиталъ, а каждая дѣвушка и молодой человекъ именно мертвый капиталъ.

— Перестань морочить. Одно скажу: ловко. Да, очень ловко.

Пока происходило длинное раскольничье вѣнчаніе, старикъ Нагибинъ заперся въ своей собственной моленной и все время молился, откладывая земные поклоны. Онъ даже прослезился и все шепталъ: «Слава Тебѣ, Господи!»

Изъ свидѣтелей запоздалъ къ обряду одинъ Полуяновъ, но зато онъ вернулся изъ моленной первымъ. Его встрѣтилъ на крыльцѣ Нагибинъ, расцѣловалъ и все повторялъ:

— Слава Тебѣ, Господи!

— Что же, дѣло правильное, Осипъ Григорычъ. И въ Писаніи сказано: не хорошо жити единому.

Противъ общаго ожиданія, скороспѣлый свадебный столъ прошелъ очень оживленно. Невѣсту провожали совершенно неизвѣстныя Галактіону раскольничьи дѣвушки, вырядившіяся въ старинные парчевые сарафаны, а одна даже была въ кокошникѣ. Старецъ Анеимъ за столомъ попалъ между Полуяновымъ и Ечкинымъ и подъ столомъ нѣсколько разъ перекрестилъ «жида». Молодая держала себя очень свободно, просто и смотрѣла на мужа уже съ чувствомъ собственности. Приѣхавшая къ свадебному столу Анна Харитоновна не могла надивиться: давно ли вотъ эта самая Наташа была такая тихая да застѣнчивая, а тутъ откуда прыть взялась. Мужчины скоро подвыпили, и поднялось свадебное галдѣнье. Выпилъ и самъ старикъ Нагибинъ. Пошатываясь, онъ обходилъ всѣхъ гостей, всѣхъ цѣловалъ и всѣмъ повторялъ одно и то же:

— Слава Тебѣ, Господи! Родимые мои, слава Тебѣ, Господи!

Ечкинъ сидѣлъ рядомъ съ Галактіономъ и нѣсколько разъ толкалъ его локтемъ.

— Посмотри на Замараева и Голяшкина: эти два плута далеко пойдутъ, — шепталъ онъ.

— Не дальше тебя, Борисъ Яковличъ.

Галактіонъ все время молчалъ, находясь подъ впечатлѣніемъ давешней сцены съ Устинькой. Если бъ она увидала этотъ пиръ благочестивыхъ разбойниковъ, — вѣдь, всѣ разбойники, какъ одна масть, и невѣста разбойница.

Х.

Свадьба Симона, какъ и свадьба Галактіона, закончилась крупнымъ скандаломъ, хотя и въ другомъ родѣ. Еще за свадебнымъ столомъ Замараевъ нѣсколько разъ подталкивалъ Симона и шепталъ:

— Ты смотри, не дай маху. Сейчасъ же требуй денегъ съ тестя.

— Да неловко какъ - то, Флегонтъ Васильичъ. Какъ-нибудь потомъ.

— А ты не будь дуракомъ. Эхъ, голова — малина! У добрыхъ людей такъ дѣлается: какъ ѣхать къ вѣнцу — пожалуйста, миленькій тятенька, денежки изъ руки въ руку, а то не поѣду. Вотъ какъ по настоящему-то. Сколько по уговору слѣдуетъ получить?

— Никакого уговора не было. Вѣдь, одна дочь.

Замараевъ вскипѣлъ и обругалъ молодого.

— Убилъ ты бобра, Симонъ... да. Ну, не дуракъ ли ты послѣ этого, а? Да, вѣдь, тебя какъ бить надо, а?

Симонъ обидѣлся и обругалъ Замараева.

— Да, вѣдь, я тебѣ добра желаю, пенъ ты березовый! Вотъ ужъ помянешь меня добрымъ словомъ.

Молодые должны были ѣхать на мельницу въ Прорывъ

черезъ два дня. Замараева мучило глупое поведеніе Симона, и онъ забѣгалъ къ нему нѣсколько разъ за справками. Эти приставанья начали тревожить Симона. Онъ потихоньку выпилъ для храбрости коньяку и рѣшилъ объясниться со старикомъ на чистоту.

— Тятенька, какъ, значить, я съ женой уѣзжаю завтра на мельницу, такъ намъ надо, значить... Вообще, на счетъ капиталовъ.

У Нагибина сейчасъ же сдѣлалось испуганное лицо и онъ, по обыкновенію, прикинулся непонимающимъ и даже глухимъ.

— Какихъ капиталовъ? — переспросилъ онъ.

— Вѣдь, у васъ, тятенька, одна дочь и, значить, должны вы ее наградить.

— За что это награждать-то, милый зять?

— Да ужъ такъ ведется.

— А, ты вотъ про что! Ну, это ты даже совсѣмъ напрасно. Приданое за дочерью я далъ въ полной формѣ, а что касемо капиталовъ, такъ у меня ихъ и у самого-то нѣтъ.

Симонъ опѣшилъ и не зналъ, что ему говорить.

— Нѣтъ у меня ничего, — увѣрялъ старикъ. — Вотъ хоть сейчасъ образъ со стѣны сниму. Зря про меня болтають. Я-то женился самъ на босоножкѣ, только что на себѣ было, а ты вонъ капиталовъ требуешь.

Этимъ всѣ разговоры и кончились. Симонъ отправился къ Замараеву и передалъ свой разговоръ съ тестемъ.

— Вреть, все вреть! — клялся Замараевъ всѣми святыми. — А ты прямо на горло ему наступи. Эхъ, горе

ты лыковое! Ты его, стараго чорта, припугни хорошенько. Да нѣтъ, у тебя ничего не выйдетъ. Тоже свадьба называется! Вотъ что, вѣдь, вы ѣдете въ Суслонъ и старикъ туда же притащится? Ну, и я поѣду. У насъ съ Голяшкинымъ зубъ разыгрался. Мы ужъ на мельницѣ выправимъ настоящую - то свадьбу. И старика прижмемъ. Скажи прямо: такъ и такъ, богоданный тятенька, очень я задолжалъ Замараеву и грозить онъ меня въ острогъ засадить. Вотъ погляди, какъ жена-то за тебя уцѣпится.

Симонъ чуть не плакалъ. Онъ надѣялся черезъ женитбу вырваться съ мельницы, а тутъ выходило такъ, что нужно было возвращаться туда же со старою «молодой». Получался одинъ срамъ. Оставалась послѣдняя надежда на Замараева.

Принялъ участіе въ дѣлѣ и Голяшкинъ, считавшій себя до извѣстной степени прикосновеннымъ къ дѣлу лицомъ, какъ участникъ. Даже былъ вызванъ Полуяновъ для необходимаго совѣщанія.

— Это, вѣдь, мы подвели парня, — говорилъ Голяшкинъ. — Надо его выручать.

— Трудненько выручать - то, — соображалъ Полуяновъ. — Вотъ ежели бы была устроена рядная запись или ежели бы я былъ исправникомъ. Тогда бы я ему показалъ! Я бы его выворотилъ на лѣвую сторону!

На этотъ конгрессъ попалъ даже Харитонъ Артемьичъ, разыскивавшій Полуянова по всему городу. Старикъ одолевалъ своего повѣреннаго и успѣлъ ему надоесть.

— А, свидѣтели! — сообразилъ Харитонъ Артемь-

ичъ.— Чужое наслѣдство дѣлите? Ловко васъ обзатылили Осипъ - то Григоричъ. Эхъ, вы, горькіе!

— Вотъ видите? — огорчился Голяшкинъ. — Теперь надъ нами всѣ будутъ смѣяться.

— Летать любите, а садиться не умѣете, — не уни-
мался старикъ.— То-то. А знаете пословицу: свату пер-
вая палка. Наступите на жида: его рукъ дѣло.

— И то, братцы! — спохватился Замараевъ.— Что же
это мы дураковъ валяемъ?

Полуяновъ скромно отмахивался, какъ лицо заинтере-
сованное. Выходило настоящее похмѣлье въ чужомъ пи-
ру. Да и такъ онъ не посовѣтовалъ бы посылать Ечкина
для переговоровъ. Какъ разъ онъ получить деньги, да
себѣ въ карманъ и положить, какъ было съ стеарино-
вою фабрикой. Хорошій человѣкъ, а деньги показывать
нельзя.

— Давайте я схожу къ старику, — предлагалъ Хари-
тонъ Артемичъ.

— Нѣтъ, тятенька, вамъ никакъ невозможно, — про-
тестовалъ Замараевъ.— Извѣстно, какой у васъ неукро-
тимый характеръ. Еще обругаете, а то и въ рукопашную
пойдете.

Пока шли эти конференціи, дѣло разрѣшилось само
собою. Молодая узнала объ этихъ недоразумѣніяхъ слиш-
комъ поздно и принялась стыдить мужа.

— Ты это что придумалъ-то? Вѣдь, я одна дочь у отца
и все мнѣ достанется. Зачѣмъ грѣшить прежде времени?
Папаша ужъ старичокъ и, того гляди, помретъ. Однимъ
словомъ, пустяки.

Она скрыла отъ мужа свой разговоръ съ отцомъ. Дѣло было довольно крупное.

— Вы, папаша, въ самомъ дѣлѣ, дайте денегъ,—заявила она отцу. — Не мужу, а мнѣ. Вѣдь, я у васъ одна дочь.

— Не дамъ ни гроша... Помру, тогда все твое. Да и нѣтъ у меня денегъ.

— Да, вѣдь, я-то знаю, сколько у васъ ихъ вездѣ на-прятано. Пожалуйста, не запирайтесь.

— Ну, хорошо. Поѣзжайте теперь на мельницу съ Богомъ, а потомъ я самъ привезу. Въ банкѣ у меня деньги.

— А не обманете?

— Наташка, проклянуну!

— Вы лучше деньги-то дайте, а проклясть всегда успѣете.

— Ей-Богу, привезу, только поѣзжайте.

Молодой и самой хотѣлось до смерти поскорѣе вырваться изъ Заполя, и она согласилась. Провожая молодыхъ, Нагибинъ прослезился и все повторялъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Родимые мои, слава Тебѣ, Господи!

Когда экипажъ скрылся изъ виду, старикъ хихикнулъ и даже закрылъ ротъ горстью, точно самыя стѣны могли подслушать его родительскую радость.

Вечеромъ въ каморкѣ Нагибина,—старикъ занималъ самую скверную комнату во всемъ домѣ,—сидѣлъ Ечкинъ. Милліонеръ, чтобъ отблагодарить благодѣтеля, вытащилъ полбутылки мадеры, оставшейся отъ свадьбы.

— Вѣдь, я не пью, Осипъ Григорычъ.

— Охъ, отлично дѣлаешь! — стоналъ Нагибинъ. — Вѣдь, за мадерцу деньги плачены. И что только мнѣ стоила эта самая Наташка!... Теперь возьми, — вѣдь, одѣть ее надо? Потомъ одинъ-то я и старыхъ штець похлебаю или рѣдечкой закушу, а ей подавай котлетку... такъ? Да тутъ еще свадьбу справляй... Одно разореніе. А теперь пусть кормить и одѣваетъ мужъ... Такъ я говорю?

— Конечно, Осипъ Григорьичъ.

— Слава Тебѣ, Господи!... А ужъ тебя не знаю, чѣмъ и благодарить. По гробъ жизни не забуду... И въ поми-
нанье даже запишу, хоть ты и некрещеный.

— Мнѣ ничего не нужно, Осипъ Григорьичъ.

— Вотъ, вотъ... Еще перваго такого-то человѣка вижу... да. А я теперь вольный козакъ. По рукамъ и по ногамъ вязала дочь. Ну, много ли мнѣ одному нужно? Слава Тебѣ, Господи!

По городу ходила молва, что Ечкинъ обрабатываетъ выживавшаго изъ ума милліонера, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ вся эта исторія разыграется. Увѣряли, что Ечкинъ уже втянулъ Нагибина въ свою концессию и черпаетъ деньги, какъ изъ своего кармана. Другіе клялись, что крѣпокъ Нагибинъ и ничего изъ этого не выйдетъ. Всѣ соглашались только въ одномъ, что очень ужъ ловко Ечкинъ поддѣлъ старика, высватавъ дочери молодого жениха. Ужъ лучше этой штуки и не придумаешь. А приданое, конечно, Ечкинъ получить за свои труды. Въ этомъ тоже никто не сомнѣвался. Изъ-за чего же онъ хлопоталъ да беспокоилъ себя?

Избавившись отъ дочери, Нагибинъ повелъ жизнь со-

вершенно отшельническую. Изъ дому онъ выходилъ только раннимъ утромъ, чтобы сходить за провизіей. Его скупость росла, кажется, по часамъ. Дѣло дошло до того, что онъ пересталъ покупать провизію въ лавкахъ, а заходилъ въ обжорный рядъ и тамъ на нѣсколько копѣекъ выторговывалъ себѣ печенки, вареную баранью голову или самую дешевую соленую рыбу. Даже торговки изъ обжорнаго ряда удивлялись отчаянной скупости Нагибина и прозвали его Кашеємъ.

Къ себѣ Нагибинъ не принималъ и жилъ въ обществѣ какой-то глухой старухи-кухарки. Сосѣди видѣли, какъ къ нему пріѣзжалъ нѣсколько разъ Ечкинъ, потомъ приходилъ Полуяновъ и, наконецъ, видѣли разъ, какъ рано утромъ отъ Нагибина выходилъ Ліодоръ. Дальнѣйшія извѣстія о Нагибинѣ прекратились окончательно. Онъ пересталъ показываться даже на улицѣ.

Прошло послѣ свадьбы не больше мѣсяца, какъ по городу разнеслась страшная вѣсть. Нагибинъ скоропостижно умеръ. Было это вскорѣ послѣ обѣда. Онъ поѣлъ какой-то ухи изъ соленой рыбы и умеръ. Когда кухарка вошла въ комнату, онъ лежалъ на полу уже похолодѣвшій. Догадкамъ и предположеніямъ не было конца. Всего удивительнѣе было то, что послѣ милліонера не нашли никакихъ денегъ. Имущество было въ полной сохранности, замки всѣ цѣлы, а кухарка показывала только одно, что хозяинъ ѣлъ за часъ до смерти уху.

Судебное слѣдствіе ничего не могло выяснить. Осмотръ трупа ничего не далъ, насильственныхъ знаковъ на тѣлѣ

не оказалось. Сгоряча врачи рѣшили, что старикъ отравился рыбнымъ ядомъ. Но это было опровергнуто докторомъ Кочетовымъ, который въ *Запольскомъ Курьерѣ* напечаталъ цѣлую статью о томъ, что рыбный ядъ заключаютъ въ себѣ только голопокровныя рыбы, а Нагибинъ ѣлъ уху изъ соленой головы максуна, то-есть рыбы чешуйчатой. Пришлось сдѣлать вскрытіе тѣла и анализъ внутренностей показалъ присутствіе стрихнина. Этого было достаточно, чтобы сейчасъ же были арестованы по подозрѣнію Ечкинъ и Полуяновъ, а потомъ Людоръ.

Городъ ужасно волновался. Ходили упорные слухи, что отравилъ старика никто другой, какъ Ечкинъ. Весь вопросъ заключался только въ томъ, черезъ кого онъ отравилъ, — видѣли Полуянова и видѣли Людора. Во всякомъ случаѣ, всѣ трое были одинаково подозрительны, особенно Ечкинъ. Вѣдь, онъ нарочно устроилъ эту свадьбу, чтобъ удалить изъ дому дочь, потомъ, что значили его таинственные визиты къ Нагибину, наконецъ, какую роль игралъ ссыльный Полуяновъ? Дѣло запутывалось. Общественное мнѣніе было противъ Ечкина, отнесшагося къ своему аресту совершенно спокойно, какъ человѣкъ, уже подготовившійся ко всякимъ случайностямъ.

Еще больше смуты внесла пріѣхавшая «молодая». Она рвала и метала, обвиняя настойчиво во всемъ Ечкина.

— Какъ же вы можете говорить такъ увѣренно? — удивлялся слѣдователь. — Во всякомъ случаѣ, дѣло совершенно темное.

— Некому больше, — съ женскою логикой отвѣчала

свидѣтельница. — Онъ и меня просваталъ, чтобы лучше было отравить папашу... Это вамъ всякій скажетъ.

Слѣдователя сбивало многое. Во-первыхъ, Ечкинъ держалъ себя слишкомъ ужъ спокойно и слишкомъ съ достоинствомъ, какъ настоящій крупный преступникъ. Ясно было, что все было устроено черезъ Ліодора, который путался въ показаніяхъ и завирался на глазахъ. Но опять странно, что такой умный и дальновидный человекъ, какъ Ечкинъ, довѣрить исполненіе безпутному и спившемуся Ліодору.

— Я дѣйствительно заходилъ къ Нагибину, — показывалъ Ліодоръ. — Надо было опохмѣлиться... Ну, а онъ меня прогналъ.

Это было слишкомъ наивно. Загадку представлялъ собой и Полуяновъ, какъ слишкомъ опытный человекъ, въ свое время самъ производившій тысячи дознаній и прошедшій большую школу. Но онъ былъ тоже спокоенъ, какъ Ечкинъ, и слѣдователь приходилъ въ отчаяніе. Получалась какая-то сплошная нелѣпость. Въ качествѣ свидѣтелей были вызваны даже Замараевъ и Голяшкинъ, которые испугались больше подсудимыхъ и несли невозможную околесную, такъ что слѣдователь махнулъ на нихъ рукой.

— Это мой зятекъ Замараевъ стравилъ Нагибина! — кричалъ Харитонъ Артемьичъ прямо на улицѣ. — Прямо въ острогъ его, подлеца!... Да и другихъ зятьевъ тоже! Весь альбомъ въ острогъ.

XI.

Мышниковъ бывалъ въ бубновскомъ домѣ почти каждый день, что его тяготило, возмущало и заставляло молча негодовать. Мышниковъ, всесильный и заставлявшій всѣхъ чувствовать свою тяжелую руку, ничего здѣсь не могъ подѣлать. Такъ хотѣла Прасковья Ивановна. Стоило ей прислать безграмотно нацарапанную записку, и онъ безпрекословно исполнялъ каждую букву, кажется, даже неистовыя грамматическія ошибки. Прасковья Ивановна писала: «соводни», «намедни», «дѣлашь», «куфня», «леменація» и т. д. Мышниковъ дошелъ до того, что былъ въ восторгѣ отъ такого правописанія. Вѣдь, это писала Прасковья Ивановна, а все, что она дѣлала, конечно, хорошо. Однимъ словомъ, получалась картина полного рабства. Прасковья Ивановна черезъ Мышникова имѣла большое вліяніе въ самомъ банкѣ и открывала и закрывала кредитъ по своему усмотрѣнію. Мышникова поражало, что она могла предвидѣть событія. Последнимъ случаемъ въ ~~этомъ~~^{этомъ} отношеніи было обращеніе Галактіона за помощью къ своему врагу, какимъ былъ Мышниковъ. У нея было что-то въ родѣ спорта ставить людей въ неловкія положенія, при чемъ Мышникову доставалось больше всѣхъ. Такъ было и тутъ.

— Галактіонъ придетъ къ тебѣ, вотъ посмотри, — увѣряла она.

— Нѣтъ, не придетъ... Не такой человѣкъ.

— А я тебѣ говорю: придетъ. Ты его ревнуешь ко мнѣ?

— Я?... Нисколько.

— Вѣдь, Галактіонъ умница, и ему можно довѣрить какой угодно капиталъ. Ты ему дашь денегъ?

— Не знаю... гм... какъ тебѣ сказать.

— Вотъ и вышло, что ревнуешь... да. Развѣ я не знаю, какъ ты его все время жмешь?... Однимъ словомъ, онъ придетъ и ты дашь ему денегъ.

И Галактіонъ пришелъ. Только когда все было кончено, Мышникову пришла проклятая мысль, что не подослала ли его сама же Прасковья Ивановна. Отъ нея всего можно было ожидать.

Съ однимъ только не могъ Мышниковъ помириться: это—съ визитами въ бубновскій домъ. Каждый разъ, когда онъ ѣхалъ туда, его разбирала самая тупая злость. Вѣдь, всѣ пальцами указываютъ: вонъ Мышниковъ покатишь къ своей сударушкѣ. Затѣмъ, его корбила мысль о соперничествѣ съ пьяницей докторомъ. Это было что-то уже окончательно невозможное. Мышниковъ каждый разъ испытывалъ такое чувство, точно онъ что-то воруетъ, и, притомъ, дрянно воруетъ. Есть крупные вору и мелкіе воришки, — онъ причислялъ себя къ злѣдней категоріи. Сколько разъ Мышниковъ предлагалъ Прасковѣ Ивановнѣ разойтись съ мужемъ и жить съ нимъ по-настоящему.

— Да ты никакъ съ ума сошелъ? — удивлялась Прасковья Ивановна. — Теперь-то я мужняя жена, а тогда пришей хвостъ кобылѣ... Прикащики засмѣютъ.

— Все равно—и теперь всѣ знаютъ про наши отношенія.

— Болтать болтаютъ, а знать никто ничего не зна-

еть... Вѣдь, не про насъ однихъ судачать, а про всѣхъ. Сегодня вотъ ты пріѣхалъ ко мнѣ, а завтра я могу тебя и не принять... Съ мужнею-то женой трудно разговаривать, не то, что съ своею любовницей. Такъ-то, Павелъ Степанычъ... Хоть и плохой, а все-таки мужъ.

Послѣднею штукой Прасковьи Ивановны было то, что она задумала ѣхать гостить къ Харитинѣ, которая жила въ Городищѣ и въ Заполье не показывала глазъ.

— Что-то я стосковалась по ней, — коротко объяснила она Мышникову. — И ты поѣдешь... Ну, будто пристань посмотрѣть, — теперь свое дѣло на половину. Вотъ тебѣ и задѣлье, а не зря поѣдешь.

Злѣйшій врагъ не придумалъ бы для Мышникова болѣе непріятнаго положенія. Съ одной стороны, онъ давно старался не встрѣчаться съ Харитиной, на которую сердился за свое неудачное ухаживанье, затѣмъ онъ подозрѣвалъ Галактіона въ нѣкоторыхъ успѣхахъ у Прасковьи Ивановны, — однимъ словомъ, какъ ни поверни, а выходило неудобно и такъ, и этакъ. И все-таки Мышниковъ поѣхалъ, презирая собственное подчиненіе Прасковьи Ивановны. Онъ придумалъ только одно — предупредить Штоффа о поѣздкѣ. Хитрый нѣмецъ долженъ былъ служить въ качествѣ какого-то изолирующаго элемента.

Когда Мышниковъ съ Прасковьей Ивановной пріѣхали въ Городище, Штоффъ былъ уже тамъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что пріѣхалъ случайно. Хозяева встрѣтили гостей очень радушно, а особенно былъ веселъ Галактіонъ. Такимъ ужъ давно его не видали. Харитина была блѣдна

и молчалива, но Прасковья Ивановна, несмотря на самое точное изслѣдованіе, не нашла и слѣдовъ тѣхъ синяковъ, о которыхъ рассказывали въ Запольѣ. Это даже огорчило гостью, которой хотѣлось видѣть Харитину именно въ синякахъ. Очень бы ужъ это было хорошо. Прасковья Ивановна не могла забыть, какъ Харитина отбила у нея Галактіона. Кто знаетъ, можетъ быть, овдовѣвшій Галактіонъ и женился бы на ней, на Прасковью Ивановну?

Харитина въ свою очередь отнеслась къ гостѣ съ большимъ подозрѣніемъ. Не проста эта мудреная птица прилетѣла. Но она сдѣлала видъ, что ничего не подозрѣваетъ, и нѣсколько разъ принималась обнимать и цѣловать гостью, а разъ подвела гостью къ зеркалу и проговорила:

— Посмотри, Паша, какія мы съ тобой старыя, да некрасивыя стали... Вотъ у тебя морщины около глазъ и волосъ скоро сѣдѣть будетъ. Совсѣмъ состарились.

— Ты можешь стариться, а я не согласна, — обидѣлась гостя.

Мужчины были заняты осмотромъ пристани, складовъ, баржей и новаго парохода *Компанія*. Галактіонъ увлекался и не замѣчалъ, что компаньоны уже порядочно утомились и нѣсколько разъ посматривали на часы. Наконецъ, Штоффъ не вытерпѣлъ:

— Вотъ что, Галактіонъ... И пристань, и пароходъ, и амбары, — все это отлично, а хорошо и рюмочку водки выпить.

— И закусить кусочкомъ хлѣба съ масломъ, — прибавилъ Мышниковъ, пародируя любимое выраженіе Штоффа.

— Да вотъ что, мы будемъ обѣдать прямо на пароходѣ, — предлагалъ Галактіонъ. — Черезъ часъ пары будутъ готовы.

Все общество отнеслось къ этому предложенію съ большимъ сочувствіемъ. День былъ прелестный. Можно проѣхать вверхъ по Ключевой верстѣ на сорокъ, почти до самаго Заполя.

Дамы приняли эту затѣю хотя и безъ особеннаго восторга, но съ удовольствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо прокатиться по рѣкѣ. *Компанія* была выстроена по-новому — на половину буксирный и на половину пассажирскій, такъ что была общая каюта, рубка и кухня.

— Хоть одинъ разъ пообѣдаемъ за свои денежки, — шепнулъ Штофъ на ухо Мышникову. — Бываютъ такіе обѣды.

— Не каркай, нѣмецкая душа! — тоже шепотомъ отвѣтилъ Мышниковъ.

Харитина какъ-то сразу оживилась и бойко принялась собирать все необходимое. Она когда-то умѣла такъ мило хлопотать, когда была и молода, и красива, и счастлива. Прасковья Ивановна слѣдила за ней улыбающимися глазами и думала: вотъ отчаянная эта Харитина, какъ увидѣла постороннихъ мужчинъ, такъ и запрыгала брыньскою козой.

Мышниковъ тоже наблюдалъ хозяйку и про себя жалѣлъ ее. И похудѣла она, и подурнѣла, и какая-то запуганная, и глаза смотрять какъ у наказанной только что собаки. Порядочная скотина этотъ Галактіонъ, если разобрать. Давешнее безпокойство Мышникова относи-

тельно неловкости этого визита совершенно улеглось, благодаря ловкости Штоффа, умѣвшаго занять какое угодно общество. Сдѣлалось даже совсѣмъ весело, когда въ ожиданіи парохода мужчины выпили и закусили. Прасковья Ивановна пила вмѣстѣ съ другими рюмка за рюмкой, а Харитина наотрѣзъ отказалась.

— Галактіона боишься?—травила ее гостья.

— Никого я не боюсь, а такъ, не хочется.

— Прежде-то вмѣстѣ пивали? — не отставала Прасковья Ивановна.

— Мало ли что было прежде.

Харитина даже покраснѣла и опустила глаза. Она начинала ненавидѣть торжествовавшую за ее счетъ Прасковью Ивановну. Въ довершеніе всего, выпившій Галактіонъ, — онъ пилъ рѣдко и поэтому хмѣлѣлъ быстро, — началъ ухаживать за гостьей довольно откровенно.

— А вы все еще молодцомъ, Прасковья Ивановна, — говорилъ онъ немного прилипавшимъ языкомъ. — А моя Харитина на ободранную кошку скоро будетъ походить.

— Значить, вы плохо ее бережете, Галактіонъ Михеичъ.

— Ну, ужъ это пусть она сама себя бережетъ.

— Женщина — деликатное существо и требуетъ самаго нѣжнаго ухода.

— Что-то какъ будто не видалъ такихъ.

— Ужъ будто и не видали?

Прасковья Ивановна загадочно улыбнулась.

Штоффъ въ свою очередь наблюдалъ всѣхъ остальныхъ, улыбался и думалъ: «Нечего сказать, хорошень-

кія двѣ семейки!» Его больше всего смѣшило то, какъ Мышниковъ ревнуетъ свою Прасковью Ивановну. Тоже нашелъ занятіе... Да, видно, правда, что каждый дуракъ по-своему съ ума сходитъ.

— Ты это чему смѣешься?—привязался къ нему Мышниковъ.

— Я? А я думаю, что намъ недостаетъ только Ечкина и Полуянова.

— Ты глупъ, нѣмецъ.

— Я? Я человѣкъ вѣжливый и давно уступилъ совершенство другимъ. По-моему, даже обидно быть совершеннымъ въ обществѣ людей съ недостатками... А, впрочемъ, каждый глупъ какъ разъ настолько, насколько это нужно.

— Прилично глупъ?

— Нужно соблюдать приличія и въ умѣ.

Интересная бесѣда была прервана появившимся штурманомъ, который пришелъ сказать, что пароходъ готовъ. Всѣ обрадовались, потому что начинало уже накапливаться какое-то скрытое недовольство.

— Ахъ, какъ я люблю воду! — повторяла Прасковья Ивановна, съ восторгомъ хлопая ладонями. — Плыть, плыть безъ конца!

— А еще коньяку желаете выкушать? Я замѣтилъ, что вы вообще равнодушны къ жидкостямъ,—приставалъ Штоффъ.

— Отстаньте, невѣжа!

Прасковья Ивановна находилась въ кокетливомъ настроеніи и съ намѣреніемъ старалась побѣсить Мышни-

кова, начинавшаго ревновать ее даже къ Штофффу. Да, этихъ мужчинъ всегда слѣдуетъ немного выдерживать, а то они привыкаютъ къ женщинамъ, какъ ребенокъ къ своей куклѣ, которую можно колотить головой о полъ и по цѣлымъ днямъ забывать гдѣ-нибудь подъ диваномъ. Живой примѣръ — Харитина.

Поѣздка на пароходѣ удалась на рѣдкость. Особенно развеселился Галактіонъ. Онъ рѣдко пилъ, а тутъ разрѣшилъ. Обѣдали на открытой палубѣ и перебирали текущія новости, среди которыхъ первое мѣсто занимала таинственная смерть Нагибина, связанная самымъ глупымъ образомъ съ глупою женитьбой Симона.

— Нѣтъ, скажите мнѣ, куда дѣвались деньги?—приставалъ ко всѣмъ подвыпившій Штофффъ. — Вѣдь, онѣ были... да. И всѣмъ это извѣстно... И какая публика подобралась: Ечкинъ, Полуяновъ, Ліодоръ... Ха-ха!... Ліодоръ всѣхъ путаетъ.

— Я увѣренъ, что Ечкинъ тутъ рѣшительно не причемъ,—увѣрялъ Мышниковъ.— А Полуяновъ трусь... Ліодоръ глупъ. По-моему, все это устроилъ кто-нибудь четвертый.

— Ясно одно, что все дѣло сдѣлано своимъ человекомъ, который зналъ все, а главное—зналъ, куда старикъ пряталъ деньги. Да, нечего сказать, дѣльце интересное!

Когда всѣ подвыпили, Штофффъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ къ тостамъ, но его останавливалъ Мышниковъ.

— Перестань, Карла... Все равно, никто тебѣ не поверитъ.

— Ахъ, да!—соглашался Штофффъ.

— Вѣдь, все свои и смѣшно будетъ самому слушать свои собственные глупости.

Штоффъ соглашался, а потомъ забывалъ и дѣлалъ новую попытку разразиться спичемъ. Это смѣшило всѣхъ. Время, вообще, летѣло незамѣтно и всѣ удивились, когда штурманъ пришелъ сказать, что дальше подниматься вверхъ по Ключевой опасно. До Заполя оставалось всего верстъ пятнадцать.

— Э, пустяки!—заявлялъ Галактіонъ.—Я самъ поведу парходъ.

Его едва уговорили не браться за руль, а предоставить дѣло штурману, какъ болѣе знающему и опытному. Этимъ моментомъ и воспользовался Штоффъ.

— Господа, всего два слова на отвлеченную тему... Я хочу сказать о томъ, что такое герой... да. Вы не смѣйтесь.

— Герой, это—пьяный нѣмецъ,—вышучивалъ Мышиковъ.

— Нельзя ли безъ остроумія, отъ котораго столько же вреда, сколько отъ жеваной бумаги? И такъ, mesdames и messieurs, что такое герой? Герой не тотъ завоеватель, который съ вооруженнымъ полчищемъ разоряетъ беззащитную страну, не тотъ, кто, по выраженію Шекспира, за парами славы готовъ залѣзть въ жерло орудія, не хитрый дипломатъ, не модный поэтъ, не артистъ, не ученый съ своимъ послѣднимъ словомъ науки, не благодѣтель челоѳчества на бумагѣ,—нѣтъ, герои этого разбора покончили свое существованіе. Другое время, дру-

гія птицы и другія пѣсни... Нынѣшній, настоящій герой не имѣетъ даже имени, исторія не занесетъ его въ свои скрижали, благодарное потомство не будетъ чтить его памяти... Самъ по себѣ онъ даже не интересенъ и даже лучше его совсѣмъ не знать, ибо онъ весь растворяется въ своемъ дѣлѣ, онъ ферментъ, бродильное начало, та закваска, о которой говорится въ Писаніи... да. Однимъ словомъ, я говорю о Галактіонѣ.

— Вотъ такъ фунтъ! — ахнулъ Мышниковъ. — Карла, если бы ты меня возвелъ въ такіе герои, я на тебя подалъ бы жалобу мировому... Галактіонъ, хочешь я вчиню искъ объ оскорбленіи? Свидѣтели налицо... Все дѣло поведу на свой рискъ. Ха-ха!... Герой оптомъ... Раньше герои имѣли значеніе въ розницу, а теперь оптовый герой, безпаспортный.

— Говорите, говорите! — поощряла Прасковья Ивановна. — Это интересно!

— Позвольте мнѣ кончить, господа... Дѣло не въ названіи, а въ сущности дѣла. Такъ я говорю? Поднимаю бокалъ за того, кто открываетъ новые пути, кто срыываетъ завѣсу съ народныхъ богатствъ, кто ведетъ насъ впередъ... Я сравнилъ бы нашъ банкъ съ громадною паровою машиной, при чемъ роль пара замѣняетъ капиталъ, а вотъ этотъ пароходъ, на которомъ мы сейчасъ плывемъ — это только одинъ изъ приводовъ, который подчиняется главному двигателю... Геній заключается только въ томъ, чтобы воспользоваться уже готовою силой, а поэтому я предлагаю тостъ за...

Штоффу сегодня было суждено не кончить. Въ самый

интересный моментъ, когда уже стаканы были подняты, съ капитанскаго мостика раздался голосъ штурмана:

— Галактіонъ Михеичъ, пожаръ!

Всѣ поднялись разомъ. Гдѣ пожаръ? Что случилось? Всѣхъ больше перепугался Штоффъ,—перепугался до того, что готовъ былъ броситься въ воду. Скоро дѣло разъяснилось: пожаръ былъ впереди, въ той сторонѣ, гдѣ чуть брежжило Заполье.

— Заполье горить!—вырвалось у всѣхъ.

Галактіонъ самъ сталъ у штурвала, чтобы проѣхать какъ можно дальше. Ненагруженный пароходъ сидѣлъ всего на четырехъ четвертяхъ, а воды въ Ключевой, благодаря ненастью въ горахъ, было достаточно. Но не прошло и четверти часа, какъ на одномъ поворотѣ *Кампанія* врѣзалась въ мель.

— Ну, теперь кончено!—ахнулъ Штоффъ.—Господи, всего-то оставалось верстъ двѣнадцать!... Батюшки, что же мы будемъ дѣлать?... Посмотрите, господа, вѣдь, это наша Московская улица горить!

По прямой линіи до Заполья было всего верстъ шесть. Съ капитанской рубки картина пожараща развертывалась съ каждою минутой все шире. Громадные клубы дыма поднимались уже въ четырехъ мѣстахъ, заволакивая даль грозною багровою пеленой.

— Если бы лошадь... Боже мой, дайте мнѣ лошадь! — оралъ Штоффъ, въ безсильной ярости бѣгая по палубѣ.— Вѣдь, у меня все тамъ осталось.

— Господа, идемте пѣшкомъ,—предлагалъ Галакті-

онъ.— Это будетъ вдвое скорѣе, если мы станемъ подниматься на лодкѣ вверхъ по теченію.

— И я съ вами,—заявляла Прасковья Ивановна.

— Нѣтъ, ужь, извините, мадамъ,— рѣзко отвѣтилъ Штоффъ.— Куда вы съ своими юбками? Васъ же придется нести на рукахъ.

Галактіонъ и Мышниковъ были того же мнѣнія.

— Свиньи!—обругала всѣхъ Прасковья Ивановна.

Когда мужчины переѣхали на спасательной лодкѣ на берегъ и трусцой побѣжали прямо полями, она еще разъ обругала ихъ.

А пожаръ разливался съ каждою минутой все сильнѣе и черезъ какой-нибудь часъ Заполье представляло изъ себя одинъ сплошной костеръ.

ХІІ.

Пожаръ начался въ городскомъ предмѣстьѣ Теребиловкѣ, гдѣ застѣла мѣщанская голь перекатная. Загорѣлась какая-то несчастная баня. Съ бани огонь перекинулся на сосѣднюю стройку, а потомъ уже охватилъ разомъ цѣлый порядокъ. Пожарная команда оказалась въ неисправности, какъ и слѣдуетъ быть пожарной командѣ,—прогрессъ еще не дошелъ до нея. Бочки разохлись, рукава полопались, помпы не желали выкидывать воды,—однимъ словомъ, все какъ и должно быть. Стоявшая засуха дѣлала изъ деревянныхъ мѣщанскихъ построекъ какую-то подтопку, и огонь захватывалъ одну улицу за другой. Самое главное неудобство заключалось

въ томъ, что нельзя было проѣхать за водой къ Ключевой. Рѣка была на виду, а добраться до нея нельзя. Сдѣлавшія отчаянную попытку бочки пожарнаго обоза застряли въ трясинѣ, да еще на бѣду сломался ветхій мостикъ черезъ болото. Получалась картина полной безпомощности.

Когда изъ Теребиловки перекинуло на главную Московскую улицу, всѣхъ охватила настоящая паника. Спасенья не было. Не прошло часа, какъ городъ уже былъ охваченъ пламенемъ. Теперь сразу горѣло въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ видѣ отчаянной мѣры, были выпущены даже арестанты изъ острога. А пожаръ все разливался. Носились тучи искръ, огонь перебрасывало черезъ нѣсколько кварталовъ, а тутъ еще поднялся настоящий вихрь, точно ополчилось на беззащитный городъ само небо. Горѣлъ хлѣбный рынокъ, горѣлъ Гостиный домъ, новые магазины, земская управа, женская гимназія, зданіе запольскаго банка. Картина получалась страшная. Большинство домовъ были деревянные и, притомъ, по амбарамъ вездѣ хранилась пенька, ленъ, льняное сѣмя и т. д. Вездѣ по улицамъ грудami валялось вытащенное изъ домовъ добро и не было свободного проѣзда. Одурѣвшая скотина лѣзла въ огонь. У воротъ стояли старики и старухи съ образами на рукахъ.

Отдѣльныя сцены производили потрясающее впечатлѣніе. Горѣло десятками лѣтъ нажитое доброе, горѣло благосостояніе нѣсколькихъ тысячъ семей. И тутъ же рядомъ происходили тѣ комедіи, когда люди теряютъ отъ паники голову. Такъ, Харитонъ Артемьичъ бѣгалъ около

своего горѣвшаго дома съ кипой газетной бумаги въ рукахъ — единственное, что онъ успѣлъ захватить.

— Вѣдь, говорилъ Михей-то Зотычъ! — кричалъ онъ, накидываясь на встрѣчныхъ. — Онъ все говорилъ!... Чего наша дума смотрѣла? Гдѣ пожарные? Гдѣ подъѣздъ къ рѣкѣ?... Бить надо... всѣхъ надо бить!

Домъ, въ которомъ жилъ Стабровский, тоже занялся. У подъѣзда стояла коляска, потомъ вышли Стабровский съ женой и Дидей, но отъѣздъ не состоялся, благодаря миссъ Дудль. Англичанка схватила горшокъ съ олеандромъ и опрометью бросилась вдоль по улицѣ. Ее оставилъ какой-то оборванецъ, выдернулъ олеандръ и принялся имъ хлестать несчастную англичанку.

— Разѣ такое теперь время, штобы цвѣты таскать?!

Стабровский не хотѣлъ уѣзжать безъ миссъ Дудль, и это все разстроило. Около экипажа уже образовалась цѣлая толпа и слышались угрожающіе голоса:

— Поляки подожди городъ!.. Видишь, какъ ловко наклались уѣзжать! Ребята, не пущай!

Произошло замѣшательство.

— Папа, стрѣлай! — крикнула обезумѣвшая отъ страха Дидя.

Трудно было предвидѣть, чѣмъ бы закончилась эта дикая сцена. Въ такіе моменты не разсуждаютъ и самые выдержанные люди теряютъ голову. Стабровский по опыту зналъ, что такое возбужденная толпа. Его чуть не разорвали въ клочья, когда онъ занимался подрядами въ Сибири. А тутъ еще Дидя съ своею сумасшедшею фразой... Всѣхъ спасла миссъ Дудль, которую привели подъ

руки. Она такъ смѣшно сопротивлялась, кричала и вообще произвела впечатлѣніе. Толпа разступилась, и Стабровскій воспользовался этимъ моментомъ. Онъ увелъ всѣхъ во дворъ, велѣлъ затворить сейчасъ же ворота и огородами вывелъ всѣхъ уже на другую улицу.

— Въ огонь ихъ надо было бросить! — жалѣли въ оставшейся у воротъ толпѣ. — Видишь, подожгли городъ, а сами бѣжать!

Магнату пришлось выбраться изъ города пѣшкомъ. Извозниковъ не было, и за лошадь съ экипажемъ сейчасъ не взяли бы горы золота. Важно было уже выбраться изъ линіи огня, а куда — все равно. Когда Стабровскіе уже были за чертой города, произошла встрѣча съ бѣжавшими въ городъ Галактіономъ, Мышниковымъ и Штоффомъ. Произошелъ горячій обмѣнъ новостей. Пани Стабровская, истощившая послѣдній запасъ силъ, заявила, что дальше не можетъ идти.

— Спасайтесь вы на пароходъ, а я умру здѣсь, — спокойно совѣтовала она. — Мнѣ все равно не дойти.

— Я сейчасъ достану лошадь, — вызвался Галактіонъ. — Подождите меня.

Мышниковъ и Штоффъ задыхались отъ усталости.

— Тебѣ я не совѣтую идти въ городъ, — говорилъ Стабровскій едва бѣжавшему Штоффу. — Народъ потерялъ голову... Какъ разъ и въ огонь бросятъ.

Галактіонъ сдержалъ слово и черезъ полчаса вернулся въ простой крестьянской телѣгѣ. Это было уже величайшее счастье. Пани Стабровскую, Дидю и миссъ Дудль усадили кое-какъ, а Стабровскій помѣстился на облуч-

къ кучеромъ. Галактіонъ указалъ, по какому направле-
нію имъ ѣхать къ пароходу. Черезъ часъ телѣга подѣ-
ѣзжала уже къ Ключевой, и съ парохода подавали лодку.

— Хорошо то, что хорошо кончается, — замѣтилъ Ста-
бровскій, соображая всѣ обстоятельства дѣла.

Пароходныя дамы встрѣтили гостей съ распростертыми
объятіями: онѣ сгорали отъ нетерпѣнія узнать послѣднія
новости.

Когда банковскіе дѣльцы вошли въ городъ, все уже
было кончено. О какомъ-нибудь спасеніи не могло быть
и рѣчи. Въ центральныхъ улицахъ сосредоточивалось
теперь главное пекло. Горѣли каменные дома.

— Вотъ это такъ кусочекъ хлѣба съ масломъ! — вор-
чалъ Мышниковъ, задыхаясь отъ далекой ходьбы. — Поло-
жимъ, у меня все имущество застраховано.

— И у меня тоже, — отозвался Штоффъ. — Интере-
сно, выдержать ли наши патентованные несгораемые
шкафы въ банкѣ... Меня это всего больше занимаетъ.
Вѣдь, все равно, когда-нибудь мы должны были сгорѣть.

Это хладнокровіе возмутило даже Мышникова. Кстати,
патентованные несгораемые шкафы не выдержали опыта
и въ нихъ все сгорѣло. Зато Вахрушка спасъ свои ка-
питалы и какую-то дрянъ, спрятавъ все въ печкѣ. Это,
кажется, былъ единственный поучительный результатъ
всего запольскаго пожара, и находчивость банковскаго
швейцара долго служила темой для разговоровъ.

Единственный человѣкъ, который не тревожился, ни-
чего не спасалъ и ничего не боялся, это былъ докторъ
Кочетовъ. Когда къ нему въ кабинетъ вѣзжала горнич-

ная съ извѣстіемъ о пожарѣ, онъ даже не шевельнулся на своемъ диванѣ, а только махнулъ рукой. Пожаръ? Что такое пожаръ? Онъ, Кочетовъ, уже давно сжигалъ самого себя на медленномъ огнѣ... За послѣдніе дни галлюцинаціи приняли обостренную форму, и онъ все время страшно мучился, переживая свои превращенія въ Бубнова. Боже, какъ это было и тяжело, и страшно, и безвыходно!... Пожаръ? Что такое пожаръ? У него уже давно разливался этотъ пожаръ въ крови и въ мозгу: это, дѣйствительно, страшно, потому что отъ такого пожара нигде не убѣжишь. И потомъ, какъ могъ убѣжать Кочетовъ, когда на дорогѣ могъ превратиться въ Бубнова?

— Докторъ, уходите! — умоляли его прибѣжавшіе изъ магазина прикащики.

— Хорошо, хорошо. Не беспокойтесь.

И горничная, и прикащики не замѣтили, что съ ними говорилъ не докторъ Кочетовъ, а пьяница Бубновъ. Докторъ Кочетовъ могъ только смѣяться надъ этою мистификаціей. Впрочемъ, о немъ скоро забыли. Онъ стоялъ у открытаго окна и любовался пожаромъ. Вѣдь, это очень красиво, когда такая масса огня... Огонь—очищающее начало. Вонъ уже загораются сосѣдніе дома... Тоже очень недурно. Становилось жарко. Въ окна врывалась струя ѣдкаго дыма, а докторъ все стоялъ, любовался и дико хохоталъ, когда пламя охватило его собственный домъ. Онъ хохоталъ потому, что теперь для него сдѣлалось все совершенно ясно. Да, именно ясно, ясно какъ день... Стоя у окна, онъ нѣсколько разъ превращался въ Бубнова, и этотъ Бубновъ ужасно трусилъ, трусилъ до смѣш-

ного, — Бубнову со страху хотѣлось бѣжать, выпрыгнуть въ окно, молить о помощи.

— Ага, наконецъ-то ты мнѣ попался, голубчикъ! — злорадствовалъ докторъ, потирая руки. — Я тебя живого сожгу... Ха-ха!

Бубновъ струсилъ еще больше. Чтобы онъ не убѣжалъ, докторъ заперъ всѣ двери въ комнатѣ и опять сталъ у окна, — изъ окна-то онъ его уже не выпустить. А тамъ, на улицѣ, сбѣжались какіе-то странные люди и кричали ему, чтобъ онъ уходилъ, т.-е. Бубновъ. Это уже было совсѣмъ смѣшно. Глупцы они, только теперь увидѣли его! Докторъ стоялъ у окна и раскланивался съ публикой, прижимая руку къ сердцу, какъ оперный пѣвецъ.

— Извините, господа, а я не могу *его* выпустить.

Потомъ ему пришла уже совсѣмъ смѣшная мысль. Онъ расхохотался до слезъ. Эти люди, которые бѣгаютъ подъ окномъ по улицѣ и стучать во всѣ двери, чтобы выпустить Бубнова, не знаютъ, что стоило имъ крикнуть всего одну фразу: «Прасковья Ивановна требуетъ!» — и Бубновъ бы вылетѣлъ. О, онъ все можетъ... да!

— Ага, голубчикъ, попался! — хохоталъ докторъ, продолжая раскланиваться съ публикой. — Я очень радъ съ тобой покончить... Ты, вѣдь, мнѣ, говоря правду, порядочно надоѣлъ.

Сумасшедшій сгорѣлъ живымъ.

ЭПИЛОГЪ.

I.

Скитскіе старцы ѣхали уже второй день. Сани были устроены для ѣзды въ лѣсу, некованыя, безъ отводовъ, узкія и на высокихъ копыльяхъ. Когда выѣхали на настоящую твердую дорогу, по которой заводскіе углепоставщики возили изъ куреней на заводы уголь, эти лѣсные сани начали катиться какъ по маслу и нѣсколько разъ перевертывались. Сконфуженная лошадь останавливалась и точно съ укоромъ смотрѣла на валявшихся по дорогѣ сѣдоковъ.

— Эхъ, Анѳимъ, не умѣешь ты править!

— А ты самъ попробуй, Михей Зотычъ, родимый мой.

— И попробую... Ты, значить, садись въ самый задъ, а я на облучокъ. Ну, вотъ такъ...

— Стой!... Вывалишь!... Держи правѣ!...

Сани раскатывались и крушеніе повторялось. Скитскіе старцы даже повздорили изъ-за этого обстоятельства и напрасно мѣнялись мѣстами, показывая свое искусство.

Дѣло дошло чуть не до драки, когда въ одномъ ложкѣ при спускѣ съ горы сани перевернулись на всемъ раскатѣ вверхъ полозьями, такъ что сидѣвшій назади Михей Зотычъ рѣдкой улетѣлъ прямо въ снѣгъ, а правившій лошадью Анѳимъ протащился, запутавшись въ возжахъ, саженъ пять на собственномъ чревѣ.

— Вѣдь, я тебѣ говорилъ: держи право! — кричалъ озлившійся Михей Зотычъ, съ трудомъ вылѣзая изъ снѣга.

— Ну, говорилъ?... Я и держу, а сани влѣво и отнесло...

— Держу, держу! — передразнилъ его Михей Зотычъ. — Худая ты баба, вотъ что... Тебѣ кануны по упокойникамъ говорить, а не на коняхъ ѣздить.

— И ты хорошъ, заводскій варнакъ! — вскипѣлъ Анѣимъ. — Сколько разовъ-то вывалилъ самъ? Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала... Самъ ты баба!...

— Нѣтъ, ты... Я говорю: держи право! А ты...

Скитники стояли посреди дороги, размахивая руками, старались перекричать другъ друга и совсѣмъ не замѣтили, какъ съ горки спустились пустые угольные коробки, изъ которыхъ выглядывали черныя отъ угольной пыли лица углевозовъ.

— Запали его въ ухо, дѣдко! — крикнула одна черная рожа.

— Ну, вали, другой дѣдко!... Экъ, орутъ, точно черти надъ кашей!

Первымъ опомнился Анѣимъ и даже испугался, когда, наконецъ, замѣтилъ черныя рожи углевозовъ, — настоящій чортовъ поѣздъ. Онъ сердито отплюнулся, а потомъ перекрестился.

— Охъ, навожденіе, Михей Зотычъ! — виновато бормоталъ онъ. — Прости, родимый, на скоромъ словѣ...

— Богъ тебя проститъ... А только ты, все-таки, вправо долженъ былъ держать... да.

Старики усѣлись и поѣхали. Михей Зотычъ продолжалъ ворчать, а старецъ Анѣимъ только встряхивалъ головой и вздыхалъ. Когда поѣздъ углевозовъ скрылся

изъ виду, онъ остановилъ лошадь, слѣзъ съ облучка, подошелъ къ Михею Зотычу, наклонился къ его уху и шепотомъ заговорилъ:

— И что я тебѣ скажу, родимый мой...

— Ну, што? — тоже шепотомъ спрашивалъ Михей Зотычъ, озираясь по сторонамъ.

— А ты не замѣтилъ ничего, родимый мой? Мы-то тутъ споримся, да перегоряемся, да худыя слова выговариваемъ, а *онъ* насъ толкаетъ да толкаетъ... Я-то это давно примѣчаю, а какъ *онъ* швырнулъ тебя въ снѣгъ... А тутъ и самъ объявился въ прескверномъ образѣ... Ты думаешь, это углевозы ѣхали? Это *онъ* ѣхалъ съ своимъ сонмомъ, да еще посмѣялся надъ нами... Любо *ему*, какъ скитники вздорятъ.

Для Михея Зотыча все сдѣлалось ясно. Онъ тоже вылѣзъ изъ саней и бухнулъ въ ноги Анѳиму.

— Прости, отче, на скоромъ словѣ...

— Богъ тебя проститъ, Михей Зотычъ...

Оглядѣвши, Анѳимъ подмигнулъ и проговорилъ опять шепотомъ:

— Пусть *онъ* теперь поликуетъ, всескверный льстецъ... То-то давеча я замѣчаю, что держу вправо, а сани относить влево. А это *онъ* своей мерзкой лапой уцѣпить и тащить...

— А я слышалъ, какъ онъ когтемъ царапалъ, — шепотомъ же сообщалъ Михей Зотычъ, — въ томъ родѣ, какъ песь въ двери скребется...

— Вотъ, вотъ... Посмѣялся *онъ* надъ нами, потому *его* время настало. Охъ, горе душамъ нашимъ!... Покуда

лѣсомъ ѣхали, по снѣгу, такъ онъ не смѣлъ коснуться, а какъ выѣхали на дорогу, и началъ приставать... Онъ теперь вездѣ по дорогамъ шляется, — самое любезное для него дѣло.

Дальше скитники ѣхали молча и только переглядывались и шептали молитвы, когда на раскатахъ разносило некованья сани. Они еще вывалились разъ пять, но ничего не говорили, а только опасливо озирались по сторонамъ. Въ одномъ мѣстѣ Анѣимъ больно зашибъ руку и только улыбнулся. Охъ, не любить антихристъ, когда обличаютъ его лестныя кознованія!... Вонъ какъ ударилъ, и прямо по рукѣ, которая творить крестное знаменіе. На, чувствуй, старецъ Анѣимъ!

Въ Кукарскій заводъ скитники пріѣхали только вечеромъ, когда начало стемнѣться. Время было разсчитано раньше. Они остановились у нѣкотораго доброхота Василя, у котораго изба стояла на самомъ краю завода. Старецъ Анѣимъ внимательно осмотрѣлъ дымившуюся паромъ лошадь и только покачалъ головой. Вѣдь, кажется, скотина, тварь безсловесная, а и ту не пожалѣлъ онъ, — вотъ какъ упарилъ, точно съ возомъ, милая, шла.

— Знаменія въявь творятся, — шепотомъ сообщилъ Анѣимъ своему спутнику, когда вошелъ въ избу. — Я лошадь-то рогожкой прикрываю, а она, милая, вся трясется со страху... Тоже чувствуетъ, хоша объяснить и не можетъ по своей безсловесности. Охъ, искушеніе, Михей Зотычъ!...

— А ты не малодушествуй... Не то еще увидимъ.

Власть перваго звѣря царить, имя же ему шестьсотъ и шестьдесятъ и шесть... Не одною лошадыю онъ теперь трясеть, а всѣми потряхиваетъ, какъ вѣниками. Стенанія и вопль многъ въ боголюбивыхъ народахъ, ибо и земля затворилась за наши грѣхи.

Доброхоть Василій помѣстилъ гостей въ заднюю избу, чтобы никто не видѣлъ скитниковъ. Неровень часъ, и чужой человѣкъ навернется, да и бабешки тоже разнести могутъ.

— Ну, что, Васильюшко, какъ дѣла? — спрашивалъ Аноимъ.

— И не говори, отецъ честной... Глаза бы не глядѣли. Скотинку теперь распродаемъ... Не то что скотинѣ, а самимъ жевать нечего. Пудикъ ржаной мучки за цѣлковый перешелъ еще объ Рождествѣ, а общаются въ два вогнать.

— Ну, вамъ-то съ полугоря: фабрика прокормить.

— Работы сокращаютъ вездѣ по заводамъ... Вездѣ худо. Ужъ какъ только народъ дотянетъ до осени... Бѣдуютъ вездѣ, а башкырь мретъ цѣлыми деревнями. Страсти рассказываютъ.

— Слышали мы про бѣду... Не первый годъ она копилась. Главное — народъ ослабѣлъ.

Михей Зотычъ только слушалъ и молчалъ, моргая своими красными вѣками. За двадцать лѣтъ онъ мало измѣнился, только сдѣлался ниже. И все такой же бодрый, хотя ужъ ему было подъ девяносто. Онъ, попрежнему, сосалъ ржаныя корочки и запивалъ водой. Старецъ Ан-

ѡимъ оставался все такимъ же чернымъ жукомъ. Время для скитниковъ точно не существовало.

Разговоры съ доброхотомъ Васи́ліемъ шли далеко за полночь, особенно, когда зашла рѣчь о дешевомъ сибирскомъ хлѣбѣ.

— Вся надежа у насъ теперь на него, на сибирскій хлѣбушко, — повторялъ убѣжденно Васи́лій. — Только бы весны дожждаться, когда рѣки пройдутъ... Тамъ, сказываютъ, пудикъ-то мучки стоить всего-на-все 17 копѣчекъ. Вотъ какое дѣло, честные отцы!

Скитники на брезгѣ уже ѣхали дальше. Свои лѣсные сани они оставили у доброхота Васи́лія, а у него въ замятъ взяли обыкновенныя пошевни, съ отводами и подкованными полозьями. Теперь ужъ на раскатахъ экипажъ не валился на бокъ, и старики переглядывались. Надо полагать, онѣ отстали. Побился-побился и бросилъ. Впрочемъ, теперь другіе интересы и картины захватывали ихъ. По дорогѣ то и дѣло попадали пѣшеходы, истомленные, худые, оборванные, съ отупѣвшимъ отъ истомы взглядомъ. Это брели изъ голодавшихъ деревень въ Кукарскій заводъ.

— Охъ, сердяги! — вздыхалъ Ано́имъ. — Кукарскимъ-то самимъ ѣсть нечего...

Голодные, очевидно, плохо разсуждали и плелись на заводы въ надеждѣ найти какой-нибудь заработокъ. Большинство — мужики, за которыми по деревнямъ оставались голодавшія семьи. По пословицѣ, голодъ въ міръ гналъ.

Самое сильное впечатлѣніе произвели первыя встрѣчи,

и скитники роздали всѣ свои скитскіе подорожники. Дальше и помогать было нечѣмъ... Скитскіе старцы не представляли себѣ по чужимъ рассказамъ бѣдствія въ такихъ размѣрахъ. Изъ деревень брела настоящая рабочая сила. Сердце поворачивалось смотрѣть на этихъ мужиковъ, которые не ѣли по два, по три дня. Молчаливыя мѣки написаны были на лицахъ, свѣтились лихорадочнымъ свѣтомъ въ глазахъ и каждое движеніе точно было связано этою голодною мѣкой. Въ одномъ мѣстѣ прямо на снѣгу лежалъ пластомъ молодой мужикъ, выбившійся изъ силъ. Скитники ѣхали и не могли ничѣмъ помочь.

Въ другомъ мѣстѣ скитники встрѣтили еще болѣе ужасную картину. На дорогѣ сидѣли двое башкирь и прямо были отъ голодныхъ коликъ. Страшно было смотрѣть на ихъ искаженные лица, на дикіе глаза. Одинъ погнался за проѣзжавшими мимо пошевнями на четверенькахъ, какъ дикій звѣрь, — не было силъ подняться на ноги. Старецъ Анѣимъ струсиль и погналъ лошадь. Михай Зотычъ закрылъ глаза и молился вслухъ.

— Что же это такое? — спрашивалъ Анѣимъ. — Последнія времена настали, Михай Зотычъ...

— И давно настали... Хлѣбушко извели на винище, а *онъ* отрыгнулъ желѣзомъ, ситцами, самоварами да блондами.

— А какъ ты полагаешь на счетъ орды? Вѣдь, тоже живая душа...

— Голодъ-то всѣхъ сравнялъ... *Онъ* всѣхъ донимаетъ и всѣ равны предъ *его* лицомъ.

Самую ужасную картину представляла башкирская де-

ревня, — первая станція по заводскому тракту. Башкирія прилегала къ горамъ, а русскія поселенія уже шли дальше. Башкиры голодали и вымирали каждую зиму, такъ сказать, нормальнымъ образомъ, а теперь получалось нѣчто ужасное. Половина башкирскихъ избъ пустовала, — хозяева или вымерли, или разбрелись, куда глаза глядятъ. Нужно было покормить лошадей на постояломъ, и скитники отпавились посмотреть. Они въ первой же жилой избѣ натолкнулись на ужасающую картину: на нарахъ сидѣла старуха и выла, схватившись за животъ; въ углу лежала башкирка помоложе, спрятавъ голову въ какое-то тряпье, — несчастная не хотѣла слышать воя, стоновъ и плача ползавшихъ по избѣ голодныхъ ребятъ.

Михей Зотычъ побѣждалъ на постоялый дворъ, купилъ ковригу хлѣба и притащилъ ее въ башкирскую избу. Нужно было видѣть, какъ все кинулось на эту ковригу, вырывая куски другъ у друга. Люди обезумѣли отъ голода и бросались другъ на друга какъ дикіе звѣри. Михей Зотычъ стоялъ, смотрѣлъ и плакалъ... Слабъ человекъ, немощень, а велика его гордыня.

Возвращаясь на постоялый, скитники встрѣтили сельскаго старосту и пристали къ нему съ разспросами, чего смотритъ начальство.

— Какъ не смотрѣть, смотритъ начальство, — спокойно отвѣтилъ башкирь. — Бульно хорошо смотритъ.

— А гдѣ у васъ общественный магазинъ?

— Мало-мало посмотри...

Староста привелъ стариковъ къ общественному мага-

зину, растворилъ двери, и скитники отступили въ ужасѣ: въ амбарѣ, вмѣсто хлѣба, сложены были закоченѣвшіе трупы замерзшихъ башкиръ.

— Это урядникъ на дорогѣ собиралъ, — объяснилъ невозмутимо башкиръ. — Урядникъ все смотритъ.

Вернувшись на постоянный дворъ, старецъ Анѳимъ заявилъ:

— Ну, Михей Зотычъ, поѣдемъ-ка мы назадъ въ скиты... Помирать, такъ помирать честно, у себя дома.

— Какъ знаешь, честной отецъ. А я поѣду дальше... Миѣ нельзя.

Анѳимъ только вздохнулъ и отринулъ накатившій малодушный стихъ.

II.

Самыя ужасныя картины голода были именно въ «ордѣ». И безъ того башкиры вымираютъ во время зимнихъ голодовокъ, а тутъ вымирали вдвойнѣ. Помощи уже ни откуда не могло быть. Обыкновенно орда по зимамъ кормилась около русскихъ деревень, а теперь и тамъ ничего не было. Михей Зотычъ захватилъ съ собою всѣ свои капиталы и потихоньку творилъ тайную милостыню. Съ нимъ было до пятидесяти тысячъ, которыя онъ везъ на раздачу своимъ старовѣрамъ, но кругомъ стояла такая отчаянная нужда, что не было уже своихъ и чужихъ, а просто умиравшіе съ голоду. Денегъ старикъ не любилъ давать, а закупалъ, гдѣ только могъ, хлѣбъ и помогалъ натурой. Да и что значили въ такое время ка-

кія-нибудь пятьдесятъ тысячъ — капля въ морѣ. Море народной бѣды выступало изъ береговъ.

Скитники по краю Башкиріи, прилегавшему къ горамъ, проѣхали въ земли козачьяго оренбургскаго войска, гдѣ своихъ было достаточно. Михею Зотычу давно хотѣлось пробраться въ этотъ завѣтный край, о которомъ ходила красная молва. Главное — земли было вдоволь, по тридцати десятинъ на душу, и какой земли — черноземъ, какъ овчина. Особенно на-слуху были крѣпкія степныя травы, росшія на солончакахъ. Всякая скотина отгуливалась здѣсь, какъ на коврѣ. Но первыя же станицы поразили скитниковъ своимъ убожествомъ, напавшимъ убогую башкирскую городьбу. Козачья лѣнь такъ и лѣзла въ глаза.

— Охъ, лѣнныя козаченьки! — повторялъ Михей Зотычъ, опытнымъ хозяйскимъ глазомъ оглядывая всякую мелочь. — Пожалуй, не далеко отстали отъ башкырѣ-то.

— Есть лѣнца, — соглашался Анеимъ. — Неудержно живутъ. Нога за ногу задѣваетъ.

Въ одномъ мѣстѣ Михей Зотычъ возмутился до глубины души.

— Погляди-ка, Анеимъ, на козачью работу!

Анеимъ смотрѣлъ кругомъ на снѣжную поляну и ничего не понималъ.

— Не видишь? — злился Михей Зотычъ, останавливая лошадь.

Онъ вылѣзъ изъ саней, пошелъ въ сторону и принесъ нѣсколько сухихъ дудокъ, торчавшихъ изъ-подъ снѣга.

— Это какъ называется?

— У насъ дудкой медвѣжьей зовуть.

— А што это обозначаетъ? Ахъ, Аноимъ, Аноимъ! Ничего-то ты не понимаешь, честной отецъ! Гдѣ такая дудка будетъ расти? На некошенномъ мѣстѣ... Значить, трава прошлогодняя осталась — вотъ тебѣ и дудка. Кругомъ скотина отъ безкормицыдохнетъ, а козачки некошенную траву оставляютъ... Охъ, бить ихъ некому!

Всѣ станицы походили одна на другую и вездѣ были одни и тѣ же порядки. Не хватало рукъ, чтобъ управиться съ землей, и некому ее было сдавать, — арендная плата была отъ 20-ти до 50-ти копѣекъ за десятину. Прямо смѣшная цѣна... Далеко ли податься до башкирь, и тѣ вонъ сдаютъ поблизости отъ заводовъ по 3 рубля десятину. Козачки-то, пожалуй, похуже башкирь оказали себя.

Станичники тоже голодали, а главнымъ образомъ — нечѣмъ было кормить скотину, которую и продавали за безцѣнокъ.

— Охъ, вы бы лѣнь-то вашу куда-нибудь продали! — корилъ Михай Зотычъ. — Живете только однимъ годомъ, отъ урожда до урожда. Хоть бы солому-то оставляли скотинѣ... Вѣдь, годъ на годъ не приходится, миленькіе.

Огорчили станичники Михея Зотыча. Очень ужъ лѣнивы и прямо отъ себя голодаютъ. Къ вину тоже очень припадошны, — башкиры хоть лѣнивы, да вина не пьютъ.

— Ну, тутъ и смотрѣть нечего, — рѣшилъ Михай Зотычъ. — Хлѣбъ-то тоже къ рукамъ. Владаютъ городомъ, а помираютъ голодомъ.

Причина козачьей голодовки была налицо: безпросып-

ная козачья лѣнь, кабаки и какая-то дѣтская беззаботность о завтрашнемъ днѣ. Если крестьянинъ голодаетъ отъ своихъ четырехъ десятинъ надѣла, такъ его и Богъ простить, а голодать да морить моромъ скотину отъ тридцати—прямо грѣшно. Конечно, жаль малыхъ ребятъ да скотину, а ничѣмъ не поможешь,—подъ лежачь камень и вода не течетъ.

Изъ станицъ Михей Зотычъ повернулъ прямо на Ключевую, гдѣ уже не былъ года три. Хорошаго и тутъ мало было. Народъ совсѣмъ выбился изъ всякой силы. Около десяти лѣтъ уже выпадали недороды, но покрывались то степнымъ хлѣбомъ, то сибирскимъ. Своихъ запасовъ уже давно не было и хозяйственное равновѣсіе нарушилось въ корнѣ. И тутъ пшеничники плохо пахали, не хотѣли удобрять землю и везли на рынокъ послѣднее. Всякій рассчитывалъ перекрыться урожаемъ, а земля точно затворилась.

— Ручки любить земелька-то матушка!—вздыхалъ Михей Зотычъ.—Черная земелька родить бѣленькій-то хлѣбецъ и черныхъ ручекъ требуетъ... А пшеничники позазнались малымъ дѣломъ. И черному бы хлѣбцу рады, да и его не родилъ Господь... Охъ, миленькіе, отъ себя страждете!... Лакомство-то свое, видно, подороже всего, а вотъ Господь и нашелъ.

Эти строгія теоретическія разсужденія разлетались прахомъ при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ. Конечно, и пшеничники виноваты, а съ другой стороны выдвигалась масса такихъ причинъ, которыя уже не зависѣли отъ пшеничниковъ. Первое дѣло, своя собствен-

ная темнота одолѣвала, тотъ душевный гладъ, о которомъ говорить Писаніе. Пришли волки въ овечьей шкурѣ и воспользовались мглой... По закону разорили цѣлый край. И какъ все просто: комаръ носу не подточить.

Въ Суслонѣ пріѣхали ночью. Только въ одномъ поповскомъ домѣ свѣтился огонекъ. Гдѣ-то ревѣла голодная скотина. Во многихъ мѣстахъ солома съ крышъ была уже снята и ушла на кормъ. Вотъ до чего дошло! Вѣяло отъ всего зловѣщею голодною тишиной. На встрѣчу вышла голодная собака, равнодушно посмотрѣла на пріѣзжихъ, понюхала воздухъ и съ голодною зѣвотой отправилась въ свою конуру.

— И песъ передъ хлѣбомъ смиряется, — подумалъ Михай Зотычъ, припоминая старинную поговорку.

Емельянъ уѣхалъ съ женой въ Запольѣ, а на мельницѣ оставался одинъ Симонъ. Въ первую минуту старикъ не узналъ сына, — такъ онъ измѣнился за этотъ короткій срокъ.

— Ну, здравствуй, сынокъ.

— Здравствуй, тятенька.

— Вотъ пріѣхалъ посмотрѣть, какъ вы тутъживаете.

— А ничего... Вездѣ одно и то же.

— Видѣлъ, милый, что ничего... Хоть шаромъ покати... да. Чисто живете, однимъ словомъ. Давно мельница-то стоитъ?

— А съ осени... Нечего молоть. Вотъ ждемъ сибирскаго хлѣба.

— Ждите, миленькіе... Только какъ бы онъ мимо рта не проѣхалъ. Очень ужъ вы любите дешевку-то.

Отца Симонъ принялъ довольно сухо. Прежняго страха точно и не бывало. Михей Зотычъ только жевалъ губами и не спрашивалъ, гдѣ невѣстка. Наталья Осиповна видѣла въ окно, какъ подѣхалъ старикъ, и нарочно не выходила. Не велико кушанье,—подождетъ. Михей Зотычъ сейчасъ же сообразилъ, что Симонъ находится въ полномъ рабствѣ у старой жены, и захотѣлъ ее проучить.

— Ну, спасибо, сынокъ, за хлѣбъ-соль,—заявилъ онъ, поднимаясь.

— Папаша, куда вы?—спросилъ Симонъ.—Наташа сейчасъ выйдетъ.

— Какая Наташа?

— Жена Наташа.

— Ну, и пусть выходитъ, когда проспится. Прежде-то снохи свекоровъ за ворота выскакивали встрѣчать, а нынче свекоры должны ихъ ждать, какъ барынь... Нѣтъ, это ужъ не модель, Симонъ Михеичъ. Я вотъ тебѣ загадку загну: сноху привели и трубу на крышу поставили. Прощай, миленькій!

Старикъ Анѳимъ, распрягавшій лошадь, нисколько не удивился, когда пришелъ Михей Зотычъ и велѣлъ снова запрягать. Онъ привыкъ къ выходкамъ ндравнаго старика. Что же, ѣхать, такъ ѣхать.

— Вотъ какъ нынче въ гости къ дѣткамъ пріѣзжаютъ!—объяснялъ Михей Зотычъ, выѣзжая съ мельницы.—Пожалуйте почаще мимо-то.

Наталя Осиповна выглядывала на гостей изъ-за косяка и говорила:

— Съ Богомъ... Губа толще—брюхо тоньше.

Симонъ чувствовалъ себя постоянно виноватымъ передъ женой, а теперь еще больше. Но Наташа не взъѣлась на него, а только прибавила:

— Будетъ ломаться-то старымъ чертямъ... Въ чужой вѣкъ живутъ. Нѣтъ, видно, не прежнія времена.

Скитники переночевали у какого-то знакомаго Михею Зотычу мужичка. Голодъ чувствовался и въ Суслонѣ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ окрестныхъ деревняхъ. Зато суслонцевъ одолевали сосѣди. Каждое утро подъ окнами проходили вереницы голодающихъ. Михей Зотычъ сидѣлъ все утро у окна, подавалъ купленный хлѣбъ и считалъ голодныхъ.

— Охъ, Боговы работнички, не хорошо!—шамкалъ онъ.— Привелъ Господь съ ручкой идти подъ чужими окнами... Вотъ до чего лакомство-то доводитъ! Видно, который и богатъ мужикъ, да безъ хлѣба—не крестьянинъ. Такъ-то, миленькіе!... Охъ, нужда-то выучить, какъ калачи ѣдятъ!

Старецъ Анѳимъ молчалъ всю дорогу, не желая поддаваться бѣсовскому смущенію, а тутъ накинудся на Михея Зотыча.

— Што это ты дребезжишь, какъ худой горшокъ? Чужую бѣду руками разведу... А того не подумаешь, что кого осудилъ, тотъ грѣхъ на тебѣ и взыщется. Умень больно!

— А ежели правда?

— Правда-то ко время... Тоже вонъ хлѣбъ не растеть по снѣгу. Такъ и твоя правда... Видно, мужикъ-то умень, да міръ дуракъ. Не величайся чужою бѣдой... Божье тутъ дѣло.

Михей Зотычъ смущенно умолкъ. Терпѣливъ былъ Анѣимъ, а какъ прорветь—удержу нѣтъ.

— Ну, прости на скоромъ словѣ, честной отецъ,—покорно проговорилъ Михей Зотычъ.

— Миѣ-то чего тебя прощать, скрипуна, а вотъ ты ложкой кормишь, да стеблемъ глаза колешь.

— Охъ, согрѣшилъ, честной отецъ!

Смиренія у Михея Зотыча, однако, хватило не надолго. Онъ узналъ, что въ домѣ попа Макара устраивается «голодная столовая», и отправился туда. Ему все нужно было видѣть. Попъ Макарь сильно постарѣлъ и былъ весь сѣдой. Онъ два года назадъ похоронилъ свою попадью Луковну и точно весь засохъ съ горя. Въ первую минуту онъ даже не узналъ стараго благопріятеля.

— Вы на счетъ zemства?—спрашивалъ старикъ Михея Зотыча.—Ахъ, да что же это я!... Во-первыхъ, здравствуй, Михей Зотычъ, а, во-вторыхъ, будь гостемъ.

— Спасибо, спасибо, батя... Вотъ зашелъ провѣдать тебя. Какъ вы тутъ поживаете?

— А плохо, Михей Зотычъ. Какъ попадьѣ померла, такъ и пошло все вверхъ дномъ. Теперь вонъ голодъ... При попадѣ-то о голодѣ и не слыхивали, а какъ она померла...

— Сказываютъ, казна будетъ кормить?

— Наѣхали земскіе... Какъ же!... У меня сняли на

дворѣ избѹ подѣ столовую. Земска барышня пріѣхала, а потомъ Ермилычъ орудуетъ... Онъ, вѣдь, нынче тоже по земству.

«Земскою барышней» оказалась Устинька, которая пріѣхала съ какими-то молодыми людьми устраивать въ Суслонѣ столовую для голодающихъ. Мельникъ Ермилычъ въ качествѣ земскаго гласнаго помогалъ. Онъ уже цѣлое трехлѣтіе «служилъ» въ земствѣ и лѣзъ изъ кожи, чтобы чѣмъ-нибудь выдвинуться. Конечно, онъ поступалъ, во всемъ руководствуясь совѣтами Замараева.

Появленіе скитскаго старца въ голодной столовой произвело извѣстную сенсацію. Молодые люди приняли Михея Зотыча за голодающаго, пока его не узнала Устинька.

— Михей Зотычъ, какъ вы-то сюда попали? — удивлялась она, здороваясь со старикомъ.

— А мимо ѣхалъ, красавица. Ёхалъ, да и заѣхалъ. Эти молодцы-то поповичи будутъ?

— Нѣтъ, студенты. Сами пріѣхали. Вотъ двое фельдшерами будутъ, а другіе такъ, помогать.

— Такъ, такъ... Дай Богъ. А я думалъ, поповичи, потому бойки больно.

Какъ разъ въ этотъ моментъ подвернулся Ермилычъ, одѣтый уже по-городски — въ «спинжакъ», въ крахмальную сорочку и штаны на выпускъ.

— А, Михею Зотычу, сорокъ одно съ кисточкой! — бойко поздоровался онъ.

— Здравствуй, здравствуй, миленькій.

— Завернулъ поглядѣть, какъ мы будемъ народъ

кормить? Все, братъ, земство орудуетъ... Отъ казны способіе выхлопотали, отъ партикулярныхъ лицъ имѣемъ тоже. Какъ же!... Теперь вотъ здѣсь будемъ кормить, а тамъ деньгами.

— Такъ, такъ... Отъ денегъ-то народъ и въ раззоръ пошелъ, а вы ему еще денегъ суете. Отъ вашихъ денегъ и голодъ.

— Какъ же это такъ, Михай Зотычъ?—смутился Ермилычъ.

— А вотъ такъ... Ты подумай-ка своимъ-то умомъ. Жили раньше безъ денегъ и не голодали, а какъ узнали мужички, какія такія деньги бываютъ,—ну, и вышелъ голодъ. Ну, теперь то понялъ?

Ермилычъ только чесалъ въ затылкѣ, а Михай Зотычъ хлопнулъ его по плечу и вышелъ.

III.

Вернувшись домой, Михай Зотычъ опять долженъ былъ каяться въ «скоромъ словѣ», а честной отецъ Анѳимъ опять началъ его.

— Это онъ тебя подтыкаетъ на скорыя-то слова, Михай Зотычъ... Мірское у тебя на умѣ. А ты думай про себя, что хуже ты всѣхъ,—вотъ ему и нечего будетъ съ тобой дѣлать. А какъ ты погордился, онъ и проскочить.

— Не могу я умирить себя. Давѣ это меня Ермилычъ ушибъ... Все у нихъ деньги на умѣ.

— Расширился, сказываютъ, Ермилычъ-то... Въ ростъ деньги даетъ мужикамъ, а самъ все за безцѣнокъ ску-

паеть. Ему несутъ со всѣхъ сторонъ, а онъ беретъ... Тоже ремесло незавидное. Да еще хвалится: я, грить, всѣхъ васъ кормлю.

— Не къ добру распыхался.

Изъ Суслона скитники поѣхали внизъ по Ключевой. Михай Зотычъ хотѣлъ посмотрѣть, что дѣлается въ богатыхъ селахъ. Вездѣ было то же уныніе, какъ и въ Суслонѣ. Народъ потерялъ голову. Изъ подъ Заполя вверху по Ключевой быстро шелъ голодный тифъ. По дорогѣ попадались безцѣльно бродившіе по уѣзду мужики, — все равно, работы нигдѣ не было, а дома сидѣть не у чего. Болѣе малодушные уходили изъ дому, куда глаза глядятъ, чтобы только не видѣть голодавшія семьи.

За Суслономъ разсажались по Ключевой такія села, какъ Роньжа, Заево, Бакланиха. Нѣкоторыя избы уже пустовали, — семьи разбрелись, какъ послѣ пожара. Михай Зотычъ купилъ муки у попа Макара и раздавалъ фунтами и просто пригоршнями. Бабы такъ и рвали съ причитаньемъ и плачемъ.

Когда старцы уже подъѣзжали къ Жулановскому плёсу, ихъ нагналъ Ермилычъ, катившій на парѣ своихъ собственныхъ лошадей. Дорожная кошевка и вся упряжка были сдѣланы на купеческую руку, а самъ Ермилычъ сидѣлъ въ енотовой шубѣ и бобровой шапкѣ. Онъ что-то крикнулъ старикамъ и махнулъ рукой, обгоняя ихъ.

— Ко мнѣ заѣзжайте, старички! — донеслось уже издали.

— Ловко катается, — замѣтилъ Анѳимъ. — Въ Суслонѣ сказывали, что онъ ѣздитъ на своихъ, а съ земства по-

лучаеть прогоны. Чиновникъ тоже. Теперь съ попомъ Макаромъ дружить... Тотъ тоже хорошъ: хлѣба большія тысячи лежатъ, а онъ цѣну выжидаетъ. Злобятся мужички на попа-то... И куда, подумаешь, копить—одинъ какъ персть.

— Вотъ и ты осудилъ,—поймалъ его Михей Зотычъ.— Хоша онъ и не нашъ попъ, а все-таки на немъ санъ... Взыскъ-то съ тебя вдвое.

— И то согрѣшилъ, Михей Зотычъ... Согрѣшилъ, родимый. Народъ-то болтаетъ,—ну, и я за другими.

— А ты поддержи языкъ-то за зубами. Заѣдемъ, што ли, къ Ермилычу на мельницу? Надо на него поглядѣть дома-то.

— И то завернемъ. Коня хоть покормимъ.

Мельница Ермилыча была уже въ виду, когда на встрѣчу скитникамъ попалъ скакавшій безъ шапки мужикъ.

— Охъ, не ладно, родимые!—крикнулъ онъ на скаку.—Въ Суслонъ... въ волосъ... Охъ, не ладно!

Подъѣзжая уже къ самой мельницѣ, скитники замѣтили медленно расходившуюся толпу. У крыльца дома стояла взмыленная пара, а самъ Ермилычъ лежалъ на снѣгу, раскинувъ руки. Снѣгъ былъ утопанъ и покрытъ кровавыми пятнами.

— Охъ, не ладно!—повторилъ Анѣимъ слова скакавшего мужика.

Остановивъ сани, скитники подошли къ убитому, который еще хрипѣлъ. Вся голова у него была залита кровью, а одинъ глазъ выскочилъ изъ орбиты. Картина была ужасная. На крыльцѣ дома показался кучеръ и на-

чалъ дѣлать скитникамъ какіе-то таинственные знаки. Начиная расходиться толпа опять повернула къ мѣсту убійства.

— Уѣзжайте по добру по здорову!—уже крикнулъ кучерь.—Разстервенился народъ.

— Ну, насъ-то это не касается,—спокойно отвѣтилъ Михей Зотычъ.—Кто сдѣлалъ, тотъ и отвѣтъ дать.

Толпа все надвигалась. Послышался чей-то одинокій голосъ:

— Ребята, да, вѣдь, это старичонко съ Прорыва!

— Онъ!... Братцы, это Колобовъ!... Онъ первую крупчатку поставилъ и всѣхъ насъ разорилъ. Его работа.

— Онъ наколдовалъ, старичонко, голодъ-то!... Ишь какъ ловко присунулся!

Толпа загалдѣла вся разомъ и двинулась къ мельникову дому. Задніе подталкивали переднихъ. Анѣимъ забрался въ сани и умолялъ Михея Зотыча уѣзжать.

— Не боюсь я дурачковъ,—спокойно отвѣтилъ упрямый старикъ.

Толпа продолжала наступать и когда передніе окружили Михея Зотыча, Анѣимъ не вытерпѣлъ и понукнулъ лошадь. Кто-то хотѣлъ загородить ему дорогу, кто-то хватался за поводья, но лошадь была ученая и грудью пробила живую стѣну. Мелькнули только искаженные злобой лица, сжатые кулаки. Кто-то сдернулъ съ Анѣима шапку. Полетѣла въ догонку толстая налка. Все это случилось такъ быстро, что Анѣимъ опомнился только за околицей.

Оглянувшись, Анѣимъ такъ и обомлѣлъ. По дорогѣ бѣ-

жалъ Михей Зотычъ, а за нимъ съ ревомъ и гикомъ гналась толпа мужиковъ. Анѣимъ видѣлъ, какъ Михей Зотычъ сбросилъ на ходу шубу и прибавилъ шагу, но старость сказывалась и онъ началъ уставать. Вотъ уже совсѣмъ близко разъяренная, обезумѣвшая толпа. Анѣимъ даже раскрылъ глаза, когда изъ толпы вылетѣла пара лошадей Ермилыча и какой-то мужикъ, стоя въ кошевой на ногахъ, размахивая возжами, налетѣлъ на Михея Зотыча.

— Господи, прости раба твоего Михея! — взмолился Анѣимъ, погоняя лошадь.

Къ своему ужасу онъ слышалъ, что пара уже гонится за нимъ. Лошадь устала и плохо прибавляла ходу. Гдѣ же одной уйти отъ пары? Анѣимъ уже слышалъ приближавшійся топотъ и, оглянувшись, увидѣлъ двухъ мужиковъ въ кошевкѣ. Они были уже совсѣмъ близко и что-то кричали ему. Анѣимъ началъ хлестать лошадь возжами.

— Эй, не гони! Лошадь изведешь! — кричалъ кто-то сзади.

А топотъ былъ все ближе. Вотъ уже совсѣмъ насѣдаютъ. Даже слышно, какъ тяжело храпитъ закормленный еоренникъ.

— Стой!

Анѣимъ продолжалъ отчаянно хлестать лошадь возжами, когда кошевка поровнялась съ нимъ.

— Стой, отчаянный! Лошадь изведешь!

Анѣимъ только сейчасъ узналъ голосъ Михея Зотыча. Да, это былъ онъ, цѣлъ и невредимъ. Другой мужикъ лежалъ ничкомъ въ кошевкѣ и жалобно стоналъ.

— Вотъ такъ погостили!—добродушно смѣялся Михей Зотычъ, останавливая взмыленныхъ лошадей.—Нечего сказать, ловко!

Лежавшій въ кошовкѣ кучеръ продолжалъ стонать.

— Охъ, убили!... Смертынька моя!

— Ну-ка, покажи, какой тебѣ гостинецъ достался?—спокойно говорилъ Михей Зотычъ.

— А плечо у меня...какъ саданетъ Гришка Уметовъ оглоблей.

Михей Зотычъ осмотрѣлъ ушибъ, затекавшій багровымъ пузыремъ, ощущалъ, цѣла ли кость, и рѣшилъ:

— Ничего, заживетъ... Твое счастье, что по шубѣ пришлось, а то остался бы безъ руки.

Молодой парень - кучеръ сѣлъ въ кошевку и зарыдалъ истерически.

— Разстервенились, варнаки!... Дядя-то Егоръ съ полѣномъ за мной гнался... Это, кричитъ, змѣй, а не племянникъ!... А тутъ подвернулся Гришка Уметовъ... Ка-акъ саданетъ...

Парень долго не могъ успокоиться и время отъ времени начиналъ причитать какъ-то по-бабьи. Собственно своимъ спасеньемъ Михей Зотычъ обязанъ былъ ему. Когда били Ермилыча, кучеръ убѣжалъ и спрятался, а когда толпа погналась за Михеемъ Зотычемъ, онъ окончательно струсилъ: убьютъ старика и за него примутся. Въ отчаяніи онъ погналъ на лошадяхъ за толпой, какъ-то пробился и, догнавъ бѣжавшаго Михея Зотыча, на всемъ скаку подхватилъ его въ свою кошевку.

— Кабы не твоя догадка, такъ лежать бы миѣ рядыш-

кемъ съ Ермилычемъ,—спокойно соображалъ Михей Зотычъ. — Спасибо, выручилъ.

Расщедрившись, старикъ добылъ два мѣдныхъ пятака и сунулъ ихъ за пазуху рыдавшему спасителю.

— На, пригодятся, миленькій.

Когда кучеръ немного успокоился, скитники узнали, какъ было все дѣло съ Ермилычемъ.

— Злобились раньше на него наши мужички, — рассказывалъ кучеръ, охая и ощупывая ушибленное мѣсто. — Давно злобились потому, какъ онъ всю округу забралъ въ лапы, не тѣмъ будь помянуть покойникъ... Всѣ у него были въ долгу, какъ рыба въ сѣти. За его-то денежки, окромя проценту, еще отрабатывать приходилось. Дастъ подъ закладъ два рубля, вычтетъ впередъ проценту сорокъ восемь копѣекъ, да еще отрабатывай ему въ страду. А тутъ въ голодъ-то онъ и совсѣмъ лютовать началъ... Что хошь бери, а только не дай съ голоду помереть. На-послѣдяхъ онъ и удумалъ штуку... Суслонскому-то попу Макару зазорно самому хлѣбъ въ четыре дорога продавать, — ну, онъ черезъ Ермилыча, а Ермилычу опять свой процентъ съ поповскаго хлѣба идетъ. Мужички-то тошнѣе того озлобились... Ну, какъ мы пріѣхали сегодня изъ Суслона-то, мужички и окружили... «Опять, грядъ, за поповскимъ хлѣбомъ ѣздить, кровопивецъ?» Оно бы ничего, ежели бы Ермилычъ не выпимши былъ... Учалъ онъ мужичковъ ругать, а потомъ выхватилъ левольвертъ и учалъ левольвертомъ грозить... Тутъ ужъ дядя Егоръ какъ саданетъ его стягомъ... Потомъ всѣ бросились и давай рвать, какъ вол-

ки. Дыхануть одинова не успѣлъ... А дядя Егоръ разстервенился и на меня. «Одной свиньи, кричить, мясо!». Ну, я и убѣгъ въ сѣни. А тутъ вы, какъ на грѣхъ, подъѣхали... Я-то обозначалъ вамъ, штобъ уѣхали, а вы толчетесь около Ермилыча... Охъ, смертынька моя!... Зря человекъ порѣшили... Потомъ эпомнятся, какъ начальство наѣдетъ. Не свой братъ... Охъ, ущемило у меня въ плечѣ, Михей Зотычъ!

Опасность налетѣла такъ быстро и такъ быстро пронеслась, что скитники опомнились и пришли въ себя только вечеромъ, когда пріѣхали въ свою раскольничью деревню и остановились у своихъ. Анѣимъ всю дорогу оглядывался, ожидая погони, но на ихъ счастье въ деревнѣ не нашлось ни одной сытой лошади, чтобы догонять скитниковъ. Михей Зотычъ угнетенно молчалъ и заговорилъ только, когда улеглись спать.

— Анѣимъ... ты спишь?

— Нѣтъ.

— А, вѣдь, давѣ-то былъ у смерти конецъ.

— Совсѣмъ конецъ приходилъ, Михей Зотычъ.

Колобовъ только тутъ припомнилъ, какъ предательски поступилъ съ нимъ честной отецъ — бросилъ на растерзаніе, а самъ угналъ.

— Анѣимъ, разѣ это порядокъ, чтобъ угонять?

— А ежели ты уперся, какъ пень?

— Трусъ ты спраздновалъ, честной отецъ... Ахъ, нехорошо! Кабы не догадливый кучеръ... Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Борзость свою хотѣлъ показать, Михей Зотычъ.

Припомнивъ всѣ обстоятельства, Михей Зотычъ только теперь испугался. Старикъ сѣлъ и началъ креститься, чувствуя, какъ его всего трясетъ. Безъ покаянія бы померъ, какъ Ермилычъ... Видно, за родительскія молитвы Господь помиловалъ. И то сказать, отъ своей смерти не посторонишься.

— Анѳимъ, а ворота заперты?

— Заперты.

— Точно какъ будто на улицѣ шумъ?

— Блазнить тебѣ, Михей Зотычъ. Перекрестись, да спи.

Михей Зотычъ не могъ заснуть всю ночь. Ему все слышался шумъ на улицѣ, топотъ ногъ, угрожающіе крики и онъ опять трясся какъ въ лихорадкѣ. Разъ десять онъ подкрадывался къ окну, припадалъ ухомъ и вслушивался. Все было тихо, онъ крестился и опять напрасно старался заснуть. Еще въ первый разъ въ жизни смерть была такъ близко, совсѣмъ на носу, и онъ трепеталъ, не смотря на свои девяносто лѣтъ.

— Анѳимъ, ты спишь?

Анѳимъ притворился спящимъ и ничего не отвѣчалъ.

Потомъ Михею Зотычу сдѣлалось страшно уже не за себя, а за другихъ, за потемнѣвшій разумъ, за страшное звѣрство, которое дремлетъ въ каждомъ человѣкѣ. Убиту лучше — разъ потерпѣть, а убивцы будутъ всю жизнь казнить и муку мученическую принимать. Хуже всякаго звѣря человѣкъ, когда Господь лишить разума.

— Господи, помяни ненавидящія насъ!... Анѳимъ, ты спишь? Господи, умири раба твоего Анѳима!

IV.

Въ домѣ Стабровскаго царило какое-то гнетуще-грустное настроеніе, хотя по логикѣ вещей и должно было бы быть наоборотъ. На святкахъ вышла замужъ Дидя, и съ этимъ моментомъ кончились отцовскія заботы Стабровскаго. Женихъ явился изъ Польши, откуда его направили безконечныя польскія тѣти. Онъ даже приходился какимъ-то отдаленнымъ родственникомъ Стабровскому и пріѣхалъ какъ свой человѣкъ. Молодой, красивый инженеръ ѣхалъ въ далекую Сибирь съ широкими планами обновить мертвую страну разными предпріятіями. Тѣти предупредили Стабровскаго, что панъ Казиміръ Ярецкій можетъ составить отличную партію для Диди. Старикъ громко расхохотался надъ этимъ предположеніемъ. Конечно, Дидя женщина и въ свое время должна пройти свой женскій кругъ, но помириться на какомъ-то Ярецкомъ... Дидя хотя и не совершенство, но она еще такъ мало видѣла людей и легко можетъ сдѣлать ошибку въ своемъ выборѣ. Вообще, эта комбинація не входила въ планы Стабровскаго. Онъ мечталъ завершить образованіе Диди поѣздкой за-границу, чтобы показать дочери настоящую жизнь и настоящихъ людей. Въ сущности, Дидя все-таки провинціалка и ничего не знаетъ, а тамъ раскроются новые горизонты и наберется для сравненія новый матеріалъ. Но эта предполагаемая поѣздка все не устраивалась. Съ одной стороны, свои дѣла не пускали, а съ другой— какъ-то неловко было оставить больную жену. Тащить ее за-границу тоже не приходилось, потому что домашнихъ удобствъ и привычекъ ничто не

могло ей замѣнить, никакая за-граница, она уже была въ такомъ возрастѣ, когда тяжелы всякія перемѣны. Такъ дѣло и тянулось изъ года въ годъ, тѣмъ болѣе, что и Дидя еще была слишкомъ молода.

Къ молодому пану Казиміру Стабровскій отнесся довольно холодно, какъ относятся къ дальнимъ родственникамъ, а Дидя съ перваго раза взяла надъ нимъ верхъ и безъ стѣсненія вышучивала каждый его шагъ. Стабровскій успокоился, потому что изъ такой комбинаціи, конечно, ничего не могло выйти. Самъ по себѣ панъ Казиміръ былъ не глупъ, держалъ себя съ тактомъ, хотя въ немъ и не было того блестящаго ума, который выдвигаетъ людей изъ толпы. Стабровскому казалось, что въ молодомъ панѣ тѣ же черты вырожденія, какія онъ со страхомъ замѣчалъ въ Дидѣ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ старикъ уже не довѣрялъ самому себѣ, — въ извѣстномъ возрастѣ начинаетъ казаться, что прежде было все лучше, а особенно лучше были прежніе люди. Это дань возрасту, результатъ собственнаго истощенія.

По всей вѣроятности, панъ Казиміръ уѣхалъ бы въ Сибирь съ своими широкими планами, если бъ его не выручила маленькая случайность. Еще послѣ пожара, когда было уничтожено почти все Заполье, Стабровскій началъ испытывать какое-то смутное недомоганье. Какая-то тяжесть въ головѣ, бродячая боль въ конечностяхъ, ревматизмъ въ лѣвой рукѣ. Все это передъ Рождествомъ разрѣшилось первымъ ударомъ паралича, даже не ударомъ, а ударцемъ, какъ вѣжливо выразился докторъ Кацманъ.

— Это первое предостереженіе, докторъ, — спокойно замѣтилъ Стабровскій, когда пришелъ въ себя. — Зачѣмъ себя обманывать?... Я понимаю, что съ такимъ ударцемъ можно протянуть еще лѣтъ десять - пятнадцать, но все-таки скверно. Пѣсенка спѣта.

Стабровскаго пріятно поразило то вниманіе, съ какимъ ухаживала за нимъ Дидя. Она ходила за нимъ какъ настоящая сидѣлка. Стабровскій не ожидалъ такой нѣжности отъ холодной по натурѣ дочери и былъ растроганъ до глубины души. И потомъ, Дидя дѣлала все такъ спокойно, увѣренно какъ совсѣмъ взрослая, опытная женщина.

Организмъ у Стабровскаго былъ замѣчательно крѣпкій, и онъ быстро оправился. Всякое выздоровленіе, хотя и относительное, обновляетъ человѣка, и Стабровскій чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Именно этимъ моментомъ и воспользовалась Дидя. Она какъ-то вечеромъ читала ему, а потомъ положила книгу на колѣни и проговорила своимъ спокойнымъ тономъ, иногда возмущавшимъ его:

— Папа, ты не любишь Казиміра, я это знаю.

— Не то, чтобы совсѣмъ не люблю, Дидя, а такъ, вообще... Есть люди особенные, выдающіеся, сильные, которые дѣлаютъ свое время, даютъ имя цѣлой эпохѣ, и есть люди средніе, почти безформенные.

— Вотъ именно къ такимъ среднимъ людямъ и принадлежитъ Казиміръ, папа. Я это понимаю. Вѣдь, эта безличная масса необходима, папа, потому что безъ нея не было бы и выдающихся людей, въ которыхъ, говоря

правду, я какъ-то плохо вѣрю. Какъ мнѣ кажется, время таинственныхъ принцевъ и еще болѣе таинственныхъ принцессъ прошло.

— Дидя, а иллюзіи? Вѣдь, въ жизни иллюзія — все... Отними ее — и ничего не останется. Жизнь въ томъ и заключается, что постепенно падаетъ эта способность къ иллюзіи, падаетъ свѣтлая молодая вѣра въ принцевъ и принцессъ, понижается вообще самый *appetitus vitae*... Это — печальное достояніе насъ, стариковъ, и мнѣ прямо больно слышать это отъ тебя. Ты начинаешь съ того, чѣмъ обыкновенно кончаютъ.

Дѣвушка посмотрѣла на отца почти съ улыбкой сожалѣнія, отъ которой у него защемило на душѣ. У него въ головѣ мелькнула первая тѣнь подозрѣнія. Начало не обѣщало ничего хорошаго. Прежде всего, его обезоруживало насмѣшливое спокойствіе дочери.

— Ты что-то хочешь сказать мнѣ, Дидя?

— Да.

— Предъидущее служило подготовленіемъ?

— Да.

Наступила неловкая пауза, и Стабровский со страхомъ посмотрѣлъ на дочь. Вотъ когда началось то, чего онъ такъ боялся! До сихъ поръ она принадлежала ему, а теперь...

— Дидя, ты влюблена? — тихо спросилъ онъ, чувствуя, какъ весь начинаетъ холодѣть.

— Нѣтъ.

Она засмѣялась. Онъ облегченно вздохнулъ. Она наклонилась къ нему, поцѣловала и проговорила:

— Папа, я не способна къ этому чувству... да. Я знаю, что это бываетъ и что всѣ дѣвушки мечтаютъ объ этомъ, но, къ сожалѣнію, я рѣшительно не способна къ такому чувству. Назови это уродствомъ, но, вѣдь, бываютъ люди глухіе, хромые, слѣпые, вообще, калѣки. Значить, по аналогіи, должны быть и нравственные калѣки, у которыхъ недостаетъ самыхъ законныхъ чувствъ. Какъ видишь, я совсѣмъ не желаю обманывать себя. Вѣдь, я тоже *средній* человѣкъ, папа... У меня умъ перевѣшиваетъ все, и я впередъ отравляю всякое чувство.

— А ты не ошибаешься?

— Опять спасительная логика *средняго* человѣка, папа... Въмѣсто иллюзіи, здѣсь является довольно грустный житейскій расчетъ.

— Дидя, ты меня пугаешь...

— Поговоримъ, папа, серьезно... Я смотрю на бракъ, какъ на дѣло довольно скучное, а для мужчины и совсѣмъ тошное. Вѣдь, бракъ для мужчины—это лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ, и твои принцы постоянно бунтуютъ, отравляютъ жизнь и себѣ, и женѣ. Для чего мнѣ мужъ герой? Мнѣ нуженъ тотъ нормальный *средній* человѣкъ, который терпѣливо понесетъ свое семейное иго. У себя дома, вѣдь, нѣтъ ни героевъ, ни геніевъ, ни особенныхъ людей, и въ этомъ, по-моему, секретъ того крошечнаго, углового эгоизма, который мы называемъ семейнымъ счастьемъ.

Разсудительность Диди тяжело подѣйствовала на Старовскаго, — вѣдь, это своего рода холодный и безпринципный развратъ. Съ другой стороны, она совершенно

застрахована отъ обыкновенныхъ женскихъ слабостей, хотя такія сдержанныя натуры иногда и кончаютъ очень плохо.

Долго раздумывалъ Стабровский и такъ, и этакъ, а главное — о томъ, что не сегодня-завтра онъ можетъ умереть, и Дидя останется совершенно на произволъ судьбы. Конечно, панъ Казиміръ заставляетъ желать многого, чтобы сдѣлаться приличнымъ совершенствомъ, но, все равно, другого выбора нѣтъ. Старикъ плохо помнилъ, какъ далъ свое согласіе на этотъ бракъ, а черезъ недѣлю послѣ свадьбы уже проклиналъ себя. Гдѣ у него были глаза? Вѣдь, панъ Казиміръ, прежде всего, глупъ, да еще самонадѣянно глупъ, а потомъ онъ получилъ въ замѣнъ ума порядочную дозу самой нехорошей мелкой хитрости и, наконецъ, онъ золъ, какъ маленькое безсильное животное. Стабровский возненавидѣлъ зятя и просто не могъ выносить его присутствія. Въ довершеніе всего, Дидя, умненькая, разсудительная и холодная, какъ маленькая змѣйка, ничего этого не видѣла и, кажется, была счастлива, что связала свою жизнь съ этимъ вырождающимся ничтожествомъ.

Разъ у Стабровскаго съ зятемъ разыгралась довольно крупная сцена. Старика больше всего поразило то, что присутствовавшая при этомъ Дидя упорно молчала, она была согласна съ мужемъ и только изъ вѣжливости не противорѣчила отцу. Ясно, что произошла перемѣна подданства. Результатомъ этой сцены былъ второй, уже настоящій ударъ, уложившій Стабровскаго на три мѣсяца въ постель. У него отнялась вся правая половина, ско-

сило лицо и долго не дѣйствовалъ языкъ. Именно въ такомъ безпомощномъ состояніи его и застала голодная зима. И было достаточно трехъ мѣсяцевъ, чтобы все, что подготовлялось цѣлою жизнью, разомъ нарушилось. Произошло нѣчто въ родѣ отложенія подданныхъ. Прежде всего, распалось соглашеніе винокуровъ, и Стабровскій пересталъ получать отступное; потомъ въ банкѣ, видимо, на Стабровскаго поставили крестъ и не считали нужнымъ даже отвѣчать на его письма; наконецъ, отдѣльные лица, обязанные ему всѣмъ, проявили самую черную неблагодарность. Особенно типичнымъ примѣромъ такихъ отношеній былъ тотъ, когда Галактіонъ отказался не только платить взятія у Стабровскаго пятьдесятъ тысячъ, но даже отказался пріѣхать для личныхъ объясненій.

— Зачѣмъ я поѣду къ нему?—удивлялся Галактіонъ съ прямолинейностью настоящего мошенника. — Пусть г. Стабровскій лучше посчитаетъ, сколько я ему доставилъ барышей, когда трепался по кабакамъ...

И другіе были не лучше: Штоффъ, Мышниковъ, свои собственные служащіе и лучше всѣхъ, конечно, былъ зять, ждавшій его смерти, какъ воскресенія. О, какъ всѣхъ теперь понималъ Стабровскій и какъ понималъ то, что вся его жизнь была одною сплошною ошибкой!

Сознаніе вернулось, но говорить правильно Стабровскій не могъ. Онъ подыскивалъ или забывалъ слова и говорилъ совсѣмъ не то, что желалъ. Это доводило его до слезъ. Все понимать и не имѣть возможности все объяснить — что можетъ быть хуже? Болѣзнь развила въ

немъ страшную подозрительность, — онъ теперь не вѣрилъ даже родной дочери. Изъ всѣхъ окружающихъ онъ отдавалъ предпочтеніе деревянной миссѣ Дудль, которая была всегда одинакова, да еще Устинькѣ, которая приходила навѣщать его почти каждый день. Дѣвушка приносила съ собой неистощимый запасъ печальныхъ новостей.

— Если бы вы только могли видѣть, Болеславъ Брониславичъ! — говорила Устинька со слезами на глазахъ. — Голодающія дѣти, голодающія матери, старики, отцы семействъ... Развивается голодный тифъ.

— Да? — равнодушно удивлялся Стабровскій. — И я тоже голоденъ... А что значитъ: ѣсть?... Меня доктора заставляютъ ѣсть.

Въ другой разъ Стабровскій сказалъ Устинькѣ:

— Они голодны? Какое счастье!... Если бъ я могъ быть голоднымъ!

Онъ даже приподнялся на подушкѣ и со слезами на глазахъ объяснилъ свою мысль:

— Я постоянно голоденъ, но не могу ѣсть... И это даже не голодъ въ собственномъ смыслѣ, а это... это... это... Ахъ, я все готовъ былъ бы отдать за то, чтобы быть такимъ голоднымъ, какъ ваши голодные!... Я имъ завидую.

Это былъ какой-то сумасшедшій бредъ, и Стабровскій только по сдержанно-грустному выраженію лица Устиньки догадывался, что онъ говоритъ что-то невозможное, старался поправиться и окончательно запутывался въ собственныхъ словахъ.

Устинька въ отчаяніи уходила въ комнату миссъ Дудль, чтобъ отвести душу. Она только теперь въ полную мѣру оцѣнила эту простую, но твердую женщину, которая въ каждый данный моментъ знала, какъ она должна поступить. Миссъ Дудль совсѣмъ сжилась съ семьей Стабровскихъ и рассчитывала, что, въ случаѣ смерти старика, перейдетъ къ Дидѣ, у которой могли быть свои дѣти. Но случилось другое: деревянную англичанку безъ всякой причины возненавидѣлъ панъ Казиміръ, а Дидя по своей привычкѣ и не думала ее защищать.

— Они выгоняютъ меня изъ дому, какъ старую водовозную клячу, — спокойно предусматривала событія миссъ Дудль. — И я не довела бы себя до этого, если бы мнѣ не было жаль мистера Стабровскаго... Безъ меня о немъ всѣ забудутъ. Мистеръ Казиміръ ждетъ только его смерти, чтобы получить всѣ деньги... Дидя будетъ еще много плакать и тогда вспомнить обо мнѣ.

— Миссъ Дудль, если вы почему-нибудь вздумаете — переѣзжайте прямо ко мнѣ, — предлагала нѣсколько разъ Устинька. — Право, мы проживемъ вмѣстѣ недурно.

Миссъ Дудль каждый разъ удивлялась и даже цѣловала Устиньку. Эти поцѣлуи походили на прикладываніе мраморной плиты. И все-таки миссъ Дудль была чудная дѣвушка, и Устинька училась, наблюдая эту выдержанную англійскую миссъ.

V.

Послѣ пожара прошло пять лѣтъ, и Заполье выстроилось за-ново. Отъ стараго города осталось очень немного.

Показались пустыри, на которыхъ некому было строиться. Въ общемъ городъ получилъ новенькій видъ и, пожалуй, былъ красивѣе стараго. Этотъ пожаръ докончилъ разореніе того средняго купечества, которое составляло силу стараго города. Повидимому, была и торговля, и промышленность, но все это являлось какимъ-то призракомъ. Теперь вся жизнь строилась на кредитѣ: дома строили въ кредитъ, промысла въ кредитъ, торговля въ кредитъ. Свободныхъ капиталовъ не было, какъ раньше. Пожаръ разорилъ даже такихъ капиталистовъ, какъ Евграфъ Огибенинъ и старикъ Луковниковъ. Это были послѣдыши запольскаго разоренія. На ихъ мѣстѣ возникали новыя состоянія буквально изъ ничего, какъ на растительномъ перегноѣ растутъ грибы: во главѣ стояли банковскіе воротилы—Мышниковъ, Штоффъ и Галактіонъ, а изъ-за ихъ широкихъ спинъ выдвигались всѣмъ уже темные люди, какъ бывший писарь Замаравъ, сладкій братецъ Прасковьи Ивановны Голяшкинъ.

Разореніе ушло далеко въ степь. Киргизъ Шахма держался только банкомъ, Сашка Гороховъ разорился и спился, винокуръ Прохоровъ хотя и держался, но тоже былъ въ худыхъ душахъ. У банка была какая-то задача систематически разорять все.

Вскорѣ послѣ пожара старикъ Луковниковъ привелъ въ порядокъ свои дѣла и пришелъ къ печальному открытію, что онъ разоренъ безповоротно. Всѣ капиталы съѣла мельница, дававшая въ послѣдніе годы дефицитъ около тридцати тысячъ рублей, да еще къ этому слѣдовало прибавить мертвый капиталъ, затраченный на нее и не

дававший процента, платежи по банковскимъ ссудамъ и т. д. Доходные годы не могли покрыть этихъ дефицитовъ, а только на время отдаляли неминуемую бѣду. Все дѣло заключалось только въ томъ, чтобы выиграть время и дожидаться, когда какой-нибудь одинъ годъ дастъ сотни тысячъ дивиденда. Но для этого нужны были новыя средства, а кредитъ уже кончался. Луковникова удивляло больше всего то, что всѣ другіе знали его дѣла, пожалуй, лучше, чѣмъ онъ самъ. Это выяснилось особенно точно, когда ему пришлось закладывать мельницу въ запольскомъ банкѣ.

— Мы собственно такими операціями не занимаемся,— заявилъ Штоффъ, къ которому обратился Луковниковъ.— Вамъ всего лучше обратиться куда-нибудь въ другой банкъ.

— Время дорого, Карлъ Карлычъ.

Тяжело было Луковникову обращаться именно въ запольскій банкъ, гдѣ воротилъ всѣми дѣлами Мышниковъ, но дѣлать нечего—нужда загнала. Банковское правленіе долго тянуло это дѣло, собирало какія-то справки и, наконецъ, состоялось рѣшеніе выдать подъ мельницу ссуду въ тридцать тысячъ рублей.

— Господа, да, вѣдь, она мнѣ стòитъ больше трехсотъ тысячъ! —взмолился Луковниковъ.— Вѣдь, вы всѣ хорошо это знаете.

— Отчего вы не обратились въ другой банкъ, Тарасъ Семенычъ?— объяснилъ Драке, по своему обыкновенію, вопросомъ.— Развѣ мы кому-нибудь даемъ больше? Вообще, вы, значитъ, недовольны?...

Пришлось помириться на этой суммѣ, чтобы заткнуть кое-какія кредитныя дыры. Кредиторы точно сговорились и наступали на Луковникова все тѣснѣе.

Закладъ мельницы оттянулъ окончательное разореніе на очень небольшое время. Явился первый протестованный вексель, когда-то выданный еще покойному Нагибину, а это вызвало закрытіе банковскаго кредита и объявленіе несостоятельности. Назначенъ былъ конкурсъ и все имущество поступило уже въ его вѣдѣніе. Тяжелѣе всего Луковникову было то, что ему не пришлось дослужить послѣдняго трехлѣтія городскимъ головой и выйти даже изъ состава гласныхъ. Все рушилось какъ-то разомъ. Старикъ въ какихъ-нибудь полгода совершенно посѣдѣлъ, какъ-то опустился и принялъ тотъ недоумѣвающій видъ, какъ и всѣ другіе «конкурсные». У него теперь явились какіе-то необычайные планы, дѣтскіе расчеты и еще болѣе дѣтскія надежды. Главное, что его мучило, это—Устинька, которая изъ богатой невѣсты превратилась въ нищую. Эта послѣдняя мысль ѣла старика день и ночь.

— Перестань, пожалуйста, папа,—уговаривала его Устинька.—Не стоить даже и говорить о такихъ пустякахъ... Будетъ день—будетъ и хлѣбъ.

— Ахъ, Устинька, Устинька, ничего ты не понимаешь!

— Нѣтъ, папа, отлично понимаю. Ну, скажи, пожалуйста, для чего намъ много денегъ: вѣдь, ты два обѣда не съѣшь, а я не надѣну два платья?... Потомъ, много ли богатыхъ людей на свѣтѣ, да и вопросъ, счастливыѣ ли они отъ своего богатства?

Когда домъ и все имущество были описаны, Устинька наняла небольшую квартирку въ три комнаты и перѣхала въ нее съ отцомъ и старою нянькой Матреней. Дѣвушка была совершенно счастлива, что можетъ на свои средства содержать отца, — она зарабатывала уже около пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, потому что, кромѣ переводовъ въ *Запольскомъ Курьеръ*, занимала еще мѣсто секретаря этой газеты. Къ Луковниковымъ же переселился въ качествѣ квартиранта и Ечкинъ, выпущенный изъ острога «по недостатку уликъ». Устинька сама предложила ему квартиру, отплачивая ему за то добро, которое онъ сдѣлалъ ей, когда опредѣлилъ къ Стабровскимъ. Тюремное, почти годовое заключеніе подѣйствовало на Ечкина самымъ разрушающимъ образомъ. Изъ цвѣтущаго и жизнерадостнаго мужчины онъ сразу превратился въ подержаннаго джентльмена, точно весь вылинялъ. Главное, что его погубило, это — невозможность выѣхать изъ Заполя. И все изъ-за дурацкаго дѣла объ отравленіи Нагибина. Кредиторы заперли его въ Запольѣ, какъ охотники обкладываютъ въ берлогѣ дикаго звѣря, обязавъ подпиской о невыѣздѣ. А что могъ сдѣлать Ечкинъ въ этомъ разоренномъ городѣ?

У Ечкина, попрежнему, роились тысячи плановъ, онъ ждалъ какихъ-то спасительныхъ сроковъ, писалъ безъ конца кому-то и куда-то безконечныя дѣловыя письма и не думалъ сдаваться.

— У тебя, какъ у лисы, тысячи думушекъ, — добродушно шутилъ надъ нимъ Луковниковъ. — Оба, братъ,

мы съ тобой, какъ въ сказкѣ лиса, попали банковской бабѣ на воротникъ... У банка-то одна думушка!

Устинька очень рада была Ечкину, который развлекалъ отца и не давалъ ему задумываться. Они какъ-то особенно близко сошлись между собой и по вечерамъ дѣлились своими планами.

— Мнѣ всего двѣ недѣли подождать, — по секрету сообщалъ Ечкинъ, подмигивая, — а тамъ...

— И мнѣ тоже, Борисъ Яковличъ... Всего двѣ недѣли тоже!

И они ждали свои двѣ недѣли какъ дѣти. Устинька должна была выслушивать этотъ бредъ и соглашаться.

Нагибинское дѣло остановилось въ неопредѣленномъ положеніи. За недостаткомъ уликъ былъ выпущенъ и Полуяновъ. Выпущенный раньше Ліодоръ нѣсколько разъ являлся къ слѣдователю съ новыми показаніями и его опять сажали въ острогъ, пока не оказывалось, что все это ложь. Все вниманіе слѣдователя сосредоточивалось теперь именно на Ліодорѣ, который казался ему то психически ненормальнымъ человѣкомъ, то отчаяннымъ разбойникомъ, смѣявшимся надъ нимъ въ глаза. Въ послѣдній разъ Ліодора къ слѣдователю отправилъ самъ Харитонъ Артемьичъ.

— Явите божескую милость, ваше высокоблагородіе, г. слѣдователь второго участка, — заявлялъ старикъ. — Самъ привелъ къ вамъ разбойника... Онъ стравилъ Нагибина. Ужъ повѣрьте родному-то отцу.

— Дѣйствительно, я, — равнодушно соглашался Ліодоръ.

Онъ даже разсказалъ цѣлую исторію этого отравленія, пока слѣдователь не догадался отправить его на испытаніе въ больницу душевно-больныхъ. Отецъ тоже былъ ненормаленъ и радовался какъ ребенокъ, что еще разъ избавился отъ сына.

— Туда ему и дорога, разбойнику! — повторялъ онъ, крестясь. — Онъ и меня стравить.

Вообще, въ Запольѣ появился цѣлый рядъ тронувшихся людей, какъ Малыгинъ съ сыномъ, бывшій исправникъ Полуяновъ и Луковниковъ съ Ечкинымъ. У каждого былъ свой пунтикъ.

Разоренію Луковникова предшествовала романическая исторія Устиньки съ Галактіономъ. Это было что-то нелѣпое, почти невозможное, если бъ оно не было на самомъ дѣлѣ. Устинька относилась къ Галактіону съ гадливымъ презрѣніемъ и въ глаза высказывала, за что его принимаетъ. Но Галактіона это не остановило. Его такъ и тянуло въ домъ къ Луковникову. Онъ являлся подъ всевозможными предлогами, чтобы хоть издали увидѣть своего красиваго молодого врага. Галактіона охватила самая тяжелая стѣрасть, стѣрасть пожилого человѣка, терявшаго голову. Тутъ уже не было ни молодыхъ разсчетовъ, ни сдержанности, ни самолюбія. Одно желаніе охватывало всего человѣка: видѣть ее. Галактіонъ еще до пожара заявилъ Харитинѣ, что любитъ Устиньку и женится на ней во что бы то ни стало. Харитина къ этому откровенному признанію отнеслась совершенно равнодушно. Она слишкомъ устала жить... Что же, пусть женится, если нравится.

Сама Устинька страшно перепугалась, когда открыла истинную причину частых визитов Галактіона. Онъ показался ей просто сумасшедшимъ человѣкомъ, и она всячески старалась избѣгать его. Каждый звонокъ заставлялъ ее вздрагивать. Въ свою редакцію она бѣжала такъ скоро, точно кто за ней гнался. И все-таки она часто встрѣчала Галактіона. Онъ, какъ мальчишка, по цѣлымъ часамъ поджидалъ ее на улицѣ, бродилъ по вечерамъ, какъ тѣнь, подъ окнами редакціи *Запольскаго Курьера*, гдѣ она занималась, и былъ счастливъ, когда могъ раскланяться съ ней хоть издали. Устинька боялась какой-нибудь грубой выходки, открытаго нападенія, но все дѣло ограничивалось молчаливымъ преслѣдованіемъ. Последнее ее успокоивало и она даже набралась столько храбрости, что разъ остановилась на улицѣ, дождалась провожавшаго ее издали Галактіона и очень рѣзко заявила ему:

— Вы меня компрометируете, Галактіонъ Михеичъ... У васъ свои взрослые дочери и, кажется, ужъ вамъ-то должно быть стыдно. Я васъ презираю.

Галактіонъ только смотрѣлъ на нее и молчалъ. Онъ весь былъ въ этомъ взглядѣ и его молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Устинька повернулась и почти бѣгомъ бросилась домой. Она не стала пить чай, хотя отецъ и Ечкинъ каждый вечеръ ждали ее возвращенія, какъ было и сегодня, а прошла прямо въ свою комнату, заперлась на крючокъ и бросилась на кровать. Ее душили бессильныя слезы. Галактіонъ казался ей какимъ-то проклятымъ человѣкомъ, который тѣнью бродилъ по

городскимъ улицамъ. Вѣдь, онъ довелъ до мертвѣго запоя нелюбимую жену, онъ разыгралъ романъ съ Прасковьей Ивановной, онъ теперь мучилъ несчастную Харитину... И всѣ эти женщины за что-то любили этого проклятаго человѣка, ждали его ласковаго взгляда, улыбались ему счастливыми улыбками и потомъ проклинали.

Ночное раздумье привело Устиньку къ рѣшенію. Она должна была, какъ это ни тяжело, объясниться съ Галактіономъ. Вообще, получилась самая глупая и нелѣпая исторія.

Объясненіе произошло въ квартирѣ Харченки, куда Галактіонъ пришелъ навѣстить дѣтей.

— Что вамъ отъ меня нужно? — рѣзко спросила дѣвушка.

— Ничего, — виновато отвѣтилъ Галактіонъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы понимаете, что ваше преслѣдованіе меня по пятамъ — мерзость... За меня даже заступиться некому и вы пользуетесь моею беззащитностью. Ко всѣмъ хорошимъ качествамъ, о которыхъ я вамъ уже говорила, вы присоединяете новое.

— А если мнѣ тошно, Устинья Тарасовна? Можетъ быть, впору руки на себя наложить.

— Скажите, пожалуйста, вы, должно быть, повторяете это всѣмъ женщинамъ, имѣвшимъ неосторожность увлекаться вами? Я не изъ такихъ.

Галактіонъ, вообще, имѣлъ такой несчастный видъ, что приготовившаяся его разнести дѣвушка немного растерялась. Некого было даже бранить.

— Меня удивляетъ ваша безсовѣстность, — говорила

она, напрасно стараясь разсердиться. — Да, полная безсовѣстность.

— Если бы вы меня не ненавидѣли, Устинья Тарасовна, я давно сдѣлалъ бы вамъ предложеніе.

— Не смѣйте этого говорить, несчастный!... Вы годитесь мнѣ въ отцы!

— Устинья Тарасовна, когда съ вами случится *это*, тогда вы меня вспомните. Есть такіе роковые люди.

Послѣ этого откровеннаго объясненія, происходившаго вскорѣ послѣ пожара, Галактіонъ на время оставилъ дѣвушку въ покоѣ. Но затѣмъ онъ неожиданно явился прямо въ домъ къ Луковникову, когда Устинька была одна.

— Я сейчасъ уйду, Устинья Тарасовна... Пожалуйста, не бойтесь меня. Я пришелъ предложить помощь Тарасу Семенычу.

— Я скажу папѣ, чтобъ онъ просто не принималъ васъ.

— Но, вѣдь, онъ разорится?

— Это васъ не касается.

Галактіонъ молча поклонился и вышелъ. Это была послѣдняя встрѣча. И только когда онъ вышелъ, Устинька поняла, за что такъ любили его женщины. Въ немъ была эта покрывающая широкая мужская ласка, та скрытая сила, которая неудержимо влекла къ себѣ, — такимъ людямъ женщины умѣютъ прощать все, потому что только около нихъ чувствуютъ себя женщинами. Именно такою женщиной и почувствовала себя Устинька.

VI.

Первые приступы голода начались еще съ осени, когда былъ съѣденъ первый хлѣбъ. Урожай былъ на столько скуденъ, что въ большинствѣ случаевъ не собрали съ-мянъ. Тяжелая крестьянская бѣда обложила все. Остановилась, прежде всего, всякая торговля. Купцы сидѣли въ пустыхъ лавкахъ. Промыслы тоже встали. Нигдѣ никакой работы, а впереди цѣлая голодная зима. Продовольственныхъ капиталовъ совсѣмъ не оказалось, считавшіеся на бумагѣ хлѣбные магазины стояли пустыми. Положеніе, вообще, было вполне безвыходное. Уже съ осени, по первымъ заморозкамъ Заполье очутилось въ какомъ-то маломъ осадномъ положеніи. Въ городъ со всѣхъ сторонъ брели толпы голодающихъ, — это былъ авангардъ страшной голодной арміи. Городское управленіе рѣшительно не знало, что дѣлать. Въ городѣ тоже начинался свой собственный голодъ, а тутъ толпы нищихъ изъ уѣзда. Никакихъ специальныхъ суммъ на удовлетвореніе страшно разгоравшейся бѣды не было, на частную благотворительность совсѣмъ нельзя было рассчитывать, а оставалось одно земство, которое должно было заботиться о своемъ уѣздѣ. «Ступайте въ земскую управу», — предлагали голоднымъ. Послѣ Луковникова городскимъ головой былъ избранъ Мышниковъ, изображавшій собой «маленькаго губернатора», какъ вышучивалъ *Запольскій Курьеръ*. Новый городской голова принималъ всевозможныя мѣры, чтобъ оградить свои владѣнія отъ вторженія голодающихъ, и ничего не могъ подѣлать.

Запольское земство еще послѣ уборки хлѣба раннею осенью представило губернскому земскому собранію подробный докладъ о положеніи дѣла. Докладъ писалъ Харченко толково и обстоятельно. Требовалась настоятельная правительственная помощь. Экстренное земское собраніе рѣшило хлопотать о милліонной ссудѣ, но это ходатайство было опротестовано губернаторомъ, приславшимъ своего чиновника особыхъ порученій для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Чиновникъ пріѣхалъ въ Заполье и узналъ отъ Мышникова, что голодъ придуманъ *Запольскимъ Курьеромъ*, а въ дѣйствительности есть только недо-родъ. Въ этомъ смыслѣ губернаторомъ и было рѣшено и ссуда была понижена на семьдесятъ процентовъ, а *Запольскому Курьеру* сдѣлано соотвѣтствующее внуше-ніе. Мышниковъ острилъ, называя эту газету «голод-ной». Наступившая зима показала, что дѣло обстоитъ со-всѣмъ не смѣшно и что необходимы энергическія мѣры. Такъ какъ нужно было что-нибудь говорить, всѣ толкова-ли о дешевомъ сибирскомъ хлѣбѣ. Только бы дождаться весны, когда вскроются рѣки. Довѣренные крупныхъ уральскихъ хлѣботорговцевъ еще съ осени уѣхали въ Сибирь и закупали тамъ громадныя партіи. Много толко-вали о тюменскихъ и екатеринбургскихъ купцахъ, сосре-доточивавшихъ всѣ свои силы на сибирскомъ хлѣбѣ. Въ Запольѣ оставался одинъ крупный мучникъ, старикъ Лу-ковниковъ, да и тотъ какъ разъ разорился. Его вальцовая мельница, стоившая до четырехсотъ тысячъ, ушла съ торговъ всего за тридцать. Ее купила компанія Замара-ева, Голяшкина и Ермилыча. Это были дѣльцы уже новой

формаціи, смѣнившіе старое степенное купечество. Они спекулировали на чужомъ разореніи и быстро шли въ гору.

— Не все банку денежки-то огребать, — говорилъ За-
мараевъ. — Надо и протчимъ народамъ что-нибудь оста-
вить на зубокъ.

Со смертью Ермилыча компанія осталась изъ двухъ, и Замараевъ высчиталъ, что наживетъ на этомъ тысячъ двадцать. Конечно, жаль Ермилыча, хорошій былъ чело-
вѣкъ, а опять и деньги тридцать тысячъ не лишнія. Соб-
ственно хлѣбомъ Замараевъ началъ заниматься «изъ-за
руки», благодаря Ермилычу, устраивавшему въ Запольѣ
разныя хлѣбныя «коммиссіи». Особенныхъ барышей отъ
этихъ порученій не было, но и себѣ не въ убытокъ.
Когда начались недороды, Замараевъ воспользовался слу-
чаемъ и нѣсколько разъ надулъ Ермилыча, утаивъ льви-
ную долю прибыли. Впрочемъ, и самъ Ермилычъ нѣ-
сколько разъ обувалъ Замараева на обѣ ноги и только
глупо хихикалъ, когда тотъ начиналъ ругаться. Эти ма-
ленькія недоразумѣнія не мѣшали большой дружбѣ, и За-
мараевъ искренно жалѣлъ безвременно погибшаго друга.

— Отъ своей доброты погибъ, — говорилъ Замараевъ
со вздохомъ. — Конечно, жалѣлъ бѣдноту, — ну, и одол-
жалъ, а доброта вонъ какъ отрыгнулась.

Свое дѣло Замараеву окончательно надоѣло. Съ гро-
шами приходится возиться и при этомъ какъ будто низко.
Вонъ банкъ обдираетъ на чистоту и всѣ благородные, по-
тому что много берутъ, а, онъ, Замараевъ, точно какой
искаріотъ. Всѣ даже пальцами указываютъ.

— Тоже вотъ отъ доброты началось, — вздыхалъ онъ. — Не бойсь, мужички въ банкъ не идутъ, а у меня точно къ явленной иконѣ народъ преть.

Дѣйствительно, замараевская касса осаждалась каждое утро цѣлою толпой крестьянъ. Закладывался настоящий деревенскій мужикъ, тащившій въ городъ самовары, конскую сбрую, полушубки, бабьи сарафаны и вообще свое мужицкое «барахлѣ», какъ называлъ Замараевъ этотъ отдѣлъ закладовъ. Нужно отдать справедливость, онъ принималъ эти вещи изъ участія къ захватившей деревню бѣдности, а настоящаго коммерческаго разсчета съ барахломъ не могло быть. Бывшій волостной писарь отлично понималъ ту отчаянную деревенскую нужду, которая закладывалась у него послѣдними потрохами. Купеческія и господскія денежки легкія, какъ и пожитки, а тутъ выбрасывалось мужицкое добро, точно поднималась тяжелая почвенная вода. Особенно негодовала жена Замараева, потому что отъ этого мужицкаго добра «очень ужъ тяжелый духъ по всему дому идетъ».

— Ничего ты не понимаешь, Анна, — усовѣщивалъ ее Замараевъ. — Конечно, я имъ благодѣтель и себѣ въ убытокъ балансъ дѣлаю: за тридцать-то шесть процентовъ въ годъ мнѣ и самому никто не дастъ двугривеннаго. А только, вѣдь, и на мнѣ крестъ есть... Понимаешь?

Выпущенный изъ тюрьмы Полуяновъ теперь занимался у Замараева въ кассѣ. Съ нимъ опять что-то дѣлалось — скучный такой, строгій и ни съ кѣмъ ни слова. Единственнымъ удовольствіемъ для Полуянова было хожденіе по церквамъ. Онъ и съ собой приносилъ какую-то

церковную книгу въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, которую и читалъ потихоньку отъ свободы. О судахъ и законахъ больше не было и помину, не смотря на отчаянное приставанье Харитона Артемьича, приходившаго въ кассу почти каждый день, чтобы поругаться съ зятемъ.

— Пора о душѣ тебѣ позаботиться, — совѣтовалъ Полуяновъ.

— Ну, это ужъ попы знаютъ... Ихнее дѣло. А ты, Илья Опрсычъ, какъ переметная сума: сперва продалъ меня Ечкину, а теперь продаешь Замараеву. За Ечкина въ острогъ насидѣлся, а за любезнаго зятя въ самую отдаленную каторгу уйдешь на вѣчное поселенье... Вѣрно тебѣ говорю.

Замараевъ не обращалъ вниманія на ругань богоданнаго тятеньки и только время отъ времени повторялъ:

— Тятенька любезный, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ и дадимъ отвѣтъ на страшномъ пришествіи, а вамъ, дѣйствительно, пора бы на счетъ души соображать. Другіе-то старички вонъ каждодневно, напримѣръ, въ церковь, а вы, прямо сказать, только сквернословите.

Банковскіе вѣртели были въ страшной тревогѣ, т.-е. Мышниковъ и Штоффъ. Они совѣщались ежедневно, но не могли придти ни къ какому результату. Дѣло въ томъ, что ихъ компаніонъ по пароходству Галактіонъ держалъ себя самымъ страннымъ образомъ и каждую минуту можно было ждать, что онъ подведетъ. Сначала Штоффъ его защищалъ, а потомъ, когда Галактіонъ отказался платить Стабровскому, онъ принужденъ былъ молчать и слушать. Даже Мышниковъ, разорившій столько людей и

всегда готовый на новые подвиги, — даже Мышниковъ трусилъ.

— Утопить онъ насъ, вотъ посмотри! — увѣрялъ онъ Штоффа. — Вѣдь, теперь какой моментъ — онъ сразу вы-
лѣзетъ въ милліонъ, а тогда его ужъ не достанешь.

— Д-да... вообще... Однимъ словомъ, чортъ его зна-
етъ, что у него на умѣ. Главное, какъ-то прячется ото
всѣхъ.

Недоразумѣніе выходило все изъ-за того же дешеваго
сибирскаго хлѣба. Компаньоны рассчитывали сообща за-
купить партію, перевезти ее по вешней водѣ прямо въ
Заполье и поставить свою цѣну. Теперь, благодаря па-
роходству, хлѣбный рынокъ окончательно былъ въ ихъ
рукахъ. Положимъ, что наличныхъ средствъ для такой
громадной операціи у нихъ не было, но, вѣдь, можно
было покредитоваться въ своемъ банкѣ. Дѣло было вѣр-
нѣе смерти и обѣщало страшные барыши.

— Тюменскіе купцы вонъ уже зафрахтовали паро-
ходы на всю навигацію, — сообщилъ Штоффъ. — Хлѣбъ
закупили отъ 17 до 23 к. за пудъ, а продавать хотять
по 2 рубля. Это ужъ безсовѣстно.

— Конечно, безсовѣстно... Мы будемъ продавать по
полтора рубля.

— Другими словами, отъ cadaго пуда возьмемъ пол-
тину убытка. Ну, да ужъ какъ быть, надо послужить
міру.

Да, все было рассчитано впередъ и даже процентъ бла-
годѣянія на народную нужду, и вдругъ прошелъ слухъ,
что Галактіонъ самостоятельно закупилъ гдѣ-то въ Се-

ан
27
577

мипалатинской области миллионную партію хлѣба, закупилъ въ свою голову и даже не подумалъ о компаньонахъ. Новость была ошеломляющая, которая валила съ ногъ всѣ расчеты. Штоффъ полетѣлъ въ Городище, чтобъ объясниться съ Галактіономъ.

— Это правда?—спрашивалъ онъ послѣ нѣкоторыхъ предисловій.

— Да, — коротко отвѣтилъ Галактіонъ.

— А какъ же мы-то?

— Вы получите, что причтется на вашу долю за фрахтъ.

— Ну, это, братъ, стара штука!... Дудки!...

— А контрактъ? Вѣдь, контрактъ-то самъ Мышниковъ писалъ: тамъ только и говорится о фрахтѣ, а о совмѣстныхъ закупкахъ товара ничего не сказано, да и капиталовъ такихъ нѣтъ.

— Капиталъ мы достанемъ.

— Объ этомъ раньше надо было подумать, а теперь поздно. Я взялъ весь фрахтъ на себя.

— Галактіонъ, есть у тебя совѣсть? Т.-е. тьфу... Какая тамъ совѣсть! Вѣдь, ты тогда пропалъ бы, если бы мы тебя не выручили, а теперь что дѣлаешь?

— Вы свой кусочекъ хлѣба съ масломъ и получите. Достаточно вы поломались надо мной, а забыли только одно: пароходы-то все-таки мои... да.

— Послушай, да тебя разстрѣлять мало!... На свои деньги веревку куплю, чтобы повѣсить тебя. Вотъ такъ кусочекъ хлѣба съ масломъ! Проклятый ты человѣкъ, вотъ что. Гдѣ деньги взял?

— Это ужь мое дѣло. Вѣдь, я не спрашиваю, гдѣ вы деньги берете. Однимъ словомъ, намъ нечего разговаривать.

Вернувшись въ Заполье, Штоффъ резюмировалъ Мышникову свое мнѣніе:

— Это... это геніальный мерзавецъ! Все такъ предусматрѣть... Нѣтъ, это, наконецъ, свинство!

Мышникова больше всего занималъ вопросъ о томъ, откуда Галактіонъ могъ достать денегъ. Вѣдь, на худой конецъ нужно двѣсти-триста тысячъ.

— Нѣтъ, ты считай! — кричалъ Штоффъ, начиная рвать рѣдѣвшіе волосы. — Положимъ, что ему обойдется по 25 коп. пудъ — миллионъ пудовъ, значитъ, 250 тысячъ. Хорошо. Фрахтъ — 15 к. съ пуда, ну, накладныхъ расходовъ клади 10 коп. — итого 500 тысячъ. Такъ? Положимъ, что онъ дастъ за 250 тысячъ процентовъ изъ 25 — итого 62½ тысячи. Всего, слѣдовательно, онъ затрачиваетъ сумму въ 560 тысячъ. Такъ? А выручить полтора миллиона, если пустить хлѣбъ по нашей цѣнѣ, значитъ, голенькій миллионъ въ карманѣ. Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое!

Дальше сдѣлалось извѣстнымъ, что Галактіонъ арендовалъ мельницу отца въ Прорывѣ, потомъ ведетъ переговоры относительно вальцовой мельницы Замараева и Голяшкина и что, наконецъ, предлагаетъ земству доставить хлѣбъ по 1 р. 70 к. Все Заполье теперь только и говорило о Галактіонѣ. Онъ сдѣлался героемъ дня, котораго ждали столько лѣтъ. Еще ничего подобнаго не видали въ Запольѣ и самый банкъ съ его операціями яв-

лялся какою-то дѣтскою игрушкой. Слава Галактіона выросла въ нѣсколько дней, какъ снѣговой комъ. Поднялись всѣ аппетиты и тайныя вожделѣнія ухватить свою долю. Но дорогъ былъ моментъ: другихъ пароходовъ не было, и Галактіонъ желѣзною рукой захватилъ весь хлѣбный рынокъ.

Самое скверное было то, что Мышниковъ и Штоффъ очутились въ смѣшномъ положеніи, и всѣ на нихъ указывали пальцами. Вѣдь, они спасли Галактіона, когда онъ погибалъ съ своими пароходами, а теперь должны были смотрѣть и ожигаться.

Мышниковъ теперь даже старался не показываться на публикѣ и съ горя проводилъ все время у Прасковьи Ивановны. Онъ за послѣдніе годы сильно растолстѣлъ и тянулъ вмѣстѣ съ ней мадеру. За бутылкой вина онъ каждый день обсуждалъ вопросъ, откуда Галактіонъ могъ взять деньги. Всѣ богатые люди на перечетъ. Стабровский выученъ и не дастъ, а больше не у кого. Не припряталъ ли старикъ Луковниковъ? Да нѣтъ—не такой человѣкъ.

— Рѣшительно негдѣ взять такой суммы! —повторялъ Мышниковъ, изнывая отъ желанія раскрыть тайну Галактіона. — Вѣдь, ужъ, кажется, мы-то знаемъ, у кого и сколько денегъ... да.

— Умный человѣкъ—вотъ главная причина,—язвила Прасковья Ивановна.—Я всегда это говорила.

— Да ты же и меня тогда подвела дать денегъ Галактіону на его проклятые пароходы.

— А зачѣмъ дурацкій контрактъ написалъ?

Въ довершеніе всего, въ *Запольскомъ Курьеръ* по-

явилась анонимная статья «о трехъ благодѣтеляхъ». Въ ней подробно рассказывалась исторія пароходной компаниі, а роль Мышниковъ и Штоффа выставлялась въ самомъ комическомъ видѣ. Это была месть Харченка.

VII.

Начиная съ осени Устинька была завалена работой, особенно, когда начали открываться столовые для голодающихъ и новые врачебные пункты. Немного было мѣстной интеллигенціи, но она горячо откликнулась на народное бѣдствіе, особенно молодежь. Рабочія руки были страшно дороги, да и было ихъ немного. Первые опыты съ кормленіемъ голодающихъ производились въ Запольѣ и скоро выработался опредѣленный типъ такихъ столовыхъ, а по нимъ уже открывались столовые въ уѣздѣ. Нужда была такъ велика, а средства такъ ничтожны, да и тѣ съ величайшимъ трудомъ добывались главнымъ образомъ изъ Россіи. Въ Запольѣ благотворителемъ оказался только Стабровскій, на средства котораго было открыто до двадцати столовыхъ, а остальные богачи очень туго поддавались на просьбы о помощи. Устинька теперь часто бывала у Стабровскаго, который давалъ ей средства, не говоря, откуда они.

Чѣмъ больше шло время къ веснѣ, тѣмъ сильнѣе росла нужда, точно пожаръ. Разъ, когда Устинька вернулась домой изъ одной поѣздки по уѣзду, ее ждала записка Стабровскаго, кое-какъ нацарапанная карандашомъ: «Дорогой другъ, заверните сегодня вечеромъ ко мнѣ. Можетъ

быть, это вамъ будетъ непріятно, но васъ непременно желаетъ видѣть Харитина. Ей что-то нужно сказать вамъ, и она нашла самымъ удобнымъ, чтобъ объясненіе происходило въ моемъ присутствіи. Я совѣтую вамъ пови-даться съ ней».

«Что ей нужно отъ меня?—подумала дѣвушка, испытывая непріятное чувство,—она никогда не любила Харитину.—Какая-нибудь глупость».

Она сама не пошла бы на это объясненіе, если бы не настойчивый совѣтъ Стабровскаго. Старикъ не будетъ даромъ совѣтовать.

Непріятное чувство усиливалось по мѣрѣ того, какъ Устинька подходила къ дому Стабровскаго. Что ей за дѣло до Харитины и какое могло быть между ними объясненіе? У дѣвушки явилась даже малодушная мысль вернуться домой и написать Стабровскому отказъ, но она преодолѣла себя и рѣшительно позвонила.

Харитина сидѣла въ кабинетѣ Стабровскаго, одѣтая вся въ черное, точно носила по комъ-то трауръ. Исхудавшее блѣдное лицо все еще носило слѣды недавней красоты, хотя Устинька въ первый моментъ рѣшительно не узнала прежней Харитины, цвѣтущей, какой-то задорно красивой и вѣчно веселой. Дамы раскланялись издали. Самъ Стабровскій былъ сильно взволнованъ.

— Вы хорошо сдѣлали, что пришли, — обрадовался онъ, крѣпко пожимая руку Устиньки. — Да, хорошо. Ахъ, что они дѣлаютъ, что дѣлаютъ! Вѣдь, это же ужасно, это безчеловѣчно!

Устинька чувствовала на себѣ упорный и тяжелый

взглядъ Харитины и плохо понимала, что говорилъ Стабровскій.

— Представьте себѣ, Устинька, — продолжалъ старикъ. — Вѣдь, Галактіонъ получилъ вездѣ подряды на доставку *дешевого* сибирскаго хлѣба. Другими словами, онъ получитъ самъ около четырехсотъ процентовъ на затраченный капиталъ. И еще благодѣтелемъ будетъ считать себя. О, если бы не моя болѣзнь, — сейчасъ же полетѣлъ бы въ Сибирь и привезъ бы хлѣбъ на плотахъ!

Харитина молчала, опустивъ глаза.

— А другіе еще хотятъ больше получить, — какъ-то стоналъ Стабровскій, тяжело ворочаясь въ своемъ креслѣ. — Это называется снимать рубашку съ нищаго... да!

Когда Стабровскій немного успокоился, Устинька проговорила, обращаясь къ гостѣ:

— Болеславъ Брониславичъ писалъ мнѣ, что вы желаете меня видѣть.

Харитина вздрогнула и отвѣтила не сразу. Голосъ у нея былъ такой слабый, съ какою-то странною хрипотой.

— Да. Видите ли, я... т.-е. я хочу сказать...

Она умоляюще посмотрѣла кругомъ своими широко раскрытыми сѣрыми глазами, точно искала какой-то невидимой помощи.

— Я знаю, что вы меня не любите... да, — выговорила она, наконецъ, дѣлая надъ собою усиліе, — и не пошли бы, если бъ я сама васъ пригласила. А мнѣ такъ нужно васъ видѣть.

Стабровскій, нахмурившись, разсматривалъ свои ногти.

— Вы слышали, что сейчас говорили про Галактіона Михеича, а онъ совсѣмъ не такой, т.-е. не злой.

— Миѣ это рѣшительно все равно, какой онъ,—отозвалась Устинька съ удивившею ее самое рѣзкостью.

— Можетъ быть, я ошибаюсь,—еще мягче заговорила Харитина, глядя прямо въ глаза Устинькѣ.—Но я совсѣмъ ушла оттуда, изъ Городища... т.-е. онъ меня прогналъ... да.

— Пожалуйста, увольте меня отъ этихъ подробностей. Я рѣшительно не понимаю, къ чему вы все это говорите.

— Дѣло въ томъ... да... въ томъ, что Галактіонъ Михеичъ... однимъ словомъ, миѣ его жаль. Пропадетъ онъ окончательно. Всѣ его теперь бранять, другіе завидуютъ, а онъ не такой. Вотъ хоть и это дѣло, о которомъ сейчасъ говорилъ Болеславъ Брониславичъ. Право, я только не умѣю всего сказать, какъ слѣдуетъ.

Наступила неловкая пауза. Стабровский закрылъ глаза, стараясь не смотрѣть на сумасшедшую гостью. Ему казалось, что она ненормальна.

— Я жду,—проговорила Устинька.

Харитина посмотрѣла на нее и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Отчего вы не хотите идти за него замужъ? Онъ былъ бы другой, повѣрьте миѣ... Вѣдь, онъ сходить съ ума вотъ уже три года.

— Немного странный вопросъ, Харитина Харитоновна,—съ улыбкой отвѣтила Устинька.—И, право, миѣ

трудно отвѣчать на него. Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга. Просто, не желаю. Онъ мнѣ не нравится.

— Онъ? Галактіонъ Михеичъ? — въ какомъ-то ужасѣ прошептала Харитина.

— Да, Галактіонъ Михеичъ. Даже больше, чѣмъ не нравится. Говоря откровенно, я его презираю... Онъ по натурѣ нехорошій человѣкъ.

— Не правда! — рѣзко проговорила Харитина и даже вся выпрямилась.

— Потомъ, мнѣ странно, что спрашиваете меня именно вы.

— Да, вѣдь, я ушла совсѣмъ и никогда больше не увижу его.

— И я тоже постараюсь никогда съ нимъ не встрѣчаться.

Устинькѣ показалось, что Харитина чуть-чуть улыбнулась и посмотрѣла на нее злыми глазами. Она не вѣрила ей.

— Думаю, что мы достаточно все выяснили и поэтому кончимте, пожалуйста, — заговорила Устинька, наблюдая Стабровскаго. — Кажется, довольно сказано.

Харитина поднялась, протянула руку Стабровскому и, простившись съ Устинькой поклономъ, вышла изъ кабинета. Благодаря худобѣ, она казалось выше, чѣмъ была раньше.

— Это приходило само несчастіе, — проговорилъ Стабровскій, глядя на дверь. — А знаете, Устинька, она была дивно хороша вотъ сейчасъ, здѣсь, хороша своимъ женскимъ героизмомъ.

— Я такихъ женщинъ не понимаю. Кажется, такой безцѣльный героизмъ относится къ области эстетики, а въ дѣйствительной жизни онъ просто неудобенъ.

— Не говорите. Кстати, я вызвалъ васъ на это свиданіе вотъ почему: все равно—она разыскала бы васъ и Богъ знаетъ, чѣмъ все могло кончиться. Я просто боялся за васъ. Такія женщины, какъ Харитина, въ такомъ приподнятомъ настроеніи способны на все.

— Что же она могла сдѣлать со мной?

— Мало ли что: облить кислотой, выстрѣлить изъ револьвера. Она ревнуетъ васъ къ этому Галактіону. Забудьте, что она продолжаетъ его любить безъ ума и дошла до того, что наслаждается собственнымъ униженіемъ. Кстати, она опять сходится съ своимъ мужемъ.

— Съ Полуяновымъ? Это тоже изъ области дивнаго героизма?

— Пожалуй, если хотите. Она хочетъ хоть этимъ путемъ подогрѣть въ Галактіонѣ ревнивое чувство. На всякій случай, мой совѣтъ: вы поберегайтесь этой особы. Чѣмъ она ласковѣе и скромнѣе, тѣмъ могутъ быть опаснѣе вспышки.

Стабровскій въ послѣднее время часто мѣнялъ съ Устинькой тонъ. Онъ то говорилъ ей *ты*, какъ прежде, когда она была ребенкомъ, то переходилъ на дѣловое *вы*. Когда Устинька уходила, Стабровскій пошутилъ:

— Устинька, смотрите, въ самомъ дѣлѣ не влюбитесь въ Галактіона. Въ немъ, дѣйствительно, есть что-то такое, что нравится женщинамъ, а сейчасъ онъ уже окон-

чительно на геройскомъ положеніи. Для меня лично, впрочемъ, онъ теперь совсѣмъ опредѣлившійся негодяй.

Отъ Стабровскаго Устинька вышла въ какомъ-то туманѣ. Ее сразу оставила вся выдержка. Она шла и краснѣла, припоминая то, что говорилъ Стабровскій. О, только онъ одинъ понималъ ее и съ какою вѣжливостью старался не дать этого замѣтить! Но она уже давно научилась читать между строкъ и понимала больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ сущности, сегодняшнее свиданіе съ Харитиной было ея экзаменомъ. Стабровскій, наконецъ, убѣдился въ томъ, чего боялся и за что жалѣетъ сейчасъ ее. Да, только онъ одинъ будетъ знать ея дѣвичью тайну.

Вернувшись домой, Устинька заперлась въ свою комнату, бросилась на постель и долго плакала. Умъ говорилъ одно, а сердце другое. Получался ошеломлявшій ее разладъ. Плакала слабая женщина, платившая дань своей слабости. Устинька не умѣла даже сказать, любить она Галактіона или ненавидить. Но она много думала о немъ, особенно въ послѣднее время, и жалѣла себя. Именно, только съ такимъ мужемъ она могла быть счастливой, если бъ онъ не имѣлъ за собой тяжелаго прошлаго и этого ужаснаго настоящаго. Да, это была сила и сила не дюжинная. Для сравненія у Устиньки было сейчасъ достаточно матеріала. Хорошихъ людей много, но всѣ они такіе безсильные. Все только на языкѣ, въ теоріи, въ области никогда не осуществимыхъ хорошихъ чувствъ. Можетъ быть, и хороши они только потому, что ничего не стоили своимъ владѣльцамъ. Устинька перебирала всѣ свои хлопоты по голодному дѣлу и не могла не придти

къ заключенію, что все такъ мало и неумѣло сдѣлано, ничего не подготовлено, какъ-то вяло и пассивно. А если бы за это же дѣло взялся Галактіонъ... о, онъ одинъ съумѣлъ бы прокормить цѣлый уѣздъ, создать работу, найти приложеніе даромъ пропадавшимъ силамъ и вдохнуть мужскую энергію!

Именно это и понималъ Стабровскій, понималъ въ ней ту энергичную сибирскую женщину, которая не удовлетворяется одними словами, которая для дѣла пожертвуетъ всѣмъ и будетъ своему мужу настоящимъ другомъ и помощникомъ. Тутъ была своя поэзія, — поэзія силы, широкаго размаха энергіи и неудержимаго стремленія впередъ.

Стоило Устинькѣ закрыть глаза, какъ она сейчасъ видѣла себя женой Галактіона. Да, именно, жена, то, изъ чего складывается нераздѣльный организмъ. О, какъ хорошо она умѣла бы любить эту упрямую голову, заполненную такими смѣлыми планами! Сильная мужская воля направлялась бы любящею женскою рукой, и все дѣлалось бы, какъ прекрасно говорили старинные русскіе люди, *по душѣ*. Все по душѣ, по глубокимъ внутреннимъ тяготѣніямъ къ правдѣ, къ общенародной совѣсти. Именно, вѣдь, тѣмъ и хорошъ русскій человѣкъ, что въ немъ еще живетъ эта общая совѣсть и что онъ не потерялъ способности стыдиться. Вотъ съ побѣднымъ шумомъ грузно работаетъ паровозная машина, впереди движущаяся дорогой развертывается громадная рѣка, точно безконечная лента къ какому-то приводу, зеленѣетъ строгій хвойный лѣсъ по берегамъ, мелькаютъ рѣдкія селе-

нія, затерявшіяся на широкомъ сибирскомъ привольѣ. Хорошо. Бодро. Свѣтло. Жизнь полна. Это—счастье.

И вдругъ ничего нѣтъ!... Нѣтъ, прежде всего, любимого человѣка. И другого полюбить нѣтъ силъ. Все кончено. Радужный туманъ свѣтлаго утра сгустился въ темную грозовую тучу. А любимый человѣкъ несетъ съ собой позоръ и разореніе. О, онъ никогда не узнаетъ ничего и не долженъ знать, потому что не достоинъ этого! Есть святые чувства, до которыхъ не должна касаться чужая рука.

Харитина не успокоилась и нѣсколько разъ приходила къ Луковниковымъ, пока не поймала Устиньку.

— Что вамъ, наконецъ, нужно отъ меня?—разсердилась дѣвушка.

Но съ Харитиной трудно было говорить. Она рыдала, ломала руки и вообще сумасшествовала.

— Ради Бога, скажите: любите вы его? — приставала Харитина. — Ну, немножечко, чуть-чуть?... Развѣ можно его не любить?

— Я не желаю съ вами говорить.

— А я васъ ненавижу, всю ненавижу! Вы всѣ меня обманываете!

Потомъ Харитина опять начинала плакать, цѣловала руки Устиньки и еще больше неистовствовала. Дѣвушка, наконецъ, собралась съ силами и смотрѣла на нее, какъ на сумасшедшую.

Разѣзжая по уѣзду, Устинька познакомилась въ раскольничьихъ семьяхъ съ совершенно новымъ для нея типомъ женщины, — это были такъ называемыя чернички.

Онѣ добровольно отказывались отъ замужства и посвящали свою жизнь обученію дѣтей и разнымъ душеспасительнымъ подвигамъ. Причинъ для такого черничества въ тяжеломъ складѣ народной жизни было достаточно, а на первомъ планѣ, конечно, стояло неудовлетворенное личное чувство. Устинька сначала разсматривала этихъ черничекъ съ любопытствомъ, потомъ жалѣла ихъ и, наконецъ, пришла къ убѣжденію, что, вѣдь, и она, Устинька, тоже въ своемъ родѣ черничка, интеллигентная черничка.

Этимъ все разрѣшалось и все дѣлалось ясно. Устинька совершенно опредѣлилась, какъ опредѣлился, по словамъ Стабровскаго, Галактіонъ.

VIII.

Вахрушка съ ранняго утра принимался «за чистоту», т.-е. все обметалъ, теръ щеткой, наводилъ лоскъ суконкой, обдувалъ и даже въ критическихъ случаяхъ облизывалъ языкомъ. Это было цѣлое священнодѣйствіе. Но событія послѣдняго времени совершенно лишили его необходимаго душевнаго равновѣсія и онъ уже не испытывалъ прежняго наслажденія отъ наведенія чистоты. Дѣло въ томъ, что помѣстилъ его въ банкъ на службу Галактіонъ, на котораго онъ молился, а теперь у Галактіона вышли «контры» съ Штоффомъ и самимъ Мышниковымъ. Конечно, Вахрушка маленькій человѣкъ и ни въ чемъ не былъ виноватъ, а все-таки страшно. Вдругъ Павелъ Степанычъ скажетъ: «ну-ка, ты, такой-сякой, Галактіо-

новъ ставленикъ!» У Вахрушки впередъ уходила душа въ пятки и онъ трепеталъ за свой постъ, вѣроятно, больше, чѣмъ какой-нибудь министръ или президентъ. Въ самомъ дѣлѣ, извольте-ка: сдѣлался человѣкомъ вполнѣ и вдругъ опять пожалуйте въ прежнее ничтожество. Мысленно Вахрушка перебиралъ всѣ подходящія мѣста и находилъ одно, что другого такого мѣста, какъ банковскій швейцаръ, даже и не бываетъ.

«Ну, что же, поцарствовалъ, надо и честь знать, — уныло резонировалъ Вахрушка, чувствуя, какъ у него даже «чистота» не выходитъ и орудія наведенія этой чистоты сами собой изъ рукъ валятся. — Спасибо голубчику Галактіону Михеичу, превознесъ онъ меня за родительскія молитвы, а впередъ ужъ, что Господь пошлетъ».

Главнымъ образомъ, Вахрушку съѣдала затаенная алчба: онъ копилъ деньги и чѣмъ больше копилъ, тѣмъ жаднѣе дѣлался.

Именно въ одно изъ такихъ утръ, когда Вахрушка съ мрачнымъ видомъ сидѣлъ у себя въ швейцарской, къ нему заявился Михей Зотычъ, одѣтый странникомъ, какимъ онъ его видѣлъ въ первый разъ, когда въ Суслонѣ засадилъ по приказанію Замараева въ темную.

— Ну, здравствуй, служба! Каково прыгаешь?

— Ухъ, какъ ты меня испугалъ, Михей Зотычъ!

— Видно, грѣховъ накопилъ, вотъ и пугаешься всего.

Ну, что же, денежный грѣхъ на богатаго. Вотъ и я зашелъ тебя провѣдать, Вахрушка.

— Куда опять наклеся-то, Михей Зотычъ?

— А дѣльце есть, милый. Иду на свадьбу: женится медвѣдь на коровѣ. Ну-ка, угадай?

— Охъ, не выкомуривай ты со своими загадками, Михей Зотычъ! Какъ это ты учнешь свои загадки загадывать, такъ меня даже въ потъ кинетъ.

— Не любишь, миленькій? Забрался какъ мышь подъ копну съ сѣномъ и шире тебя нѣтъ, а того не знаешь, что нѣтъ мошны — есть спина. Ну-ка, отгадай другую загадку: стоитъ голубятня, летять голуби со всѣхъ сторонъ, клюютъ зерно, а сами худѣютъ.

— Будетъ тебѣ, Михей Зотычъ. Не хочешь ли чайку?

— Чайку, да табачку, да зелена винца? Въ самый это мнѣ разъ. Уважилъ, однимъ словомъ. Охъ, всѣ мы выхлебали въ чаю Ваньку голаго!

Михей Зотычъ любилъ помудрить надъ простоватымъ Вахрушкой и, натѣшившись вдоволь, заговорилъ уже по-обыкновенному. Вахрушка зналъ, что онъ не проста пришелъ, и впередъ боялся, какъ бы не сболтнуть чего лишняго. Очень ужъ хитеръ Михей Зотычъ, продасть и выкупить на одномъ словѣ. Ему бы по настоящему въ банкѣ сидѣть да съ купцами банкрутами разговаривать.

— Ты, сказываютъ, нынче по скитамъ душу спасаешь? — политично завелъ Вахрушка разговоръ.

— Около того. Душу - то спасалъ, а тутъ вдругъ захотѣлъ сибирскаго дешеваго хлѣбца отвѣдать... да. Сынокъ Галактіонъ Михеичъ всѣхъ, сказываютъ, удовольилъ.

— Пригналъ первый караванъ изъ Сибири и по рублю семи гривенъ все продалъ. Большія тысячи наживаетъ.

— Умный онъ у меня, Галактіонъ - то. Сердце радуется.

— И точно умный, Михей Зотычъ.

Вахрушка приперъ двери, оглядѣлся и заговорилъ шепотомъ:

— Другіе-то рвутъ и мечутъ, Михей Зотычъ, потому какъ Галактіонъ Михейчъ свою линію впередъ всѣхъ вывелъ. Ужъ на что уменъ Мышниковъ, а и у того неустойка вышла супротивъ Галактіона Михейча. Истинно сказать, министромъ быть. Деньги теперь прямо лопатой будетъ огребать, а другіе-то поглядывай на него да ожидайся. Можно прямо сказать, что на настоящую точку Галактіонъ Михейчъ вышли.

— Вотъ, вотъ. Всѣ завидуютъ... да.

Михей Зотычъ пожевалъ губами, поморгалъ и прибавилъ:

— Дурачки вы всѣ, Вахрушка.

— Это по какой такой причинѣ, Михей Зотычъ?

— А по такой. Все деньги, вездѣ деньги, всѣ такъ и прячутся за деньги, а того не понимаютъ, что богача-то съ его деньгами убогій своимъ хлѣбомъ кормить.

— Ничего я не понимаю въ этакихъ дѣлахъ, Михей Зотычъ. Мы-то на двугривенные считаемъ.

— Вотъ и насчитали цѣлый голодъ.

Михей Зотычъ поворчалъ, поглумился, а потомъ началъ рассказывать про свою поѣздку изъ скитовъ. Вахрушка въ тактъ рассказа только вздыхалъ и качалъ головой. Охъ, пришла бѣда всѣмъ крещенымъ, — такая бѣда, что и не выразишь!

— Посмотрѣлъ я достаточно, — продолжалъ Михай Зотычъ. — Самого чуть не убили на мельницѣ у Ермилыча. «Ты, — кричатъ мужички, — разорилъ насъ!» Вотъ какое дѣло - то выходитъ. Озвѣрѣлъ народъ. Охъ, худо, Вахрушка!... А помочь нечѣмъ. Вотъ вы гордитесь деньгами, а пришла бѣда, васъ и нѣтъ. Такъ-то.

Потомъ Михай Зотычъ принялся ругать мужиковъ-пшеничниковъ, оренбургскихъ козаковъ и башкиръ, — всѣ пропились на самоварахъ и гибнуть отъ прикачнувшейся легкой копѣчки. А главное — работать по-настоящему разучились: помажутъ сохой — вотъ и вся пахота. Не удобряютъ земли, не блюдутъ скотинку и все такъ-то. Съ одной стороны легкія деньги, а съ другой — своя лѣнь подpiraетъ. Какъ же тутъ голоду не быть?

— Ну, это ужъ ты врешь, Михай Зотычъ! — азартно вступился Вахрушка. — И даже понимать по-настоящему не можешь.

— Нно-о?

— Я тебѣ говорю. Ты вотъ свой интересъ понимаешь въ лучшемъ видѣ, а мужика не знаешь.

— А вотъ и знаю!... Почему, скажи-ка, по ту сторону горъ, гдѣ и земля хуже, и народъ бѣдный, и аренды большія, — тамъ народъ не голодуетъ, а здѣсь все есть, всего Богъ надавалъ и мужикъ-пшеничникъ голодуетъ?... У васъ тамъ Строгановы берутъ за десятину по 8 рубл. аренды, а въ козачьихъ земляхъ десятина стѣитъ всего 20 копѣекъ.

Старики жестоко разпорились. Въ Вахрушкѣ проснулся дремавшій пахарь, ненавидѣвшій въ лицѣ Михея

Зотыча эксплуататора-купца. Оба кричали, размахивали руками и говорили другъ другу дерзости.

— Ты вотъ уменъ, рассчиталъ всю крестьянскую бѣду на грошики,—оралъ Вахрушка.—Зубы у себя во рту сперва сосчитай... Можетъ, Господь милость свою посылаетъ: на, очувствуйся, сообразись, а ты на щетахъ хочешь сосчитать эту самую бѣду. Тутъ все дѣло въ душѣ... Понялъ теперь? Отчего богатая земля перестала родить? Отчего или засуха, или ненастье? Ну-ка, прикинь... Все отъ души идетъ. А ты поѣшь дорогого-то сибирскаго хлѣбца, поголодуй, поплачь, повытряси дурь - то, которая накопилась въ тебѣ, и сойдетъ все, какъ короста въ банѣ. И тотъ виноватъ у тебя, и этотъ виноватъ, а взять не съ кого. Всѣ виноваты, а все отъ души.

— И орда мретъ отъ души, по-твоему?

— И у орды своя душа, и свой отвѣтъ... А только настоящаго правильнаго крестьянина ты все - таки не понимаешь. Тебѣ этого не дано.

Сбитый съ позиціи Михей Зотычъ повернулъ на излюбленную скитскую тему о царствующемъ антихристѣ, который уловляетъ прельщенные души любезныхъ своихъ слугъ гладомъ, но Вахрушка и тутъ нашелся.

— Это вамъ про антихриста - то старухи - скитницы на печкѣ наврали. Кто его видѣлъ?

— Я его видѣлъ... т. е. не видѣлъ, а бѣжалъ онъ за мной, когда я ѣхалъ сюда изъ скитовъ. За сани хватался.

— Ну, плохой антихристъ, который будетъ по дорогамъ бѣгать! Къ настоящему-то сами всѣ придутъ и сами

поклонятся. На, радуйся, всё мы твои, какъ рыба въ неводу... Гладь-то будетъ душевный, а не тѣлесный. Понялъ?

Увлечшись этимъ богословскимъ споромъ, Вахрушка, кажется, еще въ первый разъ за все время своей службы не видалъ, какъ пріѣхалъ Мышниковъ и прошелъ въ банкъ. Онъ опомнился только, когда къ банку, сломя голову, прискакалъ на извозикѣ Штоффъ и, не раздѣваясь, полетѣлъ наверхъ.

— Здѣсь Павелъ Степанычъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Карлъ Карлычъ.

— Врешь ты, старое чучело! Негдѣ ему быть.

Черезъ минуту онъ уже выходилъ вмѣстѣ съ Мышниковымъ. Банковскіе дѣльцы были ужасно встревожены. Еще черезъ минуту весь банкъ уже зналъ, что Стабровский скоростигжно умеръ отъ удара. Разсердился на миссъ Дудль, которая неловко подала ему какое-то лѣкарство, раскрылъ ротъ, чтобы сдѣлать ей выговоръ, и только захрипѣлъ.

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ! — повторялъ Вахрушка, откладывая широкіе кресты. — Хотя и латынскаго закону былъ человѣкъ, а все-таки крещеная душа.

— Главное, что безъ покаянія свой конецъ принялъ, — задумчиво отвѣчалъ Михей Зотычъ. — Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Не до тебя, Михей Зотычъ, — грубо остановилъ его Вахрушка. — Шелъ бы ты своею дорогой, куда наклеался.

— И то пора, миленькій... Прости на скоромъ словѣ, ежели што.

— Ну, Богъ тебя простить, только уходи.

Михей Зотычъ вышелъ на улицу, остановился на тротуарѣ, посмотрѣлъ на новенькое зданіе банка, покачалъ головой и проговорилъ:

— Ничего, крѣпкая голубятня налажена... Много слѣдовъ входящихъ, а мало исходящихъ.

Штоффъ и Мышниковъ боялись не смерти Стабровскаго, которая не являлась неожиданностью, а его зятя, который могъ захватить папки съ банковскими дѣлами и бумагами. Больной Стабровскій не оставлялъ банковскихъ дѣлъ и занимался ими у себя на дому.

Въ домѣ Стабровскаго происходилъ ужасный переполохъ. Банковскихъ дѣльцовъ встрѣтила Устинька, заплаканная, жалкая, растерявшаяся. Дѣвушка никакъ не могла помириться съ мыслью, что теперь лежалъ только холодѣвшій трупъ Стабровскаго, не имѣвшій возможности проявить себя ни однимъ движеніемъ. Еще утромъ человѣкъ былъ живъ, что-то рассчитывалъ, на что-то надѣялся, могъ радоваться и негодовать, а теперь уже ничего было не нужно. Для Устиньки это была еще первая смерть близкаго человѣка, и она въ первый разъ переживала всѣ ощущенія, которыя вызываются такими событіями. Поднялось разомъ что-такое огромное, безпощадное, передъ которымъ всѣ были равны по своему ничтожеству. Въ сущности, вѣдь, никто не думаетъ о собственной смерти, великодушно предоставляя умирать другимъ. Въ смерти есть неумолимая правда.

Въ кабинетѣ были только трое: докторъ Кацманъ, напрасно старавшійся привести покойнаго въ чувство,

и Дидя съ мужемъ. Устинька пошла за банковскими дѣльцами и съ ужасомъ услышала, какъ говорилъ Штоффъ Мышникову:

— Необходимо все опечатать... Папки съ банковскими бумагами у него всегда лежали въ лѣвомъ ящикѣ письменнаго стола, а часть въ несгораемомъ шкафу. Необходимо принять всѣ предосторожности.

Мышниковъ ничего не отвѣтилъ. Онъ боялся смерти и теперь находился подъ впечатлѣніемъ того, что она была вотъ здѣсь. Онъ даже чувствовалъ, какъ у него мурашки идутъ по спинѣ. Да, *она* пронеслась здѣсь, дохнувъ своимъ леденящимъ дыханіемъ.

— Я боюсь, — признался онъ Штоффу, останавливаясь у дверей кабинета. — Ступай ты одинъ.

Устинька слышала эту фразу и поняла: вѣдь, всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, точно были всѣ виноваты въ чемъ-то.

Панъ Казиміръ отнесся къ банковскимъ дѣльцамъ съ высокомернымъ презрѣніемъ, сразу измѣнивъ прежній тонъ безличной покорности. Онъ уже чувствовалъ себя хозяиномъ. Дидя только повторяла настроеніе мужа, какъ живое зеркало. Между прочимъ, встрѣтивъ миссъ Дудль, она дерзко сказала ей при Устинькѣ:

— Это вы уморили отца... да. Можете считать съ этого дня себя вполне свободной.

Англичанка ничего не отвѣтила, а только чопорно поклонилась. Устиньку возмутила эта сцена до глубины души, но когда Дидя величественно вышла изъ комнаты, миссъ Дудль объяснила Устинькѣ съ счастливою улыбкой:

— Не нужно обращать вниманія на ея выходки... да. Она въ такомъ положеніи.

— Въ какомъ?— не понимала Устинька.

— Она беременна.

Смерть смѣнялась новою жизнью.

Въ передней на стулѣ сидѣлъ Ечкинъ и глухо рыдалъ, закрывъ лицо руками. Около него стояла горничная и тоже плакала, вытирая слезы концомъ передника.

IX.

Стоялъ уже конецъ весны. Выпадали совсѣмъ жаркіе дни, какіе бываютъ только лѣтомъ. По дорогѣ изъ Заполья къ Городищу шли три путника, которыхъ издали можно было принять за богомолъвъ. Впереди шла въ короткомъ ситцевомъ платьѣ Харитина, повязанная, по-крестьянски, простымъ бумажнымъ платкомъ. За ней шагали Полуяновъ и Михей Зотычъ. Старикъ шелъ бодро, помахивая длинною черемуховою палкой, съ какою водятъ стада пастухи.

— Слава Богу, тепло стоитъ, — повторялъ Полуяновъ, просматривая по сторонамъ зеленѣвшіе посѣвы. — И травка, и хлѣбушко растутъ. Скотина, по крайней мѣрѣ, отдохнетъ.

— Много ли ея осталось, этой скотины?— спрашивалъ Михей Зотычъ. — Которую прикололи и сами съѣли, а другую пораспродали.

Странники внимательно осматривали каждое поле и оцѣнивали его. Рѣдко гдѣ попадалась хорошая пахота,

и зерно посѣяно кое-какое и кое-какъ. Не хватало лошадей на настоящую пахоту, да и пахали голодные руки. Въ большинствѣ случаевъ, всходы были неровные, островами и плѣщинами, точно волосы на головѣ у человѣка, только что перенесшаго жестокий тифъ. И трава росла такъ же, точно не могла собраться съ силами. Впрочемъ, ближе къ рѣкѣ Ключевой, гдѣ разлеглись заливные луга, травы были совсѣмъ хорошия. Любо было смотрѣть на эту зеленую силу; рѣка катилась точно въ зеленой шелковой рамѣ. Дорога была пыльная и Харитина уже давно устала, но шла черезъ силу, чтобы не задерживать другихъ. Она даже сама не знала, куда они идутъ. Просто, Илья Оирсычъ велѣлъ идти и она повиновалась съ какою-то ожесточенною покорностью. Ей доставляло теперь какое-то мучительное наслажденіе презирать самое себя. Одно слово «мужъ» чего стоить... И она шла, какъ овца, которую тащили на бойню. Полуяновъ изрѣдка презрительно смотрѣлъ на нее и сразу подтягивался, точно припоминая что-то. Онъ ненавидѣлъ даже тѣнь, которая колеблющимся и расплывающимся пятномъ двигалась по дорожной пыли за Харитиной.

— Скоро ужъ Гороховъ мысъ, — проговорилъ Михай Зотычъ, когда они сдѣлали полпути, и Харитина чуть не падала отъ усталости. — Надо передохнуть малость.

— Важные господа всегда отдыхаютъ, — сурово отвѣтилъ Полуяновъ.

Гороховъ мысъ выдавался въ Ключевую зеленымъ языкомъ. Пріятно было свернуть съ пыльной дороги и брести прямо по зеленой сочной травѣ, такъ и обдававшей

застоявшимся тяжелымъ ароматомъ. Вышли на самый берегъ и сдѣлали привалъ. Напротивъ, черезъ рѣку, высились обсыпавшіеся красные отвѣсы крутого берега, подъ которымъ проходила старица, т.-е. главное русло рѣки.

Харитина упала въ траву и лежала безъ движенія, наслаждаясь блаженнымъ покоемъ. Ей хотѣлось вѣчно такъ лежать, чтобы ничего не знать, не видѣть и не слышать. Тяжело было даже думать, — мысли точно сверлили мозгъ.

— Ужъ лучше нашей Ключевой, кажется, на всемъ свѣтѣ другой рѣки не сыщешь, — восторгался Михей Зотычъ, просматривая плёсо изъ-подъ руки. — Божья дорожка — сама везетъ...

Полуяновъ ничего не отвѣтилъ, продолжая хмуриться. Видимо, онъ былъ не въ духѣ и присутствіе Харитины его раздражало, хотя онъ самъ же потащилъ ее. Онъ точно сердился даже на рѣку, на которую смотрѣлъ изъ-подъ руки съ какимъ-то озлобленіемъ. Подъ солнечными лучами гладкое плёсо точно горѣло въ огнѣ.

Харитина думала, что старики отдохнуть, закусятъ и двинутся дальше, но они, повидимому, и не думали уходить. Очевидно, они сошлись здѣсь по уговору и чего-то ждали. Скоро она поняла все, когда Полуяновъ сказалъ всего одно слово, глядя внизъ по рѣкѣ:

— Идетъ...

Лежавшій на травѣ Михей Зотычъ встрепенулся. Харитина взглянула внизъ по рѣкѣ и увидѣла поднимавшійся кудрявый дымокъ, который таялъ въ воздухѣ длин-

нымъ султаномъ. Это былъ пароходъ... Значить, старики ждали Галактіона. Первымъ движеніемъ Харитины было убѣжать и куда-нибудь скрыться, но потомъ она передумала и осталась. Не все ли равно?

Пароходъ двигался вверхъ по рѣкѣ очень медленно, потому что тащилъ за собой на буксирѣ нѣсколько барокъ съ хлѣбомъ. Полуяновъ сидѣлъ неподвижно въ прежней позѣ, скрестивъ руки на согнутыхъ колѣняхъ, а Михай Зотычъ нетерпѣливо ходилъ по берегу, размахивалъ палкой и что-то разговаривалъ съ самимъ собой.

Пароходъ приближался. Можно уже было рассмотреть и черную трубу, выкидывавшую черную струю дыма, и разгребавшія воду красныя колеса, и три барки, тащившіяся на буксирѣ. Сибирскій хлѣбъ на громадныхъ баржахъ доходилъ только до Городища, а здѣсь его перегружали на небольшія барки. Михея Зотыча беспокоила мысль о томъ, ѣдетъ ли на пароходѣ самъ Галактіонъ, что было всего важнѣе. Онъ снялъ даже сапоги, засучилъ штаны и забрелъ по колѣна въ воду.

Пароходъ подходилъ уже совсѣмъ близко. Пароходная прислуга столпилась у борта и глазѣла на стоявшаго въ водѣ старика.

— Эй, стой! — крикнулъ Михай Зотычъ.

— Мы не беремъ пассажировъ! — отвѣтилъ въ рупоръ кто-то съ капитанской рубки.

— Лодку подавай!

У колеса показался самъ Галактіонъ, посмотрѣлъ въ бинокль, узналъ отца и застопорилъ машину. Колеса перестали буровить воду, изъ трубы вылетѣлъ клубъ бѣ-

лаго пара, отъ парохода быстро отдѣлилась лодка съ матросами.

— Давно бы такъ-то, — замѣтилъ Михей Зотычъ, когда лодка ткнулась носомъ въ берегъ. — Илья Өирсычъ, садись...

Матросы узнали Харитину и не знали, что дѣлать, — брать ее или не брать.

— Забирай всѣхъ, — приказывалъ Михей Зотычъ. — Слава Богу, не чужіе люди.

Садясь въ лодку, Полуяновъ оглянулся на берегъ, гдѣ оставалась и зеленая трава, и вольная волюшка. Онъ тряхнулъ головой, перекрестился и больше ни на что не обращалъ вниманія.

— Вотъ мы, слава Богу, и домой пріѣхали, — говорилъ Михей Зотычъ, карабкаясь по лѣсенкѣ на пароходъ. — Хорошій домокъ: сегодня здѣсь, завтра тамъ.

Галактіонъ протянулъ руку, чтобы помочь отцу подняться, но старикъ оттолкнулъ ее.

— Оставь... Ужъ я какъ-нибудь самъ взберусь.

Старикъ, наконецъ, взобрался и помогъ подняться Полуянову и Харитинѣ, а потомъ уже обратился къ Галактіону:

— Ну, теперь здравствуй, сынокъ... Принимай дорогихъ гостей.

Галактіонъ уже предчувствовалъ недоброе, но сдержалъ себя и спокойно проговорилъ:

— Пожалуйте, папаша, въ мою каюту. Тамъ будетъ прохладнѣе.

— Нѣтъ, ужь мы здѣсь, — протестовалъ Полуяновъ, выдвигаясь впередъ.

— Ну, говори, — подталкивалъ его Михей Зотычъ.

— Ужь такъ и быть скажу.

— А я васъ не желаю здѣсь слушать, — заявилъ Галактіонъ.

Всѣ гурьбой пошли въ капитанскую каюту, помѣщавшуюся у праваго колеса. Матросы переглядывались. И Михей Зотычъ, и Полуяновъ, и Харитина были извѣстные люди. Каюта была крошечная, такъ что гости едва размѣстились.

— Судить тебя пришли, сынокъ, — заявилъ Михей Зотычъ. — Ну, Илья Ойрсычъ, ты попервоначально.

Галактіонъ стоялъ у двери блѣдный, какъ полотно, и старался не смотрѣть на Харитину.

— И скажу... — громко началъ Полуяновъ, дѣлая жестъ рукой. — Когда я жилъ въ ссылкѣ, вы, Галактіонъ Михеичъ, увели къ себѣ мою жену... Потомъ я вернулся изъ ссылки, а она продолжала жить. Потомъ вы ее прогнали... Куда ей дѣваться? Она и пришла ко мнѣ... Какъ вы полагаете, пріятно это мнѣ было все переносить? Бѣдный я человѣкъ, но мечь я затаилъ-сь... Сколько лѣтъ питался одною злобой и, можно сказать, жилъ ею одной. И бѣдный человѣкъ желаетъ мстить.

Полуяновъ тяжело перевелъ духъ. Галактіонъ продолжалъ молчать. У него даже губы побѣлѣли.

— Но, вѣдь, бѣдному человѣку трудно мстить, — продолжалъ Полуяновъ. — Это могутъ позволить себѣ только люди со средствами... И опять бѣдному человѣку трудно

разбогатѣть. И я все думалъ, и даже просилъ Бога... Помните вы, Галактіонъ Михеичъ, старика Нагибина? Что же я говорю, — вмѣстѣ тогда на свадьбѣ у Симона были... да-съ. Такъ вотъ, тогда мнѣ на этой свадьбѣ и пришла мысль-съ... да-съ... И я оную мысль воспиталъ и взмелѣялъ... вотъ, какъ дѣтей воспитываютъ: все одно думаю, все одно думаю. Помните, что тогда старикъ отказалъ Натальѣ Осиповнѣ въ приданомъ?... Она тоже затаила злобу на родителя. Хорошо-съ... А старикъ живущій... Однимъ словомъ, мы и отравили его по взаимному соглашенію съ Натальей Осиповной, т.-е. отравилъ-то я, а деньги забрала она, и мнѣ вручила за чистую работу нѣкоторую часть. И ловко я все устроилъ, такъ ловко, что, кажется, никакіе бы слѣдователи въ мірѣ не нашли концовъ. Самъ производилъ дознанія и знаю порядокъ, что и къ чему. Тутъ еще Лѣодоръ много помогъ, потому что въ конецъ запуталъ слѣдователя. Впрочемъ, что же я вамъ рассказываю, — вѣдь, вы это и безъ меня отлично знаете.

— Ничего я не знаю! — рѣзко отвѣтилъ Галактіонъ. — А вы съ ума сошли!

— Нѣтъ, не сошелъ и имѣю документъ, что вы знали все и знали, какія деньги брали отъ Натальи Осиповны, чтобы сдѣлать закупку дешеваго сибирскаго хлѣба. Вѣдь, знали... У меня есть ваше письмо къ Натальѣ Осиповнѣ. И теперь, представьте себѣ, являюсь я, напимѣръ, къ прокурору и все какъ на ладони. Вмѣстѣ и въ острогъ будемъ сидѣть, а Харитина будетъ по два калачика приносить, — одинъ мужу, другой любовнику.

— Ну, что, сынокъ, доволенъ?—спрашивалъ Михей Зотычъ.

Галактіонъ посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ съ улыбкой:

— Никогда этого не будетъ, папаша...

Старикъ вскочилъ, посмотрѣлъ на сына безумными глазами и, поднявъ руку съ раскольничьимъ крестомъ, хрипло крикнулъ:

— Если ты не боишься суда земного, такъ есть судъ Божій... Ты кровь христіанскую пьешь... Люди мрутъ голодомъ, а ты съ ихняго голода миллионы хочешь наживать... Для того я тебя зародилъ, вспоилъ и вскормилъ?... Будь же ты отъ меня навсегда проклятъ!

Харитина тихо вскрикнула и закрыла лицо руками. Галактіонъ вздрогнулъ именно отъ этого слабаго женскаго крика и сдѣлалъ движеніе выйти, а потомъ повернулся и сказалъ:

— Харитина Харитоновна, мнѣ нужно сказать вамъ два слова... Выйдите на минутку.

Когда Харитина подошла къ нему, онъ наклонился къ ея уху и прошепталъ:

— Кланяйся той... Устинькѣ...

Когда Полуяновъ выходилъ изъ каюты, онъ видѣлъ, какъ Галактіонъ шелъ по палубѣ, а Харитина о чемъ-то умоляла его и крѣпко держала за руку. Потомъ Галактіонъ рванулся отъ нея и бросился въ воду. Отчаянный женскій крикъ покрылъ все.

Черезъ часъ на Гороховомъ мысу лежалъ холодный трупъ Галактіона.

21 нв. мур М-С.
6311.

1000 - 59 ар.
1 ар. по 60^л 22 - 39

архив. 2002. 84 ар. - 117

Коммер. Банк - 131

недавно архив. архив.
Эксперт. суд - 273
от

архив. 31 ар. - С. 506.

